

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Эдуард Успенский

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

*А*нтология Сатиры и Юмора России XX века

Гренский

*А*нтология Сатиры и Юмора России XX века

Эдуард Успенский

«ЭКСМО-Пресс» 2002

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
У 77

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Эдуард Успенский

Серия основана в 2000 году

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский,
Владимир Войнович, Игорь Иртеньев,
проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженков, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта
Юрий Кушак

Составители тома — Элеонора Филина, Юрий Кушак

Оформление тома — Лев Яковлев

Подготовка макета — творческое объединение
«Черная курица» при Фонде Ролана Быкова

Успенский Э.

У 77 **Антология Сатиры и Юмора России XX века.**
Том 19. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 736 с.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-010190-2 (Т. 19)
ISBN 5-04-003950-6

© Успенский Э. Н., 2002
© Кушак Ю. Н., вступ. статья,
составление, 2002
© Филина Э. Н., составление, 2002
© Яковлев Л. Г., оформление, 2002

Содержание

Юрий Кушак. «Я не диссидент, Чебурашка не враг народа»	7
Эдуард Успенский. Попытка автобиографии	17
Повести и сказки для детей	
Крокдил Гена и его друзья	25
Дядя Федор, пес и кот	71
Любимая девочка дяди Федора	147
Наследство волшебника Бахрама	180
Вниз по волшебной реке	201
Про Веру и Анфису	264
Меховой интернат	316
Красная рука, черная простыня, зеленые пальцы	405
Пластмассовый дедушка	469
Гарантийные человечки	524
Проза для взрослых	
Антонов или как важно быть великим	577
Магнитный домик под Владимиром	580
Мнемотехника	581
Хозяйственная собака на белорусском хуторе	585
История с ястребом-перепелятником	587
Укус гадюки	589

История о коршуне, крупной рыбе и красных трусах	592
Целебный бык	597
Последние охотничьи рассказы	600
История о таракановедении и таракановыведении	603
Рассказ Алика Лившица о походе их кружка самодетельности в «Эрмитаж»	608
Рассказ о том, как моя соседка Наталья Ивановна покупала арбуз	611
Село Троицкое	615
Жестянщик Васильев против вороньей стаи ЖЭКа номер восемь	620
Сегодня в нашем городе	623
Стихи	667
Приложение. Анекдоты	730

«Я не диссидент, Чебурашка не враг народа»

Вместо предисловия

П о просьбе Э.Н.Успенского

в предисловии к этому тому Антологии я использовал некоторые фрагменты моего интервью с автором этой книги, которое было опубликовано в газете «Неделя» почти пять лет тому назад (25 января 1996г.)

«История этого интервью или открытой беседы — как хотите — имеет далекую ретроспективу, улетающую в точку майского дня с распахнутым на Цветной бульвар окном редакции "Литературной России" тридцатипятилетней давности. Эдуард Успенский ворвался в детскую литературу, как сквозняк, — в разлетающемся пиджачке, вечный мальчик с острыми движениями и дробной речью, только влетевший и уже торопящийся — куда? В пачке стихов, к которым приколоты восторженная записка Б.Заходера, были ставший вскоре знаменитым "Птичий рынок" и стихи, превратившиеся в мультипликационную "Пластилиновую ворону". Я показал стихи Льву Кассилю, моему редакционному куратору, и после его трех восклицательных знаков — улетели в сторону первой, еще осторожной славы Эдика Успенского. Мы с ним подружились.

Через год, кажется, он принес "Крокодила Гену" с очаровательным Чебурашкой, повесть в газете не напечатали, но для нее уже были распахнуты страницы будущих изданий, экранов кино и телевидения, да и читательские души — все уже было настезь! А он уже был в Простоквашино, где Кот Матроскин на весь свет рассуждал о несоменных преимуществах "правильного бутерброда".

Отшумел накануне Нового года юбилей знаменитого — без преувеличения — сказочника. Интервью с Эдуардом Успенским прошло весело и захлеб по всем средствам массовой информации. Многие из них я слышал или прочел. Но вопросы, которые у меня были к нему, все-таки остались без ответа. Вернее, вопросы прибавились. Я приехал к нему в московскую мастерскую. Он все такой же усмешливый, резкий в движениях и торопливый в речи, вечный мальчишка, предводитель веселого дворового народа.

— Твои произведения всенародно любимы и всемирно известны. Твой Чебурашка по количеству анекдотов не уступает ни Чапаеву, ни Штирлицу, ни Рабиновичу. Так народ своеобразно воздаст должное своим героям. Рабиновичу в Одессе поставлен памятник. Создатели Чапаева и Штирлица озолочены лауреатствами и прочими высшими наградами государства. Честно говоря, я думал, что хоть теперь, к твоему юбилею, награда, как говорится, найдет своего героя. Опять — мимо?...

— Ты же знаешь, что в свое время я отказался от Госпремии, потому что этими прелестями награждались люди типа Софронова, Грибачева и т.д. Спрошу кстати: да кто их теперь знает? Я не хотел таким образом быть причисленным к их шеренгам. И дал телеграмму о том, что отказываюсь от лауреатства. Вот и теперь: месяца за два до моего нынешнего юбилея мне позвонили из Администрации Ельцина и сказали, что мне хотят дать какой-то очень почетный орден. Я отказался, они настаивали, и мне пришлось через "Новую газету" публично обратиться с просьбой никакими государственными наградами меня не награждать. Дело в том, что власть должна быть чистой.

— Историю о том, как тебя пытались наградить десять лет тому назад, я помню хорошо: я приехал к тебе прямо от Алексина, который обещал помимо Государственной премии и орден, и — главное — квартиру. И ты бы это получил, как пять лет?...

— Но там же были условия, забыл? Чтобы я не трогал Михалкова и Алексина — ни публично, ни через "голоса", ни дома, ни за границей. Но я-то их презирал, и подачек их мне не надо.

— Но сейчас-то другая власть, другое дело...

— Да, все другое... Однако, когда сейчас не понятно за что — чем они сегодня-то всех осчастливили? —

дают высокую награду государства порой все тем же героям соцтрудов, я не хочу вставать с ними в один ряд.

— Тогда скажи: от Международной премии имени Г.-Х.Андерсена, аналога Нобелевской премии, ты бы не отказался? Этой высшей в мире наградой за вклад в детскую литературу не был удостоен ни один русский или советский писатель. Да и стоять рядом с Астрид Линдгрен разве не почетно?

— Приезжай в Рузу — увидишь: у меня над столом висит фотография Линдгрен — она с Чебурашкой в руках. Я ее люблю, почитаю и пою. Впрочем, понимаю и своих коллег по перу: ими движет, как ни горестно, зависть. К сожалению, писатели не самые лучшие люди вообще. Я лично больше люблю технарей — инженеров, геологов, лесоводов... Я и сам технарь, выпускник МАИ. Так вот: чтобы получить премию Андерсена, меня должна выдвинуть Российская секция Международного Андерсеновского комитета — просто по статусу. Идем дальше: под кем находится эта нацсекция — тебе известно. На премию Андерсена выдвигалась все та же совковая мафиозная элита от А.(скажем, Алексин) и Б.(скажем, Барто) до Я. (скажем Ю.Яковлев). Но больше всех из этой "АБВГДеики" — раз пятнадцать — конечно, выдвигался М.(догадайся сам). Но за пределами нашего тогда еще Союза нерушимого — читателей и почитателей у него не нашлось. Их практически не знают на Западе. Может быть, их и переводили на какие-то языки, небольшими тиражами, но не всегда даже это делалось по воле зарубежных издателей.

— Что ты имеешь в виду?

— Скажем, Алексин во всех средствах нашей массовой информации внедрил легенду о рекордных изданиях своих книг за границей.

— Почему — легенду? Я своими глазами видел его книги буквально на десятках языков мира.

— Ну и что? По тысяче-другой, разве это тираж? Это дурацкая уступка зарубежных издателей, чтобы им разрешили напечатать книги Юрия Коваля, например, или мои книги. Ведь как было? После подписания СССР Международной Конвенции в 72-м году наши государственные издательства уже не могли на халяву издавать книги

зарубежных писателей — платите денежки. Зато и наши книги за границей стали отслеживаться не только КГБ, но и налоговыми службами. Государство отбирало до 90 процентов гонорара у напечатанного за границей писателя. Но главное другое: цензура, т.е. КГБ да еще и не своими руками, а с помощью Госкомиздата, решала, кого издавать следует, и прежде всего за границей, а кого нет. Ослушался — и ты уже диссидент, а Чебурашка — враг народа.

Приходит, например, запрос на какую-нибудь мою книжку от зарубежных издателей. У Госкомиздата, возглавляемого по разделу детской литературы бывшей комсомольской функционеркой Тамарой Куценко, свой список из одних и тех же проверенных имен. Железный список: Алексин, Лиханов, Павлики Морозовы и т.д. Начинается торг: мы вам разрешим Успенского, а вы возьмите за это Алексина (Павлика Морозова, Лиханова, и т.д.). Притом назовут наши тиражи алексинских книг, от которых у зарубежных издателей глаза на лоб лезут: миллионы и миллионы! Им там такое и не снилось. Да и в голову не придет, что тиражи эти липовые, приказные, мафиозные. И переводили эту макулатуру, и издавали, увы, в десятках стран, в "нагрузку" к моим книгам, к Паустовскому, Битову, Юнне Мориц... Хорошо устроились, правда?

— Но вернемся к премии Андерсена. Эта премия не только личная, но и национальная. Я был в Голландии в то время, когда эту замечательную награду получила менее популярная в мире, чем ты, но очень любимая в этой стране писательница Анни Шмидт. Это было всенародное торжество: послание самой королевы Биатрикс, посольские поздравления, высокие приемы, телевизионное, пресса и т.д. Когда Иосиф Бродский получил Нобелевскую, хоть и жил в Америке, радовались прежде всего у нас в России, прибавляя палец на руке, считая прежних лауреатов от Пастернака и туда, вдаль до Бунина. А тут и считать нечего. Нынешний президент Ассоциации детских писателей Р.С.Сеф, как и другие лживые функционеры, красноречиво бездействуют. Бог им судья, другого суда на них нет пока в нашей стране.

— Но есть еще и суд читательский, а он не в их пользу.»

Далее в этом интервью, взятого у Эдуарда Успенского, повторяюсь, четыре года назад для газеты "Неделя", рассказывалось о довольно смешной истории о том, как писатель Успенский выбил для своей семьи, будучи в то время в буквальном смысле бездомным, квартиру в самом центре Москвы у самого Егора Кузьмича Лигачева, в то время второго лица в иерархии перестроечного СССР: он его просто добил своими письмами, в каждом из которых сообщал, что именно в том самом доме, где писатель хотел бы иметь квартиру, да ему все время в этом отказывают, получили жилище и отпрыски самого Лигачева, и Яковлева, и многих других членов коммунистического руководства. Представьте — подействовало!

Меня всегда удивляло в нем, (как бы это получше выразиться?) азарт и неперенная жажда наказания всему и всем, кто не вписывается в строгий круг его понятий о чести и справедливости. Обидели знаменитого психиатра и целителя Столбуна — тотчас же он встает на его защиту через какую-нибудь газету, и конечно же — заявление в суд. Председатель жилищного кооператива несправедливо распределяет жилье, кстати, ни в чем не ущемляя самого Успенского, но стерпеть это он тоже не может, и снова — в суд. Этих судов у него набралось наверняка больше десятка за несколько десятилетий, так что у него, похоже, как ни дня без строчки, так и ни дня без суда. На мой взгляд, изводить по одиночке многочисленных хамов и ворюг — дело не только не писательское, но и абсолютно не рентабельное. Совершенно непонятно, как ни жаль ему времени, убитого судебными разбирательствами, при его-то неумеренной творческой работоспособности: книги, мультфильмы, радио, телевидение, компьютерные игры, учебники — всего и не перечислишь, и все это одновременно. Но может быть, не будь у него этого обнаженного нерва, этого повышенного градуса справедливости и чести, ничего бы такого, что стало гордостью отечественной литературы, он бы и не написал. Когда же я сказал ему в нашей беседе, что и не вспомню писателя, у которого бы так бился этот обнаженный нерв, он меня просто

спросил: "А Владимир Войнович?" И тут не согласиться с ним было невозможно.

Однако оставим то недавнее интервью, ибо стоит поразмышлять о самом, пожалуй, важном: о том, почему герои, созданные Эдуардом Успенским, стали всемирно известными и любимыми? Почему они вошли так естественно в сообщество самых звездных сказочных персонажей, скажем, таких, как Винни-Пух, Карлсон, Чипполино, Маленький Принц, Золушка, Мэрри Попинс? Уникальность сказок Эдуарда Успенского в русской литературе даже не в том, что подавляющее большинство книг, написанных Корнеем Чуковским, Анатолием Волковым, Иосифом Лагиным, т.е. все эти "волшебники изумрудного города", Айболиты, Хоттабычи и т.д., не исключая и Буратино, суть ремейки или вольные пересказы широко известных в мире сказок английских, итальянских или французских писателей, о существовании которых широкая публика и не подозревала до сравнительно недавних времен.

Конечно, был блистательный Борис Шергин, ныне не только не издаваемый, но и почти напрочь забытый, напоминающий о себе лишь замечательным мультфильмом "Волшебное кольцо" да знаменитой фразой из него "пинжак с карманами", писатель не так давно умерший, но слава которого еще впереди. Как видите, и вспомнить-то почти нечего. Разве что Дядю Степу Сергея Михалкова да носовского Незнайку, полюбившихся нашей детворе.

Прелесть же творений Астрид Линдгрен или Алана Милна, как и единственных в своем роде созданий Эдуарда Успенского, заключаются не столько в своеобразии их внешней, "кукольной" неповторимости (Карлсон или Винни-Пух, или Чебурашка), хотя и в этом тоже, но прежде всего в неотразимой обаятельности их сути, в самой философии их метафоричности. Скажем, "Малыш и Карлсон, который живет на крыше" ничто иное как метафора детского одиночества. Разглядеть и почувствовать его, увы, способны лишь редкие из взрослых особей, не истощивших запаса душевного тепла и пристальности в суете и эгоизме сво-

ей регламентированной повседневности. Неисчерпаемое и неутоленное никем из близких любопытство любого на свете Малыша, его естественная и необходимая жажда общения лишь скрашивается природной фантазией (оттого и все дети талантливы). И вот тогда-то, и вот поэтому эта фантазия и материализуется в необыкновенно милое и непоседливое, как ребенок, существо с пропеллером за спиной, готовое в любую минуту на шалости и веселье от полноты так и бьющих жизненных сил — именно взрослый, "мужчина в самом соку", спаситель от одиночества Карлсон, живущий под крышей где-то на таком заманчивом для всякого чердаке. Уж он-то не знает этих дурацких заученных фраз, которыми разговаривают с Малышом занятые своими проблемами взрослые. И главное — спасибо Карлсону, есть чем теперь у нас оправдаться, даже за опорожненную дочиста банку с вареньем, что мы и делаем перед неверящими ни одному нашему правдивому слову родителями. И только тогда, когда они, до смерти напуганные историей с гулянием Малыша по крыше, вдруг открывают для себя горькую истину его одиночества и своего равнодушия, а в доме появляется настоящий щенок (исполнилась самая заветная мечта), только тогда и мог исчезнуть Карлсон. Правда, скорее всего он живет на крыше другого дома, быть может и в другом городе, а то и в другой стране, ибо детское одиночество буквально безгранично, как наше взрослое небрежение к самому чувствительному и самому важному времени становления каждого человека. Блистательная и глубокая метафора, выведенная гениальной писательницей не только из собственных размышлений и опыта, но и выявленная из нашего подсознания, то есть ставшая теперь и нашей ясной мыслью, и делом нашей совести!

Другая, но не менее прекрасная философская сущность заключена и в метафоре, выразителем которой стал еще мало чего видевший на белом свете Чебурашка — один из самых любимых всеми персонаж сказочника Эдуарда Успенского.

Вот уж кому, не в пример Малышу, повезло со взрослыми, которые хоть и не всегда его понимают, но зато и жале-

ют, и готовы всегда прийти на помощь, и делятся с ним даже тем, что у них на душе, а не только в холодильнике. Да еще где и найдешь такого доброго и сильного взрослого, ставшего для него, безродного сироты (он же чебурахнулся — словечко-то какое! — из ящика с апельсинами, бог весть откуда прибывшими) и мамой-папой, и другом, и мудрым собеседником, и просто Крокодилом Геней, который работает и посейчас, очевидно, крокодилом в местном зоопарке. Но подумайте, кто всеми силами стремиться вызволить Чебурашку из бед, которые то и дело чинит до наивности злобная старуха Шапокляк (тоже словечко на улице не валяется!) со своей Крыской-Лариской? Кто за него переживает ничуть не меньше Крокодила Гены, кто? Да кто же, как не мы! Ибо нет на свете существа более доверчивого и незащитного, чем этот трогательный, лопоушистый Чебурашка, нет на всей земле даже самого малого ребенка, который не осознавал бы над ним своего превосходства! А это, согласитесь, дорогого стоит: оно стоит пробуждения лучших человеческих чувств, потребности оберегать того, кто меньше и незащитней тебя. Не хотел никого цитировать, но как тут не вспомнить великого остроумца Станислава Ежи Леца, высказавшего одно из самых уместных для нашего случая наблюдений: "Выдумать персонажей и предоставить их собственной судьбе — на такое способен только выдающийся писатель".

Не менее глубока и философична идея цикла повестей Успенского из жизни обитателей Простоквашина. Это идея любящей и дорожащей друг другом семьи, причем семьи, напроць лишенной предрассудка деления членов своего чуткого и любящего сообщества на детей и взрослых, на людей и собак, на котов и почтальонов, которых от семьи тоже невозможно отделить в силу их искренней привязанности и холостяцкого одиночества.

И мы, грешные, тоже нередко заводим в доме и любим своих и кошек и собак (на это нас еще хватит!), мы готовы и потрепать и поиграть, а то и поговорить с ними, чаще прислушиваясь не к ним, а к собственной самоиронии. Но там, в Простоквашино, где каждый умеет слышать каждого исключительно по причинам родственного чувства, только там и Дядя Федор, и Кот Матроскин,

впрочем, как и все остальные обитатели, и думают, и чувствуют, и говорят друг с другом на одном вполне человеческом языке, являя образцы и мудрости, и незабываемого остроумия, и приветливой простоты. Возможно это происходит еще и потому, что их уважение друг к другу действительно, а значит преодолимы и все невзгоды.

По сути именно о такой семье мечтал Лев Николаевич Толстой, о таких отношениях внутри жизнедеятельности семейного сообщества и о неподдельном дружелюбии по отношению к окружающему миру. И это удалось ему воплотить лишь в романном описании семьи Ростовых, которую он и поселил отнюдь не случайно в своем родовом доме на Поварской. По Толстому, состояние государства и общества есть ничто иное как совокупность положения всех отдельных семей. И тут дело вовсе не в форме и масштабах, выражавших его идеалы, воззрения и тревогу, а в самих этих идеалах и воззрениях, которые мы исповедуем и сегодня, и в тех тревогах, а вернее сказать катастрофах разрушительной безнравственности, постигших подавляющее большинство нынешних семей.

Тем ценнее, на мой взгляд, тем значительнее становится осмысление современным детским писателем общечеловеческих идеалов, для которого он так счастливо нашел соответствующую для своих адресатов и радостную легкость слога, и незабываемые, разнохарактерные образы, при воспоминании о которых невозможно не улыбнуться. Чувства, рождаемые в нас простоквашинским циклом, неодолимо влекут читателей к Дяде Федору и к его дивному семейству, потому что стоит жить только там, а не здесь — за пределами уютного и жизнерадостного Простоквшина. Здесь никто не расслышит не только безродного Шарика, но даже печальной исповеди Холстомера.

Вернусь к окончанию того давнего интервью с Эдуардом Успенским, вот оно:

— А что, если бы однажды тебя назначили Детским министром? А почему бы нет? С чего бы ты начал, дорогой министр Эдик?

— Во-первых, я начал бы с того, что отказался. Потому что не хочу оказаться в положении других министров: сегодня назначили, завтра убрали. Я хочу быть в том по-

ложении, когда ни назначить, ни снять меня не возможно. Я хочу быть и оставаться популярным детским писателем. А это уже не зависит от чиновников. Моя популярность — моя независимость.»

Юрий Кушак

Попытка автобиографии

Родился я в подмосковном

Егорьевске 22 декабря 1937 года. В семье нас было трое братьев. Отец мой Николай Михайлович Успенский родом из Ельца. Я очень любил его мать, мою бабушку Веру Петровну Успенскую, вся родня которой были сплошь купцы, мукомолы, приказчики... До сих пор, когда вижу какой-нибудь дом с лабазом, на душе хорошеет — наверняка сказываются мои купеческие гены.

И как во всякой русской семье, была и в нашей некая легенда то ли о прадедушке, то ли о пра-прадедушке, обладавшем необычайной физической силой, который и подковы гнул, и мог поднять чуть ли не десятипудовую бочку селедки. В советские времена было очень приятно знать, что когда-то водилась у нас селедка в таком количестве.

Моя мама родом из Вышнего Волочка, из семьи польских переселенцев, вывезенных в Россию после какого-то восстания — короче говоря, неумные были люди, все в меня.

Ничего не помню из раннего детства, так — отдельные отрывочные воспоминания: какая-то дача, медвежьи шкуры, собаки... По всей видимости, все это были атрибуты, связанные со странной профессией отца: работал он инструктором ЦК КПСС, заведующим охотоводством. Вообще его работа в ЦК до сих пор для меня соблазнительная загадка.

Началась война, нас увезли в эвакуацию за Урал, в район озера Балтым. Помню, как мы с братьями и соседскими детьми собирали березовые почки для местного

госпиталя, и до сих пор совершенно убежден, что они очень целебны. Правда, на себе я их пока так и не опробовал. Из детских игрушек на всю жизнь запомнил маленький светофорчик, у которого переключались лампочки. Мне он достался почему-то как подарок, предназначенный для детей, отцы которых погибли на фронте. Но отец мой был жив-здоров и даже однажды приезжал к нам в командировку из Москвы, настрелял уток, было большое пиршество, и ничего более вкусного, чем доставшийся мне кусок этой утки, не едал я во всю свою жизнь.

В Москву мы вернулись в сорок четвертом — в черный по ночам, холодный и голодающий город с окнами, заклеенными бумажными крестами.

Жили мы на Кутузовском проспекте в доме, где у каждого подъезда маялись стукачи. Иногда мы с ребятами их дразнили, видимо, потому что они норовили прогнать нас, заигравшихся, подальше от своей секретной территории. По машинам, проезжавшим по Кутузовскому, мы знали (так уж у нас считалось): семь машин проехало — это Молотов, шесть — Маленков, а уж если двенадцать ЗИСов на дикой скорости по самой середине проспекта — так это сам Сталин.

Когда отец умер (у него была чахотка), мне было десять лет. Через год мать вышла замуж за крепкого пятидесятилетнего лейтенанта КГБ, служившего в этом страшноватом ведомстве бухгалтером. Отчим был человек скупой, он покупал много книг, причем без всякого разбора, полагая, что это не просто дефицит, но и огромный капитал в будущем. Поэтому на шкафах у нас висели замки, в том числе и на книжных. Но мы с младшим братом Юрием научились отодвигать книжные шкафы, вытаскивали оттуда заднюю стенку и читали тайно за поем все, что попадалось под руку. Старший брат Игорь в то время был курсантом Суворовского училища, с нами практически не жил, но конечно, был гордостью всей семьи.

В школе я учился без проблем, был лучшим математиком, победителем многих олимпиад. Но вот казус: после школы я сдавал экзамены в МИФИ, институт в то время покруче Бауманского, куда принимали даже с тройками,

а я, представьте, сдал на все четверки, и все-таки меня не приняли. Штука вся в том, что у меня когда-то, классе в седьмом, был привод в милицию, а это по институтским меркам чуть не приравнялось к судимости. Сцапали нас в милицию вот за что: во дворе соседнего дома находилась церковь, а в этой церкви, по всей видимости, была когда-то некая бюрократическая контора, и вот там-то однажды мы нашли кучу свидетельств о смерти. Тут-то мы и дошутились: мы вписывали поверх выцветших чернил фамилию "любимого" учителя и подбрасывали ему этот симпатичный документик, свидетельствующий о нашем к нему отношении. Но однажды перелезая через пролом в церковной стене, я грохнулся вниз, сломал ногу, и тут меня и накрыли. Вот так открылась тайна загробных документов, а я через многие годы пролетел мимо престижного ВУЗа. Так что учился я в МАИ (Московский авиационный институт). Вместо лекций пропадал, в основном, в коллективе студенческой самодеятельности. Там я писал сценки, руководил актерской группой, познакомился с замечательной эстрадной парой — Лифшицем и Ливенбуком. Когда в последствии я придумал знаменитую в свое время "Радионяню", они были в этой передаче главными исполнителями.

Кое-как сдавая экзамены, я в то время много работал для эстрады, где моими соавторами и друзьями были, прежде всего, Феликс Камов, Григорий Горин, Аркадий Арканов, Аркадий Хайт и Саша Курлянский. Неслабая команда!

А вот эпизод из институтской жизни. Пришел однажды к нам человек из райкома комсомола и говорит: "Принято решение — все, как один, едем на целину". Я его при всем честном собрании прошу уточнить: "Все, как один, или — добровольно". Он отвечает: "Конечно, добровольно, но все, как один". Я — ему: "Так не бывает! Если все, как один — я поеду, а если добровольно — у меня этой доброй воли нет". Короче говоря, я остался в Москве один. Правда, меня тотчас отправили на какую-то стройку таскать оконные рамы, а потом в колхоз в жуткое время дождей и непролазной грязи. И все же я не горевал. Ей богу, меня с юных лет всегда раздражала всяческая несправедливость и бюрократический идиотизм.

Но вернусь к эстраде. Работал я там успешно и вполне прилично зарабатывал. Честно говоря, этот эстрадный заработок погубил довольно много очень талантливых людей. Завязать с халаявностью не каждому по зубам. Я же всегда знал, что буду писать для детей. И однажды это случилось.

Сначала я писал стихи, которые не принимали у меня ни в одном издательстве. Но мне повезло: я встретился с Борисом Заходером. Из кучи стихов он отобрал два и обещал напечатать в журнале "Мурзилка". Благодаря ему и вопреки отрицательной рецензии Романа Сефа через полгода у меня была принята Детгизом первая книжка стихов, некоторые из которых Заходер сам отредактировал. Он меня многому научил и как мастер, и как человек, умевший радоваться чужой удаче. Мы с ним дружили, и тот не слишком долгий период стал для меня не только важным и счастливым, но и во многом решающим.

Мои детские стихи, тем не менее, практически не печатались в изданиях, для них предназначенных, зато куда как охотно их брали "Литературная газета", "Комсомольская правда" и прочая взрослая периодика, включая всесоюзное радио. Дело в том, что детские стихи не подлежали просмотру цензуры, чем и пользовались симпатизирующие мне редакторы. Вот так я вскоре и приобрел довольно шумную известность.

А в 1964 году написал Чебурашку. Меня все время раздражала мысль, почему это человек произошел от обезьяны, а, например, не от крокодила? (Животное — национальность??) Я придумал такой город, в котором животные пользуются равными правами с людьми. Жил-был крокодил по имени Гена, который каждое утро просыпался в своей маленькой квартире и шел на работу в Зоопарк, где он работал крокодилом. Примерно такая фраза довольно долго крутилась у меня в голове, с нее-то и пошла книжка про Чебурашку. Чебурашка родился из глагола "чебурахнуться" — вычитано у В.Даля.

Я не совсем пишу книжки, а скорее их конструирую — я же специалист по авиационным приборам. В приборе есть заданные размеры, как и в книжке, есть свои цели и функции, с которыми он должен справиться с наиболь-

шей точностью. И в книжке есть цель, своя задача — чему-то научить... А чему? Да тому хотя бы, что можно жить по-человечески, только защищая маленьких и слабых, только презирая и смеясь над ложью и всякой гнусью, а не хныкать и терпеть обиды и несправедливость, которыми цвела наша изолгавшаяся действительность. Вот это я с радостью и делал.

Потом я обратился к героям русского фольклора. Там были и Баба Яга, и Кощей Бессмертный, и Соловей-разбойник. Цензура за все цеплялась. Когда у Соловья-разбойника на каторге зуб выбили, мне говорили: "Уберите "каторгу"... И слово "кухня" лучше не употреблять, это немецкое слово". И так далее. Да и Заходер мне пенял, мол, напрасно вы беретесь за эту тему, вы не понимаете значения таких фигур, как Кощей Бессмертный, это знаковые фигуры, философские, такую книжку надо писать лет в пятьдесят. Мне было тридцать...

До сих пор горжусь этой книжкой: в ней много русского, теплого, настоящего...

Потом я писал Дядю Федора, в тот год я работал в пионерском лагере библиотекарем. У меня была маленькая дочка, надо было снимать дачу, а денег не было... А тут у нас была маленькая, но своя комнатка, да и жизнь на природе и задарма. По вечерам я читал детям все, что было в библиотеке. Вскоре книги закончились. Я стал сочинять свои истории, придумал такого Дядю Федора, деревню со смешным названием Простоквашино и так — из вечера в вечер. Вышла первая книжка из серии простоквашинских повестей.

Неожиданно позвонил режиссер Роман Качанов из студии "Союзмультфильм". И через какое-то время Чебурашка появился на экране. Любовь к этому мультиту вознесла меня довольно высоко, что осложнило жизнь и Союзу писателей и кэзгэбэшникам, старавшимся задвинуть меня на задворки.

В жизни я не драчун, а боец. Видно, у меня плохо дело со страхом. Пока своего не добьюсь — не успокоюсь. А то бы не было ни знаменитой в свое время "Радионяни", ни телевизионной любимой всеми "АБВГДейки", ни здравствующей и поныне "Гавани", которой я искренне горжусь.

Про семейную жизнь ничего рассказывать не буду — это дело мое личное, а не читателей. При мне всегда собаки, кошки, попугаи и прочая живность, которая отвечает на мое к ним уважение совершенной взаимностью.

Эдуард Успенский

Повести и сказки для детей

Крокодил Гена и его друзья

Повесть-сказка

Вступление, которое можно и не читать

Наверное, у каждого из вас, ребята,

есть своя любимая игрушка. А может быть, даже две или пять.

У меня, например, когда я был маленьким, было три любимых игрушки: громадный резиновый крокодил по имени Гена, маленькая пластмассовая кукла Галя и неуклюжий плюшевый зверек со странным названием — Чебурашка.

Чебурашку сделали на игрушечной фабрике, но сделали так плохо, что невозможно было сказать, кто же он такой: заяц, собака, кошка или вообще австралийский кенгуру. Глаза у него были большие и желтые, как у филина, голова круглая, заячья, а хвост коротенький и пушистый, такой, какой бывает обычно у маленьких медвежат.

Мои родители утверждали, что Чебурашка — это неизвестный науке зверь, который водится в жарких тропических лесах.

Сначала я очень боялся этого неизвестного науке Чебурашку и даже не хотел оставаться с ним в одной комнате. Но постепенно я привык к его странной внешности, подружился с ним и стал любить его не меньше, чем резинового крокодила Гену и пластмассовую куклу Галю.

С тех пор прошло очень много времени, но я все равно помню своих маленьких друзей и вот написал о них целую книгу.

Разумеется, в книге они будут живые, а не игрушечные.

В одном густом тропическом лесу жил да был очень забавный зверек. Звали его Чебурашка. Вернее, сначала его никак не звали, пока он жил в своем тропическом лесу. А назвали его Чебурашкой потом, когда он из леса уехал и встретился с людьми. Ведь это же люди дают зверям имена. Это они сказали слону, что он слон, жирафу — что он жираф, а зайцу — что он заяц.

Но слон, если бы подумал, мог бы догадаться, что он слон. Ведь у него же очень простое имя. А каково зверю с таким сложным именем, как гиппопотам? Поди догадайся, что ты не ги-потам, не по-потам, а именно гип-по-по-там.

Так вот и наш зверек. Он никогда не задумывался над тем, как его зовут, а просто жил себе да жил в далеком тропическом лесу.

Однажды он проснулся утром рано, заложил лапы за спину и отправился немного погулять и подышать свежим воздухом.

Гулял он себе, гулял и вдруг около большого фруктового сада увидел несколько ящиков с апельсинами. Недолго думая, Чебурашка забрался в один из них и стал завтракать. Он съел целых два апельсина и так объелся, что ему трудно стало передвигаться. Поэтому он прямо на фруктах и улегся спать.

Спал Чебурашка крепко, он, конечно, не слышал, как подошли рабочие и заколотили все ящики.

После этого апельсины вместе с Чебурашкой погрузили на корабль и отправили в далекое путешествие.

Ящики долго плавали по морям и океанам и в конце концов оказались во фруктовом магазине очень большого города. Когда их открыли, в одном апельсинов почти не было, а был только толстый-претолстый Чебурашка.

Продавцы вытащили Чебурашку из его каюты и посадили на стол. Но Чебурашка не мог сидеть на столе: он слишком много времени провел в ящике, и у

него затекли лапы. Он сидел, сидел, смотрел по сторонам, а потом взял да и чебурахнулся со стола на стул. Но и на стуле он долго не усидел — чебурахнулся снова. На пол.

— Фу ты, Чебурашка какой! — сказал про него директор магазина. — Совсем не может сидеть на месте!

Так наш зверек и узнал, что его имя — Чебурашка.

— Но как же мне с тобой поступить? — спросил директор. — Не продавать же тебя вместо апельсинов?

— Не знаю, — ответил Чебурашка. — Как хотите, так и поступайте.

Директору пришлось взять Чебурашку под мышку и отнести его в главный городской зоопарк.

Но в зоопарк Чебурашку не приняли. Во-первых, зоопарк был переполнен. А во-вторых, Чебурашка оказался совершенно неизвестным науке зверем. Никто не знал, куда же его поместить: то ли к зайцам, то ли к тиграм, то ли вообще к морским черепахам.

Тогда директор снова взял Чебурашку под мышку и пошел к своему дальнему родственнику, тоже директору магазина. В этом магазине продавали уцененные товары.

— Ну что же, — сказал директор номер два, — мне нравится этот зверь. Он похож на бракованную игрушку! Я возьму его к себе на работу. Пойдешь ко мне?

— Пойду, — ответил Чебурашка. — А что мне надо делать?

— Надо будет стоять в витрине и привлекать внимание прохожих. Понятно?

— Понятно, — сказал зверек. — А где я буду жить?

— Жить?.. Да хотя бы вот здесь! — Директор показал Чебурашке старую телефонную будку, стоявшую у входа в магазин. — Это и будет твой дом!

Так вот и остался Чебурашка работать в этом большом магазине и жить в этом маленьком домике. Безусловно, этот дом был не самый лучший в городе. Но зато под рукой у Чебурашки всегда находился телефон-автомат, и он мог звонить кому хочешь, прямо не выходя из собственного дома.

Правда, пока ему некому было звонить, но это его несколько не огорчало.

Глава вторая

В том городе, где оказался Чебурашка, жил да был крокодил по имени Гена. Каждое утро он просыпался в своей маленькой квартире, умывался, завтракал и отправлялся на работу в зоопарк. А работал он в зоопарке... крокодилом.

Придя на место, он раздевался, вешал на гвоздик костюм, шляпу и тросточку и ложился на солнышке у бассейна. На его клетке висела табличка с надписью:

**АФРИКАНСКИЙ КРОКОДИЛ ГЕНА.
ВОЗРАСТ 50 ЛЕТ.
КОРМИТЬ И ГЛАДИТЬ РАЗРЕШАЕТСЯ.**

Когда кончался рабочий день, Гена тщательно одевался и шагал домой, в свою маленькую квартиру.

Дома он читал газеты, курил трубку и весь вечер играл сам с собой в крестики-нолики.

Однажды, когда он проиграл сам себе сорок партий подряд, ему стало очень и очень грустно.

«А почему я все время один? — подумал он. — Мне надо обязательно завести себе друзей».

И, взяв карандаш, он написал такое объявление:

Молодой кракодил пятидесяти лет хочет завести себе друзей. С предложениями обращаться по адресу: Большая Пирожная улица, дом 15, корпус ы. Звонить три с половиной раза.

В тот же вечер он развесил объявления по городу и стал ждать.

Глава третья

На другой день поздно вечером к нему в дверь кто-то позвонил. На пороге стояла маленькая, очень серьезная девочка.

— В вашем объявлении, — сказала она, — целых три ошибки.

— Не может быть! — воскликнул Гена: он думал, что их, по крайней мере, восемнадцать. — Какие же?

— Во-первых, слово «крокодил» пишется через «о», а во-вторых, какой же вы молодой, если вам пятьдесят лет?

— А крокодилы живут триста лет, поэтому я еще очень молод, — возразил Гена.

— Все равно — надо писать грамотно. Давайте знакомиться. Меня зовут Галя. Я работаю в детском театре.

— А меня зовут Гена. Я работаю в зоопарке. Крокодилом.

— А что мы будем сейчас делать?

— Ничего. Давайте просто побеседуем.

Но в это время в дверь снова позвонили.

— Кто там? — спросил крокодил.

— Это я, Чебурашка! — И в комнате появился какой-то неизвестный зверь. Он был коричневый, с большими вытаращенными глазами и коротким пушистым хвостом.

— Кто вы такой? — обратилась к нему Галя.

— Не знаю, — ответил гость.

— Совсем-совсем не знаете? — спросила девочка.

— Совсем-совсем...

— А вы, случайно, не медвежонок?

— Не знаю, — сказал Чебурашка. — Может быть, я медвежонок.

— Нет, — вмешался крокодил, — он даже ни капельки не медвежонок. У медведей глаза маленькие, а у него вон какие здоровые!

— Так, может быть, он щенок? — задумалась Галя.

— Может быть, — согласился гость. — А щенки лазают по деревьям?

— Нет, не лазают, — ответил Гена. — Они больше лают.

— Как?

— Вот так: ав-ав! — пролаял крокодил.

— Нет, я так не умею, — огорчился Чебурашка. — Значит, я не щенок!

— А я знаю, кто вы такой, — снова сказала Галя. — Вы, наверное, леопард.

— Наверное, — согласился Чебурашка. Ему было все равно. — Наверное, я леопард!

Леопардов никто не видел, поэтому все отошли подальше. На всякий случай.

— Давайте посмотрим в словаре, — предложила Галя. — Там все слова объясняются, на любую букву.

(Если вы, ребята, не знаете, что такое словарь, я вам расскажу. Это специальная книжка. В ней собраны все слова, какие есть на свете, и рассказывается, что каждое слово значит.)

— Давайте посмотрим в словаре, — согласился Чебурашка. — А на какую букву будем смотреть?

— На букву «РР-РР-РРЫ», — сказала Галя, — потому что леопарды РР-РР-РРЫЧАТ.

— И на букву «К», — добавил Гена, — потому что леопарды К...УСАЮТСЯ.

Конечно, Галя и Гена были оба не правы, потому что леопарда надо было смотреть не на букву «РР-РР-РРЫ» и не на букву «К», а на букву «Л». Ведь он же ЛЕОПАРД, а не РР-РР-РРЫОПАРД и тем более не К. ОПАРД.

— Но я не рычу и не кусаюсь, — сказал Чебурашка, — значит, я не леопард!..

После этого он снова обратился к крокодилу:

— Скажите, а если вы так и не узнаете, кто я такой, вы не станете со мной дружить?

— Почему? — ответил Гена. — Все зависит от вас. Если вы окажетесь хорошим товарищем, мы будем рады подружиться с вами. Правильно? — спросил он у девочки.

— Конечно! — согласилась Галя. — Будем очень рады!

— Ура! — закричал Чебурашка. — Ура! — И подпрыгнул чуть ли не до самого потолка.

Глава четвертая

— А что мы будем сейчас делать? — спросил Чебурашка, после того как все перезнакомились.

— Давайте играть в крестики-нолики, — сказал Гена.

— Нет, — сказала Галя, — давайте лучше организуем кружок «Умелые руки».

— Но у меня нет рук! — возразил Чебурашка.

— И у меня, — поддержал его крокодил. — У меня только ноги.

— Может быть, нам организовать кружок «Умелые ноги»? — предложил Чебурашка.

— Или «Умелый хвост»? — добавил крокодил.

— Но у меня, к сожалению, нет хвоста, — сказала Галя.

И все замолчали.

В это время Чебурашка посмотрел на маленький будильник, стоявший на столе.

— А вы знаете, уже поздно. Нам пора расходиться. — Ему совсем не хотелось, чтобы новые друзья сочли его навязчивым.

— Да, — согласился крокодил, — нам действительно пора расходиться!

На самом деле ему некуда было расходиться, но зато он очень хотел спать.

В эту ночь Гена, как всегда, спал спокойно.

Что касается Чебурашки — он спал плохо. Ему все не верилось, что у него появились такие друзья.

Чебурашка долго ворочался в постели, часто вскакивал и в задумчивости шагал из угла в угол по своей маленькой телефонной будке.

Глава пятая

Теперь Гена, Галя и Чебурашка почти каждый вечер проводили вместе. После работы они собирались у крокодила дома, мирно беседовали, пили кофе и играли в крестики-нолики. И все-таки Чебурашке не верилось, что у него наконец появились настоящие друзья.

«Интересно, — подумал он однажды, — а если бы я сам пригласил крокодила в гости, пришел бы он ко мне или нет? Конечно, пришел бы, — успокаивал себя Чебурашка. — Ведь мы с ним друзья! А если нет?»

Чтобы долго не раздумывать, Чебурашка снял телефонную трубку и позвонил крокодилу.

— Алло, Гена, привет! — начал он. — Ты чего делаешь?

— Ничего, — ответил крокодил.

— Знаешь что? Приходи ко мне в гости.

— В гости? — удивился Гена. — Зачем?

— Кофе пить, — сказал Чебурашка. Это было первое, что пришло ему в голову.

— Ну что же, — сказал крокодил, — я с удовольствием приду.

«Ура!» — чуть было не закричал Чебурашка. Но потом подумал, что ничего тут особенного нет. Один товарищ приходит в гости к другому. И надо не кричать «ура», а в первую очередь позаботиться о том, как его лучше встретить.

Поэтому он сказал крокодилу:

— Только ты захвати с собой, пожалуйста, чашки, а то у меня нету ну никакой посуды!

— Что ж, захвачу. — И Гена стал собираться. Но Чебурашка позвонил опять:

— Ты знаешь, оказывается, у меня и кофейника нет. Возьми, пожалуйста, свой. Я у тебя видел на кухне.

— Хорошо. Возьму.

— И еще одна маленькая просьба. Забеги по дороге в магазин, а то у меня кофе кончился.

Вскоре Чебурашка позвонил еще раз и попросил, чтобы Гена принес маленькое ведерко.

— Маленькое ведерко? А для чего?

— Понимаешь, ты пойдешь мимо колонки и наберешь воды, чтобы мне уже не выходить из дому.

— Ну что ж, — согласился Гена, — я принесу все, что ты просил.

Вскоре он появился у Чебурашки нагруженный, как носильщик на вокзале.

— Я очень рад, что ты пришел, — встретил его хозяин. — Только я, оказывается, совсем не умею варить кофе. Просто никогда не пробовал. Может, ты возьмешься приготовить его?

Гена взялся за работу. Он собрал дрова, развел маленький костерчик около будки и поставил кофейник на огонь. Через полчаса кофе вскипел. Чебурашка был очень доволен.

— Как? Хорошо я тебя угостил? — спрашивал он у крокодила, провожая его домой.

— Кофе получился превосходный, — отвечал Гена. — Только я попрошу тебя об одном одолжении: если ты еще раз захочешь угостить меня, не стесняйся, приходи ко мне домой. И говори, чем ты меня хочешь угостить: чаем, кофе или просто обедом. У меня дома все есть. И мне это будет гораздо удобнее. Договорились?

— Договорились, — сказал Чебурашка. Он, конечно, огорчился немного, потому что Гена сделал ему замечание. Но все равно был очень доволен. Ведь сегодня сам крокодил приходил к нему в гости.

Глава шестая

На следующий вечер Чебурашка первым пришел к крокодилу. Гена в это время читал. Он очень любил читать точные и серьезные книги: справочники, учебники или расписания движения поездов.

— Послушай, — спросил Чебурашка, — а где же Галя?

— Она обещала сегодня зайти, — ответил Гена. — Но ее почему-то нет.

— Давай навестим ее, — сказал Чебурашка. — ведь друзья должны навещать друг друга.

— Давай, — согласился крокодил.

Галю они застали дома. Она лежала в кровати и плакала.

— Я заболела, — сообщила она друзьям. — У меня температура. Поэтому сегодня в детском театре сорвется спектакль. Ребята придут, а спектакля не будет.

— Спектакль будет! — гордо произнес крокодил. — Я заменю тебя. (Когда-то в юности он занимался в театральном кружке.)

— Правда? Это было бы здорово! Сегодня идет «Красная Шапочка», а я играю внучку. Ты помнишь эту сказку?

— Конечно, помню!

— Ну вот и прекрасно! Если ты хорошо сыграешь, никто не заметит подмены. Талант делает чудеса!

И она вручила крокодилу свой красненький беретик.

Когда ребята пришли в театр, они увидели очень странный спектакль. На сцене появился Гена в красной шапочке. Он шел и напевал:

По улицам ходила
Большая крокодила...

Навстречу ему вышел Серый Волк.

— Здравствуй, Красная Шапочка, — произнес он зауценным голосом и остолбенел.

— Здравствуйте, — ответил крокодил.

— Куда это ты направляешься?

— Да так просто. Гуляю.

— Может быть, ты идешь к своей бабушке?

— Да, конечно, — спохватился крокодил. — Я иду к ней.

— А где живет твоя бабушка?

— Бабушка? В Африке, на берегу Нила.

— А я был уверен, что твоя бабушка живет вон там, на опушке.

— Совершенно верно! Там у меня тоже живет бабушка. Двоюродная. Я как раз собирался зайти к ней по дороге.

— Ну что же, — сказал Волк и убежал.

Дальше он, как положено, прибежал к домику, съел бабушку Красной Шапочки и лег вместо нее в кровать.

Гена в это время сидел за сценой и перечитывал забытую сказку. Наконец он тоже появился около домика.

— Здравствуйте, — постучал он в дверь. — Кто здесь будет моя бабушка?

— Здравствуйте, — ответил Волк. — Я ваша бабушка.

— А почему у тебя такие большие уши, бабушка? — спросил крокодил, на этот раз правильно.

— Чтобы лучше тебя слышать.

— А почему ты такая лохматая, бабушка? — Гена снова забыл свои слова.

— Да все некогда побриться, внученька, забегалась я... — разозлился Волк и прыгнул с кровати. — А сейчас я тебя съем!

— Ну, это мы еще посмотрим! — сказал крокодил и бросился на Серого Волка. Он настолько увлекся событиями, что совсем забыл, где находится и что ему положено делать.

Серый Волк в страхе убежал. Дети были в восторге. Они никогда не видели такой интересной «Красной

Шапочки». Они долго хлопали и просили повторить все сначала. Но крокодил почему-то отказался. И почему-то долго уговаривал Чебурашку не рассказывать Гале, как прошел спектакль.

Глава седьмая

Галя долго болела гриппом, и врачи запретили приходить к ней, чтобы друзья не заразились. Поэтому Гена и Чебурашка остались вдвоем.

Как-то вечером, после работы, Чебурашка решил идти в зоопарк, чтобы навестить крокодила.

Он шел по улице и вдруг увидел грязную собачку, которая сидела на мостовой и тихонько скулила.

— Чего ты реवेशь? — спросил Чебурашка.

— Я не реву, — ответила собачка. — Я плачу.

— А чего ты плачешь?

Но собачка ничего не говорила и плакала все жалостливее.

Чебурашка сел рядом с ней на приступочку, подожд-дал, пока она окончательно выплачется, а потом приказал:

— Ну выкладывай: что с тобой случилось?

— Меня выгнали из дому.

— Кто тебя выгнал?

— Хозяйка! — Собачка опять начала всхлипывать.

— За что? — спросил Чебурашка.

— За просто так. За не знаю что.

— А как тебя зовут?

— Тобик.

И собачка, немного успокоившись, рассказала Чебурашке свою короткую и печальную историю. Вот она:

КОРОТКАЯ И ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОЙ СОБАЧКИ ТОБИКА

Тобик был крошечной собачкой, совсем-совсем малюсеньким щенком, когда его принесли в дом к будущей хозяйке.

«Ах, какая прелесть! — говорила хозяйка, показывая его гостям. — Не правда ли, он очень мил?»

И все гости находили, что он очень мил и что он прелесть.

Все играли со щенком и угощали его конфетами.

Время шло, и щенок рос. Он уже не был таким симпатичным и неуклюжим, как раньше. Теперь хозяйка, показывая его гостям, не говорила: «Ах, какая прелесть!» — а, наоборот, говорила: «Моя собака ужасно некрасива! Но не могу ж я ее выгнать! Ведь у меня такое доброе сердце! Оно в пять минут разобьется от горя!»

Но однажды кто-то принес в дом нового щенка. Он был такой же симпатичный и неуклюжий, как Тобик раньше.

Тогда хозяйка, недолго думая, выставила Тобика за дверь. Не могла же она держать двух животных сразу. И ее сердце в пять минут не разбилось от жалости. Не разбилось оно и в шесть минут и даже в девяносто восемь. Наверное, оно вообще никогда не разобьется.

«Что же мне делать с этой собачкой?» — подумал Чебурашка.

Можно было, конечно, взять ее с собой. Но Чебурашка не знал, как на это посмотрят его друзья. А вдруг они не любят собак? Можно было оставить собачку на улице. Но ее было очень жалко. А вдруг она простудится?

— Знаешь что? — сказал Чебурашка наконец. — Вот тебе ключ. Иди пока посиди в моем домике, согрейся. А потом мы что-нибудь придумаем.

После этого он зашагал дальше к зоопарку.

Глава восьмая

У самого входа в зоопарк он неожиданно встретил Галю.

— Ура! — закричал Чебурашка. — Значит, ты уже выздоровела?

— Выздоровела, — ответила Галя. — Мне уже разрешили выходить из дому.

— А ты немного похудела, — сказал Чебурашка.

— Да, — согласилась девочка. — А это очень заметно?

— Нет! — воскликнул Чебурашка. — Почти незаметно. Ты совсем немножко похудела. Так немножко, так немножко, что даже немного поправилась!

Галя сразу повеселела, и они вместе вошли в зоопарк.

Гена, как всегда, лежал на солнышке и читал книгу.

— Посмотри-ка, — сказала Галя Чебурашке, — а я и не думала, что он такой толстый!

— Да, — согласился Чебурашка. — Он просто ужасно толстый! Он похож на сосиску с лапками!.. Здравствуй, Гена! — крикнул Чебурашка крокодилу.

— Я не Гена, — обиженно сказал крокодил, похожий на сосиску с лапками. — Я Валера. Я работаю во вторую смену. А ваш Гена пошел одеваться. Сейчас он придет.

Толстый крокодил сердито отвернулся. Как раз в это время подошел Гена в своем нарядном пальто и красивой шляпе.

— Здравствуйте, — улыбаясь, сказал он. — Пошли ко мне в гости!

— Пошли! — согласились Галя и Чебурашка. Им очень нравилось бывать у крокодила.

У Гены друзья пили кофе, беседовали и играли в разные настольные игры.

Чебурашка каждую минуту порывался рассказать про свою собачку, но удобный случай все не представлялся.

Но вот в дверь кто-то позвонил.

— Войдите, — сказал Гена.

В комнату вошел большой-пребольшой лев в пенсне и в шляпе.

— Лев Чандр, — представился он.

Прятели поклонились льву и отошли подальше.

— Скажите, пожалуйста, — спросил гость, — здесь живет крокодил, которому нужны друзья?

— Здесь, — ответил Гена. — Он живет здесь. Только ему уже не нужны друзья. Они у него есть.

— Очень жаль! — вздохнул лев и направился к выходу. — До свидания.

— Подождите, — остановил его Чебурашка. — А какой друг вам нужен?

— Не знаю, — ответил лев. — Просто друг, и все.

— Тогда, мне кажется, я смогу вам помочь, — сказал Чебурашка. — Посидите у нас несколько минут, а я пока сбегу домой. Ладно?

Через некоторое время Чебурашка вернулся, он вел на поводке просохшего Тобика.

— Вот кого я имел в виду, — сказал он. — Мне кажется, вы подойдете друг другу!

— Но ведь это очень маленькая собачка, — возразил лев, — а я вон какой большой!

— Не беда, — сказал Чебурашка, — значит, вы будете ее защищать!

— И правда, — согласился Чандр. — А что вы умеете делать? — спросил он у Тобика.

— Ничего, — ответил Тобик.

— По-моему, это тоже не страшно, — сказала льву Галя. — Вы можете научить его всему, чему хотите!

«Пожалуй, они правы», — решил Чандр.

— Ну что ж, — сказал он Тобику, — я буду рад подружиться с вами. А вы?

— И я! — завилял хвостом Тобик. — Я постараюсь быть очень хорошим товарищем!

Новые знакомые поблагодарили всех, кто был в комнате, и распрощались.

— Молодец! — похвалила Галя Чебурашку, когда они ушли. — Ты поступил как надо!

— Пустяки! — застенялся Чебурашка. — Не стоит об этом говорить!

— А вы знаете, — вдруг сказала Галя, — сколько в нашем городе таких вот одиноких Чандров и Тобиков?

— Сколько? — спросил Чебурашка.

— Много, — ответила девочка. — У них совсем нет друзей. К ним никто не приходит на день рождения. И никто их не пожалеет, когда им бывает грустно.

Гена слушал все это печальный-препечальный. Из его глаз медленно выкатилась огромная прозрачная слеза. Плядя на него, Чебурашка тоже попытался заплакать. Но из его глаз выкатилась только малюсенькая-малюсенькая слезинка. Такая, что ее было даже стыдно показывать.

— Так что же мы должны делать? — вскричал крокодил. — Я хочу помочь им!

— И я хочу помочь! — поддержал его Чебурашка. — Что мне, жалко, что ли? Только как?

— Очень просто, — сказала Галя. — Надо их всех передружить между собой.

— А как их передружить? — спросил Чебурашка.

— Не знаю, — ответила Галя.

— А я уже придумал! — заявил Гена. — Надо взять и написать объявления, чтобы они приходили к нам. А когда они будут приходить, мы их будем знакомить между собой!

Эта мысль всем понравилась, и друзья порешили сделать так. Они развешат по городу объявления. Каждому, кто будет приходить к ним, они постараются найти товарища. А дом, в котором живет крокодил, решено было превратить в Дом дружбы.

— Итак, — сказал Гена, — с завтрашнего дня за работу.

Глава девятая

На другой вечер работа закипела. Гена сидел за столом и как главный специалист по объявлениям писал:

ОТКРЫВАЕТСЯ ДОМ ДРУЖБЫ. КАЖДЫЙ, КТО ХОЧЕТ ИМЕТЬ ДРУГА, ПУСТЬ ПРИХОДИТ К НАМ.

Чебурашка брал эти объявления и выбегал на улицу. Он наклеивал их везде, где можно и где нельзя. На стенах домов, на заборах и даже на проходивших мимо лошадах.

Галя в это время прибирала в доме. Закончив уборку, она поставила посередине комнаты стул и прикрепила к нему табличку:

ДЛЯ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

После этого друзья уселись на диване немножко отдохнуть.

Вдруг входная дверь тихонечко заскрипела, и в комнату проскользнула маленькая юркая старушка. Она села на веревочке большую серую крысу.

Галя вскрикнула и влезла с ногами на диван. Гена сорвался с места, забежал в шкаф и захлопнул за собой дверцу. Один только Чебурашка спокойно сидел на диване. Он никогда не видел крыс и поэтому не знал, что их полагается бояться.

— Лариска, на место! — скомандовала старушка.

И крыса быстро забралась в маленькую сумочку, висевшую на руке у хозяйки. Из сумочки высовывалась теперь только хитрая мордочка с длинными усами и черными бусинками глаз.

Постепенно все успокоились. Галя снова села на диван, а Гена вылез из шкафа. На нем был новый галстук, и Гена делал вид, что только за галстуком лазил в шкаф.

Тем временем старушка уселась на стул с табличкой «Для посетителей» и спросила:

— Кто из вас будет крокодил?

— Я, — ответил Гена, поправляя галстук.

— Это хорошо, — сказала старушка и задумалась.

— Что «хорошо»? — спросил Гена.

— Хорошо, что вы зеленый и плоский.

— А почему это хорошо, что я зеленый и плоский?

— Потому, что если вы ляжете на газоне, то вас не будет видно.

— А зачем я должен лежать на газоне? — снова спросил крокодил.

— Об этом вы узнаете потом.

— А кто вы такая, — наконец вмешалась Галя, — и чем вы занимаетесь?

— Меня зовут Шапокляк, — ответила старуха. — Я собираю злы.

— Не злы, а злые дела, — поправила ее Галя. — Но только зачем?

— Как — зачем? Я хочу прославиться.

— Так не лучше ли делать добрые дела? — вмешался крокодил Гена.

— Нет, — ответила старуха, — добрыми делами не прославишься. Я делаю пять зол в день. Мне нужны помощники.

— А что вы делаете?

— Много чего, — сказала старуха. — Стреляю из рогатки по голубям. Обливаю прохожих из окна водой. И всегда-всегда перехожу улицу в неположенном месте.

— Все это хорошо! — воскликнул крокодил. — Но почему я должен лежать на газоне?

— Очень просто, — объяснила Шапокляк. — Вы ложитесь на газон, и, так как вы зеленый, вас никто не

видит. Мы привязываем на веревочку кошелек и бросаем его на мостовую. Когда прохожий нагибается за ним, вы выдергиваете кошелек у него из-под носа. Здорово я придумала?

— Нет, — обиженно сказал Гена. — Мне это совсем не нравится! К тому же на газоне можно простудиться.

— Боюсь, что нам с вами не по пути, — обратилась к посетительнице Галя. — Мы, наоборот, хотим делать добрые дела. Мы даже собираемся устроить Дом дружбы!

— Что?! — закричала старуха. — Дом дружбы! Ну, тогда я объявляю вам войну! Привет!

— Пойдите, — задержал ее крокодил. — Вам все равно, кому объявлять войну?

— Пожалуй, все равно.

— Тогда объявите ее не нам, а кому-нибудь другому. Мы слишком заняты.

— Могу и кому-нибудь другому, — сказала старуха. — Мне не жалко! Лариска, вперед! — скомандовала она крысе.

И они обе скрылись за дверью.

Глава десятая

На следующий вечер посетителей в Доме дружбы принимала Галя, а Гена и Чебурашка сидели в сторонке и играли в лото.

В дверь резко позвонили, и на пороге появился мальчишка. Он был бы совсем обыкновенным, этот мальчишка, если бы он не был необыкновенно растрепанным и чумазым.

— Здесь дают друзей? — спросил он, не поздоровавшись.

— Не дают, а подбирают, — поправила Галя.

— Это все равно. Главное — здесь или не здесь?

— Здесь, здесь, — успокоила его девочка.

— А какого друга тебе надо? — вмешался крокодил.

— Мне надо... мне надо... — сказал мальчишка, и его глаза заблестели. — Мне надо... двоечника!

— Какого двоечника?

— Круглого.

— А зачем тебе круглый двоечник?

— Как — зачем? Вот мне мама скажет: «Опять у тебя шесть двоек в табеле!», а я отвечу: «Подумаешь, шесть! А вот у одного моего приятеля целых восемь!» Понятно?

— Понятно, — сказал крокодил. — И хорошо бы, он был еще драчун?

— Зачем же? — спросил мальчишка.

— Как — зачем? Ты придешь домой, а мама скажет: «Опять у тебя шишка на лбу!», а ты ответишь: «Подумаешь, шишка! Вот у одного моего товарища целых четыре шишки!»

— Правильно! — весело закричал мальчишка, с уважением посмотрев на крокодила. — И еще надо бы, чтобы он хорошо стрелял из рогатки. Мне скажут: «Опять ты разбил чужое окно?», а я скажу: «Подумаешь, окно! Вот мой товарищ два окна разбил!» Верно я говорю?

— Верно, — поддержал его Гена.

— Потом еще нужно, чтобы он был хорошо воспитан.

— Зачем? — спросила Галя.

— Как — зачем? Мне мама не разрешает дружить с плохими ребятами.

— Ну что ж, — сказала Галя, — если я правильно вас поняла, вам нужен хорошо воспитанный двоечник и безобразник.

— Вот именно, — подтвердил мальчик.

— Тогда вам придется подойти завтра. Попробуем для вас что-нибудь подобрать.

После этого чумазый посетитель с достоинством удалился. Разумеется, не попрощавшись.

— Как же нам поступить? — спросила Галя. — Мне кажется, мы должны подобрать ему не безобразника, а, наоборот, хорошего мальчика. Чтобы его исправить.

— Нет, — возразил Гена. — Мы должны подобрать ему то, что он просит. Иначе это будет обман. А я не так воспитан.

— Совершенно верно, — сказал Чебурашка. — Надо подобрать ему то, что он хочет. Чтобы ребенок не плакал!

— Хорошо, — согласилась Галя. — А кто из вас возьмется за это дело?

— Я возьмусь! — заявил Чебурашка. Он всегда старался браться за трудные дела.

— И я возьмусь! — сказал крокодил. Ему просто очень хотелось помочь Чебурашке.

Глава одиннадцатая

Наши герои не торопясь шли по улице. Им было очень приятно идти и разговаривать.

Но вдруг раздалось: б-б-бум! — и что-то пребольно стукнуло крокодила по голове.

— Это не ты? — спросил Гена у Чебурашки.

— Что — не я?

— Это не ты меня ударил?

— Нет, — ответил Чебурашка. — Я никого не ударил!

В это время снова слышалось: б-б-бум! — и что-то пребольно стукнуло самого Чебурашку.

— Вот видишь, — сказал он. — И меня стукнули!

Что бы это могло быть? Чебурашка стал оглядываться.

И вдруг на столбике у забора он заметил очень знакомую серую крысу.

— Смотри-ка, — сказал он крокодилу, — это крыса старухи Шапокляк. Теперь я знаю, кто в нас кидается!

Чебурашка оказался прав. Это была действительно старуха Шапокляк. Она гуляла по улице вместе со своей ручной Лариской и совершенно случайно встретила с Геной и Чебурашкой. У друзей был такой довольный вид, что ей сразу же захотелось им чем-нибудь насолить. Поэтому, подхватив свою крысу под мышку, старуха обогнала их и устроилась в засаде у забора.

Когда приятели подошли, она вытащила из кармана бумажный мячик на резиночке и стала стучать им друзей по голове. Мячик вылетал из-за забора, попадал в Гёну и Чебурашку и улетал обратно.

А крыса Лариска сидела в это время наверху и направляла огонь.

Но как только мячик вылетел снова, Гена быстро повернулся и схватил его зубами. Затем они вместе с Чебурашкой медленно стали переходить на другую сторону улицы.

Резинка натягивалась все сильнее и сильнее. И когда Шапокляк высунулась из своего укрытия посмотреть,

куда девался ее мячик, Чебурашка скомандовал: «Огоны!», а Гена разжал зубы.

Мячик со свистом перелетел улицу и угодил точно в свою хозяйку. Старуху с забора как ветром сдуло.

Наконец она высунулась снова, настроенная в десять раз более воинственно, чем раньше.

«Безобразники! Бандиты! Головотяпы несчастные!» — вот что хотела сказать она от всего сердца. Но не смогла, потому что рот у нее был забит бумажным мячиком.

Разгневанная Шапокляк попыталась выплюнуть мячик, но он почему-то не выплевывался. Что же ей оставалось делать?

Пришлось бежать в поликлинику к известному доктору Иванову.

— Шубу, шубу шу, — сказала она ему.

— Шубу, шубу что? — переспросил доктор.

— Шубу, шубу шу!

— Нет, — ответил он. — Шуб я не шью.

— Да не шубу, шубу шу, — снова зашамкала старуха, — а мясик!

— Вы, наверное, иностранка! — догадался доктор.

— Да! Да! — радостно закивала головой Шапокляк. Ей было очень приятно, что ее приняли за иностранку.

— А я иностранцев не обслуживаю, — заявил Иванов и выставил Шапокляк за дверь.

Так до самого вечера она только мычала и не говорила ни слова. За это время у нее во рту накопилось столько ругательных слов, что, когда мячик наконец размок и она выплюнула последние опилки, у нее изо рта высыпалось вот что:

— Безобразники хулиганья вам покажут деракизируют крокодилы несчастные зеленые ч то б вам пусто было!!

И это было еще не все, так как часть ругательных слов она проглотила вместе с резинкой.

Глава двенадцатая

Гена и Чебурашка бегали по разным школам и спрашивали у сторожей, нет ли у них на примете круглых двоечников и драчунов. Сторожа были люди степенные.

Они больше любили говорить про отличников и про воспитанных мальчиков, чем про двоечников и безобразников. Общая картина, нарисованная ими, была такова: все мальчики, приходившие в школы, учились замечательно, были вежливыми, всегда здоровались, каждый день мыли руки, а некоторые даже шло.

Встречались, конечно, и безобразники. Но что это были за безобразники! Одно разбитое окно в неделю и всего лишь две двойки в табеле.

Наконец крокодилу повезло. Он узнал, что в одной школе учится просто превосходный мальчик. Во-первых, полный оболтус, во-вторых, страшный драчун, а в-третьих, шесть двоек в месяц! Это было как раз то, что надо. Гена записал его имя и адрес на отдельной бумажке. После этого он, довольный, пошел домой.

Чебурашке повезло меньше.

Он тоже нашел такого мальчика, какого нужно. Не мальчик, а клад. Второгодник. Задира. Прогульщик. Из отличной семьи и восемь двоек в месяц. Но этот мальчик инотрез отказался водиться с тем, у кого будет меньше десяти двоек. А уж такого отыскать нечего было и думать. Поэтому Чебурашка, расстроенный, пошел домой и сразу же лег спать.

Глава тринадцатая

На другой день чумазый малыш, для которого подбирали двоечников, появился снова.

— Ну что, нашли? — спросил он у Гали, как всегда любив поздороваться.

— Нашли, — ответила Галя. — Кажется, подходящий парень!

— Во-первых, он настоящий прогульщик, — сказал крокодил.

— Это хорошо!

— Во-вторых, страшный драчун.

— Прекрасно!

— В-третьих, шесть двоек в месяц и к тому же ужасный грязнуля.

— Двоек маловато, — подвел итог посетитель. — А в остальном подходяще. Где он учится?

— В пятой школе, — ответил Гена.

— В пятой? — с удивлением протянул малыш. — А как же его зовут?

— Зовут его Дима, — сказал крокодил, посмотрев в бумажку. — Полный оболтус. То, что надо!

— «То, что надо! То, что надо!» — расстроился малыш. — Совсем не то, что надо. Это же я сам!

Настроение у него сразу испортилось.

— А вы ничего не нашли? — спросил он Чебурашку.

— Нашел, — ответил тот, — с восемью двойками. Только он не хочет с тобой дружить, раз у тебя шесть. Ему десятидвоечника подавай! Если бы ты десять получил, вы бы поладили.

— Нет, — сказал малыш. — Десять — это уж слишком. Легче получить четыре. — Он медленно направился к выходу.

— Заглядывай, — вслед ему крикнул крокодил, — может быть, что-нибудь подберем!

— Ладно! — сказал мальчишка и скрылся за дверью.

Глава четырнадцатая

Прошел час. Потом еще полчаса. Никаких посетителей не было. Но вдруг окно раскрылось, и в комнату просунулась какая-то странная голова с короткими рожками и длинными подвижными ушами.

— Привет! — сказала голова. — Кажется, я не ошиблась!

— Привет! — ответили наши друзья.

Они сразу поняли, кто к ним пожаловал. Такая длинная шея могла принадлежать только одному зверю — жирафе.

— Меня зовут Анята, — сказала гостья. — Мне хотелось бы завести друзей!

Она понюхала цветы, стоявшие на окне, и продолжала:

— Вас всех, наверное, очень интересует вопрос: а почему у такой милой и симпатичной жирафы, как я, совсем нет товарищей? Не так ли?

Гене, Гале и Чебурашке пришлось согласиться, что это действительно так.

— Тогда я вам объясню. Все дело в том, что я очень высокая. Чтобы со мной беседовать, надо обязательно задира́ть голову вверх. — Жирафа потянулась и внимательно посмотрела на себя в зеркало. — А когда вы идете по улице, задрав голову вверх, вы непременно провалитесь в какую-нибудь яму или канаву!.. Так все мои знакомые и порастерялись по разным улицам, и я не знаю, где их теперь искать! Не правда ли, печальная история?

Гене, Гале и Чебурашке снова пришлось согласиться, что эта история очень печальная.

Жирафа говорила долго. За себя и за всех остальных. Но несмотря на то что она говорила очень долго, она не сказала ничего толкового. Эта особенность чрезвычайно редкая в наше время. Во всяком случае, среди жираф.

Наконец после долгих разговоров Гене все-таки удалось спровадить гостью. И когда она ушла, все с облегчением вздохнули.

— Ну что ж, — сказала Галя, — пора и по домам. Надо же хоть немного отдохнуть.

Глава пятнадцатая

Но крокодилу отдохнуть так и не удалось. Как только он улегся спать, в дверь тихонечко постучали.

Гена открыл, и на пороге появилась маленькая обезьянка в сиреневой шапочке и в красном спортивном костюме.

— Здравствуйте, — сказал ей крокодил. — Проходите.

Обезьянка молча прошла и уселась на стул для посетителей.

— Вам, наверное, нужны друзья? — обратился к ней Гена. — Не так ли?

«Так, так», — закивала гостья, не раскрывая рта. Казалось, что весь рот у нее забит кашей или теннисными

мячиками. Она не произнесла ни слова и только в знак согласия изредка кивала головой.

Гена на секунду задумался, а потом спросил напрямик:
— Вы, наверное, не умеете разговаривать?

Как бы теперь обезьянка ни ответила, вышло бы одно и то же. Если бы она, например, кивнула головой: «Да», то получилось бы: «Да, я не умею разговаривать». А если бы она отрицательно покачала головой: «Нет», то все равно вышло бы так: «Нет, я не умею разговаривать».

Поэтому пришлось ей открыть рот и выложить из него все то, что мешало ей говорить: гаечки, винтики, коробочки из-под гуталина, ключики, пуговицы, ластики и прочие нужные и интересные предметы.

— Я умею разговаривать, — наконец заявила она и стала снова укладывать вещи за щеку.

— Одну минуточку, — остановил ее крокодил, — скажите уж заодно: как вас зовут и где вы работаете?

— Мария Францевна, — назвалась обезьянка. — Я выступаю в цирке с ученым дрессировщиком.

После этого она быстро записнула все свои ценности обратно. Видно, ее очень беспокоило, что они лежат на чужом, совершенно незнакомом столе.

— Ну а какой друг вам нужен? — продолжал расспросы Гена.

Обезьянка немного подумала и опять потянулась, чтобы вытащить все то, что мешало ей говорить.

— Подождите, — остановил ее Гена. — Вам, наверное, нужен товарищ, с которым совсем бы не пришлось разговаривать? Правильно?

«Правильно, — кивнула головой посетительница со странным именем — Мария Францевна. — Правильно, правильно, правильно!»

— Ну что ж, — закончил крокодил, — тогда зайдите к нам через недельку.

После того как обезьянка ушла, Гена вышел вслед за ней и написал у входа на бумажке:

ДОМ ДРУЖБЫ ЗАКРЫТ НА УЖИН.

Потом он подумал немного и добавил:

И ДО УТРА.

Однако Гену ждали новые неожиданности. Когда обезьянка укладывала за щеку все свои ценные предметы, они случайно запихнула туда же маленький крокодиловский будильник. Поэтому утром крокодил Гена довольно проспал на работу и имел из-за этого крупный разговор с директором.

А у обезьянки, когда она ушла от крокодила, все время что-то тикало в ушах. И это ее сильно беспокоило. А рано-рано утром, в шесть часов, у нее так громко зашумело в голове, что бедная обезьянка прямо с постели бегом помчалась в кабинет доктора Иванова.

Доктор Иванов внимательно прослушал ее через слуховую трубку, а потом заявил:

— Одно из двух: или у вас нервный тик, или неизвестная науке болезнь! В обоих случаях хорошо помогает касторка. (Он был очень старомодным, этот доктор, и не признавал никаких новых лекарств.) Скажите, — снова спросил он у обезьянки, — у вас, наверное, это не в первый раз?

Как бы обезьянка ни закивала в ответ: «Да» или «Нет», все равно получилось бы, что не в первый. Поэтому ей ничего не оставалось делать, как выложить из-за щек все свои сокровища. Тут-то доктору все стало ясно.

— В следующий раз, — сказал он, — если в вас начнет музыка, проверьте сначала, может быть, вы запихнули за щеку радиоприемник или же главные городские часы.

На этом они расстались.

Глава шестнадцатая

Через несколько дней, вечером, Гена устроил маленькое совещание.

— Может, это не совсем тактично, то, что я хочу сказать, — начал он, — но все-таки я скажу. Мне очень нравится то, что мы с вами делаем. Это мы просто здорово придумали! Но с тех пор как мы все это здорово придумали, я потерял всякий покой! Даже ночью, когда

все нормальные крокодилы спят, я должен вставать и принимать посетителей. Так продолжаться не может! Надо обязательно найти выход.

— А мне кажется, что я уже нашел, — сказал Чебурашка. — Только я боюсь, что это вам не понравится!

— Что же?

— Нам нужно построить новый дом. Вот и все!

— Верно, — обрадовался Гена. — А старый мы закроем!

— Пока закроем, — поправила его Галя. — А потом снова откроем в новом доме!

— Итак, с чего же мы начнем? — спросил Гена.

— Прежде всего нам нужно выбрать участок, — ответила Галя. — А потом нам надо решить, из чего мы будем строить.

— С участком дело просто, — сказал крокодил. — Позади моего дома есть детский сад, а рядом с ним небольшая площадка. Там и будем строить.

— А из чего?

— Конечно, из кирпичей.

— А где же их взять?

— Не знаю.

— И я не знаю, — сказала Галя.

— И я тоже не знаю, — сказал Чебурашка.

— Послушайте, — вдруг предложила Галя, — давайте позвоним в справочное бюро!

— Давайте, — согласился крокодил и тут же снял телефонную трубку. — Алло, справочное! — сказал он. — Вы не подскажете нам, где можно достать кирпичи? Мы хотим построить маленький домик.

— Минуточку! — ответило справочное. — Дайте подумать. — А потом сказало: — Вопросом кирпичей в нашем городе занимается Иван Иванович. Так что идите к нему.

— А где он живет? — спросил Гена.

— Он не живет, — ответило справочное, — он работает. В большом здании на площади. До свидания.

— Ну что ж, — сказал Гена, — пошли к Иван Ивановичу! — И он вытащил из шкафа свой самый нарядный костюм.

Глава семнадцатая

Иван Иванович сидел в большом светлом кабинете за письменным столом и работал.

Из большой кучи бумаг на столе он брал одну, писал на ней: «Разрешить. Иван Иванович» — и откладывал в левую сторону.

Затем он брал следующую бумажку, писал на ней: «Не разрешить. Иван Иванович» — и откладывал в правую сторону.

И так дальше: «Разрешить. Иван Иванович». «Не разрешить. Иван Иванович».

— Здравствуйте, — вежливо поздоровались наши друзья, входя в комнату.

— Здравствуйте, — ответил Иван Иванович, не отрываясь от работы.

Гена снял свою новую шляпу и положил ее на угол стола. Тут же Иван Иванович написал на ней: «Разрешить. Иван Иванович», потому что перед этим он написал на какой-то бумажке: «Не разрешить. Иван Иванович».

— Вы знаете, нам нужны кирпичи!.. — начала разговор Галя.

— Сколько? — поинтересовался Иван Иванович, продолжая писать.

— Много, — торопливо вставил Чебурашка. — Очень много.

— Нет, — ответил Иван Иванович, — много я дать не могу. Могу дать только половину.

— А почему?

— У меня такое правило, — объяснил начальник, — все делать наполовину.

— А почему у вас такое правило? — спросил Чебурашка.

— Очень просто, — сказал Иван Иванович. — Если я все буду делать до конца и всем все разрешать, то про меня скажут, что я слишком добрый и каждый у меня делает что хочет. А если я ничего не буду делать и никому ничего не разрешать, то про меня скажут, что бездельник и всем только мешаю. А так про меня никто ничего плохого не скажет. Понятно?

— Понятно, — согласились посетители.

— Так сколько кирпичей вам нужно?

— Мы хотели построить два маленьких домика, — схитрил крокодил.

— Ну что ж, — сказал Иван Иванович, — я вам дам кирпичи на один маленький домик. Это будет как раз тысяча штук. Идет?

— Идет, — кивнула головой Галя. — Только нам еще нужна машина, чтобы привезти кирпичи.

— Ну нет, — протянул Иван Иванович, — машину я вам дать не могу. Я могу дать только полмашины.

— Но ведь половинка машины не сможет ехать! — возразил Чебурашка.

— Действительно, — согласился начальник, — не сможет. Ну тогда мы сделаем так. Я вам дам целую машину, но привезу кирпичи только на половину дороги.

— Это будет как раз около детского садика, — снова схитрил Гена.

— Значит, договорились, — сказал Иван Иванович. И он опять занялся своей важной работой — достал из кучки бумажку, написал на ней: «Разрешить. Иван Иванович» — и потянулся за следующей.

Глава восемнадцатая

На другой день к детскому саду подъехала большая грузовая машина, и двое рабочих сгрузили тысячу штук кирпичей.

— Нам нужно обязательно обнести наш участок забором, — сказала Галя, — чтобы никто нам не мешал строить.

— Правильно, — согласился Гена. — С этого и начнем!

Они раздобыли несколько десятков дощечек, вкопали по углам участка столбы и поставили невысокий деревянный забор. После этого работа началась.

Чебурашка и Галя подносили глину, а крокодил надел брезентовый фартук и стал каменщиком.

Одно только смущало Гену.

— Понимаешь, — говорил он Чебурашке, — увидят меня мои знакомые и скажут: «Вот тебе раз, крокодил Гена, а занимается такой несерьезной работой!» Неудобно получится!

— А ты надень маску, — предложил Чебурашка. — Ибн никто и не узнает!

— Верно, — стукнул себя по лбу крокодил. — Как это я сам не додумался!

С тех пор он приходил на стройку домика только в маске. И в маске крокодила никто не узнавал. Только однажды крокодил Валера, Генин сменщик, проходя мимо забора, закричал:

— Ого-го, что я вижу! Крокодил Гена работает на стройке!.. Ну как дела?

— Дела хорошо, — ответил Гена незнакомым голосом — Только я не Гена — это раз. А во-вторых, я вообще не крокодил!

Этим он сразу поставил Валеру на место.

Глава девятнадцатая

Как-то вечером крокодил Гена первым пришел на стройку. И вдруг он увидел, что вдоль забора тянется такая надпись:

ОСТОРОЖНО: ЗЛАЯ СОБАКА!

«Вот тебе раз! — подумал Гена. — Кто же ее привел? Может, Чебурашка? У него много всяких странных знакомых!»

Крокодил сел на приступочку, чтобы дожидаться появления Чебурашки.

Через полчаса, напевая песенку, пришагал Чебурашка.

— Ты не знаешь, — обратился к нему крокодил, — откуда здесь взялась злая собака?

Чебурашка вытаращил глаза.

— Не знаю, — сказал он. — Вчера ее не было. Может, ее Галя привела?

Но когда пришла Галя, выяснилось, что и она не приводила никакой злой собаки.

— Значит, собака сама пришла, — сделал предположение Чебурашка.

— Сама? — удивился крокодил. — А кто же написал надпись?

— Сама и написала. Чтобы ее не беспокоили по пустякам!

— Как бы то ни было, — решила девочка, — надо ее оттуда выманить! Давайте привяжем кусочек колбасы на веревочку и бросим на участок. А когда собака схватится за него зубами, мы ее оттуда вытащим через калитку.

Так они и сделали. Взяли кусок колбасы из Чебурашкиного ужина, привязали к бечевке и бросили через забор.

Но никто за веревку не дергал.

— А может, она не любит колбасу? — сказал Чебурашка. — Может, она любит рыбные консервы? Или, например, бутерброды с сыром?

— Если бы не новые штаны, — взорвался Гена, — я бы ей показал!

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы из-за забора вдруг не выскочила кошка. Она держала в зубах ту самую колбасу на веревочке.

Кошка посмотрела на друзей и быстро-быстро убежала. Так быстро, что Чебурашка не успел даже потянуть за шпигатик и выдернуть свой ужин.

— Что же это такое? — разочарованно сказал он. — Пишут одно, а на самом деле другое! — Он зашел за калитку. — Никакой собаки нет!

— И не было! — догадалась Галя. — Просто кто-то решил нам помешать! Вот и все!

— А я знаю кто! — закричал Гена. — Это старуха Шапокляк! Больше никому! Из-за нее мы целый вечер не работали! А завтра она еще что-нибудь придумает. Вот увидите!

— Завтра она ничего не придумает! — твердо заявил Чебурашка. Он стер первую надпись и написал на заборе:

ОСТОРОЖНО: ЗЛОЙ ЧЕБУРАШКА!

Затем он выбрал длинный и толстый шест и прислонил его к калитке изнутри. Если бы кто-нибудь теперь приоткрыл калитку и сунул туда свой любопытный нос, шест непременно бы щелкнул его по голове.

После этого Галя, Гена и Чебурашка спокойно разошлись по своим делам.

Глава двадцатая

Каждый раз поздно вечером старуха Шапокляк выходила из дома для ночного разбоя. Она подрисовывала ушны на афишах и плакатах, вытряхивала из урн мусор и нередко стреляла из пугача, чтобы напугать ночных прохожих.

И в этот вечер она тоже вышла из дома и направилась в город вместе со своей ручной крысой Лариской.

Первым делом она решила пойти на стройку нового дома, чтобы навести там очередной беспорядок.

Когда старуха подошла к забору, она увидела на нем гикую надпись:

ОСТОРОЖНО: ЗЛОЙ ЧЕБУРАШКА!

«Интересно, — подумала старуха, — кто же это такой — злой Чебурашка? Надо посмотреть!»

Ей захотелось приоткрыть калитку и заглянуть внутрь. Но как только она это сделала, палка, приставленная изнутри, сразу же свалилась и пребольно щелкнула ее по носу.

— Безобразники! — закричала старуха. — Сорванцы! Я вам теперь задам! Вот увидите! — И, сунув свою ручную крысу под мышку, она побежала в сторону зоопарка.

В голове у старухи Шапокляк уже созрел грозный план мести. Она знала, что в зоопарке живет очень злой и глупый носорог по имени Птенчик. Старуха по воскресеньям кормила его бубликами, стараясь приручить к себе. Носорог съел целых пять бубликов, и Шапокляк считала, что он совершенно ручной. Она хотела приказывать ему, чтобы он прибежал на стройку, наказал этого «злого Чебурашку» и переломал там все, что мог.

Ворота зоопарка были закрыты. Недолго думая, старуха перемахнула через забор и направилась к клетке с носорогом.

Носорог, конечно, спал. Во сне он, конечно, храпел. А храпел он так сильно, что совершенно непонятно было, как это он ухитряется спать при таком шуме.

— Эй, ты, вставай! — сказала ему старуха. — Дело есть!

Но Птенчик ничего не слышал.

Тогда она стала толкать его в бок через прутья решетки кулаком. Это тоже не дало никакого результата.

Пришлось старухе отыскать длинную палку и палкой колотить носорога по спине.

Наконец Птенчик проснулся. Он был ужасно зол, оттого что его разбудили. И конечно, он уже не помнил ни о каких съеденных бубликах.

А Шапокляк открыла дверцу и с криком: «Вперед! Скорей!» — побежала к выходу из зоопарка.

Носорог бросился за ней, и совсем не потому, что ему хотелось «скорей» и «вперед». Просто ему очень хотелось боднуть эту вредную старушеницу.

Перед самыми воротами Шапокляк остановилась.

— Стоп! — сказала она. — Надо открыть ворота.

Однако носорог не остановился. Прямо с ходу он подбежал к старухе и наподдал ей так, что она в мгновение ока перелетела через забор.

— Бандит! Безобразник! — закричала старуха, потирая ушибленные места. — Сейчас я тебе покажу!

Но показать ей ничего не удалось: носорог проломил ворота и снова устремился за ней в погоню.

— Оболтус несчастный! — кричала Шапокляк на ходу. — Сейчас побегу в милицию, там тебе зададут! Там тебя проучат!

Но в милицию ей бежать было нельзя: там, скорее всего, проучили бы именно ее, а не носорога.

Неизвестно, что было бы дальше, если бы на дороге вдруг не оказалось высокое дерево. В одно мгновение старуха забралась на самую его вершину.

— Порядок. — сказала она, поудобнее устраиваясь на ветках. — Сюда ему не влезть! Ку-ку!

Носорог потоптался-потоптался вниз, а потом улегся спать, отыскав в стороне подходящую канаву.

Глава двадцать первая

А в это время Чебурашка, просидев весь вечер у крокодила, решил наконец отправиться домой. По дороге он надумал зайти на стройку нового дома, чтобы

посмотреть, все ли там в порядке. По теперешним временам это было нелишним.

Чебурашка медленно шел по темной улице. Все в городе давно спали, и вокруг не было ни души. Но вдруг прямо над Чебурашкой, на высоком дереве, послышался какой-то шорох.

— Кто там? — спросил он.

— Это я, — ответил ему тоненький голосок. — Старуха Шапокляк.

И Чебурашка действительно разглядел в ветвях свою старую знакомую.

— А что вы там делаете?

— Висю, — отвечала старуха. — Уже два часа.

— Понятно, — сказал Чебурашка и отправился дальше.

Его несколько не удивил ответ старухи. От нее можно было ожидать чего угодно. И если она два часа висит на дереве, то она знает, что делает. Однако в последнюю минуту Чебурашка вернулся.

— Интересно, а сколько времени вы забирались туда? Наверное, не меньше часа?

— Как же, — сказала старуха, — я не такая копуша. Я забралась сюда за десять секунд!

— За десять секунд? Так быстро? А почему?

— Потому что за мной гнался носорог. Вот почему!

— Вот это да! — протянул Чебурашка. — А кто же его выпустил из зоопарка? И зачем?

Но больше старуха ничего не хотела объяснять.

— Много будешь знать, скоро состаришься! — только и сказала она.

Чебурашка призадумался. Он много раз слышал про этого злого и глупого носорога и прекрасно понимал: надо что-то делать. Иначе скоро не только Шапокляк, но и все остальные жители города окажутся на деревьях, словно елочные украшения.

«Побегу-ка я его искать!» — решил наш герой.

Через несколько секунд он наткнулся на носорога. Тот взревел и бросился за храбрецом. Они мчались по улице с бешеной скоростью. Наконец Чебурашка свернул за угол, а носорог пролетел дальше.

Теперь уже Чебурашка бежал за носорогом, стараясь не отставать. При удобном случае он соби-

рался позвонить в зоопарк и позвать на помощь служителей.

«Интересно, как меня наградят за его задержание?» — размышлял Чебурашка на ходу.

Он знал, что имеется три медали: «За спасение утопающих», «За храбрость» и «За труд». «За спасение утопающих» сюда явно не подходило.

«Наверное, дадут «За храбрость», — думал он, преследуя Птенчика.

«Нет, пожалуй, «За храбрость» не дадут», — мелькало у него в голове, когда ему снова приходилось удирать от разгневанного носорога.

А когда он пробежал по городу целых пятнадцать километров, то окончательно убедился, что будет награжден медалью «За труд».

Но вот Чебурашка увидел одинокий маленький домик, стоящий в стороне. Он сразу же направился к нему. Носорог не отставал. Они обежали вокруг домика пять или шесть раз.

Теперь стало совсем непонятно: кто же за кем гонится? То ли носорог за Чебурашкой, то ли Чебурашка за носорогом, то ли каждый из них бежит сам по себе!

Чтобы разобраться в этой путанице, Чебурашка отскочил в сторону. И пока носорог один носился по кругу, Чебурашка спокойно сидел на лавочке и размышлял.

Вдруг ему в голову пришла замечательная мысль.

— Эй, приятель! — закричал он носорогу. — Давай-ка за мной! — И сам помчался к длинной, постепенно сужающейся улочке.

Птенчик бросился за ним.

Улочка становилась все более узкой. Наконец она сузилась настолько, что носорог дальше бежать не мог. Он застрял между домами, как пробка в бутылке!

Утром за ним пришли служители из зоопарка. Они долго благодарили Чебурашку и даже пообещали подарить ему живого слоненка, когда у них окажется лишенький!

А старуху Шапокляк в этот день снимала с дерева целая пожарная команда.

Глава двадцать вторая

Теперь строительству уже никто не мешал. Но дело не равно продвигалось очень медленно.

— Если мы и дальше будем строить втроем, — сказал однажды Гена, — то мы построим наш дом не раньше чем через год! Нам обязательно нужны помощники!

— Верно! — поддержал его Чебурашка. — И я даже знаю, где их можно взять.

— Где же?

— Сейчас скажу. Для кого мы строим наш дом?

— Для тех, кто хочет подружиться!

— Вот пусть они и помогают нам! Правильно?

— Правильно! — закричали Галя и крокодил. — Это ты здорово придумал! Надо их обязательно позвать!

И на стройке стали появляться помощники. Пришли жирафа Анюта, обезьянка Мария Францевна и, разумеется, двоечник Дима. Кроме того, к строителям присоединилась очень скромная и воспитанная девочка Маруся, круглая отличница.

У нее тоже не было друзей, потому что она была слишком уж тихой и незаметной. Никто даже и не заметил, как она появилась у домика и стала помогать. О ее существовании узнали только на четвертый или на пятый день.

Работали строители до позднего вечера. А когда становилось темно, жирафа брала в зубы фонарь и освещала строительную площадку. Только не надо было говорить ей за это «спасибо», потому что она обязательно бы сказала «пожалуйста» и фонарь тут же упал бы на вашу голову.

Как-то вечером на огонек зашел высокий рыжий гражданин с блокнотом в руках.

— Здравствуйте! — сказал он. — Я из газеты. Объясните, пожалуйста, что вы здесь делаете?

— Мы строим дом, — ответил Гена.

— Какой дом? Для чего? — начал спрашивать корреспондент. — Меня интересуют цифры.

— Домик у нас будет маленький, — объяснил ему крокодил. — Пять шагов в ширину и пять шагов в длину.

— Сколько этажей?

— Этаж один.

— Запишем, — сказал корреспондент и что-то начеркал в своем блокноте. (Жирафа в это время светила ему фонарем.) — Дальше!

— У нас будет четыре окошка и одна дверь, — продолжал Гена. — Домик будет невысокий, всего два метра. Каждый, кто хочет, будет приходить сюда к нам и будет подбирать себе друга. Вот здесь, около окошка, мы поставим столик для работы. А вот здесь, у двери, — диван для посетителей.

— А кто работает на стройке?

— Все мы, — показал Гена. — Я, Чебурашка, жирафа, двоечник Дима и другие.

— Ну что ж, все ясно! — сказал корреспондент. — Только цифры у вас какие-то неинтересные. Придется кое-что подправить. — И он направился к выходу. — До свиданья! Читайте завтрашние газеты!

В завтрашних газетах наши друзья с удивлением прочитали такую заметку:

Новости

В нашем городе строится замечательный дом — Дом дружбы. Высота его — десять этажей. Ширина — пятьдесят шагов. Длина — тоже. На стройке работают десять крокодилов, десять жираф, десять обезьян и десять круглых отличников. Дом дружбы будет построен к сроку.

— Да, — сказали «десять крокодилов», после того как прочитали заметку, — надо же так подправить!

— Врунишка он! — попросту заявили «десять круглых отличников», шмыгая носом. — Мы с такими встречались!

И все строители единогласно решили не подпускать больше длинного гражданина к своему домику. Даже на десять пушечных выстрелов.

Глава двадцать третья

Дом рос не по дням, а по часам. Сначала он был крокодилу по колено. Затем по шейку. А потом и совсем закрыл его с

ручками. Все были очень довольны. Только Чебурашка с каждым днем становился все печальнее и печальнее.

— Что с тобой? — спросил его однажды крокодил. — У тебя неприятности?

— Да, — ответил Чебурашка, — у меня неприятности. Наш магазин собираются закрывать. Никто не покупает ценных товаров!

— Чего же ты раньше молчал? — снова спросил Гена.

— Я не хотел беспокоить вас по пустякам. У вас же и своих забот хватает!

— Ничего себе «пустяки»! — вскричал крокодил. — Ну ладно, мы тебе как-нибудь поможем...

— Придумал! — закричал он через пять минут. — Во сколько открывается твой магазин?

— В одиннадцать.

— Ну хорошо! Все будет в порядке!

На следующий день крокодил первым делом отпросился с работы. Вместо него в зоопарке дежурил его сменщик Вилера.

А сам Гена и все остальные друзья, кто был свободен в это утро, за два часа до открытия собрались у входа в Чебурашкин магазин.

Гена, Галя, Дима, длинноногая жирафа и сам Чебурашка топтались около дверей, заглядывали в окна и в нетерпении восклицали:

— Когда же его откроют! Когда же его откроют?

Подожли директор магазина и продавцы. Они тоже стали заглядывать в окна своего магазина и восклицать:

— Когда же его откроют! Когда же его наконец откроют?

Проходила мимо старуха Шапокляк со своей дрессированной Лариской. Подумала, подумала и встала в очередь.

Подожел маленький старичок с большой сумкой и спросил у нее, что же будут продавать. Шапокляк ничего не говорила и только многозначительно пожимала плечами.

«Наверное, что-нибудь интересное», — решил старичок и тоже стал заглядывать в окна.

Короче, к открытию магазина очередь достигла катастрофических размеров.

В одиннадцать двери открылись, и люди бросились в магазин.

Они покупали все, что попадалось под руку. Обидно было простоять два часа в очереди и ничего не купить. Только керосиновые лампы никому не были нужны. У всех было электричество.

Тогда директор магазина достал краски и написал:

**ЕСТЬ КЕРОСИНОВЫЕ ЛАМПЫ!!!! ПРОДАЖА ВО ДВОРЕ.
ОТПУСК ПО ДВЕ ШТУКИ В ОДНИ РУКИ!**

Тотчас же все покупатели устремились во двор и стали расхватывать лампы. Те, кто купил их, были очень довольны собой, а те, кому ламп не хватило, сильно огорчились и ругали магазинное начальство.

Что касается старухи Шапокляк, то она приобрела целых две пары — на себя и на свою Лариску. Так они, эти лампы, и хранятся у нее до сих пор. Как говорится, на черный день.

Глава двадцать четвертая

Однажды в воскресенье Гена обратился ко всем строителям.

— Стены домика почти готовы, — сказал он. — И надо решить: из чего же делать крышу?

— Как — из чего? — воскликнула жирафа. — Но ведь это же очень просто! — Она наклонилась, поправила кирпич, неправильно лежавший на стене, и продолжала: — Крышу обычно делают из того, что не пропускает воду! Впрочем, крышу можно и вообще не делать!

— Спасибо, — поблагодарил Анюту крокодил. — Нам стало все значительно яснее! А что скажет наша уважаемая обезьянка?

Мария Францевна призадумалась на минутку, потом вытащила из кармана чистый носовой платок, выложила в него все свои сокровища и сказала:

— Ничего.

После этого она тщательно уложила все свои драгоценности обратно в рот. Между прочим, за последнее время щеки у обезьянки заметно потолстели. Потому что

новые знакомые стали отдавать ей на хранение разные мелкие предметы.

Если вы, например, случайно нашли на улице ключик от чемодана, а самого чемодана пока еще не нашли, вы спокойно могли бы отдать свой ключик обезьянке. К тому времени, когда вам наконец попадется чемодан, ключик будет у нее в целости и сохранности.

— Ну что же, — продолжал тем временем Гена, — ну ждали никто ничего не посоветует?

— А можно мне сказать? — попросила тихая девочка Мируся. — Мне кажется, я придумала. Вот у нас вокруг домика стоит забор. А он нам теперь не нужен! Из него можно сделать крышу!

— Ура! — закричали строители. — Она правильно придумала!

— Согласен, — сказал Гена. — Но тогда мне нужны гвозди. — Он прикинул в уме. — Примерно сорок штук гвоздей! А где их взять?

Все посмотрели на Чебурашку.

— Надо — значит, надо! — скромно сказал он. — Я достану гвозди!

Он немного подумал и побежал на окраину города. Туда, где располагался главный городской строительный склад.

У ворот склада сидел на лавочке главный кладовщик в пиленках.

Чебурашка решил начать разговор издали.

— Солнышко светит, травка зеленеет! — сказал он. — А нам вот так нужны гвозди! Не дадите немножко?

— Это не травка зеленеет, — ответил кладовщик. — Это краску пролили. А гвоздей нет. Каждый ящик на учете.

— Зато птички поют, — продолжал Чебурашка. — Заслушаешься! А может, найдете лишние? Нам же немного надо!

— Если бы это птички пели... — вздохнул кладовщик. — То же ворота скрипят. И искать не буду! Ничего лишнего нету!

— Очень жаль, — сказал Чебурашка, — что это не птички скрипят! А мы строим Дом дружбы!

— Дом дружбы? — заинтересовался кладовщик. — Ну, тогда другое дело! Тогда я дам тебе гвозди. Уж так и быть, бери! Только я дам тебе гнутые гвозди. Идет?

— Идет! — обрадовался Чебурашка. — Большое спасибо. Только дайте мне уж заодно и гнутый молоток!

— Гнутый молоток? — удивился кладовщик. — А зачем?

— Как — зачем? Забивать гнутые гвозди!

Тут даже выдавший виды кладовщик в валенках не удержался и захохотал:

— Ну ладно, так и быть. Дам тебе прямых гвоздей. А гнутые выпрямлю сам! Держи.

И обрадованный Чебурашка побежал на стройку.

Глава двадцать пятая

И вот уже домик почти готов. Остается совсем немного. Надо только покрасить его изнутри и снаружи. И тут у друзей возникли разногласия.

Крокодил Гена сам был зеленым, и он считал, что домик должен быть зеленого цвета. Потому что этот цвет самый приятный для глаз. Коричневая обезьянка Мария Францевна считала, что самый приятный для глаз — коричневый цвет. А долговязая Анюта все время твердила, что самый лучший — жирафовый цвет. И если сделать дом таким, то все жирафы города будут очень благодарны строителям.

Наконец Чебурашка предложил каждому выбрать себе одну стенку и покрасить ее так, как хочется.

Домик вышел на славу. Все стены у него получились разные: одна — зеленая, другая — коричневая, третья — желтая с черными пятнами. А четвертая стена отливала всеми цветами радуги. Ее красил двоечник Дима. У него не было любимой краски, поэтому он макал кисточку во все ведра по очереди.

— Ты знаешь, — сказала Галя Чебурашке, — мы с Геной решили, что тебе надо сказать приветственную речь при открытии домика.

— Но я боюсь, у меня ничего не получится, — ответил Чебурашка. — Я никогда не говорил речей!

— Ничего, получится, — успокоила его Галя. — Надо будет только немного потренироваться. Я сейчас скажу тебе одно небольшое стихотворение, а ты ходи и все

время повторять. Если ты повторишь его без запинки, значит, ты сможешь сказать любую речь.

И она сказала ему одну небольшую скороговорочку, которую запомнила с детства:

Мышка сушек засушила,
Мышка мышек пригласила.
Мышки сушки кушать стали —
Зубы сразу же сломали.

— Это очень легкое стихотворение, — решил Чебурашка. — Я его сразу повторю.

И он продекламировал:

Мышка шусек засушила,
Мышка мышек пригласила.
Мышки суски кусать штали —
Зубы сразу же шломали.

«Нет, — подумал он, — что-то я неправильно говорю. Почему «мышки» и почему «кусать»? Ведь правильно говорить «мышки» и «кушать». Ну-ка, попробуем сначала!»

Мышка сушек засушила, —

правильно начал он.

Мышка мышек пригласила, —

тоже почти правильно. Но дальше получилось вот что:

Мышки шуски кусать штали —
Жубы шражу же шломали.

— Сто же это такое полусдается? — рассердился Чебурашка. — Я и двух слов связать не могу! Жначит, надо как можно больше заниматься!

И он занимался и занимался всю ночь!

Глава двадцать шестая

Праздник получился на славу. Все строители явились на него очень радостные и нарядные.

Крокодил Гена надел самый лучший костюм и самую лучшую соломенную шляпу.

Галя была в своей любимой красной шапочке.

А жирафа Анюта и обезьянка Мария Францевна выглядели, словно они пришли сюда прямо из химчистки.

Галя, Гена и Чебурашка втроем вышли на крыльцо.

— Уважаемые граждане, — первой начала Галя.

— Уважаемые гражданки, — продолжил крокодил.

— И уважаемые гражданятки, — последним произнес Чебурашка, чтобы тоже что-нибудь сказать.

— Сейчас вам Чебурашка скажет речь! — закончила Галя.

— Говори, — подтолкнул Чебурашку крокодил. — Ты готов?

— Конесьно, — ответил тот. — Всю нось жанимался!

И Чебурашка сказал речь. Вот она, речь Чебурашки:

— Ну, что я могу шказать? Все мы осень рады! Штроили мы, штроили и наконец поштроили! Да ждравствуют мы! Ура!

— Ура! — закричали строители.

— Ну сто? — спросил Чебурашка. — Ждорово у меня полусилось?

— Ждорово! — похвалил его Гена. — Молодсяга!

После этого крокодил торжественно перегрыз ленточку, привязанную над порогом, и Чебурашка под общие аплодисменты открыл входную дверь.

Но как только Чебурашка открыл входную дверь, ему на голову неожиданно свалился большой красный кирпич! У Чебурашки в голове все перемешалось. Он уже не понимал, где небо, где земля, где домик и где он сам, Чебурашка.

Но несмотря на это, Чебурашка сразу понял, кто положил кирпич на дверь.

— Ну погоди же! — сказал он. — Ну погоди, несчастная Шапокляк! Я с тобой еще поквитаюсь!

А несчастная Шапокляк стояла в это время на балконе своего дома и смотрела в подозрную трубу, как у Чебурашки на голове вырастала здоровенная шишка.

Она давала заглядывать в трубу также и своей дрессированной Лариске. Обе были счастливы как никогда.

Глава двадцать седьмая

— А теперь пора за работу, — сказала Галя. — Сейчас мы будем записывать в книгу всех, кому нужны друзья. Скажите, пожалуйста, кто первый?

Но тут наступила пауза. Как ни странно, первого не было.

— Кто же первый? — переспросил Гена. — Неужели никого нет?

Все молчали. Тогда Галя обратилась к длинноногой ниграфе:

— Скажите, а разве вам не нужны друзья?

— Не нужны, — ответила Анюта. — У меня уже есть друг.

— Кто же это? — спросил Чебурашка.

— Как — кто? Обезьянка! Мы с ней давно подружились!

— А как же вы с ней гуляете? — снова задал вопрос Чебурашка. — Ведь она может провалиться в яму!

— Нет, не может, — сказала жирафа. Она наклонилась, откусила кусочек соломенной шляпы крокодила и продолжала: — Когда мы гуляем, она сидит у меня на шее, как воротник. И нам очень удобно разговаривать.

— Вот это да! — изумился Чебурашка. — Я бы до этого никогда не додумался!

— Ну, а ты, Дима? — спросила Галя. — Разве ты завел себе друга?

— Завел, — ответил Дима. — Еще как завел!

— Кто же это, если не секрет? Покажи нам.

— Вот кто. — Дима показал пальцем на Марусю.

— Но ведь у нее совсем нет двоек! — удивился Гена.

— Это, конечно, плохо, — согласился мальчишка.

— Но двойки — это не главное. Если у человека нет двоек, еще не значит, что он никуда не годится! Зато у

нее можно списать и она помогает мне делать уроки! Вот!

— Ну что ж, — объявила Галя, — дружите на здоровье! Мы будем только рады. Правильно я говорю?

— Правильно, — согласились Гена и Чебурашка. — Только кого мы будем передруживать, если все уже передружились?

Вопрос был справедливый. Больше желающих подружиться не оказалось.

— Что же это получается? — грустно сказал Чебурашка. — Строили, строили, и все напрасно.

— И совсем не напрасно, — возразила Галя. — В-первых, мы подружили жирафу и обезьянку. Правильно?

— Правильно! — закричали все.

— Во-вторых, мы подружили Диму и Марусю. Правильно?

— Правильно! — закричали все.

— А в-третьих, у нас теперь есть новый домик, и мы можем его кому-нибудь подарить. Например, Чебурашке: ведь он живет в телефонной будке. Правильно?

— Правильно! — в третий раз закричали все.

— Нет, неправильно — вдруг сказал Чебурашка. — Этот дом надо отдать не мне, а всем нам вместе. Мы устроим здесь клуб и будем приходить сюда по вечерам, чтобы играть и видаться друг с другом!

— А как же ты? — спросил крокодил. — Ты так и будешь жить в телефонной будке?

— Ничего, — ответил Чебурашка. — Я как-нибудь перебьюсь. Но вот если бы меня взяли в детский сад работать игрушкой, то это было бы просто здорово! Днем бы я играл с ребятами, а ночью я бы спал в этом саду и заодно сторожил бы его. Только никто меня не возьмет в детский сад, ведь я же неизвестно кто.

— Как это так — неизвестно кто?! — вскричал крокодил. — Очень даже известно! Хотел бы я быть таким неизвестно кто!

— Мы все за тебя попросим, — сказали Чебурашке звери. — Тебя любой детский сад возьмет на работу и еще благодарить будет!

— Ну что же, — сказал Чебурашка, — тогда я очень счастлив!

Так наши герои и сделали. В домике устроили клуб, а Чебурашку отдали в детский сад игрушкой. Все были очень довольны.

Поэтому я решил взять в руки карандаш и написать одно короткое слово:

КОНЕЦ

Но как только я взял в руки карандаш и написал слово «конец», ко мне прибежал Чебурашка.

— Как так — конец? — воскликнул он. — Нельзя писать «конец»! Я еще не рассчитался с этой зловредной Шапокляк! Сначала мы с ней поквитаемся, а потом уже можно будет писать: «Конец».

— Ну что же, квитайтесь, — сказал я. — Интересно, как это у вас получится.

— Очень просто, — ответил Чебурашка. — Вот увидите!

Все оказалось действительно очень просто.

На другое же утро Гена, Галя и Чебурашка все вместе явились во двор старухи Шапокляк. В руках они держали большие разноцветные красивые воздушные шары.

Шапокляк сидела в это время на лавочке и обдумывала планы очередных каверзных дел.

— Подарить вам шарик? — обратился к старухе Чебурашка.

— Задаром?

— Конечно, задаром!

— Давай, — сказала старуха и схватила все Чебурашкины ярко раскрашенные шары. — В руки берется, назад не отдается! — тут же заявила она.

— А еще надо? — спросила Галя.

— Давай!

Теперь у нее в руках было уже две связки шаров, и они буквально отрывали старуху от земли.

— А еще дать? — вступил в разговор Гена, протягивая свои шарики.

— Конечно! — И Генины шары тоже оказались в руках у жадной Шапокляк.

Вот уже не две, а три связки шаров поднимали старуху вверх. Медленно-медленно она оторвалась от земли и поплыла к облакам.

— Но я не хочу на небо! — кричала старуха.

Однако было уже поздно. Ветер подхватил ее и уносил дальше и дальше.

— Разбойники! — кричала она. — Я еще вернусь! Я еще покажу вам! Вам всем житья не будет!

— Может, и вправду она вернется? — спросила Галя у Чебурашки. — Тогда нам действительно житья не будет.

— Не беспокойся, — сказал Чебурашка. — Ветер унесет ее далеко-далеко, и без помощи людей ей ни за что не вернуться. А если она останется такой же вредной и злой, как сейчас, ей никто помогать не станет. Значит, она просто не сможет добраться до нашего города. Ну что, хорошо мы ее проучили?

— Хорошо, — сказал крокодил.

— Хорошо, — согласилась Галя. После этого мне ничего не оставалось сделать, как взять в руки карандаш и написать три коротеньких слова:

КОНЕЦ ЭТОЙ ПОВЕСТИ

Дядя Федор, пес и кот

Повесть-сказка

Часть первая Приезд в Простоквашино

Глава первая
Дядя Федор

У одних родителей мальчик был.

Звали его дядя Федор. Потому что он был очень серьезный и самостоятельный. Он в четыре года читать научился, а в шесть уже сам себе суп варил. В общем, он был очень хороший мальчик. И родители были хорошие — папа и мама.

И все было бы хорошо, только мама его зверей не любила. Особенно всяких кошек. А дядя Федор зверей любил, и у него с мамой всегда были разные споры.

А однажды было так. Идет себе дядя Федор по лестнице и бутерброд ест. Видит — на окне кот сидит. Большой-пыхбольшой, полосатый. Кот говорит дяде Федору:

— Неправильно ты, дядя Федор, бутерброд ешь. Ты его колбасой кверху держишь, а его надо колбасой на язык класть. Тогда вкуснее получится.

Дядя Федор попробовал — так и вправду вкуснее. Он кота угостил и спрашивает:

— А откуда ты знаешь, что меня дядей Федором звать?

Кот отвечает:

— Я в нашем доме всех знаю. Я на чердаке живу, и мне все видно. Кто хороший и кто плохой. Только сейчас мой чердак ремонтируют, и мне жить негде. А потом и вовсе могут дверь запереть.

— А кто тебя разговаривать научил? — спрашивает дядя Федор.

— Да так, — говорит кот. — Где слово запомнишь, где два. А потом, я у профессора одного жил, который язык

зверей изучал. Вот и выучился. Сейчас без языка нельзя. Пропадешь сразу, или из тебя шапку сделают, или воротник, или просто коврик для ног.

Дядя Федор говорит:

— Пошли ко мне жить.

Кот сомневается:

— Мама твоя меня выгонит.

— Ничего, не выгонит. Может, папа заступится.

И пошли они к дяде Федору. Кот поел и весь день под диваном спал, как барин. А вечером папа с мамой пришли. Мама, как вошла, сразу и сказала:

— Что-то у нас кошачьим духом пахнет. Не иначе как дядя Федор кота притащил.

А папа сказал:

— Ну и что? Подумаешь, кот. Один кот нам не помешает.

Мама говорит:

— Тебе не помешает, а мне помешает.

— Чем он тебе помешает?

— Тем, — отвечает мама. — Ну ты вот сам подумай — какая от этого кота польза?

Папа говорит:

— Почему обязательно польза? Вот какая польза от этой картины на стене?

— От этой картины на стене, — говорит мама, — очень большая польза. Она дырку на обоях загоразживает.

— Ну и что? — не соглашается папа. — И от кота будет польза. Мы его на собаку выучим. Будет у нас сторожевой кот. Будет дом охранять. Не лает, не кусает, а в дом не пускает.

Мама даже рассердилась:

— Вечно ты со своими фантазиями! Ты мне сына испортил... Ну вот что. Если тебе этот кот так нравится, выбирай: или он, или я.

Папа сначала на маму посмотрел, потом на кота. Потом опять на маму и опять на кота.

— Я, — говорит, — тебя выбираю. Я с тобой уже давно знаком, а этого кота первый раз вижу.

— А ты, дядя Федор, кого выбираешь? — спрашивает мама.

— А никого, — отвечает мальчик. — Только если вы кота прогоните, я тоже от вас уйду.

— Это ты как хочешь, — говорит мама, — только чтобы кота завтра не было!

Она, конечно, не верила, что дядя Федор из дома уйдет. И папа не верил. Они думали, что он просто так игнорирует. А он серьезно говорил.

Он с вечера сложил в рюкзак все, что надо. И ножик перочинный, и куртку теплую, и фонарик. Взял все деньги, которые на аквариум копил. И приготовил сумку для кота. Кот как раз в этой сумке помещался, только усы наружу торчали. И лег спать.

Утром папа с мамой на работу ушли. Дядя Федор проснулся, сварил себе каши, позавтракал с котом и стал письмом писать:

ДОРОГИЕ МОИ РОДИТЕЛИ! ПАПА И МАМА!

Я ВАС ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ. И ЗВЕРЕЙ Я ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ. И ЭТОГО КОТА ТОЖЕ. А ВЫ МНЕ НЕ РАЗРЕШАЕТЕ ЕГО ЗАВОДИТЬ. ВЕЛИТЕ ИЗ ДОМА ПРОГНАТЬ. А ЭТО НЕПРАВИЛЬНО. Я УЕЗЖАЮ В ДЕРЕВНЮ И БУДУ ТАМ ЖИТЬ. ВЫ ЗА МЕНЯ НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ. Я НЕ ПРОПАДУ. Я ВСЕ УМЕЮ ДЕЛАТЬ И БУДУ ВАМ ПИСАТЬ. А В ШКОЛУ МНЕ ЕЩЕ НЕ СКОРО. ТОЛЬКО НА БУДУЩИЙ ГОД.

ДО СВИДАНИЯ.

ВАШ СЫН — ДЯДЯ ФЕДОР.

Он положил это письмо в свой собственный почтовый ящик, взял рюкзак и кота в сумке и пошел на автобусную остановку.

Глава вторая
Деревня

Дядя Федор сел в автобус и поехал. Ехать было хорошо. Автобусы в это время за город совсем пустые идут. И никто им не мешал разговаривать. Дядя Федор спрашивал, а кот из сумки отвечал.

Дядя Федор спрашивает:

— Как тебя зовут?

Кот говорит:

— И не знаю как. И Барсиком меня звали, и Пушком, и Оболтусом. И даже Кис Кисычем я был. Только мне все это не нравится. Я хочу фамилию иметь.

— Какую?

— Какую-нибудь серьезную. Морскую фамилию. Я же из морских котов. Из корабельных. У меня и бабушка и дедушка на кораблях плавали с матросами. И меня тоже в море тянет. Очень я по океанам тоскую. Только я воды боюсь.

— А давай мы дадим тебе фамилию Матроскин, — говорит дядя Федор. — И с котами связано, и что-то морское есть в этой фамилии.

— Да, морское здесь есть, — соглашается кот, — это верно. А чем же это с котами связано?

— Не знаю, — говорит дядя Федор. — Может быть, тем, что коты полосатые, и матросы тоже. У них тельняшки такие.

И кот согласился:

— Мне нравится такая фамилия — Матроскин. И морская, и серьезная.

Он так обрадовался, что у него теперь фамилия есть, что даже заулыбался от радости. Он поглубже в сумку залез и стал свою фамилию примерять: «Позовите, пожалуйста, кота Матроскина к телефону». — «Кот Матроскин подойти к телефону не может. Он очень занят. Он на печи лежит».

И чем больше он примерял, тем больше ему нравилось. Он из сумки высунулся и говорит:

— Очень мне нравится, что фамилия у меня не дразнительная. Не то что, например, Иванов или там Петров.

Дядя Федор спрашивает:

— Чем это они дразнительные?

— А тем, что всегда можно говорить: «Иванов без штанов, Петров без дров». А про Матроскина ничего такого не скажешь.

Тут автобус остановился. Они в деревню приехали.

Деревня красивая. Кругом лес, поля, и речка недалеко. Ветер дует такой теплый, и комаров нет. И народу в деревне очень мало живет.

Дядя Федор увидел одного старичка и спрашивает:

— Нет ли у вас тут домика лишнего пустого? Чтобы там жить можно было?

Старик говорит:

— Да сколько хочешь! У нас за рекой новый дом построили, пятиэтажный, как в городе. Так полдеревни туда переехало. А свои дома оставили. И огороды. И даже кур кое-где. Выбирай себе любой и живи.

И пошли они выбирать. А тут к ним пес подбегает. Лохматый такой, взъерошенный. Весь в репьях.

— Возьмите меня к себе жить! — говорит. — Я буду вам дом охранять.

Кот не согласен:

— Нечего у нас охранять. У нас и дома-то нет. Ты к нам через год прибегай, когда мы разбогатеем. Тогда мы тебя возьмем.

Дядя Федор говорит:

— Ты, кот, помолчи. Хорошая собака еще никому не мешала. Давай мы лучше узнаем, где он разговаривать научился.

— Я дачу охранял одного профессора, — отвечает пес, — который язык зверей изучал. Вот и выучился.

— Это, наверное, мой профессор! — кричит кот. — Смирин Иван Трофимович! У него еще была жена, двое детей и бабушка с веником. И он все словарь составлял «Русско-кошачий».

— «Русско-кошачий» — не знаю, а «Охотничье-собачий» составлял. И «Корово-пастухачий» тоже. А бабушка теперь уже не с веником. Ей пылесос купили.

— Все равно это мой профессор, — говорит кот.

— А где же он сейчас? — спрашивает мальчик.

— Он в Африку уехал. В командировку. Язык слонов изучать. А я с бабушкой остался. Только мы с ней характерами не сошлись. Я люблю, когда у человека характер веселый — колбасно-угощательный. А у нее наоборот — тяжелый характер. Венико-выгонятельный.

— Это точно, — поддерживает кот, — и характер тяжелый, и веник тоже.

— Ну что? Возьмете меня к себе жить? — спрашивает пес. — Или мне потом прибегать? Через год?

— Возьмем, — отвечает дядя Федор. — Втроем веселее. Как тебя зовут?

— Шарик, — говорит пес. — Я из простых собак. Не из породистых.

— А меня дядя Федор зовут. А кота — Матроскин, это фамилия такая.

— Очень приятно, — говорит Шарик и кланяется. Сразу видно, что он воспитанный. Из хорошей семьи пес. Только запущенный.

Но кот все равно недоволен. Он у Шарика спрашивает:

— Что ты делать умеешь? Просто дом сторожить и замок может.

— Я могу картошку окучивать задними лапами. И посуду мыть — языком облизывать. И места мне не надо, я могу на улице спать.

Очень он боялся, что его не возьмут.

А дядя Федор сказал:

— Сейчас будем дом выбирать. Пусть каждый по деревне пройдет и посмотрит. А потом мы решим, чей дом лучше.

И стали они смотреть. Каждый ходил и выбирал, что ему больше нравится. А потом они снова встретились. Кот говорит:

— Я такой дом нашел! Весь проконопаченный. И печка там теплая! На полкухни! Пошли туда жить.

Шарик как засмеется:

— Что твоя печка! Чепуха! Разве это в доме главное? Вот я дом нашел — это дом! Там такая будка собачья — загляденье! Никакого дома не надо. Все мы в будке поместимся!

Дядя Федор говорит:

— Не о том вы оба думаете. Надо, чтобы в доме телевизор был обязательно. И окна большие. Я как раз и нашел такой дом. Крыша красная. И сад с огородом есть. Пошли его смотреть!

И пошли они смотреть. Как только подошли, Шарик кричит:

— Это же мой дом! Я про эту будку говорил.

— И печка моя! — говорит кот. — Я о такой печке всю жизнь мечтал! Когда холодно было.

— Вот и хорошо! — сказал дядя Федор. — Мы, наконец, и в самом деле лучший дом выбрали.

Осмотрели они дом и обрадовались. Все в доме было. И печка, и кровати, и занавесочки на окнах! И радио, и телевизор в углу. Правда, старенький. И котелки разные на кухне были, чугунные. И в огороде все было посажено. И картошка, и капуста. Только все запущено было, не приползло. А в сарае удочка была.

Дядя Федор взял удочку и пошел рыбу ловить. А кот с Шариком печку истопили и воды принесли.

Потом они поели, радио послушали и спать легли. Очень им в этом доме понравилось.

Глава третья Новые заботы

На другое утро дядя Федор, пес и кот дом в порядок приводили. Паутину сметали, мусор выносили, печку чистили. Особенно кот старался: он чистоту любил. Он с тряпкой на все шкафы, под все диваны залезал. Дом и так был не очень грязный, а тут совсем заблестел.

А от Шарика пользы мало было. Он только носился, лаял от радости и чихал во все углы. Дядя Федор не выдержал и послал его в огород картошку окучивать. И пес так заработал, что только земля летела во все стороны.

Весь день они так трудились. И морковь пропололи, и капусту. Ведь они сюда жить приехали, а не в игрушки играть.

А потом они мыться на речку отправились и, главное, Шарика купать.

— Уж больно ты у нас запущенный, — говорит дядя Федор. — Придется тебе отмыться как следует.

— Я бы рад, — отвечает пес, — только мне помощь нужна. Я один не могу. У меня мыло из зубов выскакивает. А без мыла что за мытье! Так, намокание!

Он в воду залез, а дядя Федор его намыливал и шерсть расчесывал. А кот по берегу ходил и все грустил о разных океанах. Он же был морской кот, просто он воды боялся.

Потом они домой пошли по тропинке под солнышком. А навстречу им какой-то дядя бежит. Румяный такой, в шапке. Лет пятидесяти с хвостиком. (Это не дядя с хвостиком, а возраст у него с хвостиком. Значит, ему пятьдесят лет и еще чуть-чуть.) Остановился дядя и спрашивает:

— А ты, мальчик, чей? Ты откуда к нам в деревню попал?

Дядя Федор отвечает:

— Я ничей. Я сам по себе мальчик. Свой собственный. Я из города приехал.

Гражданин в шапке удивился ужасно и говорит:

— Так не бывает, чтобы дети сами по себе были. Свои собственные. Дети обязательно чьи-нибудь.

— Это почему не бывает?! — рассердился Матроскин. — Я, например, кот — сам по себе кот! Свой собственный!

— И я свой собственный! — говорит Шарик.

Дядя совсем растерялся. Видит: тут и собаки разговаривают, и коты. Что-то необычное здесь. Значит, непорядок. Да к тому ж еще дядя Федор сам наступать начал:

— А вы почему спрашиваете? Вы, случайно, не из милиции?

— Нет, я не из милиции, — отвечает дядя. — Я из почты. Я почтальон тутошний — Печкин. Поэтому я все должен знать. Чтобы письма разносить и газеты. Вы, например, что выписываете?

— Я буду «Мурзилку» выписывать, — говорит дядя Федор.

— А я что-нибудь про охоту, — говорит Шарик.

— А вы? — спрашивает дядя у кота.

— А я ничего не буду, — отвечает кот. — Я экономить буду.

Глава четвертая
Клад

Однажды кот говорит:

— Что это мы все без молока и без молока? Так и умереть можно. Надо бы корову купить.

— Надо бы, — соглашается дядя Федор. — Да где денег взять?

— Может, занять? — предлагает пес. — У соседей.

— А чем отдавать будем? — спрашивает кот. — (Отдавать-то надо.

— А отдавать будем молоком.

Но кот не согласен:

— Если молоко отдавать, зачем же тогда корова?

— Значит, надо что-нибудь продать, — говорит Шарик.

— А что?

— Что-нибудь ненужное.

— Чтобы продать что-нибудь ненужное, — сердится кот, — надо сначала купить что-нибудь ненужное. А у нас денег нет. — Тут он на пса посмотрел и говорит: — А давай, Шарик, мы тебя продадим.

Шарик даже на месте подпрыгнул:

— Это как так — меня?

— А так. Ты у нас ухоженный стал, красивый. За тебя любой охотник сто рублей даст. И еще больше. А потом ты от него убежишь — и снова к нам. А мы уже с коровой.

— Да? — кричит Шарик. — А если меня на цепь посадят?! Давай, кот, мы тебя продадим. Ты у нас тоже ухоженный. Вон какой толстый сделался. А котов на цепь не сажают.

Тут дядя Федор вмешался:

— Никого мы продавать не будем. Мы пойдем клад искать.

— Ура! — кричит Шарик. — Давно пора! — А сам потихоньку у кота спрашивает: — А что такое склад?

— Не склад, а клад, — отвечает кот. — Это деньги такие и сокровища, которые люди в землю спрятали. Разбойники всякие.

— А зачем?

— А зачем ты косточки в саду закапываешь и под печку суешь?

— Я? Про запас.

— Вот и они про запас.

Пес сразу все понял и решил кости перепрятать, чтобы кот про них ничего не знал.

И пошли они клад искать. Кот говорит:

— И как это я сам не додумался про клад? Ведь мы теперь и корову купим, и в огороде можем не работать. Мы все можем на рынке покупать.

— И в магазине, — говорит Шарик. — Мясо лучше в магазине покупать.

— Почему?

— Там костей больше.

И тут они на одно место пришли в лесу. Там была большая гора земляная, а в горе пещера была. В ней когда-то разбойники жили. И дядя Федор стал копать. А пес и кот уселись рядом на камушке. Пес спрашивает:

— А почему ты, дядя Федор, в городе клад не искал?

Дядя Федор говорит:

— Чудак ты! Кто же в городе клады ищет! Там и копать нельзя — асфальт везде. А здесь вон какая земля мягкая — один песок. Здесь мы в два счета клад найдем. И корову купим.

Пес говорит:

— А давайте, когда мы клад найдем, мы его на три части поделим.

— Почему? — спрашивает кот.

— Потому что мне корова не нужна. Я молоко что-то не люблю. Я себе буду колбасу в магазине покупать.

— Да и я молоко что-то не очень люблю, — говорит дядя Федор. — Вот если бы корова квас давала или лимонад...

— А мне одному денег на корову не хватит! — спорит кот. — В хозяйстве корова нужна. Что это за хозяйство — без коровы?

— Ну и что? — говорит Шарик. — Не обязательно большую корову покупать. Ты купи маленькую. Есть такие специальные коровы для котов. Козы называются.

И тут у дяди Федора лопата как звякнет обо что-то — а это сундук окованный. А в нем всякие сокровища и монеты старинные. И камни драгоценные. Взяли они этот сундук и домой пошли. А навстречу им почтальон Печкин спешит:

— Что это ты, мальчик, в сундуке несешь?

Кот Матроскин хитрый, он и говорит:

— Это мы за грибами ходили.

Но Печкин тоже не прост:

— А сундук для чего?

— Для грибов. Мы в нем грибы засаливаем. Прямо в лесу. Ясно вам?

— Конечно, ясно. Чего ж тут неясного? — говорит Печкин.

А самому ничего не ясно. Ведь за грибами с корзинами ходят. А тут на тебе — с сундуком! Они бы еще с чемоданом пошли. Но все-таки Печкин отстал.

А они уже домой пришли. Посмотрели — очень много денег в сундуке. Не только корову — целое стадо можно купить вместе с быком. И они решили, что каждый себе подарок сделает. Чего хочет, то и купит.

Глава пятая Первая покупка

Папа с мамой очень горевали, что дядя Федор пропал.

— Это ты виноват, — говорила мама. — Все ему разрешаешь, он и избаловался.

— Просто он зверей любит, — объяснял папа. — Вот и ушел с котом.

— А ты бы его к технике приучал. Купил бы ему конструктор или пылесос, чтобы он делом занимался.

Но папа не согласен:

— Кот — он живой. С ним и играть можно, и на улице гулять. А конструктор будет тебе за бумажкой прыгать? Или можно, например, пылесос на веревочке водить? Ему не игрушка — ему товарищ нужен.

— Не знаю, что ему там нужно! — говорит мама. — Только все дети как дети — сидят себе в углу и из желудей человечков делают. Посмотришь, и сердце радуется.

— У тебя радуется, а у меня не радуется. Надо, чтобы в доме и собаки были, и кошки, и приятелей целый мешок. И всякие там жмурки-пряталки. Вот тогда дети и не станут пропадать.

— Тогда родители пропадать начнут, — говорит мама. — Потому что я и без того на работе устаю. У меня еле-еле сил хватает телевизор смотреть. И вообще, ты мне свои глупости не говори. Ты лучше скажи, как нам мальчика разыскать.

Папа думал, думал, а потом сказал:

— Надо заметку в газете напечатать, что пропал мальчик. Зовут дядя Федор. И все его приметы описать. Если кто увидит, пусть нам сообщит.

Так они и сделали. Написали заметку. Рассказали, как дядя Федор выглядит. Сколько ему лет. И что у него спереди волосы торчком, как будто корова его лизнула. И обещали премию тому, кто его найдет. И отнесли заметку в самую интересную газету. У которой больше всего читателей.

А дядя Федор ничего этого не знал. Он в деревне жил. Он на другое утро спрашивает у кота:

— Слушай, кот, как ты раньше жил?

Кот говорит:

— Плохо жил. Хуже некуда. Я больше так не хочу.

— А ты, Шарик, как жил?

— Нормально жил. Серединка на половинку. Когда покормят, хорошо жил, когда не покормят — плохо.

— И я тоже нормально жил. Серединка на половинку, — говорит дядя Федор. — Только теперь мы будем по-другому жить. Мы будем жить счастливо. Вот тебе, Матроскин, что нужно для счастья?

— Корова нужна.

— Ну и хорошо, покупай себе корову. А еще лучше — напрокат возьми. Чтобы сначала попробовать.

Кот подумал и сказал:

— Это мысль правильная — корову напрокат взять. А потом, если нам жить с коровой понравится, мы ее навсегда купим.

А дядя Федор у Шарика спрашивает:

— А тебе что для счастья нужно?

— Ружье нужно, — говорит Шарик. — Буду я сам с собой на охоту ходить.

— Ладно, — говорит дядя Федор. — Будет тебе ружье.

— А мне еще ошейник нужен с медалями! — кричит пес. — И сумка охотничья!

— Во дает! — говорит Матроскин. — Да ты нас так разоришь совсем! Никаких от тебя доходов нет, расходы одни. А ты, дядя Федор, что себе сам покупать хочешь?

— А мне самому, — говорит дядя Федор, — велосипед нужен. Мне его в городе не разрешали заводить: там

машин много. А здесь я могу кататься сколько хочешь. По деревне и по полям. Туда-сюда. Сюда-туда.

Но кот не согласен:

— Ты, дядя Федор, только о себе и думаешь. Ты, значит, будешь по деревне кататься, а мы сзади будем пешком бегать. Туда-сюда. Сюда-туда. Нет, не об этом я всю жизнь мечтал! Не нужен нам твой велосипед!

— А ты мотоцикл купи, — предлагает пес. — Как мы ТРАХ-ТАРАРАХ по деревне! Все собаки умрут от зависти.

Дядя Федор как представил себе это ТРАХ-ТАРАРАХ, так ему сразу весело стало. А кот кричит:

— Ни о чем-то вы не думаете! Вам лишь бы деньги истратить. А если дождь или мороз, к примеру, — мы же попростуемся все. Позаболеваем. А я, может, только жить начал — корову купить собираюсь! Нет, мотоцикл — это не машина. Не нужно мне вашего ТРАХ-ТАРАРАХА, и не уговаривайте!

Шарик подумал, подумал и согласился с ним:

— Да, мотоцикл — это не машина. Это он прав. Не будем мы его покупать. Ни за что. Мы лучше машину купим.

— Какую еще машину?

— Обыкновенную, легковую, — говорит пес. — Ведь машина-то — это машина.

— Ну и что? — кричит кот. — Может, где-нибудь машина — это машина. Только не в нашей области. У нас дороги такие... А если она застрянет в лесу? Придется ее трактором вытаскивать. Вы уж и трактор заодно покупайте!

— А что? — кричит пес. — Правильно он говорит. Покупай, дядя Федор, трактор.

Дядя Федор на кота посмотрел. А кот молчит. А что ему говорить? Он лапой махнул: покупайте хоть комбайн, мне все равно, раз вы меня не слушаете.

Взял кот деньги и пошел за коровой. А дядя Федор на почту пошел письмо писать на завод, чтобы ему трактор выслали.

Он написал такое письмо:

ЗДРАВСТВУЙТЕ, УВАЖАЕМЫЕ, ТЕ, КТО ДЕЛАЕТ ТРАКТОРЫ! ПРИШЛИТЕ МНЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ТРАКТОР. ТОЛЬКО НЕ СОВСЕМ НАСТОЯЩИЙ И НЕ СОВСЕМ

ИГРУШЕЧНЫЙ. И ЧТОБ БЕНЗИНА ЕМУ НАДО БЫЛО ПОМЕНЬШЕ, А ЕЗДИЛ ОН ПОБЫСТРЕЕ. И ЧТОБ ОН БЫЛ ВЕСЕЛЫЙ И ОТ ДОЖДЯ ЗАКРЫТЫЙ. А ДЕНЬГИ Я ВАМ ВЫСЫЛАЮ — СТО РУБЛЕЙ. ЕСЛИ У ВАС ОСТАНУТСЯ ЛИШНИЕ, ПРИШЛИТЕ ОБРАТНО.

С УВАЖЕНИЕМ... ДЯДЯ ФЕДОР (МАЛЬЧИК).

А через некоторое время домой Матроскин является и корову на веревочке ведет. Он ее напрокат взял в сельском бюро обслуживания. Корова рыжая, мордастая и важная такая. Ну просто профессор с рогами! Только очков не хватает. И кот тоже заважничал.

— Это, — говорит, — моя корова. Я ее Муркой назову в честь бабушки. Вон она какая красивая! Последняя была. Никто ее брать не хотел. А я взял: очень она мне понравилась. А если еще больше понравится, я ее насовсем куплю. Так можно делать.

Достал он косу и пошел сено на зиму запасать. А корова к окну подошла. На окне занавесочки были. Она взяла и все занавесочки съела. И все цветы, которые в горшках стояли. Пес увидел и говорит:

— Ты что это делаешь? Ты что это цветы ешь и занавески? Может, ты больная или как? Может, тебе температуру смерить? Градусник поставить?

Корова смотрит на него так, будто все поняла, а потом как всунется в окно, как вытащит из дома новую скатерть — и давай жевать! Шарик даже в обморок упал от удивления. Потом вскочил из обморока и за другой конец скатерти ухватился. Не дает корове жевать. Он к себе тянет, а корова — к себе. И никто из них рта раскрыть не может, чтобы скатерть не потерять.

А тут дядя Федор идет из магазина с покупками. Коту он матроску купил, а Шарiku — ошейник с медалями.

— Что это вы за игру затеяли с новой скатертью? — кричит. — Тоже мне клуб веселых и находчивых!

А они молчат. Только на него глаза таращат. Тут он увидел, что все цветы на окне поедены и занавесок нет, и все понял. Вынул он ремень из брюк да как хлестнет глупую корову! А корова, видно, балованная была. Она на дядю Федора с рогами. Он — бежать. Но брюки у него без ремня были, он в них и запутался. Вот-вот корова бодать начнет.

Пес корову за хвост схватил — не дает бодать дядю Федора. А тут кот идет:

— Что это вы с моей коровой делаете? Я ее не для того брал, чтобы вы ее за хвост тянули. Нашли развлечение!

Но дядя Федор все коту объяснил. И занавесочки показал объединенные. А пес корову за хвост держит — мало ли что!

— Ты свою корову на цепь посади, — говорит дядя Федор.

Кот упирается:

— Это же не собака, чтобы на цепи сидеть. Коровы, они просто так гуляют.

— Так это нормальные коровы! — кричит Шарик. — А твоя корова психическая! — И хвост коровий выпустил.

Корова как побежит — да прямо на кота! Бедный кот сле увернулся. Влез он на крышу и говорит:

— Согласен! Согласен! Пусть она на цепи сидит, раз она такая дурочка!

Глава шестая Галчонок Хватайка

Так и стал дядя Федор жить в деревне. И люди в деревне его полюбили. Потому что он не бездельничал, все время делом занимался или играл. А потом у него забот поприбавилось. Узнали люди, что он зверей любит, и стали ему разных зверюшек приносить. Птенец ли от стаи отобьется, зайчонок ли потеряется, сейчас же его берут — и к дяде Федору. А он с ними возится, лечит их и на волю отпускает.

Однажды у них галчонок появился. Глаза как пуговицы, нос толстый. Сердитый-пресердитый.

Дядя Федор его накормил и на шкаф посадил. И называли галчонка Хватайкой: он что ни увидит, все на шкаф тащит. Увидит спички — на шкаф. Увидит ложку — на шкаф. Даже будильник на шкаф перетащил. А взять у него ничего нельзя. Сразу Хватайка крылья в стороны, шипит и клюется. У него на шкафу целый склад получился. Потом он немного подрос, поправился и стал в окно вылетать. Но к вечеру обязательно

возвращался. И не с пустыми руками. То ключ от шкафа утащит, то зажигалку, то детскую формочку. Однажды даже соску принес. Наверное, какой-нибудь малыш спал в коляске на улице, а Хватайка подлетел и соску вытащил. Очень дядя Федор боялся за галчонка: плохие люди могли его из ружья застрелить или палкой стукнуть.

А кот решил галчонка к делу приучать:

— Что это мы его зря кормим! Пусть пользу приносит.

И стал он галчонка учить разговаривать. Целыми днями сидел около него и говорил:

— Кто там? Кто там? Кто там?

Шарик спрашивает:

— Что, тебе делать нечего? Ты бы его лучше песне какой выучил или стихотворению.

Кот отвечает:

— Песни я и сам петь могу. Только от них пользы нету.

— А от твоего «ктотама» какая польза?

— А такая. Уйдем мы в лес за дровами, и дома никого не останется. Любой человек может в дом зайти и унести что-нибудь. А так придет человек, начнет в дверь стучать, галчонок спросит: «Кто там?» Человек подумает, что дома кто-то есть, и ничего воровать не станет. Ясно тебе?

— Но ты же сам говорил, что у нас красть нечего, — спорит Шарик. — Ты даже меня брать не хотел.

— Это раньше было нечего, — объясняет кот, — а теперь мы клад нашли.

Шарик с котом согласился и тоже стал учить галчонка «ктотаму». Целую неделю учили его, и наконец галчонок выучился. Только кто-нибудь в дверь постучит или на крыльце затопает, Хватайка сразу спрашивает:

— Кто там? Кто там? Это кто там?

И вот что из этого получилось. Однажды дядя Федор, кот и Шарик пошли в лес грибы собирать. И дома никого не было, кроме галчонка. Тут почтальон Печкин приходит. Он в дверь постучал и слышит:

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принес журнал «Мурзилка», — отвечает он.

Галчонок опять спрашивает:

— Кто там?

Почтальон снова говорит:

— Это я, почтальон Печкин. Принес журнал «Мурзилка».

Только дверь никто не открывает. Почтальон опять постучал и опять слышит:

— Кто там? Это кто там?

— Да никто. Это я, почтальон Печкин. Принес журнал «Мурзилка».

И так у них целый день продолжалось.

Тук-тук.

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принес журнал «Мурзилка».

Тук-тук.

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принес журнал «Мурзилка».

Под конец Печкину плохо стало. Совсем его замучили. Он на крылечко сел и сам стал спрашивать:

— Кто там?

А галчонок в ответ:

— Это я, почтальон Печкин. Принес журнал «Мурзилка».

Печкин опять спрашивает:

— Кто там?

А галчонок опять отвечает:

— Это я, почтальон Печкин. Принес журнал «Мурзилка».

Когда дядя Федор и Матроскин с Шариком домой пришли, они очень удивились. Сидит почтальон на крыльце и одно и то же говорит: «Кто там?» да «Кто там?»

А из дома одно и то же слышится:

— Это я, почтальон Печкин. Принес журнал «Мурзилка»... Это я, почтальон Печкин. Принес журнал «Мурзилка».

Еле-еле они почтальона в себя привели и чаем отпоили. А когда он узнал, в чем дело, он не стал обижаться. Он только рукой махнул и две лишние конфеты в карман положил.

Глава седьмая
Тр-тр Митя

В журнал, который Печкин принес, была вложена открытка. А в открытке написано: «Просим Вас завтра быть дома. На Ваше имя получен трактор. Начальник железнодорожной станции Несидоров».

Внизу еще было напечатано красивыми буквами:

В НАШЕЙ СТРАНЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ОЧЕНЬ МНОГО!

Это обрадовало всех. Особенно Шарика. И стали они трактора дожидаться.

Наконец его привезли на большой машине и поставили около дома. Шофер попросил дядю Федора расписаться и дал ему конверт. В конверте было письмо и специальная книжечка, как с трактором обращаться. В письме было написано:

УВАЖАЕМЫЙ ДЯДЯ ФЕДОР (МАЛЬЧИК)!

ТЫ ПРОСИЛ ПРИСЛАТЬ ТЕБЕ ТРАКТОР НЕ СОВСЕМ НАСТОЯЩИЙ И НЕ СОВСЕМ ИГРУШЕЧНЫЙ И ЧТОБ ОН ВЕСЕЛЫЙ БЫЛ. ПОСЫЛАЕМ ТЕБЕ ТАКОЙ. САМЫЙ ВЕСЕЛЫЙ НА ЗАВОДЕ. ЭТО ОПЫТНАЯ МОДЕЛЬ. БЕНЗИН ЕМУ НЕ НУЖЕН. РАБОТАЕТ ОН НА ПРОДУКТАХ.

ОТЗЫВЫ О ТРАКТОРЕ ПРОСИМ ПРИСЫЛАТЬ К НАМ НА ЗАВОД. С БОЛЬШИМ УВАЖЕНИЕМ — ИНЖЕНЕР ТЯПКИН (ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ТРАКТОРА).

Потом дядя Федор взял книжечку и стал читать:

ЗАВОД ЖЕЛЕЗО-ТРАКТОРНЫХ ИЗДЕЛИЙ. ТР-ТР МИТЯ ПРОДУКТОВЫЙ. 20 Л.С.

Прочитал он и говорит:

— Ничего не понятно. Что такое «тр-тр»? Что такое «лы сы»?

— Что ж тут непонятного? — говорит кот. — Просто все, как арбуз. «Тр-тр» — это сокращенно «трактор». А «Митя» — это значит «Модель инженера Тяпкина». Который тебе письмо написал.

— А что значит двадцать «лы сы»? — спрашивает дядя Федор.

— «Лы сы» — это лошадиные силы. Значит, он перетянет двадцать лошадей, если они будут тянуть в одну сторону, а он — в другую.

— Так сколько же ему сена надо? — ахнул Шарик.

— А сена ему не нужно. Тут же написано: он работает на продуктах.

Дядя Федор удивился даже:

— И откуда ты, Матроскин, все знаешь? И про фамилии, и про тракторы, и про «лы сы»?

— А вы поживите с мое, — отвечает кот, — и не то узнаете. И где я только не жил! И у одних хозяев, и у других, и в библиотеке, и даже в сберегательной кассе. Я, может, столько в жизни видел, что на целую кошачью энциклопедию хватит. А вообще-то вы здесь бездельничаете, а у меня корова не доена, Мурка моя.

Он ушел. А мальчик с Шариком стали тр-тр заводить. Стали в трактор суп вливать и котлеты запихивать. Прямо в бак. Трактор как затарахтит!

Сели они в него и по деревне поехали. Ехал, ехал Митя по деревне, потом у одного дома как остановится!

— Чего это он? — спрашивает дядя Федор. — Может, горючее кончилось?

— Ничего не кончилось. Просто он учуял, что пирогами пахнет.

— Какими еще пирогами?

— Обыкновенными. Вон в том доме пироги пекут.

— И что же нам делать теперь?

— Не знаю, — говорит Шарик. — Только так пахнет вкусно, что мне тоже ехать не хочется.

— Ничего себе я трактор купил! — говорит дядя Федор. — Так мы и будем около всех домов останавливаться? И у столовых. Это не трактор, а бегемот какой-то. Тр-тр — носем дыр! Чтоб ему пусто было, инженеру Тяткину!

Так и пришлось им в дом заходить, пирогов просить. Матроскин, когда про это узнал, рассердился на дядю Федора:

— Говорил я вам ничего не покупать, а вы все не слушаете! Да нам этот тр-тр не прокормить теперь!

Но потом кот успокоился:

— Ну ничего, дядя Федор, не унывай. Хорошо, что я у тебя есть. Мы с твоим трактором справимся. Будем перед ним сосиску держать на удочке. Он за сосиской поедет и нас повезет.

Так они и сделали. И скоро трактор исправляться начал. А вообще-то он был веселый. Кабина пластмассовая, голубая, а колеса железные. И смазывать его надо было не машинным маслом, а подсолнечным.

Но тут им корова Мурка забот прибавила.

Глава восьмая
Хмель цветет

Корова Мурка, которую кот купил, глупая была и балованная. Но молока много давала. Так много, что с каждым днем все больше и больше. Все ведра с молоком стояли. Все банки. И даже в аквариуме молоко было. Рыбки в нем плавали.

Однажды дядя Федор проснулся, смотрит, а в умывальнике не вода, а простокваша налита. Дядя Федор кота позвал и говорит:

— Что это ты делаешь? Как же умываться теперь?

Кот хмуро так отвечает:

— Умываться и в речке можно.

— Да? А зимой как? Тоже в речке?

— А зимой можно и совсем не умываться. Кругом снег лежит, не запачкаешься. И вообще, некоторые языком умываются.

— Некоторые и мышей едят, — говорит дядя Федор. — А чтобы простокваши в умывальнике не было!

Кот подумал и сказал:

— Ладно. Я теленочка заведу. Пусть он простоквашу ест.

А в обед опять новости. И тоже с Муркой. Приходит она с пастбища почему-то на задних ногах. А во рту цветок. Идет она себе, подбоченилась и поет:

Помню, я еще молодухой была,
Наша армия в поход куда-то шла...

Только слов она говорить не умеет, и у нее получается:

Му-му-му му-му му-му-му му-му,
Му-му му-му-му му-му му-му-му...

И тучка у нее над головой, как шапочка. Шарик спрашивает:

— Чего это она так обрадовалась? Может, у нее праздник какой или что?

— Какой праздник? — говорит дядя Федор.

— Может, день рождения у нее. Или день кефира. А может, коровий Новый год.

— При чем тут Новый год? — говорит Матроскин. — Просто она белены объелась или хмеля.

А корова как разбежится и в стенку головой — трах! Еле-еле ее в сарай загнать удалось. Пошел Матроскин ее доить. Через пять минут выходит, а с ним что-то странное сделалось. Матроска у него спереди как фартук надета, а подоюник на голове как каска. И поет он что-то несуразное:

Я — моряк,
Гуляю на просторе,
День за днем,
С волны и на волну!

Очевидно, он молока попробовал веселого. Шарик говорит дяде Федору:

— Сначала у нас корова помешалась, а теперь и кот с ума сошел. Надо бы «скорую помощь» вызвать.

— Подождем еще, — говорит дядя Федор. — Может, они в себя придут.

Какое там «в себя»! Мурка в коровнике полонез Огинского мычать стала:

Му-му-муму-му му-му-му!
Му-му му-му му-му!

А кот вообще что-то странное затянул:

Жили у бабуси
Два веселых гуся:

Один серый,
Другой белый —
Петя и Маруся! —

и тоже головой в стенку — бух! Тут уж и дядя Федор заволновался:

— На тебе, Шарик, две копейки. Беги вызови «скорую помощь» по автомату.

Шарик убежал, а кот и корова в себя приходить начали. Петь и мычать перестали. Кот за голову схватился и говорит:

— Ничего себе наша корова молоко дает! Из него только сгущенку делать и врагам на войне подбрасывать. Чтобы они с ума посходили и из окопов повылазили.

А тут к ним почтальон Печкин идет. Румяный такой и радостный:

— Смотрите, какую я заметку в газете прочитал. Про одного мальчика. Глаза у него коричневые и волосы спереди торчком, как будто корова его лизнула. И рост один метр двадцать.

— Ну и что? — говорит кот. — Мало ли таких мальчиков!

— Может, и немало, — отвечает почтальон, — только этот мальчик из дома ушел. А родители беспокоятся, что с ним. И даже премию обещали тому, кто его найдет. Может, велосипед дадут. А мне велосипед во как нужен, почту развозить. Я даже метр принес: буду вашего хозяина измерять.

Шарик как услышал, так за сердце схватился. Вот измерит Печкин дядю Федора, вот отвезет домой — что они с котом делать будут? Пропадут же!

А кот не растерялся и говорит:

— Измерить — это всегда можно. А вы сначала молочка попейте. Я только что корову подоил. Мурку мою.

Почтальон соглашается:

— Молочка я с удовольствием выпью. Молоко — оно очень полезное. Об этом даже в газетах пишут. Дайте мне самую большую кружку.

Кот в дом побежал и скорее принес ему кружку, самую огромную. Налил в нее молока и Печкину дает. Печкин как выпьет, как вытаращит глаза! Как запоет:

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силенку! —

и тоже головой в стенку — стук! А галчонок из дома спрашивает:

— Кто там? Это кто там?

Почтальон отвечает:

— Это я, почтальон Печкин! Принес для вас метр. Буду ваше молоко измерять. Давайте мне самую большую кружку!

А тут «скорая помощь» приехала. Выходят два санитары и спрашивают:

— Это кто у вас тут с ума сошел?

Печкин отвечает:

— Это дом с ума сошел! На меня бросается.

Взяли его санитары под руки и к машине повели. И говорят:

— Сейчас хмель цветет. Очень многие с ума сходят. Особенно коровы.

Когда они уехали, дядя Федор сказал коту:

— Ты это молоко куда-нибудь вылей. Чтобы беды опять не было.

А коту жалко выливать. Он и решил молоко трактору отдать. Тр-тру Мите. С машиной, мол, ничего не случится. Тракторы с ума не сходят. И все молоко в бак вылил. Прямо из ведра.

Митя стоял, стоял, потом как затарахтит — и на кота! Кот ведро бросил и скорее на дерево! А Митя стал ведром в футбол играть. Играл, играл, пока в лепешку не превратил. Ай да модель инженера Тяпкина!

А потом пошел по деревне хулиганить. Сорняки окучивать и за курами гоняться. И песни гудеть всякие. Под конец он даже купаться полез. Чуть-чуть не заглох. Вылез он кое-как на берег, стыдно ему стало. Подъехал он к дому, на место встал, ни на кого не глядит. Сам себя ругает.

Дядя Федор очень рассердился на Матроскина и в угол его поставил:

— В следующий раз делай, что тебе говорят.

Шарик все над котом смеялся. Но дядя Федор Шарику сказал:

— Ладно, ладно. Нечего над человеком смеяться, когда он в углу стоит.

Конечно, Матроскин был кот, а не человек. Но для дяди Федора он был все равно как человек.

А с этой коровой еще были приключения. И немало.

Глава девятая Ваш сын — дядя Фарик

На другой день дядя Федор решил письмо домой написать. Чтобы папа и мама за него не беспокоились. Потому что он их очень любил. А они не знали, где он и что с ним. И конечно, переживали.

Сидит дядя Федор и пишет:

МОИ ПАПА И МАМА!

Я ЖИВУ ХОРОШО. ПРОСТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО. У МЕНЯ ЕСТЬ СВОЙ ДОМ. ОН ТЕПЛЫЙ. В НЕМ ОДНА КОМНАТА И КУХНЯ. А НЕДАВНО МЫ КЛАД НАШЛИ И КОРОВУ КУПИЛИ. И ТРАКТОР — ТР-ТР МИПЮ. ТРАКТОР ХОРОШИЙ, ТОЛЬКО ОН БЕНЗИН НЕ ЛЮБИТ, А ЛЮБИТ СУП.

МАМА И ПАПА, Я БЕЗ ВАС ОЧЕНЬ СКУЧАЮ. ОСОБЕННО ПО ВЕЧЕРАМ. НО Я ВАМ НЕ СКАЖУ, ГДЕ Я ЖИВУ. А ТО ВЫ МЕНЯ ЗАБЕРЕТЕ, А МАТРОСКИН И ШАРИК ПРОПАДУТ.

Но тут дядя Федор увидел, что деревенские ребята змея в поле запускают. И дядя Федор к ним побежал. А коту велел письмо дописывать за него. Кот взял карандаш и начал писать:

А ЕЩЕ У НАС ПЕЧКА ЕСТЬ ТЕПЛАЯ. Я ТАК ЛЮБЛЮ НА НЕЙ ОТДЫХАТЬ! ЗДОРОВЬЕ-ТО У МЕНЯ НЕ ОЧЕНЬ: ТО ЛАПЫ ЛОМИТ, ТО ХВОСТ ОТВАЛИВАЕТСЯ. ПОТОМУ ЧТО, ДОРОГИЕ МОИ ПАПА И МАМА, ЖИЗНЬ У МЕНЯ БЫЛА СЛОЖНАЯ, ПОЛНАЯ ЛИШЕНИЙ И ВЫГОНЯНИЙ. НО СЕЙЧАС ВСЕ ПО-ДРУГОМУ. И КОЛБАСА У МЕНЯ ЕСТЬ, И МОЛОКО ПАРНОЕ СТОИТ В МИСОЧКЕ НА ПОЛУ. ПЕЙ НЕ ХОЧУ. МНЕ МЫШЕЙ ДАЖЕ ВИДЕТЬ НЕ ХОЧЕТСЯ. Я ИХ ПРОСТО ТАК ЛОВЛЮ, ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ. ИЛИ НА

УДОЧКУ, ИЛИ ПЫЛЕСОСОМ ИЗ НОРОК ВЫТАСКИВАЮ И В ПОЛЕ УНОШУ. А ДНЕМ Я ЛЮБЛЮ НА КРЫШУ ВСКАРАБКАТЬСЯ. И ТАМ ГЛАЗА ВЫТАРАЩУ, УСЫ РАСПРАВЛЮ И ЗАГОРАЮ КАК НЕНОРМАЛЬНЫЙ. НА СОЛНЫШКЕ ОБЛИЗЫВАЮСЬ И СОХНУ.

Тут кот услышал, что мыши в подполе заскреблись. Крикнул он Шарика и в подпол побежал с пылесосом. Шарик карандаш в зубы взял и стал дальше калякать:

А НА ДНЯХ Я ЛИНЯТЬ НАЧАЛ. СТАРАЯ ШЕРСТЬ С МЕНЯ СЫПЛЕТСЯ — ХОТЬ В ДОМ НЕ ЗАХОДИ. ЗАТО НОВАЯ РАСТЕТ — ЧИСТАЯ, ШЕЛКОВИСТАЯ! ПРОСТО КАРАКУЛЬ. ДА ЕЩЕ ОХРИП Я НЕМНОЖЕЧКО. ПРОХОЖИХ МНОГО, НА ВСЕХ ЛАЯТЬ ПРИХОДИТСЯ. ЧАС ПОЛАЕШЬ, ДВА ПОЛАЕШЬ, А ПОТОМ У МЕНЯ НЕ ЛАЙ, А СВИСТ КАКОЙ-ТО ПОЛУЧАЕТСЯ И БУЛЬКАНЬЕ.

ДОРОГИЕ ПАПА И МАМА, ВЫ МЕНЯ ТЕПЕРЬ ПРОСТО НЕ УЗНАЕТЕ. ХВОСТ У МЕНЯ КРЮЧКОМ, УШИ ТОРЧКОМ, НОС ХОЛОДНЫЙ И ЛОХМАТОСТЬ НОВЫСИЛАСЬ. МНЕ ТЕПЕРЬ МОЖНО ЗИМОЙ ДАЖЕ НА СНЕГУ СПАТЬ. Я ТЕПЕРЬ САМ В МАГАЗИН ХОЖУ. И ВСЕ ПРОДАВЦЫ МЕНЯ ЗНАЮТ. КОСТИ МНЕ БЕСПЛАТНО ДАЮТ... ТАК ЧТО ВЫ ЗА МЕНЯ НЕ ПЕРЕЖИВАЙТЕ. Я ТАКОЙ ЗДОРОВЫЙ СТАЛ, ПРЯМО УХ! ЕСЛИ Я НА ВЫСТАВКУ ПОПАДУ, МНЕ ВСЕ МЕДАЛИ ОБЕСПЕЧЕНЫ. ЗА КРАСОТУ И СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ.

ДО СВИДАНИЯ. ВАШ СЫН — ДЯДЯ ШАРИК.

Потом он слово «Шарик» хотел исправить на «Федор». И получилось вообще что-то непонятное:

ДО СВИДАНИЯ. ВАШ СЫН — ДЯДЯ ФАРИК.

Они с Матроскиным письмо запечатали, адрес написали, и Шарик его в зубах в почтовый ящик отнес.

Но письмо из ящика еще не скоро по адресу поехало. Потому что почтальон Печкин в изоляторе был. Сначала он не хотел там оставаться. Он говорил, что это не он с ума сошел, а дом дяди Федора, который бодаться начал.

А потом ему в изоляторе понравилось. Письма разносить не надо было, и кормили хорошо. И еще он там с одним бухгалтером познакомился. Этого бухгалтера дети до больницы довели. И он все время Печкина воспитывал. Он говорил:

— Печкин, не прыгай на кровати!

— Печкин, не высовывайся в окно!

— Печкин, не бросайся котлетами в товарищей!

Хотя Печкин ниоткуда не высовывался, нигде не прыгал и никакими котлетами в товарищей не бросался. Но на дядю Федора Печкин обиделся. Он говорил так:

— Некоторые люди собак дома держат и кошек, а у меня даже велосипеда нет.

Но это потом было. А пока еще он в изоляторе был и письмо в почтовом ящике лежало.

Глава десятая Шарик идет в лес

Дядя Федор и кот в доме жили. А Шарик все по участку бегал или в будке сидел. И ночевал там. Он в дом только пообедать приходил или так, в гости. И вот однажды сидит он в своей будке и думает: «Кот себе корову купил. Дядя Федор — трактор. А я что, хуже всех, что ли? Пора и мне ружье покупать для счастья. Пока деньги есть».

Дядя Федор все его отговаривал ружье покупать — жалко зверюшек. И кот отговаривал — деньги жалел. А пес и слушать не хочет.

— Отойдите, — говорит, — в сторону! Во мне инстинкт просыпается! Звери — они для того и созданы, чтобы на них охотились. Это я раньше не понимал, потому что жил плохо! А теперь я поправился, и меня в лес потянуло со страшной силой!

Пошел он в магазин и купил ружье. И патроны купил, и сумку купил охотничью, чтобы всяких зверей туда складывать.

— Ждите меня, — говорит, — к вечеру. Я вам чего-нибудь вкусенького подстрелю.

Вышел он из деревни и в лес пошел. Видит — колхозник на телеге едет. Колхозник говорит:

— Садись, охотник, подвезу.

Шарик на телегу сел, лапы свесил. А колхозник спрашивает:

— А как ты, друг, стреляешь? Хорошо?

— А как же! — говорит Шарик.

— А если я шапку брошу, попадешь в нее?

Шарик на задние лапы встал, ружье приготовил.

— Бросайте, — говорит, — вашу шапку. Сейчас от нее ничего не останется. Одни дырочки.

Возница шапку снял и в воздух подбросил. Высоко-высоко, под облака. Шарик ка-ак баба-а-хнет! Лошадка-а-а перепугается! И — бежать! Телега, конечно, за ней. Шарик на ногах не удержался от неожиданности и с телеги полетел вверх тормашками. Как на дорогу — плюх! Ничего себе охота начинается!

Дальше он уже пешком пошел. Пришел в лес, видит: на поляне заяц сидит. Пес ружье зарядил, сумку приготовил и стал подкрадываться:

— Сейчас я по нему как вдарю!

Заяц увидел его — и бежать. Шарик — за ним. Но споткнулся обо что-то и в сумке запутался. В которой надо добычу носить. Сидит он в сумке и думает: «Ничего себе охота начинается! Что же это, я теперь сам себя домой понесу?! Выходит, я же и охотник, я же и трофей? Вот-то смеху будет...»

Вылез из сумки — и по следу. Ружье за спиной, нос в землю. Добежал до узенькой речки, видит: заяц уже на том берегу скачет. Пес ружье в зубы и поплыл — не бросать же зайца! А ружье тяжелое — вот-вот утопит Шарика. Смотрит Шарик, а он уже на дне.

«Что же это выходит? — размышляет пес. — Это уже не охота, это уже рыбалка получается!»

Решил он ружье бросить и всплывать поскорей.

«Ну ничего, несчастный заяц, я тебе еще покажу! Я тебя и без ружья достану! Уши-то тебе надеру! Узнаешь, как над охотниками издеваться!»

Всплывает он, всплывает, а у него никак не всплывается. Он в ремне от ружья запутался и в сумке. Все, конец Шарiku!

Но тут он почувствовал, что кто-то его за шиворот вверх потянул, к солнышку. А это был бобер старый, он неподалеку плотину строил.

Вытащил он Шарика и говорит:

— Делать мне нечего, только разных собак из воды вытаскивать!

Шарик отвечает:

— А я и не просил меня вытаскивать! Я, может, и не тонул вовсе. Может, я подводным плаванием занимался! Я еще не решил, что я там делал, на дне.

А самому так плохо — хоть караул кричи. И вода из него фонтаном лупашит, и глаза на бобра поднять совестно. Еще бы! Он на зверей охотиться шел, а вместо этого они его от смерти спасли. Идет он домой по берегу. Понурый такой, как мокрая курица. Ружье на ремешке тащит и размышляет себе: «Что-то у меня с охотой не так получается. Сначала я с телеги упал. Потом в сумке своей охотничьей запутался. А под конец чуть не утонул вовсе. Не нравится мне такая охота. Лучше я буду рыбу ловить. Куплю себе удочки, сачок. Возьму бутерброд с колбасой и буду на берегу сидеть. Буду я рыболовной собакой, а не охотничьей. А зверей я стрелять не хочу. Буду их только спасать».

Только сказать это легко, а сделать трудно. Ведь родился-то он охотничьей собакой, а не какой-нибудь другой.

Глава одиннадцатая Бобренок

Дядя Федор и Матроскин дома сидят. Шарика с охоты ждут. Дядя Федор кормушку для птиц мастерит, а кот хозяйством занимается: пуговицы пришивает и носки штопает.

За окошком уже стемнело, когда Шарик пришел. Поднял он свою сумку и зверька на стол вытряхнул. Зверь маленький, пушистый, глаза грустные и хвост лопатой.

— Вот кого я принес.

— А где ты его взял? — спрашивает дядя Федор.

— Из речки вытащил. Сидел он на берегу, увидел меня и в речку — прыг! С перепугу. Еле-еле я его выловил. А то бы он утонул. Ведь он еще маленький.

Кот слушал, слушал и говорит:

— Эх ты, балда! Ведь это бобренок! Он же в воде живет. Это его дом. Ты его, можно сказать, из дома вытащил!

Пес отвечает:

— Кто же знал, что он в воде живет? Я думал, он тонуть хочет! Смотрите, какой я мокрый!

— И смотреть не хочу! — говорит кот. — Тоже мне охотник, ничего про зверей не знает! — И на печку полез.

А бобренок сидит, глаза на всех таращит. Не понимает ничего. Дядя Федор ему молока дал кипяченого. Бобренок молока попил, и глаза у него закрываться стали.

— Где ж его спать положить? — спрашивает мальчик.

— Как — где? — говорит пес. — Если он в воде живет, его надо в таз положить.

— Тебя самого надо в таз положить! — кричит Матроскин с печки. — Чтобы ты поумнел немножечко!

Пес совсем расстроился:

— Ты же сам говорил, что он в воде живет.

— Он в воде только плавает, а живет он в домике на берегу, — объясняет кот.

Тогда дядя Федор взял бобренка и в шкаф положил, в ящик для ботинок. И бобренок сразу заснул. И Шарик тоже спать пошел к себе в будку. Он не привык на кроватях разлеживаться. Он был деревенский пес, не былованный.

Утром дядя Федор проснулся и слышит: что-то странное в доме. Будто кто-то дрова распиливает: др-др... др-др... И опять: др-др... др-др...

Он с кровати встал и видит ужас что. Не дом у них, а столярная мастерская. Кругом стружки, щепки да опилки лежат. А стола обеденного как не бывало. В куче стружек бобренок сидит и ножку столовую обтачивает.

Кот лапы с печки свесил и говорит:

— Посмотри, что твой Шарик нам устраивает. Придется теперь новый стол покупать. Хорошо еще, что со стола всю посуду убрал. Остались бы мы без тарелок! С одними вилками.

Позвали они Шарика:

— Вот смотри, что ты нам делаешь!

— А если бы он мою кровать перепилил, — говорит дядя Федор, — я бы среди ночи прямо на пол грохнулся. Спасибо тебе!

Дал он Шарику сумку охотничью и говорит:

— Беги-ка ты на речку, прямо без завтрака, и отнеси бобренка на место, где ты его взял. Да смотри больше из речки никого не вылавливай! Мы не миллионеры какие-нибудь!

Шарик сунул бобренка в сумку и побежал без разговоров. Он уже и сам был не рад, что бобренка выловил. А родители бобренка очень обрадовались и не стали Шарика ругать. Они поняли, что не со зла он их сынишку утащил — по недоразумению. Так что все очень хорошо кончилось. Только пришлось новый стол покупать.

Но с той поры Шарик затосковал. Хочется ему в лес на охоту, и все тут! А как выйдет он с ружьем, увидит зверюшку — выстрелить не может, хоть ты плачь! Придет он из леса — не ест, не пьет: тоска его гложет. Дохлый он стал, замученный — хуже некуда!

Глава двенадцатая Мама и папа читают письмо

Наконец письмо дяди Федора в город приехало. В городе уже другой почтальон его в сумку положил и папе с мамой домой понес. А на улице дождик был сильный-пресильный. Почтальон весь промок до ниточки. Папа даже его пожалел:

— Что же это вы в такую погоду мокрую письма-то носите? Вы бы их лучше по почте отправили.

Почтальон согласился:

— Верно, верно. Чего это я ношу их в сырость? Это вы хорошо придумали. Я сегодня же доложу начальнику.

И папа с мамой стали письмо читать. Сначала им все нравилось. И то, что у дяди Федора дом есть и корова. И что дом у него теплый, и что он трактор купил. А потом они пугаться начали.

Папа читает:

— «А еще у нас печка есть теплая. Я так люблю на ней сидеть! Здоровье-то у меня не очень: то лапы ломит, то хвост отваливается. Потому что, дорогие мои папа и мама, жизнь у меня была сложная, полная лишений и испытаний. Но сейчас все по-другому. И колбаса у меня есть, и молоко парное стоит в мисочке на полу... Мне мышей даже видеть не хочется. Я их просто так ловлю, для развлечения... на удочку... или пылесосом... А днем я люблю на крышу вскарабкаться... глаза вытаращу, усы расправлю и загораю как ненормальный. На солнышке облизываюсь...»

Мама слушала, слушала и раз — в обморок упала! Папа воды принес и маму в чувство привел. Дальше мама сама читать стала:

— «А на днях я линять начал. Старая шерсть с меня сыплется — хоть в дом не заходи. Зато новая растет — чистая, шелковистая! Просто каракуль. Да еще охрип я немножечко. Прохожих много, на всех лаять приходится. Час полаешь, два полаешь, а потом у меня не лай, а свист какой-то получается и бульканье...»

Тут грохот в комнате раздался. Это папа в обморок упал. Теперь мама за водой побежала, папу в чувство приводить.

Папа в себя пришел и говорит:

— Что это с нашим ребенком случилось? И лапы у него ломит, и хвост отваливается, и на прохожих он лаять начал.

— И мышей он ловит на удочку, — говорит мама. — И шерсть у него — чистый каракуль. Может, он там на природе в ягненочка превратился? От свежего воздуха?

— Да? — говорит папа. — А я и не слышал, чтобы ягнята на прохожих булькали. Может, он просто с ума сошел от свежего воздуха?

Решили они письмо до конца дочитать. Читают — и глазам своим не верят:

— «Дорогие папа и мама, вы меня теперь просто не узнаете. Хвост у меня крючком, уши торчком, нос холодный и лохматость повысилась...»

— Что у него повысилось? — спрашивает мама.

— Лохматость у него повысилась. Он теперь может зимой на снегу спать.

Мама просит:

— Ладно, читай до конца. Я хочу всю правду знать, что там с моим сыном сделалось.

И папа до конца дочитал:

— «Я теперь сам в магазин хожу. И все продавцы меня знают. Кости мне бесплатно дают... Так что вы за меня не переживайте. Я такой здоровый стал, прямо ух! Если я на выставку попаду, мне все медали обеспечены. За красоту и сообразительность. До свиданья. Ваш сын — дядя Фарик».

После этого письма мама с папой полчаса в себя приходили, все лекарства в доме выпили.

Потом мама говорит:

— А может, это не он? Может, это мы с ума сошли? Может, это у нас лохматость повысилась? И мы можем зимой на снегу спать?

Папа стал ее успокаивать, а мама все равно кричит:

— Это меня все продавцы давно знают и кости мне бесплатно дают! Это мне мышей видеть не хочется! Вот сейчас у меня тоже лапы ломит и хвост отваливается! Потому что жизнь у меня была сложная, полная лишений и выгоняний! Где моя мисочка на полу?!

Еле-еле ее папа в себя привел.

— Если бы мы с ума сошли, то не оба сразу. С ума по отдельности сходят. Это только гриппом все вместе болеют. И никакая лохматость у нас не повышалась, а наоборот. Потому что мы вчера в парикмахерской были.

Но на всякий случай они себе температуру смили. И температура была нормальной — 36,6. Тогда папа взял конверт и внимательно осмотрел. На конверте стоял штамп, и на нем было название деревни, откуда это письмо отправлено. Там было написано: «...деревня Простоквашино».

Мама с папой достали карту и стали смотреть, где такая деревня находится. Насчитали таких деревень двадцать две. Они взяли и написали в каждую деревню письмо. Каждому деревенскому почтальону.

УВАЖАЕМЫЙ ПОЧТАЛЬОН!

НЕТ ЛИ В ВАШЕЙ ДЕРЕВНЕ ГОРОДСКОГО МАЛЬЧИКА, КОТОРОГО ЗОВУТ ДЯДЯ ФЕДОР? ОН УШЕЛ ИЗ ДОМА, И МЫ ОЧЕНЬ ЗА НЕГО БЕСПОКОИМСЯ.

ЕСЛИ ОН ЖИВЕТ У ВАС, НАПИШИТЕ, И МЫ ЗА НИМ ПРИЕДЕМ. А ВАМ ПРИВЕЗЕМ ПОДАРКИ. ТОЛЬКО МАЛЬЧИКУ НИЧЕГО НЕ ГОВОРите, ЧТОБЫ ОН НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ. А ТО ОН МОЖЕТ ПЕРЕЕХАТЬ В ДРУГУЮ ДЕРЕВНЮ, И МЫ ЕГО УЖЕ НЕ НАЙДЕМ. А НАМ БЕЗ НЕГО ПЛОХО.

С БОЛЬШИМ УВАЖЕНИЕМ — МАМА РИММА И ПАПА ДИМА.

Они написали двадцать два таких письма и разослали их во все деревни с названием Простоквашино.

Глава тринадцатая Шарик меняет профессию

Дядя Федор говорит коту:

— Надо что-то с Шариком делать. Пропадет он у нас. Совсем от тоски высох.

Кот предлагает:

— Может, нам из него ездовую собаку сделать? Не обязательно ему охотничьей быть. Купим тележку, будем на нем всякие вещи возить. Например, молоко на базар.

— Нет, — возражает дядя Федор. — Ездовые собаки только на Севере бывают. И потом, у нас тр-тр Митя есть. Надо что-то другое выдумать.

А потом говорит:

— Придумал! Мы из него цирковую собаку сделаем — пуделя. Научим его танцевать, через кольцо прыгать, воздушным шариком жонглировать. Пусть детишек веселит маленьких.

Кот согласился с дядей Федором:

— Ну что же. Пусть будет пуделем. Комнатные собаки тоже нужны, хоть они и бесполезные. Будет он в доме жить, на диване лежать и тапочки подавать хозяину.

Позвали они Шарика и спрашивают:

— Ну что, хочешь, чтобы из тебя пуделя сделали?

— Делайте хоть чучело! — говорит Шарик. — Все равно мне жизнь не мила. Нет мне счастья на этой земле. Похороню я свое призвание.

И стали они за реку собираться: в новый дом пятиэтажный, в парикмахерскую. Дядя Федор пошел тр-тр Митю заводить, а Матроскин Мурке сена подбрасывать. Он ей открыл дверь из коровника и сказал:

— Мы дом на тебя оставляем. Если какой жулик появится, ты с ним не чикайся. Рогами его. А вечером я тебя чем-нибудь угощу.

Дядя Федор тр-тр Митю выкатил, супа в него налил и сел на шоферское кресло. Шарик рядом устроился, а Матроскин — наверху. И поехали они стричься.

Митя тархтел радостно и вовсю работал колесами. Увидит лужу — и по ней! Так что вода во все стороны веером. Молодой еще трактор! Новенький. А если он кур встречал на пути, он тихонечко подкрадывался и гудел во все горло:

«Уу-уу-уу!» Бедные куры по всей дороге разлетались. Замечательная была поездка. Дядя Федор песню запел, а трактор ему подпевал. Очень хорошо у них выходило:

— Во поле березонька...

— Тыр-тыр-тыр.

— Во поле кудрявая...

— Тыр-тыр-тыр.

— Люли-люли...

— Тыр-тыр-тыр.

— Люли-люли...

— Тыр-тыр-тыр.

Наконец они к парикмахерской подъехали. Кот в тракторе остался — сторожить, а дядя Федор с Шариком стричься пошли. В парикмахерской чисто, уютно и светло, и женщины сидят под колпаками, сохнут. Парикмахер спрашивает у дяди Федора:

— Что вам угодно, молодой человек?

— Мне надо Шарика постричь.

Парикмахер говорит:

— Дожили! Шарики, кубики! И как же его постричь? Под польку или под полубокс? Или, может быть, под мальчика? А может, его и побрить заодно?

Дядя Федор отвечает:

— Не надо его брить. И под мальчика не надо. Его надо под пуделя постричь.

— Это как — под пуделя?

— Очень просто. Его надо сверху завить. Внизу все наголо. И на хвосте кисточка.

— Понятно, — говорит парикмахер. — На хвосте кисточка, в руках тросточка, в зубах косточка. Это уже не Шарик — это жених получается!

И все женщины под колпаками засмеялись.

— Ничего не выйдет, молодой человек. У нас есть женский зал и мужской зал, а собачьего пока что нет.

Так ни с чем они к Матроскину пришли. Кот говорит:

— Эх вы! Вы бы сказали, что это не просто собака, а какого-нибудь артиста или директора стадиона. Вас бы нмиг и постригли, и завили, и одеколоном побрызгали. Ну-ка, идите назад!

Когда они снова пришли, парикмахер очень удивился:

— Вы что-то забыли, молодой человек? Что именно?

Дядя Федор говорит:

— Мы забыли вам сказать, что это собака не просто собака, а ученая. Мы ее к выступлению готовим.

Парикмахер как засмеется:

— Ой, ученая-кипяченая! А что же она у вас умеет делать? Может, она у вас писать-сочинять умеет? Может, она у вас на дудочке дудит?

Дядя Федор говорит:

— Про дудочку я не знаю, а считает она запросто.

— Да? Ну, а сколько будет пятью пять?

— Пятью пять будет двадцать пять, — говорит Шарик. — А шестью шесть — тридцать шесть.

Парикмахер как услышал, так и сел в кресло парикмахерское. И вправду собака ученая: не только считать, но и говорить умеет. Достал он салфетку чистую и говорит:

— Если клиенты не возражают, я — пожалуйста. И нкстригу, и завью вашего Шарика. И еще детям расскажу, чтобы учились. Уж если собаки грамотными стали, то детям спешить надо. Иначе все места в школе звери займут.

Женщины, которые под колпаками сохли, не стали возражать:

— Что вы! Что вы! Такую собаку надо обязательно в порядок привести. У такой собаки все должно быть прекрасно: и душа, и прическа, и кисточка!

И парикмахер за работу принялся. А пока он Шарика стриг, он с ним разговаривал. Он ему вопросы задавал из разных областей науки. А Шарик ему отвечал.

Парикмахер просто поражен был. Он такой учености никогда в жизни не видел. Он постриг Шарика, и завил, и голову ему помыл, и денег за работу не взял от удивления. И так его проодеколонил, что от Шарика «Полетом» за километр пахло. Пудель из Шарика получился — хоть сейчас на выставку! Он даже сам себя в зеркале не узнал.

— Что это за штучка такая кудрявенькая? Не собака, а барышня. Так бы и укусил! — говорит Шарик.

Сверху-то он пуделем стал, а внутри так Шариком и остался.

А дядя Федор отвечает:

— Это ты сам. Комнатная собака — пудель. Привыкай теперь.

Только Шарик что-то не очень повеселел после парикмахерской. А еще больше загрустил. Его грусть дяде Федору передалась, от него — Матроскину. И даже Митя помалкивал — кур не пугал.

Одно их только под конец развеселило. Подъехали они к своему домику, смотрят — а у них почтальон Печкин на яблоне сидит. Дядя Федор говорит:

— Смотрите, какой фрукт у нас на яблоне созрел в конце августа месяца! Чего вы там делаете?

— Ничего не делаю, — отвечает Печкин. — От вашей коровы спасаюсь. Я пришел к вам в окошко посмотреть, все ли у вас электроплитки выключены. А она на меня как набросится! Вон у меня сколько дырок на штанах.

И верно, дырок у него на штанах с десяток. А внизу под деревом Мурка лежит, жвачку пережевывает.

Пришлось им Печкина снова чаем отпаивать. А пока они чай готовили, он тихонечко в коридор вышел и незаметно от курточки дяди Федора пуговичку отрезал.

Зачем он это сделал, мы с вами потом узнаем. Только пуговичка эта очень нужна была Печкину.

Глава четырнадцатая Приезд профессора Семина

Жить бы и жить дяде Федору счастливо, да что-то никак не получается. Только с Шариком кое-как разобрались — тут новая беда. Приходит дядя Федор однажды в дом и видит: стоит Матроскин перед зеркалом и усы красит. Дядя Федор спрашивает:

— Что это с тобой, кот? Влюбился ты, что ли?

Кот как засмеется:

— Вот еще! Стану я глупостями заниматься! Просто мой хозяин приехал — профессор Семин.

— А усы тут при чем?

— А при том, — говорит кот, — что я теперь внешность меняю. На нелегальное положение перехожу. Буду в подполе жить.

— Зачем? — спрашивает дядя Федор.

— А затем, чтобы меня хозяева не забрали.

— Да кто же тебя заберет? Какие хозяева?

— Профессор заберет. Ведь я же его кот. И Шарика могут забрать. Шарик ведь тоже его.

Дядя Федор даже пригорюнился: а ведь верно, могут забрать.

— Послушай, Матроскин, — говорит он, — но как же они тебя заберут, если они тебя из дома выставили?

— В том-то и дело, что не выставили, — говорит кот. — Они, когда уезжали, меня знакомым оставили. А те — другим знакомым. А от других знакомых я сам убежал. Они меня в ванную запирали, чтобы я не линял по всем комнатам. И Шарик, наверно, так же бездомным стал.

Дядя Федор задумался, а Матроскин продолжал:

— Нет, он профессор хороший. Ничего профессор. Только я сейчас и к самому замечательному не пойду. Я хочу, дядя Федор, только с тобой жить и корову иметь.

Дядя Федор говорит:

— Я уж и не знаю, что делать. Может, нам в другую деревню перебраться?

— Больно хлопотно, — возражает кот. — И Мурку перевозить, и вещи... А потом, к нам здесь уже все привыкли. Ничего, дядя Федор, не отчаивайся. Я и в подполе поживу. Ты лучше делом займись.

— Каким еще делом?

— А таким. Дрова надо заготавливать — зима на носу. Бери-ка ты веревку и в лес поезжай. И Шарика с собой возьми.

Но Шарик, как узнал про профессора, тоже из дома выходить не захотел.

— Поезжай, поезжай, — говорит кот. — Тебе бояться нечего, тебя даже мать родная не узнает теперь. Ты же у нас пуделем стал.

И они согласились. Шарик веревку взял для дров, пилу и топор, а дядя Федор пошел тр-тр Митю заводить.

Кот им говорит:

— Запомните: надо только березы пилить. Березовые дрова — самые лучшие.

Дядя Федор не согласен:

— А мне березы жалко. Вон они какие красивые.

Кот говорит:

— Ты, дядя Федор, не о красоте думай, а о морозах. Как ударит сорок градусов, что ты будешь делать?

— Не знаю, — отвечает дядя Федор. — Только если все березы на дрова пилить, у нас вместо леса одни пеньки останутся.

— Верно, — говорит Шарик. — Это только для старушек хорошо, когда в лесу одни пеньки. На них сидеть можно. А что будут птицы делать и зайцы? Ты о них подумал?

— Буду я еще о зайцах думать! — кричит кот. — А обо мне кто подумает? Валентин Берестов?

— А кто такой Валентин Берестов?

— Не знаю кто. Только так пароход назывался, на котором мой дедушка плавал.

— Наверное, он был хороший человек, если на нем твой дедушка плавал, — говорит мальчик. — И он не стал бы березы пилить.

— А что бы он стал делать? — спрашивает кот.

— Наверное, он бы стал хворост заготавливать, — предположил Шарик.

— Вот мы так и сделаем! — сказал дядя Федор.

И поехали они с Шариком хворост заготавливать. Весь трактор загрузили хворостом и сзади еще целую кучу веревками привязали. Потом они картошки напекли на костре, грибов нажарили на палочке и стали есть.

А тр-тр Митя смотрел, смотрел на них и как загудит! Дядя Федор чуть картошкой не подавился, а Шарик даже на два метра подскочил.

— Совсем я про эту тарахтелку забыл, — говорит. — Я думал, на меня самосвал едет.

— А я думал, что бомба взорвалась, — говорит дядя Федор. — Надо дать ему что-нибудь поесть. А то он нас на тот свет отправит. Гудит как пароход.

Покормили они трактор и решили домой ехать. А тут заяц мимо бежит. Шарик как закричит:

— Смотрите — добыча!

Дядя Федор его успокаивает:

— Ты что, забыл? Ты же теперь пудель. Ты скажи: «Тьфу ты! Какой-то заяц. Заяц меня сейчас не интересуют. Меня интересует тапочки хозяину приносить».

Но Шарик свое говорит:

— Тьфу ты! Какие-то тапочки! Тапочки меня не интересуют! Меня интересует зайцев хозяину приносить! Вот я ему задам!

И как дунет за зайцем — только деревья в обратную сторону побежали. А дядя Федор домой поехал. Он очень много хвороста привез. Но Матроскин все равно недоволен:

— От этого хвороста не тепло будет, а треск один. Это не дрова, а мусор. Я по-другому сделаю.

Глава пятнадцатая Письмо в Институт Солнца

Кот попросил у дяди Федора карандаш и стал что-то писать.

Дядя Федор спрашивает:

— Ты что придумал?

Кот отвечает:

— Я письмо пишу в один институт, где Солнце изучают. У меня там связи имеются.

— А что такое связи? — спрашивает дядя Федор.

— Это знакомства деловые, — объясняет кот. — Это когда люди друг другу хорошее делают ни с того ни с сего. Просто по старой памяти.

— Понятно, — говорит дядя Федор. — Если, например, мальчик в автобусе ни с того ни с сего старушке место уступил, значит, он это по знакомству сделал. По старой памяти.

— Нет, это не то, — толкует кот. — Это просто вежливый мальчик был. Или учительница в том же автобусе ехала. А вот если мальчик когда-то старушке картошку чистил, а она за него в это время задачки решала, значит, у них было деловое знакомство. И они всегда будут друг другу помогать.

— А тебе какая помощь нужна?

— Я хочу, чтобы мне солнце маленькое прислали. Домашнее.

— Бывают такие солнца? — удивился мальчик.

— Вот увидишь, — говорит кот и вдруг как закричит: — Это кто мой карандаш утащил?!

Галчонок Хватайка отвечает со шкафа:

— Это я, почтальон Печкин. Принес журнал «Мурзилка».

— Давай сюда! — велит Матроскин.

Только отнять у Хватайки что-нибудь не так-то просто было. Полчаса за ним кот по дому гонялся. Наконец отнял карандаш. Хватайка за это обиделся. И только Матроскин отвернется, он подскочит сзади — и хватить его за хвост. Кот от неожиданности каждый раз до потолка подпрыгивал. А дядя Федор смеялся до слез.

Наконец кот письмо дописал. Оно было такое:

ДОРОГИЕ УЧЕНЫЕ!

У ВАС, НАВЕРНОЕ, ТЕПЛО. А У НАС СКОРО ЗИМА. А МОЙ ХОЗЯИН ДЯДЯ ФЕДОР НЕ ВЕЛИТ ПРИРОДУ НА ДРОВА ПИЛИТЬ. НЕ ПОНИМАЕТ ОН, ЧТО ЗАМЕРЗНЕМ МЫ С ЭТИМ ПРОХВОСТОМ! ПРИШЛИТЕ НАМ, ПОЖАЛУЙСТА, СОЛНЦЕ ДОМАШНЕЕ. А ТО СКОРО БУДЕТ ПОЗДНО.

УВАЖАЮЩИЙ ВАС КОТ МАТРОСКИН.

Потом он адрес написал:

МОСКВА, ИНСТИТУТ ФИЗИКИ СОЛНЦА, ОТДЕЛ
ВОСХОДОВ И ЗАХОДОВ, УЧЕНОМУ У ОКНА, В ХАЛАТЕ
БЕЗ ПУТОВИЦ, У КОТОРОГО РАЗНЫЕ НОСКИ.

А тут Шарик является и зайца в зубах приносит. И у зайца язык свешивается, и у Шарика. Устали оба. Но Шарик счастлив, а заяц не очень рад.

— Вот, — говорит радостный Шарик, — добыл.

— А зачем? — спрашивает кот.

— Как — зачем?

— А так. Что ты с ним делать собираешься?

— Не знаю, — отвечает пес. — Мое дело охотничье — добыть. А что делать — это уже хозяин решает. Может, он его в детский сад отдаст. А может, пуха надергает и ниточки свяжет.

— Хозяин решает, что его отпустить надо, — говорит дядя Федор. — Звери в лесу должны жить. Нечего у нас зоопарк устраивать!

Шарик погрустнел, будто в нем лампочка погасла, но спорить не стал. Дядя Федор дал зайцу морковку и на крыльцо вынес.

— Ну, — говорит, — беги!

А заяц не бежит никуда. Сидит тихонечко и все рассматривает.

Тут Матроскин забеспокоился: ничего себе — еще один жилец у них намечается! Своих девать некуда!

Вынес он потихоньку Шарикино ружье, подкрался к зайцу — и как над ухом у него пальнет! Заяц аж подпрыгнул! Лапками он в воздухе заработал и с места пулей — раз! Сам Матроскин не меньше перепугался — и пулей в другую сторону. Только ружье в серединке лежит и дым кверху пошел синенький.

А Шарик на крыльце стоит, и слезы у него из глаз каплются. Дядя Федор говорит:

— Ладно, не плачь. Я придумал что с тобой делать. Мы тебе фотоаппарат купим. Будешь ты фотоохотой заниматься. Будешь зверей фотографировать и фотографии в разные журналы посылать.

Наверное, это и в самом деле лучший выход был. С одной стороны, это все-таки охота. А с другой — никаких зверей стрелять не приходится.

И стал Шарик фотоаппарата ждать, как дети ждут праздника Первое мая.

Глава шестнадцатая Теленок

С тех пор как Матроскин в подполе стал жить, жизнь дяди Федора усложнилась. Мурку в поле выгонять — дяде Федору. В магазин идти — дяде Федору. К колодцу за водой тоже дядя Федор идет. А раньше все это кот делал. От Шарика тоже толку мало было. Потому что ему фоторужье купили. Он с утра в лес и полдня за зайцем носится, чтобы сфотографировать. А потом снова полдня за ним гоняется, чтобы фотографию отдать.

А тут опять событие. Утром, когда они еще спали, кто-то в дверь постучал. Матроскин перепугался страшно — не профессор ли это пришел его забирать? И прямо с печки в подпол — прыг! (Он теперь подпол всегда открытым держал. А там окошко было маленькое, чтобы огородами, огородами — и прямо в лес.) Дядя Федор с кровати спрашивает:

— Кто там?

А это Шарик:

— Здрасьте пожалуйста! У нашей коровы теленок родился!

Дядя Федор с котом в сарай побежали. И верно: около коровы теленок стоит. А вчера не было.

Матроскин сразу заважничал: вот, мол, и от его коровы польза есть! Не только скатерти она жевать умеет. А теленок смотрит на них и губами шлепает.

— Надо его в дом забрать, — говорит кот. — Здесь ему холодно.

— И маму в дом? — спрашивает Шарик.

— Нам только мамы не хватало, — говорит дядя Федор. — Да она у нас все скатерти поест и пододеяльники. Пусть здесь сидит.

Они повели теленка в дом. Дома они его рассмотрели. Он был шерстяной и мокренький. И вообще он был бычок. Стали думать, как его назвать. Шарик говорит:

— А чего думать? Пусть будет Бобиком.

Кот как захохочет:

— Ты его еще Рексом назови. Или Тузиком. Тузик, Тузик, съешь арбузик! Это же бык, а не спаниель какой-нибудь. Ему нужно серьезное название. Например, Аристофан. И красивое имя, и обязывает.

— А кто такой Аристофан? — спрашивает Шарик.

— Не знаю кто, — говорит кот. — Только так пароход назывался, на котором моя бабушка плавала.

— Одно дело пароход, а другое — теленок! — говорит дядя Федор. — Не каждому понравится, когда в честь тебя телят называют. Давайте мы вот как сделаем. Пусть каждый имя придумает и на бумажке напишет. Какую бумажку мы из шапки вытащим, так теленка и назовем.

Это всем понравилось. И все стали думать. Кот придумал имя Стремительный. Морское и красивое. Дядя Федор придумал имя Гаврюша. Оно очень подходило к теленку. А если большой бык вырастет, его никто бояться не будет. Потому что бык Гаврюша не может быть злым, а только добрым.

А Шарик думал, думал и ничего придумать не мог. И он решил: «Напишу-ка я первое слово, которое в голову придет».

И ему в голову пришло слово «чайник». Он так и написал и был очень доволен. Ему нравилось такое имя — Чайник. Что-то в нем было благородное, испанское. И когда стали имена из шапки тащить, этого Чайника и вытащили. Кот даже ахнул:

— Ничего себе имечко! Все равно что бык Сковородка или Котелок. Ты бы его еще Половником назвал.

— А ты что придумал, дядя Федор? — спрашивает Шарик.

— Я Гаврюшу придумал.

— А я — Стремительного, — сказал кот.

— А мне «Гаврюша» нравится! — вдруг говорит Шарик. — Пусть он будет Гаврюшей. Это я сгоряча его Чайником назвал.

Кот согласился:

— Пусть Гаврюшей будет. Очень хорошее имя. Редкое.

Так и стал теленок Гаврюшей. И тут у них разговор интересный получился. Про то, чей теленок. Ведь корову-то они напрокат взяли. Дядя Федор говорит:

— Корова государственная. Значит, и теленок государственный.

А кот не согласен:

— Корова действительно государственная. Но все, что она дает — молоко там или телята, — это наше. Ты, дядя Федор, сам посуди. Вот если мы холодильник напрокат берем — он чей?

— Государственный.

— Правильно. А мороз, который он вырабатывает, чей?

— Мороз наш. Мы его для мороза и берем.

— Вот и здесь так же. Все, что корова дает, нам принадлежит. Для этого мы и брали ее.

— Но брали-то мы одну корову. А теперь у нас две получилось! Раз корова не наша, значит, и теленок не наш.

Матроскин рассердился даже:

— Брали. Но брали-то мы ее по квитанции! — И квитанцию принес: — Вот смотрите, что здесь написано: «Корова. Рыжая. Одна». Про теленка ничего не написано. А раз мы корову взяли по квитанции, по квитанции и сдавать будем — одну.

И тут Шарик вмешался:

— Я не пойму, чего вы спорите. Ты же, Матроскин, собирался корову насовсем купить. Если она тебе понравится. Вот и покупай насовсем. И теленок у нас останется.

— Я с моей Муркой ни за что не расстанусь, — говорит кот. — Я ее обязательно насовсем куплю. Это я просто так спорил. Потому что дядя Федор не прав.

А пока у них весь этот спор шел, теленок времени не терял. Он два носовых платка съел у дяди Федора. Он был черненький, а мама — рыжая. Но по характеру он в маму пошел: ел что ни попадя.

Глава семнадцатая Разговор с профессором Семиным

Когда появился теленок Гаврюша, работы в хозяйстве еще больше стало.

И тогда дядя Федор понял, что он совсем пропадет без помощи Матроскина. Хоть совсем уезжай из деревни к родителям. И он решил поговорить с профессором Семиным.

Он надел самую лучшую свою рубашку, самые лучшие штаны, причесался как следует и пошел.

Вот он подошел к даче, где жил профессор, и позвонил. И сразу к нему вышла бабушка с пылесосом:

— Тебе чего, мальчик?

— Я хочу с профессором поговорить.

— Хорошо, проходи, — сказала она. — Только ноги вытирай.

Дядя Федор вошел и поразился, как чисто было вокруг. Все блестело, как в городской квартире. Кругом стояли шкафы с книгами, кресла и стулья. И кухня была вся белая.

Бабушка взяла дядю Федора за руку и повела в комнату профессора.

— Вот, — сказала она, — к тебе, Ваня, молодой человек.

Профессор поднял голову от стола и говорит:

— Здравствуй, мальчик. Ты зачем пришел?

— Я хочу у вас про кота спросить.

— А что про кота?

— Допустим, у вас был кот, — говорит дядя Федор. — А теперь он живет в другом месте и не хочет к вам идти. Можете вы его забрать или нет?

— Нет, — отвечает профессор. — Если он не хочет ко мне идти, как же я его заберу! Это будет неправильно. А про какого кота вы говорите?

— Про кота Матроскина. Он раньше у вас жил. А теперь у меня живет.

— А откуда вы знаете, что он не хочет ко мне идти?

— Он мне сам сказал.

Профессор так и подпрыгнул:

— Кто сказал?

— Кот Матроскин.

— Послушайте, молодой человек, — удивился профессор, — где это вы видели говорящих котов?

— У себя дома.

— Не может быть, — говорит профессор Семин. — Я всю жизнь язык зверей изучаю и сам кошачьим владею чуть-чуть, но говорящих котов никогда не встречал. Не можете вы меня с ним познакомить?

— А вы его не заберете? Ведь это же ваш кот.

— Да нет же, не заберу. Знаете что, приходите-ка вы ко мне в гости с этим котом! Обедать. У меня сегодня очень вкусный суп.

Дядя Федор согласился и пошел кота звать. Он и Шарика хотел пригласить, только Шарик наотрез отказался:

— Я и за столом сидеть не умею, и вообще боюсь и стесняюсь.

— Чего боишься?

— Что меня заберут.

— Чудак. Он же сказал, что забирать нельзя, если зверь не хочет.

— Это он про котов говорил. А про собак еще неизвестно. Уж лучше я дома останусь фотографии проявлять.

И они пошли вдвоем с Матроскиным. Когда они пришли, стол для них был уже накрыт. Очень хорошо накрыт. И вилки лежали, и ложки, и хлеб порезанный. И суп был действительно очень вкусный — борщ со сметаной. А профессор все с котом разговаривал. Он спрашивал:

— Вот я уточнить хочу. Как будет на кошачьем языке: «Не подходите ко мне, я вас оцарапаю»?

Матроскин отвечал:

— Это не на языке, это на когтях будет. Надо спину выгнуть, правую лапу поднять и когти вперед выпустить.

— А если «ш-ш-ш-ш-ш-ш» добавить? — спрашивает профессор.

— Тогда, — говорит кот, — это уже ругательство получается кошачье. Что-то вроде: «Не подходите ко мне, я вас оцарапаю. А идите лучше к собачьей бабушке».

И профессор все за ним записывал. А потом он им очень много конфет подарил и банку сметаны для кота.

— Да, — говорит, — не кот был у меня, а золото. А я этого не понимал. А то бы я давно академиком был.

Еще он дяде Федору свою книжку дал про язык зверей и все время в гости приглашал. И сам обещал приходить. Вообще он оказался очень хорошим. И кот Матроскин с тех пор перестал в подполе сидеть и, чуть что, с печки в подпол прыгать.

Глава восемнадцатая Письмо почтальона Печкина

А папа с мамой совсем уж соскучились без дяди Федора. И жизнь им не мила стала. Раньше у них все не было времени дядей Федором заниматься: хозяйство их заедало, телевизор и газеты вечерние. А теперь у них столько времени объявилось, что на двух дядей Федоров хватило бы. Не знали, куда это время девать. (Они все время про дядю Федора говорили и в почтовый ящик заглядывали — нет ли писем из деревень Простоквашино.

Мама говорит:

— Я теперь многое поняла. Если дядя Федор найдется, я для него няню заведу. Чтобы ни на шаг от него не отходила. Он тогда никуда не убежит.

— И ни капельки ты не права, — говорит папа. — Он же мальчик. Ему нужны приятели, чердаки, шалаши разные. А ты из него барышню кисельную делаешь.

— Не кисельную, а кисейную, — поправляет мама.

— Да хоть клюквенную! — кричит папа. — Он же мальчик! Сейчас даже девочки пошли шурум-бурумные! Я вот мимо детского сада проходил, когда там ребят спать укладывали. Так они на кроватях чуть не до потолка прыгали. Как кузнечики! Из штанишек выскакивали. Мне и самому так прыгать захотелось!

— Давай, давай! — говорит мама. — Прыгай до потолка! Выскакивай из штанишек! Только сына я тебе портить не позволю! И никаких собак у нас дома не будет!

И никаких кошек! Уж в крайнем случае я на черепахе соглашусь в коробочке.

И так они каждый день разговаривали. И мама все строже и строже становилась. Она решила ни папе, ни дяде Федору воли не давать. А тут письма стали приходить от почтальонов. Сначала одно. Потом еще одно. Потом сразу десять. Но хороших новостей не было. Письма были такие:

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПАПА И МАМА!

ПИШЕТ ВАМ ПОЧТАЛЬОН ИЗ ДЕРЕВНИ ПРОСТОКВАШИНО. ЗОВУТ МЕНЯ ВИЛКИН ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ. РАБОТАЮ Я ХОРОШО.

ВЫ СПРАШИВАЕТЕ, НЕТ ЛИ В НАШЕЙ ДЕРЕВНЕ МАЛЬЧИКА ДЯДИ ФЕДОРА. ОТВЕЧАЕМ: ТАКОГО МАЛЬЧИКА У НАС НЕТ.

ЕСТЬ ОДИН ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ЗОВУТ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ. НО ЭТО ДЕДУШКА, А НЕ МАЛЬЧИК. И ОН ВАМ, НАВЕРНОЕ, НЕ НУЖЕН.

КРАЯ У НАС ХОРОШИЕ И МНОГО РАЗНЫХ ПРОСТОРОВ. ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ ЖИТЬ И РАБОТАТЬ. ПОКЛОН ВАМ ОТ ВСЕХ ПРОСТОКВАШИНЦЕВ.

С БОЛЬШИМ ПРИВЕТОМ — ПОЧТАЛЬОН ВИЛКИН.

Или такие:

УВАЖАЕМЫЕ ПАПА И МАМА!

ВЫ ПИШЕТЕ, ЧТО ОТ ВАС УШЕЛ ДЯДЯ. НУ И ПУСТЬ. НО ПРИ ЧЕМ ЗДЕСЬ МАЛЬЧИК? ИЛИ ОН УШЕЛ МАЛЬЧИКОМ, А ВЫРОС В ДЯДЮ? ТОГДА НЕПОНЯТНО, КОМУ ПОДАРКИ.

НАПИШИТЕ НАМ СО СТАРУХОЙ, ЧТОБЫ МЫ ЗНАЛИ. ТОЛЬКО ПОБЫСТРЕЕ, А ТО МЫ СОБИРАЕМСЯ В ДОМ ОТДЫХА ВО ВТОРУЮ СМЕНУ. МЫ ОЧЕНЬ ХОТИМ ЗНАТЬ ОТВЕТ НА ЭТУ ЗАГАДОЧНУЮ ТАЙНУ.

ПОЧТАЛЬОН ЛОЖКИН СО СТАРУХОЙ.

Много было разных писем, а нужного письма не было. Мама говорит:

— Не найдем мы дядю Федора. Уже двадцать одно письмо пришло, а про него ни слова. Папа ее успокаивает:

— Ничего, ничего. Подождем двадцать второго.

И вот оно пришло. Мама раскрыла и глазам своим не поверила.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПАПА И МАМА!

ПИШЕТ ВАМ ПОЧТАЛЬОН ПЕЧКИН ИЗ ДЕРЕВНИ ПРОСТОКВАШИНО. ВЫ СПРАШИВАЕТЕ ПРО МАЛЬЧИКА ДЯДЮ ФЕДОРА. ВЫ ПРО НЕГО ЕЩЕ ЗАМЕТКУ В ГАЗЕТЕ ПИСАЛИ. ЭТОТ МАЛЬЧИК ЖИВЕТ У НАС. Я НЕДАВНО ЗАХОДИЛ К НЕМУ ПОСМОТРЕТЬ, ВСЕ ЛИ У НИХ ПЛИТКИ ВЫКЛЮЧЕНЫ. А ЕГО КОРОВА МЕНЯ НА ДЕРЕВО ЗАГНАЛА.

А ПОТОМ Я У НИХ ЧАЙ ПИЛ И НЕЗАМЕТНО ПУГОВИЦУ ОТРЕЗАЛ ОТ КУРТОЧКИ. ПОСМОТРИТЕ, ВАША ЛИ ЭТО ПУГОВИЦА. ЕСЛИ ПУГОВИЦА ВАША — И МАЛЬЧИК ВАШ.

Мама вынула пуговицу из конверта и как закричит:

— Это моя пуговица! Я ее сама дяде Федору пришивала!

Папа тоже как закричит:

— Ура!

И маму к потолку подбросил от радости. А очки у него как слетят! И не видит он, где маму ловить. Хорошо, что она на диван прилетела, а то бы папе досталось.

И она стала дальше читать:

ВСЕ У ВАШЕГО МАЛЬЧИКА ХОРОШО. И ТРАКТОР ЕСТЬ, И КОРОВА. ОН ВСЯКИХ ЗВЕРЕЙ КОРМИТ. И КОТ У НЕГО ЕСТЬ ХИТРЫЙ-ПРЕХИТРЫЙ. Я ИЗ-ЗА ЭТОГО КОТА И ИЗОЛЯТОР ПОПАЛ: ОН МЕНЯ МОЛОКОМ УТОСТИЛ, ОТ КОТОРОГО С УМА СХОДЯТ.

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИЕХАТЬ ЗА ВАШИМ МАЛЬЧИКОМ, ПОТОМУ ЧТО ОН НИЧЕГО НЕ ЗНАЕТ. И Я ЕМУ НИЧЕГО НЕ СКАЖУ. А МНЕ ПРИВЕЗИТЕ ВЕЛОСИПЕД. Я НА НЕМ БУДУ ПОЧТУ РАЗВОЗИТЬ. И ОТ НОВЫХ ШТАНОВ Я БЫ ТОЖЕ НЕ ОТКАЗАЛСЯ.

ДО СВИДАНИЯ. ПОЧТАЛЬОН ДЕРЕВНИ ПРОСТОКВАШИНО МОЖАЙСКОГО РАЙОНА ПЕЧКИН.

И папа с мамой после этого письма стали в дорогу готовиться, а дядя Федор ничего не знал.

Глава девятнадцатая Посылка

По утрам на улице уже лед был — зима приближалась. И каждый своим делом занимался. Шарик по лесам с фотоаппаратом бегал. Дядя Федор кормушки для птиц и лесных зверей мастерил. А Матроскин Гаврюшу обучал. Учил его всему. Палку в воду бросит, а теленок принесет. Скажет ему: «Лежать!» — и Гаврюша лежит. Прикажет ему Матроскин: «Взять! Куси!» — тот сразу бежит и бодаться начинает.

Прекрасный сторожевой бык из него получался. И вот однажды, когда каждый из них свое дело делал, к ним почтальон Печкин пришел:

— Здесь кот Матроскин живет?

— Я Матроскин, — говорит кот.

— Вам посылка пришла. Вот она. Только я вам ее не отдам, потому что у вас документов нету.

Дядя Федор спрашивает:

— Зачем же вы ее принесли?

— Потому что так положено. Раз посылка пришла, я должен ее принести. А раз документов нету, я не должен ее отдавать.

Кот кричит:

— Отдавайте посылку!

— Какие у вас документы? — говорит почтальон.

— Лапы, хвост и усы! Вот мои документы.

Но Печкина не переспоришь.

— На документах всегда печать бывает и номер. Есть у вас номер на хвосте? А усы и подделать можно. Придется мне посылку обратно относить.

— А как же быть? — спрашивает дядя Федор.

— Не знаю как. Только я к вам теперь каждый день приходить буду. Принесу посылку, спрошу документы и обратно унесу. Так две недели. А потом посылка в город уедет. Раз ее не получил никто.

— И это правильно? — спрашивает мальчик.

— Это по правилам, — отвечает Печкин. — Я, может, вас очень люблю. Я, может, плакать буду. А только правила нарушать нельзя.

— Не будет он плакать, — говорит Шарик.

— Это уже мое дело, — отвечает Печкин. — Хочу — плачу, хочу — нет. Я человек свободный. — И он ушел.

Матроскин от сердитости хотел на него Гаврюшу натравить, но дядя Федор не позволил. Он сказал:

— Я вот что придумал. Мы найдем ящик, такой, как у Печкина, и все на нем напишем. И наш адрес, и обратный. И печати сделаем, и веревками перевяжем. Печкин придет, мы его за чай посадим, а ящик возьмем и переменим. Посылка у нас останется, а пустой ящик к ученым отправится.

— Зачем же пустой? — говорит Матроскин. — Мы в него грибов положим или орехов. Пусть ученые подарок получают.

— Ура! — кричит Шарик. И Гаврюшу позвал от радости: — Гаврюша, ко мне! Дай лапу.

Гаврюша ногу протянул и хвостиком виляет, совсем как собака.

Так они и сделали. Достали ящик посылочный, положили в него грибы и орехи. И письмо положили:

ДОРОГИЕ УЧЕНЫЕ!

СПАСИБО ЗА ПОСЫЛКУ. ЖЕЛАЕМ ВАМ ЗДОРОВЬЯ И ИЗОБРЕТЕНИЙ. А ОСОБЕННО ВСЯКИХ ОТКРЫТИЙ.

И подписались:

ДЯДЯ ФЕДОР — МАЛЬЧИК.

ШАРИК — ОХОТНИЧИЙ ПЕС.

МАТРОСКИН — КОТ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЧАСТИ.

Потом они адрес написали, все как надо сделали и стали Печкина ждать. Они даже ночью заснуть не могли. Не думали: получится у них или не получится?

Утром кот пирогов напек. Дядя Федор чаю заварил.

А Шарик с Гаврюшей все на дорогу бегали смотреть, идет Печкин или не идет. И вот Шарик примчался:

— Идет!

Печкин подошел и в дверь постучал.

Хватайка со шкафа спрашивает:

— Кто там?

Печкин отвечает:

— Это я, почтальон Печкин. Принес посылку. Только я вам ее не отдам. Потому что у вас документов нету.

Матроскин на крыльцо вышел и спокойно так говорит:

— А нам и не надо. Мы бы эту посылку и сами не взяли. Зачем нам гуталин?

— Какой такой гуталин? — удивился Печкин.

— Обыкновенный. Которым ботинки чистят, — объясняет кот. — В этой посылке наверняка гуталин.

Печкин даже глаза вытаращил:

— Это кто же вам столько гуталина прислал?

— Это мой дядя, — объясняет кот. — Он у сторожа живет на гуталинном заводе. У него гуталина завались! Не знает, куда его девать. Вот и шлет кому попало!

Печкин даже растерялся. А тут Шарик посылку понюхал и говорит:

— Нет, там совсем не гуталин.

Печкин обрадовался:

— Вот видите! Не гуталин.

— Там мыло! — говорит Шарик.

— Какое еще мыло?! — кричит Печкин. — Совсем вы мне голову заморочили! Зачем вам столько мыла прислали? Что у вас, баня открывается?

— Если там мыло, — говорит дядя Федор, — значит, его моя тетя прислала, Зоя Васильевна. Она на мыльной фабрике испытателем работает. Мыло испытывает. Ей еще в автобус садиться нельзя. Особенно в дождик.

— Это еще почему? — спрашивает Печкин.

— В дождик она вся мыльной пеной покрывается. Людей в автобусе много; как они надавят, так она и выскальзывает каждый раз. А однажды она по лестнице ехала с шестого этажа до первого.

Тут уже Шарик спросил:

— Почему?

— Потому что пол мыли. Лестница мокрая была. А она-то ведь скользкая, намыленная.

Печкин послушал и говорит:

— Мыло там или не мыло, а я вам посылку не дам! Потому что у вас документов нету. И вообще, напрасно вы мне голову морочите. Я вам не дурачок! — И сам себе по голове постучал.

А галчонок услышал стук и спрашивает:

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принес для вас посылку. То есть не принес, а уношу. А ты, говорилка, помалкивай себе на шкафу!

Кот ему говорит:

— Ладно вам сердиться. Идите лучше чай пить. У меня пироги на столе.

Печкин сразу согласился:

— Я очень люблю пироги. И вообще мне у вас нравится.

Они его к столу повели. Только Печкин хитрый. Он с посылкой не расстается. Даже сел на нее вместо стула.

Тогда дядя Федор стал конфеты на другой конец стола ставить. Чтобы Печкин за ними потянулся и с посылки привстал. Но Печкина не проведешь. Он с посылки не встает, а просит:

— Подайте мне вон те конфеты. Очень они замечательные!

Того и гляди, конфеты съест. Но тут всех Хватайка выручил. Печкин две конфеты себе в нагрудный карман положил, чтобы домой взять. А галчонок сел к нему на плечо и конфеты вытащил. Почтальон кричит:

— Отдавай! Это мои конфеты!

И за галчком побежал. Хватайка — на кухню. Печкин — за ним. Тут Матроскин посылку и подменил. Прибежал Печкин с конфетами и снова на посылку сел. А посылка уже не та.

Наконец они весь чай выпили и пироги съели. А Печкин все равно сидит. Он думает, что ему еще что-нибудь дадут. Шарик ему намекает:

— Не пора ли вам на почту идти? А то скоро она крошится.

— И пускай закрывается. У меня свой ключ есть.

Матроскин тоже говорит:

— Мне кажется, у вас дома плитка не выключена. Очень может быть, что пожар будет.

— А у меня плитки нет, — отвечает Печкин.

Шарик тогда тихонько спрашивает у дяди Федора:

— Можно, я его просто укушу? Чего он не уходит?

А у Печкина слух хороший был. Он и услышал.

— Ах вот как! — говорит. — Я к вам со всей душой, а вы меня кусать собираетесь?! Ну и пожалуйста! Больше я посылку носить не буду. Я ее завтра же назад pošлю.

А им только этого и надо было. И как только он ушел, они дверь заперли и стали посылку распечатывать.

Глава двадцатая Солнышко

Вверху посылки письмо лежало.

ДОРОГОЙ КОТ!

МЫ ВСЕ ТЕБЯ ПОМНИМ. ЖАЛКО, ЧТО ТЫ ОТ НАС ПОТЕРЯЛСЯ.

— Ничего себе потерялся! — говорит Матроскин. — Меня завхоз прогнал.

МЫ ЗА ТЕБЯ РАДЫ, ЧТО ТЫ ХОРОШО ЖИВЕШЬ. А ПРИРОДУ НА ДРОВА РУБИТЬ НЕ НАДО. ТВОЙ ХОЗЯИН ПРАВ.

ПОСЫЛАЕМ ТЕБЕ СОЛНЦЕ МАЛЕНЬКОЕ, ДОМАШНЕЕ. КАК С НИМ ОБРАЩАТЬСЯ, ТЫ ЗНАЕШЬ. ВИДЕЛ У НАС. ПОСЫЛАЕМ И РЕГУЛЯТОР — ДЕЛАТЬ ЖАРЧЕ И ХОЛОДНЕЕ. ЕСЛИ ТЫ ЧТО-ТО ЗАБЫЛ, НАПИШИ НАМ. МЫ ВСЕ ТЕБЕ ОБЪЯСНИМ.

ВСЕГО ХОРОШЕГО. ИНСТИТУТ ФИЗИКИ СОЛНЦА. УЧЕНЫЙ У ОКНА, В ХАЛАТЕ БЕЗ ПУТОВИЦ, У КОТОРОГО ТЕПЕРЬ ОДИНАКОВЫЕ НОСКИ, — КУРЛЯНДСКИЙ.

Кот говорит:

— Теперь вы меня слушайте и не мешайте.

Он достал из ящика бумагу, свернутую в трубку. Это была большая переводная картинка, на которой солнце было нарисовано. Только не красками, а тонкими медными

проводами. Картинку надо было на потолок перевести и в розетку включить.

Они дружно стали шкаф отодвигать, чтобы удобнее с него солнце на потолок наклеить. А Хватайке это не понравилось. Он стал на них разные вещи сбрасывать, шипеть и кусаться. Но все-таки они шкаф отодвинули. Кот взял солнце, намочил его и перевел на потолок. А провода в электричество включил. Не просто так, а через черный ящик. На этом ящике ручка была. Кот ручку немного повернул, и тут чудо получилось: солнце светиться начало. Сначала краешек, потом еще немного. В комнате сразу тепло и светло стало. И все обрадовались и запрыгали. И галчонок на шкафу тоже запрыгал. Только не от радости, а оттого, что ему жарко стало. Они скорее шкаф на место передвинули.

Дядя Федор говорит:

— Вы как хотите, а я буду загорать.

Он постелил одеяло на полу, лег на него в трусиках и спину солнышку подставил. И кот на одеяло лег, греться стал. И все в доме ожило. И цветы к солнцу потянулись, и бабочки откуда-то выбрались. И теленок Гаврюша стал скакать как на лужайке.

А на дворе сырость, холод и слякоть. Скоро зима подойдет. Их домик с улицы так и светится, как игрушечный. Даже какая-то синица в окно стучать начала. Но ее не пустили. Нечего баловать. Вот будут морозы сильные, тогда пожалуйста, милости просим.

С этих пор у них очень хорошая жизнь началась. Утром они солнышко включают и весь день греются. На дворе холод, а у них лето жаркое.

А почтальон Печкин любопытный был. Он смотрит — по всей деревне люди печи топят, дым из труб идет, а у дяди Федора дыма из трубы нет. Опять непорядок. Он решил узнать, в чем дело. Приходит он к дяде Федору:

— Здравствуйте. Я вам газету «Современный почтальон» принес.

А сам глазами в печку уставился. Видит: в печке дрова не горят, а в доме тепло. Он ничего не понимает, а солнца

домашнего не видит. Потому что оно как раз над ним на потолке было. Ему голову печет.

Дядя Федор говорит:

— А мы газету «Современный почтальон» не выписываем. Это взрослая газета.

— Ах, какая жалость! — сокрушается Печкин. — Значит, я что-то перепутал. — А сам глазами по сторонам водит: нет ли где электроплитки какой или камина?

Солнце его греет. Стоит он, потом обливается, но не уходит. Хочет секрет выведать.

— Значит, вы «Современный почтальон» не выписываете? Очень жалко. Это газета нужная. Там про все на свете пишут.

— А сказки там печатают? Или рассказы про зверей? — спрашивает дядя Федор.

А Матроскин ручку у солнечного ящика повернул. Сделал солнце еще теплее. Печкин даже шапку снял от жары. Только ему еще хуже стало: солнце его в самую лысину печет.

— Сказки про зверей? — спрашивает. — Нет, там больше про то пишут, как надо почту разносить и как автоматы марки наклеивают.

Тут у него от жары все путаться стало. Он говорит:

— Нет, наоборот, автоматы почту разносят и марки наклеивают, как звери.

— Какие звери марки наклеивают? — спрашивает Шарик. — Лошади, что ли?

— При чем тут лошади? — говорит почтальон. — Я про лошадей ничего не говорил. Я говорил, что звери на автоматах работают и пишут сказки про то, как надо лошадям почту разносить.

Он замолчал и стал мысли собирать.

— Дайте мне градусник. Что-то жар у меня. Хочу измерить, сколько градусов.

Кот ему градусник принес и стул подставил под солнцем. Печкин по градуснику постучал, чтобы температуру сбросить. А Хватайка спрашивает:

— Кто там?

— Это я, почтальон Печкин. Принес журнал «Мурзилка».

— При чем тут «Мурзилка»? — спрашивает кот.

— Ах да! Это я вам «Современного почтальона» принес, которого вы не выписываете. Потому что у вас докумен-тов нету.

Совсем он уже сварился. Даже пар от него пошел, как от самовара. Вынимает он градусник и говорит:

— Тридцать шесть и шесть у меня. Кажется, все в порядке.

— Какое там «в порядке»! — кричит кот. — У вас же температура сорок два!

— Почему? — испугался Печкин.

— А потому что тридцать шесть у вас и еще шесть. Сколько это вместе будет?

Почтальон посчитал на бумажке. Сорок два вышло.

— Ой, мама! Значит, я уже умер. Скорее в больницу побегу! Сколько раз я к вам приходил, столько в больницу попадал... Не любите вы почтальонов!

А они почтальонов любили. Просто они Печкина не любили. Он с виду был добренький, а сам вредный был и любопытный.

Но только с этим солнцем не все хорошо было. Из-за этого солнца у них самая большая неприятность началась. Заболел дядя Федор.

Глава двадцать первая Болезнь дяди Федора

Дядя Федор дома все время в трусах ходил — загорал. Он совсем коричневый сделался, будто с юга приехал. А если он на улицу выходил, ему одеваться надо было. Сначала майку, потом рубашку, потом штаны, потом свитер, потом шапку, шарф, пальто, варежки и валенки. Вот сколько всего. Это коту хорошо и Шарик — у них шуба всегда при себе. Даже купаются они вместе с шубой.

Однажды дяде Федору надо было на улицу выйти, птиц накормить. Он одеваться не стал, а так в трусиках и выскочил ненадолго. А на дворе мороз, снег выпал. Дядя Федор и простудился. Пришел домой — его знобит. Температура поднялась. Он под одеяло залез, ни есть, ни пить не хочет. Плохо ему. Он говорит:

— Матроскин, Матроскин, кажется, я заболел.

Кот беспокоился, стал его чаем с вареньем поить. Пес в магазин побежал, мед купил. Только дяде Федору все хуже. Лежит он под одеялом, перед ним игрушки и книжки, а он на них и не смотрит. Шарик ушел на кухню, сел в углу и заплакал. Хочет дяде Федору помочь, а не умеет.

— Уж лучше бы я сам заболел!

И кот совсем растерялся:

— Это я виноват: не уследил за дядей Федором... И зачем я только это солнце выписал!

Гаврюша подошел к мальчику, руку лижет: вставай, мол, дядя Федор, чего лежишь! А дядя Федор не встает. Гаврюша глупенький был, еще маленький. Он не понимал, что такое болезнь, а Шарик с котом хорошо понимали.

Кот говорит:

— Я за врачом побегу в город. Надо дядю Федора спасать.

— Куда же ты побежишь? — спрашивает Шарик. — Буран на дворе. Ты сам пропадешь.

— Пусть лучше я пропаду, чем смотреть, как дядя Федор мучается.

— Тогда давай я побегу, — предлагает Шарик. — Я лучше бегу.

— Дело не в беготне, — отвечает кот. — Я одного врача хорошего знаю, детского. Я его приведу.

Он нагрел молока в бутылочке, завернул в тряпку и уже хотел идти, а тут в дверь постучали. Хватайка спрашивает:

— Кто там?

Из-за двери отвечают:

— Свои.

Кот говорит:

— В такую погоду свои дома сидят. Телевизор смотрят. Только чужие шастают. Не будем дверь открывать!

Дядя Федор с кровати просит:

— Откройте дверь... Это мои папа и мама приехали.

И правильно. Это папа с мамой были. С ними Печкин пришел.

— Видите, до чего они вашего ребенка довели. Их надо немедленно в поликлинику сдать для опытов!

Шарик рассвирепел и давай почтальона кусать за шнурки. Еле-еле Печкин за дверь выскочил.

А мама уже командует:

— Немедленно грелку мне!

Шарик с котом бросились, перевернули все — нет грелки! Кот говорит:

— Давайте я буду грелкой. Я очень теплый.

Мама взяла Матроскина, завернула в полотенце и к дяде Федору в кровать положила. Кот дядю Федора обнял лапками и греет.

— Теперь давайте мне все ваши лекарства.

Шарик коробку с лекарствами в зубах принес, и мама дала дяде Федору таблетку с горячим молоком. И дядя Федор заснул.

— Только это не все, — говорит мама. — Ему надо укол пенициллина сделать. Есть у вас пенициллин?

— Нет, — отвечает кот.

— А аптека в деревне есть?

— Нет аптеки.

— Я в город поеду за пенициллином, — говорит папа.

— Как же ты поедешь? — спрашивает мама. — Автобусы уже не ходят.

— Значит, «скорую помощь» из города вызовем. Не может быть так, чтобы ребенок болел, а помочь нельзя.

Мама в окно поглядела и головой покачала:

— Не видишь, что на улице делается? Никакая «скорая помощь» не проедет. Придется ее трактором выгаскивать. Бедный мой дядя Федор!

Матроскин как подпрыгнет! Как закричит:

— Какие мы все дураки! А тр-тр Митя на что? У нас же трактор есть!

Папа обрадовался:

— Как вы здорово живете! У вас даже трактор есть. Давайте скорее его заводить! Бензин наливать!

Шарик говорит:

— У нас трактор особенный. Продуктовый. На супе работает. На сосисках.

Папа не стал удивляться. Некогда было.

— У нас целая сумка продуктов есть. И апельсины, и шоколад. Годится?

— Нет, — говорит кот. — Не годится. Нечего Митю баловать. У нас картошки вареной целый котелок.

И пошел папа с Шариком Митю заводить.

Митя очень обрадовался. Песню какую-то запел тракторную, и поехали они в город на полной картофельной скорости.

А Матроскин с мамой дядю Федора выхаживали. Мама скажет:

— Дайте полотенце мокрое!

Матроскин принесет. Мама скажет:

— А теперь градусник.

Кот ей:

— Пожалуйста!

Мама даже не думала, что коты такие умные бывают. Она думала, что они только мясо умеют воровать из кастрюль и на крышах кричать. А тут на тебе — не кот, а медсестра!

Матроскин еще чаю вскипятит и накормит маму пирогами. Очень он маме понравился. И все делать умеет, и беседовать с ним можно.

Мама говорит:

— Это я во всем виновата. Зря я вас прогнала. Жили бы вы у нас, и дядя Федор никуда бы не ушел. И в доме бы порядок был. И папа у вас поучиться бы мог.

Кот стесняется:

— Подумаешь, пироги! Я еще вышивать умею и на машинке шить.

Так они до полночи дядю Федора лечили и разговаривали. И вот уже тр-тр Митя вернулся с папой и с лекарствами.

Глава двадцать вторая Домой

На другой день утро было прекрасное. На улице солнце светило и снег почти стоял. Выглянула теплая поздняя осень.

Кот проснулся первым и приготовил чай. Потом корову подоил и дал дяде Федору молока. Папа говорит:

— Давайте дяде Федору градусник поставим. Может, он уже вылечился.

Поставили дяде Федору градусник, а Шарик говорит:

— А у меня нос — градусник. Если он холодный — значит, я здоров. А если он горячий — значит, заболел.

— Очень хороший градусник, — говорит папа. — Только как его стряхивать? И как другим ставить? Если я, например, заболею, мне что, твой нос под мышку класть?

— Не знаю.

— Вот то-то, — говорит папа.

А тут Хватайка слетел со шкафа — и к дяде Федору напровасть. Он увидел, что у него что-то блеснит под мышкой. Все на папу смотрели, а он градусник украл.

— Ловите его! — кричит папа. — Температура улетела!

Пока Хватайку ловили, такой шум стоял, что даже Мурка пришла из сарая в окошко смотреть. Всунулась она в комнату и говорит:

— Тьфу ты! И совсем не смешно.

Все так и сели. Надо же! Мурка разговаривает!

— Ты что, говорить умеешь? — спрашивает кот.

— Ага!

— А чего же ты раньше молчала?

— А то и молчала. О чем с вами разговаривать-то?.. Ой, салатик растет!

— Это не салатик! — кричит кот. — Это столетник. — И Мурку в окошко вытолкал.

Поймали они температуру и увидели, что она была нормальной. Дядя Федор почти выздоровел. Мама говорит:

— Ты, сынок, как хочешь, но мы тебя в город заберем. На тобой уход нужен.

— А если ты кота хочешь взять, или Шарика, или еще кого — бери. Мы возражать не будем, — добавляет папа.

Дядя Федор спрашивает у кота:

— Поедешь со мной?

— Я бы поехал, кабы один был. А Мурка моя? А хозяйство? А запасы на зиму? И потом, я уже привык к деревне и к людям. И меня уже знают все, здороваются. А в городе надо тысячу лет прожить, чтобы тебя уважать начали.

— А ты, Шарик, поедешь?

Шарик не знал, что и говорить. Только он свое место в жизни нашел — фотоохотой занялся, а тут уезжать надо.

— Ты, дядя Федор, лучше поправляйся и сам приезжай.

Папа говорит:

— Мы все вместе будем к вам приезжать. В гости.

— Правильно, — говорит Матроскин. — Приезжайте к нам по воскресеньям на лыжах кататься. А летом в отпуск. А если дядя Федор в школу пойдет, пусть он у нас каникулы проводит, летние и зимние.

Так они и договорились.

Мама дядю Федора укутала во все теплое и велела папе трактор накормить как следует. Потом она спросила у Матроскина:

— Что вам прислать из города?

— У нас тут все есть. Только книжек маловато. И еще я хочу бескозырку иметь с ленточками. Как у моряков.

— Хорошо, — говорит мама. — Я обязательно пришлю. И еще я вам тельняшку достану. А тебе, Шарик, ничего не надо?

— Мне бы радио маленькое. Я буду в будке передачи слушать. И еще киноаппарат. Я буду кино про зверей снимать.

— Хорошо, — говорит папа. — Этим я сам займусь. Лично.

И они стали на трактор грузиться: мама, папа, дядя Федор и Шарик. Шарик должен был Митю обратно пригнать. И они поехали. Вдруг Матроскин из калитки выскакивает:

— Стойте! Стойте!

Они остановились. И он им Хватайку подает:

— Вот, держите. Вам с ним веселее будет.

Папа из кабины спрашивает:

— Это кто там?

Хватайка отвечает:

— Это я, почтальон Печкин. Принес журнал «Мурзилка».

И все про Печкина вспомнили. Мама говорит:

— Ох, как неудобно, мы совсем про него забыли...

— И правильно, — говорит Шарик. — Он такой вредный.

— И вредный он или не вредный, не важно. А важно, что мы ему велосипед обещали.

— Есть у вас здесь велосипед? — спрашивает папа.

— Нет, — говорит Шарик.

— А вот как сделайте, — предлагает Матроскин. — Купите ему лотерейных билетов на сто рублей. Пусть он что хочет, то и выигрывает. Хоть мотоцикл, хоть машину. Он же сам эти билеты продает. Ему двойная выгода получится. От продажи билетов и от выигрыша.

Так они и сделали. Купили у Печкина билетов и самому Печкину на почту отнесли. Почтальон даже растрогался:

— Спасибо вам! Я почему нехороший был? Потому что у меня велосипеда не было. А теперь я сразу доброту начну. И какую-нибудь зверюшку заведу, чтобы жить гостей: ты домой приходишь, а она тебе радуется!.. Приезжайте в наше Простоквашино...

Наконец они домой приехали. Дядю Федора сразу спясть уложили с дороги. Потом побежали тельняшку, книжки и киноаппарат покупать. Потом все обедали. Особенно трактор. И мама все уговаривала Шарика пойти ночевать. Но он не согласился:

— Мне здесь хорошо будет с вами. А Матроскин там один с хозяйством и с телятником. Я ехать должен.

Тут мама говорит:

— Как же он один поедет на тракторе? Его же любой милиционер остановит. Так не бывает: собака — и за рулем!

Папа соглашается:

— Верно, верно. Боюсь, вся милиция по дороге начнет на голову хвататься. И шоферы встречные тоже. Сколько же катастроф получится!

Шарик говорит:

— Давайте мы вот как сделаем, чтобы милицию не вызывать. Есть у вас очки и шляпа? И перчатки ненужные?

Папа все принес. Шарик нарядился, тельняшку надел и спрашивает:

— Ну как?

Папа говорит:

— Отлично! Отставной ученый адмирал на своем тракторе едет за город навестить родную бабушку

Мама говорит:

— Что адмирал — это понятно, раз он в тельняшке. Что ученый — тоже ясно, потому что в очках. А при чем здесь бабушка?

— А при том. Грибов сейчас за городом нет. Ягод — тоже. Одни бабушки и остались.

Мама сказала:

— Всю жизнь ты одни глупости говоришь. И дурацкие советы даешь. Это меня не удивляет. А вот почему твои глупости всегда правильными бывают, этого я понять не могу.

— А потому, — говорит папа, — что самый лучший совет всегда неожиданный. А неожиданность всегда глупостью кажется.

Шарик говорит:

— Это все интересно, о чем вы говорите. Правда, я ничего не понимаю. Мне ехать пора. Только давайте не будем целоваться. Я нежностей не люблю.

И папа согласился. Он тоже не любил нежностей. И мама согласилась. Она любила нежности. Но она к Шарiku не привыкла.

И Шарик уехал. А дядя Федор спал. И снилось ему только хорошее.

Часть вторая Каникулы в Простоквашино

В Простоквашино была зима. Папа, мама и дяди Федор жили в городе.

Дядя Федор в школу ходил. А Шарик и Матроскин в деревне жили.

Дымки чуть выются над деревней. Снега нападало как в старину. А дом дяди Федора почему-то поделен белой линией пополам. Посредине дома ходит кот Матроскин и ворчит:

— Безобразие! На дворе социализм построили, а у нас одна пара валенок на всех, как при гнилом царизме.

— А почему так получилось? — спрашивает почтальон Печкин. — У вас средств нету? Денег у вас не хватает?

— Средства у нас есть, — отвечает кот. — У нас ума не хватает. Говорил я ему: «Купи себе валенки». А он кеды купил. Тоже мне чемпион сельской местности. Лучше бы он альпинизмом занялся.

— Почему альпинизмом? — спрашивает Печкин.

— Там несчастных случаев больше. Тьфу. Балбес он!

— А вы скажите ему об этом. Раскройте ему глаза.

— Не могу. Мы два дня не разговариваем.

Печкин сразу нашел выход:

— Вы ему письмо напишите. Я вам даже открытку дам. Вам простую или поздравительную? У меня только поздравительные.

Взял Матроскин поздравительную открытку с цветочками и стал писать: «Шарик, ты балбес».

— Неправильно это, — говорит Печкин. — Если бланк поздравительный, сначала поздравить надо.

Тогда кот дописал: «Поздравляю тебя, Шарик, ты балбес».

Шарик на печи обиделся и говорит Печкину:

— Я в него сейчас кочергой брошу.

А Печкин говорит:

— Зачем бросать, если почта есть. Это уже бандероль получается. Сейчас мы ее упакуем и коту передадим. Платите десять копеек.

Он к коту подошел и говорит:

— Вам кочергу прислали бандеролью. Хотели в вас запустить.

— Что?! — кричит Матроскин. — Да я за это в него утюгом!

— Это уже посылка получается, — говорит Печкин. — Потому что больше килограмма. Платите двадцать копеек за доставку.

Так они ползимы ссорились. А папа с мамой ничего этого не знали. Папа и дядя Федор старый «Запорожец» купили и чинили его прямо в комнате. И папа говорит:

— Скоро у нас Новый год. Надо в Простоквашино на санки собирать.

А мама говорит:

— Вы как хотите, а у меня выступление в «Голубом огоньке». Я не могу в Простоквашино.

— А после выступления — на последней электричке? — предлагает дядя Федор.

— Я, конечно, люблю Простоквашино, — отвечает мама, — но не до такой степени, чтобы в вечернем платье в электричках разъезжать.

— Это верно, — заметил папа. — Сейчас в Простоквашино надо вечернюю телогрейку надевать и вечерние валенки.

Тут в дверь постучали. Телеграмма пришла. Вернее, почтальон пришел. В телеграмме было написано:

ШАРИК С МАТРОСКИНЫМ ПОРУГАЛИСЬ. ВЕЩИ ДЕЛЯТ. СКОРО ПЕЧЬ ПИЛИТЬ НАЧНУТ. ПЕЧКИН.

— Ничего не понимаю, — говорит мама. — Почему они скоро печь пилить начнут?

А папа все понял и стал в Простоквашино собираться.

А в Простоквашино ссора продолжалась. Кот подзывает Печкина и говорит:

— Передайте этому типу срочную телеграмму.

— Записываю, — говорит Печкин.

Матроскин ему диктует:

СКОРО ДЯДЯ ФЕДОР ПРИЕДЕТ. СРОЧНО БЕРИ МОИ ВАЛЕНКИ И ИДИ В ЛЕС ЗА ЕЛКОЙ.

Печкин посчитал на счетах и говорит:

— Четырнадцать слов, доставка. С вас пятьдесят копеек.

Потом он к Шарiku подошел и сообщает ему:

— Вам телеграмма пришла. Будете ответ писать?

— Не буду, — отвечает Шарик. — У меня денег нет.

— А вы поищите в карманах.

— Все равно не буду. У меня и карманов нет. Я ответ нарисую.

Он мелом рисует домик на печке.

— Что это? — спрашивает кот. — Что это за народное творчество?

— Это индейская национальная изба, — говорит пес. — Фигвам называется.

Тогда кот про Шарика сказал:

— Мы его на помойке нашли. Отмыли, отчистили от очистков, а он нам фигвамы рисует. Лучше бы дядя Федор черепаху завел в коробочке.

— А это потому фигвамы, — объясняет Шарик, — что мне жалко елки рубить. Они такие красивые.

— А ты не о красоте думай, — кричит кот, — а о том, что они бесплатные! Сейчас, между прочим, пятилетка экономии. Все бесплатное в цене...

И он все время ворчал:

— Он о красоте заботится. А о нас кто позаботится — Антон Павлович Чехов?

Печкин спрашивает:

— Разрешите узнать, а кто такой будет Антон Павлович Чехов?

— Не знаю! — отвечает кот. — Только так пароход назывался, на котором моя бабушка плавала.

— Наверное, он был хороший человек, — говорит Шарик, — раз его именем пароход назвали. И он не стал бы елки рубить.

— А что бы он стал делать?

— Пошел бы в магазин и искусственную елку купил.

Тут в дверь постучали. Входит человек в маске и с искусственной елкой.

— Угадайте, кто я? — спрашивает.

— Антон Павлович Чехов, — говорит Печкин.

А это папа дяди Федора приехал. Все закричали: «Ура!» А кот стал лапами меловую черту стирать.

— А где дядя Федор?

— Он в машине сидит. Мы застряли.

И вот, как бурлаки на Волге, наши герои стали лямкой тянуть «Запорожец».

— Ездовые собаки — это я слышал... — ворчит Митроскин. — Но ездовые коты?.. Такого еще не было.

— Ничего, ничего, — говорит папа сзади. — У нас дороги такие, что и ездовые академики встречаются. Я сам видел.

Папа решил телевизор включить, чтобы «Голубой огонек» посмотреть.

— Странная у вас какая-то настроечная таблица, — говорит папа. — Кругами.

— Это у них не таблица, — объясняет Печкин. — Это у них все паутиной заросло. У них на каждой кастрюле такая таблица. Потому что они поссорились.

— Мы уже помирились, — говорит кот. — Потому что совместный труд для моей пользы облагораживает.

— Говорят, что скоро елки будут выпускать вместе с игрушками, — сообщает Печкин, вешая игрушки. — Они будут как зонтики открываться.

— А у нас во дворе настоящая елка есть, живая! — кричит дядя Федор. — Давайте ее наряжать.

Они на чердак бросились — там старинные вещи были, и стали ими елку во дворе наряжать.

— Какие там у вас новости в городе? — спрашивает Матроскин у мальчика.

— Никаких особых нет. Только родители еще одного ребенка решили доставать.

— Дожили... — ворчит кот. — Теперь детей как дубленки доставать стали. Или как черную икру.

Тут Печкин из окна высунулся:

— Ой, вашу маму по телевизору показывают. Какая радость — ей тип с большими усами розы подарил.

Папа сразу помрачнел и к окну бросился.

— Это вовсе не тип, — сказал он. — Это руководитель маминой самодеятельности.

А Печкин телевизор в окошко выставил, чтобы всем маму было видно.

Дядя Федор говорит:

— Ой, сейчас наша мама петь будет. А у вашего телевизора звука нет.

И точно, появляется в телевизоре мама, начинает петь, но ее не слышно.

— Как жалко, что мы ее не слышим, — говорит дядя Федор. — Она к этому выступлению полгода готовилась.

И вдруг мамин голос потихоньку становится слышен.

— Ой, — удивился Печкин, — кажется, звук включили! А вот и сама мама появилась с лыжами.

— Ничего себе, — заявил Печкин, — до чего техника дошла: вашу маму и там и тут передают.

А это не техника дошла, это мама дошла. Все бросились к ней и стали качать вместе с лыжами.

— Я же говорила, — сказала мама, — что я не могу без нашего Простоквашино.

И тут часы двенадцать пробили. Пришел Новый год.

Часть третья Побег из Простоквашино

В Простоквашино была осень. Шарик во дворе теленка Гаврюшу на сторожевого быка дрессировал. Просил ему палку через забор и приказал:

— Подать!

Гаврюша через забор прыгнул, но вместо палки оломенную шляпу в зубах принес.

Оказывается, за забором почтальон Печкин стоял, в дырочку подсматривал.

Печкин шляпу ухватил, а Гаврюша ее не выпускает. И минут они ее туда-сюда.

Кот Матроскин из окна высунулся и скомандовал:

— Гаврюша, голос!

Бычок как замычит: «Му-у!» — и шляпу выпустил. Печкин обрадовался, что его шляпу не съели, и дяде Федору письмо вручил. Письмо было такое:

ДОРОГОЙ НАШ МАЛЬЧИК! ТЫ ЖИВЕШЬ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ СОВСЕМ ЗАБРОШЕННЫЙ. А К НАМ ПРИЕХАЛА ТЕТЯ ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА. ОНА РЕШИЛА ТЕБЕ ПОДАРОК СДЕЛАТЬ, РОЯЛЬ КУПИЛА. БУДЕТ ТЕБЯ НА ЛАУРЕАТА МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА ГОТОВИТЬ. ЧТОБЫ ТЫ БЫЛ ХОРОШО ВОСПИТАН И МУЗЫКАЛЕН.

— А я и так хорошо воспитан и музыкален! — говорит Шарик. — Я при гостях никогда блох не ловлю. И пою не хуже, чем Полад Бюль-Бюль-оглы на пластинке.

Он как взвояет... Матроскина так и передернуло от такого пения.

— У меня такое ощущение, — сказал он, — что бензиновая пила «Дружба» на гвоздь наехала. А откуда эта тетя взялась?

— Это мамина сестра. Она недавно на пенсию вышла. Ей силы девать некуда. Вот и покупает рояли для всех.

И стали они ждать нашествия Тамары Алексеевны, как в старину ждали незваных гостей.

Шарик все время бегал на дорогу смотреть. Однажды прибегает и кричит:

— Едут! Едут! И рояль везут.

И точно.

Едет грузовик, в кабине — шофер и тетя, а в кузове — папа, мама, фикус и рояль.

— Так, — говорит Тамара Алексеевна, — вот вы, значит, какие!.. И кто же из вас будет дядя Федор?

Тут почтальон Печкин как из-под земли вырос:

— Вот этот, который в брюках и без хвоста, и будет дядя Федор.

— А вы, значит, почтальон Свечкин?

— Печкин я. Печкин.

— Вот и хорошо. Помогите мне рояль из машины вытащить.

Стали они рояль двигать, а он ни с места.

— Еще бы, — говорит тетя, — его в магазине семеро двигали.

Тогда Матроскин взял цепь, на которой Мурка паслась, от Мурки отцепил и карабинчик на ножке рояля защелкнул. И говорит шоферу:

— Трогайте.

Машина поехала, а рояль на месте остался, в воздухе. Все вместе его поймали и на землю поставили.

— Ну и дом у вас... — говорит тетя. — Будем расширять. Второй этаж надстраивать.

— Нам и так хорошо живется, — заметил Шарик.

— Вам плохо живется, — возразила тетя. — Просто вы не знаете. Вы по ошибке счастливы. Но я вам глаза раскрою. Я вас нацелю куда надо, на соответствующие показатели.

Она велела рояль в коровнике поставить.

— Но там же Мурка живет, — напомнила мама. — И Пирюша.

— Ничего, мы их переселим. Мы им во дворе палатку риклюбьем. Мы будем теперь без церемоний. Вы любите без церемоний?

Никто без церемоний не любил, только Печкин любил.

И все стало в Простоквашино меняться. Раньше никто за грибами ходили, теперь стали организовывать сбор грибов.

Утро. Тамара Алексеевна сидит, как начальник, за столом и проводит оперативку:

— Составим план на день. Матроскина с Шариком бросаем в реку — рыбу ловить. Дядю Федора в сарай — музыкой заниматься. Почтальон Печкин командировается в огород и в магазин. А папа с мамой направляется на спецзадание — изучать учебник педагогики. Всем ясно?

Всем было ясно.

— Так, — говорит тетя, — а теперь о новостях. Есть у нас какие-нибудь события?

— Никаких, — отвечает Печкин. — Только корова Мурка за ночь дырку в палатке проела.

...Яркий день. Все при деле. Дядя Федор в коровнике в большой тоске играет полонез Огинского. Сарай скрипит ему в такт... Он шатается. Потому что к нему привязана кошка Мурка.

Почтальон Печкин на Гаврюше картошку в огороде окучивает. Матроскин и Шарик на речном горизонте с удочками сидят. Мама с папой видны в палаточную дыру. Они книгу читают.

— Почтальон Печкин, — командует тетя, — временно назначьте вверенный вам участок и проведите беглый осмотр того, что сделано!

Печкин на берегу:

— Граждане сотрудники, прошу вас дать показания... не есть сведения. Сколько рыбы выловлено за истекшее время?

— Одна, — коротко, по-военному, отвечает кот.

— Прошу уточнить, — говорит Печкин, — в каких единицах ведете измерения. Что у вас «одна»? Одна тонна, кубометр, одно ведро?

— Одна килька, — поясняет кот, — весом в одну тонну, размером в один кубометр.

— Еле запихнули в ведро! — добавил пес.

Печкин отметил что-то в своей книжечке и дальше пошел.

Он подошел к папе и маме:

— Уважаемые, сообщите, какие у вас успехи и какие новости за текущий период.

— Новости хорошие, — говорит папа. — За текущий период корова Мурка «Педагогику» съела. Теперь умнее станет в десять раз.

Печкин и это записал в книжечку. И к дяде Федору подошел:

— А как у вас дела, молодой человек? Что доложить руководству?

— Доложите, что куры в рояле гнездо устроили. Цыплят высиживают. Пора музыку прекратить.

И вот Печкин к Тамаре Алексеевне с докладом пришел:

— Кот с собакой рыбу ловят. Одну кильку поймали. Весом в одну тонну, размером в один кубометр. Еле-еле в ведро запихнуть удалось. У дяди Федора все тоже хорошо. Куры в рояле, слава богу, цыплят высиживают. Можно музыку не учить.

— Понятно, — говорит тетя. — А у папы с мамой все, надеюсь, хорошо?

— Лучше не надо. Корова Мурка «Педагогику» съела.

— И что же здесь хорошего?

— Теперь умнее станет раз в десять.

— Караул! — закричала тетя Тамара и вызвала маму.

— Я как старшая сестра тебе говорю: ты должна воспитывать не только сына, но и мужа.

— А может, не надо меня воспитывать? — говорит папа. — Мне уже скоро сорок.

— Мужчину надо воспитывать до пятидесяти, — отвечает тетя. — А после пятидесяти можно

перевоспитывать начать. Завтра с новым подъемом за дело.

И вот начался новый подъем. Раннее утро. Из чердачного окна в мегафон тетя передает распорядок дня:

— Матроскин и Шарик бросаются в лес на землянику. Дядя Федор — в палатку, дырку от Мурки зашивать. Папа и мама будут кур из рояля в корзину переселять. Почтальон Печкин делает для всех обзор сегодняшних новостей.

Трудовой день в разгаре. Почтальон Печкин обходит всех с книжечкой.

Папа с мамой кур переселили, в две руки играют «Жижик-пыжик». Корова мычит с ними в такт.

— Как дела, уважаемые? — спрашивает Печкин.

— Прекрасно! — отвечает папа. — Отдыхаем хорошо. Как в изоляторе.

— От такого прекрасного отдыха скоро зеленеть начнем, — добавила мама.

Печкин это записал и дальше пошел. В лесу он Шарика с Матроскиным встретил и спрашивает:

— Как у вас дела со сбором весенних плодов в осеннее время? Нашли чего-нибудь?

— Нашли одну, — отвечает Матроскин.

— Чего — одну? Одну тонну? Одну корзину? Одну миску?

— Одну ягоду, — отвечает кот. — Весом в одну тонну. Если в ней сердцевину съесть, отличная земляничная будка получится.

Печкин все записал. И к дяде Федору пошел.

— Как дела, уважаемый молодой юноша?

— Очень здорово. Я сам себе штаны к палатке пришил.

— Так ты бы за ножницами сходил.

— Не получится, — говорит дядя Федор. — Я сам себя поштопал изнутри. Вылезти не могу.

Вот Печкин к тете вернулся. Она спрашивает:

— Как дела? Что у папы с мамой нового?

Печкин в книжечку смотрит:

— Отдыхают хорошо. Как в изоляторе. От такого прекрасного отдыха скоро зеленеть начнут.

— А как со сбором земляники для лечебного варенья?

— Нашли одну ягоду весом в одну тонну.

— Таковую огромную?

— Так точно. Если в ней середину съесть, отличная будка получится.

— А что с дядей Федором?

— Лучше быть не может. Он сам себя к палатке пришил.

— А что же он не вылезает?

— Он штаны изнутри приметал. Может вылезти только гольшом.

— Кошмар! — сказала Тамара Алексеевна. — Надо срочно проводить массовое воспитательное действие! Ну-ка, товарищ Печкин, посмотрите прессу. Какая сегодня главная задача дня?

Печкин начинает читать:

— «Перестройке — государственную приемку!»

— Прекрасно, но не совсем продумано.

— «Жилищному строительству — бетон высшего качества». Годится?

— Зажигательно, — говорит тетя, — но не для нашей местности. Еще что есть?

— «Сохранить урожай без потерь — вот главная задача сегодняшней деревни».

— Это для нас. Трубим полный сбор.

И вот за обедом при общем сборе тетя говорит:

— С сегодняшнего дня мы все как один будем картошку охранять.

— А у нас никто картошку не ворует, — возражает дядя Федор.

— Это сейчас не воруют, — настаивает тетя. — А раз в газете пишут, значит, скоро начнут.

— Я согласна охранять картошку, — говорит мама. — Только пусть и меня саму охраняют. Очень я темноты боюсь.

— А меня надо от комаров охранять, — добавляет папа.

— Выход на поле — с первыми лучами темноты, — говорит тетя.

Все стали готовиться. Папа с мамой стали чемодан укладывать.

— Ты и бритву уложи, — говорит папа, — и галстуки. В стороне Матроскин с дядей Федором рюкзаки готовят.

— А что, — спрашивает Шарик, — мы и Мурку с собой берем?

— А как же! — отвечает кот. — Мы ей на рога присоски приставим. Нагнется жулик картошку копать — она к нему и приклеится.

Поздний вечер. Первые лучи темноты. Тетя выстроила команду перед крыльцом, как на линейке. Только команда получилась очень странная. Кто в вечернем платье, кто с коровой на поводке, кто с чемоданом.

— На охрану колхозного поля — главную нашу задачу — выходи!

— Есть «выходи»!

Тетя идет впереди. Глядит вдаль. В мегафон строевые песни поет. К полю подошла, а за ней никого нет.

— Ой, караул! Всех похитили!

Станция железной дороги. Подходят папа и мама. Мама говорит:

— Я думаю, наш мальчик не пропадет. Ему трудно будет, но он в хорошие руки попал.

— Точно, не пропадет! — соглашается папа.

— А почему ты так думаешь?

— Потому что он тоже к станции приближается. Также бежал.

— Какое счастье!

— Счастье, да не полное, — спорит папа. — Потому что с ним вместе к нам в город и Мурка едет.

— Ничего, — говорит мама. — Пусть на газоне пасется.

И снова все в сборе. Кроме тети. Все обнимаются. А проводник против:

— Это вы куда с коровой? С коровами нельзя.

— А это не простая корова, — говорит дядя Федор. — Она ученая.

— И что же она умеет делать?

Мурка смотрит на него, выпучив глаза, потом как замычит полонез Огинского: «Му-му-му-му...» Проводник криком дверь открыл:

— Пожалуйста, грузитесь. Я этот марш пожарников с детских лет люблю.

И вот уже поезд едет в сторону города. А по рельсам бежит тетя Тамара Алексеевна и кричит:

— Вернитесь, мои хорошие, я больше не буду!

Любимая девочка дяди Федора

Повесть-сказка

Глава первая Появление девочки Кати

В Простоквашино лето пришло.

А так как про Простоквашино много в газетах писали и его много в кино показывали, Простоквашино стало модным курортом.

На берегу речки Простоквашино люди ставили машины, шалатки, разводили костры.

Кот Матроскин все переживал:

— Мы сюда приехали, чтобы тихо на природе жить. А тут шумят сейчас больше, чем в городе. Если так дальше пойдет, нам снова придется в город переезжать. Летом в городе тише, наверное.

А Шарик ничего не переживал. Он со своим фоторужьем по всем интересным местам носился. Он все палатки снимал, все дачи, все коттеджи и пляжи и приносил целые горы фотографий. Особенно у него хорошо природа получалась, пейзажи русские.

Однажды Матроскин решил:

— Что это его фотографии просто так пропадают? Надо наладить выпуск поздравительных открыток или календарей.

И он стал эти открытки и календари в сельской школьной типографии печатать и в местном ларьке продавать.

Раньше в этом ларьке была сапожная мастерская. Потом она сгорела. Потом там «Пиво-воды» разместились. Они тоже сгорели. Потом, в самое бедное время, в нем сельсовет находился. И он, бедный, тоже сгорел. Потом в ларьке клуб был для молодежи. Вы будете смеяться, но и клуб сгорел.

И вот кот Матроскин взял в аренду эту горящую точку. Качество было не самое лучшее, но все люди открытки с удовольствием покупали.

Вместе с открытками Матроскин еще и сметану продавал, и молоко по утрам. Так что он был вполне преуспевающий новый сельский русский.

Шарик из фоторужья не мог людей фотографировать, они пугались. Поэтому он все больше природу запечатлевал.

Но иногда на его фотографиях и люди попадались. Одна фотография потрясла дядю Федора. Дядя Федор долго ее рассматривал.

Это была фотография незнакомой девочки. Ну совсем Барби! Хотя это была не Барби, а просто обыкновенная девочка Катя. Просто она приехала из Америки. Там ее папа работал — родной брат профессора Семина.

Дядя Федор так долго смотрел на фотографию, что кот Матроскин забеспокоился. Он говорит Шарiku:

— Дядя Федор, кажется, влюбился. Мы его можем потерять. Только этого нам не хватало.

Шарик говорит:

— Подумаешь, влюбился! Если бы он заболел, мы бы могли его в больницу потерять. А так ничего с ним не случится.

Матроскин не согласен:

— Много ты понимаешь. Как начнет он с этой девочкой дружить! Будет с ней гулять, цветочки подносить, на тракторе кататься — про нас и забудет.

— Ну и пусть они дружат, — говорит Шарик. — Настоящая дружба еще никому не мешала.

— Да? — кричит Матроскин. — А как эта дружба в любовь перейдет? А как они женятся лет через десять? А как у них дети пойдут? Много у него времени для дружбы с тобой останется?

Такой перспективы даже Шарик испугался. И загрустил.

Как раз в это время дядя Федор стал одеваться на прогулку. Матроскин подумал: «Если он будет сильно наряжаться, умыться, причесываться — значит, влюбился. Если оденется кое-как, во все старое — значит, все в порядке. Можно не беспокоиться»

Дядя Федор и умылся, и причесался, и новую матроску надел. Совсем выставочным ребенком сделался. Значит, дела хуже некуда.

Он вывел из сарая тр-тр Митю, накормил его вчерашним молочным супом с сегодняшним творогом и пошел.

Матроскин подошел к дяде Федору и спрашивает:

— Далеко ли ты, дядя Федор, собрался?

Дядя Федор сказал первое, что в голову пришло:

— Рыбу ловить.

— Китов, что ли?

— Почему — китов? Пескарей, плотву всякую, — говорит дядя Федор.

— Ага, понятно, — говорит Матроскин. — Пескарь сейчас такой пошел — его без трактора из речки не вытащишь. Я, дядя Федор, с тобой пойду.

— Поехали, — согласился дядя Федор. — Сначала без удочек. Места на речке разведем.

Тр-тр Митя радостно затарахтел и выехал на главную деревенскую улицу.

Простоквашино было не узнать. Нарядные колхозники в ярких кепочках работали в поле, пропалывая картошку. Трактористы сидели за рулем своих тракторов в костюмах с пуговицами. Одним словом, не деревня, а курорт Анталья или Золотые Пески.

Дядя Федор подъехал к дому профессора Семина. Он становился и стал чинить тр-тр Митю. Стал колеса ему накачивать.

Чинит дядя Федор Митю, а сам на дом профессора посмотривает — не появится ли оттуда девочка с Шариковой фотографии.

Надо сказать, что дом профессора Семина сильно изменился в лучшую сторону. От бывшей захудалости и бедности не осталось. Появились всякие новомодные пристройки с большими балконами. Навесы для машин, клумбы с тюльпанами. И все такое новое, как вымытое.

Смотрит дядя Федор — а эта девочка с фотографии давно уже рядом стоит. В шортиках, в жилетке с нашивками, в сапожках на босу ногу и с гаечным ключом держать на двенадцать в руках.

Она спрашивает:

— Мальчик, мальчик, а какой марки у вас трактор?

— Марки только на почте бывают, — отвечает вместо дяди Федора кот Матроскин. — У тракторов — фирмы.

— Какой он у вас фирмы? — спрашивает девочка.

— Же-Зе-Те-И, — отвечает дядя Федор.

Девочка удивилась:

— Я о такой фирме не слышала.

— Это не совсем фирма, — объясняет дядя Федор. — Это завод такой — Железо-Тракторных Изделий.

— А модель какая? — спрашивает девочка.

— А модель особая, «Митя» называется. «Тр-тр Митя». «Тр-тр» — это трактор. А «Митя» — значит «Модель Инженера Тяпкина». Тяпкин — это изобретатель такой всемирный.

— Я такого инженера не знаю, — говорит девочка. — Я знаю, что есть Форд, Крайслер, Порше, а о всемирном Тяпкине я не слышала.

Она осмотрела тр-тр Митю и спросила:

— А сколько у вашего трактора лошадиных сил?

Дядя Федор не знал.

Оказалось, она не простая девочка. Она очень сильно автомобилями интересовалась. Она все марки и модели машин знала. Она о них стала дяде Федору рассказывать.

Она объяснила, что силу трактора лошадьми измеряют. Сколько лошадей он сможет перетянуть, столько у него лошадиных сил имеется.

Она так интересно рассказывала, что даже Матроскин заслушался. Потом он спохватился и говорит:

— Ну и что, что мы в машинах не разбираемся. Зато мы все про рыб знаем, и про птиц, и про зверей. А почтальон Печкин все про целебные травы знает. У него бабушка колдуньей была.

Тут даже дядя Федор удивился.

— Ничего себе, — говорит, — новости! У почтальона Печкина бабушка колдуньей была. А я не подозревал.

— Она у него не совсем колдуньей была. Она по совместительству. Она в сельсовете работала, а колдовством подрабатывала только. Мне Печкин по секрету рассказал, — объяснил Матроскин.

— Ой, какой у вас интересный почтальон! — сказала девочка Катя. — Давайте пойдем к нему в гости. Это можно?

— Конечно, можно, — сказал дядя Федор. — Мы с ним дружим.

А Матроскин насупился:

— Только у нас дружба какая-то странная — полупроводниковая. Мы ему всё — и конфеты, и чай, а он нам — ничего. — Кот Матроскин рассердился даже. — Исполни, дядя Федор, как он хотел тебя родителям вернуть, а нас с Шариком собирался в поликлинику сдать для опытов.

— Это он раньше такой был, — сказал дядя Федор. — Когда у него велосипеда не было. А теперь, когда ему велосипед купили, он другим человеком стал. Он теперь обеспеченный.

— Обеспеченные люди самые нужные, — сказала девочка Катя. — Так мой папа говорит. Это средний класс.

После такого научно-технического разговора они все на тр-тр Митю сели и к почтальону Печкину поехали. Очень интересно было про его колдовскую бабушку все разузнать.

По дороге девочка Катя сказала, что она тоже кое-что про рыб и про зверей знает. Потому что она любит Брема читать. Это такой писатель старинный, который животных научил и все про них написал.

Она сказала, что даст дяде Федору эту книгу. Если сумеет ее донести. Книга очень тяжелая.

Дядя Федор тоже обещал дать ей интересную книгу про строительство лавок и табуреток.

Печкин был дома. Он травы развешивал сушиться. Он стал ребятам рассказывать:

— Эта трава — зверобой. Когда у человека живот болит, на нее чай для него заваривают. А вот это — пустырник. Пьет человек такой нервный. Особенно ребенок. Кричит, дергается. Допустим, он собаку укусил. Тогда ему отвар из пустырника делают. Все, ребенок сразу успокаивается. Собака тоже. Папа с мамой целый день отдыхают.

Дядя Федор спрашивает:

— А что, Игорь Иванович, у вас и в самом деле бабушка колдуньей была?

— Только наполовину, — ответил Печкин. — Она по вечерам подрабатывала. Приворотное зелье для женихчиков делала.

— А на метелке она умела летать? — спросил дядя Федор.

— Умела, — ответил Печкин. — Как же без этого. Но она редко летала. Только когда на партсобрания опаздывала. И летала она кое-как, плохо. Как ворона с гантелей.

Кот Матроскин удивился и говорит:

— Мы сегодня про Печкина за один день узнали больше, чем за весь год. Это не почтальон, а целая энциклопедия сельской жизни в деревне.

Девочку Катю приворотное зелье заинтересовало:

— Скажите, как оно делается? Оно не ядовитое?

Все стали почтальона Печкина просто слушать, а Матроскин напрягся весь: «Ой, какая хитрая. Хочет нашего дядю Федора приворожить».

Печкин говорит:

— Как оно делается, надо в бабушкиной книге читать. У меня от бабушки колдовская книга осталась. Жаль, что там такой шрифт мелкий. А мои очки куда то пропали.

Дядя Федор спрашивает:

— И давно они у вас пропали?

— Два дня уже.

Дядя Федор так и подпрыгнул:

— Наш Хватайка два дня назад как раз очки притащил. Такие никудышные, с веревочкой. Может быть, это ваши?

— Не может быть, — говорит Печкин, — а точно, мои. И совсем они не никудышные, а очень кудышные даже. Давайте мне их скорее возвращать.

Они быстро на тр-тр Митю сели и за кудышными очками поехали. Матроскин смотрит — а противная девочка Катя тоже с ними катится. Никак она не отклеивается.

Тр-тр Митя их в пять минут до дома дяди Федора домчал. Он так быстро бежал на полной творожной скорости, что девочка Катя не успела у своего дома сойти и к дяде Федору приехала. Хотя вовсе и не собиралась.

Все сразу бросились к Хватайке на шкаф очки смотреть.

Очки оказались как раз печкинские.

Печкин говорит:

— Все вороны как вороны у нас в Простоквашино. А это не ворона — это криминальный элемент. Его надо в милицию сдать. Сегодня она очки утащила, а завтра вообще целый телевизор унесет.

Матроскин на это сказал:

— Вы сначала купите телевизор, а потом и волнуйтесь из-за него. А то у вас не то что телевизора — у вас и радио-то нет.

Дядя Федор одернул Матроскина:

— Ты, Матроскин, помалкивай. Очки ведь и в самом деле у нас оказались. Хочешь не хочешь, а Хватайка юришка, и мы соучастники. Надо бы нам извиниться. Не сердись на нас, Игорь Иванович.

Мальчик снова посадил Печкина и Катю на тр-тр Митю и развез их по домам. А на завтра он их в гости пригласил к вечеру, чай пить.

Вот такая интересная была рыбалка.

Глава вторая Как по-настоящему рыбу ловили

На следующий день весь день дождик шел. Шарик фотографии проявлял. Матроскин носки дяди Федора на лампочке штопал. А дядя Федор рыболовные снасти ладил.

Он говорит Матроскину:

— Вся сила удочки — в поплавке. Чем больше поплавок...

— ...тем больше рыба! — закричал Шарик.

— Правильно, — говорит Матроскин. — А если ты вместо поплавка бочку привяжешь — ты сразу китов начнешь ловить и крокодилов.

А дядя Федор продолжал:

— Чем больше поплавок, тем труднее ловить. Поплавок должен быть легким и нервным. Чуть только рыба к нему подплыла, он уже сигнализирует рыболову: приготовься, скоро клев. Лучше всего поплавок из перьев делать.

Весь день он так готовился. Шарик и Матроскину тоже по удочке сделал.

На другой день на Простоквашино тепло навалилось, жара настоящая. Весь народ к речке потянулся. Еще только семь утра, а на речке люди уже плавают в воде, мячами кидаются.

Дядя Федор, Матроскин и Шарик со своими удочками, и с червяками, и с бутербродами как можно дальше от деревни ушли. Так далеко, где никого уже не было. И там, где никого уже не было, они вдруг девочку Катю увидели и ее папу с удочками.

Матроскин даже позеленел. Только видно этого не было, потому что он позеленел под своим мехом. Но виду не показал, поздоровался, как все, и стал свою удочку разматывать.

Наши сели на берег. Бросили в воду подкормку в марлевом мешочке. Приготовили удочки и забросили.

Три поплавок на воде: Шарика, Матроскина и дяди Федора.

А в двадцати метрах — два поплавок: Кати и ее папы.

Так вот у дяди Федора и его друзей — ни поклевки. А папа Кати и сама Катя вытаскивают рыбу за рыбой. Да все это не простые рыбы, а крепкие окуни. Их без сачка из речки не вытащишь.

Потом они голавля поймали.

Потом щуку.

Потом судака.

Потом у них опять окуни пошли.

Дядя Федор спрашивает у Матроскина:

— Почему у них все время клюет? А у нас ни капельки?

— Я и сам голову ломаю, — отвечает Матроскин. — Может, они какое колдовство знают. Может, они ловят на что-то такое, что рыба больше всего любит. Например, на лапшу.

— Никогда не слышал, чтобы рыбу на лапшу ловили, — говорит дядя Федор.

— Может, они на колбасу ловят, — предположил Шарик. — Или на косточки мелкие. Или на сыр.

— На колбасу и на сыр только мышшей в мышеловки ловят, — проворчал Матроскин. — Или избирателей на выборах. Рыбу надо только на червяка ловить. Червяк — вот главная рыбная колбаса. Только на червяка надо поплевать.

Шарик попробовал на червяка плевать и говорит:

— А у меня никак не плетется. У меня губы устроены неправильно.

Тут почтальон Печкин появился, и тоже с удочкой:

— На что ловите, рыбаки?

— На все ловим, — отвечает Шарик. — На червяка ловим. На тесто ловим. На колбасу ловим. Только ничего не ловится.

— А как у вас дела, граждане дорогие? — спрашивает Печкин у Кати и у ее папы.

— Не жалуемся, — отвечает Катин папа. — У нас клев хороший.

— Тогда я к вам подсяду, — говорит Печкин. — Мне надо рыбу ловить, а не штаны протирать. У меня еще почты целая сумка не разнесена.

И самое интересное, что у него тоже стало клевать. Дядя Федор посидел еще часик и стал удочки сматывать. Шарик тоже так стал делать.

Они вежливо попрощались со всеми и ушли грустные.

А Матроскин про себя подумал: «Я никуда отсюда не денусь, пока не узнаю, в чем их секрет».

Сидел он и сидел упрямо, чтобы тайну рыболовецкую узнать. Особенно его волновало, зачем у них третья удочка. Она на берегу лежит, от нее леска в воду уходит. Только никто этой удочкой не пользуется.

Уже почтальон Печкин ушел. Уже все другие рыбаки ушли. И наконец, Катя с папой стали собираться домой. Вытащили они сначала свои простые удочки, а потом папа стал третью вытаскивать, не работающую.

На конце третьей удочки была большая трехлитровая банка, вся наполненная пескарями.

«Ой, — подумал Матроскин, — как же они пескарей банкой ловят?»

Потом его осенило: «Это же не простая банка, это банка-приманка. Пескари в этой банке крутятся, а окуни вокруг них, как вокруг подводного аквариума, собираются. Тут только их и ловить».

Матроскина как молнией ударило: вот какая девочка Катя хитрая и какой ее папа.

«Нет, — решил он. — От этих людей надо дядю Федора спасать».

Он подошел к ним и так, с намеком, спрашивает:

— А чего же вы своим секретом рыболовным с другими рыбаками не поделились?

На что Катин папа, Александр Трофимович Семин, отвечает:

— Если бы все рыбаки своими рыболовными секретами делились, давно бы уже вся рыба кончилась. И секрет этот не мой секрет, а секрет моего брата Ивана. Который язык зверей изучает. А он не разрешал нам про него никому говорить.

Так втроем они вдоль речки домой и пошли.

Катя говорит:

— Какой же хороший ваш мальчик дядя Федор. Я таких хороших мальчиков давно не видела. Мне кажется, у него совсем нет недостатков.

Матроскин посмотрел на нее, потом в небо посмотрел, потом снова на нее и сказал:

— Недостатки у всех есть. Хотите, я вам даже список приготовлю.

Девочка Катя очень удивилась от таких слов:

— Уж, пожалуйста, приготовьте. Уж, пожалуйста, постарайтесь.

Матроскину было неловко так поступать, но он решил пойти на все в интересах дяди Федора: «Когда дядя Федор вырастет, он меня поймет».

Глава третья Происки кота Матроскина

В этот же вечер кот Матроскин и Шарик собрались на сеновале — список недостатков для Кати составлять.

Матроскин диктовал, а Шарик записывал угольком на кусочке желтой коры.

СПИСОК НЕДОСТАТКОВ ДЯДИ ФЕДОРА

— Очень молодой, — начал Матроскин.

— Верно, — согласился Шарик. — Очень молодой. Это недостаток?

— Конечно, — говорит Матроскин. — Молодой — значит, неопытный. Неопытный — значит, бестолковый.

— Хорошо, — согласился Шарик. — Значит, записываем. И корябает себе по коре как курица лапой.

— Так. Что мы еще имеем?

— Очень сильно любит своих родителей, — говорит кот.

— Ну и пусть. Я бы тоже любил своих родителей, если бы они у меня были.

— Тебе это пусть, а окружающим не пусть. Раз сильно любит своих родителей, на всех остальных сил не хватает.

— Записано, — говорит Шарик. — Что еще?

— Природу любит, — вспоминает Матроскин.

— Ну и что? — удивился пес.

— А то. Раз природу любит, значит, будем без дров. Ему березы жалко. А у нас печку топить нечем.

— Понятно, — говорит Шарик и спрашивает: — Что у нас еще есть?

— Никогда не дерется,

— А это плохо? — говорит пес.

— Конечно. Значит, не сможет за себя постоять. Надо будет ему какого-нибудь боксера проучить, а он не умсет.

— Так, что еще?

— Тащит в дом любую зверюшку. Даже больную...

— А что в этом неправильного? — спрашивает Шарик.

— А то! Своих девать некуда, — говорит кот. — Потом эпидемию какую может занести. Пиши дальше: не любит копить деньги и продавать молоко на рынке.

— И я не люблю, — говорит Шарик.

— Ты можешь не любить. Ты у нас пролетарий всех стран. Всю жизнь пролетал. Ты у нас не Шарик — ты у нас Шариков. А дяде Федору жить и жить. Тот, кто в детстве не научился молоко продавать и деньги копить, к старости начнет военными секретами приторговывать.

— Зачем?

— Чтобы было на что жить. И еще один недостаток добавь: дядя Федор слишком много читает.

— Ну и пусть себе! — кричит Шарик.

— Это тебе пусть, — спорит кот, — а как он глаза к старости испортит?

Долго Шарик с Матроскиным работали.

Наконец полный список недостатков был готов и его можно было к девочке нести.

Оба молодца, довольные собой, вышли не торопясь на улицу и медленно пошли к девочке Кате. Вечернее летнее солнце их ласкало, улица стелилась перед ними как ковер. Впереди было только самое лучшее.

Когда они в дачу профессора Семина позвонили, девочка Катя им собственноручно дверь открыла.

— Вот, — говорит Матроскин, — принесли.

— Что — принесли? — удивилась Катя.

— Недостатки дяди Федора.

— Спасибо, — сказала Катя. — Вы настоящие друзья.

Девочка взяла их список и с удивлением стала читать:

НЕДОСТАТКИ ДЯДИ ФЕДОРА

1. ОЧЕНЬ МОЛОДОЙ.

2. ОЧЕНЬ ЛЮБИТ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ.

3. СЛИШКОМ ОБОЖАЕТ ПРИРОДУ.

4. НИКОГДА НЕ ДЕРЕТСЯ.

5. ТАЩИТ В ДОМ ЛЮБУЮ ЗВЕРЮШКУ. ДАЖЕ БОЛЬНУЮ.

6. НЕ ЛЮБИТ КОПИТЬ ДЕНЬГИ И ПРОДАВАТЬ МОЛОКО НА РЫНКЕ.

7. ОЧЕНЬ МНОГО ЧИТАЕТ.

8. ЧИСТИТ ЗУБЫ КАЖДЫЙ ДЕНЬ И ТРАТИТ ГОРЯЧУЮ ВОДУ.

9. И ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЕ.

Катя прочитала список и говорит:

— Ну, вы меня огорчили! Это не мальчик — это ангел какой-то. Я столько лет на свете живу, почти что девять! А что есть такие замечательные мальчики, даже не знала. Надо будет с ним поближе познакомиться.

Шарик и Матроскин даже расстроились из-за такого результата. Бились они, бились — а чего добились? Хоть связывай дядю Федора и увози в тайгу глубокую от посторонних глаз.

На другое утро Матроскин в своем ларьке сидел туча тучей. Просто как Ермак, объятый думой. И что интересно, торговля у него совсем не шла. Ни молоко не брал народ, ни открытки с видом Простоквашино с разных сторон.

Рядом с ним на крыльце вялый Шарик сидел.

И надо же так — вдруг опять эта приезжая Катя появилась. До всего ей дело есть. Она вошла в магазин и спрашивает:

— Как торговля идет?

— Да никак не идет, — отвечает Шарик. — Можно сказать, что на месте стоит.

— А если торговля на месте стоит, — говорит девочка, — значит, она идет в обратную сторону. Будем выяснять причины.

— Да что тут выяснять! — кричит Матроскин. — Просто народ заелся!! Вот и все причины. Им не молоко, а пельку пепсю-колу подавай.

— Боюсь, вы не правы, милый Матроскин. Во-первых, вы посмотрите на свою лавочку. Это же не торговая точка, а хижина дяди Тома в его худшие дни! Да такой особняк даже в мексиканских трущобах бы не потерпели!

— Мы по зарубежам не ездим! — пробурчал Матроскин. — Мы люди простые, деревенские.

— Когда люди говорят, что «мы простые деревенские», — это самые хитрые люди, — ответила девочка.

Шарик про себя с ней согласился. И спросил:

— А что во-вторых?

— Во-вторых, надо всегда улыбаться.

— Рот до ушей, хоть завязочки пришей! — опять журчит Матроскин.

— Вот именно, — говорит девочка. — Так весь цивилизованный мир торгует.

Матроскина аж передернуло:

— Какой такой цивилизованный мир? В нашей деревне мы такого не видели.

— Если стараться не будете, никогда и не увидите. Надо же когда-то начинать, — спорит девочка.

А святой Шарик говорит:

— А что, усаый? Она права.

— И потом, — сказала девочка, — что это у вас за открытки такие: «Матроскин лежит на печи», «Пес Шарик гонится за зайцем». «Местный житель дядя Федор копает картошку». Нужен размах. Нужно делать такие открытки: «Кот Матроскин лежит на пляже рядом с президентом Танзании», «Кот Матроскин играет в теннис с премьер-министром Лумумбии», «Кот Матроскин пьет молоко с наследным шахом Брунея», «Кот Матроскин и арабийский шейх Ахмент-хан играют на балалайках».

Матроскин уперся:

— Это кто же к нам сюда столько президентов и наследных шахов привезет на балалайках играть? Что, президентам делать нечего?

— Не надо начинать с самых главных президентов, — убеждает девочка Катя. — Можно начинать с некрупных. Президенты сейчас разные бывают. У нас дома сейчас в гостях живет президент артели «Крупная рыба» из Конакова дядя Вася Удочкин.

Она подумала и еще сказала:

— Вон сколько у вас иностранцев отдыхает. Это тоже дает простор для фантазии: «Пес Шарик гонится за кабаном вместе с иностранным любителем природы, чтобы сфотографировать его». Или: «Местный кабан гонится за иностранным любителем природы вместе с Шариком, чтобы загрызть их фотоаппарат».

И добавила:

— Уж про дядю Федора надо писать совсем сочно: «Местный житель дядя Федор выкапывает очередной клад». Надо, чтобы в открытках размах был, жить хотелось и за кабаном бегать.

Матроскин выслушал это угрюмо. Но все-таки кое-что понял и принял. И такая кислая улыбочка у него на физиономии все-таки появилась.

А Шарик по-настоящему улыбаться стал всем прохожим. Ему и в самом деле захотелось жить весело и с размахом. И дело с продажей молока и открыток у них веселее пошло.

Только все равно Матроскин решил, что ничего хорошего им от этой девочки ждать не придется.

Глава четвертая
Продолжение происков Матроскина

В тот же вечер они — кот Матроскин и Шарик — отправились к почтальону Печкину. На него и на его колдовскую книгу теперь вся надежда была.

Надо было его попросить, чтобы он отворотное зелье сделал. Чтобы дядя Федор от этой девочки отвернулся.

Кот Матроскин сказал:

— Надо бы, чтобы от колдовской печкинской бабушки какая-нибудь польза была.

— И какая же нам будет польза? — спрашивает Шарик.

— А такая. Дадим мы дяде Федору зелья — он про эту девочку сразу и забудет.

— Слушай, Матроскин, — говорит Шарик. — А может, эта девочка не такая уж плохая? Видишь, как она нам в торговле помогла. Может быть, потом нам девочка еще хуже попадется. Когда нам жениться время придет.

— Не попадется! — успокаивал его Матроскин. — К тому времени дядя Федор взрослее и умнее станет. Он футболом увлечется, велосипедом, штангой. И ему будет не до девочек. А если его мама придет, нам совсем легко стинет. Мамы очень не любят, когда их дети влюбляются.

Почтальона Печкина долго уговаривать не пришлось. Он сам давно уже хотел какое-нибудь зелье по книге сделать. Он тоже хотел стать колдуном на полставки, чтобы по вечерам подрабатывать.

Он уже и книжку приготовил, и очки свои в порядок привел.

И когда Шарик с Матроскиным к нему пришли, он уже был созрелый.

Шарик начал издалека:

— У нас дядя Федор влюбился.

— Знаю, знаю. Не слепой. Об этом вся деревня говорит. Я теперь для вас самый нужный человек буду. Только что-то я вас не пойму. Чего это вы его любви так испугались. Я вот, когда молодой был, до пенсии, я в продавщицу Лиду Урусову пять раз влюблялся. Как товар хороший завозили.

— Вы не считаетесь, — сказал Шарик. — От вашей любви никому вреда не было, кроме тети Шуры. А когда дядя Федор влюбляется, это всех задевает.

— Не хватало нам только, чтобы он сегодня-завтра женился! — закричал Матроскин. — Нас тогда, может быть, сразу на улицу выставят. Вы нам лучше про свою бабушку и про свою книгу расскажите.

— А чего тут рассказывать, — говорит Печкин. — Была у меня бабушка, Терентьева Светлана Романовна, — ответственный сельский работник. А по вечерам она подрабатывала. Для заработка. Кого от сглазу лечила, на кого сглаз напускала. Зубы заговаривала, дерганье снимала. Могла жениха приворожить.

— А как она это делала? — спросил Матроскин.

— Очень просто. Приходит к ней, допустим, соседка Татьяна Семеновна и говорит: «Что-то моя золовка Дарья Частова ведет себя кое-как — плюется через забор, на днях в петуха моего поленом кинула». — «Этого мало, — говорит моя бабушка, Светлана Романовна. «Мало?! — кричит Татьяна Семеновна. — А поросенка моего девятипудового палкой гоняет по своему огороду? А телевизор себе, злодейка, купила и стиральную машину в сельпе?! Напусти на нее сглаз какой, или порчу, или скрюченность какую сильную. Вот тебе за это, бабка Светлана, плошка с яйцами».

— И что из этого получилось? — спросил Шарик.

— А то. Берет моя бабушка специальную книгу. Раскрывает ее где положено. Начинает шептать что-то. Плеваться через плечо. Какие-то коренья варить. И через три дня результат налицо. Приходит к ней соседка Дарья Частова, вся повышенной скрюченности, и шмоток сала несет. И меда банку сотового. И говорит: «Смотри, Терентьевна, как меня всю вывернуло. Не иначе как соседка моя Татьяна на меня порчу наслала. Будь добра, поколдуй чутко, чтобы с нею такое же случилось». Ну, моя бабка и рада стараться. Книгу свою достает, коренья варит. Через левое плечо плюется. И все — глядишь, опять удача. Через день и бабка Татьяна скрючилась.

— Скажите, — вмешался Матроскин, — а как насчет раскрюченности? Это ваша бабушка умела?

— Насчет раскрюченности хуже, — ответил Печкин. — (опыта не было. Раскрюченность не заказывали. Ее все больше скрючивать просили да сглаз... живая.

— Нам скрючивать никого не надо. Нам отворотное платье нужно, — сказал Матроскин. — Нам надо, чтобы дядя Федор про эту девочку забыл. Мы вам заплатим.

— Будем пробовать, — сказал Печкин. — Будем экспериментировать. Будем дядю Федора спасать, деньги зарабатывать.

А Матроскин, между прочим, и не собирался деньгами расплачиваться. Он любил молоком платить.

Почтальон Печкин принес свою книгу, надел очки и начал читать:

— «Лекарство для похудения... Лекарство от похудения... Лекарство от хромоногости... лекарство для хромоногости... Отвар от глистов и блох... отвар для глистов и блох...»

— Это все не то, — сказал Шарик. — Ближе к теме. Нам нужен отвар против любви. С блохами нам спешить не надо. Сейчас для блох не сезон. И потом, сейчас ошейники есть специальные.

Печкин дальше листает:

— «Зуд и чесотка... Выпадение волос и зубов...»

Шарик говорит Матроскину:

— А что? Если попробовать. Если у дяди Федора все зубы и все волосы выпадут, я думаю, никакая девочка его не полюбит.

Кот Матроскин даже рассердился:

— Если у дяди Федора все зубы выпадут и все волосы вылезут, я тебя этим отваром каждый день буду поить. Будешь ты у нас всю жизнь бегать замшевый, безмеховый. Как молью поеденный. Тебе придется шубу дяди Федора наизусть надевать. А на голове ты у нас парик носить будешь, как Алла Пугачева... — Он остановился и на Шарика гипнотически посмотрел. — У нас задача другая: мы должны любовь расстроить, а не дядю Федора погубить.

Печкин долго листал свою книгу, что-то шептал, сердился, наконец нашел в своей книге то, что надо. Он нашел страницу, где все про любовь было написано:

«Как расстроить любовь между мужем и женой».

«Как расстроить любовь между матерью и дочкой».

«Как расстроить любовь между сестрами».

«Как расстроить любовь между молодым человеком и барышней».

— Читайте! — кричит кот.

Печкин начал читать:

— «Чтобы расстроить любовь между молодым человеком и барышней, надо найти большой белый перепончатый гриб — африканец. Он сверху белый, снизу черный. Очистить его и сварить. Бросить в отвар три листика дурман-травы. Посыпать зверобоем. Замаскировать молодой картошкой и подавать к столу вместе со свежей зеленью из крапивы и пустырника».

— И что будет? — спрашивает Шарик.

— А то, что ваш дядя Федор сначала очумеет. А потом в себя придет и про девочку забудет.

— А нет ли там противопоказаний? — спрашивает Матроскин.

— Что это такое? — удивился Печкин.

— А то, что для одних людей лекарство — это лекарство, а у других от этого лекарства голова квадратной становится и уши хлопать начинают.

— Нет никаких противопоказаний, — кричит Печкин. — Здесь об этом ничего не написано. Или отворачиваем вашего Федора от этой девочки, или я спать пошел.

Матроскин и Шарик посоветовались и решили отворачивать. Создать отвар и угостить им дядю Федора.

— Все, — сказал Матроскин, — завтра сенокос отменяется. Грибосбор объявляем.

— И грибовар, — добавил Шарик.

— Операция под секретным названием «Большое спасение дяди Федора» начинается, — сказал почтальон Печкин.

Глава пятая Большое спасение дяди Федора. Начало

Обычно в Простоквашино у дяди Федора постоянно звонил телефон. Это мама и папа все время спрашивали, как здоровье у него и что ему привезти.

Дядя Федор всегда отвечал, что здоровье у него нормальное, привозить ничего не надо, только книжки с картинками и мороженое. И еще кости для Шарика.

И сегодня с утра (в этот операционный день) мама тоже позвонила:

— Мой мальчик, как у тебя дела?

— Дела у меня хорошо, — ответил дядя Федор. — Температура у меня нормальная. И вырос я на один сантиметр.

— А что ты делаешь?

— Сию читаю Брема. Про слонов.

— А что тебе привезти? — спросила мама.

— Книжки про американские машины и самолеты. И про флаги разных стран. И еще жевательной резинки несколько пачек. Она для зубов полезна.

Тут в разговор папа вмешался:

— А где Шарик с Матроскиным? Что-то я не слышу, как Шарик на Матроскина воспитательно рычит. А Митроскин его дружественно из дома выталкивает.

— Они за грибами пошли, — говорит дядя Федор. — Еще с утра сегодня.

— А что, уже грибы появились? — говорит папа. — Когда я к вам завтра же с утра приеду. Я страсть как люблю грибы собирать.

— А что Матроскину в подарок привезти? — спрашивает мама. — Я ему нарядный передник вышила.

— Передник он и сам вышить может, — ответил дядя Федор. — Ты ему что-нибудь про бизнес и про культуру торговли привези.

— А чем тр-тр Митю порадовать? — кричит папа.

— Ничем. Мы его и так каждый день творогом радуем, — говорит дядя Федор. — Молоко в радиатор заливаем. Он у нас скоро сливочным маслом плеваться начнет.

Они еще долго разговаривали.

А Матроскин, Печкин и Шарик в это время уже два часа как по лесу ходили, с комарами сражались.

На комаров в этом году был большой урожай. Такие комары летали, что их можно было палкой сбивать, в корзину собирать и кур ими откармливать. Когда на Печкина восемь комаров село, он упал.

Наши друзья от комаров специальной мазью спасались, повышенной вонючести, и белыми халатами. Комары, как известно, всего белого боятся. Я, например, никогда не видел комара в холодильнике.

Самое трудное было найти этот коварный гриб — африканец. Потому что время для грибов еще не очень подошло. То есть нет, извините. Время уже подошло, но только для плохих грибов — для поганок, мухоморов, дедушкиных табаков. И всяких там африканцев. Просто нашим «спасителям» не везло.

Печкин, кот Матроскин и Шарик с корзинками весь лес обыскали. Наконец Матроскин закричал:

— Вот он!

И точно, под тухлявым пеньком стоял молоденький белый гриб. Ровненький, аккуратненький. Вымытый, как столик в кафе. А снизу он был весь черный. Видно, его снизу редко промывали. И пах он как-то тухлятенько.

Печкин свою колдовательную книгу из-за пазухи достал, тряпицу развернул, посмотрел на картинку, понюхал ее и сказал:

— Точно. Пошли домой целебную картошку с грибами делать.

— А все остальное? — спросил Матроскин.

— Все остальное у меня есть.

— Послушайте, — спросил Шарик, — как же мы дядю Федора этой отвораживающей гадостью накормим? Принесем ему в тарелочке и скажем: «Дядя Федор, поешь этой тухлятинки перед сном»?

Кот Матроскин задумался:

— А мы скажем, что у нашего Печкина день рождения. И что он свою любимую еду для гостей приготовил. Дяде Федору и отказаться будет неудобно.

— Он мне еще и подарок принесет, — гордо сказал Печкин.

— Этот подарок не будет считаться, — проворчал Матроскин. — Мы его обратно унесем.

«Как же! — про себя подумал Печкин. — Я вам тоже гриба попробовать дам, вы про подарок и забудете».

И пошли наши заговорщики к Печкину спасательный отвар готовить в виде грибов с картошкой.

Тут почтальон Печкин свою печку затопил и стал всякие травы доставать сопроводительные: дурман-граву, зверобой, крапиву и картошку молодую.

Матроскин говорит:

— Вообще-то хорошо бы это отворотное средство испытать на ком-нибудь. Проверить его действие, прежде чем дяде Федору давать.

— А на ком? — спрашивает наивный Шарик.

Матроскин так, глядя в потолок, отвечает:

— Обычно всякие медицинские лекарства, прежде чем людям давать, сначала на собаках проверяют.

— Чего?! — кричит пес. — А на кошках не проверяют?

— А на кошках не проверяют, — говорит Матроскин.

— А почему?

— Потому что кошки царапаются.

— И ничего подобного, — кричит Шарик. — Не потому, что они царапаются, а потому, что кошка — это не существо, а так, одна шкурка! А собака — друг человека. Собаку ничем не заменишь.

— А кошку чем заменишь? — спрашивает Матроскин.

— Мышеловкой, — отвечает Шарик. — Вот чем!

— Да?! — кричит Матроскин. — И собаку запросто заменить можно.

— Это чем? — спрашивает Шарик.

— А тем, — говорит Матроскин. — В дверь замок поставить. А в собачью будку радиогавкалку записать.

— Вот что, друзья животные, прекратите ссориться. Мы должны работать дружно, в сговоре, — говорит Печкин.

— И потом, от кого ты меня отворачивать собираешься? Не от себя ли? Я и так на тебя смотреть не хочу, все время отворачиваюсь.

— Ладно, ладно, — успокоил его Матроскин. — Я думаю, это средство не надо проверять. Оно, наверное, уже веками проверено, раз оно в колдовскую книгу попало.

На этом они сошлись и решили испытания не проводить.

А дядя Федор ничего не знал, сколько заботы о нем проявляется. Он себе спокойно в гостях у профессора (смина чай пил.

Профессор Семин его о личной жизни спрашивал:

— Ну, как у вас дела, молодой человек, что у вас в огороде растет?

— Много чего, — отвечает дядя Федор. — Морковь, редиска, картошка сортовая.

— А какая картошка сортовая? — спрашивает профессор Семин. — Сейчас вся научная интеллигенция аргентинским картофелем «Лолита Торрес» увлечена. Мне лично академик Воздвиженский — крупный куровод — целый мешок на развод подарил. Все картофелины круглые, как бильярдные шары. А кожура тонкая, можно руками снимать. Могу с вами поделиться осенью.

— У нас картошка из Голландии, — отвечает дядя Федор. — Мой папа искусствовед. Он по всем музеям на всех картинах картошку высматривал. И увидел очень хорошую на картине Рембрандта. Там каждая картофелина была размером с кирпич. Она очень кривобокая, но очень большая.

— Я читал про эту картошку в художественной литературе, — сказал профессор Семин. — Она так и называется — «Рембрантовская скороспелая». Отдельные экземпляры у нее размером с печатную машинку бывают. Только в ней уж больно кожура толстая. Очисток много. Не навывбрасываешься.

— А мы очистки не выбрасываем. Они как раз нам нужны для коровы и для теленка. Мы еще хотим поросенка завести.

Так они интеллигентно беседовали, пили чай. А девочка Катя портрет дяди Федора рисовала. Очень «дядя Федор» нравился. Портрет получился просто на диво. Он и сейчас висит в городской квартире профессора Семина, Катиного дяди. С названием «Портрет неизвестного мальчика дяди Федора из деревни Простоквашино. Акварель».

Домой дядя Федор пошел очень серьезно обогатившись знаниями про картошку.

Вечером дядя Федор заметил, что Матроскин что-то больно красиво наряжается. Он матроску свою самую любимую выгладил. Бескозырку чернилами подкрасил. И весь вечер песню распевал:

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, имел я силенку.
И крепко же, братцы, в селенье одном
Любил я в те поры сгущенку.

И Шарик все перед зеркалом крутился, все себе блох
на хвоста выкусывал. И тоже напевал:

Я моряк, красивый сам собою,
Мне от роду двадцать лет.
Полюби меня ты всей душою,
Что ты скажешь мне в ответ?

Матроскин говорит:

— Шарик, а Шарик, давай песнями меняться. Я тебе
про ямщика отдам, а ты мне про моряка. Ведь я же из
морских котов, из корабельных.

Шарик не согласен:

— Я сгущенку не люблю.

Матроскин предлагает:

— А ты тушенку вставь. «Любил я в те поры тушенку».

Дядя Федор рассердился:

— Эй вы, солисты московской эстрады! Надо
правильно петь. Этот дядя из песни не сгущенку — он
девчонку любил в те поры.

Матроскин тогда сказал:

— А раз так, надо эту песню тебе, дядя Федор,
подарить. Она тебе больше подходит. Очень хорошая
песня.

И они с Шариком так намекаательно переглянулись. А
дядя Федор ничего не понял. Он же с девочкой Катей
просто дружил.

Шарик дядю Федора просит:

— Причеши меня, дядя Федор.

— В чем дело, Матроскин? — спрашивает дядя Фе-
дор. — Куда это вы с Шариком собрались?

— Как — куда? — отвечает Матроскин. — Сегодня у
нас всенародный праздник. День почты.

Дядя Федор говорит:

— Ну и что?

Шарик объясняет:

— А то. В этот день все почтальоны нашей страны родились. Значит, и почтальон Печкин тоже. Мы к нему на день рождения идем.

— Ой, — говорит дядя Федор. — А что же ему подарить?

Матроскин отвечает:

— Он велосипеды любит.

Шарик добавляет:

— И сумки почтовые.

— Нет, — не соглашается дядя Федор. — У нас у самих велосипедов нет. Мы вот как сделаем. Мы к нему девочку Катю на праздник позовем. Пусть она ему портрет нарисует.

У Матроскина от этой Кати вся шерсть во всех местах дыбом встала. Он вдвое толще получился. Но он героически смолчал.

Дядя Федор, конечно, Шарика искупал, причесал его и вместо ошейника красивый бант ему на шею повязал, синий. И спрашивает:

— Слушай, Шарик, вот я тебя причесывал — ты весь в синяках и шишках. Почему?

Шарик отвечает:

— Это все из-за Матроскина.

— Вы что, с ним подрались?

— Да нет. Он попросил меня его корову подоить.

— Ну и что? — удивился дядя Федор.

— А то. Она все время хвостом хлестала.

— Ничего не понимаю, — говорит дядя Федор. — А синяки-то отчего?

— А оттого, — кричит Матроскин, — что он моей корове на хвост молоток привязал!!!

— Это зачем? — спросил дядя Федор.

— А затем! — хмуро ответил Шарик. — Думал притормозить.

Дядя Федор тогда сказал:

— Хорошо еще, Шарик, что ты кувалду на хвост не привязал. А то бы мы сегодня не на день рождения, а на похороны собирались.

Вечером они все вместе к Печкину в дом зашагали. По дороге к девочке Кате зашли.

Она взяла кисти и холст. Приготовилась портрет рисовать. И название у нее было приготовлено: «Портрет сельского почтальона Печкина в сельской местности. Музей города Ярославля. Масло».

В доме у Печкина мебели не густо было. Печь огромная, стол, шкаф и три табуретки. Еще радиоточка. Для такого большого количества гостей пришлось у соседей лавку брать. Печкин гостям обрадовался, чаю накипятил, баранок на стол положил очень много. Если на столе сначала спичку положить как цифру «один», а потом эти баранки, цифра во много-много миллиардов рублей получилась бы. И еще всякое варенье крутом стояло, и конфеты.

А отдельно, в углу на печке, под крышкой, специальное блюдо для почетных гостей вкусно картошкой пахло.

— Дорогой Печкин, — сказали наши гости, — поздравляем тебя с днем рождения.

Девочка Катя добавила:

— Сейчас мы все будем чай пить. А вы, Игорь Иванович, сидите и не шевелитесь. Я буду вас рисовать.

Печкин успел одну баранку схватить, тарелочку с конфетами придвинуть и сел у окошка. Потом говорит:

— Нет, так неправильно. И так никто не догадается, что это почтальон. При мне сумка должна быть и велосипед.

Он быстро сбежал в сарай, прикатил велосипед, надел на себя плащ почтальонский и сумку. И только тогда вернулся у окошка.

Получилось очень красиво. Потому что еще вдобавок к Печкину в окне было много природы с речкой.

Дядя Федор говорит:

— Я сейчас хочу загадку загадать. Она очень к теме относится. Хотите?

— Конечно, хотим!

— Тогда слушайте:

Кто стучится в дверь ко мне

С толстой сумкой на ремне?

Это он, это он,

Это сельский...

— Мальчуган, — догадался Шарик.

— Почему «мальчуган»? — удивился дядя Федор. — И зачем ему толстая сумка?

— Как — зачем? — отвечает Шарик. — Макулатуру собирать. У нас в городе мальчишки всегда макулатуру собирали,

— Да никакой это не мальчуган. Это же специальное поздравительное стихотворение. Слушайте внимательно:

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне?
Это он, это он,
Добрый сельский...

— Председатели! — радостно закричал Шарик.

— Какой такой «председатель»? — удивился дядя Федор.

— Председатель колхоза.

Дядя Федор спрашивает:

— А сумка здесь при чем?

— Налоги собирать. Он с сумкой за налогами пришел.

Дядя Федор даже обиделся. Но тут его девочка Катя выручила. Она сказала:

Это он, это он,
Добрый сельский почтальон.
Живет он возле речки,
Наш знаменитый Печкин.

Очень хорошее поздравительное стихотворение получилось.

Тут и Шарик завелся:

— Я хочу свой вклад внести. Я тоже хочу этот праздник увековечить.

Он за своим фоторужьем помчался. Прибежал и стал всё и всех подряд фотографировать. Чтобы можно было потом из отдельных снайперских кусочков большое праздничное фотополотно создать.

Тут Печкин разошелся. Решил для гостей русскую народную песню спеть. И так жалостливо запел:

Степь да степь кругом,
Путь далек лежит,
Там, в степи глухой,
Замерзал ямщик...

В конце он даже заплакал:
— Эта песня про моего дядю.
— Почему? — удивились все.
— Он тоже глухой был.

Портрет Печкина был почти готов.

Печкин в плаще и с сумкой сидел на велосипеде около стола с блюдечком чая в руках и смотрел вдаль на природу. Очень он был похож на полководца Суворова перед Альпами.

Все были довольны портретом, кроме Матроскина. Опять эта Катя высовывается! И так дядя Федор с нее глаз не сводит.

Кот Матроскин таким ласковым голосом сказал:

— Дядя Федор, а уже грибы пошли. Мы специально для тебя один гриб поджарили. Хочешь попробовать?

— А вы как же? — спросил дядя Федор.

— А мы уже ели.

— Ладно, — говорит дядя Федор. — Давайте ваш гриб.

Матроскин ему торжественно гриб принес, и дядя Федор начал его пробовать.

— Тьфу ты! — говорит он. — Какой удивительный гриб!

— Почему «удивительный»? — спрашивает Матроскин.

— Удивительно невкусный. Мочалку в гуталине напоминает. А что, других грибов в лесу не было?

— Не было, не было, — говорит противный Матроскин. — Один гриб на весь лес только и был.

— Лучше бы вы его в лесу и оставили. Может быть, он бы созрел и вкуснее стал. А может быть, просто бы сгнил. Спасибо. Очень невкусно было. Мне больше не надо.

Тогда решили на этом праздник заканчивать. А дядю Федора домой спать повели.

Около дома девочки Кати они расстались. Договорились завтра с утра новые журналы географические смотреть, которые Катиному папе из Америки пришли.

Матроскин даже загрустил:

— Завтра дядя Федор про Катю забудет. Значит, журналы смотреть не придется. А там, наверное, так

много про моря и океаны. Поторопились мы с этим колдовством.

Как только они в свой домик пришли, дядя Федор сразу спать захотел.

— Что-то у меня эта кружится... как ее... голова. Положите меня спать. На эту, как ее... кровать.

Кот и пес его быстро раздели и на кровать положили. Дядя Федор попросил:

— Матраскин, принеси воды мне попить.

— Я Матроскин, — обиделся кот.

— Давай я принесу, — сказал Шарик и воду принес. — Вот, пей, дядя Федор.

— Спасибо тебе, Квадратик.

— Я не Квадратик, — обиделся Шарик.

— Ах да! Я забыл. Спасибо, Кубик, — сказал дядя Федор и заснул.

Глава шестая

Еще одно спасение дяди Федора. Уже настоящее

Утром раньше всех проснулся «Матраскин». Он встал с хорошим настроением. И стал думать: а почему он такой радостный?

Он вспомнил. Сегодня средство против девочки Кати должно сработать. Дядя Федор про нее забудет.

Он Шарика растолкал:

— Шарик, давай праздничный завтрак готовить.

— А что? — спрашивает Шарик. — К нам девочка Катя придет?

— Наоборот, — говорит Матроскин. — В том-то и праздник, что мы от этой девочки избавились.

— А мне жалко, — говорит Шарик, — что мы от нее избавились.

— Ты не жалея, а лучше на стол накрывай. Тащи все самое вкусное. Кашу там молочную, яичницу. Какао и масло с белым хлебом.

Шарик все это выполнил. Еще и белую скатерть подо все подстелил.

Тут и главный колдун на полставки появился — Печкин. Сели они все у кровати дяди Федора и стали ждать.

И вот дядя Федор глаза открыл. Посмотрел на всех внимательно. На потолок, на стены, в окошко. И говорит:

— Где я?

Шарик быстро понял — доигрались. А Матроскин и Печкин еще ничего не поняли.

Матроскин даже пошутил:

— На Луне, вот где.

— А почему я на Луне? — спрашивает дядя Федор.

Печкин стал объяснять:

— Ты, дядя Федор, во сне летал, летал, вот и долетался.

Дядя Федор смотрит на Шарика, Матроскина и Печкина и спрашивает:

— А вы кто? Марсиане?

— Почему «марсиане»? — удивился кот. — Если мы на Луне, мы луняне.

— А почему вы небритые? — спрашивает дядя Федор.

— Потому что мы не марсиане, — объясняет Печкин. — Мы простоквашинцы.

— А чего вы делаете на Луне? — спросил дядя Федор.

Тут все запутались. Шарик говорит:

— Ты что, дядя Федор, нас не узнаешь?

— А кто вы такие? — спрашивает дядя Федор.

— Мы твои друзья. Мы тебя от одной девочки изображали.

— Зачем? — спрашивает дядя Федор.

Шарик говорит:

— Чтобы ты умнее стал и нас полюбил.

— И как, получилось? — спрашивает дядя Федор.

— Не знаю, — говорит Матроскин.

Неизвестно, чем бы все это кончилось. Но тут папа дяди Федора входит. У него в руках большая корзина для грибов и сумка с вкусными продуктами.

Он к дяде Федору бросился:

— Сынок, дорогой, я так по тебе соскучился. Наконец-то мы вместе за грибами пойдем.

Дядя Федор спрашивает:

— А вы тоже марсианин?

— Какой марсианин? Я же твой папа, с планеты Земля, — говорит папа дяди Федора.

— И что вы здесь делаете, на Луне? — спрашивает дядя Федор.

— Ничего не делаю. Я за грибами собираюсь.

— А разве на Луне грибы растут? — поражается дядя Федор.

Тут и до папы дошло, что с дядей Федором не все в порядке. Он стал Матроскина и Шарика расспрашивать, в чем дело.

Матроскин и Шарик все ему рассказали. И про девочку Катю, которая все знает и очень красивая. И про гриб африканский. И про то, что почтальон Печкин — на полставки колдун.

Папа в ужас пришел. Он за голову схватился и стал срочные меры принимать — самые необходимые. Он маме позвонил.

Мама была в Москве. Она решила врача-психиатра разыскать, самого знаменитого. Стрельцова Владимира Владимировича. И привезти к дяде Федору. Она к нему в институт психиатрический позвонила:

— Мне срочно нужен доктор Стрельцов. Мне надо с ним поговорить.

А ей по телефону отвечают:

— Вы что? Знаменитый психиатр Владимир Владимирович в отпуске. Он в самом модном месте отдыхает, в Простоквашино.

Мама срочно об этом нашим сообщила.

И тогда все наши на поиски Стрельцова бросились. А где его искать? На пляже, в лесу за грибами, на лодке, на фотоохоте? И как он выглядит?

Шарик, Матроскин и Печкин с папой везде бегать начали. Как они видели человека, похожего на ученого, они немедленно подбегали к нему и спрашивали:

— Вы, случайно, не знаменитый ученый Стрельцов? И люди им по-разному отвечали.

Видит пес Шарик: на полянке в лесу сидит человек с бородой в вязаной кофточке, в годах уже. Весь книгами учеными обложенный. А глаза добрые, как у прокурора.

Такого человека даже спрашивать не надо. Любому дураку ясно, что это не ученый-психиатр. Крупному ученому никаких книг не надо. Он и так все знает. Он сам книги пишет. Значит, это студент. Или аспирант какойнибудь. И Шарик мимо бежит.

А вот видит Шарик — на лошади едет человек. И городском костюме, глаза умные и никакую книгу в руках

не держит. Да еще толстый. Сразу чувствуется — не простой человек.

Шарик спрашивает:

— Вы ученый?

— Ученый, — отвечает человек.

— Большой ученый? — допытывается Шарик.

— Да так себе, в пределах нормы. А что?

— А как ваша фамилия?

Человек отвечает:

— Святослав Федоров я. Я глаза лечу. Зрение улучшаю.

— Тогда вы мне не нужны, — говорит Шарик.

— Понятно, — говорит Федоров. — Вам тот нужен, кто мозгами занимается.

В это время Матроскин другого человека встретил на берегу реки. Человек непростой, весь в лозунгах и формулах.

Бывает, люди на манжетах мысли записывают, а этот даже на самом себе. Ему, наверное, разные идеи в голову ночью приходили, а записать было негде. Видно было, что и обеспечен он хорошо. Цепь золотая на нем, как у юного ученого.

Матроскин так вежливо спрашивает:

— Гражданин отдыхающий, можно к вам обратиться?

— Тамбовский волк тебе гражданин отдыхающий, — ответил ученый. — Чего тебе надо?

Матроскин даже растерялся от такого ответа и спрашивает:

— Вы, случайно, не являетесь авторитетом в психиатрической области?

— В какой области?

— В психиатрической, — поясняет кот. — Нам надо одного мальчика в разум привести.

— В Псковской области я являюсь авторитетом, — говорит ученый. — Там мы любого мальчика тебе в разум приведем. Даже дяденьку.

Матроскин испугался этого сурового ученого. Уж больно он ученый был. И скорее сбежал.

Печкин самым правильным путем пошел. Он пришел на почту и стал письма разбирать. Видит, одно письмо Стрельцову В.В. адресовано. Там и адрес был: «Улица Пушкина, дом Кукушкина, для Стрельцова В.В.».

По этому адресу немедленно папа дяди Федора и пошел.

Там он нашел того дедушку в кофте, который книги на пенке читал. Которого Шарик за аспиранта принял.

Папа сразу к профессору Стрельцову бросился:

— Наш мальчик чего-то ничего не понимает. Он как будто на Луну попал.

— А почему? — спрашивает психиатр.

— Да потому, что мы его грибами накормили отворотными, — признался Шарик.

— Какими такими грибами?

— С дурман-травой. Чтобы он одну девочку забыл, в которую влюбился.

— Интересный случай, — говорит профессор. — Скорее ведите меня к этому мальчику.

Его скорее к мальчику привели. Он стал у дяди Федора спрашивать:

— Ты помнишь, как тебя зовут?

— Дядя Федор.

— Почему же ты дядя, когда ты мальчик?

— Не знаю.

— А кто это рядом с тобой?

— Марсианская собака, которая с Луны.

— Правильно, молодец. А это кто? — Доктор показал на Матроскина.

— Кот-луноход.

— Молодец, мальчик. А вот это кто? — Он подвел к дяде Федору Печкина.

— Марсианский почтовый.

Профессор Стрельцов задумался и говорит:

— Тяжелый случай. Галлюцинозный бред с выпадением памяти.

Потом он подумал и спросил:

— А есть у вас фотография этой девочки?

— Зачем фотография! — кричит Матроскин. — Мы сейчас ее саму живьем приведем.

Побежали за девочкой Катей. По дороге Матроскин и Шарик ей все объяснили. И про любовь, и про африканский гриб с дурман-травой. И про то, как дядя Федор марсианином стал.

— Вас в подвал бы посадить за такие дела вместе с вашим Печкиным, — сказала Катя. — И этими грибами забросать с ног до головы. Чтобы вы тоже на недельку марсианами сделались.

А пока кот и пес за девочкой бегали, папа объяснил профессору Стрельцову, почему дядю Федора дядей звать. Потому, что он очень серьезный мальчик и воспитанный.

Вот Катя пришла. Подвели ее к дяде Федору. Профессор спрашивает:

— Дядя Федор, знаешь ли ты эту девочку?

Все замерли.

— Знаю, — говорит дядя Федор. — Это девочка Катя. Ее дядя профессор Семин. Он зверей изучает. Она из Америки вместе с папой приехала.

Профессор Стрельцов вздохнул и перекрестился даже.

— Ну так вот. Катя и ты, дядя Федор, идите погуляйте в лесу, и в поле, и на речке и поговорите обо всем. Я думаю, к дяде Федору скоро память вернется.

Катя взяла дядю Федора за руку и в поле повела.

— А вы знаете, дядя Федор, сколько у вас недостатков? У меня даже целый список есть.

— Откуда? — спросил дядя Федор.

— Ваши друзья приготовили.

И они ушли в поля и реки деревни Простоквашино.

— А вы, приятели дорогие, — обратился профессор Стрельцов к Печкину, Шарiku и Матроскину, — вы сами себе наказание придумайте.

Они задумались и все стали затылки чесать. Такое с ними в первый раз в жизни случилось — наказание себе самим придумывать.

Тут и мама на такси приехала. А с ней тетя Тамара, ее сестра из военных.

Как только Печкин маму увидел, а особенно ее сестру тетю Тамару, он тихо так Матроскину говорит:

— Все. Я для нас наказание придумал. Уходим в партизаны. На месяц. И ни на секунду не откладываем.

И они все трое бросились бежать в сторону леса.

Наследство волшебника Бахрама

Волшебная сказка

Волшебник Бахрам — властелин

подземного мира (в пределах Душанбинской и Кулябской областей) был недоволен. Его буквально переполняли знания и умения, а показать их было некому. Никто не мог сказать: «Друзья, я видел на свете немало могущественных джиннов и зловещих колдунов. Но все они не могут сделать и десятой доли того, что умеет делать славный старина Бахрам».

Он умел перемещаться в подземелье, переходя из пещеры в пещеру сквозь стену. Мог оживить любой рисунок. Мог летать под землей на ковре-самолете. Мог играть на любом музыкальном инструменте. Прекрасно играл в шахматы. Он видел алмазы и рубины сквозь толщу земли. И никто этого не ведал, и никто не мог повосхищаться им. Мало того. Ему некому было передать свои знания! Жуть!

Он сидел в своем любимом бирюзовом зале, освещенном невидимыми источниками света, на своем любимом бирюзовом троне, покрытом персидским ковром. Сидел под крепким шелковым балдахином (мало ли, вдруг землетрясение или камнепад) и страшно переживал:

— Хоть бы какой заблудший ангел сюда залетел. Хоть бы какой негодный мальчишка провалился. Я бы его немедленно поймал, сделал любимым учеником, запер бы за решетку и начал обучать. Лет через двести у меня был бы хороший наследник.

Бахрам не любил откладывать дело в долгий ящик. Он протянул руку, взял золотой колокольчик с балдахина и позвонил:

— Амфилохий!

Тотчас же в пещеру, топая босыми ногами, протирая испанские зеленые глазищи, ввалился здоровенный перзила в малиновых трусах и с кувалдой:

— Я здесь, господин!

— Амфилохий! Ты что делаешь? Спишь?

— Никак нет, господин! Я не сплю. Я кувалду протираю! Очень засорила. Заржавела совсем. Здесь, под землей, однако, все сильно ржавеет.

— Хорошо сказано, однако, — согласился Бахрам, — что все ржавеет. А не кажется ли тебе, Амфилохий, что мы с тобой тоже сильно заржавели?

— Не кажется, господин. Люди не ржавеют.

— Это верно, Амфилохий, светлая голова. Тогда я по-другому скажу. А не кажется ли тебе, Амфилохий, что мы с тобой здесь сильно обросли мохом?

Амфилохий опять не согласился:

— Не кажется, господин. Люди мохом не обрастают.

— Н-да.

Бахрам долго молчал, потом произнес:

— Скучный ты, Амфилохий, вот что. Иди-ка ты на свое место и добывай алмазы. И кувалда твоя мохом не покроется.

Но через пять минут он снова позвонил в колокольчик. Амфилохий снова пришлепал, волоча за собой кувалду. С ней он никогда не расставался. Видно, любил ее.

— Чего тебе, господин?

— Вот чего. Ты, Амфилохий, умойся поосновательнее. Приоденься и поднимись наверх, на поверхность земли.

— Зачем? — испугался Амфилохий.

— Отыщешь там мальчишку поприличнее, запишишь его в мешок и принесешь сюда. Будет у меня ученик.

— А умыться-то зачем?

— Чтобы мальчишку своей чумазостью не напугать.

— Хорошо, господин. Слушаюсь и повинуюсь.

И пошел перзила с грустью умываться. Делать нечего, для господина для раба — все равно что воля Аллаха для человека.

— Э-хе-хе, — сказал сам себе Бахрам. — Вот точно так же две тысячи лет назад один подземный слуга вылез

наружу, пришел на большой городской базар, нашел меня в очистках, сунул меня в мешок, принес меня сюда и отдал на обучение великому джинну Самархану.

Потом он подумал и добавил:

— А что? И не зря. Ведь вырос я и стал человеком. Мои бедные родители, которые меня никогда не видели, смело могут мной гордиться.

В это время третьеклассница Маша Скрипкина с портфелем в руках не торопясь шла в сторону, противоположную от школы. Она шла прогуливаясь, потому что прогуливала.

Ее легко понять. Ей уже поставили две двойки по природоведению. Не хватало ей третьей!

Причина была в том, что Маша была сугубо городской житель и во всякую природу не особенно верила и учить природоведение не хотела. А учительница Мария Ивановна очень хотела, чтобы она учила природоведение.

И вот нашла коса на камень.

Маша была упрямая, как маленький бычок. Мария Ивановна не нашла к ней правильного педагогического подхода. Ей бы надо было взять Машу в лес, за город, показать ей всякие подснежники, букашки. Попросить родителей, чтобы они купили Маше птичку или рыбку. Посадить с Машей лук в банке на окне. Глядишь, Маша бы все поняла про природу.

А Марья Ивановна воспитывала Машу двойками. Маша взяла и сбежала. Она шла и бурчала про себя:

— Камни, кирпичи — вот лучшая природа. В крайнем случае, фонари.

Вдруг канализационный люк перед ней открылся и из него высунулась здоровая голова размером с большой котел для плова.

— Салям алейкум, — сказала голова. — Ты кто?

Надо сказать, что Маша была одета в легкий современный костюмчик: рубашка, курточка, портфель и темные брючата.

— Я Маша, — ответила Маша. — А вы кто?

— Амфилохий, — ответил джинн из канализации.

— А что вы там делаете? — спросила Маша — Водопровод ремонтируете?

— Я на задании, — сказал джинн. — Меня послали искать ребенка.

— У вас ребенок потерялся?

— Нет еще. У нас его пока нет. Нам нужен толковый ребенок. Ты, например, толковый ребенок?

— Когда как, — ответила Маша — Дома я толковый ребенок, а в школе не очень. Но если я дома уроки делаю, я не очень толковый ребенок. А когда мы в школе не учимся, а играем, я опять толковый ребенок.

«Совсем меня запутал этот мальчик, — подумал Амфилохий. — Надо хватать его и бежать. Все равно я не могу из люка вылезти, плечи не пускают. Лучше потом поменять его, если что не так».

На всякий случай он спросил:

— А ты считать умеешь? Или читать?

— Умею, — сказала Маша.

— Ну вот сколько будет, если... если прибавить... если разделить... Тыфу ты! — закончил он.

Он просто вытащил мешок, схватил Машу за шкурку и запихнул ее в него.

— Эй ты, лопоухий! — кричала Маша. — Ты что делаешь?!

— Не Лопоухий, а Амфилохий, — ответил джинн. — Я ребенка нашел.

— Ты не того нашел! — кричала Маша.

Она сердилась, кусалась, колотила его по спине ногами, но он упрямо тащил ее вниз по подземным переходам.

И вот в пещеру великого подземного Бахрама вступил довольный Амфилохий. В этот раз без кувалды, а с мешком.

— Вот, — вытряхнул он Машу на пол, — принес, хозяин.

Маша плюхнулась на огромный ковер как тощая несенная лягушка — всеми четырьмя лапами. Но быстро вскочила и приняла позу знаменитого японского наратиста Вань-Дзань-Дзень-Фу. (Ноги вперед, корпус назад с поворотом направо, руки прижаты к груди, левый локоть направлен на противника.)

Любой нормальный человек, увидев такую решительно-агрессивную позу, сразу бы отступил. Но Бахрам был неумоват в этом смысле.

Он осторожно, спиной вперед, сполз со своего трона и принялся разглядывать Машу, обходя ее вокруг.

— А что, ничего! — сказал он. — Не самый худший экземпляр. Спасибо тебе, Амфилохий.

— Сам ты экземпляр! — сказала сердитая Маша.

— Еще и ругается! — поразился Бахрам. — Любой другой ребенок, сын самого шаха или эмира, был бы рад сюда попасть. Здесь столько алмазов и рубинов! Да здесь одной яшмы можно набрать на пять тысяч верблюдов!

— Не нужны мне ваши верблюды!

— А мрамор, а базальт, а сланцы! А нефть! Знаешь, сколько здесь нефти? Не меньше миллиона бухарских кувшинов.

— Не нужны мне ваши кувшины!

— Смотри, — сердито сказал Бахрам. — Если будешь себя плохо вести, не успеешь мигнуть — мы тебя отправим обратно.

— А я и хочу обратно, — сказала Маша.

— Тогда мы тебя отправим в рудники! — решил Бахрам. — Чтобы не потакать.

— Я хочу к маме! — сказала Маша.

— С этим покончено, — решительно объяснил Бахрам. — Я теперь тебе и мама и папа! И бабушка и дедушка. Ясно?

— Господин, а я ему кто? — спросил Амфилохий.

— А никто! — отмел его притязания Бахрам. Так, пятая вода на киселе! Может, троюродный дедушка или сосед по кишлаку.

Амфилохий обиделся «на соседа по кишлаку», взял свою кувалду и удалился в далекую пещеру добывать пять тысяч кувшинов яшмы.

— Я есть хочу! — хныкала Маша. — Я пить хочу! Я к маме хочу! Я в школу хочу.

— Так, — сказал Бахрам. — Выполняем в порядке поступления.

Он хлопнул в ладоши:

— Амфилохий!

Амфилохий опять прибежал:

— Чего изволите, господин?

— Принеси сюда мою волшебную завтракательную скатерть.

— Ты что, господин!? — воскликнул эмоциональный джинн — Там, на земле, давно уже день, а ты завтракать! Ребенку обедать пора.

— Тогда принеси обедательную скатерть.

— Слушаюсь, господин.

Бахрам обратился к девочке Маше:

— Скажи, подросток, чего ты хочешь?

— Я есть хочу! Я к маме хочу! Я в школу хочу!

Она добавила еще:

— А-А-А-А!

Это «а-а-а» таким гулким эхом разнеслось по пещере, что снова прибежал испуганный Амфилохий:

— Это что, обвал?

Бахрам схватился за голову обеими руками:

— Ой, какой позор! Мальчик! Наследник рода! Будущий владелец подземелья! А плачет! Нет, я не вынесу этого!

— Я не мальчик, — сказала Маша. — Я девочка!

— Чего? — удивился Бахрам. — Девочка?

— Чего? Чего? — поразился кувалдовый джинн.

— Ничего, ничего! — ответила Маша и еще пуще крикнула.

— Амфилохий! — завопил Бахрам. — Бездельник! Шейтаново отродье! Я тебя в белую лягушку превращу! Отправляйся на землю и поменяй этого ребенка на другого. Или мальчика!

— Ни за что, господин! — вдруг уперся Амфилохий.

— Это почему еще?

— Потому, что она мне нравится!

Девочка Маша вдруг перестала плакать:

— У вас есть лягушки?

— Есть, — ответил оторопевший Бахрам. — Белые подземные лягушки.

— Белых подземных лягушек не бывает! — сказала девочка Маша.

— Бывает, — топнул ногой Бахрам. — У нас там их целое озеро.

И тут же он сказал Амфилохию:

— Раб, ты не будешь менять эту девочку на мальчика. Или мне тоже нравится.

Девочка Маша опять поразила Бахрама:

— Белых лягушек не бывает! Рабов тоже не бывает!

— Почему — не бывает? Как — не бывает?! С каких пор? — удивился Бахрам.

— А так. С тех пор. Их отменили.

— Кто отменил? — закричал Бахрам. — Кто посмел?

— ООН, — ответила девочка. — Вот кто.

— Кто он такой — ООН?

— ООН — это она, — объяснила Маша. — Это Организация Объединенных Наций. Она за свободу всех людей.

— Этот он, который она, наверное, очень добрый джинн, — сказал Амфилохий.

— Мы этого джинна не знаем и знать не хотим! — рассердился Бахрам. — А ты, мальчик, который девочка, садись обедать!

Амфилохий принес волшебную скатерть и развернул ее на мраморном столе в центре зала.

— Хоть бы скатерть постирали! — сказала девочка.

— Ассалам, бассалам! — сказал Бахрам. — Помалкивай.

На скатерти вмиг появились вкусные восточные блюда. И плов, и шашлык, и всевозможные сласти.

— А я все равно не буду с вами есть, — сказала Маша. — Я буду уходить. Я к маме пойду и к Марье Ивановне. Это моя учительница про природу.

Она взяла со стола два пирожка и направилась к выходу из пещеры.

— Ты никуда не пойдешь! — старческим голосом закричал Бахрам. — Стой!

— Нет, пойду, — обернулась Маша. — Моя мама волнуется.

— Ассалам, бассалам! — заколдовал волшебник. И сверху на Машу опустилась сталактитовая решетка. Маша оказалась в красивой круглой клетке.

— Дядя Амфилохий, — попросила Маша со слезами на глазах. — Объясни ты этому пенсионеру, что моя мама без меня будет переживать. Или сломай решетку.

— Не могу, — также со слезами на глазах ответил Амфилохий. — Мы без тебя тоже будем переживать.

— Все, — рассердилась школьница. — Раз так, я ухажу за собой.

Она сняла со спины портфельчик, достала мелюбимый учебник, живой природы и стала его изучать.

Бархам начал ходить вокруг клетки и заглядывать в страницы учебника:

— Маша, это что у тебя? Что там нарисовано?

— Ничего, — ответила Маша, отворачивая от него книжку.

А в Машином учебнике был нарисован соловей.

— Маша, покажи.

— Не покажу.

— Ах так! — рассердился Бахрам. — Хочу, чтобы эта картинка ожила и оказалась у меня в пещере! Ассалам, бассалам!

Он хлопнул в ладоши, и тотчас же птичка ожила, порхнула со страницы учебника и вылетела из клетки.

Маша в недоумении стала осматривать книгу со всех торон и листать страницы. А соловей тем временем уселся на спинку трона Бахрама и радостно запел. Весенняя трель перечеркнула пещеру как молния.

— Это просто улада моих ушей! — воскликнул счастливый колдун. — Какая восхитительная птичка! Девочка Маша, как зовут это прелестное создание?

— Ворона! — ответила сердитая Маша.

— Ворона! — с наслаждением повторил Бахрам. Он даже закачался на стуле и с удовольствием по-восточному зацокал языком.

Амфилохий тем временем тоже заглянул в Машин учебник. Он увидел на картинке пейзаж Средней полосы России и пасущуюся на первом плане корову. И тоже пришел в полный восторг.

— Господин, господин! — закричал он. — Здесь еще одна восхитительная птичка. У нее такие перья на голове! А сзади веревка! Наколдуй ее для меня!

— С удовольствием, мой верный раб! Ассалам, бассалам! Пусть вся эта картинка окажется у нас в пещере.

И произошло чудо. Пещера преобразилась. Средняя полоса въехала в подземелье. Теперь красивый бирюзовый трон стоял среди душистой зеленой травы и цветов. Рядом стояла береза. Несколько ореховых кустов выросло у стен

пещеры. Сам собой возник телеграфный столб с гудящими проводами. И что самое удивительное, в пещере появилось маленькое озерко. И в это озерко с удивлением смотрела большая, на редкость рыжая корова. Вдруг она подняла голову и громко произнесла:

— Му-му-му-му-му-му!

— Ах, какая прекрасная птичка! — сказал Амфилохий. — Просто улада моих ушей! — Девочка Маша, как зовут это прекрасное создание?

— Крокодил! — сердито ответила Маша из-за решетки.

— Кро-ко-дил! — с удовольствием повторил Амфилохий. — Какое красивое имя!

Корова тем временем помычала, помычала, успокоилась и начала есть траву. А Маша увидела телеграфный столб с гудящими проводами и подумала: «Как жаль, что я не слушала уроков. Я бы могла собрать телефонную трубку и позвонить маме».

Подземный чародей был счастлив:

— Смотри, Амфилохий, сколько радости нам принесла эта девочка. Мы в благодарность за это никогда не расстанемся с ней.

От такой новости Маша заревела изо всех сил.

— Не плачь, Маша, не надо, — стал успокаивать ее Амфилохий. — Ты скоро забудешь маму. И папу забудешь.

Чародей Бахрам тоже стал успокаивать девочку. Он подошел к ее клетке и тихо сказал:

— Дорогая Маша, отрада моей души, я тоже плакал первую тысячу лет. Только я плакал украдкой. Чтобы никто не видел.

Он погладил Машу по голове, но Маша чуть не укусила его за руку и сердито сказала:

— Не трогайте меня! Никакая я вам не отрада!

— Ну и пусть! — сказал Бахрам. — Не девочка, а собачонка! Раз так, я ухожу. Я пойду купаться в эту большую ванну.

Бахрам снял с себя свой цветастый восточный халат и остался в больших, по грудь, красных трусах.

Он долго стоял перед водой, поеживаясь и раздумывая — прыгать или нет. Наконец решился, наклонился и...

...И большая рыжая корова вдруг подняла голову, подбежала и стукнула его лбом прямо в старческую маленькую попку. Бахрам так и влетел рыбкой в середину озера. Раздался жуткий плеск, и во все стороны полетели разные ругательные слова:

— Шайтан-байтан! Буль-буль-буль! Тьфу!

Потом над водой показалась голова Бархама. Он закричал:

— Амфилохий!

— Чего изволите, господин?

— Как — чего? Достать меня отсюда. Этот шайтан с рогами спихнул меня в воду.

— Это не шайтан с рогами, господин, а крокодил — страда моей души.

Амфилохий подошел к озерку, наклонился, протянул Бархаму свою мощную руку и...

...И вдруг корова разбежалась и своим чугунным лбом стукнула Амфилохия в его большую мускулистую попищу. Послышался звук, будто столкнулись два паровоза, и Амфилохий плюхнулся в самую середину озера рядом с владельцем подземных сокровищ.

Корова уселась на траву, как собака, на задние ноги и балдело покрутила головой.

Так вам и надо, — ехидно сказала девочка Маша из своей клетки. — Будете знать, как детей воровать.

— Пупая девочка, — сказал из воды Бахрам. — Мы тебя украли для твоего же счастья. И мы сами теперь счастливы.

— Вот и сидите теперь счастливые в воде. Вам теперь оттуда не вылезти.

— Это почему? — спросил удивленный Бахрам.

Не скажу, пока не сломаете решетку.

Сломать решетку?! Вот еще! — сказал Бахрам.

Он осторожно выбрался на берег. Корова подняла на него глаза. И как только он вновь принял позу ныряльщика, она стала разбегаться в его сторону. Увидев приближающуюся корову, Бахрам быстро сиганул в воду.

— Чего от меня хочет это животное? — жалобно кричал он, сидя в середине озера. — Освободите меня от него.

— Освободите меня от вас, — сказала Маша, — тогда скажу.

— Ну хорошо, — согласился волшебник. — Ассалам, бассалам! Бассалам, ассалам!

На глазах изумленной Маши решетка, ее окружавшая, исчезла. Но Маша не заметила, что появилась другая решетка, закрывшая выход из пещеры.

— Почему этот крокодил на нас кидается? — спросил Бахрам.

— Потому что вы в красном. А крокодило-коровы терпеть не могут красный цвет. Они его бодают.

Бахрам быстренько вылез на берег и побежал к своему шикарному восточному зеленому халату. Он закутался в него и запел:

Ассалам, бассалам —
Верьте мне напополам.

И тут Маша увидела новую решетку. Она не выдержала и снова заплакала:

— Вы обманщики! Я к маме хочу! Я к Марье Ивановне хочу.

Бахрам понял, что надо переходить к делу. Что надо Машу чем-нибудь занять. Он сказал:

— Вот что, Маша, жить мне осталось недолго: каких-нибудь лет триста... ну, пятьсот! Не будем зря терять времени. Сейчас я немного отдохну, потом принесу волшебную книгу. Мы по ней будем заниматься. Эта книга об основах чародейства, о живой и неживой природе.

Бахрам произнес все это торжественно и с пафосом. Но как только Маша услышала о живой и неживой природе, она еще горше заплакала.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а! — редела она во весь голос.

— Не плачь, Маша, — попросил ее Амфилохий. — А то я тоже заплачу.

И в самом деле он не выдержал и тоже заревел:

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Волшебник Бахрам жутко рассердился.

— Эх вы, ревы-крокодилы! — сказал он. — Я не могу этого слышать. Я забираю всю эту благодать и уйду к соседнюю пещеру! Ассалам, бассалам!

Он сказал эти волшебные слова и мгновенно исчез. И вместе с ним исчезли лужайка, озеро, березки, кусты. И конечно, исчезли поющая «ворона» и мычащий «прокодил». Маша и Амфилохий остались одни в пустой пещере.

— Вот тебе раз! — сказал Амфилохий. — Была вода, была трава, были птички прекрасные, а теперь опять из нашей природы одна кувалда осталась.

Но Машу это не расстроило. Она приступила к распространению подземного раба Амфилохия.

— Дядя Амфилохий, — спросила она, — ты давно работаешь у волшебника Бахрама?

Амфилохий резко задумался. Потом он загнул все пальцы на руках и один палец на ноге и сказал:

— Вот сколько!

— Одиннадцать лет? — спросила Маша.

— Ага, — сказал Амфилохий, — одиннадцать лет и одна тысяча годов. У нас недавно юбилей была.

— Так, — сказала Маша. — А в отпуске ты был?

— Что это такое — «отпуск»? — спросил Амфилохий

— Каждому трудящемуся нашей страны положено два дня в неделю отдыхать. И один месяц в году у него каникулы, то есть отпуск. Он тогда совсем не работает.

Маша достала карандаш, тетрадку и стала что-то высчитывать. Она долго упрямо что-то на что-то умножала, что-то на что-то делила и про себя говорила: «В одной неделе одно воскресенье. В одном месяце четыре недели. В одном году двенадцать месяцев. Ух, сколько недель получается!»

В конце концов она закончила свои совершенно невозможные расчеты и заявила:

— Дядя Амфилохий, тебе положено приблизительно шестидесять лет отпуска.

Потрясенный Амфилохий заинтересовался:

— Скажи мне, девочка Маша, а что люди делают в отпуске?

— Что делают? — переспросила Маша и ответила: — Ходят в походы, катаются на велосипеде, читают книги, да просто лежат.

— Все, — сказал Амфилохий. — Ухожу в отпуск.

Он положил себе под голову кувалду и улегся на дно пещеры.

Через минуту послышался его богатырский храп и по стенам посыпались камни.

Мгновенно на уровне роста человека раздвинулась часть каменной стены и появилась голова Бахрама.

— Я тебе дам «ухожу в отпуск»! — громко закричал он. — А ну-ка, Амфилохий, вставай и за работу!

— Не встану! — не просыпаясь, ответил Амфилохий.

Тогда Бахрам при помощи своего колдовства два раза приподнял его и шлепнул об пол пещеры.

Получилась вмятина. Но Амфилохий не проснулся.

— Дайте человеку поспать, — сказала Маша. — Он имеет право спать восемьдесят лет.

— Он не имеет никаких прав, — закричал Бахрам из стены. — Он имеет только одно право — хорошо работать. Сейчас я сделаю так, что ему приснится сон про наводнение. И он сразу проснется! Ассалам, бассалам!

Во сне Амфилохий стал перебирать руками. Видно было, что куда-то плыл. На то и дается отпуск — плавать и загорать.

— Не получилось, — обрадовалась Маша. — Он умеет плавать. Он воды не боится.

— Ах, не получилось! Ах так! — закричал Бахрам. — Ничего, сейчас получится. Он воды не боится, зато он боится мышей. Так, сейчас ему приснятся мыши! Ассалам, бассалам!

И точно. Амфилохий задергался, запрыгал. Его сонное лицо подернул ужас. Он начал просыпаться. Но Маша быстро нашлась. Она громко замыкала как пять больших кошек, и мыши быстро убежали из сна Амфилохия.

— Ну ничего! — кричал разгневанный Бахрам. — Я ему сейчас покажу! Пусть ему приснится пожар! Ассалам, бассалам!

Получилось. Амфилохий заворочался, замычал. И из него даже пошел легкий дым. Он быстро проснулся и сказал:

— Чего изволите, господин?

— Иди работать.

— Слушаюсь, любимый господин. Тьфу!

Амфилохий взял кувалду и нехотя потопал в дальнюю пещеру добывать алмазы для своего ненавистного господина. Сквозь сталактитовую решетку он прошел как через сухие камыши. Только шорох слышался.

— А ты, девочка, слушай. Я уже тебе говорил. Что мне осталось недолго, каких-нибудь пятьсот лет. И я не должен терять ни минуты. Я буду передавать тебе знания. Сейчас мы с тобой начнем занятия. Амфилохий! — крикнул он. — Принеси мне волшебную книгу.

Амфилохий возник откуда-то:

— Слушаюсь, господин.

Он ушел и скоро принес в пещеру к Маше книгу размером с небольшой японский автобус.

Волшебник Бахрам с трудом торжественно поднял обложку книги, как поднимают крышку концертного рояля, и Маша ахнула. Она никогда не видела такой красивой книги.

Рисунки в книге были как живые. Яркие невиданные цветы сладко пахли. Экзотические длиннохвостые птицы светились всеми невозможными цветами.

— Нравится? — спросил Бахрам.

— Очень, — ответила Маша.

— А мне можно посмотреть? — спросил Амфилохий.

— Можно, — великодушно согласился джинн. Видно, он очень гордился своей книгой.

— Тот, кто владеет этой книгой, может раздвигать горы. Находить золотые жилы. Озера с горящей смолой.

— Вот бы нашим геологам такую книгу! — сказала Маша. — У меня мама геолог.

— Вот когда я умру и отправлюсь в страну отошедших джиннов, ты сможешь позвать сюда свою маму и показать ей эту книгу, — разрешил Бахрам.

— А когда ты уйдешь в страну отошедших джиннов? — спросила Маша.

Джинн подумал. Позагигал пальцы и горестно ответил:

— Ждать осталось недолго. Лет через триста я туда отправлюсь. Я и так слишком загулялся на этом свете.

«Ничего себе загулялся, — подумала Маша. — Да он ничего, кроме этих камней, и не видел».

— Моя мама сюда ни за что не пойдет, — сказала она Бахраму. — Здесь пусто и скучно.

— Тогда Амфилохий принесет твою маму. Амфилохий достанется тебе по наследству.

— А далеко находится страна отошедших джиннов? — спросила Маша.

— Не знаю, — ответил Бахрам. — Еще ни один отошедший джинн оттуда не возвращался.

— Может, и не стоит туда ходить? — сказала Маша. — Может, лучше пойти на землю к людям?

— Ни за что! — сказал Бахрам. — Когда я маленьким нищим мальчиком жил среди людей, я ничего хорошего от них не видел. Только побои и ругань.

— Бедненький Бахрамчик! — сказала Маша и погладила волшебника по голове.

— Я не «бедненький» и не «Бахрамчик»! — возмутился чародей. — Я великий маг и волшебник, властелин подземных тайн Бахрам-ака!

Тут с потолка пещеры послышался шум, посыпались камни, и какая-то блестящая железная штука, вращаясь, стала опускаться в пещеру.

— Караул! — закричал Амфилохий. — Бежим!

— Стой! — закричал Бахрам. — Не беги просто так! Беги в мою подземную кладовую и принеси сюда мой самый твердый в мире алмазный поднос! Будем задерживать эту железную штуку!

— Не надо! — закричала Маша. — Не надо задерживать эту железную штуку! Это бур. Его опустили сюда геологи. Они ищут подземные ископаемые: нефть, золото, алмазы. Они ищут самое ценное. Они меня ищут. Не надо им мешать.

Амфилохий убежал куда-то и вернулся с алмазным подносом. Он подставил его под наконечник опускающегося бура. Бур уперся в этот поднос сверкающим наконечником и забуксовал, не в силах его пройти.

— Не надо им мешать! — повторила Маша.

— Надо, надо им мешать! — сказал Бахрам. — Потому что под нами целое озеро с горючей смолой. И оно нас затопит.

— Моя мама мне говорила, — сказала Маша, — что они в Кулябской области никак не могут пройти известковый слой. Так, значит, это вы им мешаете!

— Я же тебе говорю, — сказал Бахрам, — нельзя этот бур вниз пускать. Там черное озеро. Оно как вдарит сюда! Мы все потонем.

— Но это же нефть! Она очень нужна людям!

— Девочка Маша, — сердито сказал Бахрам. — Людям не нужно! И нефть, и алмазы, и мрамор. Я сторож подземных богатств, а не раздаватель. Все, я опять уйду от вас. Моя прекрасная поющая ворона скучает без меня.

Он вдруг растаял в воздухе, исчез в каменных стенах. Потом снова возник:

— Маша, захочешь изучать волшебную книгу, покювешь меня!

И он опять исчез. В подземелье сразу потемнело, и откуда-то потянуло сыростью.

— Дядя Амфилохий, — сказала Маша, — бежим отсюда.

— Девочка Маша, мой замечательный хозяин догонит нас. Он поймает нас и накажет. Он превратит нас в мышей или в белых лягушек. И еще заставит нас кланяться и квакать ему хвалебные песни.

— А почему мы должны ему квакать хвалебные песни? Или что?

— А за то, что он превратил нас в лягушек, а не в скорпионов. Или в мелкие камушки.

— Так вот откуда здесь, под землей, белые лягушки! — подумала Маша. — Целое озеро белых лягушек. Этот Бахрам очень опасный. С ним надо держать ухо востро, а то допрыгаешься или доквакаешься!

— Дядя Амфилохий, — стала она убеждать раба. — Он нас не догонит. Он не успеет. Мы быстро убежим. А наверху наука нам поможет. Наука говорит, что колдовство — это пережиток, что его нет. Я сама слышала об этом по телевизору.

— Девочка Маша, — сказал Амфилохий. — Это не простой вопрос. Это очень сложный вопрос. Я должен нас обдумать.

— Как долго ты будешь думать? — спросила Маша.

— Я очень быстро думаю, — ответил силач. — Я ошибко очень умный. Я буду думать два дня.

Целых два дня Маша не бунтовала, не сердилась и не плакала. Она читала свои учебники, сама, без учителя

решала задачки, сама себе ставила отметки. В основном пятерки.

Она завтракала, обедала и ужинала с Амфилохием, а Бахрам не показывался. Два дня кувалда Амфилохия стучала ровно, с большими перерывами. Он, наверное, очень сильно думал или спал.

Наконец Амфилохий сказал Маше:

— Я готов попробовать убежать. Только надо на время задержать Бахрама-ака.

— А как?

— У него в книге есть одно волшебное заклинание. Оно превращает человека в камень на пять минут. Ты должна узнать заклинание.

— Но я не умею читать по-арабски, — сказала Маша.

— А там есть картинки, — сказал Амфилохий.

— Ладно, — сказала Маша. — Я попробую.

Она стала звать:

— Бахрам! А Бахрам, иди сюда! Бахрамчик! Бархра-А-амище!!

Джинн Бахрам тут же возник из темноты:

— Чего тебе, девочка Маша?

— Бахрам-ака, давай изучать твою волшебную книгу.

— Хорошо, — сказал Бахрам. — Давай изучать. — Он хлопнул в ладоши и сказал: — Ассалам, бассалам.

Вся пещера сразу преобразилась. Снова возникли живая природа, поющий соловей и мычащая корова на привязи. Волшебник предусмотрительно принял меры — корова паслась на цепи.

— Девочка Маша, этот зверь все время мычит. Чего он хочет? У меня от него разболелась голова.

— Он хочет, чтобы его подоили, — догадалась Маша. — У вашего крокодила в вымени полно молока.

— А как его достать? — спросил Бахрам.

— Наверное, его надо подоить.

— Ты умеешь это делать? — спросил волшебник.

— Нет, — отвечала Маша.

— Я умею, — неожиданно сказал Амфилохий. — Пока меня не украли и не запихнули сюда, в пещеру под землю, я, кажется, жил в кишлаке, где было много таких крокодилов. И я знаю, как их доят.

— Так дои скорее это безумное животное! — закричал Бахрам. — У меня от него голова сейчас лопнет!

Амифлохий стал доить корову и угощать всех вкусным молоком. Маша начала изучать волшебную книгу.

А Бахрам заснул. Из-за мычащей крокодильской коровы он не спал два дня.

Маша сидела и листала, листала волшебную книгу. Листала почти полдня. Наконец она нашла то, что нужно.

— Дядя Амфилохий, дядя Амфилохий! — позвала она. — Вот картинка, как превращать человека в камень. Я нашла ее. Надо одну руку положить на эту книгу, другой дотронуться до этого человека и что-то сказать. А что сказать, я не понимаю. Вот видите, у человека изо рта вылетает арабское слово.

Амфилохий уставился в книгу и долго шевелил губами.

— Нет, — сказал он, — поздно. Караван ушел. Я не успею читать. — Потом он подумал и вдруг предложил: — А ты, Маша, перепиши это слово на бумажку, а потом спроси у Бахрама.

— Ой, какой ты хитрый, — сказала Маша. — Как здорово придумал!

Амфилохий от застенчивости стал махать кувалдой по все стороны, как будто он разгонял вечерних комаров.

Маша достала из портфеля ручку и тщательно написала непонятное арабское слово.

Бахрам-ака проснулся довольный и счастливый. Все у него ладилось: голова прошла, соловей пел и замечательная девочка Маша сидела и изучала волшебную книгу.

— Бахрам-ака, а Бахрам-ака, — позвала его Маша, — книжки, как произносится вот такое слово и что оно значит?

Бахрам посмотрел на слово и сказал:

— Это слово «Курза-арх-кха, ракха-бех». Это одно из главных волшебных слов. А означает оно вот что: «Великий человек Курза-арх-кха, сделай, как я тебе велю».

Хитрая девочка Маша немедленно дотронулась одной рукой до волшебной книги, другой до Бахрама и произнесла:

— Курза-арх-кха, ракха-бех! Сделай Бахрама на пять минут каменным.

Бахрам-ака от удивления вытаращил глаза и в ту же минуту окаменел. Получилась статуя «Великий джинн Бахрам-ака Неповторимый стоит и смотрит вдаль вытаращенными глазами». Работа скульптора Маши Скрипкиной.

Маша тотчас же схватила Амфилохия за руку:

— Дядя Амфилохий, бежим!

— Бежим, — согласился Амфилохий. — Дай только вещи собрать.

Вещей у него было немного — одна кувалда. Он схватил ее, и они бросились вон из пещеры.

Когда Бахрам-ака очнулся от окаменения, ярости его не было предела:

— Они убежали! Они бросили меня. Они посмели оставить меня одного! Я им покажу! — Он снял со своего халата золотой пояс, бросил его на землю и сказал: — Ассалам, бассалам!

Пояс сразу превратился в юркую змею, дышащую огнем.

— Мой огнедышащий пояс, — повелел Бахрам, — догони этих подлых беглецов и преврати их в пепел.

Пояс бросился в погоню.

— Стой! — закричал Бахрам. — Не надо превращать их в пепел. Верни их сюда. Этого будет довольно.

И пояс зигзагами полетел вперед выполнять приказание.

Тем временем Маша и Амфилохий приближались к выходу на землю. Им осталось миновать одну небольшую пещеру и один долгий коридор, чтобы подобраться к тому люку, из которого недавно собственной персоной высовывался наружу Амфилохий, чтобы украсть Машу.

Как раз в эту пещеру шоферы из местного гаража недавно слили отработанное масло.

Огнедышащий пояс Бахрама обогнал силача Амфилохия и Машу и, встав у них на пути, задышал на них огнем. Огонь бил из него как из хорошей паяльной лампы, и масло задымилось.

— Маша, идем назад. Этот пояс нас ни за что не пропустит.

Маша не стала спорить. Она поняла, что силач прав. И, грустные, они пустились в обратный путь, подгоняемые всплеском огня из змеепояса. Пламя буквально обжигало им пятки. И еще их догонял дым. Кажется, пояс все-таки поджег масло.

Когда они, грустные и чумазые, вернулись в пещеру Бахрама, он встретил их зловещим смехом:

— Ха-ха!! Ха!

Волшебник ходил по пещере и довольно потирал руки:

— Вы подумали, что можно перехитрить и обмануть старого Бахрама. Как бы не так! Теперь я подумаю, в кого мне превратить: в белых лягушек или в зеленых мышей.

— Зеленых мышей не бывает! — возразила Маша.

— А вот мы сейчас поглядим, — сказал Бахрам и направился к своей волшебной книге.

— Не об этом надо думать, хозяин, — неожиданно сказал Амфилохий. — Надо думать, куда бежать! На нас пожар идет.

— Какой пожар? Откуда идет? — заволновался волшебник.

— Оттуда, — показал рукой силач. — Твой огнедышащий ремень что-то там поджег.

Бахрам потянул носом и забеспокоился:

— Это очень опасно! Надо срочно уходить.

— А куда, господин?

— Не знаю куда, — сказал Бахрам.

— И я не знаю куда, — сказал раб. — Я чую дым со всех сторон.

Маша услышала беспокойное мычание коровы.

— Дядя Бахрам, нас корова выведет! Надо ее пустить вперед!

— Что такое «корова»? — спросил Бахрам.

— Корова — это крокодил. Он нас выведет. Животные всегда знают, куда идти.

— Амфилохий, отвяжи крокодила, — приказал Бахрам. — И крепко держи его за цепь, чтобы не удрал от нас. А я сзади понесу волшебную книгу.

Амфилохий отвязал корову, и она сразу бросилась к выходу из пещеры. Маша и Бахрам побежали за ней. Только Бахрам с тяжелой книгой не только бежать, но и идти-то долго не мог. Он положил книгу на пол, лег на первую страницу и прикрылся обложкой.

— Все, — сказал он, — теперь мне крышка.

— Дядя Амфилохий, дядя Амфилохий! — закричала Маша. — Стойте! Надо Бахрама забрать.

Амфилохий с ходу притормозил, а корова все еще тащила его, некоторое время он ехал на пятках. Потом

они остановились. Потом он потянул корову назад, и уже корова зашебуршила копытами.

Амфилохий был сильнее. У него были лошадиные силы, а у нее — коровьи. Он поднял Бахрама на руки и посадил на корову. Потом он взял книгу под мышку, и они снова двинулись с коровой на поводу. Выход на землю неумолимо приближался.

Учительница Марья Ивановна проводила со школьниками урок природоведения за городом.

— Дети, — говорила она, — смотрите, какие птички-веточки кругом.

Дети смотрели.

— И все это создано природой. Сначала были микроорганизмы, потом более сложные соединения. Потом появились рыбы, потом, звери, потом обезьяны и люди. И все шаг за шагом, все просто, и никаких чудес. Вы согласны, дорогие дети?

Дети были согласны — а что им еще оставалось делать?

Тут земля под Марьей Ивановной зашевелилась, поднялась огромная каменная плита, как крышка сундука или обложка книги, и из-под нее вылез сначала Амфилохий, потом корова на цепи, потом Маша и Бахрам. Вслед за ними выпорхнула какая-то мелкая птичка и несколько летучих мышей.

Затем Амфилохий ногой выпихнул наружу большую кожаную книгу и аккуратно опустил на землю плиту, как будто закрыл дверь в погреб.

Маша оказалась лицом к лицу с Марьей Ивановной и со всем своим классом. Они с удивлением смотрели друг на друга.

— Ой, — сказал радостный Бахрам, — вороны заливаются!

— Ой, — сказал радостный Амфилохий, — крокодилы пасутся!

— Ой, — сказала радостная Маша, — Марья Ивановна экскурсию проводит! Марья Ивановна, — спросила она, — а белые лягушки бывают?

Вниз по волшебной реке

Глава 1 Волшебная тропинка

В одной деревне у одной бабушки

жил один городской мальчик. Звали его Митя. Он проводил в деревне каникулы.

Целыми днями он купался в речке и загорал. По вечерам он забирался на печку, смотрел, как бабушка прядет свою пряжу, и слушал ее волшебные сказки.

— А у нас в Москве все сейчас вяжут, — говорил мальчик бабушке.

— Ничего, — отвечала та, — скоро и прясть начнут.

И она рассказывала ему про Василису Премудрую, про Ивана-царевича и про страшного Кощея Бессмертного.

А однажды утром бабушка сказала ему:

— Вот что. Возьми-ка ты гостинцы и сходи к тетке моей двоюродной, Егоровне. Погостишь у нее, поможешь чего по хозяйству. А то она одна живет. Старая совсем стала. Того и гляди, в Бабу-ягу превратится.

— Ладно, — сказал Митя.

Он взял гостинцы и пошел по дорожке через лес. Все прямо и прямо. Как ему бабушка объяснила.

Но чем дальше он отходил от деревни, тем больше удивлялся. Деревья расступались перед ним как живые. Трава стала зеленее, а цветы — красивее и душистее.

И вдруг навстречу мальчику выбежал большой-пробольшой Серый Волк. Куда больше тех, что обычно сидят в зоопарке.

— Здравствуйте, — проговорил он человеческим голосом. — Вы, случайно, не видели здесь козлика? Серенького такого?

Митя сначала растерялся, а потом сказал:

— Нет... Не видел я козлика.

— М-да, — задумчиво протянул Волк, — значит, быть мне сегодня без завтрака. — Он сел на задние лапы. — А вот девочка вам не попадалась? Такая маленькая, с корзиночкой? В красной шапочке?

— Нет, — ответил Митя, — и девочка мне не попадалась.

— М-да, — еще задумчивее протянул Волк, — значит, быть мне сегодня без обеда! — Он повернулся и побежал обратно в лес.

Мальчику стало жалко Волка, и он сказал:

— А хотите, я вас угощу? У меня есть с собой пирожок.

Волк остановился:

— С чем? С мясом?

— Нет. С капустой.

— Не хочу, — сказал Волк. — Вот колбасы я бы съел. Есть у тебя, мальчик, колбаса?

— Есть, — ответил Митя. — Только, я боюсь, меня бабушка заругает.

— Какая еще бабушка? — заинтересовался Волк. Потому что серые волки всегда интересуются чужими бабушками и внуками.

— Бабушка Егоровна. Я к ней иду.

— Для тебя она, может, и бабушка, — усмехнулся Волк, — а для меня... ну даже ни капельки. Не бойся, она не заругает. Ты уж меня угости, а я тебе еще пригожусь!

Митя угостил Волка колбасой и пошел дальше. Ему совсем не было страшно. Потому что лес вокруг был очень добрый и светлый.

Дорожка пересекла зеленую поляну и побежала вниз к речке.

Над речкой стелился белый туман и пахло молоком. Над туманом поднимался мостик.

— Неужели эта речка молочная? — удивился мальчик. — А мне никто про это не говорил.

Он остановился посередине моста и долго смотрел, как по легким молочным волнам бегают солнечные зайчики. Потом он пошел дальше. Его шаги гулко раздавались в тишине, и с кисельных берегов прыгали в молоко разноцветные пучеглазые лягушки. Наверное, они были сделаны из желе.

Потом дорожка провела мальчика по темному лесу и уперлась в низкий деревянный забор. За забором стояла ветхая избушка на курьих ножках.

— Избушка, избушка, — сказал мальчик, — а ну-ка повернись к лесу задом, а ко мне передом!

Избушка повернулась.

— Вот здорово! — удивился Митя. — А теперь налево! Раз-два!

Избушка повернулась налево.

— А теперь на месте шагом марш! Раз-два! Раз-два!

Раз-два. Раз-два. — маршировала избушка, поднимая пыль. И слышно было, как внутри на полках гремели, перекатываясь, чашки и блюда.

Но тут окошко растворилось, и из него высунулась такая-то старуха.

— Ты что хулиганишь? Ты что хулиганишь? — кричала она. — Вот как выскочу, как выпрыгну, как тресну метлой!

— Здравствуйте, — сказал ей Митя. — А вы, бабушка, кто? Вы не Баба-яга?

— Да, — ответила старуха. — А ты кто такой?

— Я Митя.

— Какой еще Митя?

— Обыкновенный, Сидоров.

— А что же мне с тобой делать?

— Как — что?

— А так. Будь ты Иван-царевич, я бы тебя чаем напоила и спать уложила. Будь ты мальчик Ивашка, я бы тебя в котле варить стала. А что мне с Митей делать, я и ума не приложу!

— Варить меня не надо, — сказал мальчик. — Ведь я вам гостинцев принес.

— От кого гостинцы?

— От бабушки моей Плафиры Андреевны. Я ее внук.

— Да что же ты сразу не сказал? Стало быть, ты мой родственник! А я тебя метлой хотела! Ты уж погоди. Я мигом.

И в избушке что-то зашумело, зашуршало, задвигалось. Очевидно, подметался пол, застилалась свежая скатерть и вынималась чистая посуда.

Наконец дверь распахнулась, и мальчик поднялся по ступенькам.

В доме было чисто и прохладно. Баба-яга, с большим носом, нарядная и причесанная, сидела за столом, а рядом с ней — маленькая, затхлая и какая-то вся зеленая незнакомая старушка.

— Почему вы, бабушка, такая мокрая? — спросил ее мальчик. — Будто из болота вылезли?

— А я из болота и вылезла, — ответила старушка. — Я живу там, в болоте. Уж тыщу лет, наверное!

— Вот это да! Я и не слышал, чтобы люди в болоте жили. Да еще тысячу лет!

— Конечно, — обиделась старушка. — Про Бабу-ягу вы все небось слышали. А я что? Я в ступе не летаю. Иванов-царевичей не кормлю. Я просто в болоте живу, и все!

— Да знаешь ты ее! Это же Кикимора болотная! — вмешалась Баба-яга. — Она тут живет, по соседству. В гости выбралась.

— Вы, значит, Кикимора? Тогда я про вас знаю. Вы вместе с Лешим в лесу людей пугаете. Пра-вильно?

— Какое там «вместе»! От него помощи дождешься! Все самой приходится делать!

Она немного успокоилась. Все-таки приятно — посторонний человек, городской мальчик, а о тебе что-то знает.

И они стали пить чай с брусничным вареньем и с клюквенным. И разговаривать о том о сем. О пятом, о десятом. О тринадцатом и четырнадцатом.

На столе стояло блюдечко, старушка все время заглядывала туда. А по блюдечку каталось яблочко.

— А это что? — спросил мальчик.

— Это яблочко по блюдечку, — ответила Баба-яга. — Подарок мне от Василисы Премудрой. Она погостить приезжала, вот и оставила. Она много чего придумывает!

— Что же по нему видно, по этому блюдечку?

— Да все что хочешь. Мы все теперь знаем, что у нас в царстве делается! — сказала Кикимора.

— Да ты садись поближе и смотри. — Баба-яга подвинула мальчику табуретку.

Митя взглянул... и вот что он увидел.

Глава 2
Царь Макар

На берегу широкой Молочной реки стоял царский дворец. Было жарко. Жужжали мухи. От жары молоко кое-где скисало, и в затонах получалась простокваша.

Во дворце тихо. Все обитатели попрятались где-то от невыносимого солнечного зноя.

И только в тронном зале было прохладно. Царь Макар сидел на краешке трона и смотрел, как прислужник Гаврила неторопливо натирал полы.

— И как ты трешь? Как ты трешь? — закричал царь. — Кто ж так полы натирает? А ну, дай мне! Я тебя враз обучу!

— Нельзя, ваше величество, — степенно ответил Гаврила. — Не царское это дело — полы натирать. Увидит кто — разговору не оберешься. Вы уж сидите, отдыхайте себе.

— Тьфу ты! — вздохнул Макар. — И что это за жизнь у меня? Топором работать нельзя — несолидно! Полы натирать нельзя — неприлично! Ну скажи мне, Гаврила, есть мне житье в этом доме?

— Нет, — ответил Гаврила, — нет вам житья в этом доме!

— Ну, а скажи мне, Гаврила, видел ли я в жизни чего-нибудь хорошее?

— Не видели, ваше величество. Ничего вы не видели.

— Нет... если подумать, — сказал царь, — то что-нибудь хорошее-то было.

— Ну... если подумать, — согласился Гаврила, — тогда было. Это понятно. — И он снова зашаркал щеткой.

— Эх ты, «было — не было»... Слова путного от тебя не услышишь! Вот брошу все, — продолжал царь, — и уеду в деревню к бабушке. Буду рыбу ловить на удочку. Пахать, как все люди. А вечером на завалинке буду песни играть. Эй, Гаврила, — приказал царь, — подай мне сюда балалайку!

— Нельзя, ваше величество, — ответил тот. — Не положено вам на балалайке играть. Не царское это занятие. Я вам гусли дам. Хоть весь день бренчите.

Он снял со стены гусли и, шлепая босыми ногами, подошел к царю. Макар поудобнее устроился на троне и запел:

В темном лесе, в темном, лесе,
В темном лесе, в темном лесе,
Залесью, залесью...
Распашу ль я, распашу ль я,
Распашу ль я, распашу ль я...

Тут он остановился:

— Эй, Гаврила, что я распашу-то?
— Пашенку, ваше величество, пашенку.
— Ах да, — согласился царь и допел:

Пашенку, пашенку,
Я посею, я посею,
Я посею, я посею...

Эй, Гаврила, что я посею-то?

— Лен-конопель, ваше величество. Лен-конопель.

— Лен-конопель, лен-конопель! — повторил Макар и приказал: — Эй, Гаврила, спиши мне слова на бумажку. Уж больно песня хороша!

— Так я ж неграмотный, ваше величество.

— Верно, верно, — вспомнил Макар. — Ну и темнота в моем царстве!

В зал вошел царский писарь Чумичка.

— Ваше величество, вся боярская дума собрана, — сказал он. — Вас одних ожидают.

— Э-хе-хе! — вздохнул царь. — А волшебное зеркало готово?

— Все в порядке, ваше величество, можете не беспокоиться!

— Тогда пойдем! А все-таки знаешь, Чумичка, — важно произнес он, надевая корону, — быть царем так же плохо, как и не быть царем!

— Прекрасная мысль! — воскликнул писарь. — Я обязательно запишу это в книжечку!

— Глупость это, а не мысль! — возразил Макар.

— Не спорьте, ваше величество! Не спорьте! Мне виднее. Это же работа моя — ваши мысли записывать. Для внуков. Для них каждое ваше слово — золото!

— Если так, пиши, — согласился Макар. — Да смотри ошибок не наделай, чтобы мне не краснеть потом перед внуками!

Глава 3 Боярская дума

Боярская дума гудела как улей. Бородатые бояре давно не виделись и сейчас делились новостями.

— А я в деревне был! — кричал боярин Морозов. — В реке купался! Ягоды собирал — калину, малину всякую!

— Подумаешь, деревня! — отвечал боярин Демидов. — И вот к Синему морю ездил. На песке жарился.

— Ну и что твое море? — возражал боярин Афонин. — Тоже невидаль! Я вот по Молочной реке на плоту плавал и то молчу! Сметаны наелся!

Но тут тяжелые дубовые двери распахнулись и в зал торжественно вошел царь. В руке он держал свиток. Следом за ним появился писарь Чумичка с пером и чернильницей в мешочке.

— Тихо! Тихо! — стукнул посохом царь. — Ишь, расшумелись!

Бояре притихли.

— Все в сборе? — спросил Макар. — Или нет кого?

— Все, все! — закричали бояре с места.

— Сейчас проверим. — Царь развернул свиток. — Боярин Афонин?

— Здесь, — ответил боярин Афонин, тот самый, который плавал по Молочной реке.

— Демидов?

— Вот я!

— Ладно. А Морозов? Скамейкин? Чубаров? Кара-Мурза?

— Присутствуют!

— Хорошо. Ну что ж. — Царь положил свиток. — А что-то я Качанова не вижу. Где он?

— А у него бабушка заболела, — объяснил боярин Афонин. Самый бородатый и поэтому самый главный среди бояр.

— То у него бабушка, то у него дедушка! — разгневался Макар. — Вот посажу его в чулан — у него все бабушки сразу выздоровеют.

В это время два стрельца внесли в зал волшебное зеркало и сняли с него покрывало. Царь подошел к зеркалу и проговорил:

Ах ты, зеркало, мой свет,
Поскорее дай ответ:
Не грозит ли нам беда?
Не идет ли враг сюда?

Зеркало потемнело, и в нем появился парень в белой рубаше.

— В нашем царстве все хорошо! — сказал он. — И беда нам никакая не грозит. А вот неприятности имеются, даже целых две.

— А ты давай по порядку, — приказал Чумичка. — По очереди.

— Перво-наперво, Соловей-разбойник объявился, сбежал из-под стражи. Двух купцов уже ограбил.

— Что будем делать? — спросил Макар.

— Стрельцов послать надобно, — ответил Чумичка. — Чтобы схватили мошенника!

— Правильно! Верно он говорит! — хором закричали бояре.

— Верно-то верно, — согласился Макар. — Да накладно это — стрельцов посылать. Денег много нужно. И лошадей отрывать придется. А сейчас в поле работа самая.

— А как же быть? — воскликнул писарь.

— Давайте у Василисы Премудрой спросим.

— Что у нее спрашивать? Что она, умнее нас, что ли? — закричал боярин Афонин.

— Знать, умнее! — сурово сказал Макар. — Раз ее люди Премудрой прозвали. Эй, скорохода ко мне!

Вбежал мальчик в новеньких красных полусапожках.

— Вот что, малый, сбегай к Василисе Премудрой и спроси у нее, что делать с Словьем-разбойником.

Мальчишка кивнул и бегом кинулся из зала. А бояре стали ждать, почесывая бороды. Запыхавшись, мальчик прибежал обратно:

— Она говорит, надо картинки по деревням пустить. Мол, сбежал Соловей-разбойник. Лет ему столько-то. Кто поймает, тому награда — полбочонка серебра. Его мужики сразу и выловят.

— А ведь неплохо придумала! — сказал Макар. — Верно, бояре?

— Верно!

— Правильно!

— Чего уж там! — согласились бояре. А парень в зеркале ждал.

— Ну, а вторая новость какова? — спросил у него царь.

— А вот какова. Купец Сыромятников от Молочной речки рукав отвел к себе на огороды. Капусту молоком поливает. А молоко грязное обратно в речку течет.

— То-то, я смотрю, сметана была какая-то не такая! — крикнул боярин Афонин. Тот самый, который плавал по Молочной реке.

— Ладно, ладно! — поднял руку царь. — А что делать будем?

— Выпороть бы его. На площади при народе, голубчика, — вкрадчиво проговорил Чумичка.

— Не пойдет! Купцов пороть — товару не видать! — возразил Макар.

— Золотые слова! — согласился писарь. — Как это я им не додумался? Это надо записать. Это надо для шуков оставить!

— Да погоди ты со своими внуками! Эй, малый! — позвал царь скорохода. — Сбегай еще раз к Василисе. Что она посоветует?

— Дяденька царь, а чего я все к ней бегаю? Давай ее сюда позовем, — сказал мальчик.

— Да где же это видано? Бабу — да в царскую Думу пускать! — заволновался Чумичка.

— Нельзя! — закричали бояре. — Не женское это дело — в Думе сидеть! Пусть дома советует!

И мальчишка помчался за ответом. Через пять минут он доложил царю:

— Она говорит, с купца надо полбочонка серебра взять! Сразу тот купец поумнеет.

— А что? Дело она говорит! — закричал боярин Морозов. — Серебро то и дадим за Соловья-разбойника. Тому, кто его выловит.

— Надо же! — удивился Чумичка. — Как выдумывает! Даром что баба!

Царь стукнул посохом:

— Ну так и пиши!

— Вот тут еще одна новость есть, — сказал вдруг парень из зеркала. — Только я не знаю, говорить ее или нет. Уж больно новость необычная. Нельзя ее при всех.

Дума притихла.

— Ваше величество, — сказал Чумичка, — прикажи боярам: кто умеет тайну хранить — пусть остается, кто не умеет — пусть домой идет!

Макар согласился:

— Так тому и быть.

Сейчас же к выходу направился боярин Чубаров:

— Ну ее к лешему, эту тайну! Не знаешь — не проболтаешься!

— Теперь говори! — приказал писарь зеркалу.

— Так вот, — сказал парень, — царь наш собирается нас покинуть. Устал, говорит. Надоело, говорит, царствовать. В деревню хочет уехать.

— Как же так?! — встрепнулся писарь. — А я? — Он упал перед царем на колени. — Не губи, царь-батюшка! Какое же это царство без царя! Чьи же я мысли буду записывать?

— Что же, без меня и мыслей не будет? — удивился Макар.

— Какие же это мысли! — закричал Чумичка. — Если они не царские?!

— Ничего, ничего! Все хорошо будет. Тут и бояре есть, и Василиса Премудрая, — успокоил его Макар. — А мое слово твердое — уеду я. К бабушке. Загорать буду, как все люди. Сено косить. Лещей стану ловить на удочку. Вопросы есть?

— Есть! Есть! — закричал боярин Морозов. — А ловить-то на что будешь?

— Как — на что? На червяка!

— Прошу слова! Прошу слова! — потребовал Морозов. (Он выбрался вперед и заговорил: — Уважаемые бояре! Лещ — он рыба хитрая. Он на червяка не пойдет. Его на минную кашу брать надобно!

И они завели долгий рыболовный разговор.

Глава 4 Писарь Чумичка

В это время в избушке у Бабы-яги блюдечко вдруг помутнело, и ничего не стало видно.

— Это почему? — спросил Митя.

— Змей Горыныч на охоту вылетел, — ответила Баба-яга. — Он теперь весь воздух взбаламутит. До вечера ничего не увидишь. Чтоб ему провалиться, замечательному! Чтоб у него все полопалось, у самого красивого!

— Сколько он народу поел — страсть! — добавила Кикимора. — Ох, не нравится он мне, наш хорошенький.

— А почему же вы его замечательным называете? И хорошеньким? — удивился Митя.

— А потому, что его ругать нельзя, — объяснила Баба-яга. — Кто его ругать станет, того он съест.

— И тебя съест, бабушка?

— Меня-то не съест, — ответила старуха. — Подавит-ся. Но неприятностей не оберешься!

— Бабушка, а ваш царь Макар хороший? — спросил Митя.

— Да ничего, хозяйственный, справедливый. И с Писилисой Премудрой советуется.

— Ну, а она какая, Василиса Премудрая?

— Спросил тоже! Да она же моя племянница! Она столько вещей придумала — не сосчитать! И сапоги-скороходы! И яблочко по блюдечку! И ковер-самолет!

— Ей Домовой помогает, — вставила Кикимора, — помощник ейный.

— Знаешь что, бабушка, а мне у тебя нравится, — сказал Митя Бабе-яге. — Можно, я у тебя здесь поживу немного?

— Живи хоть все лето! — отвечала Баба-яга. — Только не лезь куда не надо, вот и все.

Незаметно наступил вечер, и блюдечко снова прояснилось. Митя наклонился и стал смотреть. И снова он увидел царский дворец. Позади дворца стояла баня. А из бани шел пар.

Царь Макар, весь в мыльной пене, сидел на лавке, а прислужник Гаврила хлестал его веником.

— Подбавь парку! Подбавь парку-то! — кричало его величество, выплескивая пену. — Будто не царя моешь! Веничком меня, веничком любезного! У-у-ух!

Потом царь задумался:

— Эй, Гаврила, как ты считаешь, войско тут без меня не разбежится? Если уеду я?

— Да не должно, ваше величество. С чего бы ему разбегаться?

— А как возьмет и разбежится!

— А что? — согласился Гаврила. — Возьмет и разбежится. Долго ли разбежаться-то?

— Ну ладно. А купцы как? Не перестанут торговать с заморскими странами?

— Купцы? Да нет, конечно. Зачем им переставать?

— А как возьмут и перестанут?

— А что? Могут и перестать. Перестать — это не трудно. Это в два счета можно, — согласился слуга, нахлестывая царя веником.

— Ну, а войны тут без меня не будет? Как ты думаешь?

— Не должно быть. Кому она нужна, война эта?

— А как враги нападут, что тогда?

— А как нападут, тогда будет, — уверенно сказал Гаврила. — Кабы не напали, тогда другое дело!

— Эх, ты! — рассердился Макар. — Толку от тебя! Разбежится, не разбежится! Перестанут, не перестанут! Нападут, не нападут! И так и эдак по-твоему получается! Помолчал бы уж.

И он, распаренный, погрузился в свои думы.

...А тем временем писарь Чумичка, заложив руки на спину, ходил вокруг царского дворца.

— И как же мне теперь быть? — рассуждал он. — Я же пропадаю. Кому я нужен без царя-то? Ведь меня теперь работать заставят! На кухню пошлют.

И он побежал искать царскую дочку Несмеяну.

...Несмеяна со своей прислужницей Феклой сидела на берегу пересохшего пруда и редела во весь голос:

— Ой-ой-ой-ой-ой-мама! Ой-ой-ой-папа!

— Несмеяна Макаровна, — сказал Чумичка, — оторвитесь на минутку, дело есть.

— Какое? — спросила Несмеяна, перестав плакать.

— Царь, ваш батюшка, бросить нас собирается. Хочет в деревню уехать. Вот беда какая!

— Да ну?! — удивилась дочка. — А в какую деревню?

— Какая разница, в какую? Ну какая разница?

— Если мы в Марфино поедem — это хорошо. А если в Павшино, так плохо!

Теперь удивился писарь:

— Почему?

— Да потому, что там бык бодучий! Вот почему.

— Царевна, надо царство спасти, пойдите поговорите с батюшкой. Он вас одних послушать может.

— Не могу. Я плакать должна, — сказала Несмеяна. — Как наплачу целый пруд, мне карету подарят.

— Ну, Несмеяночка, милая, — упрасивал Чумичка. — И уж тут за вас поплачу. Постараюсь с Феклой Сергеевной.

Несмеяна пошла к царю, а Чумичка сел на ее место и заплакал горячими слезами.

Через полчаса Несмеяна вернулась.

— Уговорила! — сказала она. — Все в порядке. В Марфино поедem. Там быки не бодаются!

— Только о быках и думаете, уважаемая Несмеяна Макаровна! — закричал Чумичка.

В избушке на курьих ножках Баба-яга, Митя и Кикимора не отрываясь следили за тем, что показывало блюдечко. Пока оно снова не помутнело.

Наверное, это Змей Горыныч возвращался домой с охоты.

— Что же дальше будет? — спросил Митя у Бабы-яги.

— Завтра увидишь! А сейчас спать ложись!

Было поздно. Кикимора распрощалась с ними и ушла в свое болото. Митя лег на лавке под окном и очень быстро уснул.

А Баба-яга еще долго возилась у печки. Мыла посуду и бормотала себе под нос что-то вечное, Бабиное-ягиное.

Глава 5 Василиса Премудрая

На другой день, рано утром, Баба-яга разбудила мальчика:
— Вот тебе ведроко. Сбегай на речку за молоком, а в крынку сметаны набери.

Митя взял ведро, положил в него крынку и по росистой траве запрыгал к речке. Светило солнце. С той, несказочной стороны приплывали черные грозовые тучи. Но над рекой они таяли и превращались в белые приятные облачка.

Митя наклонился с мостика, набрал сметаны и молока. И тут он заметил на берегу какие-то странные рыжие камни.

Он поднял один и увидел, что это самый настоящий сыр, голландский, а может быть, ярославский.

— Чудеса, да и только! — сказал мальчик. Он сунул сыр под мышку и быстро побежал домой.

Они позавтракали с Бабой-ягой и вышли на теплое, нагретое солнцем крылечко.

Баба-яга стала рассказывать:

— Вот там, далеко-далеко, гору большую видишь?

— Вижу, бабушка.

— Эта гора закаятая. Сколько людей туда ни ходило, никто домой не пришел!

— Почему?

— Там Змей Горыныч живет. А дальше, за горой, озеро есть синее. Около него козы пасутся. Из этого озера пить нельзя. Выпьешь — козленочком сделаешься!

— Вот весело!

— Тебе-то весело, — согласилась старуха. — А родителям каково? Им нужен сын, а не козлик!

— Бабушка, — перебил ее Митя, — а в волшебное блюдечко можно только вечером смотреть?

— Почему? Хоть весь день смотри. Коли время есть!

— Давай тогда посмотрим?

— Давай, — сказала Баба-яга.

Она достала блюдечко и поставила на середину стола.

Тут пришла Кикимора, и они втроем стали смотреть, что же было дальше.

На этот раз они увидели синий терем Василисы Премудрой. Возле терема крутился писарь Чумичка. Он шнырял у крыльца, послушал, что делается внутри, и шнырял. Никто не отозвался. Тогда он толкнул дверь и вошел. Дверь за ним сразу закрылась, и замок щелкнул. Наверно, он был волшебным. Или английским.

Это была мастерская Василисы. На полках стояли старинные книги, на окнах росли невиданные цветы. На плите в чугунном горшке что-то варилось. Какой-то целебный отвар.

Писарь поднял крышку и понюхал.

— Картошка, — сказал он. Потом добавил: — С грибами.

Большой стол перегораживал мастерскую. На нем лежали разные инструменты и стояли две бутылки — с живой и мертвой водой. На лавке у стены были аккуратно разложены шапки, сумки, сапоги и другие вещи. В уголке стоял кованый сундучок, а рядом блюдо с красными и желтыми яблоками.

Чумичка все поднимал, трогал и рассматривал. И вещи лежали спокойно. Но едва он открыл сундучок, как откуда выскочила увесистая дубинка и стала колотить писаря по бокам.

— Ты что, с ума сошла? — закричал Чумичка. — Кыраул! Ой-ой! Матушки! Ой-ой! Батюшки! Убивают!

Послышался легкий перезвон, и в дом вошла Василиса Премудрая! Платье у нее было расшито сказочными цветами, а на голове был кокошник с хрустальными подвесками.

— Дубинка, на место! — приказала Василиса. Дубинка утихомирилась и убралась в сундук.

— Уж ты извини меня, матушка! — начал оправдываться писарь. — Это я нечаянно сундучок открыл. Я не хотел, а он взял и открылся. И эта колотилка как выскочит!

Василиса усмехнулась:

— Не горюй! Зато мы с тобой большое дело сделали. Дубинку опробовали. Ну-ка, отвечай: как она работает? Хорошо?

— Хорошо, хорошо работает! — Чумичка потер ушибленные места. — Только чего она своих-то колотит?

— А оттого и колотит, чтобы в чужие дела не лезли! Твое счастье, что ты еще яблока старильного не отведал. Ушел бы отсюда дедушкой.

Василиса взяла с лавки кошелек-самотряс и вытряхнула несколько медных пятак:

— Вот, приложи к синякам. Сразу легче станет.

Писарь попробовал пятаки на зуб, подержал их немного у синяков и незаметно сунул в карман.

— С чем пожаловал? — спросила Василиса Премудрая.

— А вот с чем, — отвечал Чумичка. — Скажи мне, матушка, кто у нас в царстве самый сильный человек?

— Пожалуй, Кощей Бессмертный. Он самый сильный. А что?

— Да так, ничего. А где он сейчас находится?

— А вот этого я не скажу. Много будешь знать — скоро состаришься!

— И не надо! И не надо! Мне это знать ни к чему, — согласился Чумичка. — Я просто так интересуюсь. Из любопытства.

— Ой хитришь ты, писарь! — сказала Василиса. — А Кощей — это тайна государственная. И знать про него не всем положено.

Она взяла со стола бронзовый колокольчик и позвонила. Вошел ее помощник — невысокий и большоголовый дядюшка Домовой.

— Вот, дядюшка, займи гостя, — сказала ему Василиса. — Напои его чаем. А меня дела ждут.

— А что? И напою. У меня как раз чай скипевши, — отвечал Домовой.

Они с Чумичкой перешли в горницу. Домовой занялся чашками и блюдами, а писарь сел на лавку у печки и стал выпрашивать дядюшку.

— Послушай, вот ты у Василисы Премудрой который год работаешь, а многих вещей и не знаешь, — сказал он.

— Это чего я не знаю?

— А вот кто у нас самый сильный человек в царстве?

— Самый сильный? — Дядюшка задумался. — Да, пожалуй, Никита Кожемяка. Василиса Афанасьевна его силу копытами измеряла. Так он восемь лошадей перетянул.

— А вот и нет! Самый сильный у нас в царстве будет Кощей Бессмертный, — возразил Чумичка.

Домовой призадумался:

— Это верно. Да только у него, у Кощея, секрет есть. Коли он, Кощей, один, так с ним любой мальчишка справится! А вот если у него друзья появятся или войско, тогда сильнее и нет никого. Тогда он столетний дуб мечом ираз перешибет. Ни огонь ему не страшен, ни вода, ни вообще ничего.

— Вот видишь, а ты этого не знал, — сказал Чумичка.

— Как — не знал? — оторопел дядюшка. — Я-то знал!

— Да?! — воскликнул Чумичка. — А ты мне скажи тогда, где он, Кощей Бессмертный, сейчас находится?

— А в подвале царском прикованный сидит! Двести лет там и находится!

Тут за окном послышался конский топот.

— Это что? Приехал к вам кто-нибудь? — спросил писарь.

— Нет, наоборот, — ответил дядюшка. — Василиса Афанасьевна уехала. К Лукоморью за живой водой. Живая вода у нас вышедши.

— Интересно, интересно, — забормотал писарь. Он поднялся с табуретки. — Ну, я пошел, дядюшка. Доброго тебе здоровьичка!

— А чай?

— Не хочу, дядя. Аппетиту нету.

— Что-то он непутевое задумал! — воскликнула Баба-иба, когда сказочного города опять не стало видно.

— Кто? — спросил Митя.

— Да писарь этот. Вот кто. Была бы я там, я бы за ним посмотрела, за голубчиком!

— Бабушка, а туда далеко добираться? — спросил Митя.

— Эх ты, бестолочь! Да куда доберешься, пять пар башмаков стопчешь.

— А я придумал, как туда попасть! Только ты меня возьмишь с собой?

— Ладно, говори. Но пешком я ни за что не пойду!

— И не надо пешком, — отвечал Митя. — Ведь у избушки ноги есть?

— Есть, — сказала Баба-яга.

— Вот мы в избушке и поедем. Зачем же ее ногам пропадать?

Баба-яга поразилась:

— Ну и молодец! Я триста лет в избушке живу, а мне такое и в голову не приходило! Теперь я этому Чумичке покажу. А в ступе летать я стала стара, возраст не тот!

— В самом деле, складно придумал! — сказала Кикимора. — И по царству покатаетесь. И у Василисы Премудрой погостить сможете!

— А когда мы поедем, бабушка?

— Да хоть сейчас! — отвечала старуха. — Нам собираться нечего. Все в доме у нас!

Она спустилась в погреб, набрала картошки в дорогу, сняла с веревки белье, которое сохло во дворе, и отдала Кикиморе последние распоряжения:

— Ты за огородом моим присматривай. Капусту полей, морковь прополи. Если царевич какой явится, скажи, что нет меня — в столицу уехала. Да и надоели они. В день по трое навещают. Всех накорми, напои и спать уложи! Постоялый двор устроили! А как не будет меня, уважать начнут.

— Верно, верно, — согласилась Кикимора. — Житья от них нет, от царевичей. А за огород не беспокойся. Все сделаю.

Митя с Бабой-ягой вышли на крыльцо, и Митя скомандовал:

— Избушка, избушка, вперед шагом марш!

Избушка Бабы-яги затопталась на месте, сделала несколько неуверенных шагов и побежала вперед, весело поскрипывая бревнами. Видно, ей давно хотелось размять свои куриные ноги.

И поплыли навстречу озера, леса, поля и другие все возможные просторы.

Глава 6 Соловей-разбойник

Солнце поднималось все выше и выше. А дорога бежали все дальше и дальше. Она поворачивала то вправо, то

миево между зеленых холмов и, казалось, вела куда угодно, только не вперед, не туда, куда нужно.

Баба-яга ушла в избушку хлопотать по хозяйству. А Митя сидел на крыльце. Вдруг он увидел при дороге столбик. К столбику была прибита грамота. Митя спрыгнул с крылечка и прочитал:

ЦАРСКИЙ УКАЗ

ЦАРЬ НАШ МАКАР ВАСИЛЬЕВИЧ ПОВЕЛЕЛ ИЗЛОВИТЬ ДЕРЗКОГО ПРЕСТУПНИКА СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИКА. РОСТУ ОН ВЫСОКОГО. СЛОЖЕНИЯ КРЕПКОГО. ОДНОГЛАЗЫЙ. ЛЕТ ЕМУ ОТ РОДУ ПЯТЬДЕСЯТ. ОСОБЫХ ПРИМЕТ НЕТ. ОБЕ НОГИ ИМЕЕТ ЛЕВЫЕ.

ЗА ПОИМКУ ЖИВОГО ИЛИ МЕРТВОГО НАГРАДА — ПОЛБО-ЧОНКА СЕРЕБРА.

ГОД СЕГОДНЯШНИЙ. ЛЕТО НЫНЕШНЕЕ.

ПИСАЛ ПИСАРЬ ЧУМИЧКА.

«Как у царя все быстро делается! — подумал Митя. — Вчера только говорили про разбойника, а сегодня уже указ висит!»

Он догнал избушку и вспрыгнул на крыльцо. Дорога спустилась с пригорка и теперь шла лесом. И вдруг впереди показался огромный завал из деревьев. А над завалом сразу возникла лохматая голова с повязкой на глазу.

— Эй, ты, — спросила голова. — Ты кто такой?

— Как — кто?

— А так, прозвище твое какое будет?

— Митя меня зовут!

— А ты Илье Муромцу не родственник случайно?

— Нет. Я просто Митя. А что?

— А то. Руки вверх!

— Зачем? — удивился мальчик.

— А затем! — Человек наверху показал здоровенную дубинку. — Как трахну по голове!

Митя понял, что перед ним не кто иной, как Соловей-разбойник... Росту высокого, сложения крепкого. За поимку награда — полбочонка серебра. Но это Митю нисколько не обрадовало.

— А ну выворачивай карманы! — приказал разбойник. — И иж дома все выташкивай. И меха, и драгоценности, и мебель всякую!

— Нет, — сказал Митя, — мебель нельзя. Баба-яга ругаться будет.

— Баба-яга? — насторожился разбойник. — А кем она Илье Муромцу приходится?

— Никем.

— Тогда пусть ругается школька хочет.

В окошко высунулась Баба-яга:

— Да как ты смеешь нас задерживать?! Да у нас в столице дело есть очень важное!

Дверь со стуком распахнулась, Баба-яга в ступе вихрем вылетела из избышки. В руках у нее была метла. Удары так и посыпались на незадачливого грабителя. Баба-яга залетала то справа, то слева, и ее метла мелькала так быстро, что только и слышно было: бум! Бум-бум-бум-бум! Бум-бум! Бум! Трах!

Наконец Соловью удалось спрятаться в дупло столетнего дуба.

Баба-яга ткнула туда метлой раз-другой:

— Вот я в дупло тебе кипятку налью! Или углей набросаю! Мигом выскочишь!

Видно, ее угроза подействовала на разбойника. Он поспешно выставил из дупла палку с куском белой тряпки на конце.

— То-то! — сказала Баба-яга. Она схватила тряпку и преспокойно залетела в избышку. — Вели ему, чтобы разобрал все это. Очистил дорогу! — сказала она Мите.

— Как же! — высунулся из дупла разбойник. — Вы уедете, а мне опять шобирать!

— И соберешь как миленький! — крикнула старуха.

— Бабушка, не нужно ему собирать! — вмешался Митя. — Нам же обратно ехать надо.

— Правильно. Не будешь собирать! Разберешь, и только! — согласилась Баба-яга.

Опасливо поглядывая на избышку, Соловей начал растаскивать деревья.

— Послушайте, — сказал ему Митя, — а почему вы не свистели? Ведь от вашего свиста все замертво падают.

— Почему? — вздохнул разбойник. — Мне тут жуб выбили. Во, — показал он, — как раж передний!

Только тут Митя заметил, что Соловей-разбойник сильно шепелявит.

— А вы вставьте себе новые зубы.

— «Вштавьте, вштавьте!» Жолото нужно!

— Почему — золото? Можно и железные вставить. Как у моей бабушки.

— Что я, иж деревни, что ли! — усмехнулся разбойник. — У наш, у разбойников, только жолотые бывают. С железными жашмеют!

Но вот дорога была расчищена, и избушка побежала дальше к стольному городу. Митя с Бабой-ягой все время торопили ее. Они очень беспокоились, как бы Чумичка не наделал каких бед в сказочной столице.

А тем временем стало темнеть.

Глава 7 Кощей Бессмертный

Царский дворец и Молочную реку постепенно окутала тьма. Во дворце все спали. Все, кроме писаря Чумички. Он лежал в постели, выпростав бороду из-под одеяла, и на всякий случай притворялся, что спит. А сам слушал.

Тишина! Писарь сбросил одеяло и не дыша подкрался к двери. Она отворилась без малейшего шума, и Чумичка на цыпочках стал спускаться по лестнице. Не скрипнула ни одна половица, пока он тихонько проходил через парадные залы.

Вот и выход из дворца. Писарь осторожно приоткрыл тяжелую дубовую дверь. Трах-тарарах-бум! — прогрохотало за дверью. Это упал стрелец из ночной стражи, который охранял вход во дворец. Он спал на крыльце, прислонившись к дверному косяку.

Чумичка перепутался, но, кажется, зря: никто во дворце так и не проснулся. Писарь благополучно выбрался на крыльцо, вынул меч из ножен у спящего стрельца и осторожно поставил стражника на место. Затем он прошел вдоль стены и оказался у двери, ведущей в темный подвал. Там хранились веники, щетки, банки с краской и прочие хозяйственные вещи главного прислужника Гаврилы.

Писарь вынул из кармана огниво и кремь, высек огонь и зажег свечу. Освещая себе путь, он прошел по

коридору и оказался перед небольшой, окованной железом дверью. На ней, вся в паутине, висела табличка:

ОСТОРОЖНО! ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!

Под табличкой был нарисован череп и две скрещенные кости.

Дзинь-дзинь-дзинь... — слышалось из-за двери. — Блям-блям-блям... Шлеп...

Писарь стал искать под ковриком ключ. Большой заржавевший ключ оказался не под ковриком, а ни притолке. Значит, прятали его особенно тщательно. Чумичка вынул из кармана масленку и накапал масла в замочную скважину. После этого ключ повернулся бесшумно, и дверь отворилась.

При тусклом пламени свечи он увидел прикованного к стене Кощея Бессмертного. Кощей висел на цепях.

Изредка он отталкивался от стены ногами и, качнувшись вперед, снова шлепался о каменную кладку. Поэтому и получалось непонятное: дзинь-дзинь-дзинь... Шлеп...

— Здравствуйте, ваше величество, — робко сказал писарь.

— Привет! — ответил Кощей, нервно постукивая пальцами по стенке. — Убери-ка эту штуку, и так все видно.

Писарь задул пламя, и в темноте глаза Кощея зловещно засветились.

— Так я тебя слушаю.

Казалось, Кощей очень занят и может уделить Чумичке две минуты, не больше.

— Я пришел предложить вам престол нашего государства! — робко сказал писарь.

— Так, так, — застучал пальцами Кощей. — Престол — это хорошо. А что ваш царь? Макар, кажется?

— А царь собирается нас бросить. В деревню уехать.

— Ну что же. Там ему самое место. Макары должны гонять телят!

— Ах, как вы здорово сказали! — воскликнул Чумичка. — Можно, я запишу это в книжечку? Чтобы не забыть.

— Я вижу, ты неплохо соображаешь, — сказал Кощей. — А кто ты по должности?

— Писарь, ваше величество, я просто писарь Чумичка.
— Отныне ты не писарь! — сказал Кощей. — Я назначаю тебя своим другом. Первым другом и советником!

— Рад стараться, ваше величество!
— А теперь сними с меня это! — Кощей загремел цепями. — Только смажь меня сначала. А то я такой скрип подниму — вся охрана сбежится!

Чумичка смазал Кощей и взялся пилить цепи на его руках и ногах. Как только он перепил последнюю цепь, Кощей со страшным грохотом рухнул вниз.

— Вот беда! — воскликнул он. — Стоять разучился!

Чумичка попробовал поднять Кощей и почувствовал невероятную тяжесть: Кощей весь был сделан из железа.

— Мне надо выпить двенадцать ведер воды, — сказал Кощей, — тогда ко мне силы вернутся.

Писарь принес пустой хозяйственный мешок, погрузил расхлябанного Кощей и, кряхтя, отправился к ближайшему колодцу.

Глава 8 Царь и Кощей

Была глубокая ночь, но Митя и Баба-яга не спали. Они сидели и смотрели, как яблочко катается по блюдечку. Нередко Баба-яга вскакивала и мелкими шагами пробегала из угла в угол.

— Ох, не успели мы! Ох, не успели предупредить! И что теперь будет?!

— А может, они справятся с Кощеем? — спросил Митя.

— Может, справятся, а может, и не справятся! — начала Баба-яга и снова заглянула в блюдечко.

Над царским дворцом светила луна. Чумичка доставал из колодца воду и подавал Кощею Бессмертному.

Тот все пил и пил. И с каждым глотком становился сильнее и сильнее.

Наконец он выпрямился во весь рост и выпил последнее, двенадцатое ведро.

— А ты молодец, Чумичка! Завтра я подарю тебе эту бадью, доверху наполненную золотом!

— Спасибо, ваше величество! — ответил писарь, а про себя подумал: «Маловата бадеечка! Надо бы подменить. Побольше поставить!»

— А теперь вперед! — скомандовал Кощей. — Мне не терпится надеть царскую корону.

Они прошли мимо спящего стражника к тронному залу. В темноте глаза Кощей светились веселым зеленым светом.

Чумичка попытался зажечь свечу с помощью огнива, но Кощей опередил его. Он щелкнул пальцами, посыпались искры, и свеча загорелась.

— А теперь, Чумичка, принеси мне перо и бумагу и приведи сюда царя.

Писарь ушел. А Кощей сел на трон и надел царскую корону.

Вскоре появился заспанный царь, в халате и шлепанцах.

— Вот что, любезный, — властно сказал Кощей, — сейчас ты возьмешь перо и бумагу и напишешь, что трон, корону и государство уступаешь мне!

— Да ни за что на свете! — заупрямился Макар. — Даже и не подумаю!

— Ваше величество, но вы же все равно собирались уехать в деревню, — вмешался Чумичка.

— Сегодня собрался, а завтра разобрался! — воскликнул царь. — А трон бы я Василисе Премудрой оставил! Или из бояр кому поумнее. Эй, стража, ко мне!

Вошел начальник дворцовой стражи.

— Вот что, десятник, возьми-ка ребят поздоровее и заberi вот этого, который на моем троне! — приказал царь.

— Почему — десятник? — удивился Кощей. — Кто сказал «десятник»? Сотник, ко мне!

— Как — сотник? Разве он сотник? — спросил Макар.

— Нет, конечно, — ответил Кощей. — Неужели он похож на сотника? Такой бравый парень! Тысячник — вот кто он с этой минуты! Тысячник, сюда!

— Тысячник, сюда! — закричал царь.

Удивленный стражник повернулся к царю.

— Миллионский, назад! Да что там миллионский — миллиардский, ко мне шагом марш! — приказал Кощей.

Десятник повернулся на властный голос, четко, по военному промаршировал и встал рядом с Кощеем бессмертным.

Вошел главный царский прислужник Гаврила. Он с удивлением посматривал то на царя, то на Кощея.

— Эй, Гаврила, — обратился к нему царь, — ты за кого? За него или за меня?

— Я за вас, ваше величество.

— Значит, ты против меня? — сурово спросил Кощей.

— Нет, почему же? — сказал Гаврила. — Я, конечно, за него, но я не против вас.

— Ну-ка скажи мне, Гаврила, я тебя кормил? — спросил Макар.

— Кормили, ваше величество.

— Одевал?

— Одевали, ваше величество...

— Так иди ко мне!

— Слушаюсь, ваше величество!

— погоди-ка, Гаврила, — остановил его Кощей. — А ты хочешь, чтобы тебя и дальше кормили?

— Хочу, ваше величество.

— Одевали?

— Хочу, ваше величество.

— Так иди ко мне!

— Слушаюсь, ваше величество!

— Значит, ты, Гаврила, за него? — грустно сказал царь. — Значит, ты против меня?

— Почему? — ответил Гаврила. — Я, конечно, за него. Но и не против вас, ваше величество.

— Ну, а что мы будем делать с царем? — спросил Кощей.

— Казнить бы его надо, ваше величество! — сказал умничка. — Спокойнее будет в государстве.

— А тебе не жалко его? — усмехнулся Кощей.

— Жалко. Еще как жалко! Я ведь его как отца родного любил, пока он царствовал. Но для дела надо!

— А ты как думаешь, миллиардский?

— Как прикажете, ваше величество!

— Умница, светлая голова! Ну так вот что: этого в подвал. — Он кивнул в сторону царя. — Как есть, в

шлепанцах. А всем остальным немедленно спать. Завтра в нашем царстве начнется новая жизнь!

Глава 9
Лиха беда (начало)

На другое утро Баба-яга долго сокрушалась:

— Что же теперь делать? Назад, что ли, возвращаться?

— Нельзя назад, — сказал Митя. — Царя мы не успели предупредить, но, может, хоть Василису Премудрую выручим!

— И то, — согласилась старуха. — Кощей теперь ее со свету сживет. Поехали.

И тут к избушке подбежал запыхавшийся Серый Волк:

— Стойте, стойте! Мне с вами посоветоваться надо!

— Советуйся, да побыстрее, — приказала Баба-яга. — Нам торопиться надобно!

— Понимаете, вон там, за огородами, старушка живет, — начал Волк. — У нее козлик был, такой маленький! Вреднющий! То капусту поест, то белье пожует, то крышу ногами проломяет. И старушка все причитала: «Ах ты, такой-сякой! Да чтоб тебя волки съели!» Вот мы с товарищем одним взяли и... выручили старушку. А она пришла да как заплачет: «Ах ты, мой миленький да серенький! Как же я без тебя жить буду?! Вот возьму и утоплюсь! Только камень найду потяжелыше!» А я Волк добрый. Я же хотел как лучше. Что мне теперь делать? Посоветуйте. Уж больно жалко бабушку!

Баба-яга задумалась.

— И не знаю. И не ведаю, — отвечала она. — И вообще, не до тебя сейчас! У нас у самих забот полон рот. Кощей хочет на царство сесты!

— А можно, я скажу? — попросил Митя.

— Говори!

— Вы вот что сделайте: поймайте зайца обыкновенного или мышку. Можете?

— Могу. А зачем?

— И отнесите к тому озеру, из которого пить нельзя. Выпьешь — козленочком сделаешься!

— Знаю такое.

— И дайте ему попить из озера. Он в козленка и превратится. А козленка отдайте бабушке.

— Ай да мальчик! Ну, спасибо тебе, — обрадовался Илик. — Второй раз ты меня выручаешь. Знаешь что, женьми у меня клок шерсти из за гривка. Я как раз линять начал. Станет тебе плохо — ты его в воздух подбрось. Я крикну и прибегу. Из любой беды тебя выручу!

И он скрылся в поле. А избушка побежала дальше. Митя с Бабой-ягой ехали и смотрели в волшебное блюдечко. Их очень беспокоило, что же происходит в скажочном дворце.

А происходило там вот что.

Солнце дробилось в решетчатых окнах, и в тронном зале было празднично. Кощей Бессмертный, гремя дикпехами, расхаживал посередине зала, а у стены на лавке разместились Чумичка, прислужник Гаврила и миллиардский Никита с огромным двуручным мечом на коленях.

— Сегодня я походил по вашему царству, — говорил Кощей, — посмотрел вокруг и должен сказать, что царство ваше захудалое! Вот, к примеру, войско. Зашел я ночью в казарму. Взял трубу и протрубил тревогу. Что, вы думаете, из этого получилось?

— Что? — спросил Гаврила.

— Ничего. Явились пятеро стрельцов с котелками и ложками. Они, наверное, решили, что будет учебная риздача пищи! Такое войско мне ни к чему! Врагам моим глупое войско! В следующий раз каждого десятого казню! А ну-ка скажите мне, — продолжал Кощей, — какое должно быть войско в государстве?

— Наше, родное, находчивое! — подсказал Гаврила.

Кощей отрицательно покачал головой.

— Нет — и не надо! — быстро согласился прислужник.

— Войско должно быть безжалостное! А потом уже рудное, находчивое и все такое прочее. И мы должны срочно позвать Змея Горыныча, Соловья-разбойника и Кота Баюна. Они мои старые друзья, с ними нам никто не будет страшен!

— Ваше величество, — решился вставить слово Чумичка, — может, нам и Лихо Одноглазое пригласить?

— Зачем? Какой от него прок? — спросил Кощей.

— А мы его будем врагам подсылать. У них в хозяйстве такие неполадки пойдут — только радуйся!

— Хорошо придумал! — согласился Кощей. — Стало быть, и его позовем.

Он снова не торопясь прошелся по залу.

— А теперь вот что. Заглянул тут я в вашу казну — и поразился. Ни замка, ни часового. Не казна, а проходной двор. Да у вас так все золото растащат!

— А наш царь говорил, что людям надо верить! — рискнул сказать Гаврила.

— Да? — обернулся Кощей. — И где теперь ваш царь?

— В подвале сидит.

— Вот то-то!

— Как тонко подмечено! — воскликнул Чумичка. — Я обязательно запишу это в книжечку.

— Приказываю поставить у казны часового! — продолжал Кощей. — И замок врезать, чтобы сам часовой туда не залез. А ключ отдать мне!

— Сделаем, ваше величество!

— И последнее, — сурово сказал Кощей. — Василису Премудрую немедленно взять под стражу! Пусть ковры-самолеты, мечи-кладенцы и луки-самострелы для нас мастерит. Мы с ее помощью все царства соседние завоюем!

— Не будет она, — сказал Гаврила. — Я ее хорошо знаю, нашу матушку.

— Ты меня плохо знаешь! Не будет, так голову снесем!

— Ваше величество, — вмешался Чумичка. — Я этой Василисы и сам опасаясь. Уж больно умна! Так ведь нет ее. Уехала к Лукоморью за живой водой.

— Значит, засаду устроить! Как появится, немедленно схватить! Понял, миллиардский?!

— Так точно!

— А ты, Чумичка, письма напиши немедленно. И рассылай скороходов куда нужно. И Думу собери мне боярскую. Да поживее. Я только потому стал Бессмертным, что никогда не терял ни минуты!

...А на берегу пересохшего пруда за коровником все так же ревели Несмеяна и Фекла. И пруд понемножечку наполнялся.

Глава 10
Лиха беда (продолжение)

Бородатые бояре постепенно заполняли зал.

— Зачем нас собрали? — недоумевали они. — Вчера ночь только Дума была!

— Я только орех дверью расколол, — говорил боярин Чубаров, — мне уж и кричат: «Давай в Думу бегом!» Так и не съел орех-то! Теперь куры клюют!

— А я мед не допил! — огорчился боярин Демидов. — Тетка мне из деревни привезла!

Вошел писарь Чумичка, а с ним вооруженный до зубов миллиардский со стрельцами.

— Дорогие вы мои бояре, — начал писарь, — ралюбезные наши соколы! Я пришел сообщить вам важную новость. К нам прислали нового царя! И скоро у нас в царстве начнется новая жизнь! Ура, бояре!

— Урра-а-а! — подхватил миллиардский.

— Ура! — неуверенно протянули бояре. — А старого царя куда дели?

— Как — куда? — сам себе объяснил Афонин. — Если нового прислали, значит, старого услали! Верно я говорю?

— Толково, — согласился Чумичка. — Просто и понятно.

— Не хотим нового царя! — вдруг закричал Чубаров. — Отдавайте старого!

— Тоже мне, услали! — поддержал его Демидов. — Кто нас просит? Пришлите обратно!

— Тихо, бояре! — неожиданно раздался властный голос. И в зал, гремя доспехами, вступил Кощей Бессмертный. Его зеленые глаза полыхали. — Слушайте меня внимательно, и я вам открою всю правду! — начал он. — Ваш царь уехал в деревню! Отдыхать. Собирать цветочки и ягодки. А перед отъездом он долго просил меня занять его место. И я согласился. Я ваш новый царь! Посмотрите на меня, бояре! Во всем вашем царстве не найдется воина, равного мне! Я самый сильный! Я самый смелый! Я самый бессмертный из вас! Я научу вас плавать! Рубиться на мечах! И вы будете стрелять из лука точно так же, как и я! А ну, подать мне сюда лук и стрелы!

Миллиардский торопливо выполнил приказ.

— Зажгите свечу в конце зала!

Свеча была зажжена. В полном молчании Кощей поднял тяжелый боевой лук и, почти не целясь, выстрелил. Стрела молнией пролетела по залу, погасила свечу и наполовину ушла в стену.

— Ух! — восхищенно вздохнули бояре.

— Ура! — закричали Чумичка и миллиардский.

— Ну что? Берете меня царем?

— А что? Почему бы не взять! — закричали бояре.

— Вот возьмем да и возьмем!

— Пусть поцарствует, раз Макар просил!

— А можно мне стрельнуть? — попросил боярин Морозов.

— И мне, — подхватил его друг Демидов.

— Пожалуйста, — ответил Кощей и кивнул Чумичке.

Писарь бегом пересек зал, выдернул стрелу из стенки и подал бородатым боярам.

Все члены царского совета по очереди стали стрелять. Они шумели. Горячились. Бились об заклад. Бросали шапки оземь. Но все напрасно. Свеча так и догорела до конца, а ее пламя даже ни разу не колыхнулось.

— А мне не надо нового царя! — вдруг заявил боярин Чубаров. — Мне старый больше нравится!

— Я вижу, у меня есть не только сторонники! — спокойно сказал Кощей. — Люблю смелых людей! Эй, Чумичка, принеси с кухни поднос с угольями!

Чумичка выбежал и вскоре вернулся с подносом, полным раскаленных угляй. Кощей взял со стола какие-то бумажки, переломил несколько стрел и бросил на поднос. Вспыхнуло яркое пламя. Он протянул руку и огонь и на глазах у изумленных бояр стал медленно поворачивать ее. Рука раскалялась все больше и больше и наконец засветилась ярким малиновым светом.

— А если я поздороваюсь с тобой вот этой самой рукой? — спросил он у боярина. Чубаров молчал. — Неужели ты не понял, боярин, что мне поперек дороги становиться нельзя?!

Он прошел через зал и приложил раскаленную ладонь к стене. Послышалось шипение, повалил дым. А когда он отнял руку, на дереве остался четкий отпечаток его пятерни.

— Поняли? — спросил Кощей и вышел. И все, кто был в зале: и миллиардский, и Чумичка, и бояре, и стрельцы, —

и они долго молчали. И долго еще у них перед глазами стояла раскаленная рука Кощея Бессмертного. Веселье было испорчено.

Глава 11

Финист — Ясный сокол

Избушка на курьих ножках бежала вперед. Митя с Бабой-ягой все время торопили ее.

— Бабушка, — спрашивал мальчик, — а долго нам еще ехать? Скоро ли?

— Скоро только сказка сказывается! — говорила Баба-яга. — И телятина варится! Я, может, больше твоего ем! Чтобы Василису выручить! Завтра будем там, как вчера.

И вдруг избушка захромала, заскрипела всеми бревнами и зашаталась. Митя с Бабой-ягой чуть не упали на табуреток на пол.

Они вскочили и выбежали на крыльцо.

По дороге, недалеко от избушки, брела странная человеческая фигура. В платье и в то же время в брюках, с длинными седыми волосами — не то мужик, не то баба.

— Эй вы, подвезите меня! — сказала фигура тонким скрипучим голосом. И по голосу тоже было непонятно, что же это — мужчина или женщина?

— Я те подвезу! Я те так подвезу! — отвечала Баба-яга. — А ну сгинь с дороги.

— Боитесь? — захихикало чучело. — И правильно делаете. Меня все боятся! Я бы вашу избушку вмиг преворотило на бревнышки. Да ничего, мы еще встретимся. От меня еще никто не уходил! Мерзавчики!

И избушку тряхнуло еще раз. И в ней что-то даже загремело и зазвенело.

— Кто это? — спросил Митя, когда странная фигура уталясь далеко позади.

— Это Лихо Одноглазое. Чтоб его сосной придавило! Где оно появится, там добра не жди. По мостику пройдет — мостик развалится. В доме переночует — все, конец! И драки там начинаются, и ссоры. И крыша проваливается. Даже

коровы бесятся! От этого Лиха все беды в нашем царстве идут!

Митя бросился в избушку:

— Бабушка, поди сюда!

Баба-яга вошла следом и ахнула — на полу из угла в угол перекатывалось яблочко. А вслед за ним скользили осколки разбитого блюдечка.

Баба-яга с Митей уже не могли видеть, что делалось в столице.

...А в это время к терему Василисы подошли стрельцы во главе с Чумичкой:

— Отворяйте немедленно! По приказу Кощея Бессмертного!

В дверь барабанили мощные кулаки. Но дядюшка Домовой и не думал открывать. Он схватил с лавки новую шапку-невидимку, надел ее и пропал. Как раз вовремя! Дверь распахнулась, и в мастерскую ввалились дюжие стрельцы.

— Здесь он! Своими глазами видел! — кричал писарь Чумичка. — Здесь где-то прячется!

Стрельцы рассыпались по комнате. Они заглядывали в печку, под лавку, в чулан, но никого не находили.

Чумичка суетился вместе со всеми. А если замечал какую-нибудь интересную вещицу, он незаметно совал ее в карман. Это все больше сердило Домового. Вот писарь сунул за пазуху кошелек-самотряс. И дядюшка не выдержал:

— Эй ты, грамотей! Положи на место!

— Кто «грамотей»? Как «грамотей»? — заговорил Чумичка, оглядываясь. Но кошелек не выложил.

— Ты, грамотей, и есть грамотей! — сказал Домовой. — Положи, кому говорят. А то как тресну!

— Кто «тресну»? Кого «тресну»? — переспросил Чумичка. Он заглядывал во все уголки мастерской. А стрельцы не обращали внимания на их разговор.

Вот писарь оказался рядом с Домовым, и дядюшка Домовой со всех сил стукнул его по затылку.

— Держи его! Хватай! — заголосил Чумичка. — Вот он!

Стрельцы столпились вокруг. В суматохе кто-то смахнул с Домового шапку. Он потащил ее к себе — стрельцы не отдавали. Шапка затрещала и разорвалась.

— Попался, голубчик! — торжествующе закричал писарь. — Вяжите его!

Дядюшку связали и с невкусным кухонным полотенцем к рту положили на лавку, а потом оставили одного.

Вот послышался хрустальный перезвон. К терему нархом на коне подъехала Василиса Премудрая. Она соскочила на землю, отвязала от седла два глиняных кувшина и свистнула. Конь заржал и ускакал куда-то в поля. А Василиса открыла калитку.

Сразу, как из-под земли, выросли четверо стрельцов.

— Это что за почетный караул? — удивилась Василиса.

— Это не караул, — сумрачно проговорил старший. — Это тебя взять под стражу велено.

— Кем велено?

— Кошчем Бессмертным.

— Вот как! А где же Макар? Что с ним? — спросила Василиса.

— Не знаю, — сказал стрелец. — И разговаривать мне с тобой запрещено!

— А ты не боишься меня под стражей держать?!

— Может, и боюсь. Да только мне голову отрубят, как я приказа не выполню.

Василиса Премудрая вошла в терем и увидела на лавке связанного по рукам и ногам Домового. Она развязала его и дала живой воды из кувшина.

— А ну сказывай, дядюшка, зачем тебя так перовязали? Или отправить куда назначили?

— Да нет, матушка, не назначили, — отвечал Домовой. — Это я тебя предупредить хотел, что беда. Знаки разные раскладывал. Вот Чумичка и велел меня связать.

Дядюшка рассказал Василисе, как Чумичка выведал у него про Кощея Бессмертного. Как Кощей говорил в Думе боярами. И как он объявил, что царь Макар в деревню отправился.

— Врет он все, — сказала Василиса. — Никуда Макар не уезжал. Не иначе как в подвале прикованный сидит.

И тут в дверь постучали.

— Матушка Василиса, — раздался голос Чумички, — иды на минуточку. Дело есть.

— Что такое? — спросила Василиса, выходя на крыльцо.

Писарь протянул ей записку:

— Приказ тебе пришел от Кощея Бессмертного.

— Он уже мне и приказывает, — сказала Василиса. — Чего же хочет его бессмертное величество?

Она развернула бумажку и прочла:

**ВАСИЛИСЕ ПРЕМУДРОЙ ОТ КОЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО.
ПРИКАЗ**

**ПРИКАЗЫВАЮ ТЕБЕ, ВАСИЛИСА, СРОЧНО ИЗОБРЕ
СТИ И ИЗГОТОВИТЬ:**

1. ЛУКОВ-САМОСТРЕЛОВ — 200

2. КОВРОВ-САМОЛЕТОВ — 100

3. ШАПОК-НЕВИДИМОК — 1

4. МЕЧЕЙ-КЛАДЕНЦОВ — 50

**СРОКУ ДАЕТСЯ ТРИ ДНЯ И ТРИ НОЧИ. А НЕ
ВЫПОЛНИШЬ ТЫ ПРИКАЗА, МОЙ МЕЧ — ТВОЯ ГОЛОВА
С ПЛЕЧ.**

КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ.

— Ай да письмо! — сказала Василиса. — Ну, а зачем ему все это понадобилось?

— Не знаю, матушка, не знаю, — засуетился писарь. — Может, он на охоту собрался? Сейчас ведь утки летят. Охота самая! Сел себе на ковер. Лети и стреляй!

— А мечи ему для хозяйства нужны, — поддержала Василиса. — Капусту рубить. Сейчас ведь капуста самая! Сел себе и смотри, как она рубится! Так вот передай, что я ему не помощница. Мечами не капусту, а головы людям рубят! Пусть он такие приказы своим бабушкам рассылает!

— Мое дело сторона! — ответил писарь. — Мое дело — приказ передать!

И он ушел. А стрельцы с обнаженными мечами остались охранять синий терем.

— Дядюшка Домовой, приготовь-ка мне крепкого чаю, — сказала Василиса помощнику. — Я подумать должна.

И она сидела и думала. И лишь иногда ходила из угла в угол. И тогда в доме звенели хрустальные колоколь-чики.

Вот Василиса вышла на крыльцо, вынула из кармана носовой платок и взмахнула им. Из платка выпало серое соколиное перышко и стало кружиться в воздухе. А в небе

появился сокол. Вот он ударился о землю и превратился в добра молодца, Финиста — Ясна сокола.

— Здравствуй, Василиса Премудрая! Зачем ты меня мучила — мед пить али врагов рубить?

— Не до меда сейчас! — отвечала Василиса. — Хмель шумит — ум молчит! Есть у меня к тебе поручение.

— Сказывай, — попросил Финист. — Любое выполню!

— Сейчас полетишь к Лукоморью. Там дерево найдешь огромное. На дереве сундук спрятан. В сундуке — медведь. В медведе — заяц. А в зайце этом должна быть смерть Кощея. Ее мне и принесешь сюда.

— Хорошо, — отвечал молодец. — Жди меня завтра к полудню!

Он снова обратился соколом и полетел в синее небо.

— Василиса Афанасьевна, а откуда ты про смерть Кощееву знаешь? — удивился Домовой. — Или сказывал тебе кто?

— Никто не сказывал. Сама догадалась.

— А как?

— Очень просто, дядюшка. Ведь он, Кощей, свою смерть должен беречь как самое дорогое. Как золото и камни драгоценные. А где их обычно хранят?

— В сундуках!

— Значит, смерть Кощея в сундуке. Но Кощей хитрый. Он понимает, что сундук будут искать в земле. И он спрячет его там, где никто не догадается.

— На дереве? — сообразил дядюшка.

— На дереве, — подтвердила Василиса. — Все будут думать, что дерево в лесу. А Кощей выберет дерево подальше от леса. Где?

— У Лукоморья, — сказал Домовой.

— Верно. Молодец, дядюшка.

— Но откуда ты, матушка, про медведя знаешь? И про зайца?

— И это просто. Смерть Кощея должен кто-то охранять. Людям Кощей не доверяет. Значит, это зверь. Скорее всего, медведь. Он самый сильный у нас.

— ен в сундуке и спать может, — добавил Домовой.

— Но медведь — зверь неповоротливый и неловкий, — сказала Василиса. — А нужен тот, кто в крайнем случае мог бы убежать. Например, заяц. Понял теперь?

— Теперь понял, — закивал головой дядюшка. — Теперь ясно все.

— Только я вот чего боюсь, — продолжала Василиса, — как бы в этом зайце птицы какой не было. Или мыши. Ну да ладно уж. Финист там на месте разберется что к чему!

— Ну и светлая голова у тебя, матушка! — восхитился Домовой. — Уж сколько лет я с тобой работаю, а каждый раз удивляюсь!

Им оставалось только ждать.

Глава 12 Змей Горыныч

На огромной площади за коровником горели костры, толпился народ и играла музыка. Ждали прилета Змея Горыныча.

— Вон он летит, — сказал Кощей боярам и писарю Чумичке. — Видите?

— Где? Где? — засуетились бояре. Все они были с мечами, потому что после прилета Горыныча были назначены военные учения.

— Вон там, — протянул руку Кощей. — Прямо над лесом!

Однако прошло полчаса, прежде чем бояре заметили в небе маленькую черную точку.

Змей летел быстро и бесшумно. Вот он выставил вперед лапы и приземлился, прочертив по полю две глубокие черные борозды.

— Ура! — прокричал Кощей.

Но никто его не поддержал. Бояр не было. Исчезли.

Наконец из какой-то ямки выбрался боярин Афонин:

— А он нас не съест?

— Нет, — ответил Кощей. — Он добрый. Верно, Горыныч?

Трехголовый Змей зашевелился.

— Верно, — сказала одна его голова.

— Конечно, — поддержала другая. А третья ничего не сказала, а только улыбнулась: мол, как же может быть иначе?

— А можно его погладить? — попросил Чубаров.

— Можно, — разрешил Кощей.

Бояре постепенно выбирались из канавы.

— А он нас не покатает? — спросил боярин Демидов.

— Сейчас узнаю. Покатаешь их, Горынушка?

— Могу, — ответил Змей.

И бояре гурьбой стали взбираться ему на спину. Они рассаживались поудобнее, крепко держась друг за друга.

Змей разбежался, взмахнул крыльями и медленно полетел над дворцом.

— Ура! — дружно кричали бояре. — Ура!

Но потом они быстро смолкли, потому что Змей полетел слишком высоко.

Вот он сделал два круга над царскими угодьями и снова приземлился. Притихшие бояре горохом посыпались на асфальт.

— Спасибо, Горыныч, — сказал Кощей. — А теперь устраивайся. Видишь, коровник у пруда? Там будешь жить... Эй, Гаврила, все готово в коровнике?

— Все, ваше величество.

— Тогда накорми гостя, напои и спать уложи. Он, наверное, устал с дороги. Да смотри корми получше! Тебе же спокойнее будет, понял?

— Как не понять? Понимаю, — грустно ответил Гаврила.

— А мы с боярами пойдем ратное дело изучать.

— А что? Пойдем! — согласились бояре. — Раз велят!

Военные учения начались.

Вечерело, когда к царскому дворцу подъехала телега, запряженная серой лошастью. В телеге сидел Кот. Огромный черный Кот с белой звездочкой на груди и со страшными стальными когтями. Из глаз Кота били снопы яркого желтого света.

Он спрыгнул с телеги и начал подниматься на крыльцо. Дорогу ему преградили два стрельца:

— А ну, брысь отсюда!

Кот молча направил на них желтые глаза. Пучки света сузились, и стрельцы стали зевать. Медленно-медленно они опустили на крыльцо и как по команде заснули богатырским сном.

Кот перешагнул через них и вошел во дворец.

Глава 13
Скатерть-самобранка

По дороге к сказочной столице брело Одноглазое Лихо. Брело оно по приглашению Кошца Бессмертного. И там, где оно проходило, цветы вяли и погода портилась. Позади Лиха ехал мужик на телеге.

— Эй, мужик, — сказало Лихо, — а ну, подвези меня!

— Садись, — ответил мужик. — Жалко, что ли?

Лихо уселось позади мужика. Тотчас внизу что-то хрустнуло, и одно колесо отвалилось.

— Вот беда какая! — заохал мужик. — Совсем новое колесо!

А Лихо тихонечко захихикало.

Мужик соскочил с подводы, вынул из-под сена топор и начал постукивать по оси. Размахнулся раз, другой — и как трахнул себя по пальцу!

Лихо засмеялось громче и слезло на дорогу.

— А, чтоб тебя! — разозлился мужик.

Он схватил кнут, размахнулся, хотел ударить Лихо — и неожиданно попал по лошадям. Лошади заржали, сорвались с места и понесли трехколесную телегу прямо через овсяное поле. Тут-то Лихо засмеялось в голос.

— Ну, я тебе покажу! — рассвирепел мужик. И, размахивая кнутом, он пустился бежать за Лихом.

А оно, подобрав полы платья, помчалось во всю прыть. Вот Лихо перескочило через маленький деревянный мостик над рекой, и он сразу развалился. Бедный мужик прямо с берега бултыхнулся в речку.

— Что, съел? Дурак толстопузый! — кричало Лихо с того берега. — Я тебе еще покажу! Балда деревенская!

И Лихо ушло. А мокрый мужик еще долго ходил по берегу и плевался в разные стороны.

Потом, подобрав колесо, он отправился на поиски убежавшей телеги.

Через полчаса к этому же мостику подъехали Митя и Баба-яга.

— Э-ге-ге! — сказала старуха. — Да, никак, тут Лихо побывало! Весь мост переломан.

— Бабушка, — удивился Митя, — а как же оно могло раньше нас побывать? Мы же обогнали его.

— Оно такое. Где хочет, там и появляется. И спереди, и сзади, и еще в пяти местах, — отвечала старуха. — А избушке здесь не проехать!

— Значит, пешком пойдем, — сказал Митя. Они стали выносить из дома то, что могло им пригодиться в дороге. Баба-яга выкатила ступу, положила в нее одеяло и теплый платок. Осколки блюдечка она завернула в тряпицу и сунула за пазуху. А Митя взял с собой только блок шерсти, что дал ему Серый Волк. Ничего другого у Мити не было.

Они в последний раз осмотрели избушку, и мальчик заметил маленький лоскуток на окне. Тот самый, который Баба-яга отняла у Соловья-разбойника. Митя стал его рассматривать.

В самом углу было вышито: «Скатерть-с...»

— Бабушка! — закричал мальчик. — Это же кусок скатерти-самобранки!

— И то верно! — согласилась старуха.

— Ну-ка, скатерть, дай нам чего-нибудь поесть! — приказал Митя.

— Каши с молоком! — добавила Баба-яга.

Лоскуток свернулся. А когда он развернулся, на нем лежали кусочки черного хлеба и солонка с солью.

— Эй, а каша? — сказала Баба-яга.

Но больше ничего не появилось.

— Обленилась, — решила старуха.

— Может, это тот угол скатерти, на котором хлеб лежит, — проговорил Митя. — А каша в серединке ставится.

— А чай где стоит?

— Не знаю, бабушка. Но мы сейчас по-другому попробуем. Митя, скатерть, — сказал он, — хотим, чтоб хлеб был с маслом!

— И с колбасой! — вставила Баба-яга. Лоскуток свернулся и развернулся опять. В этот раз хлеб уже был намазан маслом, а сверху лежала колбаса.

— Теперь дело другое! — сказала старуха. Потом Баба-яга повесила на двери избушки замок и приказала ей: — Иди к лесу и жди нас там! Да смотри без дела не разгуливай! И посторонних не пускай!

Избушка завздыхала, запыхтела и с неохотой направилась к лесу.

Позади у путешественников была длинная дорога, а впереди — мостик. Где-то уже недалеко, за мостиком, лежал стольный город.

И Митя с Бабой-ягой пошли туда.

— Эй, вы! — подбежал к ним какой-то человек в красных сапогах. — Вы Соловья-разбойника не видели?

— А что? — спросила Баба-яга.

— Письмо ему передать велено. Кощей его в помощники зовет. Нет его на этой дороге?

— Нет его на этой дороге, — ответил Митя.

— И никогда не было! — подхватила старуха.

Скороход задумался:

— Куда ж мне теперь бежать?

— А вы бегите в другую сторону, дяденька.

— Верно. Беги, милоч, туда! — сказала Баба-яга.

— Только и остается, — согласился скороход. — Вот так всю жизнь и бегаю туда-сюда, сюда-туда! Жёну полгода не видел!

Глава 14 Сума, дай ума

Не выполнил Финист — Ясный сокол поручения Василисы Премудрой.

— Я сделал все, как велено, — рассказывал он на следующий день. — Отыскал дуб у Лукоморья, а на нем сундук, про который ты сказывала. Обернулся я добрым молодцом, стал ветки раскачивать. Сундук упал — и вдребезги! Из него медведь выскочил — и бежать! Я и медведя шапкой! Сбил его с ног, смотрю, что дальше будет.

— И что было? — спросил Домовой.

— Из медведя заяц выскочил. И по полям. Я в зайца рукавицей кинул. Подбил его. Из зайца утка вылетела. Что, думаю, за напасть? Оборотился я соколом — и за ней! Ударил утку, а из нее яйцо вывалилось! Я за яйцом. Долбанул его клювом. Ну, думаю, все — выполнил поручение. Ан нет. Из яйца иголка выпала — и вниз. Прямо в стог сена. Искал я, искал — не вижу иголки. Там и осталась она в стогу. Ты уж не сердись, Василиса!

Василиса Премудрая задумалась:

— Обидно, что так вышло. Ну что же, Финист, облети всех богатырей наших. Скажи им — беда пришла. Всем нам несдобровать: Кощей на трон сел. Воевать с ним надо.

— Понял.

— Пусть каждый дружину возьмет. И пусть подойдут все к Плещееву озеру.

— А как ты сама, Василиса? — спросил богатырь. — Может, мне сначала тебя вызволить?

— О себе я сама позабочусь. Ну, прощай.

Финист снова превратился в сокола и вылетел в окно, так никем из Кощейевой охраны и не замеченный.

А через полчаса из терема Василисы Премудрой вышла древняя, согнутая старушка.

— Ты это куда, бабка? — забеспокоились стрельцы. — А ну, назад!

— Так мне ж на рынок нужно! Овощей к обеду купить. И кормить Василисушку, — отвечала старушка.

— Выпускать никого не велено! — уперлись стрельцы. — Только впускать.

— Вам же хуже будет, как умрет она с голоду! — пригрозила бабка.

Чисовые почесали в затылке.

— Ладно, — сказал один из них, — постой пока тут, а я и Чумичкой сбегаю.

Чумичка в это время крутился на берегу пересохшего пруда.

Там сидели и плакали Несмеяна с Феклой.

— Все плачете, Несмеяна Макаровна?

— Плачу-у. А что?

А ничего. Плачьте, плачьте на здоровье. Я вам помочь не стану. Только напрасно вы стараетесь!

— Это почему?

А так, — ответил Чумичка. Заложив руки за спину, он медленно пошел вокруг пруда.

— Ты чего говоришь? — закричала Несмеяна. — Нам жарету дадут!

Да! — поддержала Фекла.

— Ничего вам не дадут! — отвечал Чумичка, обойдя весь пруд кругом.

Как — не дадут? Ведь батюшка обещал!

— Да? А где теперь ваш батюшка?

— Где?

— Не знаю где. Вот где. Подите и сами узнайте.

— Как же я пойду? Я плакать должна.

— А как хотите!

— Слушай, ты уж поплачь за меня. А я во дворец сбегаю, — сказала царевна.

— Не-е, — возразил Чумичка, — мне теперь плакать не хочется. Я раньше плакал. Вы уж сами, Несмеяна Макаровна. Без меня уж!

Тут к нему подбежал стрелец и что-то сказал на ухо.

И писарь быстро ушел.

— Что делать? — спросила Несмеяна у Феклы. — Что он такое наговорил?

— Не знаю.

— И я не знаю.

— Может, доплакать сначала? Уж немного осталось.

— Давай доплачем, — согласилась Несмеяна.

...А Чумичка подходил уже к синему терему.

— Ты откуда это, бабка, взялась? Чего это я тебя раньше не видел? — нахально спросил он.

— А я всегда на печи лежала, — отвечала старушка. — Я оттуда не слезила.

— Чего же теперь вылезла?

— Вот пришлось. Вы же внучку мою не пускаете.

— А что это у тебя за сумка такая? Где взяла?

— Сумка как сумка. Обыкновенная, хозяйственная. Мне ее Василиса подарила.

— У Василисы Премудрой ничего обычного не бывает! — возразил Чумичка. — У нее все вещи волшебные. А ну давай сюда!

— А ведь ты прав, милоч. Эта сумка и в самом деле волшебная. Ты ей скажи: «Сума, дай ума!» — и она тебе даст, поприбавит ума. Сразу поумнеешь!

И она пошла, опираясь на тяжелую суковатую палку. Палка эта чем-то Чумичке была знакома. Где-то он ее видел? А вот где — писарь никак не мог вспомнить!

Старушка отошла в сторону, достала из кармана красное яблоко и стала есть. Она ела и становилась все моложе и моложе.

И вот уже перед изумленными стрельцами и Чумичкой вместо старушки стояла Василиса Премудрая.

— Держи! — заорал Чумичка. — Хватай ее немедленно! Не тут-то было! Василиса свистнула, и словно из-под земли вырос конь. Только ее и видели.

Чумичка перепугался:

— Что же делать? Сказать Кощею — убьет! Не ска-
зать — тоже убьет! — Он вспомнил про волшебную сумку: — А ну, сума, дай ума! Да побыстрее!

Из сумки выскочили два дюжих молодца.

— Это тебе надо дать ума? — спросили они в один голос.

— Да, мне.

Молодцы подскочили к писарю и принялись оккиживать его огромными кулаками.

— Караул! — кричал Чумичка истошным голосом. — Убивают!

— Не убиваем, а ума вкладываем! — степенно отвечали молодцы.

Писарь бросился к Кощею Бессмертному.

— Вы кто такие? — сурово спросил Кощей, когда все трое прибежали к нему.

— Мы — двое из сумы! — отвечали молодцы, продолжая шмыгивать Чумичку.

— А ну назад в сумку! — приказал Кощей.

И молодцы выполнили приказание.

— Батюшка Кощей! — закричал писарь. — Василиса Премудрая сбежала! Обманула меня, проклятая! Провела!

Глаза Кощей из зеленых стали красными:

— Знаешь ли, что ты наделал, дурень?! Она же теперь войско против нас соберет. Да Макара освободит. Что ты тогда запоешь?!

— А может, нам Макара убрать? — предложил писарь. — Им и освободить некого будет. А?

— Придется. Другого выхода нет. Ну ладно, писарь, на первый раз я тебя прощаю. И на второй прощу. А на третий молодцы не жди. В порошок сотру!

— Слушаю, ваше величество. Можно, я запишу это в книжечку?

— Хоть на носу заруби! — ответил Кощей.

По городу Баба-яга с Митей пробирались закоулочками. Неизвестно, что за порядки в столице. Но так же, видно, думали и другие путники. И в закоулочках было больше народу, чем на главных улицах.

Никто из прохожих не удивлялся, заметив Бабу-ягу и ступе. А многие здоровались с ней.

— Что, погостить приехали?

— Погостить.

— Понятно. А это кто? Внушек ваш будет?

— Правнучек. Племянчатый.

— Хорошенький мальчик. Рыжий.

Митя с интересом смотрел по сторонам. Дома были невысокие. Около каждого дома — сад. И вообще город был больше похож на большую деревню. Только он был праздничный и яркий. Наличники на домах были разукрашены. И небо было в два раза синее. И коровы и два раза коричневое. И все прохожие были красавицами и красавцами.

Митя очень долго рассматривал царский дворец. Потом они с Бабой-Ягой пошли дальше.

А как только они отошли от дворца, к ним подъехали телега с двумя плечистыми мужиками.

— Эй, парень, — спросили мужики у стрельца, — где тут Соловьев принимают, разбойников?

— Сейчас узнаю, — сказал стрелец и скрылся за дверь.

Вскоре он вернулся с Чумичкой.

— Вот, — сказали мужики, — привезли разбойника. Где его тут сдавать?

— Что вы наделали?! — закричал писарь. — Да как вы посмели лучшего друга нашего Кощея связанного и телегах возить? А ну развяжите его!

— Эва, как получилось! — говорил один мужик другому.

— Кто же знал, что он друг-то?! — соглашался второй. — Коли он бандит настоящий!

— Убирайтесь, пока целы! — приказал Чумичка. Он взял ошалелого Соловья под руку и торжественно ввел его во дворец.

Митя с Бабой-ягой в это время уже были возле синего герма. Они долго стучали, пока к ним не вышел дядюшка Домовой.

-- Ето кто? Ето кто там пришел? — спросил он, приглядывая гостей сквозь калитку.

— Ето мы, — передразнила Баба-яга. — Вот кто. Не узнал, что ли?

— Теперь узнал! — радостно заговорил Домовой. — Теперь вижу! Проходи, голубушка! Давно тебя не было. А мальчик этот чей?

— Со мною мальчик. Со мною. Давай отпирай ворота!

Дядюшка заскрипел калиткой:

- Сейчас, сейчас. Стало быть, это внучек будет?

— Правнучек. Племянчатый.

— Хорошенький мальчик. Рыжий.

Они прошли в дом.

— А Василиса где? — спросила Баба-яга.

-- Нет Василисы. Убегла, — отвечал дядюшка. — Ийско на Кощея собирать. А я вот дом стерегу.

А ну рассказывай, что тут у вас делается? — потребовала старуха. — Да потолковее!

— Сейчас, сейчас. Я только чай соображу. Мы тут с Василисой Афанасьевной одну штуку придумали. Волшебную. Сама чай варит. Сама молоко кипятит. Все сама делает. Самовар называется.

И дядюшка рассказал, что у них произошло. И как прилетел Змей Горыныч и катал бояр. И про Кота Баюна. И про то, как убежала Василиса Премудрая. А чай тем временем остывал.

-- А где сейчас тетя Василиса? Что она делает? — спросил Митя.

-- Не знаю, — ответил Домовой. — Вот кабы у меня было волшебное блюдечко, я бы все видел. Так ведь нет его!

-- Есть-то оно есть, только разбито, — сказала Баба-яга.

— Из-за Лиха Одноглазого, — добавил Митя.

— Так это склеить можно! — обрадовался Домовой. — Ты мы мигом. Мы же этому обучены. А ну давай сюда!

Баба-яга подала ему осколки блюдечка, и Домовой принялся за работу. Сам он был маленький, а руки у

него — большие и красные. В них легко мог спрятаться целый рубанок. Но этими руками он умел делать все. Через полчаса блюдечко стало как новое. Дядюшка вытер его чистым кухонным полотенцем и поставил на стол. Потом он тихонько запустил в него наливное яблочко.

И все увидели поля, дороги, реки и леса. А потом появилось огромное Плещеево озеро.

Там, где в озеро впадала речушка, стоял шатер. К шатру один за другим подъезжали богатыри со своими дружинами. Навстречу им выходила Василиса Премудрая и каждому кланялась в пояс.

— Спасибо тебе, Иван — коровий сын, что приехал нас из беды выручать. И тебе спасибо, Иван-царевич.

— Чего там! — смутились богатыри. — Надо — значит, сделаем.

Всадники все прибывали и прибывали. Потом подъехал Емелюшка-дурачок на своей самоходной печи. И стали над ним потешаться.

— Вы поглядите на него! — схватился за бока Иван-царевич. — Воевать приехал на печке!

— Смотри не поджарься там! — кричал смешливый царевич Анисим. — С боку на бок переворачивайся!

— Друг сердечный — таракан запечный! — поддевал Емелю Финист — Ясный сокол.

А самому Емеле было не до смеха. Он был на одном берегу узенькой речки, а все войско — на другом.

Наконец Емеля выбрал место помельче и велел печке идти прямо в воду. И тут послышалось шипение, и в воздух взлетело облако пара. Вода попала в топку. Емеля так и завертелся на печи. А богатыри еще пуще захохотали.

— И что смеетесь, дурни?! — закричал Иван коровий сын. — Он же для вашей пользы приехал! Помочь вам желает!

— Помочь? — удивились богатыри. — Да он же сабли в руках не держал! Разве что кочергу!

— Или ухват!

— А кто вам обед приготовит? Щи там или кашу? Или вы бабушек с собой прихватили? — съехидничал Иван коровий сын.

— Не, — отвечали молодцы, — не прихватили мы бабушек.

— То-то вот!

— А и верно, добры молодцы! — заметила Василиса Премудрая. — Чем смеяться попусту, показали бы силу молодецкую! Вытащили бы печку из реки!

Тут же четыре богатыря, четыре юных царевича — Иван-царевич, Степан-царевич, Афанасий-царевич и царевич Анисим — соскочили с коней и как были, в доспехах, вошли в реку.

(Они наклонились, подхватили печь и легко, словно перышко, вынесли на крутой берег.

— Ты уж не обижайся, Емелюшка! Не со зла мы!

— Да ну чего уж там! Да ничего уж! — застеснялся Емеля. — Подумаешь!

И он стал подкидывать в печку сухие березовые коленья.

Тут Баба-яга сняла с гвоздика чистое полотенце и накрыла волшебное блюдечко.

— Почему, бабушка? — спросил Митя.

— По кочану. Спать ложись. Завтра досмотришь, — ответила старуха.

Сколько Митя ни упрасивал ее, она заставила его лечь на лавке у окна и укутала теплым одеялом.

Глава 16 Молочная река

Рано утром в дверь синего терема постучали. Заспанный Домовой ворча пошел открывать.

Через минуту он вернулся с каким-то листком бумаги.

Что там? Кто пожаловал? — спросила Баба-яга.

— Гаврила пришел — слуга царский, — ответил Домовой, горячо рассматривая листок. — Приказ ему принесли от Мицки Бессмертного. А он неграмотный. Прочесть просит.

— Так прочти ему.

Не могу. Я ведь тоже грамоте не обученный! Что могу — спаять, починить, разобрать чего. А грамота

у меня в голове не держится. Сколько со мной Василиса ни мучилась, все без толку! А ты как сама, можешь читать, случаем?

— Нашел барыню! — сердито сказала Баба-яга. — Делать мне было нечего, только буквы учить. Пласные, согласные. А и Б сидели на трубе.

— А может, я прочту? — спросил Митя.

— А ты выучен?

— Я же в школу хожу!

Домовой недоверчиво протянул мальчику листок. Митя развернул его и прочитал:

ПРИСЛУЖНИКУ ГАВРИЛЕ.

*ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА НЕ КОРМИТЬ, НЕ ПОИТЬ, ЧТОБ
ЗЛЕЕ БЫЛ. В ОБЕД ДАДИМ ЕМУ МАКАРА НА СЪЕДЕНИЕ.
КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ.*

Баба-яга ахнула:

— Беднягу Макара — да на съедение этому чучелу, трехголовому да лупоглазому!

Домовой предостерегающе посмотрел на нее.

— Самому замечательному! Быстрокрылому! — опомнилась Баба-яга.

— А если взять и наоборот сказать? — предложил Митя. — Что Змея Горыныча закормить надо.

— Ну, а потом?

— А потом мы Макара выучим. У меня план есть.

— Попробуем, — сказал Домовой. Он с уважением посмотрел на мальчика и пошел звать Гаврилу. Гаврила долго вытирал ноги и кланялся.

— Да у тебя гости! — сказал он, увидев Бабу-ягу. — А это что, внушек будет? — спросил он про Митю.

— Правнучек. Племянчатый.

— Хорошенький мальчик. Рыжий.

Митя развернул бумажку и прочитал:

*ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА ЗАКОРМИТЬ, ЧТОБ ДОБРЕЕ СТАЛ
ЧТОБЫ НЕ МОГ НИ ЛЕЧЬ, НИ ВСТАТЬ!
КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ!*

— Так и написано?

— Ну да, — сказала Баба-яга. — А как же еще?

— Да где ж я столько коров наберу? — заохал Гаврила. — Для него, для ирода расчудесного?

— А тут не сказано, — ответил Митя.

— Ничего, — подтвердил Домовой.

Гаврила ушел, причитая.

— Ну, что ты придумал? Сказывай, — попросила Баба-яга.

— А вот что. Ты, бабушка, в ступу садись и лети к тому озеру, от которого козленочками становятся. Воды принеси. Мы ее и дадим Горынычу.

— Я тебя одного не оставляю! — возразила старуха. Да и лететь мне тяжело. Устала я.

— А как же быть?

— Не знаю как!

— Ничего, я сбегаю, — сказал Домовой. — У меня много-скороходы на чердаке припрятаны.

— Вот и беги! — согласилась Баба-яга.

На том и порешили. И еще решили, что Митя с Бабой-ягой вернутся к избушке и поедут к Плещееву озеру. Здесь оставаться опасно.

В полдень на дороге к коровнику, где жил Змей Горыныч, произошла печальная процессия.

Впереди шел Макар с опущенной головой и в сапожках. По бокам ехали на лошадях двое стрельцов.

Сзади, тоже на коне, сам миллиардский, с обнаженным мечом в руке. У коровника на лавочке сидел прислужник Гаврила и отдыхал.

— Открывай ворота! — приказал миллиардский. — Вот, привели на съедение!

— Нельзя! — забеспокоился Гаврила. — Никак нельзя! Они только что пообедавши! Они трех коров съели! Они минуту могут!

— Ничего не знаю! — ответил миллиардский. — Пообедавши — не пообедавши! Мне какое дело? У меня приказ на руках. Должен съесть, и все тут!

— Ну, если должен, — сказал Гаврила, — тогда другое дело! Вот кабы не должен был! — Он пошел открывать ворота. — А кого есть-то будут?

— Не твое дело! Кого надо, того и будут!

Гаврила внимательно посмотрел на пленника.

— Да никак это царь-батюшка! — вскрикнул он. — Что же это делается? Неужто тебя, милого, на съедение? Этому чучелу! Да чтоб он тобой подавился, наш раззолоченный!

Тем не менее он вынул крючок из гнезда и потянул створку ворот на себя.

— Ну как дела? Как хоть здоровычко, скажите?

— Спасибо, не жалуюсь, — ответил Макар. — Одно мне обидно — прошляпил я царство! Столько людей подвел! А мне верили!

— Заходи. Нечего время терять! — приказал миллиардский. А здоровенный стрелец подтолкнул Макара мечом. И ворота за ним затворились.

— Каких людей теряем! Каких людей! — сказал Гаврила и крепко запер на крючок ворота.

— Куда теперь? — спросил миллиардский.

— Как — куда?

— Ну откуда ты со своим Змеем разговариваешь? Приказ ему надо передать.

— Это сверху. С чердака. Окошко там есть особое.

— Ну, веди!

Стрельцы привязали коней и по крутой приставной лестнице забрались на чердак.

— Эй, ты! Взять его! — закричал миллиардский Змею. — Кощей приказал!

Змей заворочался, закричал, забормотал что-то, но так и не сдвинулся с места.

И тут к коровнику подбежал Домовой.

— Ну, чего у вас там? Не ест? — закричал он стрельцам и Гавриле.

— Ни в какую!

— А я вот воды принес специальной. Для аппетита. Давать ему?

— Давай! — приказал стрелец.

Домовой вошел в коровник и протянул Змею кувшин. Тот запрокинул одну из голов и одним махом выпил всю воду.

И тут началось! Змей зашумел крыльями, зашуршал, как падающий шатер, заходил волнами и стал уменьшаться.

— Бежим! — крикнул Домовой Макару и бросился к воротам. Макар за ним.

Они вскочили на коней. Минута — за клубилась пыль по дороге.

С чердака кубарем скатился миллиардский. За ним — стрельца. Самым последним выскочил Гаврила.

— Бегом к Кощею! — кричал миллиардский. — Положить немедленно!

Вместе со стрельцами он захватил телегу у какого-то мужика и погнал ее в город. А Гаврила заметался в коровнике:

— Что теперь будет? Что будет? Спасайся, кто может!

Он знал, что добра от Кощея ждать ему не приходится. И бросился в лес.

Глава 17 Волшебный платок

— Ваше величество, сбежали! — во весь голос закричал миллиардский, вбегая во дворец.

— Кто сбежал?

— Царь с Домовым сбежали! Сели на коней и уехали!

— Послать за ними Горыныча! — скомандовал Кошй. — Послать немедленно!

Миллиардский побледнел и снял шапку:

— Нет больше Горыныча!

— Как — нет?

— Они из него козленочка сделали.

— Ты что, с ума сошел?!

— Лучше б я с ума сошел, ваше величество. Они ему что-то выпить дали, он и стал козленочком.

— Коня! — вскричал Кошй Бессмертный. — Немедленно коня! Баюна ко мне!

Слуги побежали за Баюном.

И подвели к крыльцу богатырского Кошеева коня.

И все, кто был рядом — миллиардский, Чумичка и Головей-разбойник, — тоже повскакали на коней.

Даже Одноглазое Лихо стгоряча взгромоилось на какую-то клячу. Но лошадь под ним грянулась о сырую землю, и Лихо никуда не поехало.

Последним из дворца выбежал Кот Баюн и вспрыгнул на свою серую лошадь. Его железные когти зловеще серебрились.

И понеслась погоня по дороге.

Еще долго прилетало издали тревожное конское ржание.

— Стой! — сказал в это время Макар Домовому. — Припади-ка к сырой земле да послушай — не гонится ли за нами кто?

Домовой так и сделал.

— Слышу конское ржание! Это Кощей нас догоняет! Но ничего, есть у меня один подарочек. На самый черный день держал. Василиса Премудрая мне его дала.

Домовой вынул из кармана носовой платок и бросил его на землю. Тут же сзади разлилось огромное озеро.

— Вперед!

И снова застучали копыта.

...А к новому озеру уже подъезжал Кощей Бессмертный.

— Всем плыть! — приказал он.

— А как же вы? — спросил Чумичка. — Вы же утонете!

— Всем плыть! — повторил Кощей. — И ждать меня на той стороне! И коня моего возьмите. Баюн его поведет!

Свита подчинилась. А сам Кощей остался на берегу и медленно стал входить в воду. Вот она дошла ему до плеч. Вот скрыла его с головой. Кощей шел по дну.

Кони рассекали воду, а люди плыли рядом, держась за поводья. На противоположном берегу они сгрудились и стали поджидать Кощея. Он вышел из воды весь в водорослях и, не отряхиваясь, вскочил на коня.

Тотчас озеро пропало, словно его и не было.

...А Домовой с Макаром тоже плыли. Они переплывали Молочную реку.

Вот их кони прошли по кисельному берегу и принялись жевать траву.

— Смотри! — Макар показал Домовому на маленькие черные точки на противоположном берегу. — Опять они. Не уйти нам!

Домовой задумался. Потом достал из-за пазухи полкаравая черного хлеба, завернутого в тряпицу, стал отламывать кусочки и бросать на середину реки.

— Как не уйти! Уйдем! От хлеба-то молоко скисает!

Хлеб падал в реку, и там, где он падал, немедленно получались простоквашные завороты.

Их становилось все больше и больше. Река забурлила и заволновалась все сильнее и сильнее! И наконец свершилось — пошел творожный ледоход!

— Этого нам не преодолеть. Ушли, — сказал подошедший Кощей. — Слушай, Баюн, может, усыпишь их?

Кот прищурился:

— Далеко-у!

— Ну, миллиардский! — холодно произнес Кощей. — Ты мне за это ответишь! Связать его!

И Кощей со свитой повернул назад к дворцу.

— Ну, а теперь куда? — спросил Макар, когда Кощей со свитой исчез в зеленых полях.

— Да к Плещееву озеру! — ответил Домовой. — Там все наши собираются.

— Вперед!

И Макар с Домовым поскакали дальше.

Глава 18

Перед битвой на Калиновом мосту

В полдень к дворцу Кощея Бессмертного подскочил боярский:

— Ваше величество, войско на нас идет!

— Какое войско? Откуда?

— Не знаю, ваше величество. Только много их и все на конях!

— Тревога! — прокричал Кощей. — Эй, Чумичка, собери бояр немедленно!

Он прошел в комнату, где хранилось волшебное зеркало.

Ну-ка, зеркало, скажи,

Да всю правду доложи:

Не грозит ли нам беда?

Не идет ли враг сюда?

Как всегда, в зеркале появился парень в белой рубаше. Он по все глаза смотрел на Кощея, но ничего не говорил.

— Отвечай, — приказал Кощей. — Что за войско на нас идет? Кто командует?

— Не буду, — сказал парень.

— Почему?

— Меня Василиса Премудрая не для тебя выдумывала. А для Макара-царя. Чтобы он знал, что в царстве дела ется.

— Для Макара-царя? — усмехнулся Кощей и с размаху ударил рукой по стеклу.

Раздался стон, и зеркало выплеснулось из рамы тысячью маленьких искр.

В Думе уже собирались бородатые озабоченные бояре. Все они были в кольчугах и при мечах.

— Все в сборе? — спросил Кощей. Вместе с ним вошли Чумичка, Кот Баюн, Одноглазое Лихо и Соловей-разбойник с новыми золотыми зубами.

— Все, все! — дружным хором закричали бояре.

— По порядку номеров рассчитайсь!

— Первый! — крикнул боярин Афонин.

— Второй! — закричал Демидов. И так далее, до самого последнего боярина Яковлева.

— Отлично! — сказал Кощей. — А теперь слушайте меня! В нашей стране появился враг. Он хочет уничтожить нас. Ему не нравятся наши порядки. А нам они нравятся. Верно, бояре?

— Верно, ваше величество! — хором отчеканили члены царской Думы.

— Так уничтожим его. Разобьем в пух и прах! — воскликнул Кощей.

— Ура! — закричал Чумичка.

— Ура! — подхватили бояре.

— А что за враг-то? — спросил самый недоверчивый из бояр — боярин Чубаров.

— Да у нас один враг, — разъяснил Чумичка, — Василиса Премудрая, да Макар еще!

Кощей кинул на него предостерегающий взгляд. Но было уже поздно.

— А мне Василиса не враг! — сказал Демидов. Она мне свечку волшебную подарила. Свечку-само свечку!

— А мне Макар не враг! — закричал боярин Морозов. — Он меня на санях катал в детстве!

— И меня! — подхватил Скамейкин.

— А мне удочку подарил.

— А говорили, что царь в деревне! Выходит, наврали. Не пойдем против него воевать!

— Ах так? — сказал Кощей. — Не хотите! Ну-ка, Лихо, научи их немножечко!

— Сейчас! — захихикало Лихо. — Уж я их!

Оно подошло ближе к боярам и стало ласково на них накатываться. И с боярами стали твориться странные вещи: боярин Афонин вскочил и ни с того ни с сего свалился с боярина Скамейкина по макушке. Скамейкин не свалился в долгу. Он вцепился Афониному в бороду, и оба свалились по полу.

У боярина Морозова вдруг подскочила температура и начался насморк. Носового платка у него отроду не было, и он совершенно не знал, что же ему с насморком делать.

Под боярином Качановым проломилась лавка, и он во всех боевых доспехах грохнулся на пол.

Не оказалось ни одного боярина, с кем не приключилась бы какая-нибудь беда. Уж на что боярин Яковлев был осторожен и всегда отходил в сторону, а все равно у него сваливалась одна шишка за другой, появлялся один синяк за другим.

— Ну как? — спросил Кощей. — Пойдете воевать?

Бояре не обращали на него никакого внимания.

— Ты уж меня извини, — говорил Афонин Скамейкину. — Это все Лихо Одноглазое.

А я, думаешь, собирался тебя за бороду таскать? — отвечал Скамейкин. — И в мыслях не было!

— Идете воевать? — еще раз спросил Кощей.

Сам воюй! — ответил ему Чубаров. — Тебе Василиса пока синяков наставит!

А мы тебе не друзья! Обманщик ты! — поддержал Афонин.

— Не хотите — не надо! — сказал Кощей. — Ну-ка, Лихо, усыпи их! Пусть поспят до нашей победы.

Лихо вышел вперед и взглянул сначала на одного боярина, потом на другого. И каждый, на кого он смотрел, тут же свалился на пол и засыпал прямо на месте. Через минуту все бояре спали. Только храп раздавался.

Тут в Думу вбежал Домовой под белым флагом. Он прогнул Кощею письмо. Кощей развернул свиток и прочитал:

КОЩЕЮ БЕССМЕРТНОМУ.

ПРЕДЛАГАЕМ ТЕБЕ ЯВИТЬСЯ С ПОВИННОЮ. ТОГДА
ТЕБЯ, МОЖЕТ, ПОМИЛУЕМ.

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ. МАКАР И БОГАТЫРИ.

— Ну что? — спросил Домовой. — Ответ будет?

— Будет, — сказал Кощей. — Пусть они сами являются.
Тогда я их, может, помилую!

Глава 19

Битва на Калиновом мосту

Митя с Бабой-ягой ехали в избушке на курьих ножках позади богатырского войска. А войско уже приближалось к городу.

Баба-яга строго-настрого запретила Мите выходить из избушки.

Но зато к ним все время приходили гости. Посудачить немного и посмотреть на диковинного мальчика. Такой маленький, а уже умеет читать!

Вот прибежал Домовой в сапогах-скороходах по благодарить Бабу-ягу за чудесное яблочко по блюдечку.

— Спасибо тебе, бабушка, от Ивана — коровьего сына, начальника нашего. Ему теперь все видать, что у Кощей делается. Он ведь, Кощей, что?

— Что? — спрашивала Баба-яга.

— Он ведь, бессовестный, всех мужиков окрестным собрал и воевать заставляет. Кто, говорит, не пойдет, у того семью погублю.

— Дела! — говорила Баба-яга. — Ну, а еще что нового?

— Военный совет идет. Решают, кого против Лихи Одноглазого выпустить. Оно ведь такое — все порти! Против него любой воин никудышным становится. И кони хромать начинают.

А потом пришел Макар:

— Это ты, мальчик, со Змеем штуку выдумал?

— Я, дядя Макар.

— Спасибо тебе. Да говорят, ты еще грамоте обучен. Верно ли?

— Обучен, дядя Макар.

Уже инженер. На первую зарплату сшита пижонская рубашка

Иван Успенский. Мой прадед. Бухгалтер. Вот бы с ним поговорить

В.П.Успенская и М.И.Успенский — мои бабушка и дед. Бабушка из семьи купцов и мукомолов. Дед — железнодорожный рабочий. Имели 7 детей

Мой отец. Сотрудник ЦК ВКП(б)

Моя семья до рождения третьего брата. Мама, Наталья Алексеевна, инженер по ткацкому производству

Я со старшим братом Игорем. Он с бантом и в штанах как старший

1860го года Августа 22го при
рождении сына: Николай
из рожденья 9го Марта.
Смерть брата ивд. Доменики
Евгений, дворянин, д-р. С. пр.
Иеродимъ Васильевъ Серб
кин декарт Гр. д-р. С. пр.
С. пр. С. пр. С. пр. С. пр.
С. пр. С. пр. С. пр. С. пр.
С. пр. С. пр. С. пр. С. пр.
С. пр. С. пр. С. пр. С. пр.
С. пр. С. пр. С. пр. С. пр.

1861го года Сентября 23го при
рождении сына: Иванъ
из рожденья 26го Сентября С. пр.
С. пр. С. пр. С. пр. С. пр.
С. пр. С. пр. С. пр. С. пр.
С. пр. С. пр. С. пр. С. пр.
С. пр. С. пр. С. пр. С. пр.

Первые страницы «Молитвослова», в которых написано —
кто когда родился в нашей семье. На последних
написано — кто когда умер.

1863 года Июня 1го дня по
указу государя Императора
по делу о вдовстве 23го года
Ивана Крестовина Александра
Михайловича Ивана Попова
и сына Александра Ивана
Попова и Ивана Ивана
Крестовина сына Ивана
Крестовина.

Иванов Иван Иованов Иованов

1865 года Июня 15го дня По
указу государя Императора
по делу о вдовстве 23го года
Ивана Крестовина Александра
Михайловича Ивана Попова
и сына Александра Ивана
Попова и Ивана Ивана
Крестовина сына Ивана
Крестовина.

Наша свет-бабушка Вера Петровна. Старший брат Игорь уже пионер, а Юра(над ним) еще даже не октябренок

Моя мать, брат Игорь и Юрий Николаевичи с внуками. Мы все
пожилой

Мой любимый 7-ой класс. Я еще пионер. Остальные уже комсомольцы

10-ый класс во время единого прогуливания урока

Последняя школьная весна. Артур Рожин и Игорь Рейзов
друзья по последней парте

Принятие присяги. С текстом не очень согласен, но спорить не доки

А. Д. Давыдов, в Джанкое на секретном аэродроме. Расстрел учебного врага

Работаю библиотекарем в пионерском лагере. Там же начал
«Дядю Федора». 1968

Ленинградский театр марионеток. Там впервые поставили
«Чибурашку». 1970

Всю жизнь в окружении зверей и птиц

— Иди ко мне писарем вместо Чумички. И жалованье хорошее. И работа неплохая. Легкая.

— Нечего ему в писарях делать! Молод еще! — вмешалась Баба-яга. — Пусть дома сидит, отцу с матерью помогает. А ты чего здесь крутишься? — накинулась она на царя. — Сначала с Кощеем совладай, а потом на работу зови!

Но Макар уже не слушал.

Он смотрел, как два кузнеца на походной кузне-телеге чинили чью-то старую кольчугу.

— И как ты молот держишь! Как держишь? — кричал Макар на молодого кузнеца. — Кто ж так молотом работает? А ну гляди, как надобно!

Он на ходу забрался в телегу и уехал с кузнецами.

Впереди уже показался стольный город. А из города навстречу богатырям выезжал Кощей Бессмертный со свитою.

Баба-яга увидела в стороне высокий холм и велела бабushке там остановиться.

— Все, — сказала она. — Теперь смотреть буду. А послать не буду. Не бабье это дело — воевать!

И Баба-яга с Митей уселись на ступеньках крыльца.

Оба войска сошлись у моста через Молочную реку. Первым от войска Кощеева вышел на мост страшный Соловей-разбойник. С новыми золотыми зубами.

— Эй! — кричал он громким голосом. — Есть у вас храбрец против меня выступить? Выходи вперед!

— А и выйду! — ответил на это Иван — коровий сын. — Мало я на своем веку вашего брата порубливал!

Мост заскрипел и зашатался под тяжестью противников.

Соловей-разбойник сунул два пальца в рот и свистнул страшным посвистом. Даже трава вокруг пожухла. А все черные вороны, что слетелись на битву, попадали с неба мертвые. Но коровий сын даже не дрогнул. Василиса Премудрая заставила его надеть под шлем зимнюю шапку. И соловьиный свист ему страшен не был.

Они сошлись — как две горы съехались. Даже искры посыпались в разные стороны. Соловей-разбойник свистел горюшо, а честный бой вести не умел. Мечом владел плохо. Иван выбил у него меч из рук, поднял разбойника и швырнул под мост, прямо в кисельный берег. Полетели в

разные стороны брызги, и Соловей увяз в киселе по самые уши.

На мост выскочил Кот Баюн и посмотрел на Ивана - коровьего сына своими колдовскими глазами. Как ни крепился Иван, как ни боролся со сном, не устоял. Упал и, беззащитный, заснул прямо на мосту. Кот вскочил к нему на грудь и стал рвать кольчугу стальными когтями.

Несколько всадников с левого берега бросились на помощь богатырю. Но Баюн направил на них свои глаза-фонари, и они попадали с лошадей, словно под кошенные.

Но и это предусмотрела Василиса Премудрая. Она выступила вперед, а в руках у нее было что-то завернутое в тряпку. Из тряпки выскочила волшебная дубинка и полетела к Баюну. Напрасно таращил он глаза. Напрасно рычал и показывал когти. Дубинка подлетела к нему и давай колотить по бокам.

Кот оставил богатыря и бросился под защиту Кошм Бессмертного.

Тут уж Кошм решил выпустить Лихо Одноглазое.

Оно не торопясь прошло мимо дубинки — и дубинки рассыпалась на мелкие щепочки. А Лихо встало на мосту и захихикало.

Четыре юных богатыря — Иван-царевич, Степан-царевич, Афанасий-царевич и царевич Анисим повскакали на коней и полетели вперед.

Но не доехали они и до середины моста, как мост под ними зашатался и рухнул. И все четверо вместе с конями упали в Молочную реку.

— Вот так! — ласково сказала Лихо. — Умнее будете!

Тогда вперед выступил Марышко, Паранов сын Человек виду богатырского. Немало он подвигов совершил на своем веку. Немало злодеев на место постигнул.

— Уж он-то с Лихом разделается! — сказала Митя Баба-яга. — У него все получается! Я его хорошо знаю! Он ко мне сто раз приезжал!

...Марышко вынул боевой лук, вложил тяжелую стрелу и прицелился. Но тетива вдруг дзинькнула и оборвалась. Она хлестнула богатыря по лицу, да так, что на лице у него надолго остался красный след.

Марышко осерчал и захотел швырнуть в Лихо палицей. Но палица вырвалась из рук богатырских и улетела назад, к своему войску. И там несколько всадников замертво попадали наземь.

— Что, съел? — еще ласковой сказало Лихо. — Так тебе и надо, толстопузому.

Тут из войска Василисы вылетел Финист — Ясный сокол.

Он долетел до Лиха, ударился о землю и стал добрым колодцем. Но едва он размахнулся саблей, чтобы снести Лиху голову, крутой берег под ним обвалился, и Финист рухнул в реку.

Лихо Одноглазое засмеялось в голос:

— Где уж вам, богатырям, со мной справиться! Дураки вы все!

И наступило замешательство в войске Василисы Премудрой. А войско Кощеево обрадовалось.

— Нет, — сказала Мите Баба-яга. — Видно, без меня не обойтись! Сейчас я с этим Лихом разделаюсь! Ну-ка, подай ухват потяжелее!

— Подожди, бабушка, — ответил мальчик. — Давай мы другое средство попробуем.

— Какое средство?

— А помнишь, у нас Волк есть знакомый? Серый Волк?

— Помню. И что?

— Понимаешь, он Волк хороший. А когда он к Лиху подойдет, то плохим станет. Ведь Лихо все портит. А если Волк плохим станет, никому несдобровать. Правильно?

— Правильно-то правильно. Да где искать твоего Волка?

— Его не надо искать. Он сейчас сам прибежит.

Митя вытащил из кармана клочок шерсти, который дал ему Серый Волк, и подбросил его кверху. И Волк оказался у крыльца:

— Здравствуй, мальчик. Ты меня звал?

— Звал, Серый Волк.

— Зачем я тебе понадобился?

— Вон видите, — сказал Митя, — на том берегу стоит мужчина в платье?

— Нет, — отвечал Волк. — Я там вижу какую-то женщину в брюках.

— Я про нее и говорю. Ее надо покусать.

— Не могу, — заупрямился Волк. — Пожилая женщина. Даже ничья не бабушка. Неудобно. Может, что-нибудь другое сделать?

— А тебя не спрашивают, кого кусать, кого не кусать! Делай, что велено! — вмешалась Баба-яга.

Волк заколебался:

— Все равно не могу.

— Ну ладно, не можете, не надо, — сказал Митя. — Попугайте тогда.

— Попугать могу, — согласился Волк и побежал.

Он переплыл речку и все ближе начал подбираться к Лиху. А Лихо уставилось на него единственным миленьким глазом.

Только на этот раз колдовство Лиха обернулось против него самого. Чем ближе подбегал Волк, тем злее становился. Шерсть на загривке у него поднялась, глаза засверкали. Он зарычал и даже завыв.

Волк подбежал к Лиху и что было сил вцепился ему в ногу.

— Караул! — закричало Лихо. — Грызут!

И оно пустилось бежать. Кощей сразу понял, что пришла пора самому вмешаться в бой.

— Вперед! — закричал он и ринулся на богатырей.

Стрельцы из его войска поскакали за ним, а мужики из окрестных деревень все как один поскакали в обратную сторону.

Но не успел кощеевский конь сделать и трех шагов, как Одноглазое Лихо, спасаясь от Волка, прыгнуло в седло позади Кощей.

— Сгинь! — закричал Кощей, выхватывая огромный меч.

Он замахнулся на Лихо, чтобы разделаться с ним. Но рукоять у меча отломилась, и лезвие отлетело в сторону.

Безоружный Кощей развернул коня, чтобы ускакать от врагов. Но сейчас и конь подвел. Он захромал и грянулся оземь. Вот что значило Лихо Одноглазое!

Тут на Кощей налетели богатырские конники. Они развеяли его свиту по чистому полю, а самого Кощей связали железными цепями. И ничего не смог сделать Кощей. Потому что исчезла его сила вместе с войском.

— Ваша взяла! — сказал он. — Значит, наше время еще не пришло!

Больше он ничего не говорил.

Глава 20 Послесказка

На этот раз в Боярской думе было тихо. Бородатые бояре спали и не видели, как в зал вошел царь Макар вместе с Василисой Премудрой. Сзади плелся Гаврила.

Эй, вы! Вставайте! — приказал Макар. — Чего спите?

— Нет, не своим сном они спят, — проговорила Василиса Премудрая. — Это все Кота Баюна работа!

— Его самого, — подтвердил Гаврила. — Мне люди говорили.

А ты помалкивай, пустая голова. Я тебя не простил еще!

— Молчу, молчу, царь-батюшка.

— И молчать нечего. А сбегай да принеси сюда петухов десяток. Мы сейчас им побудку устроим!

— Подождите, — сказала Василиса. — Я их мигом приведу.

Она достала склянку с живой водой и побрызгала на бояр. Бояре зашевелились и стали открывать глаза.

Э-ге-ге-ге! — вдруг сказал проснувшийся Афонин. — Да никак, царь пришел!

— Верно! — подхватил Демидов. — И борода, и корона все на месте.

А нам здесь такой сон снился! Такой сон! — возричал боярин Чубаров.

Какой сон? — спросил Макар.

А такой. Что к нам Кощея прислали. Что он Змея Горыныча пригласил.

Да Лихо Одноглазое!

И Кота Баюна.

Вы тут побольше спите, в Думе! — сказала Василиса. — Вам и не такое приснится!

Мы больше не будем! — закричали бояре. — Хватит! Выспались!

— Вот что, бояре, — сказал Макар. — Я пришел вам новость сообщить. Устал я царством править. Хочу в деревню уехать!

— А мы? Мы тоже с тобой! — закричал Чубаров.

— А вы здесь останетесь. Будете Василисе помогать. И ее вместо себя оставить решил.

— Бабу-то? — ахнул Яковлев. Но Морозов дал ему такого тумака, что тот сразу замолчал.

— Как, поцарствуешь, Василиса? — спросил Макар.

— Я бы осталась, — сказала Василиса. — Но как с урожаем быть? Я в этих делах не очень.

Царь подошел к окну:

— А ведь верно! Осень на носу. Только ты и с урожаем справишься. Да и я задержусь, помогу тебе. Дела передам. За боярами присмотрю. Пусть привыкнут и тебе. Идет?

— Что ж! Можно попробовать.

Тут в зал ввалилась радостная Несмеяна. За ней — улыбающаяся Фекла.

— Все, — весело сказала царевна. — Наплакали.

— Что «наплакали»? — удивился Макар.

— Пруд наплакали.

— Какой еще пруд?

— Ну тот. За коровником.

— А кто вас просил?

— Как — кто просил? Ты же сам говорил: как наплачем мы целый пруд — карету дашь!

— Говорил? — спросил Макар у прислужницы.

— Конечно, говорил. Своими ушами слышала.

— Мне сейчас не до вас, — сказал Макар. — У меня урожай на носу.

— А карета?

— Что — карета?

— Дашь?

— Не дам. Сейчас лошади нужны.

— Да дай ты им карету — закричал боярин Афонин.

Пусть отвяжутся!

— Ну вот что! — сурово сказал Макар. — Или вы сейчас же уйдете, или я вас обеих отправлю в деревню сномы вязать.

— А-а-а-а-а! — заревела Несмеяна.

— А-а-а-а! — подхватила Фекла. Но кричали они уже так уверенно. Потом и вовсе ушли.

Воярская дума приступила к работе.

А в это время далеко-далеко, по ту сторону Молочной реки две старушки провожали на станцию рыжего мальчика. Одна из них была Баба-яга, а другая просто бабушка, Глафира Андреевна.

Деревья в лесу начинали желтеть. Мите пора было ехать учиться, и они шли пешком до электрички.

— Ну как? Ты хорошо отдохнул? — спрашивала Глафира Андреевна.

— Хорошо, — отвечал Митя.

— А по хозяйству Егоровне помогал? Или бабушке самой приходилось делать?

— Помогал, помогал, — сказала Баба-яга. Теперь уже не Баба-яга, а бабушка Егоровна. И дальше они шли молча.

— Бабушка, — вдруг спросил Егоровну Митя, — а Змей Горыныч больше не появится?

— Какой еще Змей Горыныч? — удивилась Глафира Андреевна.

Трехголовый. Он чуть Макара не съел!

— Какого Макара? — еще больше удивилась старуха.

— Да так, показалось ему, — неохотно объяснила Егоровна, бывшая Баба-яга.

Видно, ей не хотелось, чтобы в деревне знали про сказочное царство. И Митя больше ничего не спрашивал.

А когда поезд уходил от станции, Митя выскочил в окно и закричал:

— Бабушки! Бабушки! Я на следующий год только к вам, только к вам! Я никуда больше не поеду! Ждите меня!

— Поглядим еще! — пробормотала Баба-яга. — Ты сначала приезжай, а потом и говори!

И они одиноко побрели в сторону от станции. Забот у каждой вдосталь, а годы все-таки немалые.

Про Веру и Анфису

Повесть для малышей

История первая
Откуда Анфиса взялась

В одном городе жила семья —

папа, мама, девочка Вера и бабушка Лариса Леонидовна. Папа и мама были школьными учителями. А Лариса Леонидовна была директором школы, но на пенсии.

Ни в одной стране мира на одного ребенка не приходится столько руководящих педагогических кадров! И девочка Вера должна была стать самой воспитанной в мире. Но она была капризной и непослушной. То цыпленка поймает и начнет пеленать, то соседнего мальчика в песочнице совком треснет так, что совок приходится в ремонт относить.

Поэтому бабушка Лариса Леонидовна всегда была рядом с ней — на короткой дистанции, в один метр. Как будто она телохранитель президента республики.

Папа часто говорил:

— Как я могу чужих детей учить математике, если и своего ребенка воспитать не могу?

Бабушка заступалась:

— Это девочка сейчас капризная. Потому что маленькая. А вырастет — она не будет соседским мальчикам совком бить.

— Она их лопатой лупить начнет, — спорил папа.

Однажды папа шел мимо порта, где корабли стоят. И видит: один иностранный матрос что-то всем прохожим предлагает в прозрачном пакете. А прохожие смотрят, сомневаются, но брать — не берут. Папа заинтересовался и поближе подошел. Матрос ему на чистом английском языке говорит:

— Дорогой господин товарищ, возьмите вот эту живую обезьянку. Ее у нас на корабле все время укачивает. А когда ее укачивает, она всегда что-нибудь шипит.

— А сколько надо будет за нее заплатить? — спросил папа.

— Нисколько не надо. Наоборот, я вам еще и страховой полис дам. Эта обезьянка застрахована. Если с ней что случится — заболеет или потеряется, вам страховая компания за нее целую тысячу долларов заплатит.

Папа с удовольствием взял обезьянку и дал матросу свою визитную карточку. На ней было написано:

МАТВЕЕВ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ, УЧИТЕЛЬ.
ГОРОД ПЛЕС НА ВОЛГЕ.

А матрос ему свою визитную карточку дал. На ней было написано:

БОБ СМИТ, МАТРОС. АМЕРИКА.

Они обнялись, похлопали друг друга по плечу и поговорились переписываться.

Папа пришел домой, а Веры и бабушки нет. Они в садике во дворе играли. Папа обезьянку оставил и зашел побегать. Привел их домой и говорит:

— Смотрите, какой я для вас сюрприз приготовил.

Бабушка удивляется:

— Если вся мебель в квартире вверх ногами — это сюрприз?

И точно: все табуретки, все столы и даже телевизор — все вверх ногами поставлено. А на люстре обезьянка висит и электрические лампочки облизывает.

Папа как закричит:

Ой, кис-кис, ко мне!

Обезьянка к ней сразу же прыгнула. Они обнялись, как две дуручки, головы друг другу на плечо положили и смеялись от счастья.

— А как ее зовут? — спросила бабушка.

— Не знаю, — говорит папа. — Капа, Тяпа, Жучка!

— Жучками только собак называют, — говорит бабушка.

— Пусть будет Мурка, — говорит папа. — Или Зорька.

— Тоже мне кошку нашли, — спорит бабушка. — А Зорьками только коров зовут.

— Тогда я не знаю, — растерялся папа. — Тогда давайте думать.

— А чего тут думать! — говорит бабушка. — У нас в Егорьевске была одна заведующая РОНО — вылитая эти обезьянка. Звали ее Анфисой.

И назвали обезьянку Анфисой, в честь одной заведующей из Егорьевска. И это имя к обезьянке сразу приклеилось.

Тем временем Вера и Анфиса друг от друга отлипли и, взявшись за руки, пошли в комнату девочки Веры все там смотреть. Вера ей стала куклы свои показывать и велосипеды.

Бабушка в комнату заглянула. Видит — Вера ходит, большую куклу Лялю укачивает. А за ней по пятам Анфиса ходит и большой грузовик качает.

Анфиса вся такая нарядная и гордая. На ней шапочка с помпончиком, маечка на полпузика и на ногах резиновые сапожки.

Бабушка говорит:

— Пошли, Анфиса, тебя кормить.

Папа спрашивает:

— А чем? Ведь у нас в городе благосостояние растет, и бананы не растут.

— Какие там бананы! — говорит бабушка. — Сейчас мы картофельный эксперимент проведем.

Она положила на стол колбасу, хлеб, вареную картошку, сырую картошку, селедку, селедочные очистки в бумажке и вареное яйцо в скорлупе. Посадила Анфису на высокий стул на колесиках и говорит:

— На старт! Внимание! Марш!

Обезьянка как начнет есть. Сначала колбасу, потом хлеб, потом вареную картошку, потом сырую, потом селедку, потом селедочные очистки в бумажке, потом вареное яйцо в скорлупе прямо со скорлупой.

Не успели оглянуться, как Анфиса с яйцом во рту упала на стуле.

Папа ее из стула достал и на диван перед телевизором посадил. Тут и мама пришла. Мама пришла и сразу сказала:

— А я знаю. К нам подполковник Готовкин заходил. Это он принес.

Подполковник Готовкин был не военный подполковник, а милицкий. Он очень любил детей и всегда им дарил мягкие игрушки.

— Какая прелестная обезьянка! Наконец-то научились делать.

Она взяла обезьянку в руки:

— Ой, такая тяжелая. А что она умеет?

— Все, — сказал папа.

— Глаза открывает? «Мама» говорит?

Обезьянка проснулась — как маму обнимет! Мама как закричит:

— Ой, она живая! Откуда она?

Все вокруг мамы собрались, и папа объяснил, откуда обезьянка и как ее зовут.

— Какой она породы? — спрашивает мама. — Какие у нее документы?

Папа визитную карточку показал:

БОБ СМИТ, МАТРОС. АМЕРИКА.

— Слава богу, хоть не уличная! — сказала мама. — А что она ест?

— Все, — сказала бабушка. — Даже бумагу с очистками.

— А умеет ли она пользоваться горшком?

Бабушка говорит:

— Надо попробовать. Давайте проведем горшковый эксперимент.

Дали Анфисе горшок, она его немедленно на голову надела и стала похожа на колонизатора.

— Караул! — говорит мама. — Это катастрофа!

— Подождите, — возражает бабушка. — Мы ей второй горшок дадим.

Дали Анфисе второй горшок. И она сразу догадалась, что с ним надо делать. И тогда все поняли, что Анфиса будет у них жить!

История вторая Первый раз в детский сад

Утром обычно папа отводил Веру в детский сад, в коллектив к детям. А сам отправлялся на работу. Бабушка Лариса Леонидовна шла в соседний ЖЭК — кружком кройки и шитья руководить. Мама в школу уходила — учительствовать. Куда Анфису девать?

— Как — куда? — решил папа. — Пусть тоже в детский сад идет.

У входа в младшую группу стояла старшая воспитательница Елизавета Николаевна. Папа ей сказал:

— А у нас прибавление!

Елизавета Николаевна обрадовалась и говорит:

— Ребята, какая радость — у нашей Веры родился братик.

— Это не братик, — сказал папа.

— Дорогие ребята, у Веры в семье сестричка родилась!

— Это не сестричка, — снова сказал папа.

А Анфиса к Елизавете Николаевне мордочкой повернулась. Воспитательница совсем растерялась:

— Какая радость! У Веры в семье родился негритенок

— Да нет же! — говорит папа. — Это не негритенок.

— Это обезьянка! — говорит Вера.

И все ребята закричали:

— Обезьянка! Обезьянка! Иди сюда!

— Можно ей побыть в детском саду? — спрашивает папа.

— В живом уголке?

— Нет. Вместе с ребятами.

— Это не положено, — говорит воспитательница. — Может быть, ваша обезьянка на лампочках висит? Или всех колотит половником? А может, она любит цветочные горшки по комнате рассыпать?

— А вы ее на цепочку посадите, — предложил папа.

— Ни за что! — ответила Елизавета Николаевна. — Это так непедагогично!

И решили они так. Папа оставит Анфису в детском саду, но будет через каждый час звонить — спрашивать,

дел. Если Анфиса начнет горшками бросаться или с мальчиком за директором бегать — папа ее сразу либерет. А если Анфиса будет себя хорошо вести, спать, как все дети, — тогда ее навсегда оставят в детском саду. Перемут в младшую группу.

И папа ушел.

Дети окружили Анфису и стали ей все давать. Наташа Прищенкова дала ей яблоко. Боря Голдовский — машинку. Виталик Елисеев дал ей зайца одноухого. А Тина Федосова — книжку про овощи.

Анфиса все это брала. Сначала одной ладошкой, потом второй, потом третьей, потом четвертой. Так как стоять она уже не могла, она легла на спину и по очереди стала свои сокровища в рот засовывать.

Елизавета Николаевна зовет:

— Дети, за стол!

Дети сели завтракать, а обезьянка осталась на полу плакать. И плакать. Тогда воспитательница взяла ее и за свой воспитательный стол посадила. Так как лапы у Анфисы были подарками заняты, пришлось Елизавете Николаевне ее с ложечки кормить.

Наконец дети позавтракали. И Елизавета Николаевна сказала:

— Сегодня у нас большой медицинский день. Я буду учить вас чистить зубы и одежду, пользоваться мылом и полотенцем. Пусть каждый возьмет в руки учебную зубную щетку и тюбик с пастой.

Ребята разобрали щетки и тюбики. Елизавета Николаевна продолжала:

— Взяли тюбик в левую руку, а щетку в правую. Прищенкова, Прищенкова, не надо зубной щеткой сметать крошки со стола.

Анфисе не хватило ни учебной зубной щетки, ни учебного тюбика. Потому что Анфиса была лишняя, не запланированная. Она увидела, что у всех ребят есть такие интересные палочки со щетиной и такие белые бананчики, из которых белые червячки вылезают, а у нее нет, и захныкала.

— Не плачь, Анфиса, — сказала Елизавета Николаевна. — Вот тебе учебная банка с зубным порошком. Вот тебе щетка, учись. — Она начала урок. — Итак,

выдавили пасту на щетку и стали чистить зубы. Вот так — сверху вниз. Маруся Петрова, правильно. Виталик Елисеев, правильно. Вера, правильно. Анфиса, Анфиса, ты что делаешь? Кто тебе сказал, что зубы надо чистить на люстре? Анфиса, не посыпай нас зубным порошком! А ну-ка, иди сюда!

Анфиса послушно слезла, и ее привязали полотенцем к стулу, чтобы она успокоилась.

— Теперь переходим ко второму упражнению, — сказала Елизавета Николаевна. — К чистке одежды. Возьмите в руки одежные щетки. Порошком вас уже посыпали.

Тем временем Анфиса раскачалась на стуле, упала вместе с ним на пол и побежала на четырех лапках со стулом на спине. Потом влезла на шкаф и там села, как царь на троне.

Елизавета Николаевна говорит ребятам:

— Смотрите, у нас царица Анфиса Первая появилась. На троне сидит. Придется нам ее заякорить. Ну-ка, Наташа Грищенко, принеси мне из гладильной самый большой утюг.

Наташа принесла утюг. Он был такой большой, что она по дороге два раза упала. И проводом от электричества Анфису к утюгу привязали. Ее скакательность и бегательность сразу резко упали. Она стала ковылять по комнате, как старушка столетней давности или как английский пират с ядром на ноге в испанском плену в Средние века.

Тут телефон зазвонил, папа спрашивает:

— Елизавета Николаевна, как там мой зверинец хорошо себя ведет?

— Пока терпимо, — говорит Елизавета Николаевна, — мы ее к утюгу приковали.

— Утюг электрический? — спрашивает папа.

— Электрический.

— Как бы она его в сеть не включила, — сказал папа. — Ведь пожар будет!

Елизавета Николаевна трубку бросила — и скорее к утюгу.

И вовремя. Анфиса его в самом деле в розетку вставила и смотрит, как из ковра дым идет.

— Вера, — говорит Елизавета Николаевна, — что же ты за своей сестренкой не следишь?

— Елизавета Николаевна, — говорит Вера, — мы все за ней следим. И я, и Наташа, и Виталик Елисеев. Мы даже за лапы ее держали. А она ногой утюг включила. Мы и не заметили.

Елизавета Николаевна вилку от утюга лейкопластырем забинтовала — теперь ее никуда не включишь. И говорит:

— Вот что, дети, сейчас старшая группа на пение пошла. Значит, бассейн освободился. И мы с вами туда пойдем.

— Ура! — закричали малыши и побежали купальники надевать.

Они пошли в комнату с бассейном. Они пошли, а Анфиса плачет и к ним руки тянет. Ей никак с утюгом идти нельзя.

Тогда Вера и Наташа Грищенкова ей помогли. Они вдвоем утюг взяли и понесли. А Анфиса рядом шла.

В комнате, где бассейн, было лучше всего. Там цветы росли в кадках. Везде лежали спасательные круги и крокодилы. И окна были до самого потолка.

Все дети как начали в воду прыгать — только водяной бомб пошел.

Анфиса тоже в воду захотела. Она к краю бассейна подошла — и как свалится вниз! Только она до воды не дотягивалась. Ее утюг не пустил. Он на полу лежал, и шнур до воды не доставал. И Анфиса около стенки болтается. Болтается и плачет.

— Ой, Анфиса, я тебе помогу, — сказала Вера и с трудом утюг с края бассейна сбросила. Утюг на дно ушел — и Анфису утащил.

— Ой, — кричит Вера, — Елизавета Николаевна, Анфиса не выныривает! Ее утюг не пускает!

— Караул! — закричала Елизавета Николаевна. — Ныряем!

Она как была, в белом халате и в шлепанцах, так с разбегу в бассейн и прыгнула. Вытащила сначала утюг, потом Анфису.

И говорит:

— Эта меховая дурочка меня так измучила, будто я три вагона угля лопатой разгрузила.

Она завернула Анфису в простыню и всех ребят из бассейна достала:

— Все, хватит плавания! Сейчас мы все вместе пойдем в музыкальную комнату и будем петь «Теперь и Чебурашка...».

Ребята быстро оделись, а Анфиса так мокрая в простыню и сидела.

Пришли в музыкальную комнату. Дети встали на длинную лавочку. Елизавета Николаевна села на музыкальную табуретку. А Анфису, всю спеленутую, посадили на край рояля — пусть сохнет.

И Елизавета Николаевна начала играть:

Я был когда-то странной
игрушкой безымянной...

И вдруг послышалось — БЛЯМ!

Елизавета Николаевна удивленно смотрит по сторонам. Она это БЛЯМ не играла. Она снова начала:

Я был когда-то странной
игрушкой безымянной,
к которой в магазине...

И вдруг снова — БЛЯМ!

«В чем дело? — думает Елизавета Николаевна. — Может быть, в рояле мышка поселилась? И по струнам стучит?»

Елизавета Николаевна крышку подняла и в пустой рояль полчаса смотрела. Никакой мышки. И снова начинает играть:

Я был когда-то странной.

И снова — БЛЯМ, БЛЯМ!

— Ничего себе! — говорит Елизавета Николаевна. — Уже два БЛЯМА получилось. Ребята, вы не знаете, в чем дело?

Ребята не знали. А это Анфиса, завернутая в простыню, мешала. Она незаметно ножку высунет, сделает БЛЯМ по клавишам — и ножку снова в простыню вдернет.

Вот что получилось:

Я был когда-то странной

БЛЯМ!

Игрушкой безымянной

БЛЯМ! БЛЯМ!

К которой в магазине

БЛЯМ!

Никто не подойдет

БЛЯМ! БЛЯМ! БУХ!

БУХ получилось потому, что Анфиса довертелась и с роля рухнула. И все сразу поняли, откуда эти БЛЯМ-БЛЯМЫ сыпались.

После этого в жизни детского сада было некоторое потишье. То ли Анфиска устала каверзничать, то ли за ней очень внимательно все смотрели, но за обедом она ничего не выкинула. Если не считать, что она тремя ложками суп ела. Потом спала тихо вместе со всеми. Правда, спала на шкафу. Но с простыней и подушкой, все как положено. Никаких горшков с цветами по комнате не рассыпала и со стулом за директором не бегала.

Елизавета Николаевна даже успокоилась. Только рано. Потому что после полдника было художественное вырезание. Елизавета Николаевна сказала ребятам:

— А сейчас все мы дружно возьмем ножницы и будем из картона вырезать воротнички и шапочки.

Ребята пошли дружно брать картон и ножницы со стола. Анфисе ни картона, ни ножниц не хватило. Ведь Анфиска была незапланированная, так незапланированной и осталась.

— Мы берем картон и вырезаем кружочек. Вот так. — Елизавета Николаевна показала.

И все ребята, высунув язык, стали вырезать кружочки. У них получались не только кружочки, но и квадратики, треугольники и блины.

— А где мои ножницы?! — закричала Елизавета Николаевна. — Анфиса, покажи мне свои ладошки!

Анфиса с удовольствием показала черные ладошки, в которых ничего не было. А задние лапы спрятала за

спину. Ножницы, конечно же, были там. И пока ребята вырезали свои кружочки и козыречки, Анфиса тоже вырезала дырочки из подручного материала.

Все так увлеклись шапочками и воротничками, что не заметили, как час прошел и родители стали приходить.

Забрали Наташу Прищенкову, Виталика Елисеева, Борю Голдовского. И вот папа Веры пришел, Владимир Федорович.

— Как тут мои?

— Хорошо, — говорит Елизавета Николаевна. — И Вера, и Анфиса.

— Неужели Анфиса ничего не натворила?

— Как — не натворила? Натворила, конечно. Всех зубным порошком посыпала. Чуть пожар не устроила. И бассейн с утюгом прыгнула. На люстре качалась.

— Значит, не берете ее?

— Почему не берем? Берем! — сказала воспитательница. — Вот сейчас мы кружочки режем, а она никому не мешает.

Она встала, и все увидели, что ее юбка в кружочках. И ее длинные ноги из всех кружочков сверкают.

— Ах! — сказала Елизавета Николаевна и даже присела.

А папа взял Анфису и отобрал у нее ножницы. Они у нее в задних лапах были.

— Эх ты, чучело! — сказал он. — Сама свое счастье испортила. Придется тебе дома сидеть.

— Не придется, — сказала Елизавета Николаевна. Мы берем ее в детский сад.

И ребята запрыгали, заскакали, заобнимались. Так они Анфису полюбили.

— Только обязательно принесите справку от врача! сказала воспитательница. — Без справки в детский сад ни один ребенок не пройдет.

История третья Как Вера и Анфиса в поликлинику ходили

Пока у Анфисы справки от врача не было, ее в детский сад не брали. Она дома оставалась. И Вера с ней вместе дома сидела. И, конечно, с ними сидела бабушка.

Правда, бабушка не столько сидела, сколько по хозяйству бегала. То в булочную, то в гастроном за колбасой, то в рыбный магазин за селедочными очистками. Анфиса эти очистки больше всякой селедки любила.

И вот суббота наступила. Папа Владимир Федорович в школу не пошел. Он взял Веру и Анфису и в поликлинику с ними отправился. Справку получать.

Веру он за руку вел, а Анфису для маскировки решил в коляску посадить. Чтобы детское население со всех микрорайонов не сбегалось.

Если кто-то из ребят замечал Анфиску, то за ней немедленно выстраивалась, как за апельсинами. Уж больно ребята в городе любили Анфиску. Но она тоже времени даром не теряла. Пока ребята вокруг нее крутились, брала ее на руки, передавали друг другу, она к ним в карманы лапки засовывала и все оттуда вытаскивала. Передними лапками ребенка обнимет, а задними — у ребенка карманчики чистит. И все вещички она в нащечных мешках прятала. Дома у нее изо рта вынимали ластик, значки, карандашники, ключи, зажигалки, жвачки, монетки, соски, брелоки, патроны и прочие ножички.

Вот они к поликлинике подошли. Вошли внутрь, в вестибюль. Вокруг все белое и стеклянное. На стенке висит веселая история в стеклянных рамочках: что с одним мальчиком было, когда он ядовитые грибы съел.

И другая история: про дяденьку, который сам себя лечил народными средствами — сушеными пауками, примочками из лещей крапивы и грелкой из электрического чайника.

Игра говорит:

Ой, какой дяденька смешной! Сам больной, а курит.

Папа ей объяснил:

Это он не курит. Это у него под одеялом грелка кипела.

И вдруг папа закричал:

— Анфиса, Анфиса! Не облизывай плакаты! Анфиса, зачем ты в урну засунулась?! Вера, возьми веник и подмети, пожалуйста, Анфису.

У окна в кадке огромная пальма стояла. Анфиса как ее увидела, так к ней и бросилась. Обняла пальму и в кадку упала. Папа пробовал ее увести — ни за что!

— Анфиса, отпусти, пожалуйста, пальму! — строго говорит папа.

Анфиса не отпускает.

— Анфиса, Анфиса! — еще строже говорит папа. — Отпусти, пожалуйста, папу.

Анфиса и папу не отпускает. А руки у нее — как будитиски из железа. Тут на шум пришел врач из соседнего кабинета:

— В чем дело? А ну-ка, обезьянка, отпусти дерево!

Но обезьянка дерево не отпускала. Врач попытался ее отцепить — и сам прилип. Папа еще строже говорит:

— Анфиса, Анфиса, отпусти, пожалуйста, папу, отпусти, пожалуйста, пальму, отпусти, пожалуйста, врача.

Ничего не получается. Тут главный врач пришел:

— В чем тут дело? Почему хоровод вокруг пальмы? У нас что — пальмовый Новый год? Ах, здесь обезьянка всех держит! Сейчас мы ее отцепим.

После этого папа уже так заговорил:

— Анфиса, Анфиса, отпусти, пожалуйста, папу, отпусти пальму, отпусти, пожалуйста, врача, отпусти, пожалуйста, главного врача.

Вера взяла и Анфису пощекотала. Тогда она всех отпустила, кроме пальмы. Она пальму всеми четырьмя лапами обняла, щекой к ней прижалась и плачет.

Главный врач сказал:

— Я недавно в Африке был по культурному обмену. Там много пальм видел и обезьянок. Там на каждой пальме обезьянка сидит. Они друг к другу привыкли. А елок там совсем нет. И белок.

Простой врач спросил папу:

— Зачем вы к нам обезьянку привели? Она заболела?

— Нет, — говорит папа. — Ей справка нужна в детский сад. Ее надо исследовать.

— Как же мы ее будем исследовать, — говорит простой врач, — если она от пальмы не отходит?

— Так и будем исследовать, не отходя от пальмы, — сказал главный врач. — Зовите сюда главных специалистов и заведующих отделениями.

И скоро к пальме все врачи подошли: и терапевт, и хирург, и ухо-горло-нос. Сначала у Анфисы кровь взяли

на анализ. Она себя очень смело вела. Спокойно дала палец и смотрела, как у нее через стеклянную трубочку кровь из пальца берут.

Потом ее врач-педиатр слушал через резиновые трубочки. Он сказал, что Анфиса здорова, как маленький паровозик.

Дальше надо было Анфису на рентген вести. Но как ее поведешь, если ее от пальмы не оторвать? Тогда папа и врач из рентгеновского кабинета Анфису вместе с пальмой в кабинет принесли. Поставили ее вместе с пальмой под аппарат, и врач говорит:

— Дышите. Не дышите.

Только Анфиса не понимает. Она, наоборот, дышит, как носос. Очень врач с ней намучился. Потом как закричит:

— Батюшки, да у нее гвоздь в животе!! И еще один! И еще! Вы что, ее гвоздями кормите?!

Папа отвечает:

— Не кормим мы ее гвоздями. И сами не едим.

«Откуда же у нее гвозди? — думает рентгеновский врач. — И как их из нее достать?»

Потом он решил:

— А давайте дадим ей магнит на веревочке. Гвозди к магниту прилипнут, и мы их вытащим.

— Нет, — говорит папа. — Не будем мы ей магнит давать. Она с гвоздями живет — и ничего. А если она магнит проглотит, неизвестно еще, что из этого выйдет.

В это время Анфиса вдруг по пальме вверх полезла. Она вверх полезла какую-то штучку блестящую крутить, и гвозди на месте остались. И тогда врач понял:

— Это же гвозди не в Анфисе, а в пальме были. На них минечка свой халат вешала и ведро по ночам. — Он говорит: — Слава богу, ваш паровозик здоров!

После этого Анфису с пальмой снова в холл принесли. И еще врачи на консилиум собрались. Они решили, что Анфиса очень здорова и что ей можно в детский сад ходить.

Главный врач прямо около кадки ей справку написал и говорит:

— Вот и все. Можете идти.

А папа отвечает:

— Не можем. Потому что нашу Анфису от вашей пальмы можно только бульдозером оторвать.

— Как же быть? — говорит главный врач.

— Не знаю, — говорит папа. — Придется или нам с Анфисой, или вам с пальмой расставаться.

Врачи все вместе встали в кружок, как команда КВН, и стали думать.

— Надо взять обезьянку, и все тут! — сказал рентгеновский врач. — Она за сторожа будет ночью.

— Мы ей белый халат сошьем. И она будет нам помогать! — сказал врач-педиатр.

— Да, — заметил главный врач. — Она схватит у вас шприц с уколom — мы все будем за ней по всем лестницам и чердакам бегать. А потом она с этим шприцем на какого-нибудь папу с занавески свалится. А если она с этим шприцем в какой-нибудь класс забежит или детский сад, да еще в белом халате!

— Если она в белом халате со шприцем просто по бульвару пройдет — все наши старушки и прохожие вмиг на деревьях окажутся, — сказал папа. — Отдайте нашей обезьянке вашу пальму.

В это время бабушка Лариса Леонидовна в поликлинику пришла. Она ждала, ждала Веру и Анфису. Их не было. Она забеспокоилась. И сразу сказала главному врачу:

— Если вы обезьянку заберете, я тоже у вас останусь. Я без Анфисы жить не могу.

— Вот и хорошо, — говорит главный врач. — Это все решает. Нам как раз уборщица нужна. Вот вам авто ручка, пишите заявление.

Только смотрит — авторучки нет.

— Ничего, — говорит он. — Я сейчас кабинет открою, у меня там есть еще одна.

Только смотрит — ключа нет. Папа ему объясняет:

— Ничего вы не откроете, ваши ключики-авторучки давно уже у нашей обезьянки за щекой.

Он открыл Анфисе рот и привычным движением оттуда достал авторучку, ключ от кабинета главного врача, ключ от кабинета, где рентген стоит, круглую печать для справок, круглое зеркальце врача ухо-горло-носа и свою зажигалку. Как врачи все это увидели, они сказали:

— У нас своих неприятностей хватает, чтобы у нас еще печати пропадали! Забирайте вашу обезьянку с

нашей пальмой. Мы себе новую вырастим. У нас главный врач каждый год в Африку ездит по культурному обмену. Он семена привезет.

Папа и врач-рентгенолог подняли пальму вместе с Анфисой и в коляску ее установили. Так пальма в коляске и поехала.

Когда мама пальму увидела, она сказала:

— По моим ботаническим сведениям, эта пальма называется нефропелис широколистный бархатный. И растет она в основном весной по одному метру в месяц. Скоро она наверх прорастет к соседям. И будет у нас нефропелис многоэтажный. Станет наша Анфиса по этой пальме по всем квартирам и этажам лазить. Сидите обедать, селедочные очистки давно на столе.

История четвертая Вера и Анфиса идут в школу

Бабушка Лариса Леонидовна совсем с Верой и Анфисой измучилась, пока они в детский сад не ходили. Она говорила:

— Когда я директором школы была, я отдыхала.

Ей приходилось раньше всех вставать, завтрак для малышей готовить, гулять с ними, купать их, в песочнице с ними играть. Она продолжала:

— У меня вся жизнь была тяжелая: то разруха, то временные трудности. А сейчас совсем тяжело стало.

Она никогда не знала, чего ждать от Веры и Анфисы. Допустим, она суп варит на молоке. А Анфиса на шкафу пол подметает. И суп у бабушки получается мусорный, а не молочный.

— А вчера вот как было. Вера взялась полы мыть, все водой залила. Анфиса стала мамины платки примерять. Другого времени у нее не нашлось. Платки на пол побросала, они мокрые стали, в тряпки превратились. Пришлось и платки, и Веру, и Анфису стирать. А силы у меня уже не те. Я лучше на вокзал пойду грузчиком... мешки с капустой таскать.

Мама ее успокаивала:

— Еще один день — и они в садик пойдут. Справка о здоровье у нас есть, нам надо только туфельки и передничек купить.

Наконец туфельки и передничек купили. И папа рано утром Веру с Анфисой торжественно повел в детский сад. Вернее, это Веру повели, а Анфису в сумке понесли.

Подошли они и видят, что детский сад торжественно закрыт. И надпись висит большая-пробольшая:

ДЕТСКИЙ САД ЗАКРЫТ НА ПРОРЫВ ТРУБЫ.

Надо бы детей и зверей снова домой вести. Но тогда бабушка из дома убежит. И папа сказал сам себе:

— А возьму-ка я их с собой в школу! И я буду спокоен, и для них развлечение.

Он взял девочку за руку, Анфисе приказал в сумку залезть, и пошел. Только чувствует — что-то сумки тяжелая. Оказалось, что Вера в сумку влезла, а Анфиса снаружи идет, босиком. Папа Веру наружу вытряхнул, и Анфису в сумку засунул. Так удобнее стало.

К школе и другие учителя подошли с детьми, и завхоз Антонов с внуками Антончиками. Они тоже в этот трубопрорывательный детский сад ходили. Детей очень много получилось — десять человек, целый класс. Кругом школьники очень важные ходят или носятся как уторелые. Дети прилипли к своим папам и мамам — не отлепить. А учителям же надо на уроки идти.

Тогда самая старшая учительница, Серафима Андреевна, сказала:

— Мы всех детей в учительскую комнату отведем. И попросим Петра Сергеевича с ними посидеть. У него уроков нет, а педагог он опытный.

И детей повели в учительскую к Петру Сергеевичу. Это был директор школы. Он был очень опытный педагог. Потому что сразу сказал:

— Караул! Только не это!

Но родители и Серафима Андреевна стали просить:

— Петр Сергеевич, ну пожалуйста. Всего два часика!

В школе прозвенел звонок, и учителя в свои классы побежали уроки давать. Петр Сергеевич с малышами остался. Он им сразу игрушки раздал: указки, глобус.

коллекцию минералов Поволжья и еще кое-что. Анфиса наспиртованную лягушку схватила и с ужасом стала рассматривать.

А чтобы малыши не скучали, Петр Сергеевич начал им сказку рассказывать:

— В одном Министерстве народного образования была Баба-яга...

Вера сразу сказала:

— Ой, страшно!

— Пока еще нет, — сказал директор. — Выписала она себе однажды командировку, села на метлу и полетела в один маленький городок.

Вера снова говорит:

— Ой, страшно!

— Да ничего подобного, — говорит директор. — Она не в наш город полетела, а в другой... В Ярославль... Прилетела она в одну школу, пришла в младшие классы...

— Ой, страшно! — продолжала Вера.

— Да, страшновато, — согласился директор. — И говорит: «Где у вас план внеклассной работы младшеклассников?! Давайте его сюда, а то я вас всех съем!»

Вера тут свое лицо сморщила, как косточку персика, чтобы заплакать. Но директор раньше успел:

— Не плачь, девочка, никого она не съела!

— Никого?

— Никого. Все целы остались. Даже директора в этой школе не съела... До чего же вы, детсадовские, чувствительные! Если вас сказки пугают — что с вами правда жизни сделает?!

После этого Петр Сергеевич детсадовцам книжки раздавал и тетрадки. Читайте, смотрите, изучайте, рисуйте.

Анфисе очень интересная книга досталась: «План пионерской работы 6-го «А». Анфиса читала, читала... Потом ей что-то не понравилось, и она этот план сожгла.

Потом ей муха не понравилась. Эта муха все в окно стукалась, хотела разбить. Анфиса схватила указку — и на ней. Муха на лампочку села, Анфиса как по мухе хватить!.. В учительской стало темно. Дети закричали,

заволновались. Петр Сергеевич понял, что пришла пора решительных мер. Он вывел детей из учительской и стал по одному ребенку в каждый класс запикивать. В классах такая радость началась. Представляете, только учитель сказал: «Сейчас мы с вами напишем диктант» — а тут ребенка в класс запикивают. Все девочки охают:

— Ой, какой маленький! Ой, какой перепуганный! Мальчик, мальчик, как тебя звать?

— Маруся.

Учитель говорит:

— Маруся, Маруся, ты чья? Тебя нарочно подбросили или ты заблудилась?

Маруся сама точно не уверена, поэтому начинает нервно морщить, чтобы заплакать. Тогда учитель ее на руки взял и говорит:

— Вот тебе кусочек мела, рисуй кошечку в углу. А мы будем диктант писать.

Маруся, конечно, начала карябать в углу доски. У нее вместо кошечки получилась табакерка с хвостом. А учитель начал диктовать:

— «Пришла осень. Все дети сидели в доме. Один кораблик плавал в холодной луже...» Обратите внимание, дети, на окончания слов «в доме», «в луже»,

И тут Маруся как заплачет.

— Ты чего, девочка?

— Кораблик жалко.

Так и не удалось в четвертом «В» диктант провести.

В пятом «А» география была. И пятому «А» Виталик Елисеев достался. Он не шумел, не кричал. Он очень внимательно все слушал про вулканы. А потом спросил у учительницы Грищенко:

— Булкан — он булки делает?

Вера и Анфиса были засунуты учителю Валентину Павловичу Встовскому на урок зоологии. Он четвероклассникам про животный мир Средней полосы России рассказывал. Он говорил:

— У нас в лесах Анфисы не водятся. У нас водятся лоси, кабаны, олени. Из умных зверей встречаются бобры. Они живут у маленьких речек и умеют строить плотины и хатки.

Вера очень внимательно слушала и смотрела на картинки зверей по стенам.

Анфиса тоже очень внимательно слушала. А сама думала:

«Какая красивая ручка на шкафу. Как бы ее облизать?»

Валентин Павлович стал про домашних зверей рассказывать. Он говорил Вере:

— Вера, назови нам домашнее животное.

Вера сразу сказала:

— Слон.

Учитель ей подсказывает:

— Ну почему — слон? Слон в Индии бывает домашним животным, а ты назови наше.

Вера молчит и пыхтит. Тогда Валентин Павлович стал ей подсказывать:

— Вот дома у бабушки живет такой ласковый, с усами.

Вера сразу поняла:

— Таракан.

— Да нет, не таракан. А ласковый такой, дома у бабушки живет... с усами и хвостом.

Вера тогда все окончательно сообразила и сказала:

— Дедушка.

Все школьники так и грохнули. Сам Валентин Павлович не удержался и сдержанно улыбнулся.

— Спасибо тебе, Вера, и тебе, Анфиса, спасибо. Вы очень оживили наш урок.

А к Вериному папе на урок арифметики два Антоныча были засунуты — внуки завхоза Антонова.

Папа немедленно их в дело пустил.

— Из пункта А в пункт Б идет пешеход. Вот ты... Как тебя зовут?

— Алеша...

— Ты, Алеша, будешь пешеход. А ему навстречу из пункта Б в пункт А идет грузовик... Как тебя зовут?

— Сережа Антонов!

— Ты, Сережа Антонов, будешь грузовик. Ну-ка, как ты тарыхтишь?

Сережа Антонов тарыхтел прекрасно. Чуть Алешу не раздавил. Ученики мигом задачу решили. Потому что все было ясно: как едет грузовик, как идет пешеход и что

встретятся они не в середине пути, а около первой парты. Потому что грузовик едет быстрее в два раза.

Все бы хорошо, но тут к школе подъехала комиссия из РОНО. Приехали люди, которые работу школы проверяют.

Подъехали — а от школы тишина идет, как пар от утюга. Они сразу насторожились. Это были две тети и один тихий начальник с портфелем. Одна тетя была длинная, как целых две. А другая — низкая и круглая, как целых четыре. У нее лицо было круглое, глаза круглые и все другие части тела были как по циркулю.

Длинная тетя говорит:

— Как же это может быть, чтобы школа была такая тихая? Я за свою длинную жизнь такого не видела.

Тихий начальник предположил:

— Может быть, сейчас эпидемия гриппа происходит? И все школьники дома сидят? Вернее, лежат как один.

— Нет никакой эпидемии, — отвечает круглая тетя. — В этом году грипп вообще отменили. Я в газетах читала. Наши лучшие в мире врачи новое лекарство закупили и всем уколы сделали. Кого укололи, тот пять лет гриппом не болеет.

Тогда длинная тетя подумала: «Может быть, здесь коллективный прогул и все ребята как один в кино сбежали «Доктор Айболит» смотреть? А может быть, учителя на уроки с дубинками ходят, всех учеников запугали и дети сидят тихие, как мышки?»

— Надо пойти и посмотреть, — сказал начальник. — Ясно одно: если в школе такая тишина — значит, в школе непорядок.

Вошли они в школу и в первый попавшийся класс засунулись. Смотрят — там ребята Борю Голдовского окружили и воспитывают:

— Ты почему, мальчик, такой неумытый?

— Я шоколад ел.

— Ты почему, мальчик, такой пыльный?

— Я на шкаф залезал.

— Ты почему, мальчик, такой липкий?

— Я на бутылке с клеем сидел.

— Давай, мальчик, мы тебя в порядок приведем. Умоем, причешем, курточку отчистим.

Комиссия в лице длинной тети спрашивает:

— А почему это у вас на уроке посторонний?

Учительница в этом классе была Верина мама.

Она говорит:

— Это не посторонний. Это учебное пособие. У нас сейчас внеклассное занятие происходит. Урок труда.

Комиссия, в этот раз в лице круглой тети, снова спрашивает:

— Какое такое внеклассное занятие? Как оно называется?

Верина мама, Наталья Алексеевна, говорит:

— Называется оно «Уход за младшим братом».

Комиссия сразу забуксовала, затихла. А тихий начальник спрашивает:

— И что, этот урок по всей школе идет?

— Конечно. У нас даже лозунг есть, типа призыва: «Уход за младшим братом полезен всем ребятам!»

Комиссия окончательно успокоилась. Тихо-тихо, на цыпочках к директору в учительскую пришла.

В учительской тишина и благодать. Учебные пособия лежат везде как положено. А директор сидит и ведомости на учебники заполняет.

Тихий начальник сказал:

Мы вас поздравляем. Это вы здорово придумали с младшим братом. Мы теперь такое движение по всем школам начнем.

А длинная тетя сказала:

— С младшим братом — это все прекрасно. А как у вас дела с внеклассной работой обстоят? Дайте мне скорее «План внеклассной работы младшеклассников».

Петр Сергеевич свое лицо сморщил, как косточку персика.

История пятая Вера и Анфиса заблудились

У папы и мамы Веры и у их бабушки была очень хорошая квартира — три комнаты и кухня. И бабушка все время эти комнаты подметала. Она одну комнату подметет, все по местам расставит, а Вера с Анфисой уже

в другой беспорядок наведут. Игрушки раскидают, мебель перевернут.

Хорошо было, когда Вера и Анфиса рисовали. Только у Анфисы привычка была — схватить карандаш и начать рисовать на потолке, сидя на лостре. У нее такие каляки получались — залюбуешься. После каждого сеанса хоть заново потолок бели. Поэтому бабушка со щеткой и зубной пастой после ее уроков рисования со стремянки не слезали.

Тогда придумали карандаш для Анфисы на веревочку привязывать к столу. Она очень быстро научилась веревочку перекусывать. Вевевочку на цепочку заменили. Дело лучше пошло. Максимум вреда было в том, что Анфиса карандаш съедала и рот себе в разные цвета окрашивала: то в красный, то в зеленый, то в оранжевый. Как улыбнется она такой разноцветной пастью — сразу кажется, что она не обезьянка, а инопланетянка.

Но все равно Анфису все очень любили... Даже непонятно почему.

Однажды бабушка говорит:

— Вера и Анфиса, вы уже большие! Нате вам рубль, идите в булочную. Купите хлеба — половину буханки и целый батон.

Вера очень обрадовалась, что ей дали такое важное поручение, и запрыгала от радости. Анфиса тоже запрыгала, потому что Вера запрыгала.

— У меня мелочь есть, — сказала бабушка. — Вот вам двадцать две копейки на батон и шестнадцать на буханку черного.

Вера батонные деньги взяла в одну руку, а буханочные в другую — и пошла. Очень она боялась их перепутать.

В булочной Вера стала думать, какой батон взять — простой или с изюмом. А Анфиса сразу схватила длин батона, а потом стала думать: «Ой, какие удобные! Кто бы ими треснуть по башке?»

Вера говорит:

— Нельзя хлеб руками трогать и размахивать им. Хлеб надо уважать. А ну, положи на место!

А Анфиса не помнит, где она их взяла. Вера сама тогда их на место положила и дальше думает, как ей быть, бабушка про изюм ничего не говорила.

Кассирша на секунду отошла. Тут Анфиса как прыгнет на ее место, как начнет всем чеки выдавать миллиметрами!

Люди смотрят на нее и не узнают:

— Посмотрите, как наша Мария Ивановна высохла! Из чего же у кассирш в торговле работа трудная!

Вера увидела Анфису за кассой и из магазина ее рочно вывела:

— Не умеешь ты себя вести как человек. Посиди здесь наказанная.

И прицепила ее лапку к поручню у витрины. А к этому поручню собака была привязана неизвестной породы. Порнее, всех пород вместе. Анфиса и давай перед этой собакой выдрючиваться.

Из магазина кошка вышла. А собака всеми своими породами кошек терпеть не могла. Мало того, что кошка шла, — да она еще такая важная, будто она директор магазина или начальник главка по торговле сосисками.

Она глаза прищурила и так на собаку посмотрела, будто это не собака была, а так, принадлежность какая, пенек или чучело.

Собака не выдержала, за сердце схватилась от такой пренебрежительности — и как рванет за кошкой! Даже поручень от магазина оторвала. А за поручень Анфиса держалась, а за Анфису Вера ухватилась. И все они вместе бегут.

Вообще-то Вера с Анфисой никуда бежать не собирались, просто так вышло.

Вот мчится по улице процессия — впереди кошка, уже такая прищуренная и важная, за ней собака всех пород, за ней поводок, потом поручень, за который Анфиса держится, а за Анфисой Вера бежит, еле попевает со своими батонами в авоське.

Бежит Вера — и боится своей авоськой какую-нибудь бабушку зацепить. Бабушку она не зацепила, а один школьник средних классов ей под горячую авоську попался.

И он тоже за ними побежал как-то боком, хотя никуда бежать не собирался.

Издрут кошка увидела перед собой забор, а в заборе дырку для куриц. Кошка туда юрк! Собака с поручнем за

ней, а Вера с Анфисой в дырку не влезли — они о забор стукнулись и остановились.

Среднеклассник от них отцепился и, ворча что-то среднеклассное, ушел уроки делать. А Вера и Анфиса одни остались посреди большого города.

Вера думает: «Хорошо, что у нас хлеб с собой. Мы сразу не погибнем».

И пошли они куда глаза глядят. А глаза у них глядели в основном на качели и разные плакаты на стенках.

Вот идут они себе, не торопятся, взявшись за руки, горки рассматривают. А самим немного страшно: где дом? где папа? где мама? где бабушка с обедом? Никому не известно. И Вера начинает немного поплакивать и повсхлипывать.

И тут к ним милиционер подошел:

— Здравствуйте, юные граждане! Куда это вы идете?

Вера ему отвечает:

— Мы идем во все стороны.

— А откуда вы идете? — спрашивает милиционер.

— Мы идем из булочной, — говорит Вера, а Анфиса ни батон в авоське показывает.

— Но вы хоть свой адрес знаете?

— Конечно, знаем.

— Какая ваша улица?

Вера задумалась, а потом говорит:

— Первомайская улица имени Первого мая на Октябрьском шоссе.

— Понятно, — говорит милиционер, — а дом какой?

— Кирпичный, — говорит Вера, — со всеми удобствами.

Милиционер задумался, а потом говорит:

— Я знаю, где ваш дом искать. Такие мягкие батончики только в одной булочной продают. В Филипповской. Или на Октябрьском шоссе. Пошли туда, а там видно будет.

Он взял свой радиопередатчик в руки и сказал:

— Алло, дежурный, я тут двух детей нашел в городе. Поведу их домой. Я временно свою будку покину. Пришли кого-нибудь вместо меня.

Дежурный ему ответил:

— Не буду я никого присылать. У меня полдивизии на картошке. Никто твою будку не утащит. Пусть ты стоишь.

И пошли они по городу. Милиционер спрашивает:

— Ты, девочка, читать умеешь?

— Умею, — говорит Вера.

— Что здесь написано? — Он показал на один плакат на стене.

Вера прочитала:

— «Для младших школьников! «Густоперченный мальчик».

А этот мальчик был не густоперченный, а густоперчевый — резиновый, значит.

А ты не младшая школьница? — спросил милиционер.

— Нет, я в садик хожу. Я всадница. И Анфиса всадница. — Вдруг Вера закричала: — Ой, это же наш дом! Мы уже давно пришли!

Они поднялись на третий этаж и встали у двери.

— Сколько раз звонить? — спрашивает милиционер.

— Мы до звонка не достаем, — говорит Вера. — Мы ногами стучим.

Милиционер ногами постучал. Бабушка выглянула — и как испугается:

Их уже арестовали! Что они такое натворили?

— Нет, бабуса, они ничего не натворили. Они заблудились. Получите и распишитесь. А я пошел.

— Нет уж, нет уж! — сказала бабушка. — Какой невероятный! У меня суп на столе. Садитесь с нами есть. И чай пить.

Милиционер даже растерялся. Он был совсем новенький. Им в милицейской школе ничего об этом не рассказывали. Их учили, что с преступниками делать: как их брать, куда сдавать. А про суп и про чай с бабушками ничего не говорили.

Он все-таки остался и сидел как на иголках и все свою рацию слушал. А по рации все время говорили:

— Внимание! Внимание! Всем постам! На загородном шоссе автобус с пенсионерами съехал в кювет. Пришлите грузовик-тягач.

— Еще внимание. Свободную машину просят съехать на улицу писателя Чехова. Там две старушки несли чемодан и сели на проезжей части.

Бабушка говорит:

— Ой, какие у вас интересные радиопередачи. Интереснее, чем по телевизору и по «Маяку».

А радио опять сообщает:

— Внимание! Внимание! Внимание! Грузовик-тягач отменяется. Пенсионеры сами вытащили автобус из кювета. И с бабушками все в порядке. Проходивший отряд школьников отнес чемоданы и бабушек на вокзал. Все в порядке.

Тут все вспомнили, что Анфисы давно нет. Глядят — она перед зеркалом крутится, милицейскую фуражку примеряет.

В это время радио говорит:

— Милиционер Матвеенко! Чем вы заняты? Вы на посту?

Наш милиционер вытянулся и говорит:

— Я всегда на посту! Сейчас второе доем и к своей будке направляюсь.

— Второе будете дома доедать! — сказал ему дежурный. — Немедленно возвращайтесь на пост. Сейчас мимо американская делегация поедет. Надо им дать зеленую улицу.

— Намек понял! — сказал наш милиционер.

— Это не намек! Это приказ! — сурово ответил дежурный.

И милиционер Матвеенко пошел на свой пост.

С тех пор Вера свой адрес наизусть выучила. «Первомайский переулок, дом восемь. Рядом с Октябрьским шоссе».

История шестая Как Вера и Анфиса служили учебным пособием

Никогда в доме не скучали. Анфиса всем работу давала. То в холодильник залезет — и вылезет оттуда вся в инее. Бабушка кричит:

— Белый чертик из холодильника!

То в шкаф с одеждой заберется — и выйдет оттуда в новом наряде: пиджак, удлиненный до земли, шарф на босу ногу, шляпа, вязанная в форме женского носка, и сверху над всем этим лифчик, укороченный в виде пояса.

Как она выберется из шкафа в этом наряде, как пройдет по ковру с видом европейской манекенщицы, виляя всеми лапками, — хоть стой, хоть падай! А порядок в шкафу надо целый час наводить.

Поэтому Веру и Анфису при первой возможности на улицу выставляли. Очень часто с ними папа гулял.

Однажды гулял папа с Верой и Анфисой в детском парке. С ними гулял папин товарищ — учитель зоологии Встовский Валентин Павлович. И гуляла его дочка Мечка.

Папы беседовали, как два английских лорда, а дети скакали в разные стороны. Потом Анфиса взяла обоих пап за руки и стала на папах, как на качелях, качаться.

Впереди шел продавец с воздушными шарами. Анфиса как раскачается, как схватится за шары! Продавец испугался и шары бросил. Анфису понесло на шарах по аллее. Еле-еле папы ее догнали и от шаров отцепили. А три лопнувших шара у продавца пришлось купить. Очень обидно покупать лопнувшие шары. Зато продавец почти не ругался.

Тут Валентин Павлович говорит папе:

— Знаете что, Владимир Федорович, дайте мне, пожалуйста, Веру и Анфису на один урок. Я хочу лекцию для шестиклассников устроить о происхождении человека.

Папа на это отвечает:

— Анфису я тебе дам, а дочку ты свою возьми. У тебя такая же.

— И вовсе не такая, — говорит Встовский. — Моя совсем от обезьянки не отличается. Видишь, они обе на сетке вниз головой висят. А твоя Вера — девочка строгая. Сразу видно, что она умнее обезьянки. И будет большая польза для науки.

Папа ради этой пользы согласился. Только спросил:

— А какая будет лекция?

— Вот какая. В наш город бананы завезли. Я на стол банан положу, Анфиса его сразу схватит, а Вера будет спокойно сидеть. Я скажу ребятам: «Видите, чем человек от обезьяны отличается? Он думает, и думает не только о бананах, но и о том, как себя вести, — ведь кругом люди».

— Убедительный пример, — сказал папа.

А в город действительно завезли бананы, второй раз за эту пятилетку. Это был просто праздник для города.

И действительно, все люди в городе покупали бананы. Кто в авоську, кто в пластмассовый мешок, кто просто в карманы.

И все люди приходили в дом к Вериным родителям и говорили:

— Нам эти бананы не очень нужны, а ваша Анфиса без них пропадет. Она по бананам скучает, как мы по соленым огурцам.

— Ешь, ешь, девочка... то есть зверюшка!

Папа укладывал бананы в холодильник, мама варила из них варенье, а бабушка Лариса Леонидовна сушила их над плитой, как грибы.

А когда Вера тянула руки к бананам, ей строго говорили:

— Это не тебе, это Анфисе принесли. Ты без бананов можешь, а она не очень.

Анфиса была буквально набита бананами. И спать она легла с бананом во рту и с бананом в каждой лапе.

А утром их на лекцию повели. В классе был нарядный учитель Встовский и целых два класса шестиклассников. На стене висели всякие плакаты на тему «Есть ли жизнь на Земле и откуда она взялась?»

Это были плакаты нашей раскаленной планеты, потом остывшей планеты, потом планеты, покрытой океаном. Потом были рисунки всякой морской микрожизни, первых рыб, чудовищ, выползающих на сушу, птеродактилей, динозавров и других представителей древнего зооуголка Земли. Короче, это была целая поэма жизни.

Учитель Валентин Павлович посадил Веру и Анфису за свой стол и начал лекцию:

— Ребята! Перед вами сидят два существа. Человек и обезьяна. Сейчас мы эксперимент проведем. Чтобы увидеть разницу между человеком и обезьяной. Вот и достаю из портфеля и кладу на стол банан. Смотрите, что будет.

Он достал банан и на стол положил. И тут наступил щекотливый момент. Обезьянка Анфиса от банана отвернулась, а Вера — цап его!

Учитель Встовский был потрясен. Он никак не ожидал Веры такого поступка. Но подготовленный вопрос у него губ сорвался:

— Чем, ребята, человек от обезьяны отличается?

Ребята сразу закричали:

— Человек соображает быстрее!

Учитель Встовский сел на переднюю парту лицом к доске и за голову схватился. Караул! Но в этот момент Паша очистила банан и кусочек Анфисе протянула. Учитель сразу воскрес:

Нет, ребята, не тем человек от обезьяны отличается, что думает быстрее, а тем, что он о других думает. О других заботится, о друзьях, о товарищах. Человек — существо коллективное. — Он повернулся к классу: — Ну-ка, смотрим все на плакаты! Скажите, на кого похож интеллантроп?

Ребята сразу закричали:

— На завхоза Антонова!

— Нет. Он похож на человека. У него уже в руках топор. А топор — это уже средство коллективного труда. Им деревья рубят для дома, сучья для костра. Люди у костра все вместе греются, песни поют. Ученые говорят, что человека создал труд. Они ошибаются. Человека создал коллектив!

Школьники даже рты пооткрывали. Ничего себе — их школьный учитель больше ученых знает!

А первобытные люди смотрят на шестиклассников и, удивляясь, им сами о себе рассказывают.

— Итак, в чем разница между человеком и обезьяной? — спросил учитель Встовский.

В классе был самый бестолковый мальчик, но самый шустрый, Вася Ермолович. Он кричит:

— Обезьяна в зоопарке сидит, а человек в зоопарк ходит!

Учитель Встовский огорчился. И дальше спросил:

— Есть другие мнения?

— Есть! — закричал твердый троечник Паша Гутинтов. — Человека воспитывает коллектив, а обезьяну — природа.

— Молодец! — успокоился учитель Встовский. Если твердый троечник усвоил материал, другие обязательно усвоят или потом, попозже поймут.

— Спасибо вам, Вера и Анфиса!

И класс завалил Веру и Анфису подарками: зажигалками, жвачками, шариковыми ручками, пистолетом с присосками, ластиками, пеналами, стеклянными шариками, лампочками, гайкой, подшипником и другими штучками.

Вера и Анфиса домой важные-преважные пришли. Еще бы: из-за них целую лекцию читали! Они от этой важности про всякие безобразия забыли и целый день до вечера себя хорошо вели. А потом опять началось! Спали они в шкафу.

История седьмая
Вера и Анфиса тушат пожар
(но сначала они его устраивают)

Папа и мама по субботам работали в школе. Потому что школьники, бедные, по субботам учатся... А детский сад по субботам не работал. Поэтому Вера с Анфисой дома с бабушкой сидели.

Они очень любили по субботам дома сидеть с бабушкой. Сидела в основном бабушка, а они все время прыгали и лазили. И еще они любили телевизор смотреть. И играть в то, что по телевизору показывают.

Например, сидит бабушка и спит перед телевизором, а Вера и Анфиса ее скотчем к стулу прибинтовывают. Значит, фильм идет про шпионскую жизнь.

Если Анфиса на шкафу сидит, а Вера от нее веником из-под кровати отстреливается — значит, фильм про войну показывают. А если Вера с Анфисой танцуют маленьких лебедей танцуют — ясно, что идет концерт художественной самодеятельности.

Однажды в субботу очень интересная передача была «Прячьте спички от детей». Передача про пожары.

Анфиса как начало передачи увидела — пошла на кухню, спички нашла и за щеку сразу засунула.

Спички мокрыми стали, никакой пожар ими уже не сделаешь. Ими даже газ зажечь нельзя. За промокнувшими спичек может от бабушки влететь.

Вера говорит:

— Будем сушить.

Она взяла утюг электрический и стала по спичкам ходить. Спички высохли, загорелись и задымались. Бабушка проснулась перед телевизором. Видит — в телевизоре пожар, а дымом в доме пахнет. Она подумала: Вот до чего техника дошла! По телевизору не только цвет передают, но и запах.

Огонь разрастался. В доме совсем жарко стало. Бабушка снова проснулась.

— Ой, — говорит, — уже и температуру передают!

А Вера и Анфиса от испуга под кровать спрятались. Бабушка на кухню побежала, стала кастрюлями воду лить. Очень много воды вылила — три кастрюли, а пожар не стихает. Бабушка стала папе в школу звонить:

— Ой, у нас пожар!

Папа ей отвечает:

— У нас тоже пожар. Три комиссии понаехало. Из области, из района и из центра. Успеваемость и успеваемость проверяют.

Бабушка тогда стала вещи в подъезд выносить — ложки, чайники, чашки.

Тогда Вера из-под кровати вылезла и позвонила в пожарную команду по телефону «01». И говорит:

— Дяди пожарные, у нас пожар.

— А где ты, девочка, живешь?

Вера отвечает:

— Первомайский переулок, дом восемь. Рядом с Октябрьским шоссе. Хыстой микрорайон.

Пожарный у товарища спрашивает:

Хыстой микрорайон — это какой?

— Это восемнадцатый, — отвечает тот. — Других у нас нет.

Девочка, жди нас, — сказал пожарный. — Выезжаем! Пожарные запели свою противопожарную песню и бросились в машину.

А в доме стало совсем жарко. Уже занавески загорелись. Бабушка Веру за руку взяла и из квартиры тащит. А Вера кричится:

Без Анфисы не пойду!

А Анфиса бежит в ванную, набирает воду в рот и на огонь прыскает.

Пришлось Анфисе цепочку показать. Она этой цепочки больше огня боялась. Потому что, когда сильно хулиганила, ее на эту цепочку на целый день привязывали.

Тогда Анфиса присмирела, и они с Верой стали и подъезде на подоконнике сидеть.

Бабушка все в квартиру забегают. Войдет, возьмет ценную вещь — кастрюлю там или половник — и и подъезд выбегает.

А тут лестница пожарная к окну подъехали. Пожарный в противогазе окно растворил и на кухню (о шлангом влез.

Бабушка сгоряча подумала, что это нечистая сила и как стукнет его сковородкой. Хорошо, что противогазы со знаком качества делают, а сковородки — старым методом, без госприемки. Сковородка и развалилась.

А пожарный бабушку из шланга немного водой полил, чтобы успокоить, чтобы она не была такой горячей. И стал пожар тушить. Он быстро потушил.

Как раз в это время мама с папой домой из школы возвращаются. Мама говорит:

— Ой, кажется, в нашем доме у кого-то пожар! У кого это?

— Да это же у нас! — закричал папа. — Мне же бабушка звонила!

Он скорее вперед побежал:

— Как здесь моя Вера? Как здесь моя Анфиса? Как здесь моя бабушка?

Слава богу, все были целы.

С тех пор папа спички от Веры, Анфисы и бабушки под замок прятал. А пожарной команде в книгу благодарностей благодарность написал в стихах:

Наши пожарные —
Самые поджарые!
Самые стройные!
Самые достойные!
Лучший в мире пожарный Рашен —
Ему любой пожар не страшен!

История восьмая
Вера и Анфиса открывают старинную дверь

Каждый вечер папа и Лариса Леонидовна садились с Анфисой за стол и смотрели, что у нее за день накопилось в защечных мешках.

Чего только там не было! И тебе часы ручные, и тебе выречки-флакончики, и однажды даже свисток милицкий.

Папа сказал:

— А где сам милиционер?

— Он, наверное, не влез, — ответила мама.

Однажды папа с бабушкой смотрят — а из Анфисы большой старинный ключ торчит. Он медный и во рту не помещается. Просто как от таинственной старинной двери из сказки. Папа посмотрел и говорит:

— Вот бы дверь найти к этому ключу. Там за ней, наверное, старинный клад с монетами.

— Нет, — сказала мама. — Там за этой дверью — старинные, зеркала красивые и украшения.

Вера подумала: «Хорошо бы за этой дверью тигрята были живые старинные или щенки сидели. Вот бы мы могли весело жить!»

Бабушка сказала маме и папе:

— Как бы не так. Я уверена, что за этой дверью догрейки старые и тараканов сушеных мешок.

Если бы Анфису спросили, что за этой дверью, она бы сказала:

— Кокосовых орехов пять мешков.

— А еще что?

— И еще один мешок.

Папа долго думал и решил:

— Раз есть ключ, должна быть и дверь.

Он даже в школе такое объявление повесил в учительской комнате:

**КТО НАЙДЕТ ДВЕРЬ ОТ ЭТОГО КЛЮЧА, ТОМУ
ПОКЛОВИНА ТОГО, ЧТО ЗА ЭТОЙ ДВЕРЬЮ.**

Внизу под объявлением он ключ на веревочке повесил. И все учителя объявление читали и

вспоминали: не встречалась ли им где-нибудь эта самая дверь?

Пришла уборщица Мария Михайловна и говорит:

— Мне и всего, что за этой дверью стоит, даже даром не надо.

Учителя прислушались:

— А что же там такое стоит?

— Там скелеты стоят. И ерунда остальная.

— Какие скелеты? — заинтересовался учитель биологии Валентин Павлович. — Я два раза скелеты выписывал, а мне все не дают. Приходится строение человека на себе показывать. А у меня все пропорции неправильные.

Другие учителя прислушались. Верин папа тоже спрашивает:

— Мария Михайловна, а что это за «ерунда остальная»?

— Да так, — отвечает Мария Михайловна. — Любимы какие-то, какие-то стрекоталки с ручками. Ничего интересного, ни одной метелки нет или тряпки для пола.

Тогда составила инициативная группа учителей. Они взяли ключ и говорят:

— Показывайте, Мария Михайловна, нам эту заветную дверь.

— Пошли, — говорит Мария Михайловна. И она повела их в старое хозяйственное здание, где раньше спортзал был в царской гимназии. Там лестница шла вниз, в котельную. А вверх она вела в старую обсерваторию. И под лестницей дверь старинная.

— Вот ваша дверь, — говорит Мария Михайловна.

Как дверь открыли — так все и ахнули.

Чего там только нет! И два скелета стоят, руками колышат. И чучело глухаря огромное, совсем неношеное. И какие-то приборы со стрелками. И даже три мяча футбольных.

Учителя закричали и запрыгали. Учительница физики, мамина подруга, молодая Лена Егорычева, всегда даже обнимать стала:

— Смотрите, здесь машина для получения электростатического электричества! Да здесь вольт метров целых четыре штуки. А мы на уроках по старинке электричество на язык пробуем.

Валентин Павлович Встовский со скелетом даже пальс заплясал:

— Вот это скелеты! Со знаком качества! Один даже революционный. Вот написано: «СКЕЛЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ. Поставщик Его Величества Двора Семимжновъ В.П.».

— Интересно, — говорит папа, — он двору скелеты поставлял или это скелет поставщика, когда он поставлялся уже?

Все стали думать над этой загадочной тайной. И тут завхоз Антонов прибежал взволнованный. Он кричит:

— Не позволю! Это добро школьное, народное. И значит, ничье.

Учителя заспорили с ним:

— Как это ничье, если оно народное? Если оно народное — значит, оно наше.

— Если бы оно ваше было, оно бы давно изнашилось бы и испортилось. А здесь оно в полной сохранности еще сто лет простоит.

Учителя его упрощивают все это по кабинетам раздать. А он категорически против:

— Я сам завхоз, мой папа завхозом был, и дед мой школьным завхозом был еще при гимназии. И мы все это копили.

Тут папа подошел к нему, обнял и говорит:

— Дорогой ты наш Антонов Митрофан Митрофанович! Мы же не для себя просим — для ребят. Они станут лучше учиться, лучше себя вести. Пойдут в науку. Из них вырастут новые ученые, инженеры, крупные завхозы. Мы даже попросим вас на уроках труда им завхозность преподавать.

Завхоза Антонова давно уже никто не называл Митрофаном Митрофановичем, все его звали просто: «Куда это наш завхоз Антонов запропастился?» А когда он представил, как он будет завхозность преподавать, он вообще растаял:

— Ладно, берите все. Для хороших людей ничего не жалко. Только берегите школьное добро!

Учителя пошли в разные стороны кто с чем: кто со скелетом, кто с динамо-машиной для электростатического электричества, кто с глобусом размером метр на метр.

Митрофан Митрофанович к Вериному папе подошел и говорит:

— А это для вас личный подарок. Большое беличье колесо. Когда-то при школе медвежонок жил, он в этом колесе кувыркался. Это колесо мой дедушка спаял. Пусть ваша Анфиса в нем крутится.

Папа очень благодарил Митрофана Митрофановича. А колесо домой отвез на школьной тележке. И первым делом в колесо, конечно, Вера влезла, а потом уже Анфиса.

С тех пор Вериной бабушке легче жить стало. Потому что Вера с Анфисой с колеса не слезали. То Вера внутри крутится, Анфиса поверху бежит. То, наоборот, Анфиса внутри кривыми лапками перебирает, а Вера поверху семенит. А то обе они внутри болтаются, только прутья скрипят.

Когда Валентин Павлович Встовский к папе пришел, он посмотрел на все это и сказал:

— Жаль, что у меня в детстве такой штуки не было. И бы тогда в пять раз спортивнее был. И все пропорции у меня были бы правильными.

История девятая Трудовой день в детском саду

Раньше Вера не любила ходить в детский сад. Она каждый раз писк устраивала:

— Папа, папочка, я лучше дома посижу. У меня там голова болит, что ноги не сгибаются!

— Чем же ты у нас больна, девочка?

— Присмертью.

— Вот в детском саду все и пройдет, вся присмерть твоя.

И верно, присмерть проходила, как только Вера в садик входила. И ноги у нее сгибались, и голова проходила. Самое трудное было до детского сада дойти.

А как Анфиса в доме появилась, Вера в садик легко ходить стала. И просыпаться стала легко, и про свою присмерть забыла, и из детского сада ее забрать было почти невозможно.

— Ой, папочка, я еще часика два поиграю!

И все потому, что в саду была очень хорошая воспитательница, Елизавета Николаевна. Она каждый день что-нибудь придумывала. Сегодня она сказала детям:

— Ребята, у нас с вами сегодня очень трудный день. У нас сегодня будет трудовое воспитание. Мы будем с места на место кирпичи переносить. Вы умеете переносить кирпичи?

Вера спросила:

— А где у нас кирпичи?

— Ах да! — согласилась воспитательница. — Про кирпичи мы и забыли. Пусть у нас Анфиса будет кирпичом. Мы ее будем переносить. Ты, Анфиса, будешь у нас учебное пособие. То есть кирпичное пособие. Согласна?

Анфиса не понимает, что такое кирпичи, что такое учебное пособие. Но раз ее спрашивают, она всегда говорит: «Угу».

— Итак, кирпичи можно переносить на носилках, можно перевозить на тачке. Дети, Виталик, возьмите маленькие носилочки и вместе с Верой перенесите Анфису.

Дети так и сделали. Однако Анфиса была не совсем кирпичи. Воспитательница едва успела ей сделать замечание:

— Кирпичи, кирпичи, не скачите на носилках! Кирпичи, кирпичи, зачем вы взяли у Виталика носилочки? Кирпичи, кирпичи, вы должны лежать покойно. Вот тебе раз! Кирпичи у нас на дереве висят. Так, а теперь оставим кирпичи в покое, будем заниматься учебной покраской здания. Прошу всех лечь в руки кисти.

Воспитательница раздала всем кисти и ведра с краской:

— Внимание, дети! Это учебная краска. То есть обыкновенная вода. Будем учиться на маляра. Опустили кисть в краску и водим кистью по стене. Анфиса, Анфиса, тебе ведра не давали. Чем ты красишь забор?

Виталик Елисеев сказал:

— Елизавета Николаевна, она забор компотом красит.

— А где она его взяла?

— Его на окно в кастрюле выставили остывать.

— Караул! — закричала воспитательница. — Анфиса оставила детский сад без компота! Будем учиться обходиться без сладкого. А сейчас мы займемся воспитанием Анфисы. Разберем ее поведение, разберем ее персональное дело.

Но персональное дело разобрать не удалось, потому что прилетели пчелы.

— Караул! — закричала Елизавета Николаевна. — Пчелы! Целый улей! Они прилетели на компот. Проводим учебное занятие — спасение от пчел в походных условиях. От пчел лучше всего спастись нырянием в бассейн. Бежим в бассейн и все как один ныряем.

Ребята побежали в бассейн как один. Только Анфиса не побежала. Она этого бассейна еще с прошлого раза боялась.

Пчелы ее немного покусали. У нее всю мордочку раздуло. Анфиса от пчел в шкаф залезла. Сидит в шкафу и плачет.

Тут папа пришел. И Елизавета Николаевна с мокрыми малышами вернулась. Папа спросил:

— Что это у вас? Дождик шел?

— Да, кусачий дождик из пчел.

— А почему у вас стали пчелы летать?

— А потому, что у нас кое-кто компотом здания красит.

— Кто же это у вас компотом здания красит?

— Да одна ваша хорошая знакомая, такая загадочная дама-гражданка по имени Анфиса.

— А где же та загадочная дама-гражданка находится? — спросил папа.

— Скорее всего, она в шкафу сидит. Именно там и находится.

Папа шкаф открыл и видит: Анфиса сидит и хнычет.

— Ой, — говорит папа, — какая она толстенная стала!

— Нет, она не толстенная, — отвечает воспитательница. — Она пчелоукушенная.

— Я и не знаю, что делать, — говорит папа. — Может ее в зоопарк отдать?

Тут все дети как заплачут. Воспитательница говорит:

— Не плачьте, дети, вы и так мокрые.

Потом она говорит папе:

— Насколько я понимаю, наш детский сад с Анфисой расстанется. Если она в зоопарк, то и мы в зоопарк. Дети, вы хотите в зоопарк?

— Хотим! — закричали дети.

— К слонам и удавам?

— Да!

— К бегемотам и крокодилам?

— Да!

— К лягушкам и кобрам?

— Да!

— Вы хотите, чтобы они вас съели, забодали, покусили?

— Хотим!

— Это очень хорошо. Но чтобы попасть в зоопарк, надо себя хорошо вести. Надо уметь мыть полы, убирать свою кровать, мыть чашки и ложки. Итак, приступаем к борке пола.

— Ну что, ребята, — сказал папа Вере и Анфисе, — пойдем домой.

— Что ты, папа, — сказала в ответ Вера. — Сейчас только самое интересное начинается. Мы полы мыть будем.

История десятая
Вера и Анфиса принимают участие в спектакле
«Три мушкетера»

В каждой школе бывает Новый год. И в школе, где работали Верины папа и мама, он тоже приближался.

Решили учителя этой школы подарок для ребят сделать — приготовить для них спектакль по книге писателя Дюма «Три мушкетера».

Папа, конечно, главную роль играл — мушкетера Артаньяна. Он сам себе в производственных мастерских школы откопал шпагу. Бабушка Лариса сшила ему красивый мушкетерский плащ с белым крестом на

спине. Из трех старых шляп он себе сделал одну, но очень красивую, со страусовыми перьями из петуха.

В общем, папа стал мушкетер что надо.

Учитель биологии Валентин Павлович Встовский играл герцога Рошфора — такую темную религиозную личность, находящуюся на службе у кардинала Ришелье. А Ришелье играл завуч старших классов Павленок Борис Борисович.

Папа и Встовский целыми днями кричали друг другу: «Вашу шпагу, несчастный!» — и на шпагах сражались. Они так хорошо сражались, что два стекла в спортзале выбили и один стул в зрительном зале практически превратили в порошок. Завхоз Антонов, несмотря на всю свою любовь к папе и к искусству, минут пять ругался и сердился. А потом сказал:

— Стекла я еще вставляю. А стул склеить практически невозможно. Но попробовать надо.

Он стул в пакетик ссыпал и домой унес пробовать. Так он школьную мебель любил.

Мама, конечно, королеву Франции играла. Во-первых, она очень красивая была. Во-вторых, французский язык прекрасно знала. В-третьих, у нее платье красивое осталось с тех пор, когда она невестой была. Платье белое, со звездами. В таких только королевы ходят, и то не на работу, а по праздникам.

Королем Франции, конечно, единогласно выбрали директора школы Петра Сергеевича Окунькова. Он и представительный был, и строгий, как настоящий король. А в другого короля школьники просто бы не поверили.

Всем учителям хорошие роли достались. Все после урока репетировали и репетировали. Иногда мама с папой с собой Веру и Анфису брали. Они в углу сцены под роялем сидели. Вера все замерев слушала, а Анфиса некоторых участников пыталась за ногу схватить.

И иногда несоответствия получались. Например, король Франции Петр Сергеевич Окуньков говорит королевским голосом:

— Где мой верный министр двора маркиз де Бурвиль?
Ему придворные в печали отвечают:

— Нет его. Отравленный вражеской котлетой, он ушел на тот свет еще неделю назад.

А в этот момент маркиз де Бурвиль, он же завхоз Митрофан Митрофанович Антонов, во всем своем маркизском облачении из старого школьного бархатного панавеса вдруг во весь рост шлепается к ногам короля. Потому что он около рояля ходил, а Анфиса его за сапог схватила.

— Значит, плохо его отравили, — говорит строгий король Людовик Шестнадцатый, — если он пытается нам королевский совет сорвать своим неуклюжим падением. Увести его и отравить как следует!

Антонов потом на Анфиску ругается:

— Уберите этот зооуголок к бабушке. Сил нет его в школе терпеть.

— Мы бы убрали, — говорит мама, — но у бабушки нет сил этот уголок дома терпеть. Этот уголок нам чуть дом не спалил. Когда он здесь, нам спокойнее.

Но больше всего Анфису королевские подвески интересовали. Если помните, в «Трех мушкетерах» французский король королеве драгоценные подвески подарил на день рождения. Очень красивые подвески из бриллиантов. А королева была легкомысленной. Вместо того чтобы все в дом, все в дом, она эти подвески подарила одному герцогу Бекингемскому из Англии. Очень ей этот герцог нравился. А с королем у нее были прохладные отношения. А вредный и коварный герцог Ришелье — помните, Павленок Борис Борисович? — все королю рассказывал. И говорит:

— Спросите-ка, ваше величество, у королевы: «А где мои подвески?» Интересно, что она вам скажет? Сказать-то ей и нечего.

После этого и начиналось самое главное. Королева отвечает, что подвески в ремонте, ничего, мол, страшного. Скоро будут. И король говорит: «Пусть тогда они будут на вас. У нас скоро королевский бал состоится. Ивольте в этих подвесках на бал прийти. А иначе я могу вас плохо подумать».

Тогда королева просит Д'Артаньяна скакать в Англию, чтобы подвески привезти. Он скачет, подвески привозит, и все хорошо кончается.

Так вот, Анфису не столько спектакль интересовал, сколько эти подвески. Она с них буквально глаз не сводила. Ничего красивее Анфиса в жизни не видела. И ее далекой Африке такие подвески на деревьях не росли и местные жители их не носили.

А дальше вот что было.

Скоро Новый год почти пришел. Папа с мамой стали и школу на праздник собираться. Нарядные костюмы надели, причесались. Папа стал шпагу прикреплять. Бабушка стала Веру и Анфису укладывать.

Вдруг мама говорит:

— А где подвески?

— Как — где? — говорит папа. — Около зеркала лежали, в шкатулке.

Мама говорит:

— Шкатулка есть, а подвесок нет.

— Значит, надо у Анфисы спрашивать, — решил папа. — Анфиса, Анфиса, иди сюда!

А Анфиса никуда не идет. Сидит в своей кроватке, и половичок замоталась. Папа Анфису взял и на свет вынес. На стул под лампу посадил:

— Анфиса, открой рот!

Анфиса ни гу-гу. И рот не открывает. Папа попробовал ей рот силой открыть. Анфиса рычит.

— Ничего себе! — говорит папа. — Никогда с ней такого не было. Анфиса, отдай подвески, а то хуже будет.

Анфиса ничего не отдает. Тогда папа столовую ложку взял и стал столовой ложкой Анфисе зубы разжимать. Тогда Анфиса рот открыла, и эту ложку как соломинку перегрызла.

— Ого! — говорит папа. — С нашей Анфисой шутки плохи! Что будем делать?

— Что делать? — говорит мама. — Придется ее с собой в школу брать. Времени у нас нет.

Тут Вера из кровати как закричит:

— И меня в школу! И меня в школу!

— Но ты же подвески не ела! — говорит папа.

— И я тоже могу съесть, — отвечает Вера.

— Чему ты ребенка учишь! — возмущается мама. — Ладно, дочь, одевайся скорее. Бежим в школу на Новый год.

Бабушка говорит:

— Вы совсем с ума сошли! Детей на улицу ночью нинмой! Да еще в школу, в зрительный зал.

Папа на это сказал:

— А вы, Лариса Леонидовна, вместо того чтобы ворчать, лучше бы тоже собирались. Мы всей семьей в школу пойдем.

Бабушка ворчать не прекратила, но собираться стала.

— А горшок с собой брать?

— Какой горшок? — кричит папа. — Что, в школе туалетов, что ли, нет, что мы с собой начинаем горшки носить?

В общем, за полчаса до начала спектакля папа, мама и все остальные в школу пришли. Директор Петр Сергеевич — Людовик Шестнадцатый ругается:

— Вы что так долго? Мы из-за вас переволновались.

А завуч старших классов Борис Борисович — Ришелье командует:

— Давайте детей скорее в учительскую, а сами на сцену! Мы последнюю репетицию проведем.

Бабушка детей и зверей в учительскую повела. Там на диванах много всяких костюмов и пальто лежало. Она Вору с Анфисой в эти костюмы закинула:

— Спите пока. Когда будет самое интересное, вас разбудят.

И Вера с Анфисой заснули.

Скоро зрители собрались. Зазвучала музыка, и начался спектакль. Учителя играли просто прекрасно. Мушкетеры охраняли короля. И еще всех спасали. Они были смелые и добрые. Гвардейцы кардинала Ришелье бесчестно злодействовали, всех подряд арестовывали и бросали за решетку.

Папа все время сражался с герцогом Рошфором — Бистовским. От их шпаг даже искры летели. И папа в основном побеждал. Дела Ришелье шли все хуже и хуже. И тут Ришелье узнал про подвески. Ему об этом сказала миледи — такая вредная женщина, завуч младших классов Серафима Андреевна Жданова.

И вот Ришелье подходит к королю и говорит:

— Спросите-ка, ваше величество, у королевы: «А где мои подвески?» Что она вам скажет? Сказать-то ей нечего.

Королеве и в самом деле сказать нечего. Она немедленно вызывает папу — Д'Артаньяна и просит:

— Ах, мой любезный Д'Артаньян! Скачите скорее прямо в Англию и привезите мне эти подвески. Иначе и погибла.

Д'Артаньян отвечает:

— Я этого не допущу! И все остальные мушкетеры не допустят! Ждите меня, и я вернусь!

Он выбежал за занавес, вскочил на коня и поскакал прямо в учительскую. Там он схватил за шиворот Анфиску — и снова на сцену. А на сцене уже дворец герцога Бекингемского. Богатые шторы, свечи, хрусталь, из дома принесенный. А герцог ходит грустный-прегрустный.

Д'Артаньян спрашивает его:

— Что вы, герцог, такой печальный? Случилось что?

Герцог отвечает:

— Да вот, были у меня бриллиантовые подвески французской королевы, да куда-то подевались.

Д'Артаньян говорит:

— Я знаю эти подвески. Я как раз за ними приехал. Только вы, герцог, не печальтесь. Эти подвески ваша любимая обезьянка в рот себе запихнула. Я сам видел. Вернее, мне об этом ваши лакеи рассказали.

— А обезьянка где? — спрашивает герцог.

— Обезьянка на вашем письменном столе сидит, свечку ест.

Герцог обернулся, схватил обезьянку и подает ее Д'Артаньяну:

— Дорогой мушкетер, передайте эти подвески вместе с обезьянкой моей любимой французской королеве. Для нее сразу два подарка получится.

— А как зовут эту обезьянку? — спрашивает знаменитый мушкетер.

— У нее такое красивое французское имя — Анфисон!

— О, я думаю, Анфисон очень понравится нашей королеве. Она так любит животных.

Папа схватил Анфисон и во Францию поскакал. А там уже королевский бал в самом разгаре. Королева ходит такая встревоженная — подвесок нет и не видно. Герцог Ришелье ходит довольный, руки потирает. А король meanwhile спрашивает:

— Так где же подвески, дорогая? Что-то я их не вижу.

— Сейчас принесут, — отвечает королева и все на дворь посматривает.

И тут Д'Артаньян прискакал:

— Вот ваши любимые подвески, королева. Вам их ваша тужанка прислала вместе с обезьянкой Анфисон.

— А почему?

— Обезьянка их в рот запихнула и расстаться с ними не хочет.

Королева обезьянку королю протягивает:

— Ваше величество, вот Анфисон с подвесками. Достаньте, если не верите.

А Анфисон рычит, как два барбоссона. Не хочет с подвесками расставаться. Король тогда говорит:

— Я-то верю, а вот Ришелье сомневается. Пусть он и проверяет.

Передали Анфисон Ришелье. Только Ришелье хитрый. Он велел на подносе себе орехов килограмм принести и пару зажигалок. Анфисон как увидела эти богатства, подвески изо рта вынула и стала орехи щипать.

Взял Ришелье слюнявые подвески двумя пальцами, на свет посмотрел и говорит:

— Они! Ваша взяла, господа мушкетеры. Но мы еще встретимся двадцать лет спустя.

Тут занавес опустился. Успех был оглушительным. Такой шум стоял, что даже Вера в учительской проснулась:

— Что, самое интересное началось?

А самое интересное-то кончилось. Но все равно Вере много интересного досталось. Ей много подарков подарили — и школьники, и учителя. Она хоровод вокруг елки с ребятами водила. А Анфиса на этой елке сидела, мясные игрушки облизывала.

История одиннадцатая
Вера и Анфиса участвуют в выставке
детского рисунка

Однажды по всем школам прошло сообщение, что нужны детские рисунки. Что скоро будет всерайонная

выставка детских рисунков. А потом и всегородская, а потом и московская.

А уже из Москвы лучшие рисунки поедут на выставку детского рисунка в Рио-де-Жанейро.

Всем ребятам давалась полная воля — рисуй чем хочешь: углем, масляными красками, карандашами, вышивай. И на чем хочешь: на бумаге, на холсте, на дереве. Только тема у всех рисунков должна быть одна «За что я люблю родную школу».

И вот в каждом классе были проведены уроки рисования на эту тему. А кто не успел на уроке, мог пойти в специальный класс для рисования и там работать уже по-настоящему.

Все ребята в школе зарисовали. Старшие ребята больше рисовали углем или карандашами. Малыши рисовали только маслом. Чем младше были ребята, тем увереннее они брались за работу, сразу шедевры создавали.

Вот какие картины через неделю появились на свет Паша Гутионтов, когда узнал тему, сразу нарисовал столовую и румяные пирожки. Очень хорошая получилась картина, вкусная, никакого отношения к учебе не имеющая.

Лена Логинова нарисовала такую картину: тонконогие грузчики несут что-то похожее на смесь концертного рояля с телевизором.

Завуч Серафима Андреевна спросила:

— Как твой рисунок называется?

— Очень просто. «Компьютер привезли».

— Разве компьютер такой? — спросила Серафима Андреевна. — Он же плоский, как пишущая машинка.

Лена сказала:

— А я думала, что он огромный. Раз про него так много говорят.

И все-таки не хватало рисунков малышей. Поэтому два младших класса собрали в рисовальном классе, дали им на выбор, чем рисовать и на чем рисовать, и сказали:

— Рисуйте, создавайте. Прославляйте родную школу и Министерство просвещения.

Этот урок Верин папа проводил. Он Веру и Анфису с собой привел. Потому что дело было в субботу, когда детский сад закрыт.

Вера взяла цветные карандаши, большую бумагу и стала рисовать на полу.

— Вера, Вера, почему ты на полу рисуешь?

— А так удобнее. Со всех сторон рисовать можно.

Ах, как интересно в рисовальном классе! Сидят дети за столами и мольбертами и рисуют, рисуют, рисуют.

У кого природа яркая получается, в основном осень. Осень легче всего рисовать — больно она красочная, ни с какой другой погодой не спутаешь. У кого — Чебурашка с цветами, у кого — одни цветы, без Чебурашки. У кого на рисунке ракета кривобокая в космос летит.

— Виталик, Виталик, почему ты ракету рисуешь? Надо «За что я люблю родную школу» рисовать!

Виталик Пряжин отвечает:

— А как же, я из школы прямо в космос полечу!

— А ты Вика, Елисеева, почему корову нарисовала на полу? Разве это имеет к школе отношение?

— Конечно, имеет. Мы эту корову недавно проходили. Эта корова называется «Домашние животные».

— А кто это рядом такой круглый пасется? Это новородка?

— Нет. Это у меня утка пасется.

— Очень хорошая утка, желтая. А почему у нее четыре ноги?

Вика задумалась:

— А сколько?

— Наверное, две.

— А у меня и утки две. Только одна позади другой стоит.

Папа к Вере подошел:

— А ты, дочка, что рисуешь?

— «Мой папа ведет детей в зоопарк».

— Рисуй, рисуй, девочка.

А что же Анфиса делала? Она утащила самую большую кисть. Потом у одного мальчика утащила тюбик с фиолетовой краской. И стала краску на язык пробовать.

Краска оказалась невкусной. И Анфиса долго плевалась на свой мольберт. У нее такие фиолетовые звезды по белому фону получились. Когда фиолетовая краска кончилась, Анфиса красную свистнула. В этот раз она уже умнее была. Она красную краску на кисточку выдавила, как все ребята делали.

И надо же — тут большая муха в класс залетела, противная. И прямо на бумагу к Анфисе уселась. Анфиса как треснет по ней кисточкой. У нее сразу красное солнце с лучами на рисунке появилось. Яркое, свободное, а муха на другой мольберт перелетела.

«Ах так, — думает Анфиса, — я тебе покажу!»

И снова по мухе — хлоп! А мальчик, на чей мольберт муха села, совсем не собирался солнце рисовать. Он, наоборот, рисовал «Я иду в школу в зимний день». И вдруг у него пол зимнего дня жаркое солнце озарило.

Мальчик как расстроится. Как заплачет. А муха давай перелетать с места на место. Анфиса давай эту муху колотить. Куда бы муха ни села, Анфиса своей кисточкой — хлоп! На мальчика сядет. Анфиса — хлоп, на девочку сядет. Анфиса — хлоп! Тут муха на папу села. Анфиса и папу — хлоп!

Скоро все дети в рисовальном классе были красной краской помечены, как куры в загородном поселке пригородного типа.

Короче, бросились все на Анфису, схватили за руки, за ноги и за веревочку к мольберту привязали. От нечего делать Анфиса стала уже серьезнее рисовать. И травку зеленую нарисовала, и каких-то муравьишек с чемоданами, и огурец в разрезе. И еще рисовала и рисовала — и кисточкой, и брызганьем, и руками.

— А что у тебя, Вера, выходит? — спросил папа.

— Зоопарк.

Папа смотрит. Головастые дети на тонких спичках идут. А вокруг разные испуганные хищники в клетках: тигры там, полосатые львы морковного цвета. И слон маленький-маленький в верхнем углу.

— А почему слон такой крошечный? Он что, карликовый?

— Нет. Он обыкновенный. Просто до него далеко идти

Папа все рисунки ребят собрал и в большую папку для бумаг положил. Последний рисунок он взял у Анфисы.

— Как же мы его, Анфиса, назовем?

— У-у-у! — отвечает Анфиса.

Папа посмотрел на рисунок внимательно, увидел — там над землей, между звездами и солнцем, ладошка нарисована очень тонкой руки. И папа сказал:

— Назовем мы этот рисунок «Добрая рука учителя».

И тоже рисунок в папку положил.

Здесь наш рассказ про Веру и Анфису подходит к концу. Много, много с ними еще приключений было. Обо всем не расскажешь. Но если вы очень захотите, вы напишите мне письмо, я тогда расскажу еще кое-что. Потому что я очень дружу с их папой, Владимиром Федоровичем. А пока я хочу рассказать вам, чем закончилась эта последняя история про конкурс детского рисунка.

Все рисунки из школы отправили сначала на районную выставку, потом лучшие рисунки из района поехали на городскую.

И городская, и районная выставки пользовались успехом. Люди ходили, рассматривали все и говорили:

— Ах, какая красивая ракета!

— Ах, какая красивая корова!

— Ах, какая красивая утка на четырех ногах!

Но больше всех восхищала яркая веселая картина «Добрая рука учителя».

— Вот это рисунок! Все на нем есть: и солнце, и звезды, и трава, и дети с чемоданами.

— И учитель своей рукой зовет детей к светлому солнцу.

— Видите? Он даже ночью зовет их к свету.

Хотя Анфиса никого никуда не звала, а просто муху хотела прихлопнуть и краской невкусной плевалась.

А потом рисунки за рубеж уехали, в жаркий город Рио-де-Жанейро. И там тоже «Добрая рука учителя» произвела хорошее впечатление. Все ее отмечали и хвалили. А главный устроительный художник сказал:

— Мне очень нравится эта рука. Я бы с удовольствием пожал ее. Я считаю, что эта рука заслужила первый приз.

Но другие устроительные художники заспорили. Они говорили, что автор увлекся символизмом, пошел под влияние импрессионистов и слишком усилил световую гамму в контрастной манере. Хотя Анфисиничем подобным не увлекалась, не подо что не попадала и совсем ничего не усиливала в контрастной манере. Она просто муху гоняла и краску невкусную выплевывала.

В результате всех споров ей дали третье почетное место. И ее рисунок получил приз «Хрустальная ваза с цветовыми разводами».

Скоро эта ваза в Москву приехала, а из Москвы в Анфисин город. На вазе надпись: «Анфисон Матфеев СССР».

И вот эту вазу в школу принесли. Собрали всех юных художников и объявили:

— Ребята! У нас случилась большая радость. Наш рисунок «Рука учителя» занял третье место на международной выставке в Рио-де-Жанейро. Автор этого рисунка — Анфисон Матфеев!

Директор школы Петр Сергеевич сказал:

— Я даже не знал, что у нас такой ученик есть. Проню этого достойного юношу выйти на сцену.

Но на сцену никто не вышел, потому что такого достойного юноши, Анфисона Матфеева, не было, и была обезьянка Анфиска.

И Верин папа во всем признался, как он рисунок Анфисы вместе с детскими рисунками на выставку отправил. И тогда директор сказал:

— Значит, наша рисовальная школа очень хороша, если у нас даже обезьянки рисуют не хуже, чем зарубежные школьники. И давайте нашей Анфисе похлопаем и хрустальную вазу ей заслуженно передадим. И давайте наполним ее вкусными и интересными вещами. Вынимайте из карманов что у кого есть.

И ребята стали вынимать, и ваза быстро наполнилась конфетами, пряниками, ластиками, бусинками и другими интересными штучками.

Вечером у Веры и Анфисы был большой праздник. Они эти интересные вещи делили между собой и бабушкой.

Все были счастливы. А больше всего Анфисе кубок понравился «Хрустальная ваза с разводами». Анфиса этот кубок целых два дня облизывала!

Меховой интернат

Поучительная повесть о девочке-учительнице
и ее пушистых друзьях

Глава первая
Меховой интернат открывается

Наступила осень, и огромный

веселый дачный поселок на станции Интурист опустел в один день. Только семья Люси Брюкиной никак не могли уехать. Их грузовик задерживался. Папа и мама с удовольствием читали книжки, лежа на вещах, а Люси пошла побродить по пустым дачным переулкам.

Около дачи номер восемь валялся совок.

На даче номер пять висели трусики.

На крайней, пятнадцатой даче развевались огромные сиреневые трусищи.

И только одна вечно заколоченная дача, у самого леса, почему-то расколачивалась. Какой-то меховой пузатый гражданин, дымя трубкой, отдирает ломиком щиты от окон.

Люся так и наполнилась любопытством, как парус ветром. Ее приподняло и понесло к этому дому.

Батюшки! Гражданин был барсук. Ростом повыше Люси. Важный и с повадками дворника из хорошей семьи.

— Здравствуйте! — сказала девочка.

— Здравствуйте! — ответил барсуковый гражданин. — Вы думаете, я дворник? Я директор. А дворники на полставки. У нас с персоналом трудности.

Он отвлекся на Люсю. Тут большой щит, оставленный без присмотра, под своей тяжестью отлип от стены и полетел вниз.

Сейчас прихлопнет директора!

И точно — раздался треск, и дворниковый директор, накрытый щитом, рухнул наземь.

Люся почувствовала себя виноватой и бросилась поднимать его.

— Ничего, ничего! — говорил барсук. — Лишь бы щит был цел!

Со щитом ничего не сделалось.

— А вы по объявлению пришли? Или просто так? — спросил директор.

— По какому объявлению?

Вон по тому. Которое висит у входа.

Люся вернулась ко входу на участок и прочла объявление на доске. Оно было такое:

МЕХОВОМУ ИНТЕРНАТУ НУЖНА УЧИТЕЛЬНИЦА ХОРОШЕГО ПОВЕДЕНИЯ И ПИСЬМА. ПРИГЛАШАЮТСЯ ДЕВОЧКИ ИЗ ТРЕТЬЕГО-ЧЕТВЕРТОГО КЛАССОВ. ЗАНИМАНИЯ БУДУТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ. ОПЛАТА ХЕНДРИКАМИ. СКОЛЬКО ДОГОВОРИМСЯ.

Это очень интересно! — сказала Люся строгим, взрослым тоном. — Но я хотела бы посмотреть учеников.

— Сейчас я их вам покажу, — сказал барсуковый щорник. — Пройдемте в директорскую.

Они вошли в небольшой щитовой домик, стоявший на том же участке.

Там на стене висела фотография класса. Фотография как фотография. Впереди ученики поменьше, сзади — поголиднее и помордастее. Но все они были звери. Меховые, ушастые и глазастые.

— А что? — сказал барсук. — Вполне достойные интернатники.

Очень достойные интернатники, — согласилась Люся. — И они будут меня слушаться?

А как же? А то им не дадут большой разлинованной Хвалюндии в конце года.

— Тогда другое дело! — важно сказала девочка, хотя она и в глаза не видела большой разлинованной Хвалюндии. — Тогда я согласна.

— Остается только договориться об оплате. Я думаю, четыре хендрика — это нормальная плата.

— Нормальная, — сказала девочка. — Для начала. А потом посмотрим.

Люсе понравилось, как она себя вела. Очень правильно. А что такое хендрики? Это деньги или вещи? Можно на них купить зонтик или куклу? Можно их дарить на день рождения? Тогда четырьмя подарками для своих друзей она уже обеспечена.

Барсуковый директор и девочка вместе были счастливы.

— Может, чаю хотите помидорового?

— Нет, спасибо.

— А то, если желаете, я могу угостить вас свежевывмытой картошкой.

— Мне что-то сейчас не хочется свежевывмытой картошки, — светски отказалась девочка.

Барсук наклонился к ней и заговорщицким голосом сказал:

— У меня еще есть засахаренная красная свекла для самых важных гостей. Давайте откроем кругляшок.

— Я обожаю засахаренную свеклу, — сказала Люся. Но не следует открывать. Отложим до другого раза.

Кажется, директор расстроился. Видно, важные гости приходят не часто, и неизвестно, когда еще он сможет раскупорить эту засахаренную гадость в кругляшке.

— Значит, я жду вас в следующее воскресенье в десять. Интернатники как раз прибудут и будут готовы. Простите, а как вас зовут?

— Люся Брюкина.

— Прекрасная фамилия. Очень аристократическая. — Он с удовольствием повторил: — Люся Брюкина! А меня зовут Мехмех.

— Мехмех? А отчество?

— Мехмех — это и есть с отчеством. Потому что полностью я — Меховой Механик.

Тут заревел гудок грузовика с участка Люсиных родителей. И Люся помчалась к своим грузить вещи. Шкафы, диваны, лампочки и газовые плиты.

На первый урок она решила надеть строгое коричневое платье, которое папа привез ей из заграничной командировки, желтые осенние сапоги и меховую шапку. Только она не знала — стоит ли ей

напрасить губы или это непедагогично? А папе с мамой
она ничего рассказывать не стала. Зачем осложнять им
жизнь?

Междуглавие первое Между двумя воскресеньями

События на неделе были такие: Карина Марино-
швили, главная Люсина подруга, влюбилась в старосту
Игоря Трофимова. А Игорь Трофимов сказал, что она
бестолковая и шумная. Что Катя Лушина лучше: она
любит зверей. Папа окончательно заявил, что он не
домработница и что не надо из журналиста делать
крепостного крестьянина, что, пока он стоит в очереди в
магазине, у него весь талант пропадает. Мама ответила,
что его таланту грош цена, раз он пропадает. Что
талантливых много, а трудолюбивых нет. На завуча
Эмилию Игнатьевну решили написать всем классом
заявление... вернее, половиной класса... просто активной
группой... Решили они с Кариной на завуча Эмилию
Игнатьевну в милицию написать. Оставляет всех на
продленку и ругается. Карину назвала дурочкой, потому
что Карина подметала неправильно... Она пыталась
ухватиться за перила по лестнице со второго этажа на третий поднять.
Пусть ей в милиции объяснят, что завучи ругаться не
имеют права... Кате Фридман купили бархатные штаны,
а она еще в школу не ходит... Вчера вызвали Спальникова
отвечать. Он вместо:

Мороз и солнце,
День чудесный!

прочитал:

Матрос и солнце,
Пень чудесный!

Все смеялись, а ему двойку вклеили за шутство...
Стали проходить дроби... Очень трудно умножать

столбиком большие числа. Например, надо умножить 257,374 на 983,542. Хорошо, что папа принес японскую счетную машинку с работы. На ней можно незаметно считать. Катя Лушина была в кино, разговаривала с мальчиком... Он спрашивал, носят ли в их классе джинсы и жуют ли жвачку. Катя сказала, что джинсы носят секретно — под школьной формой, а жвачку жуют на переменах в специально отведенных для этого местах...

А в общем, уроки, уроки, уроки. Уроки в школе, уроки дома... В свободное время для развлечения и отдыха посылают в очередь в магазин... Хорошо еще, что в нашей стране по телевизору кино показывают. Особенно мультипликацию.

Глава вторая Меховые интернатники

В электричке Люся волновалась и листала учебник. Еще бы — учительница едет. И вдруг она поняла, что беличья модная меховая шапка не очень-то понравится интернатникам. Она запахнула шапку в пластмассовый пакет для тапочек и вышла из электрички на пустую платформу.

Платформа была странная. И родная, и незнакомая. Она просто оглушала девочку тишиной... И одиночеством.

На дороге к дачному поселку все было по-другому. Не как летом. Никто никуда не спешил с авоськами и портфелями. Никого не встречали шумные разнокалиберные дети. Не было скакальных девочек. Не мотались во все стороны мальчики на велосипедах и на мотоциклах. Тишь да осень.

Одна черная бородатая коза пыталась съесть или прочесть объявление на заборе. Люся подошла и прочитала

ПРОДАЕТСЯ ТРЕХМЕСТНАЯ... НОВАЯ... ПОРОДИСТАЯ...

А дальше коза откусила. Самое интересное. Что продается? Дача? Корова? Но разве бывают породистые дачи? Или трехместные коровы? Тем более новые?

...Ворота дачного поселка были распахнуты. Сам поселок пуст. Люся с аристократической фамилией ждала. На месте ли достойные интернатники? Идет ли ее меховой механик Мехмех? Найдется ли для нее порция свежесваренной картошки? Или кружало вареной свеклы? Или все это привиделось ей в прошлое предсентябрьское воскресенье?

Слава богу, все было в порядке. Барсуковый директор встречал ее у калитки. На этот раз он имел явно директорский вид. Он был в пиджаке и в шляпе с украшениями. Скорее всего, эту шляпу с цветочками он надел на скамейке какая-нибудь легкомысленная пенсионерка. А куриным пером ее украсил сам Мехмех. Но так или иначе, она явно прибавила ему элегантности. Не на всякой помойке найдешь такую штуку.

— Здравствуйте, уважаемая девочка! Ваши ученики ждут вас.

— Здравствуйте, Меховой Механик.

— Не надо церемоний. Зовите меня просто дир! Ваш урок начинается через десять минут. Идемте, я вам дам чашку картофельного кофе и ознакомлю с Главным Бумажным Получальником.

Люся вошла за ним в отдельный домик, в директорскую, и строго стала пить по глоточку что-то молочное из чашки.

— Вот. Это Бумажный Получальник. Вы умеете им пользоваться?

— Я видела такие, — уклончиво ответила Люся. Потому что этот бумажный наполовину чальник явно напоминал классный журнал.

Здесь стоят получалки для учеников. Ваша страница — письмо и поведение. Вверху три пятерки, три четверки, три тройки. И две двойки. Когда интернатник вам отвечает, вы вписываете его фамилию в графу. К пятерке, четверке или тройке. К двойкам лучше не вписывать. Но тоже можно.

— А не проще ли наоборот? Написать фамилии интернатников, а отвечалки ставить напротив фамилий?

— Не отвечалки, а получалки. У нас раньше так и было. Но это портит успеваемость и отвечаемость, —

объяснил директор. — Всегда можно поставить лишнюю двойку или пару троек. Они сразу снизят уровень показателей. А так норма отметок выполнена раз и навсегда. Остается только вписывать фамилии ответителей.

— А много у вас преподавателей, уважаемый Механик?

— Зовите меня просто дир. Что значит — директор.

— А много у вас преподавателей, уважаемый дир?

— Нет. Двое. Я и вы. Я не стремлюсь к увеличению преподавательского состава. Больше зарплаты достанется оставшимся.

Меховой Механик посмотрел на часы:

— Все. Пора включать начинальник.

Он потянул шарик, висящий над столом на веревочке, и над дачным поселком поплыл густой пароходно-электрический гудок.

— Пойдемте, сударыня Люся.

— Пойдемте.

Главный Бумажный Получальник она несла в руках. Из-за двери класса слышался просто жуткий шум и гам. Как только двери открылись, Люся Брюкина увидела всех своих подопечных. Они были такими, какими она видела их на фотографии. Большие глазастые меховые звери на задних лапах в небольшом количестве одежды.

Ученики сразу затихли. Взялись за крышки парт и как один сделали стойку на передних лапах. Меховой взглянул на большие ручные часы.

— Почему они так странно вас приветствуют? спросила Люся.

— Мое изобретение. Во-первых, собирает и разгоняет сон. Во-вторых, выдает тех, кто жует мухоморы или бычки. Они сразу блонкаются. В-третьих, будит уважение.

Минутная стрелка сделала круг на часах, и Меховой сказал:

— Блюм!

Звери радостно всем классом бухнулись на лапы и сели на скамейки за парты. Все, кроме одного. Большой тушканчик по-прежнему стоял на передних лапах на парте.

— Так и есть! — сказал директор. — Наокуркился. Дачники оставили много окурков на участках, вот интернатники и жуют их. А потом дуреют. Живут как в тумане.

Он подошел к замершему ученику:

— Кара-Кусек, пройдите ко мне в кабинет.

Кара-Кусек осовело блюмкнулся на пол. Меховой директор взял за лапу мехового жевальщика окурков и жулел его.

Вы занимайтесь с ними. Знакомьтесь. Их фамилии написаны вот здесь. — Он показал обложку Получальника.

Дверь захлопнулась, и Люся осталась с учениками одна.

Они вовсю тарасили на нее глаза.

А она на них.

На обложке Большого Бумажного Получальника был нарисован план класса. Один стол учителя и сдвоенные столы учеников.

План был такой:

Зиб-моки, нац. муравьед.

Гурундуковый боря, нац. бурундук.

Кара-кусек, нац. тушканчик.

Снежная королева, королева, нац. горноста́й.

Фью алый язычок, нац. ласка.

Устин летящий в облаках, нац. волк.

Стол учителя

— Милые интернатники! — сказала Люся. — Давайте знакомиться. Меня зовут Люся. Я буду у вас учительница. Я учусь в четвертом классе. Я буду преподавать вам чтение и письмо. Сейчас вы покажете мне, что вы умеете. Это сделает Сева Бобров.

Со второй парты поднялся улыбчивый Сева Бобров и заговорил басистым голосом:

— Я умею перепиливать чурки.

Он взял дровешко на полу около печки и в момент пригрыз его большими зубами.

— Вот, — показал он Люсе два огрызка.

Люся никак не могла понять, к чему относится столь блистательное владение зубами — к письму или к поведению.

— А теперь вы возьмите мел и напишите свое имя и фамилию.

Бобренко подошел к доске и довольно уверенно написал:

БАБРОВ СЕВА.

— Хорошо, — сказала Люся. — А скажите, пожалуйста, что вы возьмете с собой, если вы идете в гости?

— В гости? — обрадовался Сева.

— Да, в гости. Причем к новым знакомым.

Юный интернатник подумал и уверенно ответил:

— Репу.

— Репу?! — удивилась Люся. — Нет. Это что-то другое. Они растут на клумбах... Бывают разного цвета...

Сева сразу догадался:

— Я все понял. Если я пойду в гости, я возьму корму вую бровку.

— Отлично, — сдалась Люся. — продолжаем знакомиться.

Ликующий Се-Ва Баб-Ров утянулся за свою парту. Он так и сиял радостью за свои ответы.

— Сейчас напишет свое имя интернатница... Фю. Фью... Алый Язычок, — продолжила Люся. — Странное какое-то имя.

Сева Бобров снова встал из-за парты:

— Можно я скажу?

— Да, Сева.

— Ее зовут Фью-алка, или Свись-алка.

— Почему — Свись-алка? Она свисает откуда-нибудь?

Интернатники засмеялись. Развеселились. Сначала тихо, потом сильнее.

— Она ниоткуда не свисает. Просто у нее такое имя, надо сначала свистнуть, а потом показать что-нибудь красное. Например, язык. Это по-нашему, по-меховому.

— Спасибо, Сева. Это очень красивое имя, Фьюалки. У нас есть такие цветы — фиалки. Я их очень люблю. Прошу вас сюда.

Она жестом пригласила ученицу отвечать. Сверкнула лаковая молния, и ласка оказалась перед столом. Будто кто-то выключил ее изображение за партой и включил уже здесь, у доски. Она стояла, нервно перебрасывая лапками мел.

— Напишите свое имя.

Лаковая молния, секунду поколебавшись, написала.

ФИАЛКА.

Люся спросила:

А что вы возьмете, если пойдете в дом к новым знакомым?

— Я возьму книги.

Дверь распахнулась, и вошел дир. Он держал большой черный поднос с капустными кочерыжками.

— Перерыв! Перерыв! — сказал он. На нем был белый фартук и белый колпак. Видно, он всерьез экономил водички и был еще и буфетчиком при интернате. — Не перегружайте детенышей, пожалуйста. Устройте им игры на свежем кислороде.

Интернатники оживились и задвигались. Лаковая молния выключилась у доски и включилась за партой. (Так быстро она перемещалась.)

— Хорошо. Только я закончу урок! — строго сказала Люся. — Дорогие интернатники! Если вы идете в гости в какой-нибудь дом, и идете в первый раз, вы должны взять с собой цветы.

Пауза.

Не книги. Не репу с брюквой. И даже не дрова. А, я подчеркиваю, ЦВЕТЫ.

Подчеркивать Люся научилась у папы. Папа всегда говорил очень умные вещи и самое умное постоянно подчеркивал.

А теперь — перерыв!

Счастливые интернатники с кочерыжками в зубах высыпали на траву. Причем практически бесшумно. Не топтали ботинки, не стучали когти.

— Во что будем играть? — спросила учительница Люся.

— В толкалки! В толкалки! — кричали звереныши.

— В сшибалки!

— В валилки!

— Что это за игры? — спросила Люся у Всеволода Боброва. — Что надо делать? И кто выигрывает?

— Надо толкаться, пока все не повалятся, — объяснил Сева. — Кто упал последний, тот победил.

— Хорошо, — начальническим голосом сказала Люся. — Играем в валилки. Приготовились.

Старшие интернатники приняли борцовскую стойку. Мелкота побежала хвататься за деревья.

— Готовы? — спросила Люся.

— Готовы...

— Раз. Два. Три... Начали!

И закипела меховая поляна. Ученики хватали друг друга за лапы, за шею, за что попало и валяли на землю.

Малышня висла на больших гроздьями. Большие шатались, ходили обвешанные мелкотой и шлепались. Кто свалился — на лапы не вставал. Подползал к другим упирающимся и вис на них.

Скоро все попадали. Остался на ногах один большой муравьед. Он ходил весь обвешанный мелкотой и пошатывался. Но держался. Вдруг белоснежный горноста́й прямо с земли сделал прыжок. И свалился ему на голову. Прыжок был такой, что часть горноста́я была еще видна на поляне, на траве, а часть уже подлетала к муравье́ду. Муравьед рухнул. И все радостно завопили:

— Биби-Моки! Биби-Моки!

— Что значит «биби-моки»? — спросила учительница Люся у щекастого Севы.

— Это имя такое. Значит Большая Биби.

Над поселком разнесся рев начинальника. Интернатники кинулись в класс. Люся вошла последней. Когда только она переступила порог, все сделали стойку на лапах. Люся сказала:

— Блюм!

И они блюмкнулись.

— Кара-Кусек, к доске.

Тушканчик в джинсовой жилетке вышел из-за парты и сделал прыжок через всю комнату. По дороге он перевернулся и шлепнулся у доски уже лицом к классу. Люся не знала — так это положено ему или нет.

хулиганство. От того, кто жует дачные окурки, всего можно ожидать.

Но класс не насторожился. Значит, все в норме. Вряд ли Кара-Кусек после беседы с директором станет еще хулиганить и напрашиваться. Он стоял у доски и грыз мел.

... Напишите, пожалуйста, свое имя.

Пушканчик написал правильно:

КАРА-КУСЕК.

Теперь просклоняйте его по падежам.

Кара-Кусек принялся склонять. Он говорил и писал:

— Именительный — кто? что? Кара-Кусек. Родительный — кого? чего? кого нет? Кара-Кусека. Дательный — кому? чему? Кара-Кусеку...

Он дописал до предложного падежа и приготовился написать на свое место.

— Нет, нет, — остановила его Люся. — Вы куда? Куда? Склоняем дальше.

— Склоняем дальше, — согласился интернатник. — Сюю «куда». Именительный: Куда. Родительный — кого? чего? кого нет? Куды. Дательный — кому дадим конфетку? Куде...

Он просклонял эту «куду» до конца.

Люся была настолько потрясена таким склонением по падежам, что не могла сделать ни одного замечания.

Тогда она задала свой гостевой вопрос:

— А что вы возьмете, если пойдете в гости к новым знакомым?

— Цветы! Цветы! — засуетилась белочка с первой парты. Это она так подсказывала.

Люся строго посмотрела на нее. Но Кара-Кусек не поддавался в подсказке.

Капусту. Три кочана, — сказал он уверенно.

А если я не люблю капусту?

— Мы сами съедим. Чтобы она не пропадала.

— Кто «мы»?

— Иглосски и еще Биби-Моки.

Люся поняла, что она со своими цветами бессильна против вкусной капусты Кара-Кусека. И она уступила:

— Вы свободны, Кара-Кусек.

Жилеточный тушканчик сделал прыжок через весь класс. В воздухе он перевернулся и приземлился прямо на парту.

Люся очень нравился искрящийся белизной горноста́й, сосед Кара-Кусека. Она заглянула в Получальник:

— К доске пойдет Снежная Королева.

Горноста́й белым призраком скользнул вперед. Встал нервно подбрасывая кусочек мела.

— Напишите, пожалуйста, такое предложение «Снежная Королева любит танцевать».

Горноста́й написал:

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА НЕ ЛЮБИТ ТАНЦЕВАТЬ.

— Хорошо! — сказала Люся. Потому что ошибок не было. Хотя она совсем не знала, как к этому относиться.

— Напишите еще: «Вчера Снежная Королева играла с маленькой сестренкой».

Горноста́й молча повернулся и опять написал не то:

**ВЧЕРА СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА ВЫСЛЕЖИВАЛ
ТЕМНОТЮРА.**

Весь класс вздрогнул.

— Я же просила вас написать, что вы играли с маленькой сестренкой.

— Я не играл с маленькой сестренкой. — возразил горноста́й. — У меня нет сестренки.

Люся хотела разузнать — кто такой Темнотюр и почему класс его боится? Но не стала, а повела урину дальше.

— Напишите вот что: «Сегодня ярко светит солнце и желтеют одуванчики».

Тут Сева Бобров поднялся. Он был взволнован:

— Как же он может написать, что желтеют одуванчики когда они завяли? Они ж не желтеют. И солнце совсем не «очень яркое». А так себе солнце.

Хулиганистый Кара-Кусек закричал с места:

— Осень же! Осень на дворе! Вы что?!

Разгорался скандал. Хорошо, что вошел дир с очередным подносом. С очищенной картошкой в этот раз.

— Все! Все! На сегодня хватит! Перерыв!

Меховой поток бесшумно смыл его и скрылся на жайке. Поднос опустел.

— Пройдемте ко мне в кабинет, девочка Люся. Надо оценить первый день работы.

Они сидели в директорском доме. Солидно пили из чашек что-то непонятное: то ли картофельный чай, то ли помидоровый кофе.

— Как прошли ваши уроки?

— Хорошо, — ответила Люся. — Но под конец они бунтовались.

От удивления дир даже встал из-за стола:

— Как так?

— Надо было написать предложение: «Сегодня ярко светит солнце и желтеют одуванчики». А они отказались.

Дир посмотрел в окно:

— А разве они желтеют? Да и солнце не очень яркое...

Потом он спохватился:

— Я вам объясню, в чем дело. У наших интернатников плохо обстоят дела с обманизмом.

— С чем? — спросила Люся. Теперь она оторопела.

С обманизмом. Они обманывать не умеют. Всегда говорят правду. Мы даже в интернатскую программу такой предмет ввести хотели — обманизм... сочинизм. Преподавателя найти не можем. Кстати, вы не могли бы помочь?

— Нет, — ответила Люся. — Это не для меня.

— Может, вы кого-нибудь порекомендуете?

— Я подумаю. Это очень сложное дело — обманизм. Но всегда учили говорить правду.

— Но не врагам, — возразил Мехмех. — А наши малыши даже охотнику Темнотюру правду скажут. Он их спросит: «Где ваши старшие?» Они ответят: «Их нет. Матушка Соня в ночевальне спит. А Меховой Механик в темный склад ушел». После этого сажай их в мешок. И носи на живодерню. Люся, вы же не станете врагам правду говорить?

И Люся представила себе, как гуляет она, допустим, где-то в районе Кутузовского проспекта, около секретного

завода. И подходит к ней чужеземный шпион, замаскированный под нашего крестьянина: в лаптях, кинокамерой на боку и с сигарой во рту. И спрашивает: «Укажите умне, уза уэтим узабором учто уделают? Увоенные бомбардировщики БУХ — тридцать восемь?» И как она ему сразу ответит: «Уничего уподобного. Уза уэтим узабором корытная фабрика находится. Там корыты изготовляют для сельской местности». — «А упочему там пушки стреляют и пулеметы строчат?» — «А потому, что корыта на прочность испытывают».

Это же будет ложь! Потому что весь микрорайон давным-давно в курсе, что за этим забором выпускают не корыта, а трехдверный перехватчик с десятью моторами. Вертикального взлета с любой железнодорожной платформы.

— Мне не хочется раздувать штаты, — продолжал Мехмех. — Мы с вами хорошо сработались. Но если вы не можете сами, подумайте о ком-нибудь другом.

Люся сразу подумала про Киру Тарасову.

Междуглавие второе Разные размышления и события в школе

Всем была хороша Кира Тарасова. И юбочкой, и глазами, и очками серебряными. Но врушка она была коллекционная.

— Вчера у моей мамы был день рождения. Ее лично Дядя Мороз поздравил и группа товарищей. Ей большую медаль вручили из золота. Только ее она в метро на эскалаторе забыла. А пластмассовый пакет от медали остался. На нем Мишка олимпийский нарисован.

— У нас два дня космонавты жили. Титов и Кубасов. Кубасов, он моему папе брат. Они ванну принимали в скафандрах.

— Как — в скафандрах? В скафандрах в воду лазили? Так они же сухие оставались тогда. Ведь скафандры воду не пропускают.

— Нет, вы не поняли. Они не в ванну в скафандрах лазили. Они в скафандрах ванну принимали. То есть

горячую воду в скафандр наливали и ходили. Получается горячая ванна. И сразу физкультура. Потому что в такой ванне по квартире походишь — сразу нагрузка. И проверка для костюма космического. Не протекает ли где.

— У моей бабушки в деревне ручной медведь живет. Они его в телегу запрягают. Он ее возит. И квас в сельпо привозит. А сейчас зима. Он под бабушкиной кроватью сидит. Весной его разбудят. Со всего района будильники обернут. Поедете к нам в деревню, сами увидите.

— А где деревня? Далеко?

— Под Кисловодском.

— Но там же медведи не водятся.

— Это раньше не водились. Сейчас водятся. Там целая медвежья ферма есть. Там медведей для цирка разводят. Как кроликов.

С Кирией Тарасовой Люся и решила поговорить насчет обманизма. Но тут вышла осечка. Кира учительницей быть соглашалась, но врушкой себя не признавала.

— Я? Никогда не вру. И не сочиняю. Я могу абсолютный правизм преподавать, то есть неврунизм.

— Им не нужен неврунизм, — рассказывала Люся. Она сегодня специально села за Кирию стол. Кира настолько выкрутилась, что сидела одна. Ее вранья никто не поддерживал. — Этим интернатникам нужен обманизм. А то они на живодерню попадут. Из-за своей честности.

— Как так — на живодерню?

— А так. Придет охотник и спросит: «Где ваши старшие?» Они честно ответят: «Никого нет дома. Мы одни сидим». Кири этих малышей и сажай в мешок. А надо, чтобы они умели хоть немного соврать. Придет охотник с мешком и спросит: «Где ваши старшие?» — «Да нигде. Дедушка барсук на веранде сидит, пулемет перебирает. Бабушка Соня на кухне с милицией чай пьет. И две девочки-учительницы в саду волшебную дубинку испытывают».

— Ты и преподавай свой обманизм, — сказала Кира. — У тебя хорошо получается.

К девочкам подошла учительница. Она посмотрела Люсину тетрадь, потом Кирию.

— Тарасова, — спросила она, — ты почему не выполнила домашнее задание?

— Понимаете, Ирина Вадимовна, у меня папу в армию забрали. В парашютные войска. И мы с мамой всю ночь ему спортивную форму шили.

— Как — форму? Твой же папа уже был в армии. Давно.

— А его снова позвали. Уже начальником. Потому что он хорошо прыгал. Без него не справляются. Все разладилось. Мы ему лампасы на джинсы пришивали. А бабушка парашют вязала на спицах.

Ирина Вадимовна даже растерялась. Ничего себе новости! Оказывается, теперь парашюты на спицах вяжут! А сорокалетние снова в армию идут.

— Бедная девочка! — погладила она Киру по голове.

А когда Ирина Вадимовна отошла, Кира сказала:

— Я не бедная! У нас квартира на двадцать восемь комнат. И дядя из Швейцарии ящик с магнитофонами прислал. Он там всемирный конгресс водопроводчиков проводит. Ну что, берешь меня правдизм преподавать?

— Ни в коем случае.

— Тогда я всем про тебя расскажу. И про твоих интернатников.

— Нельзя. Про них нельзя говорить.

— А я вот расскажу. Ребята, ребята! — зашептала она голосом диктора Центрального телевидения. — Наши Брюка в загородном парке учительницей работает. Зверям русский язык преподает. И поведение.

Упитанный Игорь Трофимов и ехидноглазый Спальников немедленно повернулись на шепот, придвинулась и тростиночноногая Катя Лушина.

— Прошу поподробнее, — попросил Игорь. — Каким зверям? Хищникам? Парнокопытным? Обезьянам? Какой язык — устный или письменный?

Таких подробностей Кира не знала.

— А откуда тебе это известно? — спросила Катя Лушина. — Про Брюкину?

— Она меня туда звала. Приглашала.

— Снова прошу поподробнее, — съехидничал Трофимов. — Приглашала в качестве кого? В качестве хищника? Парнокопытного? Человекообразного?

— Она меня учительницей звала. Обманизм преподавать, — уже не телевизионным, а простым шепотом сказала Тарасова.

— Прекрасный выбор! — заявил Спальников. — За чем же дело стало? — И сам же себе ответил: — А за тем, что она такое напреподает, что все звери разбегутся. Во главе с директором зоопарка.

— Еще заставит их ванну в скафандрах принимать, — добавил Трофимов.

— Или лампасы к джинсам шить, — сказала Лушина.

— А то всех зверей отправит в парашютные противопожарные войска, — продолжил Спальников. — Им никаких противогазов не надо. Они и так страшные.

— Вы смеетесь, а я правду говорю! — голосом пионера из детского театра закричала Кира. Но ей никто уже не ширил. И все отвернулись от нее. Каждая шутка хороша в меру.

Глава третья Австралийский Плюмбум-Чоки

В этот раз в электричке Люся держалась солидно и строго. У нее уже был немного учительский вид. Один сельский первоклассник даже потянулся ей место уступить. Но потом спохватился, сел и в знак протеста стал рассматривать потолок.

На станции Интурист погода была на «отлэ». Краски тушенные, сочные. Недоеденное объявление было наменено новым, некусаным. Но неразборчивым.

ПРОДАЕТСЯ ТРЕХМЕСТНАЯ НОВАЯ БАЙДАРКА. ТАМ ЖЕ ИМЕЕТСЯ ПОРОДИСТАЯ ОХОТНИЧЬЯ... ЧАЯ... КА. С ХОРОШЕЙ РОДОСЛОВНОЙ. В ХОРОШИЕ РУКИ БЕС...

«Ничего себе, — удивилась Люся. — Разве бывают охотничьи чайки? И на кого они охотятся? На лягушек? На рыб? А что это за бес в хорошие руки? У меня руки хорошие, возьму беса. А еще лучше — бесенка. Интересно, как он выглядит?»

Дачный поселок дымился одинокими пенсионерскими кострами. Пожилые люди сжигали осенний мусор.

...Интернатники ликовали. Увидев Люсю, они шмыгали по участку отдельными личностями и клубились у окна в класс целым коллективом.

Дир сейчас был не дир, а двор, то есть дворник. Он с метелкой в руках воевал с травой и листьями. И жег костер.

— Здравствуйте, — сказала Люся.

— Здравствуйте, уважаемая сотрудница.

Люся взяла светский беседовательный тон:

— Осень.хлопотное время для садовода.

— При чем тут садоводство? — удивился дир. — Это и варенье варю.

— Наверное, у вас ягод много. Пропадают.

— Ягоды? — удивился дир. — Я овощное варенье варю. Помидорно-капустное.

— Это входит в ваши обязанности как дворника или как директора?

— Как врача.

— Почему — как врача?

— Потому что матушка Зюм-Зюм заболела. Ее надо лечить.

Люся разглядела ведро на костре и белый халат на Меховом Механике. И учуяла запах потрясающего капустного варенья с помидоровым уклоном.

— Матушка Зюм-Зюм — это наша кормилюндия. Ее надо ставить на ноги, а у меня ни одного хендрика нет. Не пришли еще.

«Оказывается, хендрики ходят! — отметила про себя Люся. — Наверное, они вроде цыплят».

Вслух она сказала:

— Извините, дир. Меня уроки ждут. Бумажный Получальник в кабe? В кабинете?

— Он в главном управлении Получальников на проверке. Возьмите Большой Вафельный Отметник.

— А как им пользоваться? — спросила девочка.

— Очень просто. Он сделан из вафли. За каждый правильный ответ можно давать учащемуся грызть. Чем лучше ответ, тем больше можно откусить.

— Они ж его сразу съедят.

— Вы не давайте. Он разделен на квадратики, как шоколад. За пятерку — пять квадратуриков. За четверку

четыре. За двойку — только понюхать давайте, а кусать нельзя. Те, которые нанюхаются, очень хорошо потом учиться начинают.

Люся прошла в директорскую, взяла Вафельный (Отметник и потянула за шарик начальника.

При ее появлении в классе интернатники встали на передние лапы. От радости они махали задними лапами и раскачивались.

Люся посмотрела на часы и сказала:

— Блюм.

Класс радостно рухнул. Но тишины не было. Кто-то тихо барабанил лапами, кто-то урчал, кто-то колотил по скамейке хвостом.

— Что это значит? — спросила Люся удивленно. — Почему шум?

— Это мы вам радуемся! — сказал щекастый Бобров.

— Спасибо! Я тоже рада вас видеть. Но при этом я не стучу хвостом по столу и не рычу. Нужно учиться выражать свою радость по-другому. Если вы от радости ларычите на человека, он насторожится. Испугается и убежит. Надо улыбаться. Вот так.

Люся показала, и все интернатники сделали «вот так». Получилась просто жуть. Столько зубов, один острее другого! И все оскалены для показа. Особенно старался Осва Бобров. Он выставил все свои зубы, как будто собирался перегрызть колючую проволоку.

— Нет, — сказала девочка. — Так получается еще хуже. Не только простой прохожий — милиционер испугается. При улыбке надо уголки рта поднимать вверх.

Интернатники попробовали.

— Уже лучше. Сняли! А теперь продолжаем занятия. Я прошу подойти к доске... вас, — попросила она бурундукового подростка с задней парты, соседа муравьеда Ниби-Моки.

Тот подошел застенчиво-развязной походкой, держа лапы за спиной.

— Возьмите мел, уважаемый интернатник, и напишите, как вас зовут.

Бурундучок написал:

БУРУНДУКОВЫЙ БОРЯ.

— Хорошо. А теперь напишите, сколько вам лет.
Боря показал ей лапки. Черные когтистые ладошки.

— Ты хочешь сказать, что тебе десять лет? — спросила Люся.

Боря опустил нос вниз.

— Он хочет сказать, что ему нечем писать, — встрял зубастый Сева Бобров. — Он мел съел.

— Это от хулиганства? — спросила Люся.

— От застенчивости. И оттого, что он растет.

— Что же мы будем делать? — растерялась девочка.

— Давайте в валилки играть! — завопил Кара-Ку сек. — Или в скакалки.

«Не иначе наокуркился», — опасливо решила Люся. И сказала строго:

— Ни в какие валилки мы играть не будем. Мы продолжим занятия. У кого есть мел?

— У меня, — встал черноносый игластый ежик с первой парты. — У меня в спальне. Можно я принесу?

— Хорошо. А Бурундуковый Боря сейчас расскажет нам стихотворение.

Ежик, гремя иголками, ринулся за мелом, а Боря спросил:

— Про любовь можно? — и опустил нос под мышку.

Люся сказала, что можно. Боря стал читать:

Мороз и солнце: день чудесный!

Еще ты дремлешь, друг прелестный...

Все.

— Где же здесь про любовь? — спросила Люся.

— Про любовь дальше.

— Ты и прочитай дальше.

— А я дальше не помню. Я могу это еще раз прочитать. Можно?

— Можно. Читай.

И Боря еще раз с тихим удовольствием прочел:

Мороз и солнце: день чудесный!

Еще ты дремлешь, друг прелестный, —

и снова сунул нос под мышку.

«Ничего себе интернатники! — подумала Люся. — Мел едят! Про любовь стихотворения читают. Научи их чему-нибудь. Вот у нас в классе мел не едят. И вообще, с нами проще».

Тут она притормозила — проще ли? И решила проверить, понаблюдать за тем, что в ЕЕ классе мешает процессу обучения школьников. Сколько мешаний будет за неделю.

Пока Бурундуковый Боря стеснялся и дышал в рукава, черноносый игластик с первой парты вернулся с большим куском мела:

— Вот.

— Где ты его взял?

— Он у меня в зимних ходилках лежал.

— Зачем?

— Мы хотели, чтобы считальный урок отменили. И прятали в ходилки.

Люся с трудом догадалась, что это валенки.

— И что? Отменили урок?

— Нет. Не отменили. Мехмех проверялку устроил. Меня в двоечный раздел записали.

— И меня! — вспомнил Бурундуковый Боря. Он так расстроился от воспоминаний, что взял мел и стал его грызть.

— Подожди, не ешь, — сказала Люся. — Напиши, сколько тебе лет.

Боря наморщил лоб и закатил глаза:

В какой системе? В меховой или в людовецкой?

— В какой такой «людовецкой»?

В людовецкой — это в какой люди считают.

— Напиши в людовецкой, — согласилась Люся. — То есть в человеческой.

Бурундуковый Боря написал:

В ЛЮДОВЕЦКОЙ С. МИНЕ СИЧАС 8 ЛЕТ.

— А в меховой системе?

В МЕХОВОЙ С. МИНЕ СИЧАС 16 ЛЕТ.

Люся ничего не поняла:

— Может, ты что-то напутал? Как может быть дни возраста? При чем тут меховая система?

Но застенчивый мелопоедательный бурундук стоял на своем:

— Девочка Люся, ведь у собак, которые у вас живут, два возраста. Собаческий и человеческий. Ведь правильно?

— Правильно. Мой папа говорил: «Нашему Шаху восемь лет. Его года надо умножить на семь. Тогда мы узнаем его человеческий возраст. Получается, что ему пятьдесят шесть. Он уже пенсионер».

— И у нас два возраста. Для людей и для нас, упирался Бурундуковый Боря.

— Я поняла, — сказала Люся. — Чтобы узнать ваш возраст, ваши года нужно поделить на два.

Вперед выступил головастый ежик. Он теперь оживился и гремел иголками, как хорошая погремушка.

— Мы живем долго и долго вырастаем. Поэтому нам много лет, а мы еще маленькие.

Люся подумала про себя: «Я считала, что они бестолковые, как на площадке молодняка. А они умные ребята».

Прогудел начинальник. Вошел Меховой Механик с подносом ярко-фиолетовой свеклы. Он посмотрел на Вафельный Отметник:

— Он целый? Вы не спрашивали учеников? Им нужен беседовательный рассказ в виде доклада?

— Просто мы про него забыли.

Она отломила два больших квадрата и угостила бурундучка и ежика. И спросила:

— Как здоровье матушки Зюм-Зюм?

— Лежит с температурой, — ответил дир.

— Знаете что, Мехмех, я пойду на свою дачу. Там есть аптечка с лекарствами. Я принесу аспирин или анальгин. Они понижают температуру.

— Пожалуйста, помогите нам, девочка Люся, попросил дир.

— Можно я пойду с вами? — потянул Люсю за руку ежик.

— Конечно. Как тебя зовут?

— Иглосски.

— Можно я тоже пойду? — спросил Бурундуковый Поря.

— И я, — попросился зубастый Сева Бобров.

— Конечно, можно. Все пошли.

Они повисли на Люсе, как детсадовские малыши. И они отправились на Люсину дачу.

Люся взяла заржавевший ключ под водосточной трубой. Открыла замок и вошла на веранду.

Меховая ребятня всунулась за ней. Малыши все нюхали, трогали и даже облизывали языком. Все-все. И про все спрашивали — зачем?

Больше всего их поразил не телевизор (они его нюхали, лизнули, и все). Не электрокамин (только трогали). Не старинный магнитофон (покусали, и только). А большой резиновый мяч.

— Это что? — спросил Сева.

— Мяч. Он прыгает. В него играют.

— У нас есть такие. Они называются скакуны. Только они очень тяжелые. Как капуста, — сказал Иглосски.

— Мы возьмем его с собой в интернат, — решила Люся. Она отыскала лекарства, и они пошли в поселок.

Красный мяч произвел фурор. Меховая публика кинулась на него кучей. И стала кататься клубком по мягкой траве.

Люся подошла к диру. Протянула таблетки:

— Это для матушки Зюм-Зюм. Помогает сбить температуру.

— Пойдемте к ней. Она очень отсталая личность. Хотите всего нового. Может и отказаться.

Они прошли в глубь участка, к задней стороне дома. Там вдоль стены лепилась лесенка на второй этаж. И была дверь в подвал.

— Здесь у нас котельная, — сказал дир, — и кухня. А наверху — ночевальни для учащихся и состава. Да, как счет обманизма? Нашли кого-нибудь?

Пока нет, — ответила Люся. — У меня есть одна знакомая девочка — жуткая врушка. Но она себя врушкой не считает. Она сама верит во все, что говорит. Она хочет правдизм преподавать.

— Правдизм пока не нужен. У нас с обманизмом плохо. И потом, мне кажется, здесь не девочка нужна, а

наставник со стажем. Опытный обманист. Придется, наверное, объявление давать. Как вы думаете, чем можно такого наставника привлечь — хендриками, живульней?

— Думаю, и тем и другим, — осторожно ответили девочка. Потому что она в глаза не видела ни того ни другого.

Они поднялись на второй этаж.

В прихожей на полу на треногах стояли две трубы. Одна была направлена в небо, другая — в сторону станции. Люся заинтересовалась:

— Что это?

— Усилительные трубы. Вот эта — подзорная, звездоскоп. А это нюхозорная труба, или нюхоскоп. Хотите осмотреть окрестности? Или обнюхать? Или послушать?

— Да, хочу.

Дир настроил трубы:

— Вам на сдвоенную работу? Или на строенную? Пожалуйста. Сюда надо смотреть. Сюда надо совать нос. Только ваш нос неудобный, маленький.

Юная учительница стала смотреть и нюхать. Подзорная труба была с многократным увеличением. Видно было каждую ветку, каждую перекладинку перил, каждую спичку, каждый камешек на платформе.

Люся прочла расписание на щите. Высмотрела себе очень удобную электричку, идущую до Москвы почти без остановок.

Потом увидела объявление на столбе. Оно было знакомое:

ПРОДАЕТСЯ ТРЕХМЕСТНАЯ НОВАЯ БАЙДАРКА. ТАМ ЖЕ ИМЕЕТСЯ ПОРОДИСТАЯ ГОНЧАЯ СОБАКА. С ХОРОШЕЙ РОДОСЛОВНОЙ. В ХОРОШИЕ РУКИ, БЕЗ ПЛАТНО.

«Вот тебе и бес в хорошие руки!» — подумала Люся.

Она увидела осеннюю клумбу с астрами. И стала нюхать цветы. Запаха не было. Она перевела трубку на коричневую кучу с удобрениями. Тут ей сильношибануло в нос тухлятиной. От этого запаха глаза Люси

пытаращились. Но мысли прояснились. Она сразу поняла, что такое нюхоскоп. «Хорошо, что это нюхоскоп. Был бы зубоскопом — как треснул бы по зубам!»

За прозрачной дверью лежала в кровати вся обмотанная шарфами и грелками матушка Зюм-Зюм.

— Проходите сюда.

— Здравствуйте, матушка Зюм-Зюм, — сказала Люся.

— Здравствуйте, маленькая девочка! — ответила матушка. Внешне она была похожа на садовую сою. — Мне дир очень хвалил вас. Эту круглую штучку надо потать?

— Да, матушка Зюм-Зюм.

— А хендрики еще не прилетели? — спросила она у Парсукового дира.

— Еще нет. Сам жду. И переживаю.

— Ладно. Проглочу эту пуговичку, А то я совсем в шу.

«Хендрики еще могут летать», — подумала Люся. И попыталась себе представить осенний перелет хендриков. Матушка выпила аспирин и закуталась в плало.

— Теперь поспите, — сказала Люся. — Скоро вам станет легче.

— Спасибо, милая девочка.

— До свидания, матушка Зюм-Зюм.

Меховая мелкота и крупнота уже была за партами. Все тили на передние лапы и от радости замахали задними.

— Блюм, — сказала Люся. — Сейчас пойдет к доске... — Она посмотрела на маленькую белку с первой парты. — Ядет...

Но белочка не дала сказать, а забежала вперед:

— А почему вы Плюмбум-Чоки не вызываете?

Ее серебристые очки так и сверкали во все стороны.

Дылда волк, сидящий рядом, важно поддержал:

— Да, почему?

— Плюмбум-Чоки? А это кто? Где он сидит?

— Он в дыре сидит! Вон! Вон! — повскакала с мест сидящая мелочь. Они показывали на круглую дыру в полке. Оттуда к доске тянулся канат.

— Хорошо, — согласилась Люся. — К доске пойдет Плюмбум-Чоки.

Никто из дырки не показывался. Люся вопросительно посмотрела на белочку.

— А он не может пойти. Не может! — захлопотали белочка. — Он ходить не умеет. Он лазает.

Люся поджала губы — уж не разыгрывают ли ее? И сказала строго, с нажимом:

— Сейчас к доске *полезет* Плюмбум-Чоки.

Сначала из дырки посыпался мусор — зеленая труха. Затем закачался и задергался канат. Потом показалась длинная меховая лапа с цеплятельными пальцами. А затем вылез и сам Плюмбум-Чоки — большой ленивец в сиреневых трусищах по самую шею.

«Ничего себе площадка молодняка! Ни в одном зоопарке нет таких зверей!» — подумала Люся.

Плюмбум-Чоки медленно полз к доске. Вот он занял над ней, глядя на Люсю огромными спрашивающими глазами.

— Напишите свое имя и свой возраст в людовецкой системе.

Плюмбум начал царапать мелом что-то на доске. Люся не понимала: что это? на каком языке? на людовецком? на меховом?

Чоки кончил царапать, а Люся так и не разобралась.

— Что он написал? — обратилась она к классу.

Весь класс как один встал на передние лапы. Будто кого-то приветствовал. Люся даже оглянулась — не вошел ли кто?

Никого не было. А класс плюхнулся обратно. И снова подняли лапы. Больше всех тянулась белочка с первой парты:

— Можно я? Можно я?

— Можно.

— Он написал: «Свинцовый Чоки. Семь лет».

— На каком языке?

— На кверхногамном.

— Что это еще за язык такой — кверхногамный? удивилась Люся.

— Это когда кверх ногами пишут. Он же так и сидит.

Люся повернулась к доске спиной и встала в позу ширяльщика. Так что доска предстала перед ней кверху ногами.

И прочла: «Свинцовый Чоки. Семь лет».

Теперь ей стало ясно все, кроме слова «свинцовый».

— Почему «Свинцовый» Чоки? Ведь нужно «Плюмбум».

— Потому что плюмбум и есть свинец, — проскрипел гнивец. — Я Свинцовый Чоки.

Он говорил, как по тарелке царапал.

— Спасибо, — сказала Люся. — Очень хорошо. Вот нам Вафельный Отметник. Откусите большой квадратик.

Она подала Отметник Чоки. Он не доставал, а она не дотягивалась. Тут Чоки рухнул вниз прямо на Люсю. Она даже перепуталась и шмыгнула под стол. Только Чоки не долетел до пола. Он повис на двух крючковатых лапах, как меховой ковер на веревке.

«Так бы его и треснула выбивалкой!» — подумала Люся. Но драться не стала. А солидно, как положено учительнице, вылезла из-под стола и подала Отметник ученику.

Плюмбум радостно отгрыз большую дольку и, слоившись, полез по канату в свою замусоренную дыру. В классе остался только резкий запах эвкалиптовых листьев.

Люся внимательно осмотрела все углы в классе. Нет ли где еще какой норы? Того гляди, утконос вылезет или нитон.

— Теперь я бы хотела познакомиться... с юным пушистым созданием...

Маленькая белочка исчезла под партой.

— ...у которого такие толковые глаза... Такой инстинчивый вид... Это создание, наверное, самое крожное во всем классе... очень любит грызть орехи... и сидеть под столом.

Бельчонок сидел под партой и в ужасе дергал джинсовую штанину волка:

— Это про тебя! Это про тебя!

Волк оттолкнул белочку лапой:

— Не дергай! Сам знаю.

Он засмутился и, опустив глаза, пошел к доске. А белочка вылезла из-под парты очень довольная. Она

покашивала глазами на Люсю и, наверное, считала себя самой хитрой в школе. В обеих системах — в людовецкой и в меховой. Еще бы! Она так здорово избежала вызова и доски!

— Прошу вас, дорогой интернатник, напишите свое имя.

«Юное пушистое создание» в виде лохматого дылды и джинсах и с пистолетами на боку нацарапало:

УСТИН ЛЕТАЮЩИЙ В АБЛАКАХ.

Люся спросила у класса:

— Где ошибка?

Белочка с первой парты засверкала очками:

— Можно я? Можно я?

Она вышла из-за стола. И стало видно, как она хорошо одета. В яркую цветастую юбочку и жилетку. Она дописала:

С ТРУДОМ.

— Почему — с трудом? — оторопела Люся.

— Как — почему? Как — почему? — захолопотала белочка. — Волкам трудно летать. Они не умеют летать. Птицы умеют. Мыши умеют. А волки не умеют.

— Других ошибок нет?

— Нет, — ответила белочка.

— Я вижу, что есть.

Вперед важно, вперевалялочку вышел Игглоски. Большой специалист.

Он зачеркнул букву «и» в слове «Устин» и написал «е».

— Устен? — удивилась учительница. — Почему «Устен»?

— У стен летает, — объяснил Игглоски. — В облаках у стен.

— При чем тут стены?! — завопила Люся. — Ошибки в этом слове. — Она показала на слово «аблака».

Весь класс принимал участие в исправлении написанного. Образовалась целая спасательная экспедиция. К ней присоединился еще и Сева Бобров.

Зубастый Сева закричал:

— Я знаю! Я знаю! «Аблака» — это неправильно. Надо написать «яблака». Получится: «Устин, летящий в яблаках».

— В каких еще «яблоках»?

— В обычных, — пояснил Сева. — Он вокруг яблони летает.

От этих «стен» и «яблок» у Люси крутом пошла голова.

— Неужели никто не знает?

— Я знаю! — сказала Лаковая Молния. — Надо писать «яблоках».

— Правильно, — похвалила ласку девочка. — Вот вам кусочек Вафельного Отметника.

— А мне не дадут Отметника? — спросил устенный Устин.

Люся не знала, как ей быть — дать ему понюхать плитку вафли в наказание за неграмотность или, наоборот, похвалить его за старательность и отломить кусочек. Она решила угостить волка. А нюхательно-испытательные меры пока отложить. Яблоковый Устин засветился от радости неярким серым светом.

Прогудел начинальник. Меховая братия забегала и намоталась, малышня повисла на Люсе.

— Что мы будем делать? — кричали они.

— Не знаю.

— Давайте в залезалки играть. Давайте!

— Это что такое?

— Игра такая. Надо на крышу залезть. Кто выше всех залезет, тот победил. А остальные его стаскивают, — объяснил ежик Иглосски. — В прошлый раз победил Мохнурка.

— И где он? — спросила Люся.

— В ночевальне лежит. Перебинтованный. Он слетел с крышу и поцарапался по дороге.

— Это уже не залезалки, а бинтовалки получаются, — сказала девочка-учительница. — Только сегодня мы в это играть не будем. Мне пора домой. Меня папа с мамой ждут. Я боюсь, что мне дома «влеталки» и «разгонялки» устроят.

— Это хорошая игра, во «влеталки», — сказала девочка. — Это влетать куда-нибудь надо?

Зверята проводили Люсю до ворот и долго махали лапами вслед и кидали вверх разные вещи. Эти вещи много времени взлетали над забором.

Междуглавие третье
Список мешаний учителям на уроках
со стороны учащихся

Всю неделю ученица-учительница Люся Брюкини внимательно наблюдала за своими коллегами по учебке. Смотрела на тех, кто обучает, и на тех, кто обучается.

И вот что было замечено.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Спальников намазал доску воском, как лыжи. Поэтому Лушина, которая всю неделю учила арифметику с папой, не сумела даже написать условие задачи. Мел скользнул. Учительница сердилась:

— Ты, Лушина, нарочно это сделала. Потому что урока не выучила.

— Я выучила, Мария Яковлевна. Это кто-то другой доску намазал.

— А вот мы сейчас проведем контрольную работу по вычитание дробей и выявим, кто у нас диверсант. Ясно, что отличники доску натирать не станут.

Кандидатами в диверсанты оказались. Спальников, Игорь Трофимов, Кира Тарасова и бедная Карина Мариношвили. Ей эта двойка была нужна больше всего, и так по арифметике было две.

ВТОРНИК

Великолепный Киселев подрисовал усы на портрете знаменитого писателя Маяковского. Он оправдывался:

— Все писатели как люди. И Чехов, и Толстой, и Некрасов, а он отрывается. Он какой-то ненастоящий, потому что без усов.

— А ты много читал Маяковского?

— Потому и не читал, что он без усов. Теперь начну.

— Теперь ты пойдешь домой и приведешь родителей, говорила Эмилия Игнатьевна, завуч. Очень умная и опасная женщина. — Твой папа без бороды и усов. Но я думаю, он настоящий и всыплет тебе как следует, настоящему.

Язвительный Игорь Трофимов подумал и сказал:

— Вот учителя! Вот завучи! Человек в беду попал, а они острят, шутят. Нет, с такими людьми мы никуда не придем.

СРЕДА

На родительском собрании сердился дедушка Киры Парасовой:

— Моя Кира говорит: «Если не купишь мне джинсы, я в школу не пойду. У нас все учащиеся в джинсах ходят. Даже директор. Я одна, как из сельской местности, в рубашке югославской. Будто я отсталая». А где ж я ей эти джинсы возьму? Да ведь не простые надо, а фирмы Врангеля. Я ей говорю: «Этого Врангеля мы прогнали в революцию не для того, чтобы его штаны носить!» Она мне в ответ: «Темный ты, дедушка, ничего в истории не понимаешь. И в экономике. Вы ведь Врангеля прогоняли, а это «Вранглер».

— А моя просит счетную машинку! — сказала бабушка Карины Мариношвили. — Я ей было купила в магазине харьковскую, за двести рублей. А она кричит: «Ты что мне покупаешь? Ее же надо в розетку включать. У всех японские машинки, на батарейках. Размером с записную книжку. Они их под партой держат. И считают незаметно от учителя. Я с таким ящиком что делать буду? Ты бы мне еще телевизор приобрела. Чтобы я под партой клуб кинопутешествий смотрела!» А где мне купить эту японскую машинку? Мы, уборщицы, редко ходим в Японию подметать. Мы все здесь работаем. На трех работах. Уймите внучку!

ЧЕТВЕРГ

В классе событие. Пропал Главный Бумажный Имучальник. То есть классный журнал. А так как в классном Отметнике у нас не завели, пришлось пригласить школьные занятия.

В поисках журнала перевернули учительскую, кабинет директора и три тонны макулатуры, собранной учениками-прогрессистами из второго «Б» класса. Эти прогрессисты потому, что собирали макулатуру не по указанию руководства школы, а по велению сердца. Журнала не нашли.

В конце дня пришла расстроенная отличница Королева и принесла журнал. Он был у нее в портфеле. Конечно, его похитила и запихнула туда не она. Это были чьи-то происки. Кто-то мечтал сорвать занятия по иностранному английскому языку.

Провели контрольную с целью выяснения знаний учащихся и с целью выяснения проискантов.

Кандидатами оказались: Спальников, Игорь Трофимов, Кира Тарасова, блистательный Киселев и опять Карина Мариношвили. Ей эта двойка опять была нужнее всех. У нее по английскому была всего одна.

ПЯТНИЦА

Киселев и Тарасова решили попробовать курить. Купили в ларьке пачку «Явы». Сказали, что для больного папы.

Тарасова красиво держала сигарету и по-красивому вытаращивала глаза.

Киселев сделал две затяжки и упал. Оказалось, сигареты были бракованные. В табачную машину попал эбонитовый шарик от ручки. И она его искрошила. Тренированные курильщики выдерживали с трудом. Нетренированный Киселев чуть не пропал. На урок его привели под руки Трофимов и Спальников. Тарасова объяснила учительнице, что Киселев шатается, потому что тушил пожар. Вытаскивал пожарных из огня. У них была тренировка, а он не понял и спасал их за ноги.

Мария Яковлевна не очень верила в спасении пожарных. Несмотря на убедительную деталь в смысле тренировки. Но от Киселева так несло жженым эбонитом, что пришлось согласиться. И Киселева в качестве награды за правдивость пустили проветриться в коридор.

Там его увидел директор и сказал, что дышать свежим воздухом лучше всего во дворе с метелкой.

И народный спаситель пожарных целых сорок пяти минут превращал школу в город-сад.

СУББОТА

На уроке истории учитель Косолапов объяснял, что Средние века были феодалы — князья, их вассалы — помещики, и крестьяне, которые на всех работали.

На что быстрый разумом Киселев заявил:

— Точно. Как у нас в школе. Директор — феодал. Учителя — вассалы, а мы — крепостные крестьяне.

Учитель Косолапов разбушевался:

— Ничего себе крепостные! Барчуки вы! Живут в хороших квартирах. Им тепло на квартиру доставляют, вместо дров. Воду — на квартиру. Для них телевизор и юбелери — к ним зрелища на дом приходят. Они лошадей не то что запрячь не сумеют — просто не видели ее никогда! А учителя с ними бьются, в их башку знания впахивают. Да раньше ни один сын императора в таких хороших условиях не рос.

И велел крепостному Киселеву к следующему разу представить режим дня среднего крестьянина Средней полосы России в Средние века. А еще лучше — крестьянки. С учетом топки печки, кормления домашних животных. (Причем не попугайчиков, хомячков и морских свинок, а коров, овец, лошадей, птицы.) С учетом приготовления обеда, стирки и других мелких радостей.

К следующему разу выяснилось, что жизнь у крестьян Средних веков была значительно тяжелее, чем у Киселева. Развлечений практически не было, если не считать работу в огороде — прополку и окучивание. Насчет каникул Киселев явно обходил крестьян. У них были только религиозные каникулы: Ильин день, Пасха, Рождество, может быть, крещенские — и все! А трехмесячных летних и всяких там зимних не было.

Да и в смысле еды сегодняшний крепостной Киселев далеко ушел вперед. В его школьной крепостной столовой был большой выбор блюд. И упитанные крестьяне младших классов за небольшую цену уничтожали продукты не хуже средневековой саранчи. И не только сельские щи да кашу, но и всевозможные пирожные. (Правда, с крестьянским уклоном: в виде вареников и картошки.) Особенным спросом пользовался деревенский средневековый напиток пепси-кола.

Что касается быта, модными были средневековые кошельки, карманные магнитофоны с записями народных песен и жевательная резинка клубничная рижская.

Короче, жизнь сегодняшних киселевских крепких была во много раз лучше. И взрывчатая ситуация среди младших классов утасла. Все сразу успокоились, даже главный вождь всех школьных волнений, неформальный лидер — знаменитый Стенька Киселев.

Глава четвертая Хендрики прилетели

Вот оно — новое воскресенье. Вся меховая мелкота с воплем выкатилась навстречу девочке Люсе. Они ждали ее у самых ворот дачного поселка. Очевидно, о ее приезде они узнали от дежурного по нюхоскону. Там, на балконе, наверняка дежурил загадочный перебинтованный Мохнурка — победитель игры в залезалки. Потому что его среди встречающих не было.

Люся и зверята в обнимку пошли в поселок и интернатскому зданию.

Застенчивая белочка в очках сказала Люсе:

— Мой пап приехал.

— Может быть, папа?

— Нет, мой пап! Пап — это же он. Вот он и приехал. А если бы мама, то она приехала бы.

— Вон ее пап стоит! — сказала Фьюалка. — Видите рядом с Мехмехом.

У дверей в класс на крыльце стоял Мехмех в легкой мысленной зеленой шляпке с украшениями. А рядом — невысокий, начинающий полнеть белк. В светлом плаще с красиво поднятым воротником.

— Здравствуйте, — шагнул он навстречу Люсе. — Это вам. От папо-мамовского собрания.

Он протянул маленький прозрачный флакончик с зернышками.

— Что это такое? — удивилась Люся.

— Камертоновые семена. Целая музыкальная октава. Их надо посадить в землю и поливать купоросовой водой.

— И что получится?

— Музыка из живых цветов. Они будут тихонечко жужжать от ветра. И играть разные мелодии. Вы очень обрадуетесь.

— Спасибо, большое спасибо, — сказала Люся. Про ветомузыку она когда-то слыхала. Но про музыку из цветов. Интересно, а бывает деревомузыка? Наверное, бывает. Тогда, значит, есть и целые лесосимфонии у них... У кого «у них»? У меховых интернатников.

— А что такое папо-мамовское собрание? — спросила она.

— Обычный родительский комитет, — пояснил Меховой Механик. — Родители учеников к вам очень хорошо относятся. Интернатники в своих письмах только про вас и пишут.

— Очень хорошее пишут, — сказал улыбчивый пап. — Можно я у вас на уроке посижу? Мне интересно посмотреть, чем живет сегодняшняя молодежь.

— Сидите, пожалуйста, — сухо сказала Люся («Тоже мне, меховой инспектор из РОНО!») и пошла в директорскую за Получальником.

По Получальнику она выяснила, что неопрошенными в ее классе оставались только хитрющая белочка в очках с первой парты (та самая, к которой приехал пап) и загадочный Мохнурка. Который в Получальнике записан не был. Может быть, он сидит на потолке, в дыре, вместе с сиреневотрусовым... трусным... В дыре вместе с Помбум-Чоки?

В классе все были на своих местах, и все встали на задние лапы. Причем представитель папо-мамовского собрания сделал то же самое. И парта под ним припела.

— Блюм, — сказала Люся через минуту. Все блюмкнулись.

— Кто у меня еще ни разу не был у доски? — спросила Люся, в упор глядя на белочку с первой парты. Ее звали Цоки-Цоки. — Кто еще ни разу не отвечал?

— Мохнурка! Мохнурка! — захлопотала белочка. — Он еще ни разу не отвечал.

— А где он? Он здесь? — спросила Люся.

— Здесь! Здесь! — волновалась белочка. — Он в печке сидит.

Люся удивилась и прошла по классу вдоль стенки к печке.

— Что он там делает?

Дверца печки раскрылась, и появилась хитрая усатая мордочка. Черная-пречерная, как кусок темноты. Мордочка сверкнула глазами и сказала:

— Я там прячусь.

— От кого?

Дверца снова перелистнулась:

— От света.

И дверца захлопнулась.

Люся обратилась к ученикам:

— Кто мне объяснит, почему юный Мохнурка сидит в печке? И почему он прячется от света?

Все интернатники подняли лапы вверх. Даже хулиганистый Кара-Кусек.

— Скажите вы, — попросила Люся Лаковую Молнию.

Фьюалка встала из-за парты и сказала:

— Он норный.

Дверца печки приоткрылась на спичечный коробок, и высунулся кусочек носа:

— Я норный. Я очень норный.

Фьюалка продолжала:

— Все норные боятся света. Живут в темноте.

— Очень живут! Очень живут! — забормотал носик из печки.

— Спасибо, — поблагодарила Люся Фьюалку. — Но что же, он все время так и сидит в печке? Или его приносят сюда в чемодане? Или у него есть куда подземный ход из спальни?

Лаковая Молния разволновалась. Она стала цокать, сокращаться и вытягиваться:

— Его не нойсят в цеймодане. Его в ойсках, в ойски нойсят... Он сам ойски нойсит. Черные.

— Ношу! Ношу! — прокуковал Мохнурка из печки, как кукушка из часов. — Черные очки. Очень черные.

Разговор запутывался, и вмешался еще один разъяснитель — Сева Бобров. Он так объяснил:

— Девочка Люся, он из кротовых. Они под землей живут. Они темноту любят. А на улице очки носят темные. От солнца.

— Да! — затараторила Цоки-Цоки. — У меня простые очки, стеклянные. А у него черные.

— Где же его очки? — спросила Люся. — Почему он без них?

— Можно я скажу? — закричал ежик Иглосски. — Когда он в залезалки играл, они разбились.

— Очень, очень разбились! — закуковал Мохнурка.

— Его перебинтовали, и он выздоровел, — продолжал ежик.

— А очки перебинтовать не удалось! — горестно вынул крот из печки, как из справочного окошка.

— А ну, малыш, примерь вот это! — раздался голос с задней парты. Это белочкин пап достал роскошные противосолнечные очки.

Всеволод Бобров взял очки и засунул их в печку. Дверца распахнулась, и оттуда торжественно выбрался наружу упитанный кротенок. Черный-пречерный, и добавок весь в саже.

Он подошел к Люсе, протянул ей лапу и вежливо представился:

— Мохнурка Великолепный.

Люся пожала лапу и увидела, что она тоже в саже.

— Вот что, уважаемый Мохнурка, возьмите веник и подметите себя. Потом пойдите на пруд вместе с Бобровым и вымойтесь как надо. После этого мы будем знакомиться.

Мохнурка не стал бунтовать. Он взял веник и стал махать на всех сажу.

— Не подметается! — сказал он, пытаясь хлестать себя как в бане.

— Можно я его подмету? Можно я? — захопотала белочка. — Я и пропылесосить могу.

— Хорошо, — разрешила Люся. — Берите этого очень черного юношу, отчистите и приведите обратно.

Троица с удовольствием удалилась. А Люся сказала:

— Сегодня мы будем проходить... будем... мы будем разбирать предложение на составные части.

Она сложила руки за спиной и важно зашагала по классу.

— Возьмем хотя бы такое предложение. — Она задумчиво посмотрела на потолок. Там предложения не

было... На учеников. Они не подсказывали. На белочного папа... Он сам ждал — что же возьмут? И наконец в окне она увидела. Там было предложение: «Грузовик едет». Возьмите ваши тетрадки и запишите такое предложение.

Лохматый Устин Летящий в Облаках поднял лапу:

— Учительница девочка Люся, а что такое «тетрадки»?

Люся подумала, вытащила из портфеля тетрадку по английскому и показала ее классу. Только издали (Кому хочется вблизи показывать свою тройку за контрольную!)

— Учительница девочка Люся, — сказал Устин, — мы не знали, что это называется тетрадка. Мы называем это листалка. Бывает листалка в клетку, а бывает в ромбик или в горошек. Какую достать?

Что делать с ромбиковой листалкой или горошиковой Люся не знала. Но виду не подала:

— Дорогие интернатники, достаньте листалки в клеточку. И возьмите писалки.

Интернатники зашуршали.

— И напишите в листалках такое предложение:

ГРУЗОВИК ЕДЕТ.

Меховые школьники как по команде свесили языки направо и стали писать.

Люся ходила по рядам и смотрела в тетра... то есть в листалки. Каких там только ошибок не было! И «грузАвик», и «кузовик». И было сказано, что он «едИт» и даже что он «йедет».

Люся спросила:

— Из каких частей состоит это предложение? Пусть ответит ученик Биби-Моки.

Биби-Моки выбрался из-за парты, и стало видно, что он не ученик, а ученица. Потому что Биби-Моки была в ярко-зеленой короткой юбочке.

Она сказала застенчивым голосом:

— Из двух частей. Из действателя и действия.

— Правильно, — сказала Люся. Хотя она впервые в жизни слышала про действатель и действие. Она знала, что есть подлежащее и сказуемое. — А теперь мы расширим это предложение и запишем его так:

СИНИЙ ГРУЗОВИК ЕДЕТ С ДРОВАМИ ПО ДАЧНОМУ ПОСЕЛКУ.

Все ученики снова вытащили языки и заработали. И снова в тетрадях появились «крузАвики», «пАселки» и даже возник какой-то загадочный «е-дед с дровами».

Отворилась дверь. Интернатники сделали стойку на лапах. Только зря, потому что вошла бригада, брошенная на чистку Мохнурки.

Мохнурка начальственно сказал:

— Блюм!

В этот раз он был чистый, но мокрый. Хоть раз-ошывай его на канате сушить.

«Куда бы его пристроить?» — подумала Люся. На плане в Получальнике Мохнурки не было.

— Есть у вас свое место? — спросила Люся.

— Нет, — ответил крот. — Я сверхнормный.

«Мало того, что он норный, он еще и сверхнормный!» — подумала Люся. — Не сажать же его в печку».

Девочка взяла стул и устроила Мохнурку рядом с Иглосски.

— Давайте я тоже буду учитель? — предложил он, подняв на Люсю черные очки. — Я буду ваш замести-тель.

— Нет! — рассердилась Люся. — Ты не будешь учитель. Ты будешь отвеча-тель. Вот видишь, на доске написано предложение: «Синий грузовик едет с дровами по дачному поселку». Из каких частей оно состоит? — Люся посмотре-рела на Мохнурку.

— Из... из... из вот каких. Из грузовика и поселка.

— И все?

— Нет, не все. Еще из колес, из кузова, из кабины, из шофера, из дач, из много-много дров...

— Ты ничего не забыл? — ехидно спросила учитель-ница.

— Он шины забыл! — закричал Бурундуковый Боря.

— Еще горин! — подпрыгнул на задней парте тушканчик.

— Какой такой «горин»?

— Который в моторе горит. Без него машина не уедет.

— Нет, дорогие интернатники, это мы с вами никуда не уедем, если так будем предложение разбирать на части. Как мы уже выяснили, в этом предложении есть действительность — «грузовик» и действие, то есть действие «едет». В моей людовецкой школе действительность называют подлежащим, а действие — сказуемым. А что можно сказать о слове «синий»? Какой это член предложения?

— Синий, — сказал Мохнурка.

«Сам ты синий!» — чуть-чуть не закричала Люся. Потому что с появлением этой темноты из печки жизни в классе явно осложнилась.

— Это определение. Это слово определяет, какой грузовик. Описывает его. Рассказывает о нем. Характеризует его. Понятно? — спросила она у красавицы ласки с первой парты.

— Понятно, — ответила ласка.

— Значит, как называется этот член предложения?

— Характеризователь.

— Допустим... Есть еще характеризователи в предложении?

— Есть, — ответила ласка. — Слово «дачный».

— Правильно. А больше нет?

— Больше нет.

— Нет есть! — возразил Мохнурка.

— Да? — удивилась Люся. — Какие же?

— Там дрова березовые. Я сам видел.

— Что ты там видел, не имеет значения. Имеет значение то, что написано на доске. А на доске нет такого характеризователя — «березовые».

Потом Люся задумалась и спросила:

— Каких характеризователей еще нет на доске? Пусть, кто знает, скажет.

— А можно про дрова? — спросил Сева.

— Конечно, можно.

— Они невкусные.

— Почему?

— Потому что березовые. Если бы осиновые, были бы вкуснее.

— Я не пробовала ни осиновых, ни березовых, сказала Люся. — Но я тебе верю. Еще что мы можем

сказать о грузовике и о поселке? Вот вы скажите, — обратилась она к Биби-Моки. — Хотя бы про шофера. Что мы можем про него сказать?

— Что он холостой.

— Почему? — удивилась Люся.

— Потому что он дрова возит.

Люся так удивилась, что не знала, что и сказать.

— А что? Она права, — вмешался Цоки-Цокин пап. — У нас на дрова всегда молодежь бросают. И на уголь. И на снег. А солидные водители возят дорогие товары. Я, например, хендрики возжу.

Люся поняла, что она скоро запутается в хендриках, дровах и холостых грузовиках. Она сказала:

— Все. У нас хватит характеризователей. Теперь мы поставим их в предложение. Вот что получится:

**СИНИЙ И СИЛЬНЫЙ ГРУЗОВИК С МОЛОДЫМ
ХОЛОСТЫМ ШОФЕРОМ ЕДЕТ ПО ДАЧНОМУ ПОСЕЛКУ С
БЕРЕЗОВЫМИ НЕВКУСНЫМИ ДРОВАМИ.**

Прогудел начальник. В кабинете директора белочкин пап подошел к Люсе:

— Я просто восхищен вами. Вы так хорошо все объясняете. — Он повернулся к диру: — Оказывается, предложения состоят из дров. А солидные люди возят хендрики.

— Кстати, о хендриках, — сказал дир Люсе, — вы сегодня получите аванс. А сейчас я хочу вас угостить.

На столе стоял поднос с фруктами горкой. Фрукты были какие-то неведомые. Они были фиолетовые и напоминали баклажаны. Баклажаны, опоясанные ленточкой «молнией».

Если «молнию» потянуть, появлялась земляничного цвета мякоть. По вкусу — смесь ананаса с грецким орехом. И непонятно было: то ли их упаковывают в кожуру с «молнией», то ли они так и растут.

Внутри была глубоководная косточка.

Дир и белочкин пап эти косточки прокалывали специальными спицами.

— А то они высыхают, сжимаются и начинают трескаться, — пояснил Меховой Механик.

— И как? — спросила Люся. — Сильно?

— Очень сильно. Они выплевывают темноту. По лучается такая черная клякса метров на двадцать.

— Поэтому косточки мы малышам не даем, сказал пап Цоки-Цоки. — Плоды даем, а косточки вынимаем.

— Они их держат в воде, — объяснил директор. — и потом вынимают, сушат и устраивают взрыв.

— Объясните, как они это делают, — попросила Люся.

— Да очень просто! — сказал пап. — Они их высуши. вышуси... То есть сушат и везде раскладывают. Как эти семена начнут взрываться! Кругом ночь и никаких занятий. Мы тоже в молодости так делали.

— А как эти фрукты называются?

— Жахтрили, — ответил дир. — А семена называются жахты.

В это время подошли ученики и выстроились в очередь у окна. Белочкин пап стал выдавать им жахтрили и отбирать у них косточки. А Мехмех отозвал Люсю к себе за стол для серьезного разговора.

— Уважаемая Люся. У нас к вам два дела, — начал директор. — Скажите, пожалуйста, что такое комиссия из области?

— Не знаю, — ответила Люся. — А что случилось?

— Сегодня утром к нам пришла одна женщина. Она сказала, что она товарищ Ключева и что она комиссия из области. Она спросила, есть ли у нас выписка о нашем создании. Кому мы принадлежим — Министерству просвещения или Министерству пушной промышленности? И просила подготовить все документы. Вы не знаете, как это сделать?

— Не знаю, — сказала Люся.

— Еще она посмотрела учеников и сказала, что они не соответствуют инструкции. Как нам быть?

Люся подумала, что учеников, наверное, надо постричь и одеть в школьную форму. А может быть, в спортивную. Тогда они будут немного соответствовать. Но не решилась сказать это Мехмеху.

Люся ответила строго:

— Я не знаю, как быть. Я с папой посоветуюсь. Он у меня журналист и все про инструкции знает.

— Очень хорошо, — сказал дир. — Этим вы нам очень поможете. Теперь второе дело. Девочка Люся, у вас есть деньги?

— Есть. Один рубль.

— А много денег? Чтобы купить двойной домашний говоритель?

Люся сразу догадалась, что это телефон.

— Столько денег у меня нет. Но если очень надо, я попробую достать.

— Нам обязательно нужно купить один говоритель. И провода. Пожалуйста, отмените урок и поезжайте в город в магазин. Выручите нас, девочка Люся. Мы вам потом все объясним.

— Прямо сейчас ехать?

— Сейчас.

— Но пока я съезжу туда и обратно, вечер будет.

— Очень нужно, девочка Люся.

Люся не стала миндальничать и любопытствовать. Наверное, телефонный аппарат был нужен Меховому Механику не на шутку.

У Киры Тарасовой были общественные деньги. Собранные на посещение Большого театра. А так как посещение откладывалось из-за трудностей с билетами, все понемногу пользовались этими деньгами как подпольным банком.

Около выхода из поселка Люсе попался какой-то мрачный охотник с ружьем.

«Зачем ружья выдают мрачным людям? — подумала Люся. — Надо, чтобы выдавали только веселым».

Но тут же она поняла, что веселым людям ружья не нужны. Им и так хорошо, веселым людям. Без ружей.

...Кира Тарасова минут двадцать выпытывала у Люси, зачем ей деньги.

— Мне надо купить телефонный аппарат.

— Может быть, югославскую сумку? Или шведские колодки в обувном магазине?

— Честное слово, телефонный аппарат.

— У тебя же есть.

— Это не мне. Это одному знакомому.

— Он в каком классе?

— Он директор.

— Красивый? Брюнет или блондин?

— Он полосатый. Одна полоса блондин, одна брюнет. В одном месте, на затылке, немного лысик.

Тут Кира Тарасова восстала:

— Если ты мне не скажешь, что ты хочешь покупать, я тебе не дам общественные деньги.

— Возьми свои общественные деньги, — сказали Люся. — И пойдем в магазин «Орбита». Ты увидишь, что я буду покупать.

Кира Тарасова долго мурзала по разным местам — доставала деньги из потайных углов и тряпочек. Наконец она насобирала шесть общественных трешниц и три общественных металлических рубля. И девочки вышли из дома.

В магазине «Орбита» им не очень обрадовались. У продавцов были более важные дела, помимо продавания и обслуживания. Какая-то охватила их общая задумчивость. Осенняя. Но после определенной настойчивости со стороны Люси, а главным образом Киры, телефонный аппарат им продали. И большой моток проводов.

Теперь Кира поняла, что деньги нужны для телефонов. Но не успокоилась, а даже наоборот.

— Где ты его будешь ставить?

— Это у меня в дачном поселке. Поехали, и все увидишь.

Кира никогда в жизни не встречала блондино брюнетика, а местами лысика. Но ехать она отказалась:

— Из-за какого-то полулысика ехать за город на ночь, глядя! Поезжай одна.

И Люся отправилась одна.

Ехать в электричке было еще туда-сюда. На станции и это время было совсем неуютно. Дул ветер и страшно качались фонари. Они швырялись в разные стороны темнотой.

Люся оказалась единственной пассажиркой, сошедшей на платформе. И тут ее ожидал сюрприз.

Вдруг засветились, засверкали фонари. И вся меховая орава высыпала навстречу девочке. Они схватили Люсю

под руки и потащили к совершенно необыкновенного вида машине. С одной стороны, машина была старинная, оконная, как карета, с ненужными медными и никелированными штучками. С другой — в ней чувствовалась какая-то неведомая сила непривычной мощности двигателя.

Меховой Механик открыл перед Люсей дверцу и сел рядом с ней на заднее сиденье. За рулем был важный-преважный Цоки-Цокин пап. Рядом с ним сидела сама Цоки-Цоки.

Интересно, что руля в машине не было. В руках, то есть в лапах, Цоки-Цокиного папа была коробочка с круглыми ручками и блестящими рычажками.

Пап тронул один рычаг, и включились мощные фары. Как будто рядом ехали две электрички. Все стало белым.

Пап тронул другой рычаг — в машине что-то мощно и бесшумно заработало, закрутилось. И она тронулась.

Меховая ребятня бежала следом, размахивая фонарями. И даже ветер и плохая погода отступили.

Машина повернула с дороги к воротам поселка. Вдруг поворачивающийся луч света выхватил из тьмы человека. Он был с ружьем.

Человек метнулся в сторону, пытаясь выскочить из луча, но упал. Кажется, сейчас машина налетит на него. Будет удар...

Но машина резко дернула носом и, взмыв, проплыла над упавшим. Внизу под днищем что-то брякнуло.

Отъехав метров десять, белочкин пап выпрыгнул из мисящей над дорогой машины и достал ружье, прилепившееся снизу.

— Электрическое притягивание, — пояснил он Мехмеху.

Переломил ружье, вынул из него патроны, а ружье положил на дорогу.

Машина снова тронулась. Человек остался сидеть на земле. При этом он ругался злыми словами.

Когда подъехали к интернату, мелкота обсыпала Люсю:

- Вы видели Темнотюра? Вы видели Темнотюра?
- Видела, — ответила Люся. — Это и есть Темнотюр?
- Да.

— Он очень нападательный, — сказал Сева Бобров.

— Мехмех велел даже добродуши и забыванты включить на полную силу, — добавил Иглосски.

— Что это такое — добродуши и забыванты?

Мелкота задумалась.

— Это такие добродуши и забыванты, — объяснил Иглосски.

— Это такие добродуши и такие забыванты, — еще подробнее растолковал Сева.

Меховой Механик позвал Люсю в кабинет, и она так ничего и не поняла из объяснений Севы и Иглосски.

— Девочка Люся, — сказал дир. — Мы вам очень благодарны за говоритель.

— Очень-преочень! — добавил белочкин пап.

— А теперь посмотрите, пожалуйста, сюда. — Он раздернул шторы на стене. — Это карта дачного поселка.

С трубкой во рту и с важной походкой Мехмех был очень внушительен и напоминал не очень крупного военного руководителя.

— Покажите, пожалуйста, на карте дома, в которых есть телефоны.

Люся задумалась:

— На станции есть телефон у кассирши. Еще два автомата на Москву — за платформой. Один автомат вот здесь, около правления. Он, правда, плохо работает. В самом правлении есть телефон. На зиму его переносят в дом сторожа. Есть еще телефон вот в этой даче, у замминистра газового хозяйства.

Все указанные объекты Меховой Механик отметил крестиком. Белочкин пап тоже хлопотал у карты, заглядывая через плечо дира.

— Большое спасибо, девочка Люся.

— И от всего папо-мамовского собрания спасибо, — добавил пап.

— Теперь вам пора домой, — сказал директор. — Каретный перемещатель мы брать не станем. Он слишком велик... Я просто дам вам провожатых из интернатников покрепче. Они вас проводят до станции. Хорошо?

— Большое спасибо, дир.

— Вот вам на дорогу. — Он протянул девочке фиолетовый жактриль. — Угощайтесь.

— До свидания, дир. До следующего воскресенья. —
(Она улыбнулась Цоки-Цокиному папу: — До встречи.

Как только она вышла на крыльцо, на ее руке повис Мохнурка Великолепный. Он был прекрасным сопровождающим в ночное время. Потому что в темноте видел лучше, чем днем. Больше никого не было. Они шли вдвоем.

Правда, потом у станции оказалось, что были Снежная Королева и Лаковая Молния. Просто они бесшумно скользили спереди и сзади как невидимое прикрытие.

А Мохнурка болтал, что ему кажется, что Мехмеху кажется, что, кажется, есть какая-то опасность для интерната. Со стороны Темнотюра и проверяльщиков. И что Мехмеху это кажется зря. Потому что погода прекрасная, особенно ночью. Темнотюр просто пьяница. И вся его компания такая. А выясняльщики просто выясняют и проверяют.

На станции Люсины охрана спряталась в темень.

Подошла электричка.

В пустом вагоне было тепло и уютно. Две бабушки мязали на спицах. Люся пристроилась к ним и задремала.

Жахтриль она решила не есть. А показать завтра в школе своей задушевной подруге Кире Тарасовой.

Междуглавие четвертое Там Мохнурка, здесь Киселев

С жахтрилем вышла история.

Люся вынула его из сумки с учебниками и положила в стол. И пошла к ребятам. А когда вошла в класс на урок, жахтриля не было.

— Кто взял жахтриль? — спросила она у Кире Тарасовой.

— Не знаю, не знаю, — сказала Кира. — Я видела здесь только фиолетовый кошелек, набитый вареньем.

— И где он?

— Его Киселев у меня выхватил.

— Эй, Киселев, отдай жахтриль!

— Нет у меня.

— Отдай, тупица.

Люся допустила ошибку. Потому что разозлилась. Киселев разозлился еще больше:

— Сама ты тупица! Брюква несчастная!

— Я вижу, на третьей парте бушуют страсти, — сказала, входя, учительница Ирина Вадимовна. — Поэтому я прошу Брюкину пойти к доске.

Люся безрадостно отправилась за отметкой. Уроки она не выучила.

— Если я правильно помню, — сказала Ирина Вадимовна, — мы проходили склонение числительных. Прошу просклонять «полторы бочки варенья».

Люся горестно начала:

— Именительный — кто, что? Полторы бочки варенья. Родительный — кого, чего? Полторы бочки варенья. Винительный — кого, что? Полторы бочки варенья. Творительный — кем, чем? Полторем бочкем вареньем. Предложный — о ком, о чем? О полтором бочком варенья.

«Что-то я не так делаю», — поняла Люся под конец. Потому что у нее все расплылось, появились какие-то загадочные бочкомы и полторемы.

Что такое домком, Люся знала. Это домовый комитет. А что такое бочком? Это комитет по бочкам?

— Блистательный ответ, — сказала учительница. — Я буду вам очень благодарна, если вы все это запишете на доске.

Люся стала записывать полторемы и бочкемы, Ирина Вадимовна сказала:

— Получается так, что дикий человек пришел сюда в класс и пытается изъясняться на малознакомом русском языке. «Чем вы гордитесь?» — «Полторой бочкой варенья». — «Чем, чем?» — «Полторем бочкем». Прелестно!..

— Кто скажет, как правильно? — спросила учительница у класса. — Ну-ка, Тарасова, чем мы гордимся?

— Полторами бочками варенья.

— Спасибо. Тоже дикая девочка. Не полторами, а полтора. Неужели так трудно запомнить одно простое

правило? В именительном, винительном пишем «полторы». В остальных падежах мы пишем «полутора». Сидись, Брюкина, Два.

Невеселая девочка-учительница Люся побрела на свое место. Она еще таила надежду, что Ирина Вадимовна не поставит двойку в Большой Бумажный Получальник. Но Ирина Вадимовна вписала туда эту несчастную получалку.

Более того, она еще попросила у Люси малый домашний получальник, то есть дневник, и вписала двойку туда.

Зато когда Люся вернулась за парту, она увидела в столе жактриль. Половина содержимого в нем была на месте, а половина была аккуратно срезана ножом. И не было самого главного — жакта. То есть косточки.

Жакт оказался очень удобной штукой. Он был каплевидной формы и скользкий. Если зажать его между пальцами и надавить посильней, он мог выскочить как из пушки и шлепнуть кого-то в лоб со страшной силой. И еще рикошетил в соседа.

— Бьем по Трофимову и в угол к Спальникову! — сказал Киселев и щелкнул косточкой.

Косточка скользнула по затылку Трофимова, изменила направление и шлепнула Спальникова в щеку. Спальников тотчас же схватил косточку, облизал ее и выстрелил в Киселева.

— Отдай! — закричала Люся Киселеву. — Отдай, а то как тресну!

— Она, видите ли, треснет! — сказал Трофимов. — Она, видите ли, хрустальная! Девочка-ваза!

— Девочка-ваза! Девочка-ваза! — подхватил Киселев. — Ваза наподобие унитаза. — И он запрятал косточку в карман.

«Ах так! — подумала девочка-ваза. — Не буду у тебя отбирать жактриль! Посмотрим, что выйдет».

И вот что вышло.

Шел себе Киселев из школы. Банку гуталинную гонял. Шел и радовался. Как маршал в отпуске.

Как раз автобус подъехал, двери открыл. И не надо Киселеву в автобус. И денег нет. И едет автобус в другую сторону. И все равно Киселев — прыг туда! Как хорошо

проехать мимо зоопарка! И места свободные в автобусах есть. Так и приглашают.

Едет Киселев, Москву осматривает. Все ли в порядке? Все ли пешеходы идут куда надо? Все ли памятники на местах правильно стоят?

А билета Киселев не берет.

Ликует, радуется. Как маршал в отпуске.

А тут контролер появился. Откуда он возник, опытный Киселев не понял. Такое впечатление, будто он шапку-невидимку снял и сразу перед Киселевым вырос. Который в это время расслабился и за порядком в городе следил.

— Ваш билетик.

Засуетился опытный Киселев, стал по карманам шарить, на пол смотреть:

— Где-то тут он только что был.

Да контролер тоже, видно, опытный попался, бывалый:

— Был, да сплыл. В таком случае тоже штраф платят.

Ничего не нашел Киселев. И взял его контролер за руку, и вывел из автобуса милиционеру сдать.

Милиционер посмотрел на Киселева и говорит:

— Давай дневник. Если есть пятерки, отпустим тебя. Если нет, придется родителей вызывать.

Но контролер не согласен:

— При чем тут родители? При чем тут пятерки? Если он без билета ехал, пусть штраф платит — три рубля.

Милиционер задумался и возразил:

— А при том, что этот молодой человек такой большой денежной бумажки и в глаза не видел. Три рубля — шутки ли! Какого они цвета?

Киселев не помнил, какого они цвета, но очень боялся сказать правильно.

Тут на его счастье в кармане у него что-то как жакнет! Даже дырка сбоку получилась — брюки продырявились.

И выскочила на улицу большая черная... как бы это сказать... клякса не клякса, дырка не дырка. В общем, небольшая ночь. Местного значения. Метров на двадцать в диаметре.

Милиционер хватил Киселева за руку. Контролер хватать.

Вся улица замерла. Машины, пешеходы и троллейбусы — все остановились.

А когда тьма рассеялась, на середине тротуара стоял контролер и держал за руку милиционера. Стоял милиционер и держал за руку контролера. А Киселева не было.

Испарился. Изжахтрислся.

А три рубля, между прочим, зеленого цвета.

Междуглавие пятое Папо-мамовское собрание в Люсиной школе

Учительница Ирина Вадимовна вела родительское собрание. Папо-мамовское собрание, говоря по-интернатски.

— В общем, если не принимать во внимание успеваемость, наши ребята учились хорошо. Что касается поведения, здесь хвастать нечем. Спальников принес в класс будильник. На всех уроках его стал приводить. Между прочим, когда у него спросили, откуда у него возникла такая идея, он сказал: от папы. В молодости папа с друзьями так поступали. Они всем классом приносили в школу будильники и звенели. Я очень благодарна товарищу Спальникову-старшему за наставления сыну. Они сильно облегчают нам учебный процесс. Но мне помнится, в послевоенные годы кое у кого из детей и патроны в карманах встречались. И если товарищ Спальников найдет в своих архивах гранату, пусть он не дает ее сыну в школу. Нам здесь только противотанковых гранат не хватает. Теперь о Карине Мариношвили. У меня такое ощущение, что она в школу ходит как на танцы. Зато на танцы ходит как в школу. Когда она собирается на школьный вечер — она серьезная девочка, вдумчивая и танцует на вечерах как десятиклассница. А когда она идет на арифметику — она не готова, несобранна, уроки не учила. Единственно, что ногти покрасит и брови. И туфли наденет на высоком каблуке. Но для учебы этого мало. И если родители Карины такие обеспеченные люди, не надо это демонстрировать в школе. У девочки есть шуба.

Французские сапоги. Затемненные очки на пол-лица. У нас сейчас не каждая учительница может так одеваться, как она. А о детях и говорить нечего. Кто здесь и родителей Мариношвили?

— Из родителей никого нет. Есть из бабушек. Это я.

— Вам не кажется, что вы балуете девочку? — спросила Ирина Вадимовна. — Вы где работаете?

— В Большом театре.

— Это и заметно. Ваша внучка ходит в школу как и Дома моделей. Не каждая семья может так зарабатывать. Не надо все это выставлять напоказ.

— Да я уборщицей работаю! В Большом театре полдня пыль вытираю, полдня — в Торговой палате. И еще успеваю вечернюю смену в Госплане прихватить. Там знаете как мусорят? У меня заработок небольшой.

— А почему девочка так одета?

— Она говорит: «Не купишь шубу — в школу ходить не стану. У нас все в шубах ходят. А туфли на высоком каблуке просто заставляют носить. Если каблук меньше трех сантиметров, его отламывают. Я, — говорит, — в нашей школе как Золушка. Самая неприхотливая». Поэтому я и стараюсь для внучки. И еще она говорит, что их школа показательная. Их иностранцам все время показывают. И приезжающим из других городов.

Родители остальных учеников задумались. Много неожиданного и полезного узнали они из сообщения Карининой бабушки.

Встал папа ученицы Катялушиной... То есть Кати Лушиной.

— Вам хорошо, — замахал он руками, точь-в-точь как это делала его дочка, — вы на трех работах работаете. Да в таких учреждениях. А я всего лишь кандидат наук. В авиационном институте. Я за вашей Кариной не угонюсь. Где я ей, своей дочке, французские сапоги куплю? Если я их жене купить не могу.

— Недавно в ГУМе были! — раздался чей-то жаркий шепот с задней парты. — Любые размеры.

— Не подсказывайте! — сурово остановила чью-то маму Ирина Вадимовна. И продолжала собрание: — Вы просто губите вашу внучку, бабушка Мариношвили. Не надо подметать так много учреждений ради одной, даже

мой лучшей ученицы. А ваша Карина к тому же и учится ужасно. Вы ее избалуете — а как она всю остальную жизнь будет жить? Без вас? Без вашей заботы?

— А меня другое волнует! — встал дедушка Киры Парасовой. — Я чего у своей не спрошу — она мне в ответ: «Ты, дедушка, этого не поймешь». Я ее в поход зову по военным местам — она говорит: «Я люблю военные места, но только вместе со всем классом». А когда они всем классом собираются, она говорит: «А зачем, дедушка, ты нам нужен? Нам и без тебя хорошо». В общем, не наше поколение растет, чужое. Мы с таким поколением ничего не построим. Не любят они нас, не уважают и не ценят.

Потом пришла завуч Эмилия Игнатьевна. Она поставила перед родителями много задач. Родители должны были убедить детей учиться. Должны были рассказать им, что без дисциплины и арифметики сейчас в нашей стране ничего не достигнешь. И главное, она просила приучить детей к труду.

Она очень убедительно и правильно говорила:

— Сейчас даже подсобный рабочий в овощном магазине обязан в науке разбираться, в разных микробах и бактериях.

Тут встал папа Спальникова:

— Это правильно. Вот у нас в овощном магазине недавно такая бактерия пробежала с картошкой в зубах — до сих пор разобраться не можем: то ли это картофельная крыса, то ли кто-то свою собачонку картошку воровать научил.

— Может, это кошка была с мышонком? — оторопела Эмилия Игнатьевна.

— Какое там «кошка с мышонком»? Другие люди эту чуш еще раз видели. Она с соленым огурцом бегала. И уже зеленая была, как скамейка, и с рожками. В краску, наверное, вляпалась.

— Вы эту проблему с учителем зоологии обсудите! — сказала Эмилия Игнатьевна. — Только я думаю, у вас в магазине производственная дисциплина хромает. Если у нас в рабочее время всякая живность с огурцами в зубах носится.

В общем, все твердо решили, что дети воспитываются еще недостаточно хорошо. Не очень внимательно слушают учителей и родителей. Только не выяснили, кто же в этом виноват — школа или дом*.

Глава пятая
Меховая олимпиада
и меховой музыкальный фестиваль

Наконец-то воскресенье, утро.

Учительница-девочка Люся собиралась в свой интернат.

Она еще раз проверила сумку: не взяла ли она с собой какую-нибудь школьную тетрадку или, что еще хуже, дневник. Мало ли что. А вдруг там двойка есть. А интернатники случайно заметят. Нет, она не должна подрывать свой авторитет случайной неуспеваемостью. Пусть они думают, что она круглая пятерочница.

— Мама, я пошла!

Мама оторвалась от...

Мама оторвалась от...

Если сказать: «От телевизора» — это будет одна мама. «От книг и тетрадей» — другая. Ведь сегодня воскресенье. И от чего человек отрывается, такой он и есть.

Мама оторвалась от...

От чего же она оторвалась?

От коллекции марок? От микроскопа? А может, мама собирала настольную яхту?

Да нет. Она просто читала журнал. Она подняла голову и спросила:

— И надолго? И куда?

— На занятия в школу.

— Что за странная у тебя школа? — воскликнула мама. — В понедельник тебя туда не отправишь. А в воскресенье тебя как магнитом затягивает.

* Что касается меня, я считаю, что родители больше отвечают за детей. Они ведь целых пять лет ребенка воспитывают до школы.

— Чем ты там занимаешься? — спросил отец, оторвавшись от... швейной машинки.

— Поведением и русским языком, — ответила Люся.

— Хорошо. Только приходи не поздно. В прошлый раз мы с мамой испереживались.

— Хорошо, папа.

— Или хотя бы звони! — И снова наклонил голову к столу. А потом он крикнул маме: — Все. Готова твоя машинка. Можешь шить сколько хочешь.

И машинка застрекотала на целый день: ж-ж-ж-ж-ж! тр-тр-тр!

По дороге от станции к поселку интернатники в этот раз не встречались. Встречались какие-то потрепанные взрослые. Какие-то неприкаянные типы. Наверно, друзья Темнотюра.

«Может, тут пивную палатку открыли? — подумала Люся. — Может, пивные ларьки стали выносить за черту города? Как вредное производство?»

Хорошо еще, что эти были в благодушном настроении. Нюхали цветы и улыбались.

И вот любимый поселок.

За воротами меховая мелкота неторопливо кипела. Самые активные даже прыгали на бетонный решетчатый забор навстречу Люсе и пробегали по нему несколько шагов.

Люся вошла в калитку, и на ней сразу повисли Сева Ибров, Иглосски, Бурундуковый Боря и Цоки-Цоки.

Устин Летящий в Облаках и Биби-Моки старательно улыбались в стороне, как Люся их учила. Они так сверкали зубами, будто к ним пришла врачебная зубосмотрительная комиссия. Все вместе пошли к интернату.

Дир встретил Люсю на пороге школы. Он вручил ей Пивный Бумажный Получальник.

— Учительница Люся, зайдите ко мне после занятий. И дам вам хендрики. В прошлый раз мы забыли в суматохе.

На его шляпе с украшениями были явные изменения. Им появились ягоды. То ли шляпная клумба постепенно давала урожай. То ли Меховой Механик украшал ее в соответствии с сезоном.

Так или иначе, Люся была рада ему, его шляпе и всем всем-всем ученикам. Как ей хотелось, чтобы ее школьные друзья, ее бестолковый раздрызганный класс побывал здесь! Поучился бы у этих зверюшек дружелюбию и старательности.

«Обязательно приглашу сюда Киру Тарасову, решила Люся. — Пусть свой правдизм преподает. Из ее правдизма такой сочинизм получится — лучше не надо».

— Хорошо, дир, я зайду. — Она обернулась к ученикам: — Прошу всех в класс.

Раздался рев начинальника.

Интернатники бросились в класс. И даже застряли в дверях. Некоторое время они колыхались такой живой шторой, а потом провалились внутрь.

И ни стука не было, ни грохота. Если бы Люсин класс там вот вывалился из дверей, одних ботинок бы разлетелось штук двадцать. А шум был бы такой, как будто экскаватор бусует.

Ученики стояли на своих партах на передних лапах, стараясь повернуть голову в сторону Люси.

— Блюм! — сказала Люся.

Они блюмкнулись и засветились от радости.

Люся осмотрела класс:

— А где Мохнурка Великолепный?

— Я здесь! — послышался голос сверху. Из Плюмбум Чокиной дыры высунулась усатая мордочка.

— Почему ты там?

— Меня сюда Мехмех посадил. Он сказал, что от меня внизу слишком много шума.

Чем-то Мохнурка напоминал страдательного Киселева. Тот тоже вечно шумел во всех местах, и его всегда куда-то запикивали. В угол, в пустой класс, во двор подметать.

— К доске пойдет Цоки-Цоки, — сказала Люся. — (Она еще ни разу не отвечала.

Цоки-Цоки вышла, глядя в пол, и тихо сказала:

— А у нас вчера комиссия была!

— Комиссия? — удивилась Люся.

— Да! Да! Да! Комиссия! — закричали интернатники. — Большая.

— Они на машине приехали. Две строгие тети и один добрый дядя.

— И что они делали? — спросила Люся.

— Можно я скажу? Можно я скажу? — закричал сверху Мохнурка. Он настолько высунулся, что висел уже только на задних лапах.

— Нет, нет! Пусть скажет Фьюалка.

Ласка поднялась из-за стола и, как всегда, коротко и толково ответила:

— Они все осмотрели. А потом ушли к Мехмеху. И там разговаривали с ним и с дядей Костей. Мы не знаем, о чем они разговаривали.

— А я знаю! — кричал Мохнурка. — Я под домик подкопался и все слышал.

— Подслушивать нельзя! — строго сказала Люся. — Это плохо и неудобно.

— Очень плохо, очень неудобно! — согласился Мохнурка. — Потому что там земля мокрая. Но все-таки можно.

— И о чем они говорили?

— Они спрашивали: кто открыл здесь звероферму? Тот интернат от цирка или от кино? Почему звери разговаривают? Может быть, это научная военная лаборатория? И все время говорили: «Дайте нам выписку на решения» И добавляли: «Надо устроить большую проверку».

— Это все очень интересно, — сказала Люся голосом любимого завуча Эмилии Игнатьевны. — И все же мы продолжим урок. Уважаемая Цоки-Цоки, напишите такое предложение: «Маленькие звери не хотят большой проверки».

Цоки-Цоки стала писать. Она прижимала уши, высовывала язык. Всячески старалась. Вот что у нее вышло:

маленькие звери НЕ ХОТЯТ (ХОТЯТ) БОЛЬШОЙ ПРОВЕРКИ.

Люся спросила:

— Почему слова «маленькие звери» написаны маленькими буквами?

— Они же маленькие.

— А почему «не хотят (хотят)»?

— Потому что все-таки немножко хотят. Интересно — что такое большая проверка?

— Хорошо. А теперь напиши такое предложение: «Котик, кот и котище построили домик, дом и домище».

Цоки нацарапала на доске слова «котик», «КОТ» и «КОТИЩЕ» разных размеров. Такие, как «домик», «ДОМ» и «ДОМИЩЕ». По нарастающей.

— Так я и думала, — сказала Люся. — Дети... то есть звери... то есть дорогие интернатники, запомните одно грамматическое правило: в русском языке все слова пишутся в одном размере.

Это правило она придумала на ходу.

Вошел дир и внес блюдо с кочерыжками. Интернатники помчались хватать их. Сверху ссыпался Мохнурка в черных очках и захрумкал капустой.

А Плюмбум-Чоки не вылезал.

— Почему Плюмбум-Чоки не берет кочерыжку? — спросила Люся. — Он что, заболел?

— Нет, — ответил дир. — Он ест только эвкалиптовые листья. И ничего другого.

— У нас в аптеках они бывают.

— Купите, пожалуйста, для нас, — попросил Меховой Механик. — Чтобы у нас был запас.

Бурундуковый Боря потянул Люсю за руку:

— Девочка Люся, девочка Люся, давайте устраивать игры на свежем кислороде.

— Давайте, — согласилась Люся. — Мы устроим большие спортивные соревнования.

Она вытолкала интернатников на участок:

— Внимание! Внимание! Прошу всех построиться. Сейчас у нас будет небольшая осенняя олимпиада. Мы узнаем, кто самый ловкий.

Люся приказала интернатникам строиться по росту. Это было очень сложно для них. Потому что они никак не понимали — кому стоять впереди, кому сзади.

— Ну и что, что ты выше! Зато я старше.

— А у меня в большой разлинованной Хвалондии ни одной плохой получалки нет.

— При чем тут твои получалки? Главное — рост!

— А я вон какой большой стал. Смотри.

— Ты на кирпич залез. Это не считается.

Впервые Люся поняла, что они могут разговаривать и на каком-то другом языке. Потому что у них иногда проскакивали отдельные трескучие слова и даже целые трескучие предложения. В азарте — раньше такого не было.

— Я тебя сейчас как тресну палкой! Вот ты и узнаешь, кто выше, — говорил Иглосски Боброву.

— Девочка Люся! Девочка Люся! — кричал Мохнурка. — А уши считаются? Цоки-Цоки вон какая маленькая, а уши у нее до неба!

Наконец Люся выполнила эту сложную работу. Впереди стояли рослые интернатники и интернатницы: Имби-Моки, Устин Летящий в Облаках, Снежная Королева. В середине были Фьюалка, Кара-Кусек и Сева Бобров. В конце скакала всякая мелкота: Мохнурка, Цоки-Цоки, Иглосски и Бурундуковый Боря.

— Сначала мы будем прыгать в длину, — сказала Люся. — Вот здесь дорожка для разбега. А прыгать будем сюда. Это яма для прыжков. Только надо ее немного подкопать.

Интернатники смотрели на Люсю, как солдаты на генерала во время парада.

— Милый Устин, — попросила она. — Принесите лопату. Мы взрыхлим землю, чтобы малыши мягко шлепались.

— Зачем лопатка? — возразил Устин. — Мы сейчас лапами взрыхлим.

Интернатники бросились на яму как на врага. И поработали лапами так, что песок во все стороны посыпался. Через минуту площадка для приземления была взрыхлена и просеяна, как хороший огород у мичуринцев-юннатов.

— Прекрасно! — сказала Люся. — Начинаем прыжки. Первым прыгает самый маленький — Мохнурка Великолепный.

Но Мохнурки не было.

— Где Мохнурка? — спросила Люся.

— Он в яме, — ответил Иглосски. — Землю взрыхляет. Он еще не вылез.

И точно — из песка вынырнул на поверхности Мохнурка. И очумело посмотрел по сторонам.

— Он решил, что будут прыжки в глубину! — сказали Снежная Королева.

Все засмеялись. А Мохнурка вылез, сел на песок и вдруг заплакал.

— Ты чего?

— Я очки потерял!

Интернатники бросились к яме и стали ее рассматривать.

Очков не было.

— У тебя есть запасные? — спросила Люся.

— Нет! — рыдал Мохнурка. — Это совсем последние были.

Кара-Кусек отозвал в сторону Снежную Королеву. И они стали шептаться.

— Мы знаем, что делать, — сказал тушканчик. Нужно принести нюхоскоп.

— Пусть Биби-Моки принесет! — добавил горностаф.

Биби-Моки не торопясь пошла за нюхоскопом. И стояли как почетный караул.

Вот Биби-Моки вернулась. Установила штатив. Сначала направила трубу на Мохнурку, понюхала его, а потом на яму. И стала по яме водить.

— Здесь, — сказала она.

Мохнурка ринулся в то место, куда была направлена труба, и стал рыть землю. Секунда — и вылетели прекрасные черные очки.

Батюшки! Сейчас они плюхнутся на кирпичную дорожку! Разобьются!

Но тут неярко сверкнула молния, и Фьюалки приземлилась с другой стороны ямы с очками в лапе.

Биби-Моки не спеша понесла штатив в ночевальню. А Люся сказала строго:

— Продолжаем занятия. Первым будет прыгать Иглоски.

Ежик разбежался и прыгнул. Он приземлился совсем рядом с доской. Плюхнулся, накрывшись дребезжащими иголками. Люся вбила колышек в землю рядом с его рекордом.

Зверюшки переживали и радовались. И очень прыгало. Прыгнул Бурундуковый Боря, Сева Бобров и другие юные спортсмены. Немного они обошли Иггоски. Но вот очередь дошла до Кара-Кусека. Он разбежаться не стал. Взял и сиганул с места через все рекорды и колышки прямо к забору, огораживающему участок.

— Девочка Люся, а можно еще раз прыгнуть?

— Давай скачи! — сказала Люся.

Кара-Кусек как скакнет! Как перелетит через забор! И повис на соседской яблоне.

Долго снимали чемпиона с дерева.

Потом провели соревнования по бегу. Бегали на сто метров и обратно. Победил Устин Летящий в Облаках. По дороге он уронил свой пояс с пистолетом. Остановился, поднял его, вернулся, отдал Люсе и снова помчался. И все равно прибежал раньше всех.

Проводить соревнования при столь разносторонних способностях спортсменов было немыслимо трудно.

Еще бы! Кара-Кусек скачет как кузнечик. Предлагает прыгать через яблоню или на крышу. Сева Бобров зовет в воду. Давайте, мол, плавать и нырять. Мохнурка желает нырять в песок и хочет бегать стометровку под землей.

Иггоски предлагает проводить соревнования по нюханию. Закопать какую-нибудь тухлянку около станции и отыскивать без нюхоскопа.

А Биби-Моки уговаривает всех мериться силой: брать ворота, поднимать и перетаскивать в разные стороны.

Она подняла ворота и утащила их на тридцать метров. И грохнулась вместе с ними. Обратно ворота несли всем классом. И на место устанавливали.

Тут пошел дождь. Мокрый* и холодный. Олимпиада прекратилась. И радостные звери потащили Люсю в палатку.

Они уселись на кроватях и болтали ногами.

— Давайте играть в жмурки! — предложила Люся.

— А как это? — спросил Сева Бобров.

* Разве можно сказать про дождик «мокрый»? Можно. Особенно в сырой день. Все и без того мокрое. И каждая капелька, попав на человека, расползается по нему большой и холодной кляксой.

— Надо тому, кто водит, завязать глаза. И он всех остальных будет ловить. Давай мы начнем с тебя.

— Давайте, девочка-учительница!

Завязывать глаза Севе было очень неудобно. Его повязки скатывались у него на затылок. Поэтому ему просто надели на голову Люсин школьный мешок для обуви. Все остальные интернатники рассыпались по комнате. Люся повернула Севу вокруг оси:

Ходи, ходи по пятам,
Ходи здесь, ходи там.
Если налетишь на шкаф,
Значит, будешь ты не прав.

Люся подбежала к подоконнику и забралась на него ногами. Интернатники кинулись врассыпную, как воробьи от кошки.

Сева уверенно прошел мимо кроватей и тумбочек. Подошел к окну и взял Люсю за руку. Будто ни в каком мешке и не сидел.

— Как ты меня так быстро отыскал?

— Я тебя унюхал.

— Мы уже умеем чують! — сказала белочка Цоки Цоки. — Нам же надо не только глаза завязывать. Нюхать еще нос!

— Надо затыкалки принести! — закричал известный окурочник Кара-Кусек. — Там на помойке у забора их сколько хочешь. Ими бутылки затыкают.

— Не будем мы ничего на помойке собирать, сказала Люся. — Давайте я буду водить. Я нюхать умею.

Она сама засунулась в мешок. Покрутилась и начала поиски.

Люся двигалась по спальне, натыкалась на кровати. Вокруг была тишина. Будто интернатники растворились в воздухе. Они не топали ногами, не задевали вещи, ни хихикали и не дышали.

Люся минут пять ходила от одной стены до другой. Но пространство просеивалось сквозь руки, а интернатников не было.

— Эй, — сказала завязанная Люся. — Есть кто?

Тихо. Никто не ответил.

— Я так не играю! — сказала Люся. — Вы куда-то ушли.

Люся сняла повязку. Все меховые ученики были внимательны. Они просто расступались перед ней, как туман. Двигались ловко и бесшумно. Мохнурка сидел под кроватью.

— Чего же вы не отвечаете, что вы здесь? — спросила Люся.

— Мы ответим, а ты как прыгнешь! — сказал Мохнурка. — И поймаешь нас.

Люся осмотрелась:

— А где Кара-Кусек?

— Вот он, — сказала Цоки-Цоки. — Видишь, на окне сидит.

Под потолком, на карнизе, прижался к стене ушканчик.

— Мне трудно с вами играть, — сказала Люся.

Малышня снова повисла на ней:

— Давайте что-нибудь рисовать!

— Читать сказки!

— Давайте прыгать на потолок!

Люся задумалась:

— Давайте вот что сделаем. Давайте устроим танцы. У нас есть музыка?

— Ура! — завопили интернатники. — У нас есть музыка!

— А танцы — это что? Что это такое?

— Сейчас узнаете, — ответила Люся. — Сдвигайте кровати в одну сторону. Чтобы было место. И тащите сюда вашу музыку.

Меховые ребята быстро составили все кровати в угол. И тумбочки тоже.

Бурундуковый Боря подергал Люсю за юбку:

— Нашу музыку сюда тащить не надо. Она уже здесь.

— Где «здесь»?

— Здесь, здесь. Иглосски здесь, Цоки-Цоки здесь, Митин здесь. Они — наша музыка. Только Пломбум-Чоки нет.

— Вот и тащите его сюда.

Мохнурка сразу повел в атаку нескольких интернатников: Фьюалку, Устина, Снежную Королеву и Сенью Боброва. Они бесшумно скрылись. А через две минуты они же бесшумно появились. Только их все время разбрасывали в разные стороны или стягивало вместе. Потому что они несли Плюмбум-Чоки в сиреневых трусищах. А он, тоже бесшумно, бушевал и сопротивлялся.

— Плюмбум-Чоки, разве ты не хочешь к нам? спросила Люся.

— Ккккк вамк кхочу! — проскрипел Чоки. — А они ксказали, кчто кбудут ккктанцы. Кккк ктанцам я кне кхочу.

Он, наверно, думал, что танцы — это какие-то иностранцы: американцы, испанцы... в общем, танцы жители Тании.

— Танцы — это когда парами кружатся под музыку! — объяснила Люся Плюмбуму.

— Значит, у нас будет кружильный праздник! — захлопала в ладоши Цоки-Цоки. — Ура!

Она принесла из чулана барабан и села на стул. Другие оркестранты тоже принесли стулья и поставили перед собой стойки с нотами. А инструментов у них не было.

Все они были важные и напоминали оркестр из басни Крылова. Так и хотелось сказать:

Однажды белка, волк, ежонок
И Плюмбум, то есть медвежонок,
А также муравьед
Задумали сыграть квартет.

Биби-Моки топнула ногой несколько раз, задвигая ритм, Цоки-Цоки застучала на барабане, а Устин взвил как будто он труба. И полилась непривычная, но очень трогательная музыка.

Иглосски выскочил вперед, стал приплясывать и греметь иголками. При этом Плюмбум-Чоки как-то странно скрипел и тикал. Но очень музыкально. А Биби Моки пела как саксофон.

Так весело получалось, что нельзя было устоять на месте. Люся и вся меховая братия задвигались, закачались.

Танец становился все веселее и быстрее. Все неожиданней. Кара-Кусек от восторга стал прыгать с передних лап на задние. Мохнурка катался по комнате колесом. А Снежная Королева прыгал на стенку, прилипал там под потолком и отлетал обратно.

И все подвывали в такт музыке.

Дверь распахнулась. В комнату вплыла матушка Ийм Зюм с белым платочком, как будто ансамбль «Презка» приехал. И все еще больше завеселились.

Сева Бобров выскочил на середину комнаты и запел.

Сева, Сева, Сева, Сева.

Сева, Сева — молодец!

Он победоносно на всех посмотрел, застеснялся и утихал. Тогда вышел вперед Бурундуковый Боря и тоже запел:

Боря, Боря, Боря, Боря!

Боря, Боря — молодец!

В оркестре наступила пауза, и Боря ретировался. Кижик Иглосски выступил из оркестра и, кляца ножками, прошелся перед интернатниками, напевая:

И Иглосски, и Иглосски!

И Иглосски — молодец!

Не выдержал и хулиганистый Кара-Кусек. Он стал прыгать вверх, переворачиваться в воздухе, прилипать ногами к потолку... При этом он выкрикивал:

А уж, а уж, а уж, а уж

Кара-Кусек лучше всех!

На этих не совсем воспитательных словах в ночевальню вошел Мехмех:

— Милостивые интернатники! Вы так развеселились, что скоро дом сломаете. Пора обедать!

Интернатники притормозили. Радостно загалдели и посыпались бесшумно по лестнице вниз. Туда, на первый этаж, где была кухня и столовая.

— Девочка Люся, зайдите ко мне в кабинет, — попросил директор.

В кабинете у него был какой-то здоровенный мужчина. Добродушный и на редкость спокойный.

— Здравствуйте, — сказала ему Люся.

— Здравствуйте, — слегка поклонился он.

— Это наш снабженец и рабочий кухни, — сказали дир. — Дядя Костя Сергеенко. А это учительница Люся.

Дядя Костя протянул руку. Она была как совковая лопата. На ней мог запросто танцевать Иглоски.

— Я хочу рассчитаться, — продолжал дир. — Ваши хендрики, дядя Костя. За половину месяца.

Он протянул дяде Косте два прозрачных полиэтиленовых пакета. В пакетах были какие-то разноцветные корешки и самые яркие травы. А снаружи на каждом пакете был нарисован сочный красный крест.

— Распишитесь, дядя Костя.

Дядя Костя взял карандаш двумя пальцами, как берут швейную иглу, и что-то вышел на разлинованном листе бумаги.

— А это ваши хендрики, девочка Люся.

Люсе тоже дали два пластмассовых пакета. И она тоже расписалась.

Дядя Костя вышел из кабинета. И было видно в окно, как он выкатывал с участка большую тележку на резиновом ходу.

— У него мать болеет, — сказал дир. — Ему очень нужны хендрики.

Дир помолчал, а потом сказал:

— Девочка Люся, нам срочно требуются липовые листья, чтобы кормить Плюмбум-Чоки.

— Да, я постараюсь их купить, — ответила Люся.

— И еще. Вы обещали с папой поговорить при комиссии. Они нас замучили. Все спрашивают: «Кто это открыл?», «Где выписка из решения?», «Покажите мне их общего пользования», «По какой программе у вас идут занятия?» Мы им все рассказываем, а потом, когда они

и включают, мы им вслед включаем забыванты на всю мощь. Они отъедут на два километра — и снова возвращаются. И спрашивают: «Кто вас открыл?», «Где выписка из решения?»

— Я не успела поговорить с папой, — сказала Люся. — Но теперь у вас есть телефон. Вы позвоните мне, а я все узнаю.

Еще Люся поговорила про свою любимую подругу Миру Тарасову. Что ее тоже можно привлечь к работе. Конечно, в тактичной форме. Она молодая, но очень обещающая обманистка. Ни одного слова не скажет, чтоб не приврать. Но никогда в этом не признается.

Дир отказался:

— Девочка Люся. У нас сейчас очень трудное положение. Мы не можем увеличивать связи с городом. Мы видели, что делается возле добродушей и забывантов?

— Уважаемый дир, я много раз слышала про добродуши и забыванты. Но я так и не знаю, что это такое.

— Это такие устройства для снятия раздраженности и глости. Они висят незаметно на деревьях вокруг поселка. Мы же не обычный интернат. И злые люди могут принести нам вред. Добродуши снимают агрессию и выходящего. А чтобы о нас поменьше рассказывали, вслед уходящим включаются забыванты.

— И на меня включается добродуш? — спросила Люся.

— На вас не включается. Вы без добродушей добрая. Поэтому вас и пригласили с нами сотрудничать. И очень многие люди добрые и веселые, как вы. Но все-таки еще есть... всякие там... Темнотюры...

Он прошелся по комнате.

— Против них мы и ставим добродуши. Но вот что получается. К этим добродушам потянулись плохие люди. Они успокаиваются под добродушами. От них уходит злоба на окружающий мир и ненависть. Им становится легче дышать, а нам-то не легче! Когда пойдете домой, девочка Люся, обратите внимание!

— Хорошо, — сказала Люся.

— Вот вам на всякий случай жакетрилевая обойма. В случае опасности достаньте одну косточку. И бросьте.

Это сушеные жакты. На свету они мгновенно взрываются.

По дороге к станции Люся все время обращала внимание. Да, у некоторых деревьев кучками сидели на траве небритые личности. В основном мужчины. Вид у них был не самый товарный. Иногда в городе таких людей милиционеры приводят на разгрузку вагонов или на подметание улиц. Народ коротко и весело называет их пятнадцатисуточниками.

Они поглядывали вверх, на вершины деревьев. Там курортники на пляже улыбаются солнцу.

Люся подумала: «Плохо, что у нас есть такие люди. Наверное, в стране у Мохнурки таких людей нет. Интересно, а где находится эта страна?»

В электричке она занималась.

Не успела Люся решить задачку по арифметике, как электричка протарахтела положенные до Москвы километры.

По дороге с вокзала Люся зашла в большую новую стеклянную аптеку на своей улице.

Аптека перед закрытием была пуста и загадочна. Казалось, когда уйдут последние посетители и закроются двери, здесь станут танцевать старинные красивые медицинские привидения.

— У вас есть эвкалиптовые листья? — спросила Люся у женщины-аптекаря за прилавком.

— Есть, — ответила женщина. — Развесные и в пачках. — Тут она заметила у Люси пакеты с красными крестами. — Что это у тебя в руках? Неужели хендрики?

— Да, хендрики, — ответила Люся.

— И много тебе надо эвкалиптовых листьев?

— Много, — сказала девочка. — Чтобы целую неделю кормить эвкалиптового медведя.

— Хорошо, — сказала женщина. — Я тебе дам столько листьев, что ты сможешь кормить двух медведей в течение месяца. Только ты отдашь мне один хендрик.

— Я согласна, — сказала девочка-учительница.

— Тогда приходи послезавтра в это же время, — предложила женщина-аптекарь. — Я работаю во вторую смену. И пожалуйста, хендрик никому не отдавай. Хендрик — это очень редкое и дорогое лекарство.

Междуглавие шестое
Рюкзак эвкалиптовых листьев

Как это странно получается. Забот у Люси поприбавилось. А учиться она стала лучше. Не столько больше стала знать, как лучше соображать.

Она научилась брать учебник и смотреть на него без страха.

А когда она стала больше понимать, учиться ей стало больше нравиться. Кто бы мог подумать — Эмилия, наивуч, оказывается, имеет потрясающую собаку, пидельтерьера. И катается в парке на велосипеде. А собака бежит рядом и ни на кого не бросается.

А учитель Косолапов — не просто учитель, а кандидат исторических наук. Он с ректором в университете поссорился и перешел в школу к ребятам. Он говорит:

— Если мы не возьмемся серьезно за воспитание молодежи, у нас не только в университете — у нас в плане бестолковые люди окажутся. А люди, которые хорошо историю знают, не то что на работе — они в личной жизни не допустят ошибок. Столько у них отрицательных примеров перед глазами.

Во вторник Люся даже взяла Киселева на буксир. И Карину Мариношвили. Она стала с ними заниматься.

Во время учения Киселев все ее смешил.

— Я, — говорит, — математику учить не буду! Я решил стать эскимосом. А точнее, эскимосским охотником. Там, на Севере, другая жизнь идет. Чем ближе к Северному полюсу, тем меньше математики нужно и всяких знаний. Уже научился сырое мясо есть.

Такой веселый муж попадется — наплачешься.

А Карина сказала:

— Ты лучше грузчиком иди на холодильный комбинат. Там без всяких знаний ящики с тушенкой будешь таскать. И сырого мяса там тоже завались.

Люся заставляла эскимосского Киселева рисовать график роста поголовья оленей. Сначала их было x . Потом у всех оленей, то есть $x:2$, стали рождаться тиксики. По одному в день. Сколько оленей стало у неформального эскимосского пастуха Киселева-бельды к концу оленнего сезона?

И Киселев через оленей легко математику понимал. А Мариношвили через оленей ничего не схватывала.

Ей пришлось все через кофты объяснять и через пуговицы. На склад X ящиков с кофтами завезли. На каждой кофте X пуговиц. Сколько было всего кофт, если, когда их съела моль, 100 пуговиц осталось?

Через кофты и пуговицы задачи быстро до Карини доходили.

В это время папа с работы пришел.

Они с Киселевым стали в шахматы играть. И папа не приставал к Киселеву — какие проблемы сейчас волнуют молодежь десяти лет? А Киселев отвечал, что он не знает. Потому что он — молодежь одиннадцати лет. Люся у папы спросила:

— Папа, скажи, пожалуйста, если комиссии в одном месте приезжают постоянно — это хорошо или плохо?

Папа оторвался от шахмат:

— Я не очень понял вопрос. Повтори, пожалуйста.

— Допустим, папа, за городом есть школа. Не совсем обычная, со звериным уклоном. В эту школу стали постоянно комиссии приезжать. Это хорошо или плохо? Что теперь будет?

— Трудно ответить сразу, — сказал папа. — Но опыт показывает: если комиссии стали приезжать, значит, что-то будет. Или эту школу начнут расширять и изучать, или быстро закроют.

— Почему так, папа?

— Потому что комиссии делают выводы. Выводы бывают или плохие, или хорошие. Если выводы хорошие — школу будут увеличивать, строить новые корпуса, усиливать звериный уклон. Если выводы будут плохие — школу тихонечко прикроют. И про звериный уклон забудут.

Папа у Люси сейчас умный. А в молодости такой не был, как Киселев. Тоже в эскимосские охотники готовился. И его мама, конечно, с ним намучилась.

Люся про себя твердо решила, что она сделает все возможное, чтобы интернат не закрыли.

Она позвонила Кире Тарасовой и позвала ее в аптеку менять хендрики на эвкалиптовые листья. Кира согласилась.

Женщина-продавец в белом халате ждала Люсю. Она звала девочек в комнату за прилавком.

— Вот вам, девочки, листья, — показала она. — Забирайте их вместе с рюкзаком.

— А вот ваш хендрик.

Женщина взяла хендрик и спрятала в сейф с картами.

— Вы донесете рюкзак?

— Донесем, — ответила Люся. — Нас двое.

Девочки надели рюкзак на Люсю и пошли. Кира шла впереди и поддерживала его.

— Ой как пахнет! — говорила Кира. — Не то что нос — глаза щиплет. Ты что, этими листьями будешь спекулировать?

— Не буду я спекулировать. Я буду ими австралийского медведя кормить.

— Можно я вместе с тобой кормить буду?

— Можно, конечно. В воскресенье поедem. Одной мне тот рюкзак не донести.

Дома они запрятали рюкзак в чулан. И закрыли его резиновым матрасом. Чтобы запах не щипал мамин и папин нос. В первый раз пес по имени Шах не спал на своей подстилке в чулане.

Глава шестая Кира Тарасова — учительница

В воскресенье рано утром из Москвы на электричке выехали две девочки с одним большим рюкзаком.

На вид это были девочки как девочки. А на самом деле это были две специалистки, две преподавательницы высокого класса. Одна — русского языка и поведения, другая — опытная невренистка со стажем, с уклоном в сочинизм.

Преподавательницы не бегали, не скакали, не носились по всем вагонам, а важно обменивались мнениями и делились опытом преподавательской работы. (Люся твердо решила начать знакомить свой четвертый класс с меховыми интернатниками.) И на следующее воскресенье был назначен выезд всей

передовой молодежи: Киселева, Спальникова, Трофимова, Кати Лушиной, Карины Мариношвили и др. ... в сельскую местность для знакомства с подшефной школой. А школа эта была сельская с научно-фантастическим уклоном.

На станции Интурист девочки с трудом выволокли выцветший рюкзак и, сгибаясь под его тяжестью, пошли по шуршащей платформе.

Из других вагонов вышли несколько одиноких пошатывающихся мужчин. И все они пошли в одну сторону. К дачному поселку.

— Эй, девочки, — сказал один такой дядька. Давайте я вам помогу!

Он поднял рюкзак и понес его. По дороге он говорил.

— Этот поселок не зря назван иностранным словом Интурист. Здесь такой воздух целебный. Его скоро в пакетах будут иностранцам продавать. Я как сюда приеду, у меня сразу голова не болит и вся злость проходит. И все обиды. Меня друг-охотник приучил сюда ездить. Он тоже сюда придет. И многие другие здесь дышат.

Дядька быстро устал и отдал рюкзак девочкам:

— Вы, наверное, цемент на дачу возите. Себя пожалейте.

Ворота были заперты. Калитку им открыл дядя Кихтин Сергеев. Он взял у девочек рюкзак:

— Вас ждут уже давно. Вы идите, я рюкзак потом принесу.

— Это кто? — спросила Кира Тарасова. — Меховой укротитель?

— Это снабженец, дядя Костя.

— А собака около него настоящая или интернатная?

— Собака как собака. Шариком зовут. Она поселком охраняет. Идем быстрее.

Меховые ученики сидели в классе. Меховой Механик на своем скрипучем языке преподавал им математику.

Когда девочки вошли, зверята радостно взвыли и встали на партах ногами вверх. Как только вся эта масса взмыла ногами под потолок, Кира Тарасова ринулась вниз, под учительский стол.

— Блюм! — сказал Мехмех.

Зверята сели за парты и заулыбались. Кира Тарасова вылезла из-под учительского стола и робко стала у печки. А в печке сидел Великолепный Мохнурка. Он решил потрогать Киру и черной лапкой дотянулся до нее. Кира как стояла, так ракетой взлетела под потолок и села на край печки.

Если бы сейчас сверху выглянул Плюмбум-Чоки, то Кира просто бы упала с печки на пол замертво. Но Плюмбум пожалел ее и не стал высовываться.

— Объявляется перемена на пять минут, — сказал директор. — После нее будет первое занятие по правдизму. Правильно я говорю?

— Правильно, — сказала Люся. — Это новая учительница — Кира Тарасова. Она будет преподавать новый предмет — сочинизм.

— Прошу учеников покинуть класс, — сказал Мехмех.

И все зверята с сожалением потянулись к выходу.

И вот они уже заплескались, забегали на площадке перед классными окнами и всячески завыхвалялись, поглядывая на Люсю и Киру.

— Вы знаете, что мы платим хендриками? — спросил Мехмех у Киры.

— Да, мне уже сообщили об этом, — ответила девочка.

— Четыре хендрика в месяц — это много или мало?

— Это в самый раз, — ответила Кира. Хотя она, как и Люся, не имела ни малейшего представления о ценности хендриков. Очень дипломатичными оказались наши девочки. Хоть сейчас с места в карьер отправляй их за рубеж вести дипломатические переговоры.

— Тогда я оставляю вас, — сказал дир. — У меня время ограничено. Я буду готовить эвакуацию.

— Что такое «эвакуация»? — спросила Кира Тарасова, когда он ушел.

— Не знаю я. Наверное, срочный переезд.

Загудел начинальник, и меховая мелкота ринулась в класс. Звери быстро расселись за партами, и Люся стала читать по Получальнику: Биби-Моки... Бурундуковый Юря... Кара-Кусек... Снежная Королева...

Каждый вставал и кланялся Кире Тарасовой. Мохнурка Великолепный не мог встать. Он просто

вывалился из печки, подняв кучу пыли. Подбежал к Кири с вытянутой лапой и сказал:

— Дай пять.

Люся не выдержала такой дерзости и легко стукнула его Получальником по голове. Поднялась такая сажма, будто взорвался жакт. С трудом интернатники нашли и пыли Мохнурку и снова засунули его в печь.

И Кира приступила к уроку:

— Дорогие ученики! Нужно всегда говорить правду. Впервые правду стали говорить в Древней Греции...

Кира еще в первом классе школы поняла, что впервые все начали делать в Древней Греции: добывать медную руду, создавать глиняную посуду, приручать скот, сочинять мифы Древней Греции.

— Если маленький гречик приходил домой и мама спрашивала, где он был, он всегда говорил только правду: «Я, мама, был у реки и ловил раков». Хотя ему ничего не стоило соврать: «Мама, я был у Васи Петрова и смотрел телевизор».

Люся Брюкина, вытаращив глаза, слушала эту невероятную лекцию о правдивости и о телевизоре в Древней Греции и не знала, что ей делать: стоять или падать. А Кира продолжала:

— Потом, в Средние века, правда перекочевала и славянам. Когда маленький славянчик приходил домой и мама спрашивала, где он был, он говорил только правду: «Я лазил в колодец, потому что у меня туда рукавицы упали». Хотя он запросто мог присочинить: «Мы вместе с Анжелкой Левенсон были на кружке «Умелые руки» и вышивали крестиком». Еще у нас есть газета «Пионерская правда». Но, по правде говоря, мы ее не читаем, потому что она очень серьезная и воспитательная.

Но тут Кира и Люся заметили, что к дому подъехали машина «Волга» и из нее вышли две гражданки с портфелями и один гражданин.

— Комиссия, комиссия! — заволновалась мехомом малышня.

— Ой, — сказала Люся Кире, — сейчас нас закроют, будут.

— Я им закрою! — ответила Кира. — Ишь, раззакрывались!

Две гражданки с портфелями и гражданин вошли в класс. Одна гражданка была высокая, почти длинная. Казалось, что это была тетя на тете под одним пальто. А вторая была низенькая, с круглыми, как по циркулю, щеками. И другие части тела у нее тоже были как по циркулю. А гражданин был их тихий начальник.

Ученики встали на задние лапы. Комиссия слегка шарахнулась к двери.

— Блюм! — сказала Люся. И они опустили на парты тихо, как в театре теней.

— Кто-нибудь из старших есть? — спросила высокая комиссия.

— Никак нет! — четко, по-военному ответила Кира.

— А где они?

— В министерстве! — отчеканила Кира.

— Как — в министерстве? В каком министерстве? — изволновалась комиссия. — Это мы приехали из министерства. Из министерства обучения детей.

— А они поехали в министерство воспитания и обороны.

— Кто поехал?

— Наш генерал-барсук.

— Бред какой-то! — сказала сдвоенная в длину гражданка. — Генерал-барсук... министерство воспитания...

А сдвоенная в толщину добавила:

— Совершенно сумасшедшее учебное заведение.

— Не совершенно сумасшедшее, а совершенно секретное! — отпарировала Кира.

— Это почему так? — тихо спросил их начальник.

— Как, вы не знаете? — наступала Кира.

— Не знаем.

— Девочка Кира! — дернула Киру за платье Цоки-Цоки. — И мы не знаем.

Тогда Кира сказала торжественно-секретным шепотом:

— Это особая Звериная Разведывательная Школа — ЗРШ. И не просто ЗРШ, а ЗРШ при ГГШ.

— Что значит «при ГГШ»? — таким же секретным, но менее торжественным шепотом спросила комиссия.

— При Главном Генеральском Штабе.

Члены комиссии стали хвататься за стенку, потому что сидели в разных местах класса. И потребовали объяснений.

— Как, вы не знаете? — снова спросила Кира. Например, в Симферополе есть особая дельфинья школа. Дельфинов учат находить подводные лодки, спасать раненых в море, играть в баскетбол, петь, топить диверсантов. Знаете?

Комиссия сказала, что знает. Но как-то неуверенно.

— Во время войны были школы для собак. Они находили мины, передавали почту, охраняли склады. Знаете?

— Знаем, — шепотом ответил дяденька.

— Вот и у нас такая же школа.

Теперь за головы схватились потрясенные интернет-ники.

— Но ведь сейчас нет войны! — неуверенно сказали круглощекая женщина из комиссии.

— А мы и не учим их воевать. Мы учим их разгадывать военные тайны. Сегодня мы проходим «Проникновение и генеральский штаб противника через печные дверцы».

Тотчас же из печки высунулся Мохнурка Великолепный с горелой деревяшкой наперевес и начал строчить на комиссию:

— Тра-та-та-та-та!

Комиссия отступила.

Сверху из дыры в потолке наполовину высунулся руконогий Плюмбум и заскрипел:

— Отдавайте секретные сведения!

— У нас их нет! — в ужасе закричала круглощекая тетя. — Мы не взяли!

Кира торжественно подошла к доске и более подробно стала рассказывать о задачах и целях ЗРШ:

— Впервые зверей в военных целях стали применять в Древней Греции. В стан противника при помощи катапульты забрасывали ящики и целые мешки дрессированных мышей. Мыши кусали врагов, залезали к ним под латы и обращали противника в бегство. В Индии были боевые слоны... Зверей и птиц использовали для военной хитрости славяне. Княгиня Ольга с помощью дрессированных голубей сожгла город друн-лян.

Комиссия слушала с глубоким вниманием. Только один член комиссии — гражданин в очках — слушал

пятого на десятое. Потому что в нем самом зрел вопрос:

— А почему с разведывательными зверями работают дети?

Тут вмешалась Люся:

— Потому что они детей лучше всего понимают. А взрослым они не верят.

Кира не дала ей долго говорить. Снова перехватила инициативу:

— А есть у вас секретные документы: пропуска, удостоверения? Есть у вас пропуск в нашу зону? Имеете ли право задавать вопросы нам, сверхсекретным специалистам? Вон видите, наш специальный сотрудник дядя Костя на своей тележке привез рюкзак учебных гранат. Мы сейчас будем учиться их бросать во все стороны.

— Не во все стороны, — поправила Люся, — а в учебного противника.

— Может, нам вызвать летучий отряд проверяющих медведей? — спросила Кира как бы между прочим.

— Нет-нет, не надо, — сказала циркулярная тетя. — Не надо вызывать летучий отряд проверяющих медведей. Мы все поняли. Это не наше ведомство. Мы уходим.

Комиссия быстрыми шагами ушла и запихнулась в машину, которая пулей вылетела с секретной территории...

Сразу в класс с шумом ворвался генерал-барсук:

— Спасибо, дорогие учительницы! Я все слышал! — Он стал трясти руки Люсе и Кире. — Теперь они долго не приедут. Я им вслед не стал даже забыванты включать. Вот это обманизм! Высший класс!

Звери от восторга встали на партах на передние лапы. А Мохнурка Великолепный выскочил из печки и, растопырив лапы, побежал к Кире обниматься. Еле-еле Фьюалка успела перехватить его и снова направить в печку.

— Я себе генеральскую форму сошью! — закричал Мехмех в восторге. — Брюки красные, пиджак с погонами и фуражку.

Но Кира вдруг обиделась:

— Я все правду говорила. Есть такие школы.

— Конечно есть! — согласился Меховой Механик. — И пушки есть, и самолеты, и бомбы. Этого добра у людей хватает.

— А у вас ничего такого нет? — спросила Кира. — И военных нет?

Бурундуковый Боря потянулся к Кире с вопросом:

— Девочка Кира, а что такое «военный»?

— Это такой... дядя в брюках... с погонами... со звездочками... с фуражкой.

— А военный дельфин тоже со звездочками?

— Нет, он без звездочек...

— Значит, он не военный?

— Нет, он военный... — запуталась Кира. — Просто он мокрый... Он выполняет команду военных.

— Какую?

— Например, взорвать подводную лодку. Он берет в зубы бомбу и плывет к чужому кораблю. Бомба прилипает, а потом через час взрывается. Раз! — и корабль потонул.

— Зачем? — спросил Бурундуковый Боря.

— Он, наверное, старый был, ненужный! — пояснил Сева Бобров.

— Как — ненужный?! Нужный! — закричала Кира.

— Зачем же его тонуть? — спросил Иглоски.

— Он же не наш, вражеский!

— А враги — наши? — спросил Боря.

— Наши, а то чьи же, — сказала Кира.

— Раз враги наши, значит, и корабль наш, — уяснил Иглоски.

Кира совсем запуталась. Люся тоже.

— Девочка Кира, — сказал дир. — У нас в стране никогда не бывает войны. И они ничего про нее не знают, не видели.

— Я видел, я видел! — закричал Мохнурка. — У дяди Кости по телевизору. — Он снова выскочил на середину с головешкой: — Руки вверх! Трах-тах-тах! Сейчас я всех пересчитаю! Ура! — Он показал таким образом свою полную осведомленность в военном деле.

— Пожалуйста, расскажите им про войну, — попросил дир. — Дайте им пару уроков.

Кира с Люсей посмотрели друг на друга. Нет, с этим делом им ни за что не справиться. Тут нужен кто-нибудь и

мальчишек. Лучшее всего Киселев. Он у них в классе самый индустриализированный мальчик. А может быть, и дедушка Киры Тарасовой. Он не только про войну знает, но даже и сам воевал.

— У нас один мальчик есть, — сказала Люся. — Его фамилия Киселев. Он в смысле войны очень образованный. У него даже карты всех военных сражений есть.

— Вот и хорошо! — сказал дир. — Посражаемся.

— Как — посражаемся? — удивилась Люся.

— А так, в карты. Пики, трефы, бубны. Меня дядя Костя научил. Мы с ним часто по вечерам в карты играем.

Видно, и сам директор Меховой Механик ничего не знал про войну, несмотря на свое высокое военное звание — генерал-барсук, начальник военной школы ИРШ при ГГШ.

Такой потрясенной и тихой родители Киры Тарасовой никогда свою дочь не видели. И она ничего им не рассказывала. А кто бы ей поверил? Родители знали ее как облувленную. Только поражались — как у них такая воспитанность? Лампасы... генералы... пожары... парашютные войска... медведи в скафандре... конгресс подопроводчиков в Женеве так и сыпались на их головы. Им только звериной школы не хватало!

Междуглавие седьмое Когда кукушка кукует в ночи

И эвкалиптовых листьев Люся достала, и учиться стала лучше. И преподавательницу обманизма нашла. И в доме порядок. И все же на душе у нее беспокойно было.

А в этот вечер еще папа с мамой стали ссориться.

Начала мама:

— В доме картошки нет. А ты газету читаешь.

— Я сейчас же исправлюсь, — сказал папа. — Не буду читать.

— Ты лучше картошки принеси.

— В семь часов вечера? Такая срочность? Картошка — это валидол?

— Нечего ехидничать, — говорила мама. — Мне ребенка кормить нечем.

— Мама! — закричала Люся. — Если ты будешь на папу ругаться, я вообще есть не буду.

Ночью Люся не спала. За окном дождь хлестал по подоконнику. Тарабанил просто зверски.

На кухне куковала кукушка. Гордость папы. Он ее из Чехословакии привез.

Эта кукушка была как градусник по психозу. Обычно Люся не замечала. Как только в доме появлялись волнения, кукушка начинала проступать. А если Люся была чем-то сильно расстроена, кукушка орала как оглашенная. И уже не через час, а через каждые пять минут.

Сегодня эта кукушка разбушевалась — хоть по трубе стучи! (Если в одной квартире сильно шумят — соседи по трубе стучат. Это знак — утихомирьтесь! Прекращайте ваши танцы-скаканцы! Вы нам мешаете!)

Постепенно Люся успокоилась. Успокоилась и кукушка. Она почти шепотом прокуковала двенадцать. И Люся уснула.

Глава седьмая В Москву с нюхоскопом

И вот ей кажется, что кто-то стучит в окно.

«Это же град!» — подумала Люся.

Но стук повторился. В окно явно стучали. Кто-то хотел войти в дом с улицы, с подоконника.

Люся выпрыгнула из-под одеяла. Подошла к окну. Из окна на нее глянула белая усатая морда.

— Снежная Королева! — ахнула Люся. Она встала на письменный стол и открыла форточку. Горнотый полыхнул белым мехом и проскользнул в комнату. Следом сверкнула лаковая молния, и перед Люсей возникла Фьюалка.

— Боже ты мой! — ахнула Люся и обняла мокрых зверей. — Это же третий этаж.

Она сбегала в ванную и принесла махровую простынку.

— Давайте я вас вытру! Как вы сюда добрались? Как вы меня отыскиали? Что у вас там нового?

Выяснилось вот что. Не зря у Люси тревожилась душа. Потому что в интернате были следующие события.

В двенадцать часов дня порыв ветра сломал старую березу на углу дачного поселка. На березе был добродуш. Он выключился. И охотник Савельев Николай, по-интернатски Темнотюр, что значит Небритый, почувствовал себя ужасно. Руки затряслись, все разонравилось. Он выбрался из-под веток и сказал:

— Я еле жив, а тут бегают пушные звери. Поймаю и продам пару. Куплю себе валерьянки сто флакончиков. Тогда мне сразу станет легче.

У него с собой всегда был мешок и веревка. Мало ли, вдруг где-нибудь трубы валяются или шлаковата. И с этим мешком он стал подбираться к двухэтажному зданию интерната.

В это время ежик Иглосски и Сева Бобров в две лапы несли на помойку ведро с картофельными очистками. Они подошли к помойке, и вдруг из помоечного ящика выскочил небритый дядька.

— Попались! — закричал он.

Схватил Севу за шкурку и запихнул в мешок. Иглосски удалось отскочить.

— Еж, еж, еж! Цып, цып, цып! — говорил дядька и подкрадывался к малышу.

Он прыгнул, чтобы сцапать Иглосски, но ежик свернулся в клубок из стальных игл. Темнотюр искололся до крови.

— Караул! Помогите! — закричал он. И кинулся бежать. Однако мешок с Севой Бобровым не бросил.

Добродуш на березе не работал, но забывант был в исправности. И мысли в голове у охотника стали путаться: «Что я хотел сделать? Продать пару и купить сто флакончиков... Поддать пару... поддать... и купить сто балкончиков...»

А Сева Бобров болтался у него за спиной в мешке и думал: «Укусить или не укусить?»

Он знал, что кусаться невежливо. Но и сидеть в этом противном мешке долго не собирался. Сева решил пока подождать.

Темнотюр бежал в сторону станции, а Иглосски прибежал к Мехмеху:

— Боброва украли! Бобров в мешке. Темнотюр украл Боброва!

Мехмех собрал всех малышей и сказал:

— Севу Боброва украл Темнотюр. Он несет его куда-то в мешке. Давайте позовем Севу ультразвуковым кричанием.

Малышня подняла головы вверх и тихонько так заскулила.

Звук становился все тоньше и тоньше. Наконец он совсем исчез.

Но сами звери его слышали.

— Так, — сказал директор. — Теперь послушаем ответ.

Все затихли и напряженно слушали.

— Слышу, — сказала Снежная Королева. — Он отвечает, что он около станции.

— Ты и ты! — показал Мехмех на горностая и на Лаковую Молнию. — Бегом к станции. Только возьмите вот это на всякий случай... Знаете, что это?

— Ручной добродуш.

Горностай и Фьюалка скрылись. Еще секунду их видели здесь, и вот они уже во дворе. Так они быстро передвигались.

— Можно я тоже? Можно я тоже? — заговорил Мохнурка. — Я под ним яму вырою.

— Больше нельзя никому. Всем быть на месте. Карп Кусеку — обскакать все добродуши и проверить. Неисправные заменить.

Он, как наседка, собрал всех зверей в кучу и ждал новостей.

— И что было дальше? — спросила Люся.

Темнотюр стоял на платформе. Он продавал Севу Боброва. Тут же, не отходя от кассы. Покупателей было не очень много. Всего один — сторож при станции.

— Что это? — спросил сторож.

— Бобер домашний полудикий! — ответил Темнотюр. Он вытряхнул Севу из мешка и держал его, наступив ногой на широкий хвост.

— Где ты его взял?

— У браконьеров отбил. Вот продаю.

— Сколько он стоит?

— Сто рублей.

— Ты с ума сошел? — закричал сторож. — Да у нас на этой станции таких денег никогда не было.

— У вас и бобров таких никогда не было.

Дядька отошел. Решил посоветоваться с женой. Известить таких бобров — всю жизнь можно жить безбедно.

И тут над забором платформы взмыли две тени. Они схватили и быстро накинули мешок на Темнотюра. Не успел он оглянуться, как был обмотан веревкой. А нежливый Сева не удержался и все-таки укусил его за ногу. Ведь он был хоть и домашний бобер, но все-таки полудикий. И все трое быстро умчались в сторону личного поселка.

Остались на платформе оружий Темнотюр и сторож-покупатель.

«Нет, — решил сторож, — не буду я его покупать и производить».

— Вот и все! — сказал Снежная Королева.

И еще он сказал, что интернатники соскучились по Люсе. И что к рабочему кухни дяде Косте приехал брат из Москвы, на поливалке. Он с дядей Костей повидался и поехал обратно в Москву.

Группа интернатников во главе со Снежной Королевой воспользовалась случаем. Влезла на крышу поливальной машины и отправилась к Люсе в гости.

— Там внизу еще Мохнурка стоит и Биби-Моки. Они не могут по стене влезть.

— А как же вы меня нашли? Вы же Москву не знаете. И адреса моего у вас нет.

— У нас нюхоскоп есть. Его Биби-Моки таскает. Мы через нюхоскоп тебя нашли.

Люся даже за голову схватилась:

— Ничего себе экскурсия! В совсем незнакомый город! Уже мне — интуризм на поливалке.

На кухне захрипел придушенный на ночь телефон. Люся выскочила и принесла аппарат к себе.

— Алло? Алло? — неслось из трубки. — Это девочка Люся?

— Это я, — шепотом ответила Люся. Никто бы из людей ее не услышал. Но дир понял. Потому что это был именно он — Меховой Механик.

— Девочка Люся! Девочка Люся! У нас беда! Четыре интернатника пропали. Что нам делать? Куда обращаться? Подскажите, девочка Люся.

— Никуда не надо обращаться! — тихо сказала Люся. Они здесь, у меня. Не беспокойтесь. Я их скоро привезу.

— Спасибо! — прокричал дир. — Спасибо, девочка!

Люся схватилась руками за голову и задумалась. Что делать? Придется будить папу.

— Папа, папа, проснись!

Отец поднялся на диване и вытирает глаза:

— Ты что, дочь, очумела?

— Папа, у тебя машина на ходу?

— На ходу. А что?

— Надо четверых товарищей отвезти за город Срочно.

— Каких еще товарищей? В какой еще загород?

— Это секрет, папа. Надо, чтобы мама ничего не знала.

На папу это подействовало. Потому что он был ни маму сердит.

— Понимаешь, папа, если ты мне не поможешь, я и сама справлюсь. Только ты мне будешь больше не друг.

— Говори, что надо делать, — приказал отец. — Только и ты мне будь друг, когда понадобится.

Люся поняла, что отец настроен правильно. Что он по-настоящему поможет и ничего не будет спрашивать.

Люся провела его в спальню.

— Это мои друзья, — показала она на интернатников. А это мой папа.

Интернатники встали на передние лапы.

— Блюм! — сказала Люся, и они блюмкнулись.

Папа был ошарашен. Он сам чуть не встал на руки.

— Их надо отвезти за город. В Интурист. Хорошо, папа?

— Вот тебе ключи от машины, — сказал отец. Спускайся вниз. И старайся со своим зоопарком никому на глаза не показываться.

Он стал одеваться.

Девочка и звери быстро сбежали вниз.

Только Люся вышла из двери в темноту, к ней бросились две тени. Это были Биби-Моки и Мохнурка.

Они были совсем мокрые. Люся скорее повела их к машине. Она вставила ключ в зажигание, завела двигатель и включила обдув.

Слава богу, машина не успела остыть, и поток теплого воздуха сразу пошел на зверят.

— Милые мои! — сказала Люся. — Соскучились!

По лестнице сбежал отец. Прыгнул за руль, и машина понеслась.

В тепле интернатники заснули. Люся в их окружении тоже задремала.

А машина шпарила по шоссе. Спокойный отец гнал ее и гнал вперед. И тихонько играла музыка.

На подъезде к дачному поселку дорога явно ухудшилась. Машину бросало из стороны в сторону. Всех растрясло, все проснулись.

Ворота к дачам были закрыты. Отец остановил машину. Интернатники вышли. Взялись вверх по бетонному забору. Сделали стойку на лапах и стеклинниз. Биби-Моки было труднее всех. Ей мешал нюхоскоп.

Отец дал задний ход. Их ждал город.

Послеглавие Письмо с другого света

В воскресенье рано утром из Москвы на электричке выехала небольшая спецгруппа в составе четырех человек: Люся, Кира, Киселев и дедушка Киры Тарасовой — Григорий Алексеевич.

Дедушке было объявлено, что состоится поход по местам боевой славы. А Киселеву было сказано, что в порядке шефской работы он должен прочесть лекцию о главных битвах человечества.

— Какая шефская работа? Над кем шефская работа?

— Работа полусекретная. Над одним лесным училищем военно-партизанского типа, с иностранным уклоном.

И дедушка, и Киселев-бельды очень важничали. Дедушка дышал на свои ордена, чтобы они лучше

блестели, а Киселев перелистывал карты военных сражений: «Вот битвы Ганнибала, вот — Суворова, а вот сражения Наполеона».

На платформе станции Интурист опять стали попадаться испытые, измученные личности. Они медленно двигались к поселку. Их привлекал целебный воздух, а вернее, добродуши, прикрепленные на берегах. Эти устройства снимали усталость, раздражение и злость. Самый злобный человек здесь становился добродушным, незлопамятным.

Поэтому под деревьями на жухлой траве или на досках сидели веселые люди и мирно беседовали или читали ученые книги. Кто-то листал «Алису в Стране Чудес», кто-то читал стихи Гете в переводе Заходера, кто-то рисовал этюды или портреты друзей.

За воротами поселка в этот раз было по-особенному тихо.

Интернат пустовал. Никого. На окнах висели щиты. На дверях — огромный замок.

Дядя Костя приводил в порядок участок. Красил стволы яблонь в белый цвет.

— Здравствуйте, дядя Костя! — закричала Люся. — А где интернатники?

— Не знаю я никаких интернатников! — хмуро ответил он.

— А где дир? Где Меховой Механик?

— Не знаю, девочка, о чем ты говоришь. Идите гуляйте себе отсюда. И без вас плохо.

— Ну и что? Ну и что? — забеспокоился Киселев. — Где ваши партизанские ученики? Где секретная школа с интернациональным уклоном? Я тебя, Тарасова, сейчас тресну!

Люся и Кира оставили Киселева с дедушкой у входа на участок, а сами медленно обошли дом. Никаких щелок, никаких надписей, никаких знаков...

На крыльце стоял зеленый потрепанный рюкзак с эвкалиптовым листом. И тут Люся услышала тоненькое «пип-пип». «Пип-пип» несло из рюкзака. Люся подошла ближе. Чем ближе она подходила, тем сильнее кричал этот «пип-пип». Видно было, что он настроен на Люсю. И вот в кармане рюкзака она обнаружила коробочку и

стекла и металла. Коробочка сама открылась. Там лежала записка:

ДОРОГАЯ ЛЮСЯ! МЫ УХОДИМ. НАВЕРНОЕ, МЫ ПРИШЛИ СЛИШКОМ РАНО.

МЫ НЕ ПРОСТО ЗВЕРИ. ТАМ, ДАЛЕКО, В ГИМАЛАЙСКИХ ГОРАХ, ЕСТЬ НАША СТРАНА. У НАС ЕСТЬ СВОИ ГОРОДА, СВОИ ДОРОГИ, СВОИ ЛЕТАЮЩИЕ ЛЮДЦА.

И МНОГО ЛЕТ МЫ ЖИЛИ, НЕ КАСАЯСЬ ЛЮДЕЙ.

НО СТРАНА НАША РАЗРАСТАЛАСЬ. И ЛЮДИ ВСЕ БОЛЬШЕ ОСВАИВАЛИ ПЛАНЕТУ. ПРИШЛА ПОРА НАШИМ ЦИВИЛИЗАЦИЯМ ПОДРУЖИТЬСЯ.

ДЛЯ ЭТОГО В НЕСКОЛЬКИХ МЕСТАХ БЫЛИ СОЗДАНЫ ТАКИЕ ВОТ ИНТЕРНАТЫ. ПОТОМУ ЧТО ДРУЖБУ ДВУХ СТРАН НАДО НАЧИНАТЬ С ДРУЖБЫ ДЕТЕЙ. НО МЫ УХОДИМ. НАВЕРНОЕ, МЫ ПРИШЛИ СЛИШКОМ РАНО.

КОГДА У ВАС РОДЯТСЯ ДЕТИ И У НАС РОДЯТСЯ ДЕТИ, МЫ СМОЖЕМ ИХ ПЕРЕДРУЖИТЬ.

— У меня родится мальчик. Потом девочка. Потом еще два мальчика, — сказала Кира.

— Целый пионерский отряд, — отметила Люся и стала читать дальше:

МЫ ДАРИМ ТЕБЕ СЕМЕНА. ЭТО МИКРОФОННЫЕ ЦВЕТЫ. ПОСАДИТЕ ИХ В ЗЕМЛЮ, ДЕВОЧКА ЛЮСЯ, И ПОЛИВАЙТЕ МЕДНЫМ КУПОРОСОМ. КОГДА ОНИ ВЫРАСТУТ, МЫ СМОЖЕМ ЧЕРЕЗ НИХ ГОВОРИТЬ.

ДО СВИДАНИЯ, ДЕВОЧКА ЛЮСЯ. МЫ ВСЕ ГОРЬКО ПЛАЧЕМ.

Дальше стояли подписи на незнакомом языке. И только одна была сделана по-русски: «МАхнур ВеликАлепный». В шкатулке лежало два металлических семечка.

— Возьми одно, — сказала Люся подружке.

— Но ведь их дали тебе.

— Нельзя рисковать, — сказала Люся. — Нельзя, чтобы они были в одной квартире.

И они поволокли рюкзак к калитке. Люся все поняла:

— Они эвакуировались. Это они ко мне прощаться приезжали!

До Москвы девочки доехали молча. Ни Киселев, ни дедушка с ними не разговаривали. Там они едва-едва дотащили рюкзак до знакомой аптеки. Дежурила та же женщина-аптекарь.

Она очень испугалась, увидев девочек с рюкзаком:

— Вы что, передумали? Но у меня уже нет хендрика. Я его начала тратить.

— А нам не нужен хендрик, — ответила Люся.

— Зачем же вы принесли рюкзак?

— И листья нам не нужны. Негодились. Они зря у нас лежать будут. А в аптеке они понадобятся. Возьмите их у нас просто так. Возьмите, пожалуйста.

— Спасибо, девочки. А вы знаете, что хендрик не дает стариться человеку? Кто за год выпьет лекарство из одного хендрика, не теряет год жизни.

— Знаем, — сказала Кира, хотя, конечно, не знала ничего.

— У меня остался один, — сказала ей Люся. — Мы его дадим твоему дедушке.

Красная Рука, Черная Простыня, Зеленые Пальцы

Страшная повесть для бесстрашных детей

ЧП в пионерском лагере

Однажды в конце июля

в пионерском лагере под Голицыном нашли задушенного мальчика. Он лег спать, как и все другие ребята, в палате на двадцать два человека. Но утром не проснулся, не побежал на зарядку, как все, а остался лежать в своей кровати в углу, тихенький и дохленький.

Вызвали милицию. Милиция начала спрашивать:

— Кто заходил в палату?

— Кто залезал ночью в окно?

— С кем был в ссоре задушенный мальчик?

Оказалось, что в палату никто не заходил, дверь была заперта на ключ. В окно никто не залезал, так как оно было на втором этаже. И задушенный мальчик ни с кем никогда не ссорился, а был тихий и бесполезный, и еще он был какой-то запутанный.

Все люди на территории, и взрослые и дети, ходили грустные и подавленные. Начальник лагеря говорил следователю зеленгородской милиции капитану Матвеевскому испуганным голосом:

— Вы можете надо мной смеяться, но я уверен, что это Красная Рука.

— Кто-кто?— спрашивал хитроглазый и толстый капитан. — Какая еще красная рука?

— А такая, которая прилетает по ночам.

— Никогда не слышал. Глупости это.

— Никакие не глупости. Я двадцать лет работаю начальником лагеря. И в «Артеке» был, и в «Орленке», и еще кое-где. И много раз слышал, что ночью в окно стучится Красная Рука, потом залетает в палату и кого-нибудь

душит. А еще есть Черная Простыня. Она набрасывается и на ребенка, закутывает и не дает дышать, пока он не умрет. И этого не знаете?

— Не знаю, — ответил Матвееenko.

— А еще есть Зеленые Пальцы. Они защекочивают до смерти...

— Знаете что, — перебил его усатый капитан, — я уже не в том возрасте, чтобы сказки слушать... Да и некогда мне. Но вот у меня сейчас студент один есть на практике. Он юрист, будущий следователь — Виктор Рахманин. И его к вам подошло, вы ему все и расскажите. Договорились?

И он пошел дальше заниматься делом: снимать пыль с подоконников, опрашивать свидетелей, осматривать задушенного мальчика.

Практикант Рахманин явился на следующий день:

— Товарищ начальник, я вас очень внимательно слушаю.

Рахманин был высок ростом, плечист, как шкаф, и очень легок в движениях.

Директор походил по своему летнему кабинету и спросил:

— А вы смеяться надо мной не будете?

— Ни за что. Ни при каких обстоятельствах.

— Тогда слушайте. Это случается почти каждое лето то в одном, то в другом лагере. Вдруг мальчик пропадет, вдруг найдут девочку без дыхания. Ищут-ищут, кто это сделал, и не находят. А ребята потом рассказывают, что над лагерем летала Черная Простыня, что она пыталась пролезть в одну палату, потом в другую, но ее спугнули. Или говорят, что видели Красную Руку, летавшую за окном, она страшная и светится.

Когда начальник говорил «Черная Простыня» или «Красная Рука», он произносил эти слова с почтением, как если бы говорил «Верная рука — друг индейцев» или например, «Соколиный глаз».

— Интересно, — сказал Рахманин.

— А знаете ли вы историю про Красное Печенье? Или про Красное Копыто? Или про Гроб на Колесиках и Хозяина Кладбища?

— Никогда не слышал этих прелестных историй.

— Не очень-то они прелестные, — грустно отметил начальник, — и как мне кажется, все они из одного чемодана.

— Расскажите хотя бы одну, — попросил Рахманин.

— Пожалуйста. Какую?

— Про Гроб на Колесиках.

— Хорошо, слушайте. Жила-была девочка у мамы. Однажды она осталась одна. И вдруг по радио передают: «Девочка, девочка, Гроб на Колесиках выехал с кладбища, твою улицу ищет. Прячься». Девочка испугалась, не знает, что делать. Мечется по квартире, хочет маме по телефону позвонить. А в телефон говорят: «Девочка, девочка, Гроб на Колесиках нашел твою улицу, он твой дом ищет». Девочка пугается страшно, все замки запирает, но из дома не убегает. Дрожит. Радио снова передает: «Девочка, девочка, Гроб на Колесиках твой дом нашел. В квартиру идет...» И так далее. Короче, когда мама домой приходит, она находит девочку неживой. Только во рту одно колесико какое-то... Как вам это нравится?

— Мне это совсем не нравится, — сказал Витя Рахманин.

— А вы верите в то, о чем я рассказываю?

— Конечно, — ответил Рахманин. — Есть такое правило: во время следствия верить всему, что говорят, а потом надо проверять факты. Только вы об этих историях больше никому ни слова, чтобы нам с вами однажды не проснуться с колесиками во рту.

— Или с рукой на шее, — шепотом добавил начальник.

— Послушайте, — спросил Рахманин, — но если Красная Рука светится, ее же люди должны замечать. Сколько людей ночью по лагерю бродит: и сторожа, и вожатые, и ребята, которым в туалет приспичило. Вон и собаки есть у вас в лагере.

— Я и сам об этом думал, — сказал начальник. — Может быть, эта рука не всегда светится, а только тогда, когда на дело выходит. То есть уже у самого окна.

— А она при этом не раскаляется?

— Не знаю. Кажется, нет. По крайней мере ожогов на шее у жертвы обычно не бывает.

— Ладно, — сказал следователь-практикант Рахманин. — Я должен сперва все обдумать и составить план.

Завтра я к вам обязательно зайду. Мы с вами нанесем на карту все такие случаи и узнаем, где эти силы гнезятся. И у меня наверняка возникнут новые вопросы.

Новые вопросы не возникли. Когда Виктор Рахманин пришел в пионерский лагерь на следующий день, ему сказали, что начальник утром не проснулся. Он был задушен Красной Рукой.

Дети и родители покидали лагерь.

Первые шаги Рахманина

Рахманин пулей полетел в зеленгородскую милицию к капитану Матвеенку. С порога он спросил:

— Что мне теперь делать? Какие будут указания?

— Такие же. Заниматься этим делом.

Капитан уже все знал.

— Красной Рукой, товарищ капитан?

— И Черной Простыней, и другими.

— Товарищ Анатолий Петрович, но ведь это же бред!

— Для обычного сотрудника милиции это бред, согласился хитроглазый капитан, — а для студента-практиканта это замечательная возможность проверить сумасбродную идею, фантастическую версию. Так что действуйте, проверяйте.

«Один уже допроверялся! — хмуро подумал Рахманин. — Получил Гроб на Колесиках!»

Он на секунду представил себя самого всего в цементах рядом с начальником лагеря. Но спорить и отказываться не стал. Он вышел на залитый солнцем двор зеленгородской милиции и, меряя его длинными сильными ногами, рассуждал: «Капитан говорит, что это будет проверка версии, а версии-то у меня и нет. Сначала надо ее составить. Итак, чья это рука?.. Чьи это пальцы?.. И кому принадлежит эта чертова простыня?»

Он шагал, шагал и шагал. После того как он прошагал по двору по крайней мере от Зеленгорода до Наро-Фоминска, у него возникло несколько версий. Точнее говоря, три.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ. Красная Рука, Черная Простыня и Зеленые Пальцы — это пришельцы из космоса. Может

быть, роботы, может быть, инопланетные существа. Они убивают детей либо из научных целей, либо из военных, либо из энергетических.

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ. Эти существа — представители дьявольских сил. Так сказать, руки Дьявола, Фантомаса. Они убивают детей из соображений религиозных. Допустим, будущих праведников, будущих крупных деятелей церкви, которые могут нанести большой урон дьявольщине, человеческим порокам.

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ. Это какое-то случайное порождение, случайные сгустки материи, живущие сами по себе. Каприз природы, наделенный случайным разумом и случайными задачами.

«Так или иначе, перво-наперво надо собрать статистику. Со статистики начинается любая научная работа, любая научная статья, любая мало-мальски серьезная диссертация».

На этом поход Зеленгород—Наро-Фоминск—Юленгород по двору зеленгородской милиции был закончен.

Сбор сведений

Внимание! Внимание! В эфире «Пионерская зорька»! Продолжаем нашу передачу. Переходим к вашим письмам, ребята. Ребята из города Юрьева-Польского прислали нам такое письмо: «Дорогая редакция! В день сбора металлолома наши мальчики собрали огромное количество этого металла, чрезвычайно нужного стране. И весь этот чрезвычайно нужный металл уже два месяца ржавеет на площадке перед школой. Уже два младшеклассника подвернули на нем ноги, и туда постоянно закатываются шарики от пинг-понга. Просим нам помочь». Так вот, наш корреспондент побывал в Юрьеве-Польском и сам увидел эту картину. Представители «Вторчермета» города объяснили, что металл в основном состоит из крупногабаритных труб увеличенной длины — 20 метров. Что «Вторчермет» не имеет транспортных средств, позволяющих отвезти эти длинные изделия на переплавку. Спрашивается, откуда же

в городе появились эти трубы? А вот откуда. В Юрьев-Польский проводили природный газ, и труб завезли намного больше, чем полагалось. Недобросовестные строители разбросали лишние трубы и обрезки по всему городу. Наш корреспондент позвонил в соседний город Симу (кстати, в этом городе находится могила великого русского полководца Багратиона), и председатель горсовета товарищ Куксов сказал, что немедленно заберет все до одной трубы, так как они совершенно необходимы для газификации Симы. А взамен пришлет ребятам из Юрьева-Польского компьютер «Роботрон», изготовленный в Германской Демократической Республике. Переходим к следующему письму. Нам пишут мальчики и девочки из средней школы села Лыченцы Переславского района: «Мы еще в пятом классе завели на пришкольном участке корову. А сейчас мы заканчиваем школу и хотели передать корову ребятам из девятого класса. Они говорят: «Не надо нам вашей коровы». Как нам быть?» Отвечаем. Дорогие ребята, когда вы заводили корову, вы были совсем маленькими. И вам было интересно самим выращивать такое ответственное животное. У ребят из девятого класса, наверное, сложились свои, другие интересы. Попробуйте предложить вашу корову младшеклассникам. Нам кажется, они с удовольствием за нее возьмутся. А если они откажутся, передайте, пожалуйста, вашу корову Кирекшанскому детскому дому. Мы уже говорили по телефону с директором этого дома Александром Павловичем Молоко, он говорит: «Давайте». Так что давайте, ребята... И последнее, третье письмо. Пишет нам Рахман Виктор. Его письмо оказалось настолько неожиданным для нас, что мы долго не решались передать его в эфир. «Дорогая редакция! В нашем пионерском лагере было страшное событие — на нас напала Красная Рука. Она задушила одного мальчика. А на другой день она задушила начальника лагеря, и ее не поймали и не наказали. А в соседний лагерь прилетала Черная Простыня и задушила там другого мальчика до смерти. Скажите, а к вам прилетала Красная Рука? И если она задушила кого-нибудь, дайте его адрес. Давайте делиться опытом». Дорогие ребята, что можно ответить

Рахману Викторову? Прилетал ли к вам кто-нибудь? Напишите нам, а мы передадим письма этому любознательному мальчику, пусть он успокоится.

Но успокоиться «любопытному мальчику» не пришлось. Письма, которые передали Виктору Рахманину из редакции, отнюдь не напоминали успокоительные таблетки.

Письма, пришедшие в «Пионерскую зорьку»

Дорогая «Пионерская зорька»! Ты спрашиваешь, прилетал ли кто к нам в лагерь и душил ли кого-нибудь? Я должен тебя огорчить — к нам в лагерь никто не прилетал и никого не душил. К нам только приезжал писатель Ляпин, и нам сказали: «Кто будет себя плохо вести, останется на встречу с писателем». Твой постоянный друг — Андрей Качев. Немного о себе. Я учусь в седьмом классе. До свидания».

«Дорогая редакция, ты спрашиваешь: была ли у нас Красная Рука. Да, была и не одна. Мы были в пионерском лагере под Вышним Волочком, около кладбища. Мы ночью спали, а один мальчик как закричит. И мы увидели, что над ним летала Красная Рука. Она летилась. Мы все тоже закричали. Рука подлетела к форточке и убежала. С ней был маленький ручонек. На другой день мы позвали спать в палату вожатого, и Рука больше не прилетала. Твой постоянный слушатель Саша Шпеер. Город Торжок.

А еще над нашим городом видели летающий Желтый Глаз».

«Здравствуй, «Пионерская зорька»! Я живу хорошо. Ты спрашиваешь, не прилетала ли к нам Красная Рука. Я про нее ничего не знаю. Лучше я тебе расскажу про Красное Пятно. У нас в городе одна семья получила новую квартиру. А там было красное пятно на стене. Его не успели замазать. И вот утром девочка видит, что мама умерла. А пятно стало еще ярче. На другой день ночью девочка спит и чувствует, что ей очень страшно. И вдруг она видит, что из красного пятна высовывается рука и тянется к ней. Девочка испугалась, написала записку и

умерла. Потом пришла милиция и ничего не нашла. Один милиционер выстрелил в красное пятно, и оно пропало. А потом милиционер пришел домой и видит, что у него над кроватью на стене появилось красное пятно. Он ночью спит и чувствует, что кто-то хочет его задушить. Он стал стрелять. Прибежали соседи. Видят, милиционер лежит задушенный и никакого пятна нет».

Практикант Рахманин подумал в этом месте:

«Ничего себе, вот и милиционер доигрался. Кстати, и нам на практике положено выдавать пистолеты? Мы ведь тоже милиция».

Он стал читать дальше:

«Так что, дорогая редакция, присылай к нам корреспондента. У нас весь город об этом знает. Вы мне запишете на магнитофон, и это будет интересно всем ребятам. Я Леша Яковлев из г. Покровска».

Следующее письмо было про Красное Печенье. «Дорогая «Пионерская зорька», мы хотим рассказать тебе про Красное Печенье. Нам очень страшно про это рассказывать, но сейчас день, и мы в это не очень-то верим.

У одних девочек была мама, а папы не было. И к маме часто приходили гости. Они с мамой веселились всю ночь и уходили. А дети ничего этого не помнили, потому что им вечером мама давала Красное Печенье, и они не забывали. И еще у них было пианино красное.

Однажды они играли на пианино, нажали кнопку, пианино отъехало и открылся ход. Дети туда спустились, там был подвал со светом, и там сидели дядьки без голов, и Красное Печенье делали из их мозгов. И тогда им забывалось. Дети позвали милицию, и она всех арестовала.

Дорогая «Пионерская зорька», расскажите об этом по радио, чтобы ребята не боялись. Мы не знаем, в каком городе это было. Пожалуйста, не называйте наши фамилии по радио: Муравьев Алик, Сердюкова Оля, Маслова Вали и Глазырина Катя».

Было и такое письмо:

«Дорогая редакция!

Исполни для нас нашу любимую песню «У московских студентов горячая кровь». Группа вампиров».

И такое:

«Зачем вы морочите голову нашим детям и только пугаете их. В наш век и так хватает ужасов, всяких митратов и радиации. А напоследок я скажу, только не для детей, а передайте это ученым. Что у нас в городе очень часто видели голову Зеленого Козла. Она выглядывала в окна. Она размером с корыто. Но некоторые утверждают, что это не голова Зеленого Козла, а летающий Зеленый Череп. Если ученые заинтересуются, я укажу людей, которые точно это видение видели.

Уполномоченный райкома на пенсии Куценков Андрей Андреевич. Город Лихославль».

В последнем письме рассказывалась история о Стеклойной Кукле, которая водила девочку — свою попрышку в подземный город и грозила девочку убить. Но письмо было написано таким дурным и кривым почерком, что, кроме отдельных слов и полупредложений, выудить оттуда ничего было нельзя. «Продавцы сказ... что это образец... Девоч... несколько дней просила... Куклу... принесли... Она вышла из шкафа... Польшая... (Целых три корявых и непонятных строки.) Запасные части из де... (То ли запасные части из дерева, то ли из детей?) Девочка испугалась... умерла к...ла не разбилась... Исчезла». По штампу Рахманин понял, что письмо из Калининской области.

Со всеми этими письмами Рахманин пришел к капитану Матвеенку:

— Вот посмотрите. Кажется, все проясняется.

Капитан прочитал письма, что-то в них подчеркивая карандашом, и сказал:

— Боюсь, наоборот, кажется, все затуманивается. Что ты хотел бы предпринять?

— Командируйте меня в Покровск.

— А что мне написать в командировке? — спросил Матвеенку. — «Командируется для задержания Красной Руки»?

— А почему бы и нет?

— Потому, что меня и так за ненормального держат, — сказал капитан. — Меня только высокий процент раскрываемости и спасает. Не хватало мне теперь дело

против Красной Руки возбудить... По подозрению в убийстве Ладно. Мы по-другому сделаем. Там комиссионный магазин есть. Вот мы и пошлем тебя посмотреть, не проходил ли по ил бумагам серебряный самовар из имения Апраксиных. Мы его уже полгода разыскиваем. Понял?

— Уразумел.

— Вот и поезжай.

«Покровская правда»

В Покровске Рахманин первым делом зашел в местную газету:

— Кто у вас тут заведует отделом происшествий?

— Никто.

— А молодежным отделом?

— У нас такого отдела нет.

— А с кем можно поговорить из начальства?

— С ответственным секретарем, с Катериной Ивановной. Вы ее знаете? — сказала рыжая девочка- машинистка. — Ее фамилия Варич.

Катерина Ивановна очень обрадовалась москвичу и сразу сказала:

— Зовите меня просто Катя! — Хотя ей было заметно ближе к пятидесяти, чем к тридцати.

Рахманин показал ей письмо в «Пионерскую зорьку» и спросил:

— Что вы об этом скажете?

— Да... У нас весь город об этом говорит. Мы даже заметку об этой истории приготовили.

— Напечатали?

— Нет, — ответила Катя Варич, — секретарь райкома запретил, Иванцов.

— Почему?

— Он сказал: «У нас с картошкой в этом году скандал, нам только еще Красного Пятна не хватало».

— А что, большой скандал с картошкой?

— Обыкновенный. Никакой картошки.

— Можно заметку прочитать?

— Если я найду. Только особенно об этом не распространяйтесь.

Она порылась в ящиках стола и протянула Рахманину ранки. Рахманин с интересом начал читать:

ТРАГИЧЕСКИЕ ПРОИШЕСТВИЯ В НИКОЛЬСКОЙ СЛОБОДЕ

Издавна дурной славой пользуется старое Никольское кладбище в нашем городе. Еще в старых летописях сообщалось, что иногда с кладбища доносятся страшные крики и там мечутся красные огни.

Недавно семья Крючковых получила новую квартиру в Никольской слободе. В старом доме, в доме, перенесшем капитальный ремонт.

Семья Крючковых состояла из мужа и жены — рабочих Большехима. Причем муж был начальником участка микропленки. Это была обычная трудовая семья, каких тысячи в нашем городе. Они стояли в очереди на жилье много лет, а до этого жили в обычном коммунальном бараке. У них были девочка Люся и сын Вася десяти лет.

Когда семья переехала в новое жилище, Наталья Николаевна — жена семьи Крючковых — первая обратила внимание на большое красное пятно на стене.

— Смотри! — сказала она мужу.

— Подумаешь, — ответил он, — строители бутылку вина пролили.

Но однажды утром через несколько дней Николая Николевича нашли на кровати убитым. Он был мертв и чрезвычайно бледен. А пятно на стене стало еще ярче.

Многие утверждали, что он пил каждый день неизвестно что и это свело его в могилу. Но чего не скажут мы языки про человека, который работает на большом химическом предприятии и имеет доступ к спирту.

Девочка Люся рассказывала, что видела, как ночью из красного пятна высунулась рука и долго думала, кого бы задушить. Потом напала на главу семьи.

Через некоторое время та же судьба постигла мать двух сирот. Сын Вася говорил соседям:

— Мама и папа часто пили по вечерам и шатались. Однажды ночью из красного пятна высунулась красная рука и стала трясти маму. Наутро она умерла. Я очень боюсь красного пятна.

Пятно, по утверждению соседей, с этого дня стало еще ярче.

Через некоторое время это пятно перекочевало в квартиру следственного работника Василеньки, который проводил осмотр квартиры Крючковых. А еще через некоторое время он тоже трагически погиб в своей постели. После его гибели пятно исчезло. Соседи утверждали, что видели красную руку, вылетающую из его окна.

Хотелось бы, чтобы представители науки и милиции занялись этими чрезвычайными происшествиями, которые буквально потрясли наш город.

Дети помещены в Кирекшанский детский дом.

— А что еще об этом говорят? — спросил Рахманин Катю Варич.

— Что это Пятно не оставляет в живых никого, кто его видел. Что оно выпивает всю кровь. Что там, где бывает Пятно, всегда видят Зеленого Человека.

— Какого еще Зеленого Человека?

— Такого, как тень. В общем, всякую чертовщину говорят.

— А где это ваше Никольское кладбище?

— Прямо против Большехима. Его собираются снести.

— А где у вас городская милиция?

— От нас через два дома налево.

— Спасибо, — сказал Рахманин. — И последний вопрос: где здесь комиссионный магазин?

— Он чуть дальше милиции. Только там ничего нет. Одни старые самовары.

— Мне как раз самовары и нужны, — сказал Рахманин, уложил гранки в записную книжку, попрощался и вышел на узкую, сверкающую побеленными домами главную улицу. Самовар волновал его только для проформы. Пойду в милицию, решил он. Может быть, там кто-нибудь есть из Московского университета.

В милиции не было ни души — как при коммунизме.

Тогда Рахманин зашел в комиссионку. Он долго осматривал самовар за самоваром, каждый раз приводя к

у нас директрису магазина товарищ Мыльникову. Ни какого самовара даже близко не было.

Рахманин начал копаться в документах: не проходил ни где серебряный самовар Фаберже из усадьбы Апраксиных. Дело было затяжное и неприятное. Он сидел и добросовестно изучал бумаги.

Его удивило одно обстоятельство. Несколько раз по домам проходило старинное пианино фирмы «Мютнер». Почти каждый год его покупали и снова продавали через комиссионный магазин.

— Простите, как вас зовут? — спросил Рахманин.

— Светлана Ильинична, — ответила Мыльникова.

— Светлана Ильинична, а что это пианино дважды в год продают? Может, оно бракованное, со скрытым дефектом?

— Вот точно, — сказала Мыльникова, — со скрытым дефектом. В какой дом ни попадет, одни неприятности приносит.

— А где оно сейчас? Не в магазине случайно? Можно на него взглянуть?

— Слава богу, сгорело... вместе с Дворцом культуры.

— А какие же неприятности оно приносило?

— Да какие хочешь! Купил его председатель горсовета Жукой — через месяц у него сына за торговлю иконами посадили.

Рахманин только подивился связи между этими совершенно различными событиями.

— А потом и его самого сняли, — продолжала Светлана Ильинична. — Купила его Перевертова из Потребкооперации — так на нее письмо пришло из Владимира, что она половину товаров на рынке налево продает. Посадили. Как вам это нравится?

— Мне это никак не нравится, — ответил Рахманин, чтобы поддержать разговор, хотя в глубине души он явно одобрял действия пианино. Чем больше жуликов будет посажено, тем лучше. «Этому пианино, — подумал он, — и попу погоны приделать и звание давать. Например, пианин-лейтенант».

Но, оказывается, пианино доставляло неприятности не только социально недостойным людям, но и честным.

— Начальник милиции его купил — Селезнев, — продолжала Мыльниковка. — Так он в аварию попал. А уж такой был человек хороший.

— Не думаю, — возразил Рахманин. — Откуда у хорошего человека деньги на старинное пианино? У честного человека и оклад честный — небольшой.

— Да к тому времени это пианино копейки стоило! Его никто брать не хотел! Оно у нас в магазине в последний раз трижды уценялось. А наша сторожиха тетя Поля бел пол-литра на ночь ни за что оставаться не хотела при этом пианино, пока мы его не продали.

— Это-то почему?

— Потому, что на нем по ночам Белые Перчатки музыку играли.

— Какие Белые Перчатки? — удивился Рахманин. — Откуда они взялись?

— Поди узнай, — сказала Мыльниковка. — То ли в окно прилетали, то ли внутрих прятались. Только играли старинную музыку, в основном траурную... Какую то черную музыку.

— Странно, — произнес Рахманин.

— Конечно, странно, — согласилась Мыльниковка. Кй безусловно нравилось, что милиционер-практикант отошел от самоварно-торговой темы на суеверно-бытовую.

— Уж после Селезнева-то это пианино вообще отказались покупать. Вот его по безналичному расчету и продали во Дворец культуры.

Рахманин подивился такому странному обстоятельству: продаже товаров по безналичному расчету через комиссионный магазин. Но вникать не стал, не этим приехал. Если уж это социально-разоблачительное пианино не стало карать Мыльникову, зачем Рахманину вмешиваться в ее безналично-комиссионные дела.

Он поблагодарил директрису и пошел в милицию отмечать командировку.

В милиции уже гудел народ. Дежурный лейтенант Малинниченко отметил ему прибытие и спросил:

— Надолго?

— Не знаю. Как получится. Скажите, а есть тут у вас кто из Московского университета?

— Я из Московского университета.

— Как тебя зовут?

— Валерий.

— А меня Виктор. Слушай, что ты об этом думаешь? —

Он протянул Малинниченко гранки и письмо в «Пионерскую юрлку».

Малинниченко обстоятельно, как все милицейские, стал читать. Прочитал, еще раз пробежал глазами и сказал:

— По-моему, ерунда. Я в детстве много слышал таких баск. Красная Рука, Черная Простыня... Сейчас еще Летающий Шприц появился... наркоманов убивает. Люди по своей темноте верят во что угодно.

— А ты по своей темноте ни во что не веришь! — раздался вдруг еще один голос. Оказалось, что в дежурке был еще один милиционер. Он был толст, но не противной такой толстотой, а младенческой, пухловатой. И еще он был черняв и ироничен.

— Я тоже из Московского университета. Дайте мне почитать, что вы ему давали.

Он внимательно прочитал записку и письмо и сказал:

— А я в это верю. Смотрите, — он показал на карту города, висевшую над головой дежурного, — вот имение Осиповых, около Никольского кладбища. Отсюда вся нечисть и идет. И между прочим, фамилия Ваньки Каина была Иван Осипов Каин.

— А кто это такой? — спросил Малинниченко.

— Мне кажется, ты не Московский университет кончил, а Тьмутараканский. Как же можно Ваньку Каина не знать? — улыбнулся толстяк.

— А ты знаешь? — спросил Малинниченко у Рахманина.

— Знаю. Был такой вор и убийца при Екатерине Второй. Потом он в полиции служил. Так сказать, создатель отечественной мафии.

— Все верно. И если это имение поставляло таких страшных людей, как он, какие сегодня оно будет поставлять привидения!

— Вы утверждаете, что это привидения? — спросил Рахманин толстого лейтенанта.

— Я ничего не утверждаю, — ответил тот. — Я только знаю, что все это не пустые разговоры. И ни в одном

городе это не встречается в таких количествах, как у нас. Кроме, пожалуй, Торжка.

Рахманин подумал, что этот парень мог бы здорово помочь, если бы его удалось в это дело вовлечь. Но еще он подумал, что чем меньше людей знает о его расследовании, тем лучше.

Он пожал руки милиционерам и отправился в гостиницу.

Покровские страсти

Как это ни странно, в покровской гостинице «Покровск» было сколько хочешь свободных мест.

Рахманин так и не знал — оставаться ли ему здесь или ехать в родной Зеленгород к капитану Матвеенку. Ему уж было о чем рассказать, но все это пока умозрительный рассказ, а действий нет никаких.

Поэтому он взял самое дешевое место в гостинице и отправился исследовать Никольское кладбище. Благо, был день, было солнечно и не страшно.

В маленьких городах все рядом, и непонятно, почему местные жители так любят пользоваться автобусами. И любое время дня они идут набитые, как дураки, под самую крышу.

До кладбища всего две остановки. Расположено оно было в удивительно красивом месте и оставалось в прекрасном, почти музейном состоянии, в полной сохранности.

Рахманин сначала оглядел пейзаж, спокойный, как седуксен. Непробиваемо спокойный, с просторами, далями и рекой. Потом он стал осматривать памятники. Осмотрел склеп Осиповых, напоминающий детскую пирамидку. Массивные, черные с золотым письмом надгробия рода Семеновых. Памятник доктору Мокротоварову с двумя медными собаками.

«Удивительно, как это пионеры не сдали их ни металлолом, — подумал Рахманин. — Что-то неправильно в местной пионерской организации. Может быть, она с религиозным уклоном?»

Ничего тревожного. Мир и покой. Один только памятник выбивался из общего настроения своим официозом. Это

был памятник генералу от инфантерии (действительному главному советнику) Краснорукову. Плоский широкий камень темно-красного цвета напоминал стол для заседаний.

«Вот он — Хозяин Кладбища», — подумал Рахманин. Но решил, что искать что-либо жуткое на кладбище в середине солнечного дня бессмысленно.

И тут ему пришло в голову, что можно просто позвонить по телефону капитану Матвееенко. Пусть хитроглазый милицейский интриган, полубюрократ-полумодернист подскажет ему, как быть.

Матвееенко внимательно выслушал практиканта, но ничего не прояснил. Только спросил:

— А те двое детей, Вася и Люся, где они?

— В детском доме в Кирекше.

— Вот и поезжай туда. Можешь?

— Могу. Только у меня денег нет.

— Как-нибудь выкрутись, раз уж взялся, — посоветовал Матвееенко. — Займи у кого-нибудь, а то практику не получи. Надо версию доводить.

— Как бы она нас не довела, — пробурчал Рахманин, но согласился. — Ладно, попробую.

Он отправился в родную комиссионку.

Светлана Ильинична как увидела его, даже спала со своего огромного лица. Видно, были все-таки в ее магазине нарушения, несмотря на это образцово-показательное пианино.

Виктор протянул ей электробритву «Харьков»:

— Это можно продать в вашем магазине?

Светлана Ильинична долго вертела бритву в руках, потом ответила:

— Можно, с трудом.

— А можно сегодня? У меня командировочные кончились.

— Мы деньги через три дня выдаем.

Она мялась, вертела, нюхала бритву, потом сказала:

— Ладно. Я ее сама для мужа куплю. У него еще хуже.

Приходите завтра.

Завтра так завтра. Рахманин больше не стал настаивать. Слава богу, что хоть так-то обошлось. Интересно, сколько за нее дадут?

Он сходил в кино «Верная Рука — друг индейцев», поужинал в гостиничном буфете и пошел в номер спать. Слава богу, к нему никого не подселили, и он благополучно смотрел в одиночестве телевизор до посинения.

Чем-то ему его номер не нравился. Особенно розовым пятно на противоположной стене. То ли строительный брак, то ли ремонтники бутылку вина пролили.

Утром он получил деньги в комиссионке и потопал на автовокзал. До Кирекши шли автобусы и были билеты. Но вместе с одним студентом они решили добираться на попутках.

Им повезло. Они километров пятьдесят тряслись на трубах по великолепнейшей, в смысле природы, дороге.

Студент чуть не выпал на двух страшных ухабах (один еще не кончился, а другой уже начался), но Рахманин в последний момент ухватил его за руку и втащил обратно.

Детский дом. Вечер

Вот и Кирекша. Полчаса езды на автобусе — и Рахманин уже стоит у старой березовой аллеи, ведущей в барскую усадьбу.

Вокруг тишина и покой, будто он приехал не в детский дом, а в музей-усадьбу знаменитого писателя-разночинца Писемского-Наливайко.

Директор дома по имени Александр Павлович Молодой долго не мог понять, зачем Рахманин приехал. А Рахманин толком и не знал, что говорить.

— Очень приятно. Только наши дети самоваров не прячут.

— Мы не только самовар ищем. Нас интересуют хищения спирта на Большехиме.

— И спирт наши дети не прячут.

— Это прекрасно. Только у вас есть дети Крючковы. Вася и Люся. Я хотел бы с ними поговорить. Их родители погибли от большехимского спирта.

— Вы уверены, что от большехимского спирта? — как то странно, со значением, спросил директор.

— А вы — нет? — также со значением ответил Рахманин.

— Я не думал об этом. У меня своих забот хватает.

Он разрешил Рахманину побеседовать с детьми, только очень осторожно, чтобы зря не тревожить их. И еще он предложил Рахманину выступить перед ребятами. Рассказать им о положении в милиции, о новых способах раскрытия преступлений. Чтобы ребят не привлекала плохая дорожка, а привлекала хорошая.

— Где ваши ребята сейчас? — спросил Рахманин. — Почему такая тишина?

— Наши ребята в поле. Деньги зарабатывают. У них ниня нет.

Пока ребята зарабатывали, Рахманин решил посмотреть усадьбу. Место было просто блеск! Умели раньше выбирать места для детских домов. Невысокие кирпичные стены, за ними залив. Хочешь — лови рыбу. Дальше на полные глаза водный простор.

Само здание двухэтажное, с большими главными окнами и очень маленькими остальными. На втором этаже спальни...

И, конечно, в полукилометре от дома — остатки старой церкви и заросшее кустами дворянское кладбище. Уже почерело, и у Рахманина не было особого желания его исследовать. Он почему-то твердо знал, что среди прочих могил ему встретится могила какого-нибудь Красно-рукова-родственника. Но делать было совершенно нечего, Рахманин со слабеющими лучами солнца пошел к зеленому острову — кладбищу.

Это было не такое кладбище, про которое сказано у Пушкина:

Но как же люблю мне
Осеннюю порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое,
Где неукрашенным могилам есть простор...

Но тоже хорошее, если можно так сказать про кладбище. Старинные гранитные надгробия были целы. Золото на них не поблекло, и легко можно было прочесть.

НАДВОРНЫЙ СОВЕТНИК
ПРОХОРОВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ
ЖИТИЕ ЕГО БЫЛО 1801—1887 ГГ.
ПРИМИТЕ ЕГО С МИРОМ!

И так далее. Было несколько современных могил на бедными металлическими загородочками, но в основном на кладбище могилы были старинные. А вот — что и требовалось доказать:

СТАТСКИЙ СОВЕТНИК,
ГУБЕРНСКИЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДВОРЯНСТВА
НИКОЛАЙ ПРОХОРОВИЧ КРАСНОРУКОВ.

«Старый знакомый», — подумал Рахманин, хотя никогда с Николаем Прохоровичем знаком не был.

Могильная плита этого Краснорукова тоже напоминала стол для заседаний, только поменьше. Начинал намечаться вечер, и Рахманин забеспокоился. «Хватит с меня этих похоронных знакомств. Пошли и живым людям».

Живые люди как раз пришли с полевых работ и с любопытством поглядывали на Рахманина. А Рахманин рассматривал их, пытаясь узнать детей Крючковых. Но ребята были бедно одеты и кое-как подстрижены. Сразу было видно, что они небалованны. Но лица у всех без исключения были приятные, глаза живые.

Их накормили ужином в столовой и объявили, что будет встреча с работником милиции в клубе. Ребята очень обрадовались. Видно, их не очень баловали встречами с интересными людьми.

Рахманин долго рассказывал детям об успехах московской милиции, о разных раскрытиях и поимках. И у всех, в том числе и у него самого, сложилась глубокая уверенность в том, что с наведением порядка у нас в стране полный порядок.

— Есть ли у вас вопросы? — спросил Рахманин в конце выступления.

Ребята долго молчали. Вдруг один мальчик, черненький, стриженный, примерно четвертого класса, спросил:

— А знает ли московская милиция про Зеленые Глазки?

— Чего? — оторопел Рахманин.

— Про Зеленые Глаза?

— Да, — сказал другой мальчик. — И про Зеленый Пистолет.

Рахманин честно признался, что московская милиция ничего про Зеленые Глаза не знает.

— Расскажите мне, и я обрадую московскую милицию.

— А вы не боитесь? — спросил четвероклассник.

— Пока нет, — ответил Рахманин.

Мальчик стал рассказывать:

— В одном городе жила девочка. У нее была бабушка. Когда бабушка умирала, она сказала девочке: «Не включайте старую зеленую пластинку». Она закрыла глаза и умерла, и ее похоронили. Мама тоже говорила девочке: «Смотри не включай зеленую пластинку». А девочке не терпелось, и она все-таки включила пластинку, когда дома никого не было. И страшный голос запел:

Бегут, бегут по стенке

Зеленые Глаза...

Сейчас девочку задушат,

Да, да, да...

Девочка услышала звонок в дверь и выключила пластинку. В квартиру вошла мать девочки. У матери не было одной руки. На следующий день девочка снова поставила пластинку, и ее мама вошла без двух рук.

— Ничего себе! — сказал Рахманин. — Освенцим какой-то!

А мальчик продолжал:

— Потом мама пришла без одной ноги. А затем и без двух ног. Когда она пришла последний раз, то она сказала: «Ты меня погубила, и сама тоже погибнешь. Не ставь пластинку». Но девочка не послушала мать и снова надела пластинку. Не успела пластинка пропеть несколько слов, как раздался звонок в дверь. Девочка взглянула в глазок, но никого не увидела. Девочка все же открыла дверь. Прямо перед ней стояли огромные, от пола до потолка, Зеленые Глаза. Они сказали: «Ты не

послушала мать и погибнешь сама». И Глаза задушили девочку.

В комнате висела гробовая тишина.

— Интересно, — спросил Рахманин, — а чем они ее задушили?

— Не знаю, — сказал мальчик. — Наверное, руками.

— Есть такое выражение: «штучка с ручкой», — рискнул сказать Рахманин. — Но чтобы глаза были с ручками!

— А может, они ее гипнозом задушили, — сказали девочка с первого ряда. — Ведь такое может быть?

— Может быть, — согласился Рахманин. — А как они на кнопку нажимали, тоже гипнозом?

Никто ему на это не ответил, но история все равно не показалась Рахманину глупой выдумкой. Что-то за всем этим стояло. Что-то-то-то-то-то...

— А что вы еще знаете из таких же веселых историй?

— Про Женщину с Красным Лицом.

— Расскажите.

Тот же мальчик стал рассказывать. Видно, он был главным хранителем-библиотекарем этих рассказов.

— Одна девочка пошла в магазин покупать перчатки. Ей мама сказала, чтобы она купила любые, только красные не покупала. Когда девочка увидела в магазине красные перчатки, то они ей понравились, и она их купила.

— И что потом получилось?

— Получилось. Когда она подошла к своему дому, то увидела, что он горит. Приехали пожарные. И они никак не могли погасить пожар. Тут вдруг из-за деревни появилась Женщина с Красным Лицом. Когда ее увидели, все испугались и убежали.

— И пожарные? — спросил Рахманин.

— И пожарные. Девочка одна осталась. Эта женщина сказала, что сможет потушить дом, если девочка потом выполнит одну ее просьбу. Девочка согласилась. Женщина быстро потушила все. Потом она сказала девочке, чтобы девочка ночью пришла на кладбище и положила на могилу в центре кладбища свои перчатки. Девочка очень испугалась. Но она еще больше боялась не выполнить приказ. Она не знала, что делать.

Слушающие в ужасе замерли. Одна девочка даже лицо руками закрыла. Рахманин решил вмешаться:

— А что же она в нашу славную милицию не пошла? Про которую я вам так много рассказывал.

— Это только у вас в Москве милиция славная, — сказал самый большой мальчик из середины зала. — А у нас она обыкновенная. В нее лучше не ходить.

— Так, понятно, — согласился Рахманин. — Со временем будем укреплять среднее звено... в маленьких городах. И что же было дальше?

Мальчик продолжал:

— И она пошла на кладбище и положила в центре кладбища свои перчатки. Вдруг с одной могилы съехала крышка и выскочила эта женщина. Она хотела схватить девочку за руку, но девочка побежала. Тогда эта женщина кричала: «Ты просто так от меня не отделаешься! У тебя умрет бабушка!» Девочка пришла домой и увидела, что у нее умерла бабушка.

— Ничего себе! — сказал Рахманин. — А много лет было бабушке?

— Я не знаю, — ответил мальчик. — Только раньше она не умирала, а тут сразу умерла.

— Знаешь что! — сказал Рахманин. — Я двадцать лет на свете живу, а что-то никогда не видел тетенок с красным лицом.

— А я видел! — сказал тот же взрослый мальчик из середины зала. — Когда у нас подсобки горели.

— И мы видели! — сказали девочки из конца зала.

— Если они такие заметные, их давно бы уже всех держали, — сказал Рахманин.

— А как же их можно задержать, если они на кладбище живут? — спросил черненький мальчик. Тут уже Рахманин оторопел и растерялся:

— А почему «они»? Разве их много?

— А вы дослушайте до конца. Потом, когда хоронили бабушку, девочка опять встретила на кладбище эту женщину. Она снова ей сказала приходить на кладбище. Девочка пришла, и эта Женщина с Красным Лицом и в красных перчатках сказала ей, что этой ночью она умрет.

— А что, — сказал Рахманин, — и пора. Тем более на кладбище живет, хоронить не надо.

— Это не женщина умрет. Это девочка умрет! — кричали напряженные слушатели. — Вы слушайте.

— Девочка пришла домой, легла спать и умерла, — затараторил дальше рассказчик. — Ее похоронили. Она лежит и вдруг видит, что она под землей. Она увидела там свою маму и бабушку и побежала к ним. А потом вдруг заметила, что у них красные лица. И у нее самой тоже было красное лицо. Потом они сами стали приходить к людям, которые покупали красные перчатки.

На этом лекция об успехах московской милиции окончательно завяла. Время было позднее, разговор с детьми Крючковыми надо было перенести на завтра. Александр Павлович Молоко предложил Рахманину переночевать в учительской на диване.

Молоко принес Виктору подушку, сдвоенное интерна-тское одеяло и стакан киселя с двумя кусками серого хлеба:

— Опыт показывает, что ночью есть хочется.

Детский дом. Ночь и утро

Рахманин заснул как убитый. Ночью он вдруг проснулся. В комнате что-то происходило. Слышалось шипенье и треск. Рахманин выпил кисель и попытался понять, что случилось. Комната была красной. Во дворе горел стог сена.

Рахманин стал одеваться. Он с трудом надел носки, ботинки, пиджак. Потом он долго тыкался в разные двери в поисках выхода из здания. Наконец он вырвался на хозяйственный задний двор.

Когда он оказался на месте пожара, там были люди. Они встревоженно стояли вокруг, глядя на огненные вихри и бешеные искры. Слава богу, что искры быстро гасли и не долетали до здания.

Люди стояли группками, двигались, разговаривали. И как-то странно выделялась из всего этого одна женщина неопределенных лет, в плаще, с красиво уложенными волосами, неподвижно, скульптурно стоявшая в некотором отдалении.

Рахманин решил подойти к ней и заговорить. Он подшагал, стараясь не шуршать травой, и спросил:

— Вы не знаете, отчего загорелось?

— Что? — повернулась она. И Рахманин отпрянул, потому что ее лицо оставалось красным, несмотря на то, что она отворотилась от огня. Она закрыла лицо рукой в красной перчатке и быстро пошла в сторону от пламени и бешеных искр. Кажется, в сторону кладбища.

Утром директор принес Рахманину стакан чая и хлеб с маслом.

— Вы будете разговаривать с детьми Крючковыми? — спросил он.

— Конечно, я ведь для этого приехал, — ответил Рахманин. — Будем говорить.

— Они здесь, за дверью.

— Минуту, я только побреюсь.

Рахманин сразу вспомнил, где его бритва, и сказал директору, что бриться не будет, потому что решил отращивать бороду.

Он позвал ребят. Они вошли и сели на диван, но сидели не сгибаясь, прямо, как на лавке.

— Прочитайте это, ребята. — Виктор протянул им ранки статьи.

Дети стали читать. Они долго не отрывали глаз от мятой газетной страницы и, казалось, прочитали ее раз двадцать. Видно, им не хотелось начинать разговор.

Рахманин спросил:

— Как вы думаете, можно поймать Красную Руку?

— Нельзя, — сказала девочка.

— Можно, — сказал мальчик. — Надо поставить фотоэлемент с пистолетом.

— Интересная мысль, — сказал Рахманин. — Ты утром проснулся, чтобы на работу идти, поднял голову от подушки, и пистолет как бабахнет тебе прямо в нос.

— Надо фотоэлемент настроить на красный цвет. Человеку ничего, а Руке будет плохо.

— Хорошо, — согласился Рахманин. — А как мы узнаем, что Рука туда придет?

— А там всегда Красное Пятно появляется, — сказал Вася.

— Так, может быть, лучше в Пятно стрелять? — спросил Рахманин.

— Люди пробовали, — ответил Вася. — Не вышло.

— Кто пробовал?

— Следователь Василенко из милиции и пробовал.

— И что получилось?

— Ничего не получилось. Его задушили, а на стене дырки остались.

— Откуда ты все это знаешь?

— Не знаю... У нас все это знают.

— И ты знаешь? — спросил Рахманин Люсю.

— И я, — кивнула она головой.

— А вы сами Красной Руки не боитесь?

— Нет, — подумав, ответили ребята.

— Я боюсь, — сказал до сих пор молчавший Александр Павлович.

Вот уж этого Рахманин никак не ожидал. И то, что ребята, пострадавшие от Красной Руки, ее не боятся, а Молоко боится, придавало сказанному странную убедительность.

Рахманин отпустил брата и сестру. И потребовал у директора объяснений.

Александр Павлович провел его в свою квартиру, расположенную в левом одноэтажном крыле здания. Он подошел к дивану, на котором, очевидно, спал, отдернул угол огромного ковра, висевшего над диваном. И Рахманин увидел ярко-красное пятно в форме черепа, пробивающееся сквозь жухлые обои.

Матвеенко слушал Рахманина не перебивая. Все просил рассказывать по два раза. А потом сказал, что хочет хорошенько все обдумать.

— Приходи завтра, — сказал он Виктору. — Покумекаем

Беседы с капитаном Матвеенко

Когда Рахманин пришел кумекать к Матвеенко, тот первым делом показал ему телеграмму:

«МОЛОКО СКИСЛО. КИРЕКША. ЖДЕМ».

— Что бы это значило? — спросил Матвеенко.

— Ничего, — утрюмо ответил Рахманин. — Это значит, что директора задушили.

— А кого они ждут?

— Нас.

— Зачем?

— Чтобы задушить.

— А кто давал телеграмму?

— Откуда я знаю, — сказал Рахманин. — Может, Женщина с Красным Лицом. Может, Красная Рука прилетала. Может, Белые Перчатки бланк в окошко сунули.

— А почему же они сюда сами не едут? — настырно задавал свои следовательские вопросы Матвеенко. — Душили бы здесь, не привлекая внимания.

— Не знаю, — растерялся Рахманин. — Может, они настенчивые. Может, они московской милиции боятся. Может быть, дома им стены помогают. Может быть, погода нелетная. Все что угодно может быть.

— А кто у них главный, как ты думаешь?

— Никак не думаю. Может быть, Хозяин Кладбища. Может быть, Зеленый Пистолет.

— Это еще кто такой? Новое действующее лицо?

— Пока еще не действующее. Но скоро задействует.

— Да откуда он взялся?

— Вот отсюда. — Рахманин показал Матвеенко пачку писем, переданную ему из «Пионерской зорьки» за это время.

— Вот и хорошо, — сказал Матвеенко. — Давай-ка приведем наших действующих лиц в систему.

У Матвеенко постоянно звонил телефон. Все о чем-то спрашивали, чего-то от него хотели. Но он как-то легко, по касательной, все мимо себя пропускал и, как плещ, держал только одну тему — события в Кирекше, события в Кирекше, и только события в Кирекше.

— Итак, составим список действующих лиц.

— Действующих лиц и их товарищей, — добавил Рахманин. — Потому что целый ряд лиц пока не действует.

— Давай по порядку. Все-таки кто у них главный?

— Не знаю. Скорее всего, Хозяин Кладбища. Но может быть кто угодно. Тот же самый Человек с Синими Зубами.

— Да у тебя целый паноптикум! — воскликнул Матвеенко. — И все разноцветные. Начнем с Хозяина Кладбища. Что о нем известно?

Рахманин отыскал письмо в «Пионерскую зорьку» о Хозяине Кладбища и стал читать Матвеенко:

— «Возле одного английского кладбища стояли гостиница. В ней никто не жил. Однажды в Англию приехали два француза туриста. Они не верили ни в какие ужасы и, узнав о гостинице на кладбище, пошли туда жить. Ночью, открывая окно, чтобы зашел свежий воздух, они увидели, что в проходах между могилами светятся два красных огонька. Видно было, что этим глазам надоело среди могил и они хотят напасть на комнату. Французы схватили револьверы... Послышалось хлопанье крыльев... Они стали стрелять... Позвали полицию. Существо убежало. А утром увидели... что мальчишки во дворе стоят около чудовища с крыльями и палками толкают его возле глаз, которые еще светятся... Отдали Хозяина Кладбища на исследование. После исследования им ответили, что чудовище сбегало от генетиков 29 лет назад. Что это очень опасное животное... Клетку человека скрестили с клеткой летучей мыши и оставили в благоприятных условиях. Генетики совсем забыли про клетки, как из ящика, где они лежали, вылетело чудовище, схватило в зубы первого попавшегося человека... («Очевидно, генетика», — подумал про себя Рахманин.) ...разбило окно и улетело. И поселилось на кладбище, потому что там спокойно... Но остались другие чудовища, его братья, и они мстят людям, которые с ними борются. Записал историю Берекет Дима, 6-й класс».

— Спасибо, — сказал Матвеенко. — Кто тебе больше всех понравился в этой истории?

— Конечно, французы! — ответил Рахманин. — А вам?

— А мне Берекет Дима, который записал эту историю! Несмотря на то, что эти «хозяева жизни» мстят тем, кто с ними борется. Что еще есть про Хозяина Кладбища?

— Есть другие варианты. Что это умершие люди, которых не принимает земля. Есть даже стихотворная версия.

— Читай.

Рахманин прочел:

По ночам на кладбище Хозяин
Приготовил мраморный столешник,
Ждет своих начальников на ужин.

Приготовил он кагор кровавый,

Приготовил шпагу и свечу...

— Это уже просто Малый театр, — сказал Матвеенко. — Слишком уж натуралистично. Это, пожалуй, совсем из другой серии. А что это за Зеленый Пистолет?

Рахманин вытащил из папки письмо:

— «В одной деревне жил мальчик. Один раз мальчик пошел гулять и увидел около реки бабушку. Она была одета во все черное, и в руках у нее была корзина, накрытая сверху черным платком. Бабушка показалась мальчику подозрительной, и он, чтобы проверить, ведьма она или простая старушка, сунул руку в карманы и сделал фиги. Бабка сразу оглянулась и, чмокая губами, спросила, что ему нужно. От страха мальчик сказал, что в голову пришло: «Я здесь пистолетик потерял. Вот и ищу его». — «Вот этот?» — спросила старуха и достала из корзины большой блестящий пистолет. Мальчику так захотелось иметь его, что он тут же соврал: «Да, это мой пистолет». Мальчик взял пистолет. И вдруг бабка вся стала зеленая, и корзинка зеленая, и они постепенно исчезли. Мальчик обрадовался и пошел домой. Идет и пистолетом иногда любуется. А навстречу цыганка шла. Она сказала: «Что это, мальчик, у тебя?» — «Вот я пистолетик нашел». — «Дай сюда!» — сказала цыганка. Она схватила пистолет и бросила его в речку. И вдруг река в этом месте зашипела и стала зеленой. А у мальчика на всю жизнь остались зеленые ладошки».

— И много у тебя таких историй? — спросил капитан.

— Почему — у меня? У всех советских детей. Вы становите на улице любого ребенка и спросите: «Знаешь историю про Желтые Шторы?» Он ответит: «Знаю». Или спросите: «Знаешь историю про Черный Тюльпан?» И вам скажут: «Конечно».

— Странно, — сказал Матвеенко, — на глазах у всей страны действует шайка потусторонних душителей и убивал, все о ней знают, одна милиция не в курсе.

Он немного подумал и добавил:

— Хорошо, давай проведем следственный эксперимент. Ийдем на улицу и спросим у первого школьника про твой Черный Тюльпан.

Первый встречный школьник оказался сыном Матвееенко Петром. Он крутился на велосипеде возле кинотеатра «Горизонт», вместо того чтобы помогать матери на маленьком матвееенковском участке.

— Слушай, — спросил его отец. — Ты знаешь историю про Черный Тюльпан?

— Конечно, знаю, — обрадовался мальчик.

— Ну-ка, расскажи.

— Пожалуйста. У одной девочки мама уехала на командировку надолго, — бодро начал молодой Матвееенко. — А дело было под Новый год. И она ей оставила десять рублей, чтобы девочка купила себе карнавальный костюм. Приходит она в магазин, а там костюм принцессы стоит двадцать рублей и костюм снежинки — пятнадцать, и больше ничего нет. И вдруг продавщица говорит: «Девочка, хочешь костюм Черного Тюльпана?» — «А сколько он стоит?» — «Десять рублей».

И показывает костюм отличный. Платье черное шелковое и все остальное, что нужно для девочки. Девочка, конечно, купила костюм и побежала домой.

— Так, а дальше? — спросил старший Матвееенко.

— А дальше на другой день сидит она на кухне. И вдруг само собой заговорило радио. А оно было поломанное: «Девочка, девочка, прыгай в окно, Черный Тюльпан появился в городе».

Девочка подумала, что это кто-то шутит. Она жила на втором этаже. А радио опять говорит: «Девочка, девочки, прыгай в окно, Черный Тюльпан сошел с троллейбуса, подходит к твоему дому». Девочка говорит тому голосу в радио: «Сам прыгай. Я не дура». А радио как закричит: «Девочка, девочка! Зря ты меня не слушаешься, Черный Тюльпан подходит к твоей квартире. Он близко стоит».

— Ну и кочергой его! — подсказал старший Матвееенко.

— Это ты кочергой, — возразил Петр, — а она маленькая. Она встала, пошла к дверям, чтобы посмотреть, кто это так шутит, а в это время дверь шкафа сама собой открылась и на пороге появился Черный Тюльпан. И прямо пошел на девочку. Радио как закричит еще сильнее: «Девочка, девочка, не теряй времени! Прыгай теперь в окно! Может, еще спасешься! Тебе говорят!» Девочка прыгнула в окно. Падает, только не камнем, а как на

парашюте. Может быть, и не расшибется. А Черный Тюльпан перегнулся через подоконник, вытянул руки, и они у него начали расти. Растут, растут и все хотят схватить девочку. И уже у самой земли схватили девочку и обратно втянули. И Черный Тюльпан сказал: «Ты хотела от меня убязать, я тебя за это убью».

— Он что, иностранец был? — спросил Рахманин.

— Нет. Он просто плохо по-русски говорил.

— Значит, он не русский? — спросил Матвеенко — старший.

— Он никакойский.

— И что, убил он девочку?

— Нет. Он заставил ее быть служанкой. И все время уводил в шкаф. Вот однажды, когда Черного Тюльпана не было, радио опять заговорило: «Девочка, девочка, достань из шкафа костюм Черного Тюльпана и сожги его». Она бросила костюм на пол и подожгла. Он весь сразу вспыхнул черным пламенем с синим уклоном, кто-то страшно закричал, и девочка потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, на месте костюма ничего не было. И Черный Тюльпан больше не приходил.

«Ознакомившись с делом» при помощи сына, Матвеенко поделился своими выводами с Рахманиным:

— Ты смотри, у этих Красных Рук и Черных Простыней есть не только сторонники. Кто-то по радио старается их опередить, предупредить об опасности.

А Рахманин пытался представить себе, как выглядит Черный Тюльпан. Он как капустные листья разматывал бинты темноты с его лица и все пытался и пытался разглядеть — что же под ними... что там под ними... Но неведомые черты не прояснились, а все затуманивались и уходили, затуманивались и уходили.

Отпустив «свидетеля Петра», милицейские работники пошли в ближайшее кафе обедать.

Кафе-ресторан (странное сочетание) находилось (находилась) при местной новой гостинице «Зеленгород». В нем было пусто. Только в самом светлом углу сидела одна девушка в свадебном белом платье.

Рахманин сказал Матвеенко:

— Она от них.

— Кто «она»? От кого «от них»?

— Эта девушка. Она от Красных Рук.

— Ты что, студент, с ума сошел? Почему?

— Потому что у нее на платье Красное Пятно.

— На этой скатерти тоже красное пятно, — сказал Матвееenko, — значит, она тоже от них, от этих занавесок!

— Скатерть не от них, а девушка от них, — уперся Рахманин. — Можете проверить. Никаких документов у нее нет.

Матвееenko молча поднялся и направился к девушке. Он подошел и вежливо сказал:

— Извините, пожалуйста, мы из милиции. Мы разыскиваем одну женщину, похожую на вас. У вас есть какие-нибудь документы? Разрешите взглянуть.

Тут произошло неожиданное и несурзное. Девушка встала и почему-то спиной вперед, как в балете «Лебединое озеро», поплыла к выходу. Все дальше и дальше. Дальше и дальше. Как в кино.

Казалось, что капитан сейчас тоже взмахнет руками и плавно, как в балете, засеменит за ней в своих просмоленных сапогах. Но Матвееenko руками не взмахивал и никуда не семенит. Он просто вернулся за столик к Рахманину и сказал сердито:

— Чумовая какая-то. Так почему же она от них? Кто она такая?

— Это Девушка с Красным Пятном. Про нее есть много историй.

— Пожалуйста, излагайте.

— А чего тут излагать. Читайте сами, — сказал Рахманин. — Вот письмо из того же города Покровска.

Матвееenko быстро прочел:

«Один юноша солдат сидел в ресторане и пил красное вино. К нему подошла одна очень красивая девушка в белом платье. Они познакомились, и она дала ему свой номер телефона. Она написала его на салфетке и протянула ему. А он нечаянно опрокинул вино. Несколько больших капель попало на белое платье девушки. Вечером он позвонил по телефону. Трубку подняла пожилая женщина. Он попросил девушку к телефону, а женщина расплакалась и сказала, что та, которая нужна ему, ее дочь и что она умерла два года назад. Он ответил, что этого не может быть, потому что он видел ее сегодня утром и

разговаривал с ней... Дело дошло до того, что раскопали могилу, чтобы пролить свет на это темное дело. Когда этот человек увидел девушку, то он сразу узнал ее. У нее на платье были свежие капли вина. И тут раздался голос: «Уходите отсюда. Тот, кто будет долго смотреть, скоро умрет». Все. Варезкина Катя. Пятнадцать лет».

— Так это была она? — спросил Матвеенко.

— Или она, или такая же, — ответил Рахманин.

— Плохи наши дела, — сказал Матвеенко. — Если бы я все это верил, я бы сказал, что мы засветились и что пора сматывать удочки.

— А я и в самом деле думаю, что мы засветились и пора сматывать удочки.

— И все-таки не надо спешить. Давай-ка мне сюда всю эту пачку писем. Я их почитаю и постараюсь привести в систему. Я так думаю. Пусть все это есть... Тогда это или инопланетяне с какой-то чудовищной техникой и странным смыслом жизни, или это потусторонние силы, объединенные в шайку: ведьмы, фантомасы, мефистофельщина всякая...

— Или наши галлюцинации, — добавил Рахманин.

— А может быть, еще хуже — материализованный бред.

Он передал Матвеенко все имеющиеся письма и отправился в отпуск на неопределенное время.

Есть ли в этом безумии система?

Уже несколько часов ломал над этим голову Матвеенко. В воскресенье Анатолий Петрович сидел у себя в комнате и перебирал пачки писем, которые принес Рахманин из «Пионерской зорьки». Его никто не беспокоил. Ребята знали: если отец работает дома — значит, занимается самым важным. А жена была счастлива, что вся семья в сборе, и постоянно приносила ему то чай, то блинчики.

Но капитану было не до чая и не до блинчиков. Перед ним открывались истории одна страшней и уголовно наказуемее другой.

Секретный случай на советско-польской границе

На советско-польской границе произошла эта история. Есть там в самом центре темной дубравы старый замок, который был заброшен в стародавние времена и совсем был бы забыт людьми, если бы рядом не проходила граница, а значит, и пограничная тропа.

На заставе знали расположение комнат в замке, но не каждый раз осматривали их, а лишь когда что-то вызывало тревогу.

Однажды в наряд мимо замка пошел один солдат, служивший недавно, но хорошо знающий те места. Звали его Юрой. Он, собственно, и рассказал эту историю. Кроме него в наряде были сержант Березов и солдат Гвоздин.

Шли они около замка и увидели, что в верхнем окошке на втором этаже мелькнул свет и что-то заискрилось. (Это была самая маленькая комната на втором этаже в углу.)

Сержант приказал Юре остаться внизу, а сам с Гвоздиным отправился на обследование замка.

— Если услышишь что-то подозрительное, свяжись с заставой и сообщи обо всем, — сказал он перед уходом.

Стоит Юра, прислушивается: вот прошли двери, топают по лестнице, по коридору, скрип открываемой тяжелой двери в комнату... автоматная очередь, страшный крик и глухое падение тел одного за другим.

Юра опешил, но спустя несколько мгновений пришел к себе и бросился к ближайшему потайному телефону, чтобы сообщить на заставу о происшествии. Через несколько минут заставка, поднятая в ружье, была у замка, и все побежали наверх, на выручку.

Когда открыли дверь одной из комнат, предстала страшная картина: в нескольких шагах от двери лежал лицом вниз сержант Березов, а у двери с автоматом на предохранителе — солдат Гвоздин, но глаза у сержанта были широко открыты.

Когда врач заглянул в них, он дико закричал и упал без признаков жизни. Оказалось, что на сетчатке глаз сержанта отпечаталось то страшное видение, которое

он видел перед смертью. Постепенно оно растворилось и ушло.

Когда врача откачали, сознание вернулось к нему, но он ничего не помнил. Он совершенно все забыл, и его заново пришлось учить всему, как маленького: словам, умению завязывать ботинки, есть и пить. Потом он снова стал ходить в школу при погранзаставе. Во все классы.

А этот замок обнесли колючей проволокой, и больше туда никто не заходил. Иногда в этой комнате в углу что-то тихонько светится и искрит. Ученые хотят туда попасть, но пограничники никого в эту секретную зону не пропускают.

Про сетчатку глаза, с которой все можно читать, Матвеенко как следователь знал, что это ерунда. Но в настальном рассказ звучал убедительно.

— Вот бы допросить этого Юру по-настоящему да и насыпать ему, чтобы ерунды не нес. А впрочем, я думаю, это и без меня допрашивали. Там у военных свои следователи есть, а доктор снова в школу будет ходить десять лет — не позавидуешь.

Следующая история была очень похожей.

По одной пустыне шла экспедиция. И вдруг на пути — колодец. Одного геолога решили туда опустить. Его долго опускали, вдруг он дико закричал и задергался. Когда его достали, он был мертвый и седой. Тогда вместо него пустили фотоаппарат. Фотоаппарат что-то сфотографировал. Вот стали проявлять пленку. Проявщик как взглянул на нее, так страшно закричал и умер.

Его помощник догадался сжечь фотографию, не глядяывая в нее. Он понял, что эта фотография может погубить сотни людей. Так никто и не узнал, что же было там, в этом пустынном колодце.

«А действительно, — думал Матвеенко, — что же было в этом пустынном колодце? Может быть, страшный скелет? Может быть, пистолет, направленный в глаза? Может быть, тигр с зубами?»

«Ну ладно, — думал он. — Я еще могу испугаться тигра зубами или скелета, но чтобы испугался закаленный в штурвах геолог?»

«Да! — возражал он сам себе. — А если это был его собственный скелет? Он его узнал и испугался».

«Да ерунда! Что он, своих рентгеновских снимков не видел? И опять же: как это скелет геолога мог оказаться в колодеце раньше самого геолога?»

Матвеенко кликнул сына. Дал ему прочитать оба письма и спросил:

— Ты знаешь, что там было?

— Конечно, знаю.

— И что же?

— Космические Глаза.

— Чего-чего? — оторопел Анатолий Петрович.

— Космические Гипнотизирующие Глаза. Они смотрят на человека и приказывают: «Немедленно умирай». И человек умирает от космического гипноза.

— Спасибо, сынишка, — сказал строгий капитан. — Вот не знал, что у тебя голова такой ерундой набита!

Но про себя он подумал, что этот довод, пожалуй, самый убедительный. И что думай он три дня, такого, пожалуй, не придумал бы.

На следующем конверте было написано:

«ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ В ГОРОДЕ НЬЮ-ЙОРКЕ».

«Ну и пусть этой смертью нью-йоркская полиция занимается», — подумал Матвеенко. Но любопытство взяло верх. Тем более что на последнем Съезде депутатов очень много говорилось о вступлении в Интерпол. Он начал читать:

Однажды в море один грузовой корабль дал сигнал SOS. Мимо проходил другой корабль, и его экипаж решил прийти на помощь. Когда они поднялись на борт, никого там не нашли. Только помощник капитана второго корабля зашел в одну каюту и увидел, что на полу лежит груда одежды. Из этой груды вдруг выползла какая-то черная туманная масса и бросилась на помощника. Она обволокла его и съела. Осталась одна морская форма с фуражкой. Это были Черная Смерть. Все остальные испугались, убежали и уплыли. Этот случай был описан в газетах.

Через несколько лет в одной квартире где-то на Западе какой-то богач проснулся и увидел, что его любовница пошла в ванную. Ее очень долго не было. Он удивился и пошел за ней следом. В ванной лежал только хилатик и тапки.

И вдруг на него с потолка набросилась Черная Смерть. Она кинулась на богача, но у него в кармане хилата всегда был пистолет. Он несколько раз выстрелил. Черная Смерть съежилась, но не умерла. Она втянулась в дыру в полу, куда уходит вода, и пошла по горodu.

С той поры Черная Смерть погубила множество людей. Она растворяла их, оставляя лишь одежду. Она перебиралась из одного места в другое по канализации и подопроводу, и ее невозможно было поймать.

Но однажды она выползла на улицу из канализационного люка и напала на полицейского. Тот стал стрелять из автомата, и она уползла обратно. Полицейский вызвал по радио подмогу, они открыли люк и увидели, что дальше нет хода. Они забросали Черную Смерть слезоточивыми гранатами, а потом и простыми.

Потом в люк спустились ученые и взяли несколько кусочков Черной Смерти в стеклянные банки.

Оказалось, что Черная Смерть зародилась от биомассы, когда американцы проводили в океане испытание водородной бомбы. Когда во всем разобрались, последний кусочек сожгли, и ее не стало.

Прочитав много писем, Матвеевко понял, что все истории можно было разделить на группы. К первой группе относились понятные ужасы.

Сюда входили традиционные рассказы, связанные со скелетами, вампирами, красным печеньем, с котлетами, в которых встречался человеческий ноготь, и т. д.

Ко второй группе относились ужасы научно-фантастические.

К ним относились Черная Смерть из канализации, Космические Гипнотизирующие Глаза, смесь человека с летучей мышью.

И к третьей группе относились самые ужасные ужасы — ужасы необъяснимые.

Такие, как Красная Рука, Черная Простыня, Женщины с Красным Лицом, Белые Перчатки, Зеленые Пальцы и т. д.

Именно от этих историй исходила непонятная угроза, и никак Матвееenko не мог отмахнуться от них, считая пустым вымыслом.

Рахманин уже не рад

Рахманин жил в Москве один. Он снимал угол у старушки. Но сама его старушка постоянно жила у другой старушки — своей соседки. Так что Рахманин, снимая угол, фактически снимал целую московскую комнату с телефоном. И первое, что он увидел, войдя к себе, — большое красное пятно на стене. Точнее, блекло красное. Он позвал хозяйку:

— Нина Николаевна, что это?

— Где?

— Вот здесь на стене.

— Ничего. Обои потрескались.

— А вот это красное что?

— Где красное, Витек? Это серебряный накат.

— А красного нет?

— Нисколько нет. Это у тебя пятна радужные в глазах. Со мной такое тоже бывает. Особенно после гимнастики.

— Вот это новости! — поразился Рахманин. — Вы гимнастикой занялись?

— И я занялась. И Наталья Ивановна занялась. Нам по телевизору велели. «Для тех, кому больше семидесяти».

— Вот и хорошо, — сказал Рахманин. — Со временем и я к вам присоединюсь. Особенно если буду жив. Значит, нет красного?

— Нет, совсем нет.

Рахманин успокоился. Но тут зазвонил телефон. И страшный голос пропел Рахманину:

Бегут, бегут по стенке Зеленые Глаза.

Они девочку задушат, да, да, да.

Потом раздались гудки. Он плюнул и пошел на улицу.

Рахманин был одинокий ковбой. Обходился в Москве без друзей и знакомых. Пожалуй, в первый раз он пожалел, что не к кому пойти и рассказать о происшествиях последних двух недель.

Он шел куда глаза глядят. В своем Покровском-Стрепневе он знал каждый уголок. Но сейчас он увидел, что оказался в районе, в котором никогда не был. Стояли дома непривычной конструкции, росли деревья незнакомомого вида. И на улице не было ни одного человека. Казалось, что в этой части города только что наступило самое раннее-раннее утро.

Он подошел к остановке трамвая. Номера были какие-то странные: № 1932—1958, № 1983—19...

«Как цифры на кладбище», — подумал Рахманин.

И сразу же показался трамвай. Он шел почти бесшумно, хотя выглядел очень старым на вид, как будто сошел с дореволюционной фотографии, и по логике должен был бы греметь.

Он все ближе и ближе. Глаза у Рахманина полезли на лоб, потому что трамвай был черного цвета. Не трамвай, а катафалк.

Двери распахнулись. Виктора так и потянуло в черную прямоугольную дыру. Еще секунда — и он сделал бы шаг. Но у него хватило разума повернуться и шагнуть в обратную сторону.

И все резко переменялось. Появились люди. Возник шум города.

«Почему я не вошел в него? — думал Рахманин. — Почему?»

И он понял. На трамвае стояла цифра — 1968. Это был год его рождения.

Похороны Молока

На другой день Матвееenko вызвал Рахманина в Зеленгород:

— Ну что, студент, едем в Кирекшу?

— Зачем?

— Надо же узнать, что случилось с директором. Почему он скис.

— А может, он и не скис совсем. Может, это шутка, возразил Рахманин.

— Вот и узнаем, кто так остроумно шутит. Эти шутки как раз для милиции.

— Хорошо. А что вы скажете начальству? Вот расскажете про Красную Руку? Про Девушку с Пятном на Платье? Про Черный Тюльпан?

— Нет, эти истории не для слабонервных. Вернее, наоборот, — поправился Матвеенко. — Эти истории для слабонервных. А наше начальство — оно как бегемоты: — никаких нервов — одни инструкции. Просто у милиции всегда есть дело в радиусе двух тысяч километров от основного места работы. А у меня одна драгоценность есть — музейная икона... изъятая, палехская. Она полгода у меня в кабинете в диване лежит. А по ней давно какой-нибудь музей подмосковный плачет. Вот и поспрашиваем в Кирекше в церкви и в краеведческом музее, не у них ли она украдена.

— А меня вы кем оформите?

— Сопровождающим. Мы поставим ей цену больше трех тысяч. А для такой стоимости охранник нужен. Да еще и машину возьмем.

Нет, Рахманин не рвался в эту командировку. Никакой радости от нее он не видел и осматривать убитых не привык. Но и отказывать Матвеенко не хотел. Было бы нечестно оставить его одного в такой поездке.

— Хорошо, — сказал Рахманин. — Только порой мне кажется, что я от всего этого начинаю сходить с ума. Вы ничего не знаете о Черном Трамвае?

— Нет.

— А за мной, кажется, его присылали.

— Расскажите.

— В одном городе жил юридический студент. Его звали Виктор, — начал Рахманин. — Однажды он узнал, что в городе есть Красная Рука и Стеклянная Кукла. Он стал за ними следить. Как-то раз он шел по городу и стал ждать трамвая. Вдруг видит, что на остановке никого нет, все люди куда-то ушли. Тут к остановке подходит Черный Трамвай. Весь старинный и весь залит темнотой. Во всех окнах темнота, и в кабине водителя темнота. Двери открылись, и Виктор туда не вошел. Трамвай, скрипя

зубами, уехал. А если бы он вошел, то больше Виктора никто бы не встретил. А если бы кто-нибудь его встретил, то он был бы с красным лицом или рот у него был бы полон синих зубов.

— Про Женщину с Красным Лицом мы проходили, — сказал Матвеенко. — А что это за Человек с Синими зубами? И, пожалуйста, дайте мне подробности про Желтые Шторы. Я пока ничего о них не знаю.

— Я вам в дороге расскажу.

— Очень хорошо. Завтра с утра выезжаем. С рассветом. Около пяти или шести.

Сюрприз в Кирекше
(встреча с человеком, которого уже похоронили)

Выехать около пяти или шести не удалось. Выехали около двенадцати. Им дали синий милицейский «Москвич» с упитанным усатым водителем с очень милицейской фамилией — Лютый.

— Так что мы знаем про Желтые Шторы? — спросил Матвеенко, когда машина с запутанного Зеленгородского шоссе выбралась на оборонную бетонку и пошла считать плиты.

— Да все то же! — ответил Рахманин. — Слушайте.

Матвеенко с водителем Лютым стали внимательно слушать.

ИСТОРИЯ ПРО ЖЕЛТЫЕ ШТОРЫ

Однажды семья, где были папа, мама, мальчик и девочка, решила купить шторы. А у них недавно умерла бабушка. Перед смертью она говорила: «Покупайте какие угодно шторы, только не желтые».

— Очень милая картина, — вмешался Матвеенко. — Ложит бабушка и умирает. Кругом врачи, родственники. Ее спрашивают, что вы хотите сказать остающимся. Она говорит: «Покупайте какие угодно шторы, только не желтые».

— Ну и что? — возразил Рахманин. — А есть вариант этой истории, что бабушка после смерти позвонила по

телефону. И сказала про шторы. Значит, они ее очень беспокоили. Слушайте...

Семья ходила-ходила по рынку, но ничего, кроме желтых занавесок, там не было. Тогда они подумали — подумали и купили эти занавески. Пришли домой и повесили их в детской комнате.

— Нашли где вешать! — прокомментировал водитель Лютый.

— А что, нельзя было? — спросил Матвеенко.

— Конечно нельзя. Эти шторы там всех передушат.

— Ты-то откуда знаешь?

— Кто ж этого не знает?! У нас в городе это сколько раз было.

— Где это — у вас в городе? — еще больше поразили Матвеенко. — И куда же это ваша милиция смотрела?

— У нас в Виннице. А милиция известно куда смотрит — на показатели. Такие преступления не раскрываются, показателей не дают. Поэтому их и не замечают.

— И что дальше было? — спросил Матвеенко.

— На следующую ночь родители спали и дети спали. Вдруг Желтые Шторы разбудили мальчика: «Мальчик, вставай». Мальчик встал. «Мальчик, пойдй умойся». Мальчик умылся. «Мальчик, иди позавтракай». Он позавтракал. «Мальчик, подойди к окну, посмотри, как во дворе играет твоя сестра». Он подошел. Тут Желтые Шторы схватили его и выбросили в окно.

— Послушайте, — спросил Матвеенко, — а кто слышал, как Шторы с мальчиком разговаривали?

— Откуда я знаю! — ответил Лютый. — Кому надо, тот и слышал.

— Может быть, девочка слышала, — предположил Рахманин.

— Почему ты так решил?

— Потому что на другой день ее убрали.

— Кто убрал?

— Шторы эти самые, занавесочки, — сказал Виктор.

— Как свидетельницу, — добавил Лютый, не отрываясь от баранки.

— Наверное, — согласился Рахманин и продолжил: — На следующую ночь Шторы разбудили девочку: «Девочка,

девочка, вставай». Девочка встала. «Девочка, девочка, умойся». Она умылась. «Девочка, девочка, подойди к окну. Посмотри, не играет ли там твой брат». Девочка подошла, тут же желтые Шторы схватили ее и выбросили в окно. Тогда родители утром пошли в милицию. Милиция пришла и стала исследовать Шторы. От них нельзя было отрезать ни кусочка. Они выскальзывали из-под ножниц как живые. И родители вспомнили про старуху на базаре, которая продавала эти Шторы. Ее поймали, и она сказала: «Эти Шторы не простые. Их можно разрезать скальпелем, который внутри кремлевской звезды».

Тогда милиция залезла на кремлевскую башню, достала эти звезды скальпель. Только им дотронулись до Штор — произошел взрыв, и Шторы и нож исчезли.

— Просто «Очевидное — невероятное», — сказал Матвееenko. — Откуда у тебя эта история? Это что-то новое.

— Меня моя хозяйка порадовала, Нина Николаевна. Еще она историю про Человека с Синими Зубами знает.

— Я тоже эту историю знаю. Она у нас в Виннице началась.

— Вот не знал, что Винница такой потусторонний город, — сказал Матвееenko.

— Сами вы потусторонний, Анатолий Петрович, — парировал Лютый. — Про этого Человека с Синими Зубами столько разговоров было. Он тогда появился у нас, когда на старом кладбище танцплощадку построили.

— Точно, — согласился Рахманин. — И во Владимире так же было. Как сделали танцульки на костях, так все и началось.

— Что началось?

— Все началось. Этот Человек появился.

И Лютый рассказал Матвееenko историю про Человека с Синими Зубами:

— В одном городе жила-была одна девушка. Она была очень красивая. У нее умерла мать и осталась только бабушка. Однажды девушка пошла на танцы. Бабушка ей сказала: «Если тебя будет приглашать мужчина с синими зубами, не танцуй с ним». Она пришла на танцы, танцевала с разными мужчинами, а потом ее пригласил мужчина с синими зубами. Девушка пошла с ним танцевать. Танцы закончились, и мужчина сказал, что он проводит ее до дома.

Они сели в машину и поехали. А у этой девушки был один знакомый с мотоциклом. Он все время ехал сзади. Машина Человека с Синими Зубами шла уже со скоростью сто пятьдесят километров в час. Знакомый еле успевал за ними. Девушке было очень страшно. Вот они выехали за город на шоссе. И стали ехать совсем быстро. И тогда из окна машины Человека с Синими Зубами вылетела Черная Простыня и полетела к мотоциклисту. Она стала его душить. Он стал с ней бороться, потерял управление, вылетел с трассы и разбился. А эту девушку никто больше не видел.

— А кто же видел все эти подробности? — спросил Матвееenko.

— Люди видели.

— И что же, никто не запомнил номера машины? Ведь нечасто люди на танцы в машинах приезжают, — приставал к Лютому капитан.

— Может, кто и запомнил, — отвечал Лютый, — только говорить не хотят. Неизвестно, может, у этой летающей Простыни братья и сестры есть... Наволочки и полотенца разные.

— Да, — сказал Матвееenko, — если у нас так милиция рассуждает, то остальным гражданам сам бог велел дрожать от страха.

— А что? — согласился Рахманин. — Я уже понемногу начинаю.

А машина летела и летела среди потрясающей красоты лесов и пейзажей. Лютый твердой рукой обгонял рейсовые автобусы, грузовики и даже легкие «Жигули», несмотря на их более мощные моторы и нахальных неуступающих водителей.

Проехали Покровск, проползли через Владимир, и вот уже на горизонте замаячило поместье — интернат Кирекша. Не останавливаясь, поехали сразу к кладбищу.

Еще издали заметили большое скопление людей, трубы оркестра. Подъехали ближе, вышли из машины и встали рядом, низко опустив головы.

Все уже заканчивалось. Слышались рыдания. Несколько не очень трезвых молодых людей засыпали и ровняли могилу.

Матвееenko сказал, что им здесь больше делать нечего и лучше ехать в интернат.

Так они и сделали. Но интернат был пуст. Дети опять были в поле, а старшие не вернулись с похорон.

— Вот что, — сказал Матвеенко Рахманину. — Ты пока здесь оставайся, а мы съездим в краеведческий музей.

— Можно я с вами? — спросил Рахманин.

— Нельзя, — сказал Матвеенко. — Ты поработай здесь.

И Рахманин понял почему. Если бы они вместе уехали, им бы вместе пришлось возвращаться, вместе вести опрос свидетелей, и в результате вся зеленгородская милиция на следующий день знала бы от милиционера Лютого, чем уже более месяца занимаются Матвеенко и Рахманин за государственный счет, какой ерундой. Рахманин сам должен был разобраться во всем. Он понял это и сказал:

— Хорошо, поезжайте. Только не забудьте меня здесь. Мне это место совсем не нравится.

— Ладно, не кисни, — сказал Матвеенко.

— Хорошо, не буду, — ответил Рахманин. Хотя прекрасно понимал, что один уже недавно скис.

Но вовсю светило солнце, и было совершенно не страшно.

Рахманин стал прогуливаться около входа в учительскую, чтобы поговорить с кем-то из учителей.

Однако дом был пуст. Ребята, наверное, продолжали работать в поле, а взрослые собрались где-нибудь на поминки.

«Дурацкая ситуация! — подумал Рахманин. — Люди сидят, пьют, беседуют. А ты приходишь и спрашиваешь: «Кто видел покойного в последний раз? А не было ли на него еще следов от удушья?» Тебе говорят: «Не было. Он был здоров как бык. Вот справка о его смерти». Ты снова спрашиваешь: «А вскрытие проводилось?» Тебе говорят: «А по морде не хотите?»

Время уходило и уходило. Никто из взрослых не появлялся. Рахманин поднялся в учительскую комнату, в ту самую, в которой он спал в прошлый раз. Сел на диван, стал рассматривать документы. Ничего не было особенно интересного. Все — журналы, книги, выписки, решения — все было такое скучное, среднесиротское. Рахманин сам не заметил, как заснул. Будто заколдованный.

Проснулся он, весь мокрый и встревоженный, от скрипа двери. Она медленно плыла в пространстве комнаты.

Кто-то тихо входил.

Рахманин напрягся на диване: что-то происходит, что-то случается. Вот показалась белая рука, вот в комнату вошел похоронный костюм. В костюме был человек — Александр Павлович Молоко.

Рахманин дико вскрикнул, заметался по комнате. Потом вскочил на подоконник и сиганул вниз:

— Не возьмете!

Он недолго путался в кустах под окном... бежал. Но время бега жить не так страшно. Ему казалось, что этот страшный человек в костюме бросится и поплывет по воздуху за ним, схватит его своими страшными маленькими белыми руками, и тогда... что будет тогда, Рахманин не знал, но и не очень стремился узнать.

Он пробежал мимо хозяйственных построек во дворе и выскочил на главную аллею.

Как раз появилась милицейская машина с любимым Лютым и спокойным Матвеенко. Они остановились около Виктора.

— Ну что? Как дела? — спросил Матвеенко. — Все в порядке?

— Более чем, — ответил запыхавшийся Рахманин.

— Ты провел опрос свидетелей?

— Да, да, — отвечал Рахманин. — Конечно. Самого покойника чуть не допросил, да нервы сдали. Поехали отсюда.

Матвеенко очень хотелось узнать подробности. Но при Лютом он не стал. Машина двигалась в сторону Москвы по чудесным российским пейзажам, мимо дубовых рощ, грибных перелесков, широких рек и заросших речушек, порою над огромным песчаным карьером, порою чистым придорожным лесом, а позади поднималось облако на полнеба. Оно чернело, наливалось грозой, и облако это было Александром Павловичем Молоко.

— Анатолий Петрович, — спросил Рахманин, — не кого это облако похоже?

Матвеенко обернулся и посмотрел:

— На колотушку для картошки.

Больше почти до самой Москвы они не разговаривали. Где-то, когда уже ехали по Москве, Лютый «порадовал» их еще одной историей:

— Чего только не бывает на свете. Вот у нас наш Термезом одна змея влюбилась в военного.

— Где это — у вас под Термезом? — перебил Матвеев.
— Ты же у нас из Винницы.

— Под Термезом, где я служил. Хотите расскажу?

— Давай рассказывать, — велел Матвеев.

— Был у нас один новичок из Кемерова. Все время в карауле стоял, больше всех.

— Что, любил стоять? — спросил капитан.

— Бог его знает. То ли любил стоять, то ли не спорил, когда его в караул ставили. А может, то и другое. Только, как ни проедешь мимо, он на посту с карабином столбом стоит. И вот в него змея влюбилась, маленькая такая гюрза. Она все время на него смотрела. А однажды скользнула ему на плечи и шею обвила. Он испугался, стал ее сдергивать. Она его ужалила. Пошли на пост его менять, а он уже мертвый.

— Ну и что? — сказал полудохлый Рахманин. — Может, солнечный удар был у него.

— Да?! — возразил Лютый. — Полгода не ударяло в самую жару, а тут осенью ударило!

— А может, его скорпион укусил?

— А то наши врачи не знают, кто его укусил, — возражал упрямый Лютый. — Змея его укусила... змея.

— Ладно, — вмешался Матвеев. — А может, он на нее наступил? Откуда вы взяли, что она влюбилась?

— Да оттуда и взяли, что мы эту змею сто раз видели.

— Ничего себе! Это где?

— Она у него на могиле поселилась. Все время лежала. Мы своими глазами видели. Как ни придешь, она там! И раз — сразу в камни!

Нельзя сказать, чтобы эта лав-стори обрадовала Рахманина. У него все время перед глазами стояла такая картина: маленькое солдатское кладбище, все в камнях и калах, рядовая солдатская бетонная могила, а на ней маленькая мультипликационная змейка с холодными бриллиантиками вместо глаз.

Круг сужается. Вернее, круг расширяется

Как только Рахманин приехал в Москву и вошел в квартиру, раздался телефонный звонок. Какой-то дохленький, но междугородный

Звонили из Торжка. Виктор долго выяснял, кто звонит, действительно ли дядя Мирон Бирюков или какие-нибудь Синие Уши.

Звонил в самом деле дядя Мирон. Он сказал, что Александра Серафимовна померла. Ее похоронили. И что для Рахманина есть «старинушка». И приглашал приехать.

— Спасибо, дядя Мирон. Может быть, я у вас поинюсь.

Уже много лет подряд Рахманин с одним приятелем дружили с Александрой Серафимовной. Они приезжали в Торжок на машине раза два в год, привозили консервы, гречку, стиральный порошок, всякие там ведра-обои, все, что просила их тетя Серафимовна. А она взамен собирали для них у старух по улице старые вещи, фотоальбомы, пластинки, старые шкатулки. Конечно, за плату. Постепенно у рахманинского товарища, тоже Виктора, собралась целая коллекция.

Рахманин решил ехать. Надо было удрать из этой сужающейся Москвы с ее черными трамваями и «прокисающим молоком». Он позвонил автоприятелю, но тот был не готов к скорому старту. Тогда Рахманин, предупредив Матвеевко, выехал один.

В Торжок он приехал рано утром, весь жеваный и мятый. Рахманин не стал ждать автобуса и пошел пешком через весь город в старую купеческую его часть.

Начиналась осень, и в воздухе висела влажная Молчаливые, плохо одетые люди проходили мимо него торопливыми шагами. На каждой остановке стояли маленькая толпа.

Как ни странно, в Москве люди больше любят ходить пешком. Для москвича пробежать пару-тройку остановок не труд, а удовольствие. В маленьких городах, наоборот, человек полчаса упорно будет стоять на остановке, чтобы потом в крайне упакованном виде ехать две с половиной минуты до какого-нибудь Шестого микрорайона или Газового комбината волокнистой пленки.

Потянулись навстречу старые купеческие дома.

Один высокий дом в конце улицы был огорожен новым забором из старых досок. И как-то странно он колебался в воздухе.

Подойдя ближе, Рахманин заметил, что дома уже нет. Он в развалинах, а колеблется слабый призрак этого дома, тень его.

Ничего себе новости!

Он остановил прохожего, который, в отличие от других, не бежал с большой скоростью, а вел куда-то собаку:

— Скажите, что с этим домом?

— С этим домом? А ничего... взорвали, дураки. Кино будут строить.

— Почему же дураки? Кино ведь хорошо.

— Потому дураки, что через два квартала уже есть кино. А дому-то еще стоять бы и стоять.

— А что это над домом такое? — спросил Виктор.

Прохожий с удивлением посмотрел на него.

— Колышется, — объяснил Рахманин:

— Сам ты колышешься, — буркнул прохожий и перешел на другую сторону улицы со своей собакой.

«Что-то со мной неладно», — подумал Рахманин.

Дядя Мирон, оказывается, давно не спал. Он обрадовался Рахманину, поставил чайник, достал три тарта варенья, хлеб, масло.

— Александра Серафимовна тебя не дождалась. Она много чего насобирала у старушек. Вот смотри, тебе отложено.

— Дядя Мирон, — сказал Рахманин, — я же ведь ничего не привез, что вы заказывали.

— А нам ничего и не нужно, — сказал дядя Мирон. — У нас все есть. Ты приехал, уже и хорошо.

Виктор с удовольствием стал рассматривать «улов». В этот раз Александра Серафимовна постаралась. Целый угол был завален старинными вещами. Одна вещь была лучше другой. Чего стоил один роскошный кожаный альбом с желто-коричневыми фотографиями. Вся история купеческой семьи была изложена в нем как в учебнике.

Крепкий, жесткий старик с булавочными глазами, в тройке, и пожилая властная женщина с поджатыми губами, в платье до земли, — основатели династии. И фамилия, и имена у них были очень купеческие — Марья Насильевна и Петр Тимофеевич Расторгуевы.

Потом шли их взрослые дети, опирающиеся на тумбочки разных конфигураций. Потом уже их дети со своими женами и детьми, уже снятые на улице. А потом уже их дети в гимназических фуражках или в дорожных тройках, с некоторой интеллигентностью и высокомерием на лицах.

Очень понравилась Рахманину шкатулка из толстого граненого стекла, обрамленного металлом. Ее посчитать — цены ей нет. Были еще две лампы синего цвета очень тонкой работы, в безумной грязи и сале.

Но больше всего поразил Рахманина какой-то старинный то ли знак, то ли вензель, то ли орден очень и очень аккуратной работы. Никогда раньше он не видел ничего похожего. Это изделие напоминало или старинный герб иностранного дворянского рода, или герб страховой компании, или товарный знак компании, торгующей научными приборами. Потому что основу его составляла лента Мёбиуса.

Эта вещь так понравилась Рахманину, что он решил, что все остальное — и альбом, и шкатулку, и лампы отдаст автодругу, только бы знак остался у него. В знаке совершенно четко проступал какой-то смысл, были заложены определенные пропорции и связи.

— Что это, дядя Мирон? — спросил Рахманин.

— Должно, знак какой-то. Тетя Саша его принесла от одной бабушки. Как раз прежде чем помереть.

— А что за бабушка? Откуда? Как фамилия?

— Я и не помню уже. Ее дом позади школы. Который заколоченными окнами.

— Окна сейчас заколотили, потому что бабушка умерла?

— Нет, они всегда заколочены были. А бабка вроде и не умирала вовсе.

— А чего же она такую красивую вещь отдала?

— Может, и не отдала, может, тетя Саша сменяла ее на что полезное. Потом, в нашем возрасте вещи уже и не очень нужны. Чай, к примеру, полезнее. А чая лекарства в городе нет.

Он помолчал. Потом продолжил, как всегда, медленно.

— Об этой бабке странное говорят. Будто она видит то, что не положено.

Рахманин вспомнил призрак дома над домом в утреннем свете и подумал: «Совсем как я».

Он вцепился в дядю Мирона:

— Чего же она такое видит, дядя Мирон?

— Не знаю что. Люди говорят...

— Но ведь люди про что-то говорят. Может, она клады под землей видит. Может, в голове у нее телевизор на восемь программ.

— Это у тебя в голове телевизор на восемь программ, — рассердился дядя Мирон. — А в нашем возрасте все по-другому. Если человек что-то видит, что не положено, значит, у него ВИДЕНИЯ!

Этот ответ дяди Мирона ничего не прояснил, но, с другой стороны, как бы дискуссию закончил. Спрашивать дальше было уже, пожалуй, и нетактично.

Рахманин решил попытаться дядю Мирона на предмет Красной Руки.

— Дядя Мирон, а вот не случалось у вас в городе чего-нибудь жутко необычного?

— Чего же такого необычного?

— Красная Рука к вам, например, не прилетала или Проб на Колесиках не приезжал?

— Не слышал ничего, — оторопел дядя Мирон.

— А Белые Перчатки не появлялись?

— Какие такие Белые Перчатки?

— Они по ночам прилетают и играют на пианино.

— Зачем?

— А бог его знает зачем. Прилетят, например, в клуб деревообделочной фабрики ночью и играют там до утра Гайа или Шуберта... Или Бетховена там.

— Не слышал я про эти Перчатки, — сказал дядя Мирон. — А вот про Обезьяну из Пианино слышал.

— Расскажи, дядя Мирон.

Пока дядя Мирон собирал мысли для рассказа, Рахманин задумался: «А действительно, что же на самом деле играют эти Перчатки? Не могут же они исполнять «Кирпичики» или «Ах, Одесса, жемчужина у моря...». При случае надо обязательно позвонить в Покровск».

Тем временем дядя Мирон начал:

— Это бывалошная история... Одни люди, из купцов, хотели купить пианино. И старый мастер сказал им:

«Любой инструмент покупайте, только не покупайте с красным пятном». Пошли они в магазин... А там каких только пианинов нет: и черные, и белые, и красные... Только все дорогие. А одно пианино стоит черное с красным пятном и совсем недорогое...

— Где же это вы в Торжке такой магазин видели, спросил Рахманин, — чтобы в нем любые пианино были?

— Я же тебе сказал, мил-человек, что история эта бывалошная, — ответил дядя МIRON. — А в бывалошное время в Торжке все было. Были даже такие пианины, что сами по себе играли, без людей. Электрические.

— Извини, дядя МIRON. И что дальше было?

— Дальше принесли они это пианино домой, поставили в угол и стали красное пятно тереть. Трут они его, трут... а оно все краснее и краснее становится. И вот вдруг крышка открывается, выходит из пианино обезьяна, задницу себе лапами закрывает и говорит: «Всю задницу мне натерли!»

Рахманин неуверенно рассмеялся, чтобы не огорчить дядю МIRONа. А тот вдохновился и предложил еще один рассказ.

— Ты про Винт-в-Полу когда-нибудь слышал?

— Нет, — ответил Рахманин. — Расскажите, пожалуйста.

— Ладно, слушай. Одна старая женщина, когда помирала, сказала своей дочери: «Ты что хочешь делать, только Винт-в-Полу не трогай. А то будет большая беда». И умерла. А дочка все время об тот Винт спотыкалась. Однажды она взяла газовый ключ и гайку отвинтила. Как раз была полночь. Только часы пробили... И вдруг... Ты слушаешь?

Рахманин уперся взглядом в окно и замер. За окном, поглядывая в разные стороны, пролетел большой желтый. Стекланный Глаз размером с крупную тыкву. Рахманин испугался с себя видение:

— Да, конечно. И что?

— И вдруг в дверь к дочери постучали. Она в гли делочку посмотрела и видит: за дверью стоит женщина с нижнего этажа, вся в крови... И в руках люстру держит.

Рахманин подошел к окну и увидел, как этот Глаз тыква улетал вдаль над улицей, над прохожими, над

редкими машинами, покачиваясь и посматривая по сторонам. И как он скрылся в дымке над рекой, над мостом. И никто не обратил на него ни малейшего внимания.

— Ну и как история? — спросил дядя МIRON. — Веселая?

— Куда уж там, — ответил Рахманин. — Смех, да и только. — Потом он сказал: — Дядя МIRON, я по городу пройдуся. Билет куплю на Москву. Может, чего принести к обеду надо?

— Чего там, к обеду. Суп у меня есть из колбасы. Ничего не надо. Хлеба купишь, и ладно.

— А пол-литра, дядя МIRON?

— Если деньги есть, отчего не купить. Купи, Виктор Николаевич.

Старым стал дядя МIRON, а выпивку уважал по-прежнему. Рахманин зашел в маленькую ванную и стал с мылом отмывать загадочный знак старой зубной щеткой. Знак с каждой минутой проявлялся как хорошая цветная фотография. Он оказался разноцветным, эмалевым, тонкой, почти невозможной работы. На нем были написаны какие-то формулы и отлиты что-то означающие фигуры, как на средневековых гербах. Рука с мечом, перерубающая цепь, змея с красными глазами, цветные цветы и многое другое. Вещь была очень красивая, просто чудейная.

Виктор сунул знак во внутренний карман и вышел на улицу.

И обалдел!

Прямо над улицей по воздуху плыла Пятиметровая Кобра. Она извивалась, смотрела в разные стороны и беззвучно планировала примерно в пяти метрах над мостовой. И никто не обращал на нее ни малейшего внимания.

«Я, наверное, рехнулся! — решил Рахманин. — Галлюцинации плавают».

Все вокруг было как обычно. Влажный осенний день. Скачут школьные малыши, возвращающиеся после занятий. Идет лошадь с телегой, полной пустых ящиков. Прохочут редкие машины.

Рахманин подошел к дому-призраку. Интересно, стоит ли он на месте или тоже улетел в даль улицы.

Дом стоял на месте. Более того, если утром он был колышущийся, сомнительный, то сейчас стоял яркий, цветной, как нарисованный на целлофане. Очень он напоминал фазу мультипликационного фильма. Не хватало только раскрашенных жильцов.

На какое-то время Рахманин почувствовал себя то ли рентгенологом, то ли рентгеновским аппаратом. Он осмотрел наличники, крышу, балкон с чугунной решеткой. И вдруг заметил на стене второго этажа темный квадрат: то ли маленький сейф, вделанный в стену, то ли жестяную коробку от конфет.

— Да это же клад!

Он понял: если эта часть стены рухнула после взрыва и еще не вывезена, клад можно отыскать. Но он понял и другое: если этот дар — видеть сквозь стены — у него всерьез и надолго, это есть еще более ценный клад. Правда, он не знал еще, нужна ли ему эта вновь обретенная способность. Как не знал бы сельский житель Средней полосы СССР, нужна ли ему способность понимать теорию Эйнштейна.

Следующим зданием на улице была почта. В ней междугородка. В междугородке написаны коды всех мелких городов соседних областей. В том числе код города Покровска.

Но сначала Рахманин позвонил Матвеевко:

— Как дела, Анатолий Петрович? Все живы?

— Все. Никто не скисал, ничто не скисало. А как у тебя дела?

— Я тоже пока еще не скис. Но на грани.

— Смотри не скисай там, — попросил Матвеевко. А то практику не зачту.

— Бог зачтет, Анатолий Петрович. Посмотрите, нет ли там в моих отчетах телефона комиссионки Покровской.

— Как нет, есть, конечно. Сейчас я тебе его скажу. А зачем тебе?

— Хочу одну деталь уточнить.

— Давай, студент, уточняй и возвращайся. Без тебя здесь скучно стало. Никаких новостей.

— Зато здесь у меня никакой скуки, — отпустил Рахманин. — Одни новости.

Рахманин сразу позвонил в Покровск:

— Здравствуйте, Светлана Ильинична. Не пугайтесь, что из милиции. Я Рахманин, я у вас был.

— Ничего себе «не пугайтесь», — сказала директриса. — Я милиции-то больше всего и боюсь.

— Больше всего? Больше пианино фирмы «Блютнер» с Белыми Перчатками?

— Нет, этих Перчаток я все-таки больше опасаюсь.

— Ага, вспомнили. Так вот, скажите мне, что эти Перчатки по ночам играли? Какую музыку?

— Я говорила вам: какую-то черную.

— Что значит «черную»? — переспросил Рахманин.

— Бог его знает. Только уборщица сказала, что черные лучи шли во все стороны. А потом эти Перчатки выскочили и отлупили ее как следует.

— Как отлупили, как в боксе?

— Нет. Они просто столкнули ее с лестницы. Она так и упала вниз до утра.

— Спасибо, Светлана Ильинична. А Красная Рука у вас больше не появлялась?

— Слава богу, не было.

— До свидания.

— Всего хорошего.

Какие-то странные мысли зашевелились в мозгу у Рахманина. Ему показалось, он понял, что эти фантомы-призраки-сгустки инородной материи не очень охотно контактируют с людьми. И вовсе не хотят их доставать.

Вроде бы ему ясно сказали, что эти Перчатки избили уборщицу. Ее даже с лестницы сбросили до утра. А он вдруг делает вывод, совершенно противоположный.

«Я почти твердо уверен в этом, — думал Рахманин. — Но почему?»

У Рахманина была одна черта, именно она привела его к юристам. Иногда он заранее твердо знал, как будут развиваться события. Он не мог объяснить, почему он это знает, но почти всегда оказывался прав.

Сейчас он попробовал понять, откуда взялось его решение, что эти монстры не хотят, а может быть, просто не могут обижать людей. Он представил себе картину: ночь, пустое здание, странные Белые Перчатки играют на пианино. Белые — значит, любят чистоту. Играют не на бильярде, не в домино, не в карты, а на пианино.

Чтобы играть на пианино, даже черными лучами учиться надо.

Играют эти интеллигентные Перчатки, а тут сторожиха тетя Поля или там тетя Клуша подходит и, скрипя всеми досками старого дома, в замочную скважину подглядывает. Неизвестно еще, что эта тетя выкинет — а вдруг милиция позовет с пистолетами.

Другие Перчатки могли тетю Полю запросто придушить, бутылкой по голове стукнуть и слинять. А эти всего-навсего ее с лестницы спустили. И еще эта тетя Параскева и дальше по ночам работала. Правда, без поллитры не соглашалась. Но с поллитрой-то запросто. Не иначе как она с этими Перчатками помирилась, а то и подружилась вовсе. Сидела себе и балдела, музыку слушала. Торчала то есть. Вот бы с Параскевой поговорить.

Но дальше события развивались так, что стало не до Параскевы. Как только Рахманин вышел на улицу, он едва не врезался в Черную Простыню, спокойно двигавшуюся по тротуару, как пиратский парус.

Слава богу, что у него была профессиональная реакция. Он не остановился, не отпрыгнул в сторону, и наоборот, попер на Простыню, как извозчик на буфет, будто он ее не видел.

Ни в коем случае нельзя было подавать вида, что он ее видит. Тогда бы она поняла, что замечена им, и неизвестно, что бы она после этого предприняла.

Простыня проскользнула мимо его лица, как молочная пенка при наливании молока в чашку, как тень от ветки дерева, не оставив ни малейшего ощущения при касании, и пофланировала дальше по улице.

Рахманин пошел за ней. Она двигалась в том же направлении, что Глаз и Кобра. Двигалась не спеша, обходя обтекая прохожих, иногда на сотую долю секунды задерживаясь у больших витринных стекол.

Странно: она была черная, но солнечные лучи проходили сквозь нее свободно, тени она не отбрасывала.

Дальше Простыня резко повернула в глуховатый переулок налево, и, если бы Рахманин последовал за ней сразу бы стало ясно, что он за ней следит.

Поэтому Рахманин прошел перекресток, чтобы купить сигарет и жвачки в газетном киоске.

Потом он долго курил в глуховатом переулке, сидя на поваленном дереве, и ждал. Он был уверен, что кто-либо из этой цветной организации опять проследует в ту же сторону.

И точно, по переулку шла девушка... Нет, Стеклянная Кукла в человеческий рост. Не шла, а парила над асфальтом, словно ее несло воздушным течением. Проплывая мимо Рахманина, она все время поворачивалась к нему лицом. И в конце концов вышло так, что дальше она уже плыла спиной вперед. Но Рахманин даже четвертью глаза не повел в ее сторону. Мало ли кого заносит порой в наши русские музейные города.

Пройдя следом за Куклой метров пятьсот по переулку, Рахманин снова остановился покурить. Дальше его повели огромные Зеленые Пальцы, летевшие вместе, как паянные, но не связанные большой зеленой ладонью.

Они вплотную подвели Рахманина к красному фабричному зданию дореволюционной постройки. Скорее всего, это был гвоздевой или замковый завод или молотковая фабрика. Он весь обнесен был старым кривоногим забором со старой кривоногой колючей проволокой.

Пальцы залетели за спину здания и скрылись где-то в высоких пыльных кустах в середине того же кривоногого забора.

Забор был обложен глухой крапивой и репьем. В одном месте через крапиву шла твердая, вся перекрученная тропинка. Рахманин пошел по ней и сразу оказался у роскошной полутораметровой дыры в заборе.

Дальше он увидел глухую огромную стену с одной-единственной полузаваленной дверью. Наверное, это был вход в котельную. Тяжелая железная дверь была прикрыта до половины кустами пустырника.

Рахманин не собирался туда заглядывать. Но вдруг услышал шум позади себя на тропе. Шла группа людей.

«А если это не молотковый завод, а секретный почтовый ящик? — подумал Рахманин. — А если здесь производят не кувалды, а штыки для армии? Меня же арестуют и сдадут в милицию».

Он шагнул к двери в подвал и, почти прижавшись к стене, стал спускаться по лестнице вниз. Получилось так, что последней в подвале оказалась его голова.

Когда он чуть-чуть привык к подвальному полумраку, его охватил ужас. Подвал напоминал слегка подсвеченный аквариум, в котором плавали... УЖАС... КАРА УЛ... И надо было бы бежать оттуда... без оглядки... А Рахманин почему-то сделал наоборот. Он деловито пошел вдоль трубы по стене, осматривая и шатая заржавленные вентили.

А все фигуры в подвале, наоборот, вдруг замерли. И Стеклянная Кукла, и Девушка с Красным Пятном, и Большая Обезьяна с Бритвой, и Черная Простыня, и Желтый Глаз, и Пятиметровая Кобра, и многие, многие другие.

Дойдя до старого угольного котла, который не работал уже больше тысячи лет, Рахманин деловито бросил туда несколько лопат угля и пошел к выходу. На всякий случай взяв лопату с собой.

У самого выхода он случайно ткнулся головой в какого-то не успевшего обскользнуть его монстра и почувствовал упругое и твердое сопротивление.

Монстр, очевидно, задержался на пути Виктора случайно, не случайно затвердел на тысячную долю секунды, он что-то хотел то ли узнать, то ли показать Рахманину. И Рахманин понял, что есть очень большая сила в этом бредовом сгустке материи.

Он сделал вид, что ничего не понял. Он брезгливо замахал руками, как человек, в лесу случайно налетевший на большое полотно паутины, что-то пробурчал сердитым типом:

— Запустили помещение! Вас бы самих сюда, черти! И, снова присев и упершись носом в дверь, выскользнул из подвала. На свет божий.

Путь за колючую проволоку был открыт. И Рахманин с облегчением пулей вылетел с территории фабрики, как сельский мужик, случайно забежавший в дамский туалет на вокзале.

С волосами, стоявшими дыбом, шагал он на улицу дяди Мирона, а над ним в двадцати метрах над землей чуть-чуть сзади летела Черная Простыня.

Она была над ним, пока он стоял в винном отделе, пока покупал хлеб, пока ехал в автобусе на вокзал.

сельский мужик, случайно забежавший в дамский туалет на вокзале.

С волосами, стоявшими дыбом, шагал он на улицу дяди Мирона, а над ним в двадцати метрах над землей, чуть-чуть сзади летела Черная Простыня.

Она была над ним, пока он стоял в винном отделе, пока покупал хлеб, пока ехал в автобусе на вокзал за билетом. И никто во всем городе, кроме Рахманина, ее не видел. А он делал буквально все, чтобы ее совсем не замечать.

Рахманин понял, что он на крючке. Что он «под колпаком», а вернее, «под простыней» у всей этой относительно честной компании и что вечером надо ждать гостей.

И опять что-то подсказывало Рахманину, что это не смертельно опасно.

Рахманин все время прокручивал в голове картину, которую сфотографировала его подкорка в подвале. Что это было? Бал привидений? Сговор чудовищ? Музей призраков или его собственный бред?

А может быть, это был коллективный поход в театр? Или исполнялся какой-то особый концерт для Белых Перчаток с оркестром? В самом конце зала он заметил что-то похожее на сцену в сельском клубе, какой-то помост. И ни нем, кажется, извивалась и текла лента Мебиуса.

И, кажется, с нее стекала в зал какая-то информация. И ленте определенно была какая-то масса. Весь зал замер мгновенно с появлением Рахманина, а лента еще две или три секунды двигалась, меняя цвет.

«Интересно, — думал Рахманин, — почему я стал их замечать? И, самое странное, почему я почти перестал их видеть?»

И тут он вздрогнул. Прямо перед ним на первом сиденье автобуса сидел зеленый контур человека. Когда у людей от резкой перемены позы идут круги перед глазами, иногда они бывают такого непрозрачно-зеленого цвета.

У человека, за которыми следят агенты ЦРУ, или КГБ, или другой государственной разведки, порой возникает желание подойти к агенту и сказать: «Здравствуйте, я Петров. Давайте познакомимся».

Рахманину тоже захотелось подойти к контуру и сказать что-либо подобное: «Здравствуйте. Ну, как дела, все зеленеет?»

Но никто к агентам ЦРУ почему-то не подходит и ни чем их никогда не спрашивает. Не стал этого делать и Рахманин. А на остановке он молча прошел через Зеленого Человека, как проходят люди через луч света в темном царстве или в автоматах метро.

Личное знакомство

— Дядя МIRON, — спросил Рахманин у хозяина об обедом, — у тебя нервы крепкие?

— Нет, — ответил дядя МIRON. — У меня нервы никуда

— А с виду ты такой спокойный.

— Это с виду. Я, как чего нервное вспомню, целую ночь потом не сплю.

В печке гудел огонь, начинались сумерки. Рахманин и дядя МIRON неспешливо ели за обеденным столом в комнате...

И вот началось.

Вдруг Рахманин увидел в окне большой Зеленой Череп размером с двухпудовую картофелину. Череп подлетел вплотную к стеклу, заглянул глазницами в комнату, покачал головой и резко взмыл в высоту. Рахманин понял: сейчас!..

— Дядя МIRON, выпей еще стопку.

— А ты чего же не пьешь?

— Я же непьющий.

— Хорошо это, — согласился дядя МIRON. — Сколько через нее бед в жизни получил и несправедливостей... А уж денег потратил! Вот сейчас не надо бы пить — утром плохо будет. Так ведь тянет. Выпить-то хотца.

Дядя МIRON выпил.

За окном появилась Черная Рука. В этот раз она не просто летала в горизонтальном положении — она пыталась пальцами открыть форточку. У нее это не получилось. Она улетела вверх.

Несмотря на самоуспокоения, Рахманину становилось жутковато. Он втянул голову в плечи.

— Что-то холодно, дядя Мирон. — Он намотал на шею шарф.

— Чего там холодно — жарко!

...Прошла минута... Еще одна...

Дверца печки отворилась, и из нее в комнату влетела уже не Черная — Красная Рука. Она была раскаленной. Теперь ее заметил и дядя Мирон.

— Э-э-э! — Он захлебнулся словами. Он показал Рахманину жестом то, что Виктор давно уже видел. Как ни странно, Рахманин подумал про себя в эту секунду: «Хорошо, что у меня шарф не синтетика».

Рука медленно, светясь, стала облетать комнату. Казалось, что она чего-то ищет. Она все ближе подлетала к Рахманину, и в этот раз он не мог делать вид, что ее не замечает. Мало того, что она светилась сама, она еще освещала своим светом комнату.

Рахманин сидел и в ужасе понимал, что приходит конец. Он уже решил нагнуться и схватить кочергу для самообороны. Хотя было абсолютно ясно: его битва обречена на поражение.

И тут он заметил, что Рука, пролетая над столом, даже ни капельки не обуглила лежащую на нем газету.

«Да она не такая уж раскаленная!»

Когда Рука приблизилась к его лицу, Рахманин закрыл глаза и замер.

Он почувствовал шевеление воздуха у лица, сквозь закрытые веки увидел свет, но ожидаемого жара не было, как не было и прикосновения пальцев к шее.

Рахманин слышал, как прохрипел что-то дядя Мирон и стукнула дверца печки. Потом все стихло. Он открыл глаза. В комнате все было по-прежнему. Никаких следов пожара или огня. Со стула почти до пола свисал дядя Мирон. Он был без сознания.

Рахманин кинулся к нему, стал приводить его в чувство. Дядя Мирон стонал и долго не мог ничего осознать. На горле у него были видны явные следы ожогов.

Рахманин вызвал «неотложку» по телефону. А сам решил уходить. Не хватало ему только давать объяснения врачам о Красной Руке и о Черепе за окном.

— Дядя Мирон, как ты себя чувствуешь?

— Ничего. Жив пока.

— Горло не болит?

— Вроде нет. Как бы отпустило.

Руки у него тряслись, по щекам текли слезы.

— Дядя Мирон, есть у тебя родственники в городе?

— Есть. Племянник Володя с женой.

— Могут они за тобой поухаживать?

— Могут, чего с ними сделается. Особенно Володя. Он меня любит шибко. И гостить у меня любит. Они с женой неладно живут.

Телефон у племянника был только рабочий, но жил он недалеко. Рахманин решил к нему зайти по дороге на вокзал.

— До свиданья, дядя Мирон. Не рассказывай особо о том, что мы здесь видели.

— А чего мы здесь видели? — сказал старик. — Ничего и не видели. — Но одной рукой он все-таки прикрывал горло, а другой пытался закрыть дверцу печки на задвижку.

— Спасибо тебе за все. Если что будет не так, звони. Мы к тебе с Виктором сразу на машине приедем. Жалко, что Александры Серафимовны уже нет.

— Жалко, — согласился дядя Мирон. — Она тебе шибко любила. Все говорила: «Что-то москвич долго не едет».

Виктор взял свой чемоданчик-портфель, взял из кучи перед печкой старый журнал «Человек и закон» и вышел.

В небе за ним никто не следовал.

До отхода поезда было два часа. Город погружался в темноту.

Виктор быстро нашел дом племянника. Передил Володе, что дядя Мирон заболел, и пошел на почту.

Он упаковал журнал «Человек и закон» в плотную бумагу, вложил туда герб-знак-символ и отправил в Москву, на свою фамилию до востребования.

Он хотел узнать секрет своего монстровидения. Если это герб притягивает к нему чудовищ, пусть он останется до лучших времен на Московском почтамте. А если дело не в нем, Рахманин всегда сможет его получить и будет держать дома как ценную реликвию.

История заканчивалась. По крайней мере заканчивался первый раунд. Последний подарок препода-

Рахманину железнодорожник, с которым они ехали в первом вагоне. Они долго беседовали о газетах, о событиях. И Рахманин, как всегда, свел разговор к невероятным историям — рассказал о Красном Пятне в Покровске.

Тогда железнодорожник под секретом поведал Рахманину свою историю:

— Мы однажды ехали по Ярославской ветке. Все как положено. Вдруг напарник показывает мне — на лобовом стекле какая-то пленка появилась. Будто капля нефти попала и все растекается. Она все больше и больше проявлялась, и разные цвета проступали.

— Как в цветном телевизоре.

— Похоже. Стали черные цвета выступать и другие. В общем, получился такой плакат — лицо женщины и руки вперед. Мол, стойте! Женщина просто молит. Мы с напарником стали тормозить. Сильнее и сильнее.

— И что же получилось?

— Получилось, что мы правильно сделали. Смотрим, дети по путям идут. Мы загудели что было сил. Они испугались и с рельсов спрыгнули. Перед самыми колесами. Мы снова ход набрали, смотрим, а женщины на стекле нет.

Антракт лет на восемь

Матвеенко сам приехал к Рахманину:

— Давай рассказывай.

Рахманин рассказал ему все, начиная с дома-призрака в Торжке и кончая женщиной на стекле и Зеленым Человеком в автобусе.

— Я понял: никого они не убивали. Их жертвы умирали сами от страха.

— Я тоже так решил, — сказал Матвеенко. — И очень на тебя боялся. Только на то и надеялся, что ты не из пугливых. Редко я встречал таких выдержанных людей.

— Я и был на грани. Нервы обострились до безумия.

— Но почему Рука дядю Мирона обожгла?

— Не обжигала она его, — возразил Рахманин. — Тут дело вот в чем. Я когда-то читал, что у многих людей

невероятная сила воображения. В Средние века пытали одного человека. Он был привязан к столу. Палач показал ему раскаленный железный прут, а к ногам приложил другой, совершенно холодный. Так вот — от прикосновения вздулся волдырь, как при ожоге.

— Я читал об этом, — сказал Матвееенко.

— Так и дядя Мирон. Он был уверен, что Рука раскалена. И что пальцы раскалены. Вот и проступили у него пальцы ожогом. А у меня ничего нет. — Он распахнул рубашку на груди. — А видеть эти сгустки материи я начал от невероятной взвинченности. Нервы были напряжены до предела... А может, этот герб имеет какую-то силу. А может, то и это. В общем, если захочешь, все замечать начнешь.

— Или с ума сойдешь, — добавил Матвееенко.

— Верно, — согласился Рахманин. — Так что я решил в этот мир больше пока не заглядывать. Может быть, лет через восемь—десять. А эту штуку, — он показал Матвееенко квитанцию на герб-символ, — я положу в сейф, пусть постоит пока.

— Приходи ко мне работать после вуза, а? — попросил капитан Анатолий Петрович.

— Может быть. Скорее всего, — ответил Рахманин.

Все. Надо было расставаться.

Когда они подошли к остановке трамвая, Матвееенко спросил, забираясь в вагон:

— Слушай, а Зеленый Человек, которого ты иногда видишь, он с тросточкой или нет?

Пластмассовый дедушка

Фантастическая повесть

Повесть для школьников и их родителей.
Что родителям непонятно, школьники им объяснят.

Вступление
Человек из космоса

В ту самую секунду,

когда у станции Перхушково ночь переходила в утро, там приземлилась космическая ракета. Причем не наша. Из другой цивилизации.

Это из созвездия Брошенные Шарикі прибыл космический дедушка — профессор Константин Михайлович, главный специалист по планете Зеленая Юла.

Зеленая Юла — так жители Брошенных Шариков звали нашу Землю.

В свою очередь Брошенные Шарикі по-земному означает Стожары.

В этот ранний час зеленоюльцы, то есть земляне, спали.

Профессор спустился по трапу, достал из кармана плоскую коробочку, раскрыл ее, вытащил несколько нилюль золотого цвета, проглотил их и отошел в сторону.

И с ракетой стали твориться странные вещи.

Кто-то невидимый разбирал ее на отдельные части и блоки.

Которые разделялись на совсем мелкие детали.

Ракета таяла на глазах.

Это была научная фантастика!

Мелкие детали складывались сами по себе.

Металл к металлу. Стекло к стеклу. Винтик к винтику.

А профессор в это время гудел. Так гудят трансформаторные будки.

Несметные дивизии комаров слетались на этот гул.

Из ракеты между тем получился склад.

Возникли бетонные столбы с табличками:

**ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН!
ОПАСНАЯ ЗОНА!**

**ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ!
СМЕРТЕЛЬНО!
СТОЙ!**

**ПРЕДЪЯВИ ПРОПУСК!
НЕ СТОЙ ПОД ГРУЗОМ!**

Ни один нормальный человек не решился бы подойти к этому складу. (Если он умел читать.) И довольный собой Константин Михайлович неторопливо зашагал в сторону ближайшего города. Не будем скрывать: это была Москва.

И не будем затуманивать: через три дня от ракеты Константина Михайловича не осталось ничего, кроме столбов и табличек. Потому что две старшие группы двух детских садов двух ближайших поселков включились в сбор металлолома.

Глава первая Происшествие в столичном метрополитене

Это случилось на станции «Киевская». На одной из стеклянных дверей висела записка:

**НЕ РАБОТАЕТ
НЕТ ХОДА**

Записка держалась, прижатая с обратной стороны длинной метровой щеткой. И всем было ясно, что дверь не работает и что надо бежать в соседнюю. Только одному человеку было неясно. Он думал, что это щетка не работает. Что у нее нет хода.

Непонятливым человеком был дедушка. С одной стороны, пожилой и старенький. А с другой — какой-то совсем новенький, модный, нарядный. Как будто чуть-чуть пластмассовый.

«Это же космический вездеход! — думал он. — В палке набор батареек. Ворс — это дым из движков. На щетку надо садиться, палкой надо рулить».

Дедушка увлекся. Достал коробочку с таблетками. Проглотил одну и загудел.

Дедушка был необычный. Он был специальный. Он прилетел на Землю в командировку. И, как всякий космический человек, он умел делать то, чего не умеют земляне.

Например, любой из нас может взять карандаш и написать слово «чашка» или может эту самую чашку нарисовать. А космический дедушка, проглотив золотую таблетку, мог создать такую чашку. Прямо у нас на глазах. Вместе с блюдцем.

Он мог создать чашку, ложку, трансформатор, моторный катер, космический вездеход-щетку, троллейбус, электричку, авианосец, стадион «Динамо», космическую ракету, автомат для продажи газированной воды и шесть вагонов канцелярских кнопок. Мог разобрать все это на мелкие части, раскидать по всему городу, растворить в воздухе. Только нужно было проглотить золотую таблетку и сосредоточиться. Или десять таблеток.

Дедушка проглотил золотую таблетку и сосредоточился. И через две минуты «щетка» работала. На ней можно было летать, а в ближайшем радиомагазине с прилавка исчезли вдруг все микрорадиодетали и вся медная проволока.

Но вернемся к щетке.

Как у нас в каждой деревне или рабочем поселке ребята и подростки постоянно шастают в разные стороны на мопедах, так и у них, в Брошенных Шариках, все жители с жутким треском носились на таких щетках по своим делам. И по магазинам.

Закончив работу, космический пришелец пошел дальше. А к дверям метро «Киевская» подбежал начальник станции.

— Тетя Паша! — закричал он начальническим голосом. — Слетайте-ка вы в управление и передайте им заявку на пять километров перил. Наши-то совсем износились.

Начальник любил свое метро. И думал, что все должны жить точно так же. Но у тети Паши свои соображения. Она считала, что уборщица в рабочее время обязана

разговаривать с дежурной, глазеть на народ, жутко отругивать приезжих с семечками. В крайнем случае, уж в совсем... может подмести пол... Но летать и управление... Уж избавьте. Это уже нахальство!

— Как же! — закричала тетя Паша. — Вот прямо сейчас сяду на щетку и полечу!

Тетя Паша была склочная и вредная женщина. И она любила демонстрировать свою скандальность. Она действительно тут же села на щетку... чтобы придать весомость своим словам, и... немедленно взвилась под потолок.

Нельзя сказать, чтобы тетя Паша была опытным летальщиком на щетках. Ее бросало и вправо и влево, от люстры к люстре и из одного конца станции в другой. И конце концов она врезалась в начальника, и они оба шлепнулись на пол.

— Караул! — сказал начальник. — Уборщицы летают! — Он подобрал свою начальническую фуражку и тихо-тихо вышел из помещения своей любимой станции.

Тетя Паша была цела, а щетка была сломана. Из нее посыпались на пол батарейки и проволоочки.

Глава вторая Телеграмма от индийского раджи

Тем временем пластмассовый дедушка Константин Михайлович подходил к самой центральной части города.

Он прошел через огромный прохладный вестибюль и встал около дежурной за барьером.

— Вы не видите? — сказала она. — Я занята.

Хотя она ничем не была занята.

— Я подожду, — согласился дедушка. — Вы делайте, делайте.

Хотя дежурная ну ровным счетом ничего не делала.

— Можете ждать. Только мест все равно нет!

В ответ на это в руках у дедушки что-то затикало. Это он достал из кармана плоский такой приборчик доброметр и включил его. При помощи доброметра про человека можно было узнать все. Надо было только

переключатель ставить в положения «Смелость», «Эгоизм», «Гордыня», «Мудрость», «Трудолюбие» и др. и смотреть за отклонением стрелки. И слушать его тиканье.

Ни мудростью, ни трудолюбием дежурная не отличалась. А «Жадность» показала самую большую. Приборчик даже задергался в руках.

Тогда дедушка уронил на каменный пол серебряную монетку. Она задребезжала на весь вестибюль.

Женщина сразу встрепелась:

— Ах, вы еще здесь?! Я же сказала — мест нет.

— Эва! Уважаемая! — удивился дедушка. — А двадцать четвертый номер? На шестнадцатом этаже? С окнами на шассу? Он же пустой!

— Да, сейчас он свободен. Но он забронирован для индийского раджи. Мы ждем раджу с месяца на месяц.

— По-напрасному ждете. Раджа не придет. Простудилась на охоте. Вон видите, телеграмма лежит.

Дежурная удивилась:

— Откуда?

— Почтальонка принесла. Намедни.

Она повернулась и взяла в руки бланк. Потрясенная дежурная полчаса смотрела на телеграмму. После этого она с ненавистью выписала квитанцию и подала ее дедушке.

— Не вздумайте водить посторонних. Мы вас в два счета выселим.

Дедушка взял бумажку и вошел в лифт. Двадцать четвертый номер на «шестнадцатом этаже» был, наверное, самым удобным в гостинице...

Глава третья Дома у тети Паши

Вечером тетя Паша — уборщица из метро со станции «Киевская» — пришла домой со свертком.

— Вот, — сказала она своим домашним, — любуйтесь.

Домашних было двое — муж и сын. Муж помалкивал, а сын сказал:

— Ну и чем тут любоваться? Отдельные сотрудники юрют отдельные орудия производства — щетки и палки.

— Щетки и палки! — возмутилась тетя Паша. — Где вы видели такие щетки? И такие палки? — Она затрясла свертком — и в стороны посыпались батарейки, лампы, проволочки и всякая прочая радиомелочь.

Муж ничего не сказал, а сын тети Паши был поражен.

Он работал инженером на заводе секретной радиоаппаратуры.

Глава четвертая Володя Удинцев и собака Астри

Начнем с того, что Володей Удинцевых было двое. Володя Удинцев — отец и Володя Удинцев — сын. Нам пока интересует Володя Удинцев — сын, то есть Володя Удинцев — мальчик.

Он учился в четвертом классе, но вполне мог бы сдать экзамен за восьмой.

Учение давалось ему легко и без труда. Впрочем, как и музыка, спорт, мытье посуды, хождение по магазинам и воспитание огромной собаки Астры — черного терьера. (А главным образом, ее пропитание.)

Все это Володя делал сам, в гордом одиночестве, потому что его папа и мама ежегодно уходили на кругосветное плавание на корабле «Витязь» с научной экспедицией.

Они целый год кругосветно плавали на своем корабле, битком набитом научной радиоаппаратурой, искали радио и всякую другую иную связь с иными космическими мирами, а Володя за них все делал. И учился, и за квартиру платил, и собаку воспитывал, и на кооперативные собрания ходил.

В эти дни он готовил Астру к осенне-летнему сезону, учил собирать белые грибы. Он давал ей понюхать сушеный белый гриб и говорил:

— Астри, голос!

— Бах! — говорила Астри.

Сначала Володя научил Астру искать полезные ископаемые: золото, бриллианты и нефть. И она очень быстро отыскивала ему в городе все бензоколонки, ювелирные магазины, а также двух студентов иностранных

негритянской державы, с ног до головы увешанных юльцами и драгоценными перстнями. Поэтому сейчас он не спеша переучивал. Давал понюхать сушеный белый гриб и говорил:

— Астра, голос!

— Бах! — говорила Астра.

Потом он прятал пять грибов в разных местах: под кроватью, под столом, на телевизоре, в шкафу и на книжной полке — и командовал:

— Астра, ищи!

— Бах! Бах! Бах! Бах! — говорила Астра под кроватью, под столом, у телевизора, у шкафа и: — Бах! Бах! — говорила она, встав на задние лапы около полки с книгами.

Хотя грибы, как правило, не растут на книжных полках, Астра должна была понять основной принцип — грибы могут быть в самых неожиданных местах. И на них надо лаять.

Глава пятая Утро в интуристовской гостинице

...Двадцать четвертый номер «на шестнадцатом этаже» был, наверное, самым удобным в гостинице. Окна его выходили на три разные стороны. Солнце влетало сюда в первые утренние секунды, а уходило, когда на улице внизу была уже поздняя ночь.

Дедушка спал. Вдруг внутри него зазвенел будильник. Он раскрыл глаза и нажал кнопку на груди. Звон прекратился.

Константин Михайлович проснулся, соскочил с кровати и стал делать зарядку. При этом он сам себе не нравился, потому что скрипел.

Дедушка быстро соорудил себе масленку с машинным маслом и смазал коленки. Для этого он открыл маленькие пластмассовые лючки на ногах. Скрип прекратился.

Дедушка сел к письменному столу. Взял блокнот и оставил список дел. Он был таков:

- 1) Отметить командировку.
- 2) Ознакомиться с городом.

3) Установить контакты с лучшими людьми.

4) Подготовить их к тому факту, что в космосе есть разумная жизнь.

5)

Пятый пункт был не заполнен. Вернее, он был заполнен, но специальными невидимыми чернилами. Потому что он был секретный. Если бы его осветили специальным секретным фонариком, то он выглядел бы так:

.....
Тьфу ты! Лампочка перегорела!

Никак не прочтешь этот проклятый пункт. Только очень умные и дальновидные люди, умеющие смотреть вглубь и видеть все насквозь, могут прочесть его. (Вглубь смотреть надо страниц на пятнадцать.)

Составив список, Константин Михайлович нажал на кнопку с надписью «Вызов горничной». И сразу началось удивительное. Во-первых, вошла не женщина-горничная, а мужчина. В черном костюме и белом накрахмаленном переднике. Он был средних лет, ближе к пожилому. Толстоватый и совершенно седой. Во-вторых, на столе сам собой затикал добромметр.

И в-третьих, что самое удивительное, это был не просто случайный мужчина — это был муж тети Паши Уборщицы из Московского метрополитена.

— Что хотите? — спросил горничный.

— Уважаемая... то есть уважаемый, можно мне посты чего-нибудь? К примеру, батерброд, щи или чего там.

Мужчина поклонился.

— А еще мне нужны газеты. «Сельская жизнь» у нас бывает?

Мужчина в переднике поклонился еще раз и вышел. Скажу сразу... то есть сразу, что это был не просто горничный. Муж тети Паши товарищ Карцев был начальником отдела кадров гостиницы. Был начальником над горничными, лифтерами, швейцарами, поварами, администраторами и старшими администраторами. Он мог спокойно сидеть у себя в кабинете и смотреть телевизор. Но его очень заинтересовал новый постоялец. Постоялец был явно неправильный. И муж тети Паши сам решил подежурить на «шестнадцатом

«тажу» и все разузнать. А настоящую горничную он отпустил:

— Идите домой, милая. Вам надо отдохнуть. Как-нибудь в выходной отработаете.

...Итак, он поклонился и вышел. А доброметр все равно стрекотал. Очевидно, человек был неподалеку. Пластмассовый дедушка насторожился. Поднял голову от стола, взял прибор в руки и пробежался по шкалам «Жадность», «Завистливость», «Ум». Показатели везде были высокие.

Константин Михайлович вытащил золотую таблетку, проглотил ее и уставился на входную дверь. Дверь постепенно стала проясняться и делаться все прозрачнее. Наконец она стала совершенно невидимой.

И наоборот, стал совершенно ясно виден горничный — муж тети Паши. Он стоял согнувшись и внимательно глядел в номер через замочную скважину. Своими лопатыными глазами.

С его стороны дверь оставалась все такой же. Это явление в учебниках называется «поляризация».

Глава шестая

Продолжение утра в интуристовской гостинице

Скоро горничный принес завтрак на подносе и газету «Сельская жизнь».

Дедушка позавтракал, прочитал новости с полей и из-за рубежа. Он сделал зеркальный пульверизатор и напылил себе зеркало на внутренней стороне шкафа. Попробовал. Спустился вниз в озелененный вестибюль.

За стойкой администратора сидела вчерашняя кипящая ненавистью дама. За прошедшую ночь она не стала очаровательнее.

— Уважаемая, — обратился к ней дедушка. — Вы не можете мне командировку?

«Уважаемая» даже не подняла на него глаз.

— Мне только надо печать поставить здесь. Что я прилетел вчера.

— Не знаю, когда вы прилетели... И к кому прилетели. И никакой печати «здесь» ставить не намерена.

«Если бы злость притягивала пыль, из этой дамочки получился бы отличный пылесос», — решил про себя дедушка и вышел на улицу.

Солнце заливало город прохладным золотом. Прохожие никуда не торопились. Все были веселые и добродушные. И доброметр в кармане дедушки не тикал, не верещал, а весело так позванивал:

— Дзины! Дзины! Дзины! Дзины!

И каждый раз дедушка останавливался на звонок и расспрашивал прохожих:

— Что это за здание, уважаемые?

— Это родильный дом. Дети рождаются.

— Дзины! Дзины!

— А что здесь расположено за зеленью?

— Здесь детский сад пивоваренной фабрики. Вон дети прыгают. К ним машина пришла с мороженым.

И снова:

— Дзины! Дзины! Дзины!

— А это что за здание такое, уважаемые?

— Это сама пивоваренная фабрика.

— А вот скажите: чему здесь так радуются?

— Здесь зарплату дают... А ты что, дед, интурист, что ли? Из Рязанских Соединенных Штатов? Или ты, дед, с луны упал? Откуда ты?

— Да почти што с луны, можно сказать. А как мы уважаемые, догадались?

— Да все ты звенишь да спрашиваешь. Звенишь, да спрашиваешь.

И тут пластмассовый дедушка закричал сам себе:

— Стой! Стой!

Прямо перед ним стояла огромная доска с фотопортретами:

ЛУЧШИЕ ЛЮДИ ГОРОДА

Константин Михайлович подошел и самым внимательнейшим образом изучать всю доску. Он запоминал лица лучших людей, фамилии и места их работы. Люди были такие:

Владимир Удинцев. Кандидат технических наук, научный руководитель кругосветной экспедиции на корабле «Витязь»

Академики Булкин и Бутылкин. Преподаватели Московского государственного университета.

Товарищ Бетономешалкин. Контролер-испытатель Центрального кефирного завода.

Гладков Геннадий Игоревич. Член Союза композиторов.

Сергей Залогуев. Сборщик высшего разряда Завода секретной радиоаппаратуры.

Григорий Борисович Карцев. Инженер Завода секретной радиоаппаратуры.

Это был сын тети Паши. Уборщицы из Московского метрополитена.

Глава седьмая Инженер Карцев ломает голову (при помощи Сережи Залогуева)

На Заводе секретной радиоаппаратуры все знали инженера Карцева. Он был молодым специалистом-общественником. Что-нибудь организовать, возглавить, или что-нибудь отозваться он умел лучше всех. Он обожал в едином строю выходить на сбор металлолома или делать так, чтобы рабочие все как один осваивали заводские участки.

А в секретной радиоаппаратуре он не больно шибко разбирался. Еще в институте, когда он был студентом, он не столько учился, сколько занимался общественной работой. Организовывал концерты художественной самодеятельности, походы за бесценной макулатурой, массовые протесты «против» или, наоборот, единодушные одобрения «за». И на изучение техники и аппаратуры времени не оставалось.

Вот сейчас сидел он в своем общественном кабинете на заводе и ломал голову над этой загадочной щеткой. Как она летает? Почему? И можно ли ее починить?

Видел он радиопередатчики, радиолокаторы, радиолампы, но радиолетающих щеток не видел никогда.

Сын тети Паши — Григорий Борисович снял телефонную трубку и позвонил в сборочный цех самому молодому и способному сборщику Сереже Залогуеву:

— Слушай, Залогуев. Дорогой мой человечек! Дело есть, чрезвычайной государственной важности. Зайди ко мне.

Залогуев быстро пришел. Григорий Борисович встретил его на пороге:

— Дорогой мой человечек! Славный мой Залогуев. Вот это нам из Генерального штаба передали. Захватили у империалистов. Летающее устройство для шпионов. Над ним в Генеральном штабе бились — не могли починить. Теперь по общественной линии нам передали. Чтобы мы в нерабочее время в порядке шефской работы щетку отремонтировали.

Залогуев внимательно слушал и на щетку смотрел. Но отличие от тетипашинского сына он отлично разбирался в технике. И абсолютно ничего не понимал в общественных линиях и империалистах.

— Ну что, Загогулин, сделаем? — спрашивал Карцев. — Выручим Генеральный штаб нашей славной генеральной армии?

— Попробуем, — сказал Залогуев. — Можно, я ее в цех заберу?

— Ни в коем случае. Там среди рабочих могут оказаться шпионы. Будем работать здесь. В послерабочее время и совершенно секретно.

Глава восьмая Почему Володя Удинцев не хотел брать ведро транзисторов

Почему? Почему?

Да потому, что он считал, что эти транзисторы краденые!

Только не надо шуметь. Надо все по порядку. А то спеша все запутаются. В ведрах, транзисторах и Володах.

Дело в том, что Володя очень нуждался в деньгах. Ему необходимо было заплатить за два месяца за квартиру, плюс за кооперативный гараж, плюс за телефонный разговор с Островами Зеленого Мыса, плюс за пять телеграмм в пять разных зарубежных портов о том, что у него все в порядке, плюс выделить деньги на ремонт

цветного телевизора «Юность-707». Телевизор проработал недолго, но зато стоил дорого.

На Володином карманном компьютере все это выглядело так:

$$156.80 + 8.00 + 227.30 + 8.50 \times 5 + 225.00 =$$

А у Володи в наличии было всего 200.00. Родители на тот срок вообще-то оставили ему 250.00. Но Володя купил незапланированную оранжевую майку, чтобы можно было без опаски ездить на велосипеде по черному шоссе. Да и сам незапланированный велосипед в комиссионном магазине. А тут еще объявился незапланированный ремонт телевизора «Юность-707».

Володя включил компьютер на столе в кабинете отца и изложил ему свои проблемы. На экране компьютера появился ответ: «Возьмите деньги в банке!»

После этого Володя взобрался на раковину в кухне и снял с верхней полки большую стеклянную банку с надписью «Деньги». В банке был один рубль.

Выход для Володи Удинцева был только один — самому починить цветной телевизор.

Это был хороший выход. С одной стороны. А с другой — нехороший. Для ремонта нужны были транзисторы. И они были. Сосед Удинцевых по лестничной площадке Иосиф Сергеевич Залогуюв принес Володе их целое ведро. Кажется, все прекрасно... Но дело в том, что транзисторы он унес с Завода секретной радиоаппаратуры. (Где он работал вместе со своим сыном Сережей Залогуювым.) И они были краденые, ворованные, что ли... Поэтому бабка Астра сердито косилась на Залогуюва.

— Чудак ты! — успокаивал мальчика старый сосед. — Они штучки не ворованные.

— Как — не ворованные?

— А так. Там их целая свалка на заводе. Когда приборы пытаются на долговечность, на температуру, их после испытания разбирают на части и смотрят, как что работало. А потом разобранные части на заводскую свалку везут. Я их на свалке и подобрал. Так что они не ворованные, милок. Это ведро ворованное. Я с завода все время ведра выношу.

— Почему — ведра? Как — ведра?

— А так. Я или краски наберу полное ведро и иду как маляр. Или земли с цветами возьму и шагаю будто и садовник, милок. Сторожа меня и пропускают. А потом и краску вылью, а ведро продам. Я ведь, милок, пьяница.

Взгляд у собаки Астры смягчился.

Во время этого сложного психологически-воспитательного разговора раздался звонок.

Володя открыл дверь и увидел пластмассового дедушку.

— Здравствуйте, уважаемые, — сказал Константин Михайлович. — Скажите, уважаемые, Удинцев В. здесь проживает?

— Здесь, — сказал мальчик. — Это я.

— Мне, наверное, нужен ваш родитель. Взрослый Удинцев.

— Это мой папа. Они с мамой в плавании. Еще не скоро вернутся. Но вы проходите.

Увидев, что пришел гость, Залогуев Иосиф Сергеевич тихонько удалился, высыпав транзисторы из ведра на журнальный столик.

— Эва! Да тут есть неисправные! — сказал дедушка. — Сейчас мы их отсеем. — Он стал отбрасывать плохие триоды в сторону. При этом определял неисправность на ощупь, без приборов. — Бывалишные проводники. Старинушка, — добавил он. — У нас такие только на раскопках находят.

— А вы кто? — спросил мальчик. — Вы откуда?

— Я с космоса, — ответил дедушка. — Прилетел по делам. Охота познакомиться. Мы в Брошенных Шариках живем.

Володя сразу притащил большой звездный атлас:

— А где ваши Шарики расположены?

— Вот здесь, по соседству.

— Так это же Стожары. Такое созвездие.

— По-вашему выходит — Стожары, по-нашему Брошенные Шарики.

— Вам никто не поверит, что вы оттуда, — заявил мальчик.

— Почему еще?

— Потому что даже свет оттуда идет несколько тысяч лет.

— Так он, может, не спешит никуда. А я, может, очень торопился, к примеру.

— А почему вы так разговариваете странно?

— Как — странно?

— Будто вы деревенский.

— А я и есть деревенский. Брошенные Шарик — это ж деревня такая в космосе. Городского типа.

— И там все так разговаривают?

— Нет, мы разговариваем не так. У нас ультразвуковое наречие. Тр...тр.....!!! Ясно?

— А где вы учились по-земному разговаривать? По-русски?

— По-русски? В селе Троицком под Переславом. Я там был на практике. Я будто бы студент заграничный был. Из булгахтерского института. И два месяца картошку собирал.

— И никто не догадался, что вы из космоса? — спросил Володя.

— Никто. Я еще окрашен был в синий цвет. Будто я из Африки булгахтер. Меня туды на летающем блюде сбросили. А после через два месяца в обрат взяли.

— А можно спросить?

— Спрашивай, не жалко. Меня от этого не убудет.

— Зачем вы в этот раз на Землю прилетели?

— Я же толковал. Познакомиться охота. Дружбу установить с населением местности. Чтобы вы знали, что мы рядом живем. Что — соседи.

— Хорошо, — сказал мальчик. — Только мой папа вам ни за что не поверит. Он всю жизнь сигналы из космоса ловит. У него весь корабль «Витязь» радиоаппаратурой набит. И радиотелескопы есть, и электронные ловушки. Он любой сигнал заметит. Но если к нему домой придет гражданин и скажет: «Здравствуйте, я из космоса. Из «тожар», — он будет считать, что его разыгрывают.

— А что, если я сделаю так? — спросил дедушка. Он шмыгнул на стуле, уставил глаза в стенку и загудел. Из его глаз, как из кинопроектора, полились на стену два пучка белого света. На стене они слились в одно овальное пятно. И как на экране телевизора, стали возникать четкие-пречеткие картины.

Сначала вид на Стожары из космоса. Потом постепенный наезд. Вид одного из ста жарких стожаров-

ских солнц. Дальний наезд. Вид одной из планет. И все цветное...

Планета из шарика превращается в глобус. Из глобуса — в громадный шар. Вот один из материков в зеленом океане. Вот один из городов...

И все цветное. Двигающееся, куда-то торопящееся...

Вдоль и поперек, вверх и вниз двигались разные машины. Всюду шастали прохожие на космических вездеходах. Странные летающие звери паслись на зеленых летающих клумбах. Велись грандиозные спортивные соревнования. Стояли очереди за газированной водой. Люди, звери, птицы, деревья, цветы, грибы. Как только появились грибы, собака Астра сказала: «Бах! Бах! Бах-бах!»

Никакой «Клуб кинопутешествий» не смог бы сравниться с этим зрелищем. И я, ребята, оставляю одну чистую страницу, чтобы вы сами, а еще лучше — чтобы ваши знакомые взрослые художники нарисовали бы вам это потрясающее и любопытное зрелище.

ЗДЕСЬ ВЫ РИСУЕТЕ САМИ

А ЗДЕСЬ ПУСТЬ РИСУЮТ ВЗРОСЛЫЕ ХУДОЖНИКИ

— Ну что? — спросил гордый пластмассовый дедушка. — Какое впечатление?

— Изумительно, — ответил Володя. — Я такого никогда в жизни не видел. Только ученые вам все равно не поверят.

— Почему?

— Потому что они чудики. Они решат, что вы гипнотизер, парапсихолог, кто угодно. Только не космический пришелец.

— Не понимаю.

— Они уже взрослые. Они уже все знают и обо всем по своему судят. Даже о том, чего вовсе не знают.

— Изумительно! Действительно чудики!

Володя Удинцев увидел, что космический гость не очень ему верит, и поменял тему.

Он накормил дедушку обедом. Потом они оба взяли за цветной телевизор «Юность-707». Просто мигом починили его. Обменялись телефонами и расстались.

— Спасибо, уважаемый! Спасибо, молодой юноша! говорил Константин Михайлович, спускаясь по лестнице.

— Звоните в любой день! Приходите! — кричал сверху владелец исправленного телевизора «Юность-707» и больше половины целого ведра транзисторов.

Глава девятая Муж тети Паши лично убирает номер

— Ж-ж-ж-ж-ж!

«Этот клиент из двадцать четвертого номера не иначе как колдун! — думал начальник отдела кадров тов. Карцев, он же муж тети Паши, он же горничный на шестнадцатом этаже. — Вот здесь в ковре была дырка. Сейчас ее нет».

— Ж-ж-ж-ж-ж!

«В ванной раковина отваливалась. Теперь стоит как влитая. Диван не скрипит. И радио, и вентилятор, и шторы — все работает».

— Ж-ж-ж-ж-ж!

«Ну просто нечистая сила здесь поселилась!»

— Ж-ж-ж-ж-ж!

И под жужжание пылесоса он принял решение быть очень и очень осторожным!

Глава десятая Про лучшего человека товарища Бетономешалкина

Тов. Бетономешалкин — работник кефирного завода — был хороший человек. Его все любили — дети, лифтеры, сотрудники.

Он был такой глазастый, толстый, приветливый. До тех пор, пока его не назначили лучшим человеком города. Вот тогда-то и начались его неприятности. Его все стали узнавать.

Стоило ему чуть-чуть опоздать на работу, вахтерша говорила:

— Что это? Товарищ Бетономешалкин, вы лучший человек, а опаздываете.

Дочь Катерина постоянно делала замечания:

— Папа! Вот ты лучший человек, а ботинки не почистил!

И даже соседка по дому сказала однажды:

— Очень странно! Вот вы лучший человек, на Доске висите, а ваша собака мою Пальму укусила!

В конце концов Бетономешалкин взорвался и прилетел в администрацию. К самому главе:

— Снимите меня с этой проклятой Доски!

— Не имеем права! Это решение коллектива.

Глава был железный человек. Он решений не менял. Тем более — решений коллектива. И фамилия у него была такая современная: товарищ Съездов.

— Я не лучший человек! — бушевал Бетономешалкин. — Я ботинки не чистил. Я деревья не посадил. Я маму на деревни не выписал. Моя собака Пальму укусила.

Глава обнял Бетономешалкина и сказал:

— Ну что же это вы? Лучший человек города, а так на себя наговариваете.

— Ах так! — закричал Бетономешалкин. — А это вы видели?

Он вытащил из карманов бутылку кефира, четыре пакета клюквы и пять новеньких творожных сырков с изюмом.

— Это я с производства унес! Утащил! Мне их дали испытывать, и я забрал!

— Сегодня?

— Вот именно. Сегодня, когда мы все должны воспитывать нового человека!

— Стало быть, кефир сегодняшней, — продолжил глава. — Свежий. Вы не возражаете, если я его у вас отниму? Жена велела купить, а у меня ну ни минуты свободного времени нет. В магазин выйти.

У Бетономешалкина пошли шары перед глазами. Он повернулся и вышел из администрации, проломив соборную дверь.

Глава одиннадцатая
Композитор Гладков Геннадий Игоревич
играет на гитаре

Известный композитор Геннадий Игоревич был в это время в жутком настроении. Он лежал на жутком диване под жутким пледом с жуткой температурой 45 °С, но не расстраивался. Он играл на гитаре и пел старинный романс про любовь:

Ля-ля, мур-мур,
Ля-ля, мур-мур,
Ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Мур-мур...

Почему он так странно пел? Потому что романс был французский, а из всего французского языка он знал лишь одно слово L'amour (ля мур).

Глава двенадцатая
Секретный пункт в списке дел
пластмассового дедушки

Со временем секретные чернила меняли свои свойства. Секретность из них выветривалась, а текст проявлялся. Он был таким:

5) Выяснить, не появлялись ли на Земле агенты из того черного созвездия Минус Миллиард? Или все неприятности, которые случаются на Земле, имеют земную основу?

Глава тринадцатая Теория относительности иногда действует

— Эва как! — кипел пластмассовый Константин Михайлович. — Прилететь сюда из космосу невозможно! Быстрее света ничего не летает! Забили им головы!

Это он переживал после разговора с Володей Удинцевым.

— Теория относительности! Ерунда какая-то! Быстрее света, к примеру, летает яркий свет! А как быть с темнотой? А кто скажет, с какой скоростью летает темнота? Она в этом смысле поповаднее будет. Устарела наша теория.

Тут он увидел администрацию.

— Эва! Надо отметить командировку!

Он прошел к кабинету главы администрации товарища Съездова. Секретарша бросилась к нему наперерез:

— Вы к кому?

— К вашему начальнику, уважаемая. Охота командировку пометить. Он здесь?

— Нет, его здесь нет. Он на совещании в министерстве.

Дедушка вытащил коробочку и проглотил пилюльку. Посмотрел на дверь кабинета, и она в минуту прояснилась. Стала прозрачной. Стало видно, что за столом сидит крепкий дядька лет шестидесяти и что-то пишет.

— Уважаемая, — сказал дедушка, — вы сообщили, что его нет. А он здесь находится.

— Понимаете, относительно кабинета и стола он здесь. А относительно посетителей его нет. Он на совещании в министерстве.

— Почему?

— Чтобы ему не мешали работать. Ему надо решить, что делать с карандашной фабрикой. Видите, как коптит фабрика. Всем нам жить мешает. И вам тоже, дедушка.

Константин Михайлович посмотрел в окно. Трубы дымила.

— Так что никому не говорите, что его видели. А вы, наверное, фокусник, иллюзионист?

— Относительно вас я фокусник, — согласился дедушка. — А вообще-то относительно космосу — деревенский мы. Аккурат сельские.

Он раскланялся и вышел.

Глава четырнадцатая
Сереза Залогуев ломает голову
(при помощи инженера Карцева)

Сереза Залогуев все удивлялся на империалистов — как далеко ушли! У него от одной маленькой батарейки пять часов работал микропаяльник, а батарейка и не думала садиться. (То есть ослабевать.)

— Ну что, дорогой мой человечек? Скоро полетим милый ты мой Загогулин? — говорил инженер Карцев. Из Генерального штаба все звонят. Спрашивают.

И действительно, все время раздавались звонки. Один важнее другого.

— Слушаю, товарищ генерал. Так точно, товарищ генерал. Еще не обедали. Все трудимся. Колбасы купил, товарищ генерал. Любительской триста грамм и сыра. А мне на картошку денег не давали, товарищ гвардии генерал. Это пусть маршал покупает... А я тут при чем? Если вынужден маршал по вечерам не является, вы ему на работу в Генштаб жалобу накатайте. А то и просто мокрой тряпкой его, товарищ генерал, пару раз огрейте. Это дисциплинирует.

— Ну как, починим? — спрашивал он после разговора у Залогуева.

— Раз из Генерального штаба спрашивают, — отвечал Залогуев, — значит, починим. Я пока не понимаю, как она устроена. Я только чувствую, что это хорошая вещь. И мне присоединяю, как было.

Он паял. Младший Карцев приводил в порядок справки про металлолом. И время шло.

Когда работаешь, время незаметно летит и ничего не помнишь. Час прошел, еще час... Еще сколько-то времени

не помню сколько. Еще чего-то прошло. За окном высунулись и обратно засунулись звезды, и тут Сережа Залогуев сказал:

— Все готово. Будем пробовать.

Он взял щетку, как берут деревянного коня, нажал выключатель и немедленно перекувырнулся в воздухе. Потом рванулся вверх и выскочил из пиджака. И носило его и мотало по комнате не хуже, чем тетю Пашу в свое время.

— Стой! — кричал тов. Карцев. — Стой, чертов Залогуев! Я сейчас тебе руки-ноги пообломаю, дорогой мой человечек!

— Не могу! Не умею останавливать! — кричал в ответ Залогуев.

— Не надо было включать! — вопил Григорий Порисович, бегая за ним.

— Куда?! Куда?! — завопил он во весь голос, когда увидел, что Сережа нацеливается вылететь в окно.

— В Генеральный штаб! Работу показать!

— Я тебе покажу «показать»! Какой такой штаб?! Не дам! — Он ухватил Сережу Залогуева за пролетающую штанину. — Назад!

Но получилось не назад, а вперед. Неведомая страшная сила подхватила его, вытащила в окошко вместе с Сережей и понесла над крышами города...

Глава пятнадцатая
Куда девался тов. Бетономешалкин
и откуда взялся Батономахалкин

Пластмассовый дедушка отошел от справочного бюро, держа в руках бумажку с адресом тов. Бетономешалкина:

ПРОЛЕТАРСКИЙ РАЙОН, УЛ. ИМЕНИ ОБРАБАТЫВА-
НИЯ МЕТАЛЛОВ, ДОМ 1100, КОРП. 1200, КВ. 1350.

Константин Михайлович сел в такси и отправился на эту улицу. Найдя среди всех домов дом 1100, а среди всех

корпусов корпус 1200, он позвонил в квартиру 1350. Дверь открыл глазастый упитанный мужчина.

— Здравствуйте, уважаемый. Мне охота увидеть товарища Бетономешалкина. Он кефир испытывает.

Глазастый мужчина сказал:

— Это я.

Он открыл дверь стоя на четвереньках. Так он и стоял, чуть-чуть приподнявшись. На нем верхом сидела девочка. В руках он держал тряпку. Очевидно, он протирал или Работал телевизор. Что-то патриотическое играл приемник. Что-то народное лилось из проигрывателя.

Из квартиры так и плеснуло теплом и уютом. Нет, не зря все так любили товарища Бетономешалкина. Очень он был родной и обаятельный.

— Мы живем по соседству, — сказал дедушка. — Я из космоса. Давайте знакомиться.

— А почему вы ко мне пришли?

— Как же. Вы ведь, к примеру, лучший человек города.

— С чего вы это взяли?

— С Доски почета.

— Вы все перепутали, — возразил Бетономешалкин.

На этой Доске почета меня нет.

— Как так — нет?

— А так как нет. Проходите в квартиру.

Он провел дедушку в дом.

— Куда мне одежку повесить? — спросил дедушка.

— Никуда. Вы ненадолго.

Он вывел дедушку на балкон в кухне и снял большой бинокль с гвоздика:

— Смотрите.

Космический делегат взял бинокль и провел по панораме города, пока бинокль не уперся в Доску почета.

Волосы на голове пластмассового дедушки встали дыбом. Вместо веселого глазастого Бетономешалкина на доске висел мрачный дядя с усами, выходящими из рамки. С бородой. И фамилия у него была другая Батономахалкин.

И работал он уже не на кефирном, а на кофейном заводе. Ничего себе!

Константин Михайлович растерялся, раскланялся и ушел.

— Ну что? — спросил товарищ Бетономешалкин у дочки Катерины. — Правильно мы сделали, что все перерисовали? Теперь нам никто замечаний делать не танет.

— Папа, — сказала верховая девочка, — вот ты лучший человек в городе, а по ночам по клумбам ходишь и к портретам усы подрисовываешь и бороды, и фамилии исправляешь.

— Караул! — тихо сказал Батономешалкин, нет — Бетономешалкин с кефирного, вернее, с кофейного завода.

— А он сказал, что он из космоса, — продолжала дочка. — Это откуда?

— Наверное, кинотеатр такой. Выступать для них надо.

— Некогда нам выступать, — сказала девочка, — у нас полы не везде еще достаточно сверкают!

Глава шестнадцатая Обед раздраженного космического гостя

Пластмассовый дедушка был раздражен:

— Они не доверяют, что я из космоса. Они думают, что я обманщик какой.

Он позвонил по телефону Володе Удинцеву:

— Алло, это кто? Кто разговаривает?

— Это я — Володя.

— А это я — Константин Михайлович беспокоит. С космосу. Больно поговорить есть охота.

— А вы приезжайте, — пригласил Володя.

— Лучше вы приезжайте. Мы здесь пообедаем. Поедим есть.

Володя расспросил поподробнее — где они собираются обедать. Надел оранжевую майку и выехал в сторону центральной гостиницы.

Дедушка сидел за столиком и ждал. Никто к нему не подходил. За соседним столом сидели два толстых господина и обедали. Им все время что-то подавали. На столе у них стояли полувыялые астры. У дедушки на столе была пустая.

Константин Михайлович достал таблетку из папочки, проглотил и внимательно посмотрел на вазу. И постепенно в ней стали прорисовываться темные прутья. Потом зеленые листья и красные бутоны.

В вазе появились сверхсовершенные полиэтиленовые розы. Совершенно как настоящие. Не отличишь. Только лучше.

Когда картина была дорисована, к столу подошла строгая заведующая и спросила:

— Постоялец, вы откуда приехали?

— Сюда?

— Ну да, сюда. К нам в гостиницу.

— С Переславу-Залесского.

— Вам цветы не положены.

Она взяла вазу и понесла на другое место. Но чем дальше она отходила от дедушки, тем больше розы теряли цвет. И когда она поставила вазу на отдельный маленький спецстол, розы совсем исчезли. Вазы стояла, а роз не было.

Заведующая вытаращила глаза и пошла обратно. Цветы стали появляться. Она поставила вазу на место, бросила на стол к дедушке меню и ушла, ничего не понимая, оставшись очень раздраженной.

Вошел оранжевый Володя Удинцев. Он сел к дедушке. И оба стали ждать.

А вокруг маленького спецстолика кипела жизнь. Тут же принесли салфетку, вилку, ложки. Поставили разные тарелки.

— Быстрее, быстрее! — говорила заведующая официантам. — Сейчас он придет.

— Он сейчас придет, а мы уже здесь! — сказал Константин Михайлович.

И вот, когда очередная официантка бежала к столику с очередным подносом, одна тарелка затормозила, остановилась в воздухе и приземлилась на дедушкин столик. И каждый раз то бутылка с водой, то жареная картошка с мясом, то подливка задерживались на месте, словно спотыкались, и прыгали на стол к Володе и к пластмассовому Константину Михайловичу.

«Охота узнать, — думал дедушка, — кто это придет? И что так ему служат?»

— Здесь, наверное, будет обедать какой-нибудь важный иностранец, — сказал Володя. — Посол или президент. А может быть, африканский вождь.

Но вошел небольшой очкастый Карцев. (Начальник над кадрами гостиницы, тети-Пашин муж.) И все еще больше забегали. Даже Володя заметил:

— Такой маленький, а все его боятся.

Все боялись Карцева, а он, совершенно ясно, опасался пластмассового дедушку. Он даже поклонился ему два риза издалека. И один раз, на всякий случай, — Володе.

Тотчас же официантка бросилась к их столику:

— Что будете заказывать?

— Уже ничего, милая. Уже благодарствуем. Разве мороженое для мальчишки.

— Какое будете брать — апельсиновое, шоколадное, клубничное, сливочное, фруктовое, молочное, пломбированное, крем-брюле?

— Вот это, — остановил ее дедушка. — Крем в руле.

Через минуту «крем в руле» был водворен на стол.

— Слушайте, молодой юноша, что я вам растолкую.

— Константин Михайлович, — попросил Володя, — можно, я мороженое съем? Оно меня отвлекает.

— Ради бога! Ради бога! Вы ешьте. Кушайте. Я погожу. Пока он ест мороженое, можно прочитать главу № 17.

Глава номер семнадцать Необитаемый остров в центре города

Летающая щетка несла Залогуюва и инженера Карцева над городом. Они пролетели мимо спящего небоскреба гостиницы для интуриста. (Слава богу, что мимо!)

Их пронесло над широкой трубой карандашной фабрики. Оттуда шел густейший черный дым. Из струи дыма они выбрались как два самых черных трубо-чиста.

Врезались они в стаю воющих галок и ворон. И вылетели с карманами, набитыми воронами и галками.

И вдруг их швырнуло на какую-то огромную зеленую поляну.

— Ура! — закричал Карцев. — Да здравствует! Приземлились!

Но радовался он рано. Лужайка была нарисована на крыше какого-то чрезвычайно массивного высокого здания. Именно нарисована — для маскировки.

И тогда Карцев понял, что это было за здание. Это и был Генеральный штаб. На крыше стояли зенитки, замаскированные под яблони. Лежали ящики со снарядами, замаскированные под ящики с яблоками.

Все чердачные двери были заперты и опломбированы

А сами Карцев и Залогоев сильно смахивали на двух негритянских шпионов из Америки. Им даже не очень хотелось кричать и привлекать к себе внимание.

— Все ясно! — сказал Григорий Борисович Карцев. Это необитаемый остров. Я — Робинзон. А ты — мой Пятница.

Сережа Залогоев изучал пломбы и ящики.

— Но если судьба не выкинула сюда несколько бочек с провизией, людоедом буду я, — закончил свою тиряду Карцев.

А вокруг закипел город. Ходили маленькие автомобили, и в опломбированные бинокли можно было видеть окна всех домов.

В том числе окна гостиницы для иностранных туристов

Глава шестнадцатая
Продолжение после того,
как Володя съел мороженое

— Итак, слушайте, молодой юноша, что я вам растолкую, — сказал Константин Михайлович...

И он растолковал, буквально по буквам, Володе следующее.

На свете есть созвездие Стожары. Жители этого созвездия несут в мир добро. Их знак — «+».

Но в космосе есть Черная Дыра. В ней живут существа со знаком «-». Иногда они вылезают из Дыры, сеют кругом зло, зависть, гордыню, эгоизм.

Если встречаются два космосца... нет, космосчанины или космича... в общем, если встречаются два жителя

космоса с разными знаками, получается грандиозный взрыв. Какой произошел в 1911 году на Тунгусской межкосмической конференции.

Теорию Черной Дыры на Земле разработали два академика — Булкин и Бутылкин. По-научному теория сводится к одной формуле:

А по-простому формулируется так: «Добро тянется к добру, а зло — к злу».

(Например, противный и вредный человек Карцев-старший собрал в своей гостинице очень вредный обслуживающий персонал. Проще говоря, негодяев. А хороший человек научный руководитель экспедиции В. Удинцев (Володин папа) собрал у себя на корабле просто самых замечательных ученых и матросов.)

В задачу созвездия Брошенные ШарикИ входило оттаскивание Зеленой Юлы, то есть Земли, от Черной Дыры.

Для первых контактов и разъяснений и был на Землю брошен пластмассовый дедушка Константин Михайлович.

Володя Удинцев был потрясен.

Глава восемнадцатая Маршал получает тряпкой по шее

В этот вечер Карцев-старший — «маршал», с одной стороны, и Карцев-младший — «шеф Генерального штаба», с другой стороны, во все глаза следили за пластмассовым дедушкой. Тети-Пашин муж — в лимочную скважину, тети-Пашин сын — в бинокль (военный, ночной, 120-кратный).

Константин Михайлович не подозревал о слежке. Он был занят важным делом — выходил на связь с родными (тожарами).

Достал коробочку-папку, вынул золотую таблетку, проглотил и стал вырисовывать в пространстве перед собой контуры радиосветотемнотопередатчика сверхдальней связи.

На голове у него возникли наушники с короткими дырчатыми антеннами, перед ним выстроился пульт

настройки со всякими стрелками и лампочками, сбоку постепенно возник из ничего платиносеребряный трансформатор для преобразования электрической энергии в космическую.

«Ну и техника! — подумал Карцев-младший, лежи на животе на крыше Генерального штаба и гляди в 120-кратный бинокль. — Чистый космос! Фантастика!»

«Ну и бесовщина! — считал Карцев-старший, стоя на четвереньках и глядя на выросшие рога через замочную скважину. — Просто бесовщина какая-то. Нечистая сила!»

Константин Михайлович сосредоточился, включил ручки пульта и стал передавать в космос сигналы. Это был почти свист, почти вой. Звуки понеслись над городом.

«Точно! Космическая связь!» — понял Карцев-младший, инженер, на своей крыше.

«Вот и завыл по-бесовски!» — решил Карцев-старший за своей замочной скважиной.

И в это время сначала в гостинице, а потом во всем городе погас свет.

Когда снова стало светло, можно было подвести итоги. Они были таковы:

1. Трест Горэнерго недосчитался многих тысяч киловатт электроэнергии.

2. В гостинице перегорели все предохранители, и очень многие постояльцы в темноте перепутали свои комнаты. А многие долго сидели в лифтах.

3. Тети-Пашин муж в темноте надел чужое женское пальто. За что и схлопотал мокрой тряпкой по шее от разгневанной тети Паши.

4. Константин Михайлович из космоса получил выговор за то, что он до сих пор не отметил на Земле командиром В Брошенных Шариках дисциплина была строгая.

5. Все телевизоры в районе 10 минут не работали.

Глава девятнадцатая Ночь, полная решений

В эту темную ночь было принято много важных решений.

Карцев-старший и Карцев-младший по отдельности решили во что бы то ни стало раздобыть эти чертово-космические пиллоли.

Космический дедушка Константин Михайлович принял решение закончить пребывание на Земле и начать отбывание в холодную родную бесконечность.

Железный человек — глава администрации принял решение убедить администрацию закрыть к чертовой матери карандашную фабрику, чтобы она не коптила город и народ. А все грамотное население перевести на авторучки или пишущие машинки.

Такое решение скоро и было принято администрацией.

Володя Удинцев принял решение готовиться к поездке в Прошенные Шарикки. А отсюда вытекло решение усилить занятия математикой. А отсюда еще одно — принять участие в главной городской математической олимпиаде.

Автор этой книги принял решение начать жизнь заново и стать другим человеком. Хватит!

Глава двадцатая Где зимуют академики

Константин Михайлович ходил от одного киоска Горсправки до другого и «сумлевался»:

— Я так про себя думаю: что я за человек? Всю жизнь протрудился, а толку никакого нет. Особливо здесь, на Земле. До сих пор дружбу не наладил. Командировку не отметил. Про ненавистников из Черной Дыры ничего выведать не сумел.

В первом же киоске он получил адрес композитора Гладкова Геннадия Игоревича. С адресами академиков Пулкина и Бутылкина выходила какая-то ерунда. Их категорически не выдавали:

— СПРАВОК НЕ ДАЕМ!

— Ну почему?

— Такая инструкция.

— Дайте мне ее посмотреть, уважаемая.

— Ни в коем случае. Она закрытая. Для сотрудников.

Клиентам ее читать нельзя. Можно только соблюдать.

Но дедушка уперся. Он ходил от ларька до ларька и добивался правды.

— Нам не рекомендуют, — ответил пятый, пожилой ларек.

— Уважаемый, почему?

— Из-за того, что женщины академиками очень интересуются. И шпионы.

— Какие женщины? Какие шпиены?

— Женщины наши, а шпионы иностранные.

— Почему? Для чего? Зачем? — сыпал дедушка, как пятилетний малыш на экскурсии.

— Потому что они очень много знают и очень много зарабатывают.

— Я, уважаемый, не шпиен и не женщина, доказывал Константин Михайлович. — Я, может, просто ихний сродственник.

Интеллигентный пожилой ларек пошелестел бумажкой:

— Про родственников ничего не сказано. Но раз вы родственник, вы и так должны знать адрес.

Константин Михайлович был сражен этим доводом. Он и отошел, бормоча: «Может, мы потерялись сызмала. ства... дескать, нас какая-то сила развела... а что, если, к примеру, нас война разбросала...»

Тут человек из ларька закричал вслед:

— Товарищ Булкин! Товарищ Бутылкин!

Дедушка сообразил, что это ему, раз он «сродственник». И вернулся.

— Я вам вот что посоветую.

И пенсионный ларек объяснил дедушке. Что не академики, простые и военно-секретные, летом живут за городом. В академическом поселке Мозженка около Звенигорода. Ехать на пятом автобусе от станции Перхушково до остановки «Военные ракеты».

— Поезжайте туда в субботу или в воскресенье. Обязательно застанете.

— Благодарствую, уважаемый. Чего мне надо записать?

— Десять копеек. Потому что адрес областной.

Человек взял у дедушки гривенник и дал бумажку с адресом. Любой шпион иностранной державы дал бы

на эту бумажку много иностранных денег. Потому что остановка «Военные ракеты» наводит на размышления.

Глава двадцать первая Карцев-старший подбирается к...

Пока пластмассовый дедушка доставал адрес лучших людей, начальник над кадрами гостиницы искал человека со стороны для одного очень важного дела.

Товарищ Карцев-старший задумал пробить из подсобного помещения шурф в стенной шкаф Константина Михайловича. Чтобы можно было ночью просунуть в шкаф руку и пошарить по карманам загадочного постояльца. До этого шкафа был метр бетона. Своих лават не следовало. И нужен был человек со стороны.

Он должен был обладать следующими качествами.

Первое — быть прекрасным мастером. (Надо разобрать панель. Пробить ход шлямбуром. Не разворотить всю стенку. Заштукатурить края. И снова поставить панели на место.)

Второе. Человек должен плохо соображать. Дело чертовое и странное — дыра в соседний номер и прямо в шкаф?!! К чему бы это?

Третье. Человек должен дешево стоить. Карцев не любил сорить деньгами. С каждым рублем он расставался как с жизнью. (Или как с любимой. Или как с любимой жизнью.)

Где же можно найти такого необыкновенного человека — хорошего мастера, глупого как пробка и не берущего лишних денег? Только среди пьяниц.

И Карцев вышел в поиски на улицу.

«Чем краснее нос, тем нужнее человек!» — считал он.

И надо же! Прямо на него шел с работы сам Иосиф Григорьевич Залогоев.

Сразу было видно, что он умелец. Большой красный нос, возраст и общая доброжелательность в лице.

Старший Карцев ринулся навстречу ему в потоке и взял за руку:

— Кошмар! Наш отель строили японцы. Они забыли в дымоходе две бутылки саке. Рядом. Они дребезжат. Что с ними делать? Разбить кирпичом сверху?

— Нет! — закричал пожилой Залогуев голосом Бориса Годунова из такой же оперы. — Ни в коем случае!

— Но до них почти метр бетона!

— Ну и что? Достанем. Я сейчас за зубилом сбегаю.

И он побежал. А Карцев бросился в магазин. Надо было в шкафу у бесовского постояльца поставить две посуды. Чтобы к ним пробивал микрометрополитен тол. Залогуев-старший.

Карцев решил сэкономить. Поставить две четвертинки. А то выпьет литр и отравится. Человека жалеть надо. Даже пьяницу. Человек — это звучит гордо.

А литр стоит дорого!

Глава двадцать вторая К. Геннадий Гладков не любит церемонии

Почему К. Геннадий Гладков? Да потому, что композитор.

Так вот К. Геннадий Гладков открыл дверь и увидел дедушку.

— Вы на меня не сердчайте, что я к вам не позвонившим пришел, — сказал Константин Михайлович. — Я давеча хотел ваш телефон узнать, а они не дали.

— Кто «они»? Враги? — спросил Гладков.

— Нет, эти. Со справочного киоску.

— Ну и бог с ними. Со звонками. Давайте без церемоний. Запросто. Я их не люблю. Вы на гитаре играете?

— Нет. Не доводилось мне.

— А из дерева рубите? Предметы культа?

— Тоже не доводилось.

— Ну и не расстраивайтесь. Чепуха! Я вас научу.

— Может быть, после? — неуверенно сказал дедушка. — Потому что я не просто так пришел. Я ведь с космосу. Приехал познакомиться. Дружбу наладить. У нас созвездие Брошенные Шарик. Понимаете?

— Конечно, понимаю. Что ж тут непонятного? Ну и как у вас там в Шариках, все в порядке? Все здоровы?

— Здоровы. Слава богу.

— А как дела со снабжением?

— Ничего, не жалуемся. Снабжают, Геннадий Игоревич.

— А как у вас с нотами, с песенками? С книжками?

— У нас нет книжек. У нас книжки в таблетках все.

Дрын-дрын-трень. Это гитара выпала.

— Как долго аккорд держит! До ужина будет звенеть. Ничего, пусть лежит. И что, их в аптеках продают?

— Кого в аптеках продают?

— Таблетки книжные.

— Зачем — в аптеках? В магазинах таких таблеточных. Чай, не за деньги. Просто бери сколько хошь.

— А что? Это неплохо. Таблетку проглотил — и все стихи Пушкина у тебя в животе. Сиди и переваривай «Бориса Годунова», например. Так, что ли?

— Выходит, что так.

— Как аккорд держит! Мы уйдем, а она звенеть останется. А музыка тоже в таблетках?

— Почему — в таблетках? Музыка в шариках. В горошинах то ись. Их надо в уши положить.

— Как — в уши положить?! — вскричал К. Ладков.

— Просто. Положишь в уши и слушаешь. Эта горошина поет.

— Танцевальная музыка в горошине — я понимаю. Но Бах!

К. Ладков про себя даже охнул:

— Ох, рано встает охрана... Алгебра в таблетках — ради бога! Геометрия — сколько угодно! Поэзия — с грудом, но понимаю. Но музыка в горошинах!.. Что-то вы, папуля, недотумкали. Недодумали, проще говоря.

— Вишь, это вы недодумали. Я, уважаемый, вот уже целый день не могу адреса двух людей получить.

— Каких же людей?

— Обнакновенных. Академиков Булкина и Бутылкина.

— Зачем же говорить, что они академики? Надо быть ненормальным. Вы бы еще, папуля, сказали, что они из правительства. Нет, так у нас не пойдет. Так мы к коммунизму не придем.

— А как пойдет? — спросил Константин Михайлович.

— А так. Надо спрашивать адрес двух товарищей Булкина и Бутылкина. Без титулов. Обычные рядовые граждане. Можно даже через справочное по телефону. Вот, попробуйте.

Дедушка стал набирать номер справочного.

— Что-то фамилии знакомые, — сказал Геннадий Игоревич. — Где-то я встречал эти созвучные имена. Они в футбол не играют?

Пока Константин Михайлович бился с телефоном, Гладков вспоминал — откуда он помнит эти фамилии.

Вскоре выяснилось, что гражданин Булкин живет на улице имени Академика Бутылкина. Дом 15, квартира 3. А гражданин Бутылкин живет на улице имени Академика Булкина. Дом 3, квартира 15.

И еще выяснилось, откуда композитор Гладков знает эти столь удачно сочетающиеся фамилии.

— Вот, смотрите. — Он протянул гостю серую бумажку. На ней было напечатано:

«Уважаемый К. Геннадий Игоревич! К сожалению, не знаем Вашего отчества. Просим Вас принять участие в торжественном заседании в честь закрытия городской олимпиады города. В награждении победителей Вашими пластинками и песнями. На встрече будут присутствовать академики Булкин и Бутылкин. Встреча состоится в любое удобное для Вас время в четверг в 16.00, в университете. Исполняющий обязанности ученого секретаря — электрик Василий Васильев».

НА ДВА ЛИЦА

— Хотите быть вторым лицом? — спросил Геннадий Игоревич.

— Благодарствую. С охотой посмотрю на молодое поколение города.

Они договорились о встрече через четыре дня. К Геннадий Гладков пошел провожать пластмассового дедушку до остановки.

— Уважаемый Игоревич, — спрашивал дедушка, — как же мне отметить командировку? Никто не желает отмечать!

— Да суньте вы ее в этот ящик! И все! — сказал Гладков.

Константин Михайлович сунул бумажку в автомат, пробивающий путевки шоферам автобуса. Автомат клацнул. И на командировке появилось число, месяц, год и точное городское время — 15 часов 49 минут.

Дедушка ахнул и записал это в свой огромный космический опыт.

Глава двадцать третья
Понемногу обо всех

Внутренняя газета типа последних известий
ВЫПУСК 1

О Залогуеве-старшем

Товарищ Залогуев показал себя как настоящий ударник. Он со страшной силой врубался в японский бетон. И продвигался вперед миллиметр за миллиметром.

А товарищ Карцев-старший в это время открыл дежурным ключом номер Константина Михайловича и поставил на полку стенного одежного шкафа две «японские» четвертинки саке.

Скоро товарищ Залогуев пробьется к ним.

И заберет их с собой.

Об Удинцеве В. — мальчике

У него раздался телефонный звонок, и пластмассовый дедушка сказал:

— Если вам, к примеру, надо поехать в Звенигород для какого-то дела, как вы поедете?

— До станции Перхушково на электричке, а там на велосипеде. Я там часто бываю, — ответил Володя.

— Мне не больно хорошо ехать одному. Я бы вас попросил поехать туды со мной. Можно это?

— Конечно, — сказал Володя.

Они договорились назавтра встретиться утром на Белорусском вокзале. Оба должны были приехать «туды» на велосипеде.

О Карцеве Григории Борисовиче и Залогуеве-младшем

...Григорий Борисович целыми днями наблюдал в бинокль за всем, что происходит. И чуяло его сердце, что что-то важное может пройти мимо, а он так и просидит на засекреченном необитаемом острове, питаясь засекреченными консервами и залетными голубями.

— Загогулин, дорогой ты мой человечек, придумай что-нибудь.

— Давайте в консервные банки записки класть, придумал Залогуев.

Но высотный сильный ветер подхватывал секретные банки и уносил их далеко за город. К остановке «Военные ракеты».

И там удивленные военные читали:

«Мы сидим на крыше Генерального штаба. Снимите нас».

«Кто-то с ума сошел!» — думали суровые военные.

Про академиков Булкина и Бутылкина

...Академик Булкин, исполняющий обязанности ректора университета, и академик Бутылкин, исполняющий обязанности председателя ученого совета, сидели на даче в Мозженке и думали. Ломали головы. (В конце концов, за это им и деньги платят.) Потому что капитан Удинцев прислал с корабля «Витязь» сведения о неизвестном космическом теле, пролетевшем над океаном с небывалой скоростью в направлении Тихий океан — Перхушково.

Глава двадцать четвертая Велосипедная поездка пластмассового дедушки

Володя Удинцев в оранжевой майке прикатил вовремя и стал высматривать велосипедного Константина Михайловича. Черная собака Астра была у ноги.

Константин Михайлович пришел, велосипедами не охваченный.

— А где же ваш велосипед? — спросил мальчик.

— Вот здесь, — показал Константин Михайлович плоскую коробочку-папку.

Володя подумал, что в этой коробке деньги. А велосипед дедушка купит в магазине на станции. А что? Вполне разумно. И они поехали.

За окном менялись потрясающие сертификатные пейзажи. Иногда и просто валютные. Туристы пели песни и обнимались.

Станция Перхушково приехала очень быстро. Наша спецгруппа в составе двух человек, велосипеда и собаки Астры высыпала на перрон.

— Подождите здесь минутку, — попросил Константин Михайлович. — У меня в лесу секрет схоронен.

Володя с удовольствием уселся на лавке и стал смотреть на солнечный день. Собака Астра мотала по сторонам красным языком. Велосипед бросал во все стороны блики.

Вдруг из леса выскочил потрясенный Константин Михайлович.

— Караул! — кричал он. — Ракету украли!

Володя и Астра пошли на место происшествия. Велосипед остался сверкать.

— Здесь я ракету свою оставил космическую. И вот чего! — Он показал пустую поляну со строгими табличками:

**ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН!
ОПАСНАЯ ЗОНА!**

**ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ!
СМЕРТЕЛЬНО!**

**СТОЙ!
ПРЕДЪЯВИ ПРОПУСК!
НЕ СТОЙ ПОД ГРУЗОМ!**

— Астра, ищи! — приказал Володя. Астра стала нюхать воздух. Потом подошла к ближайшей березе и громко сказала:

— Бах!

Там стоял потрясающий, коллекционный, как из «Березки», белый гриб.

— Не то! — закричал Володя. — Ищи металл.

Он подобрал с земли какой-то золотой винтик и дал собаке понюхать.

Астра взяла след. Володя и дедушка бросились за ней.

Через километр они остановились около прекрасного летнего особняка на краю поселка. У ворот висела табличка:

**ДЕТСКИЙ САД «ЗВЕЗДОЧКА»
ПЕРХУШКОВСКОГО РАЙИЗДРАВОТДЕЛА**

От детского сада с веселым рокотом отходила грузовая машина, с верхом нагруженная ржавыми изделиями и сверкающими, почти самолетными деталями. На борту машины висел лозунг:

ВСЕ НЕНУЖНОЕ НА СЛОМ! СОБЕРЕМ МЕТАЛЛОЛОМ!

— Вот она, ваша ракета! — сказал Володя Удинцев. — Ее собрали.

— Но как же так! — шептал растерянный Константин Михайлович. — Там были такие сурьезные таблички!

А вокруг кишели веселые ребята. Они, как муравьи, тащили из разных мест разные сверкающие предметы.

— Они же маленькие, — сказал Володя. — Они читать не умеют. Им сказали — тащи все блестящее и ржавое. Они и тащат. Хорошо еще, что таблички оставили.

— Благодарствую за это!

Спецгруппа вернулась на станцию. А велосипед, оставленный у скамейки, там уже не сверкал.

— Все ясно! — сказал дедушка. — Собрали!

Володя Удинцев решил, что в этот раз поработали не ребята. Но разочаровывать космического пришельца не стал.

— Что мы будем делать? — спросил он у дедушки.

— Поедем к академикам, молодой юноша. К ученым.

- А на чем?
 - На валасипедах.
 - Где же мы их возьмем?
 - Сработаем!
- И дедушка достал плоскую коробочку-папку.

Глава двадцать пятая Пятнадцатая армия идет спасать Генеральный штаб

Карцев-младший не отрывался от бинокля. И понимал, что давно пора вниз на землю.

— Ну что делать? Отвечай, дорогой ты мой Загогулин!

— Да не Загогулин я, а Залогуев, — отвечал Залогуев. — А делать надо вот что. Сейчас мы из этой чертовой щетки смонтируем радиопередатчик.

— Ух ты! — воскликнул Карцев. — Ну и молодец ты, дорогой мой За... то есть Га... то есть дорогой ты мой человечек!

Именно поэтому в эту ночь с крыши Генерального штаба полетели в пространство сигналы: SOS! SOS! SOS!

То есть в переводе с языка радио на обычный это означало: СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ! И ПОБЫСТРЕЕ!

Такой сигнал люди подают на море или на суше, когда они попадают в беду. Когда им грозит опасность. И все армейские передатчики, направленные на Генеральный штаб, приняли этот сигнал и поняли, что Генеральному штабу грозит опасность.

Значит, его хотят захватить враги. И надо немедленно спасать штаб. И как следует вдарить по врагу. (Который то ли прорвался, то ли высадил десант.)

Поэтому Пятнадцатая ударная особого назначения армия сняла с аэродрома все свои самолеты и бросила их вперед. Вернее, назад. (В данной ситуации трудно понять, что считать «вперед», а что — «назад». Поэтому скажем, что от европейской границы армия кинулась к Москве.) За самолетами помчались танки и мотоциклетные соединения.

Глава двадцать шестая
Продолжение велосипедной поездки
пластмассового дедушки

— Как мы их сработаем? — озабоченно спросил Володя про велосипеды. — Купим?

— Зачем — купим? Сработаем.

Константин Михайлович проглотил одну таблетку и загудел. И прямо на глазах изумленного Володи в пространстве стал вырисовываться потрясающий «вала-сипед».

Он проступал из воздуха, как переводная картинка. И весь был сделан из разных металлов — золотые спицы, черные колеса, белая молочноватая рама и руль.

— А где же насос? — спросил мальчик.

— Он не нужен. Колеса цельносплошные.

Володя был потрясен. А собака Астра сказала «Бх!» Потому что велосипедный звонок напоминал небольшим белый гриб.

Велосипед весил не больше портфеля.

— А второй? — спросил Володя.

— Счас будет второй. Куды он денется!

И точно. Второй не делся «никуды». И возник рядом. Такой же красавец. Просто как с выставки авиационной техники.

Между прочим, с машины, везущей космический металлолом, кое-что исчезло.

— Как это у вас получается?

— Эва. Вот эти таблетки, — объяснил пластмассовый дедушка. — Съешь ее — и делаешь чево надо.

— Можно, я попробую? Я бы сделал себе телескоп, сказал Володя. — В нашей школе очень слабый. Я бы сделал большой... с фотоприставкой.

— Не выйдет. Ты, конечно, умственный. Только таблеток мало. Этому еще научиться следоват. Чтобы так вот делать. Покуда выучишься, скоко времени пройдет. Вот ведь, чтобы написать како-то слово, надо сперва грамоту выучить. Так и тутти.

Первоначала надо физику знать, алгебру, математику высчую. Вишь скоко. Потом уже и повадно будет, что хошь и делай.

Володя понял эту не слишком «шибко» научную высказанную мысль. И отстал.

Они сели на «валасипеды» и тронулись. (Тронулись, в смысле — поехали. Потому что от космических «изделиев» можно ждать что хошь.) Причем дедушка ни капельки не отставал. Шел и шел за Володей. Километр за километром.

Володя Удинцев, легкий, как пружина, не уставал поражаться дедушке. С виду старый, а внутри как новенький.

А «валасипеды» так и цеплялись за дорогу. Легко шли по песку и гравию. И будто бы даже приспособлялись к силе ног. Сами меняли обороты.

Вот и Мозженка. Поселок Академиков Академии наук. Будка. «Посторонним вход воспрещен!»

Под запрещенным входом на стуле сидел старичок в ушанке. Рядом на земле стоял телефон.

— Уважаемый, — обратился к старичку Константин Михайлович. — Мне бы моих сродственников повидать.

— Это каких сродственников?

— Академиков Булкина и Бутылкина, — сказал Володя.

— Пал Андреича и Андрей Палыча, — сказал ушаночный дежурный. — Счас. — Он поскреб по телефону: — Алле? Шешнадцатый участок? С проходной звонют. Тут Пал Андреича и Андрей Палыча мушщина спрашивает — «родственник».

Пауза.

— Спасибо. Так и передам. — Он повесил трубку. — (Они говорят — выехачи. Их прислужница говорит. В Москву собрались по делам. Счас здесь будут.

И верно. Послышался легкий шорох шин. Показалась черная «Волга».

— Это академик Булкин будет? — спросил дедушка.

— Нет. Это его жона поехачи, — ответил сторож.

Показалась вторая «Волга».

— А это академик Бутылкин?

— Нет. Тожки хозяйка поехачи. Жона его.

Следом вылетели легкие белые «Жигули».

— Стало быть, это Булкин? — спросил дедушка.

— Это сынок ихний. Лейтенант военный.

Вылетел еще один белый «жигуль».

— Это, значит, академик Бутылкин?

— Это дочка евонная. Лена. В институте преподает. И тут раздался жуткий треск мотоцикла.

— А это, стало быть, внук академика Булкина? спросил дедушка.

— Почему? Это и есть сам академик Булкин. Пал Андреевич. Вона.

И в ворота вынесся человек на мотоцикле, очень похожий на поэта Некрасова. В светлом хорошем костюме с галстуком.

Опять послышался треск. Еще один мотоцикл подступал.

— А это внук академика Бутылкина?

— Почему? Это и есть сам академик Бутылкин, Андрей Палыч.

Вслед за первым вылетел второй мотоциклист. С носом бульбочкой, очень похожий на писателя Тургеневу Ивана Сергеевича.

Константин Михайлович и Володя Удинцев ни с чем поехали в сторону дома. Прозевали.

Глава двадцать седьмая
Понемногу обо всех

Внутренняя газета типа последних известий
ВЫПУСК II

О ЖЕЛЕЗНОМ ЧЕЛОВЕКЕ — ГЛАВЕ АДМИНИСТРАЦИИ

ЕМУ ДОЛОЖИЛИ, ЧТО С КАРАНДАШНОЙ ФАБРИКОЙ ДЕЛА ПЛОХИ. НИКАК ОНА НЕ СНОСИТСЯ. НЕ ЖЕЛАЕТ ОСОБЕННО ТРУБА. СТРОИЛИ ФАБРИКУ ДАВНО И ЧРЕЗВЫЧАЙНО КРЕПКО. ОТБОЙНЫЕ МОЛОТКИ ОТ НЕЕ ОТПРЫГИВАЛИ, А ЧУГУННЫЕ БАБЫ РАЗБИВАЛИСЬ И ПОРОШОК.

— И ВООБЩЕ, ПРОЩЕ ПОСТРОИТЬ ДВА НОВЫХ ЗДАНИЯ, ЧЕМ СНЕСТИ ОДНО СТАРОЕ. ЭТО БУДЕТ ЛУЧШЕ ВСЕГО, — СКАЗАЛ ГЛАВЕ ЗАМЕСТИТЕЛЬ.

Очень умный и очень кусачий попугай Стас. Руза. конец 90-х

В.Н.Войнович. Человек, которым я гордился все большевицкие
годы

М.С.Горбачев умеет классно острить. Эти кадры сделаны во время перерыва на съемках «Гавани». Слева — моя верная помощница и телеведущая Элеонора Филина

Обычная работа — выступление перед детьми.

После выступления даю по сотне автографов.

Со мной любят фотографироваться, как с осликом в зоопарке.

Среди детей школы-интерната педагога В.Д. Столбуна.

Я, как всегда, в окружении очень серьезных людей.
Юз Алешковский, Ю.Кушак, полковник В.Бучаков.

Ю.П. Любимов после выступления в «Гавани».

В. Меньшов поет под моим безмузыкальным руководством

«Гавань» на гастролях в Америке. Нью-Йорк. 2001

— БУДЕТ ЛУЧШЕ ВСЕГО, ЕСЛИ МЫ НАКОНЕЦ НАУЧИМСЯ СДЕРЖИВАТЬ СВОИ СЛОВА И РЕШЕНИЯ, — ОТВЕТИЛ ЖЕЛЕЗНЫЙ ГЛАВА СВОЕМУ РАССЫПЧАТОМУ ЗАМЕСТИТЕЛЮ. — ФАБРИКА БУДЕТ СЛОМАНА, А НЕБО БУДЕТ ЧИСТЫМ.

О ТОМ, ПОЧЕМУ В УНИВЕРСИТЕТЕ

все исполняли обязанности работников,
а не были работниками

ОДНАЖДЫ УНИВЕРСИТЕТ ИЗ ОДНОЙ СТАРОЙ ЛАБОРАТОРИИ СДЕЛАЛ СПОРТИВНЫЙ ЗАЛ.

А ТРЕНЕРЫ УНИВЕРСИТЕТУ НЕ ПОЛОЖЕНЫ. ТОГДА ВЗЯЛИ И ДВУХ ТРЕНЕРОВ ОФОРМИЛИ ИСПОЛНЯЮЩИМИ ОБЯЗАННОСТИ ЛАБОРАНТОВ.

КОГДА ЖЕ ПОНАДОБИЛИСЬ ЛАБОРАНТЫ, ИХ МЕСТА ВЫЛА ЗАНЯТЫ. НО БЫЛИ СВОБОДНЫ МЕСТА ИСТОПНИКОВ — ДЕЛО БЫЛО ЛЕТОМ. И ЛАБОРАНТОВ ВЗЯЛИ КАК ИСПОЛНЯЮЩИХ ИСТОПНИЧЕСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ.

ЗИМОЙ УШЕЛ НА ПЕНСИЮ ПРОФЕССОР — И СРОЧНО НАШЛИ ЧЕЛОВЕКА НА ДОЛЖНОСТЬ ПРОФЕССОРА, ЧТОБЫ ОН ИСПОЛНЯЛ ОБЯЗАННОСТИ ИСТОПНИКА.

И ВОТ ТАК, ЧЕМ ДАЛЬШЕ В ЛЕС, ТЕМ БОЛЬШЕ ВСЕ ЗАПУТЫВАЛОСЬ. В КОНЦЕ КОНЦОВ ВСЕ ПЕРЕСТАЛИ ПОНИМАТЬ, КТО ЕСТЬ КТО. КТО АКАДЕМИК, КТО ИСТОПНИК, КТО ПЛОТНИК И КТО КАКИЕ ОБЯЗАННОСТИ ИСПОЛНЯЕТ.

Окончание велосипедной поездки пласт-массового дедушки

ВЕЧЕРОМ В ВАГОНЕ СИЛЬНО БУШЕВАЛ ОДИН ПЬЯНЫЙ ХУЛИГАН. ОН ПРИСТАВАЛ К ЖЕНЩИНАМ. РУТАЛСЯ. КУРИЛ. И КЛАЛ ГРЯЗНЫЕ НОГИ НА ПРОТИВОПОЛОЖНУЮ ЛАВКУ.

— УВАЖАЕМЫЙ, ПРЕКРАТИТЕ БУЯНИТЬ! — СКАЗАЛ ЕМУ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ.

— АХ ТЫ ДРЕВНОСТЬ! АНТИКВАРИАТ! СЕЛО! ВОЗМУЩАЛСЯ ПЬЯНЫЙ. — Я СЕЙЧАС ТЕБЕ НАЧИЩУ. БУДЕШЬ СВЕРКАТЬ. А ТВОЕМУ ВЕЛОСИПЕДУ НОЖКИ ПРИДЕЛАЕМ!

— ЕМУ САМОЕ МЕСТО ЗА РЕШЕТКОЙ! — СКАЗАЛ ВОЛОДЯ.

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ ПРОГЛОТИЛ ТАБЛЕТКУ И...

И ВОКРУГ БУЯНА СТАЛА ВЫРИСОВЫВАТЬСЯ ОТЛИЧНАЯ РЕШЕТКА. КРЕПКАЯ И НАПОМИНАЮЩАЯ ПОПУТАЙСКУЮ КЛЕТКУ.

— КАРАУЛ! ЗАМУРОВАЛИ! — КРИЧАЛ ХУЛИГАН, БЕГАЯ ВНУТРИ. — ПРОЙТИ НЕВОЗМОЖНО СТАЛО!

ТАК ЕГО В ЭТОЙ КЛЕТКЕ И ВЫНЕСЛИ МИЛИЦИИ ОНЕРЫ НА ПЕРРОН.

Про Карцева-старшего

В ЭТУ НОЧЬ ПЛАСТМАССОВЫЙ ДЕДУШКА СПАЛ КРЕПКО. ПРИТОМИЛСЯ.

В СОСЕДНЮЮ КОМНАТУ ВОШЕЛ КАРЦЕВ-СТАРШИЙ!!! ПРОСУНУЛ РУКУ В БЕТОННУЮ ЗАЛОГУЕВСКУЮ ДЫНУ ПОКРУТИЛ КИСТЬЮ В ШКАФУ И ВЫТАЩИЛ ЗОЛОТУЮ ПАПОЧКУ С ТАБЛЕТКАМИ.

ВЫСЫПАЛ НА ЛАДОНЬ ТРИ ТАБЛЕТКИ, ЗАКРЫЛ КОРОБОЧКУ И СУНУЛ ЕЕ НАЗАД ВО ВНУТРЕННИЙ КАРМАН ПИДЖАКА ПЛАСТМАССОВОГО КОНСТАНТИНА МИХАЙЛОВИЧА.

ДОБРОМЕТР В ШКАФУ ВЕРЕЩАЛ ОТЧАЯННО. НО ПОСЛЕ СВЕЖЕГО ВОЗДУХА И ВЕЛОСИПЕДОВ ДЕДУШКА НИЧЕГО НЕ СЛЫШАЛ.

Про Карцева-младшего

ОН СО СВОЕЙ КРЫШИ СМОТРЕЛ НА ИНТУРИСТОВСКУЮ ГОСТИ-НИЦУ ЧЕРЕЗ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВИНОКЛЬ НОЧНОГО ВИДЕНИЯ.

— ВО ПАПАНЯ ДАЕТ ХИТРЫЙ БЕС. В КАРМАН ЗАЛЕЗ НИКУДА НЕ ДЕНЕТСЯ, А СО МНОЙ ПОДЕЛИТСЯ!

ЭТО, НАВЕРНОЕ, ОТ БОЛЬШОЙ ЛУНЫ ЕГО ПОТЯНУЛО НА БОЛЬШУЮ ПОЭЗИЮ. А ПЯТНАДЦАТАЯ АРМИЯ УЖЕ БЫЛА БЛИЗКО.

Глава двадцать восьмая Самые толковые дети города

В зале сидели сто человек ребят — победителей городской математической олимпиады. Хотя они были и победители, но шумели и вертелись как ненормальные. (То есть они шумели как все нормальные дети. Но когда нормальные дети шумят, про них всегда говорят, что они шумят как ненормальные.)

Был четверг, 16 часов 00 минут.

На сцене находились представители общественности.

Это были преподаватели, руководители города. Корреспонденты. Композитор Гладков с «папулей». (Константин Михайлович проходил здесь как представитель сельской интеллигенции.) Космонавты. И конечно, учителя.

Слово предоставили заместителю главы:

— Дорогие ребята, математики! Администрация и Управление торговли совместно с руководством университета приняли решение наградить каждого из вас памятным подарком. Это такой набор. В него входят: линейка математическая пластмассовая с бегунком. Рудильник электрический со Знаком качества. Набор цветных карандашей с формулами. И самое ценное — телевизор «Юность-707», цветной переносной малогабаритный транзисторный... — Это он произнес по нарастанию, торжественно, как диктор Левитан... В зале поднялся радостный шум на грани ликования. А заместитель продолжал: — Транзисторный учебно-развлекательный... А проще говоря, с дефектом.

Радость несколько затихла.

— Здесь сидит главный инженер завода. Если мы отберем у них сто нормальных телевизоров, они разорятся. А с бракованными у них дела обстоят легче. Их завалились... А находить в них неполадки некогда и сложно. Вам же, дорогие будущие ученые, будет и учеба и игра! И знакомство передовой, самой лучшей в мире радиотехникой.

— Ура! — завопили математики.

И побежали хватать столь редкостные наборы Специально учебно-развлекательные.

Потом сказали космонавты:

— Ребята! Мы вас очень любим. Мы приглашаем вас всех в воскресенье в космический городок. Сюда будут присланы автобусы. Постарайтесь за эти дни не заболеть.

Ребята стали кричать «ура!» как ненормальные. Потом все представители и руководители извинились и ушли. На сцене остались трое: ведущий, сельский дедушка и композитор Геннадий Игоревич Гладков.

Ему и предоставили слово.

— Ну что, ребята, я не очень огорчен тем, что я здесь увидел. Даже более того, я просто обрадован. — Он взял со стола пачку работ. — Прямо скажем, ребята математику знают и жутко в ней разбираются. Вот, к примеру, работа Вити Приходова. Это же просто быстрый и решительный Лагранж. А вот задачи, выполненные Юликом Бакировым. Смотрю и вижу — безупречный Коши. Листаю расчеты Мицельского Юрия — и вспоминаю неторопливого Гаусса. За страницами Славы Леонова встает аккуратный Лобачевский. За Мариной Давыдовой я ясно вижу Ковалевскую. За Вячеславом Качаловым встает сам Лев Гушин. Короче, здесь есть и собственные Платоны, и быстрые разумом Ньютоны.

— Вы так хорошо знаете математику? — спросил Константин Михайлович.

— Понятия о ней не имею.

— А как же вы всех называете? Не ясно мне. Всех знаменитых?

— А вон кругом на стенках портреты висят. Я и шпарю. — Он снова обратился к детям: — Все, ребята. Я кончил.

— А пластинки? — спросил ведущий. Это был электрик Васильев, исполняющий обязанности ученого секретаря. — Вы должны награждать ребят. Своими пластинками и песнями.

— Так давайте их скорее. Мои пластинки и песни Будем награждать. Чего мы зря время теряем?

— А у нас их нет.

— И у меня нет.

— А как же быть? — потускнел секретарь. — Что же делать?

— Да, действительно. Как же быть? — почему-то радостно кричал Гладков. — Что же нам теперь делать?

Секретарь побежал к начальству выяснять. А композитор спросил, показав на сельского дедушку:

— Вы знаете, ребята, кто это?

— Знаем, — сказал Володя Удинцев. — Это Константин Михайлович. Он из космоса. Из созвездия Стожары.

— А знаете ли вы, темные и отсталые дети, что на Стожарах нет книг, а есть таблетки? Что всю Большую Советскую Энциклопедию можно прочесть, а по-нашему — съесть за обедом?

— Нет! — закричали ребята.

— А что народ там летает на щетках? Слышали?

— Не слышали!!!

— А что в Черной Дыре живут мерзавчики, подозревали?

— Нет! — бушевали математики.

— Куда мы идем?! — сказал К. Гладков. — Ничего не знают! Итак, слово космическому гостю Константину Михайловичу! Просветите их, уважаемый дедушка!

— Молодые юноши! Я прилетел с космосу. Привез вам приветы от своих. Мы хотим жить в дружбе.

Когда дедушка говорил, он вдруг пошел по воздуху вверх. словно перед ним образовалась легкая невидимая лестница. Он подошел к высокому окну и задернул откуда-то появившуюся штору. Прошел через весь зал над головами ребят к противоположному окну и зашторил его. В зале стало темно. Константин Михайлович включил свои глаза-прожекторы и стал показывать на доске фильм, который показывал Володе Удинцеву.

Вид на Стожары из космоса. Наезд на отдельный микрорайон. На город. Светлый летний квартал. Веселые люди на щетках. Разные дикие звери, птицы, деревья, ягоды, грибы.

В этот раз собака Астрида не сказала «Бах!». Потому что она сидела на улице около Володи Удинцева космического велосипеда. Охраняла.

Как только видеолекция кончилась, дедушка сказал:

— Счас я дам вам открытки. Каждому. Их надо собрать. Налепить на стену, что ли. Тогда будет все видеть про нас. Но вам придется потрудиться. Много время затратить. Это открытки не простые. Их еще можно на патефон ставить там или радиолу. Они со звуком.

Дедушка подошел к окну по невидимой лестнице и сказал:

— Усе. Бывайте!

И исчез в окне.

Открытки были непростые. Если их собрать вместе, получилась бы картина школьного городка из Стожар. И очень многое можно узнать по этой картине.

Сложенные вместе, они протянутся и оживут. И спортивный двор, и школьные классы проявятся и выступят цветными из небытия.

И можно будет рассмотреть все — от антигравитационных ботинок на ногах ребят до различных формул написанных на школьных досках. И конечно, главную формулу:

$$Ж = Q^Q$$

Этими простыми буквами была записана главная Брошенская теория, смысл которой сводился к тому, что всегда добро тянулось к добру, а зло — к злу.

Отыскался след Константинов Михайловичевский. Но совсем он исчез из университета. Он бросился искать академиков Булкина и Бутылкина.

У входных дверей сидел вахтер — дежурный. С красной повязкой.

— Уважаемый, — обратился к нему дедушка, — где здесь можно найти товарищей-граждан академиков Булкина и Бутылкина?

— Вы у меня не спрашивайте.

— Почему? Вы же здесь дежурите.

— Я не дежурю. Я исполняю обязанности дежурного. Я вообще-то повар. Это моя профессия.

— А настоящий дежурный куда делся? Он где?

— Он никуда не делся. Он за электрика работает. Он сейчас территорию обходит. На столбы лазает.

— А электрик-то где? Почему он сам не обходит? На столбы не лазает?

— Потому... Он тока боится. В электричестве не понимает. Зато он организатор хороший. Его у нас ответственным секретарем зачислили.

— А тот сиклитарь, который настоящий? Его куда дели?

— Его срочно в столовую поставили. Потому что там место было свободное. Он исполняет обязанности повара.

— А где же тот повар? Что с ним? Он заболел, никак? Или чего?

— С им ничего. Жив, здоров. Перед вами сидит. Тот повар и есть я.

— Благодарствую, уважаемый.

Глава двадцать девятая Железное слово главы

Пластмассовый дедушка был счастлив. Все-таки он установил контакт с лучшими людьми города. Оставалось немного. Только рассчитаться с гостиницей, отправить посылку Володе Удинцеву, увидеться с академиком Булкиным и евонным другом академиком Бутылкиным, подобрать себе материал для ракеты и кое-что еще сделать по мелочам...

И все, можно двигать домой. В родные Шарики. За столом дежурного по этажу сидела строгая женщина. Она немедленно выписала счет за номер.

Дырка на ковре — ремонт 10 руб. Разбитая раковина — замена — 15 руб. Испорченный вентилятор — 3 руб.

— Уважаемая, — сказал Константин Михайлович, — где ж вы видели дырку на ковре?

— Как — где? В вашем номере. Вы небось напились и дырку сделали.

— Нет у меня никакой дырки.

— Ишь, чего говорит. Нет у него дырки! Пошли посмотрим.

В номере ковер был цел.

— Где же дырка? — спросила растерянная горничная. — У всех была, а у него нет.

— А у меня нет. А у меня все чинно-блинно. До свидания, уважаемая. Благодарствуйте!

В номере действительно все работало. Все было чинно-блинно. От раковины до вентилятора. И это испортило настроение дежурной на несколько долгих дней.

Сам Константин Михайлович отправился на почту и отправил Володе Удинцеву странный подарок — два не самых новых ботинка. Почтовая работница не хотела их принимать. Она кричала, что это позор. Кому такие нужны? И показывала ботинки очереди. Но очередь единогласно решила, что ботинки хорошие и что их надо обязательно отправить. Что было сделано.

Потом он кинулся домой к академику Булкину. Ему сказали, что Булкина нет. Уехал к своему другу академику Бутылкину.

Дедушка метнулся туда. Но выяснилось, что Бутылкина нет. Отправился на одноименную с собой улицу к Булкину.

Короче, дело было неясное, и дедушка понял, что не судьба. Надо было вылетать в Шарик.

А двадцать восемь подъемных кранов с чугунными чушками двигались в сторону карандашной фабрики. Ох, достанется ей! Прошел час.

Двадцать восемь подъемных кранов со страшной силой колотили трубу. Но без толку. Им не успевали подвозить чугунные бабы. Потому что труба стояла, а бабы разлетались вдребезги. И никто не решался позвонить главе и сказать, что его железное слово до сих пор еще не выполнено.

— Сердечные, что это вы делаете? — спросил дедушка.

— Трубу рушим.

— И как рушится?

— Да никак не рушится. Сорок чушек разбили.

— А ну, дайте я встряну!

— Как «встряну»? Как «встряну»? Туда нельзя! — закричал крановщик.

— Отойди, милой! — сурово сказал дедушка. И пошел к основанию трубы.

Крановщик включил сирену.

Константин Михайлович зашел внутрь через низкую дверку и проглотил таблетку. Трубу стало шатать и гнуть в разные стороны. А в радиомагазинах в округе стали на глазах изумленных продавцов исчезать конденсаторы.

триоды, пентоды, выпрямители, усилители, генераторы высокой и низкой частоты и всякая прочая радиорадость.

Труба изменялась с каждой проглоченной таблеткой и с каждой секундой все больше. Дедушка аж раскраснелся от напряжения.

Но что-то не взлеталось Константину Михайловичу. Не хватало энергии. Не было еще пары таблеток для взлета.

Тем временем один из двадцати восьми подъемных кранов озверел, тоже включил сирену и пошел на трубу в психическую атаку.

У-У-У-У — выла сирена.

— А-а-а-а, — кричал машинист.

Непонятно как, но он раскрутил ядро вокруг крана и что было сил шлепнул трубу.

И тут она поднялась. И к удивлению всех окружающих, медленно ринулась в воздух.

В чистое космическое небо.

Ядро психического крановщика сообщило ей недостающую энергию. Не стало карандашной трубы. Межгалактическая ракета уходила вдаль на наших глазах.

Железное слово железного главы было выполнено. Все было чинно-блинно.

Глава тридцатая
Карцева-младшего снимают с крыши,
а Володя Удинцев получает по почте
антигравитационные ботинки

В заглавии этой главы, собственно, все и написано. Только добавлю, что то и другое произошло тихо и скромно. Надо еще добавить, что Володя Удинцев был счастлив, а Карцев-младший не очень.

И еще.

Володя Удинцев понял, откуда взялись ботинки-скороходы в русских народных сказках. И как они работают.

Глава тридцать первая
Таблетки в семье Карцевых

— Ну-с, папочка, — сказал Григорий Борисович, когда вернулся домой из-под расследования, — давай их сюда.

— Кого «их»? Куда «сюда»? — завращал белесыми глазами Карцев-старший.

— Космические таблетки, папочка. Из шкафа на шестнадцатом этаже.

— Не дам. Нос не дорос.

— Да я из тебя, дорогой ты мой человечек, душу вытрясу. Вместе с таблетками.

Дорогой человечек понял, что это будет сделано. Он быстро схватил из кармана валидольную капсулу и проглотил одну золотую пилюлю. Карцев-младший схватил вторую. И каждый задумался о своем.

Карцев-старший мысленно стал конструировать машину для печатания денег. Карцев-младший стал конструировать свою карьеру. Свои успехи по служебной линии.

Но, как уже говорилось, мало проглотить таблетки. Наглотаться таблеток каждый может. Надо было еще уметь конструировать.

У Карцева-старшего выросал посреди комнаты блестящий металлически-пластмассовый аппарат. Кривобокий и хромой. Но хромированный. Вот он готов. Впереди яркая красная кнопка. Так и просит: «Нажми меня!»

И нажал Карцев на нее. Затрещал аппарат.

И вот она в руках конструктора, долгожданная тринадцатирублевая бумажка. Она выскочила легко и просто, как билетик из загородного автомата.

Увидев цифру, Карцев позеленел. А когда он увидел портрет на этой денежной единице, он покрылся изморозью. Портрет был его — Карцева.

— Кто же это я получаюсь? — спросил он сам у себя. И сам же себе ответил: — Я получаюсь фальшивомонетчик. — И еще он спросил сам себя: — Чем же мне это грозит? — И сам же себе ответил: — Тюремным заключением на очень долгие годы. Вплоть до расстрела.

Он взял уют и стал превращать фальшивомонетную машину в утиль.

Карцев-младший, Григорий Борисович, размечтался о должностях, кабинетах и правительственных автомобилях. И стали вырастать на разных столах и подоконниках необычные телефонные спецаппараты. И синие,

и белые, и зеленые, и красные, и хромированные. И стали они звонить и разными голосами приглашать на совещания в самые важные места: в Администрацию Президента, в ООН, горono и даже в райжилкомиссию.

И еще голоса задавали срочные и чрезвычайно опасные вопросы:

— Григорий Борисович, как быть? Америка настаивает на том, чтобы мы уменьшили военную мощь. Что, будем уменьшать?

Или:

— Григорий Борисович, есть мнение, что надо всю пшеницу в стране заменить сахарной свеклой. А в Средней полосе выращивать верблюдов. Какие будут указания?

Младший Карцев перепугался. Отнял у отца утюг и тоже занялся избиением ни в чем не повинной техники.

И тут вошла метрополитеновская тетя Паша. И стало ей плохо. Она увидела валидольную трубочку и сунула таблетку под язык, чтобы сердце не остановилось. И стала думать: «Как же я это все уберу? Господи Боже, помоги мне!»

И ее вдохновение, озарение и многолетняя мечта осуществились. В комнате возник блестящий робот с веником и пылесосом. Он посмотрел вокруг и сказал усталым голосом:

— Бога нет, мамаша. Но мы вам поможем.

Глава тридцать вторая Финальная

Питара композитора Гладкова Геннадия Игоревича очень хорошо держала аккорд. Когда он в этот день вернулся домой, она все еще тихонько звенела.

Люди в городе спали. И все улыбались во сне.

Все было чинно-блинно! Хорошо!

Гарантийные человечки

Глава первая Приезд Холодилина

В ясный солнечный день

в квартиру привезли холодильник. Деловые и сердитые грузчики внесли его на кухню и сразу же ушли вместе с хозяйкой. И тихо-тихо стало кругом. Вдруг сквозь щель облицовочной решетки из холодильника выбрался на пол маленький человечек несколько странного вида. За спиной у него висел газовый баллончик, как у аквалангистов, а на руках и ногах были надеты большие резиновые присоски. Человечек отошел в сторону, осмотрел холодильник и вдруг мухой полез наверх — туда, где виднелась рваная свежая царапина. Он подобрался к ней, включил пульверизатор, и через секунду черная полоска растаяла на белоснежном фоне нового холодильника. Растаяла под облаком белой краски.

А на стене кухни висели огромные старинные часы. С башенками, с толстыми литыми стеклами и большущим желтым маятником. Над циферблатом было окошко для кукушки.

В этих часах сбоку открылась дверца и вниз скатилась веревочная лестница. Она доставала как раз до самого пола. Человечек из холодильника обернулся и посмотрел наверх. Он увидел другого маленького человечка — очевидно, хозяина часов.

Это был старый мастер, весь седой, в черном сюртуке и золотых очках.

— Здравствуйте, — сказал старичок. — Когда вы закончите, будьте добры, поднимитесь ко мне. У меня как раз чай вскипел. Вам с дороги.

— Большое спасибо, — отвечал новичок. — Через пять минут я буду у вас.

Он спустился вниз. Занес под холодильник инструменты и отправился по веревочной лестнице в гости. Хозяин часов встретил его у входа.

— Иван Иванович Буре, — представился он и поклонился.

— Холодилин, — отвечал гость.

— Прошу вас.

Они направились вверх по крутой винтовой лесенке. Холодилин с любопытством озирался по сторонам. Видно было, как за перилами работает часовой механизм.

Крутились и покачивались колеса, жужжали блестящие шестеренки и переваливалась с места на место качалка маятника.

Лесенка привела их к большой площадке-комнате. Там посередине стоял стол с самоваром. У одной стены была кровать с горой подушек, а у другой — верстак с блестящими белыми инструментами и всякими латунными приспособлениями. В комнате было очень чисто и все как-то очень продуманно. И вообще она скорее напоминала не жилье, а старинный дом-музей какого-то известного ученого.

Рядом со столом в стене было прорезано окно. И на широком подоконнике дремала большущая кукушка с выпученными глазами и разинутым ртом. Она была красная, с желтыми крыльями.

Вот и все.

А внизу под полом тикал и вздыхал часовой механизм.

— Надолго к нам? — спросил часовой мастер, разливая чай по стаканам.

— На два месяца.

— Это почему? — удивился Иван Иванович. — Такой короткий срок гарантии?

— Нет. Гарантия обычная — два года. Просто мой холодильник взят напрокат. На дачу. А вы надолго сюда?

— Боюсь, на всю жизнь.

— На всю жизнь?! У этих часов такая гарантия? — поразился гость.

— Гарантия обычная. Просто того завода, на котором эти часы делали, давно нет. И ехать мне некуда. Вот и

живу здесь почти шестьдесят лет. И часики, смею заметить, как новые. Секунда в секунду идут.

Тут он вынул из кармана маленькие часы, посмотрел на них.

Высунувшись в окошко, он сверил свои часы со стрелками большого циферблата. И те и другие показывали ровно одиннадцать.

— Машка, — сказал Иван Иванович кукушке, — пора!

— Не пора, — вдруг ответила та.

— А я говорю: пора!

— А я говорю: не пора!

— В чем дело? — сурово спросил Иван Иванович. — Ты почему не кукуешь?

— А для кого куковать? Никого в доме нет.

— Ну и что? Ты кукуешь не для кого-нибудь, а потому что так надо. Кукуй, кому говорят!

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку, — быстро и сердито затараторила кукушка, будто кого-то дразнила.

Так прокуковала она одиннадцать раз, чуть-чуть высунув нос в окно — лишь бы от нее отвязались.

Потом она снова поудобнее устроилась на подоконнике и задумалась.

— И днем ку-ку, и ночью ку-ку! И через час ку-ку, и через полчаса ку-ку! А спать-то ку-ку? — сквозь сон ворчливо сказала она.

— А еще кто у вас живет? — спросил Холодилин после кукувального бунта. — Есть наши?

— Есть, есть, — ответил Буре. — Вот я вам покажу.

Они поднялись еще выше по той же внутренней лестнице и оказались наверху на балконе.

— В кухне я один живу, — сказал часовой мастер. — Был еще швейный человечек в машине. Но он уже уехал. Гарантийный срок у него кончился. А в той комнате есть еще двое наших. Один в пылесосе, другой в приемнике. Я вас с ними познакомлю. Только знает что, — он посмотрел на часы, — сейчас хозяйская дочка придет, минуты через две. Решайте, как быть: к себе пойдете или у меня останетесь? Лучше побудьте у меня.

— К себе, к себе! — поспешно отвечал Холодилин. — У меня и дел полно, да и вещи не убраны.

— Тогда спешите, сударь. Ребеночек этот шустрый: может и раньше времени прийти.

Холодильный человечек быстро спустился вниз и перебежал к себе. А Иван Иванович затащил веревочную лесенку наверх. И как раз вовремя: кто-то уже вовсю гремел ключами у входной двери.

Глава вторая Голос из пылесоса

Была ночь, и все люди в квартире спали. Спали и папа, и мама, и их девочка Таня.

Вот распахнулось окно в часах, и кукушка Машка старательно прокукувала полночь. И тотчас в холодильнике, в часах и в радиоприемнике раскрылись двери, и вниз стали спускаться гарантийные человечки. В руках они держали фонарики.

А вокруг был полный беспорядок! Стояли чемоданы, корзины, лежали увязанные гроздьями кастрюли и чайники. Хозяева готовились к переезду на дачу. Человечки сошлись посредине кухни и поздоровались.

— Это наш новый жилец, — сказал Иван Иванович. — Его зовут Холодилин.

— Новости Дня, — представился человечек из приемника. — Надолго к нам?

— На два месяца! — отвечал Холодилин. — Мой холодильник взят напрокат. На дачу.

— А где Пылесосин? — спросил Иван Иванович.

— Спит, как всегда, — сказал Новости Дня. — Пойдемте его будить.

И человечки пошли в большую комнату, где в углу рядом со шкафом стоял пылесос «Уралец».

Новости Дня тихонько постучал по пылесосу.

— Пылесосин, вставай! — зашептал он, чтобы не разбудить людей, спавших в комнате.

— Не, не могу, — отвечал голос из пылесоса. — Я сплю.

— Как жалко, что ты спишь, а то бы мы сообщили тебе интересные новости.

— А вы сообщите, — сказал Пылесосин. — Я новости во сне понимаю.

— Но мы боимся тебя разбудить, — объяснил Новости Дня. — Вот если бы ты не спал, тогда другое дело.

И тут на пылесосе сверху открылся люк, как у танка, и высунулась заспанная, но любопытная рожица гарантийного мальчишки:

— Ну чего у вас?

— Вот, знакомься. Новый мастер.

Холодидлин и мальчишка пожали друг другу руки.

— Я хочу устроить маленький праздник, — сказал Холодидлин. И все заулыбались.

— Только давайте не у меня соберемся. А то мне у меня надоело.

— А нам у нас надоело, — огорчились другие человечки.

— Давайте пойдем в швейную машинку, — предложил Буре. — Там и комната большая, и ковров сколько хочешь.

— Нет, — возразил Холодидлин, — лучше пойти на природу.

Сначала его не поняли.

— Это как — на природу? — спросил радиомастер.

— А так. Есть у вас цветы?

— Ура! — завопил Пылесосин. — Я все понял. Пошли на природу — на кухню!

Человечки прошли на кухню, пробираясь среди кастрюль и чайников. Холодидлин вынес корзину с едой, и по плетям традесканции все забрались на подоконник. Новый мастер разлил чай из термоса по кружкам и сказал:

— Я очень рад, что оказался в такой хорошей компании. И рад тому, что вас живет здесь целых трое.

— А я скоро уеду, — сказал Новости Дня. — Через три месяца. Прилетит вертолетик и отвезет меня на завод. А там — в новый приемник или телевизор...

— И я скоро уеду, — сказал Пылесосин. — У меня будут экзамены. Ведь я ученик. Я не с завода. Я из ремонтной мастерской. У нас гарантийный срок короткий — полгода всего.

— Так что я один останусь... — грустно промолвил Буре. — Опять один. За мной вертолетик не прилетит.

— Это меня и тревожит, — сказал Холодидлин. Тяжело оставаться одному. И может, на всю жизнь.

— У него Машка есть, — сказал Новости Дня.

— Машка не то, — возразил Холодилин. — Товарищи нужны.

А Иван Иванович, когда заговорили про Машку, посмотрел на часы. Было ровно час.

— Вот видите, не кукует. Совсем от рук отбилась!.. Машка! — закричал он. — Ты что, заснула?

Машка высунулась из часов и долго соображала, чего же от нее хотят. Потом сердито кукнула один раз и быстро засунулась обратно. А Холодилин продолжал:

— И я предлагаю Ивану Ивановичу поехать со мной на дачу. Пусть он хоть отдохнет и наберется сил перед одиночеством.

— Нельзя! — сказал Новости Дня. — Гарантийный человечек не может покидать свое место до окончания гарантийного срока.

— А если срок давно кончился?

— Ну и что! А как же часы? Вдруг они станут неправильно ходить?

— Они могут и вообще не ходить. В городе же никого не будет. В крайнем случае за ними Машка присмотрит.

— И пылесос в городе не нужен! — закричал мальчишка Пылесосин. — Я тоже хочу на дачу!

— А ты почему? — спросил радиомастер. — У тебя-то гарантийный срок не кончился. Тебе еще сидеть и сидеть.

— А я ученик, — возразил мальчишка. — И мне каникулы положены раз в году. Можно мне с вами, дядя Холодилин?

— Ага! — сказал Холодилин. — Решающий голос из пылесоса за нас. А что, поезжай, конечно, и ты.

— А мне все это не нравится, — сказал Новости Дня. — Я обязательно сообщу в Управление гарантийных человечков. Что они об этом скажут...

— Да ничего не скажут. Там неглупые люди сидят. Ну что, Иван Иванович, едем?

— Я бы поехал, — сказал Буре. — только Машку надо с собой взять. Она без меня пропадет.

— И Машку возьмем. Веселее будет. Только бы она у нас куковать не начала. Получится холодильник с кукушкой.

— Не начнет, — успокоил Буре. — Она свои «ку-ку» как рубли бережет. Клещами не вытянешь.

— Значит, договорились, — сказал новый мастер. — Собирайте вещи и перебирайтесь ко мне в холодильник. Завтра его повезут на дачу.

Они еще попили чаю и поели пирожных. И Холодилин рассказал им последние новости. Он сказал, что на полях больших газет скоро будет печататься газета для гарантийных человечков. Она будет набираться особым, незаметным людскому глазу шрифтом и будет называться «За гарантийную гарантию». И что там будут не только объявления и новости, но и рассказы и стихи. И что всем гарантийным мастерам управление скоро разошлет специальные фонарики для чтения незаметного шрифта.

А потом человечки разошлись по домам собирать дорожные вещи. И сразу же луна скрылась за облаками.

Глава третья Переезд

Утром холодильник вместе с другими вещами погрузили в машину. И вот уже целый час весело бежит грузовик по дороге.

Иван Иванович с Машкой на руках и Пылесосин сидели в комнате холодильного мастера. А сам Холодилин лазил где-то в кишках агрегата. Что-то подкручивал, подвинчивал и отмечал крестиками места, которые немного повредились при перевозке.

Вот машина остановилась, и, кажется, надолго, потому что водитель выключил мотор. И сразу в двери комнаты кто-то постучал. Это был не Холодилин, а совсем другой мастер. В черном комбинезоне, весь замасленный. На боку у него висела сумка с инструментами.

— Привет, — сказал он. — Не растрясло вас?

— Трясет! Еще как! — отвечал Пылесосин. — До потолка прыгаем.

— Это у меня рессоры слабоваты. Приеду в гараж, буду отлаживать. Давайте знакомиться. Я — Карданыч.

— А как вас по имени величать? — спросил Буре.

— Да никак. У нас в автогарантии всех по отчеству зовут: Карданыч, Рессорыч, Светофорыч.

Пылесосин и часовой мастер представились человечку.

— Мы уже приехали? — спросил мальчишка.

— Нет. Просто у переезда стоим, — отвечал автомастер. — А вы в Дорохово едете?

— В Дорохово.

— Значит, через час будем. Там красиво. Я бывал в Дорохово.

Мотор снова загудел.

— Пойду работать, — сказал Карданыч. — Сейчас жарко. Вода может перегреться. Привет.

Машина побежала дальше. И ровно через час, как и обещал Карданыч, они оказались на месте.

Глава четвертая Парламентеры

Ночью, ровно в двенадцать, гарантийные человечки вышли на пол, достали фонарики и начали обход.

Дача была небольшая — две комнаты и терраса, она же кухня. На кухне стояла газовая плитка с баллонами, но в ней никто из гарантийных не жил — наверное, кончилась гарантия. В одной комнате спали папа с мамой, в другой — хозяйская девочка.

И вдруг Холодилин увидел радиоприемник на столе.

— Ого-го — сказал он. — Кажется, и наш начальник приехал. Значит, будет веселей!

И в самом деле, из приемника выбрался сердитый и расстроенный Новости Дня. После перевозки его приемник барахлил. Хозяева неправильно развесили антенну и совсем забыли как следует настроить звук. Из-за этого приемник подхрюкивал и говорил так: «Передаем, хрю-фью, старинные вальсы».

И огромный хор пел:

Плавню, хрю-фью, свои волны, несет.

Ветер, хрю-фью, быр-быр, песни поет:

Хрю-хрю-хрю-хрю-хрю-хрю...

Радиомастеру пришлось все это исправлять, везде лазить, и его даже два раза трахнуло током. В конце концов приемник стал говорить нормально, а радиомастер, наоборот, стал хрюкать и присвистывать.

— Ну как дела? Какие новости? — спросил Холодилин.

— Новости? Обычные. На полях хрю-фью-сини начались хрю-сенные работы. Быр-быр. На южном хрю-бережье Крыма в полном разгаре хрю-рортный сезон. Хрю-зидент хрю-ландии посетил быр-быро-строительный завод.

— Да я не об этом, — сказал Холодилин. — Доехал ты хорошо?

— Нормально доехал.

— А у меня щетка испортилась в электромоторе.

— Как же так? А ты куда смотрел?

— Я тут ни при чем. Электромотор при перевозке полагается привинчивать к полу. Чтобы он не болтался. А хозяева этого не сделали.

— А что же ты не сделал?

— Да там каждая гайка больше меня. Я не то что завинтить — сдвинуть ее не могу. Вот щетка и разбилась, потому что автомобиль трясло. Нет у тебя запасной?

— Нет. Если только из проигрывателя взять.

— Слушай, возьми, пожалуйста. А то завтра холодильник включат, а он не работает. И мне конец.

— А послезавтра радиолу включат, и тогда мне конец?

— Понимаешь, — сказал Холодилин, — холодильник за городом важнее, чем танцы. И потом, мне не хочется, чтобы контору мою ругали, прокатную. Она-то здесь не виновата.

— А когда отдашь? — спросил Новости Дня.

— Быстро. Только с управлением свяжусь. Они через два дня доставят.

— Ладно, по рукам, хоть и не нравится мне все это. Пойдем сначала дачу посмотреть. Потом щетку переставим.

Все было бы хорошо, да вот беда — девочка Таня совсем спала. И все из-за такого интересного переезда. Одна половинка ее уже почти заснула и шептала: «Сини

спи, Танюша. Уже поздно». А вторая никак не хотела засыпать и говорила: «Не спи! Не спи, Татьяна! Здесь какие-то человечки с фонариками. Их надо поймать».

Эти две половинки всегда враждовали между собой. Одна уговаривала Таню быть послушной девочкой, не капризничать, убирать игрушки, вовремя ложиться спать. А вторая — наоборот: залезть на шкаф, стукнуть кого-нибудь лопаткой, отрезать себе косички ножницами.

Когда верх брала первая половинка, девочку называли Танечкой, Танюшкой, Танюшечкой. А когда вторая — только Татьяной. А мы будем называть эти половинки — Юшечкой или Яной. Как будто в Тане живут две девочки.

Так вот, Юшечка наконец заснула. А Яна еще долго таращила глаза. Вернее, один глаз. Ох какие интересные были эти человечки! Жаль, что они вскорости покинули комнату и ушли на кухню-террасу.

— Слышите? — сказал Холодилин.

За окнами раздавались свист и щелканье.

— Что это? — спросил Пылесосин. — Милиция?

Холодилин рассмеялся:

— Это соловьи. Они всегда поют за городом.

— Хорошо поют. Заслушаешься! — сказал Буре. — Вот бы мне их в часы вместо Машки.

— Ничего, — успокоил его Холодилин. — Она здесь настоящую кукушку послушает, тоже неплохо куковать начнет.

— А это кто поет? — спросил Новости Дня.

— Вот это «пили-пили»? — переспросил Холодилин. — Это сверчок.

— Да нет, не «пили-пили», а «дыр-дыр-дыр».

— Кажется, это мыши скребут.

И точно: в углу послышался писк, какая-то возня, и из норки на пол выбрались два серых мышонка. Они деловито отряхнулись, вытащили из норки белый флажок и барабан, построились в шеренгу и пошли. Под барабанный бой они подошли к человечкам и остановились.

— Привет! — сказал тот, который был повыше и держал флаг. — Вы гарантийные?

— Гарантийные, — ответил Холодилин.

— Мы пришли объявить вам войну! — Тут мышонок поменьше и потолще важно забарабанил дробь.

— Почему? — спросил Холодилин.

— Мы всегда воюем с гарантийными! Это наш дом, — ответил высокий мышонок. — Мы здесь главные!

— Ну и пожалуйста. А воевать-то зачем?

— Понятия не имеем. Такие обычаи сложились здесь за века. А наш солдат не думает: у нас, мышей, солдат выполняет обычаи веков. Таков наш серый герой.

А маленький все барабанил.

— Слушай, — вдруг сказал Холодилин тому, что повыше, — сыру хочешь?

Тот вытянулся в струнку:

— Да здравствует его величество король еще как!

И непонятно было, что «еще как»: то ли король, то ли сыр.

— Пошли, — сказал Холодилин и повел «серого героя» к себе.

Остальные человечки окружили маленького мышонка. Около него лежал белый переговорный флаг.

— А где вы живете?

— А много вас?

— Три, четыре, пять, семнадцать, двадцать, одиннадцать! Во! — сказал он.

— А ты умеешь считать-то? — спросил Новости Дни.

— А как же! Раз, два, три, четыре, двадцать один, пятнадцать, триста! И еще.

— Блистательно! — рассмеялся радиомастер.

— А вы злые? — спросил Пылесосин.

— Мы? — переспросил мышонок и стал оглядываться. Видно было, что ему здесь неуютно и хочется домой. Мы такие... какие... как один... все. Во! За всех!.. Вперед!

Вернулся Холодилин с высоким мышонком. Кажется, они основательно подружились. Под мышкой «серый герой» держал кусок сыра, а в свободной лапе — кружок колбасы. Поэтому он никак не мог ухватить белый переговорное знамя.

Тогда он сунул колбасу в рот своему помощнику и строго приказал:

— Не кусать ни в коем случае! Доставить живьем!

Теперь лапа у него освободилась, и он поднял флаг.

— А много вас, начальник? — спросил Холодилин.

— Нас ровно двадцать девять. И имя нам — легион!

— А как вас зовут? — спросил Буре. — Вот вас и вас.

— Мышкин и Подмышкин. Лейтенанты кавалерии!

И под барабанный бой мышата удалились. Причем маленький все время сворачивал налево, куда тянул его кусок колбасы. Ему, наверное, было очень трудно держать колбасу, но не откусывать.

— У них даже кавалерия имеется, — грустно сказал Буре.

— Ерунда! — возразил Холодилин. — Ну как, Иван Иванович, нравится тебе на даче?

— Не знаю, — ответил Буре. — Непривычно, как за границей.

— А вы бывали за границей? — спросил Новости Дня.

— Нет, не бывал, — сказал Буре. — Поэтому и непривычно.

— Ну ладно, погуляли — и хватит, — сказал Холодилин. — Пошли щетку переставлять.

Глава пятая Яна и Юшечка

Утром, как только девочка Таня проснулась, она побежала к маме:

— Мама, у нас в доме кто-то живет. Я вчера ночью видела.

— И кто же это? — спросила мама.

— Человечки маленькие. Они вчера ходили с фонариками.

— Это тебе приснилось.

— Нет, не приснилось, — сказала упрямая половинка Яна. — Потому что один глаз у меня уже спал, а другой — нет. И все видел. Самые настоящие человечки.

— У тебя скоро день рождения, — сказала мама. — Через три дня. Вот я тебе солдатиков подарю. Будут у тебя человечки.

— Человечки живые, а солдатики неживые. Я хочу человечков найти.

— Ну хорошо, — согласилась мама. — Ты положи им вечером конфету. Если они ее съедят, значит, они есть. А если нет, значит, это был сон.

«Наверное, это был сон», — подумала послушная половинка Юшечка.

«Для тебя — сон, а для меня — ни капельки!» возразила вредная половинка Яна.

...Когда хозяева ушли купаться, Холодилин, Буре и мальчик выбрались из холодильника и залезли на подоконник природу смотреть.

— Какие просторы! — сказал Пылесосин. — Поли Фонари. Вот бы туда пойти!

И тут из леса послышалось громкое и отчетливое «ку ку, ку-ку, ку-ку!»

Иван Иванович схватился за часы:

— Батюшки! Уже три. Что это с моими часами?! Отстают?

Кукушка куковала все дальше и дальше. А Иван Иванович считал:

— ...Пятнадцать, шестнадцать... двадцать восемь! Ничего не понимаю. Разве может быть тридцать часов? У нее, наверное, ограничитель сломался.

Остальные человечки хохотали. Пылесосин так и покатился по подоконнику:

— Ой, ой! Держите меня! Отстают! Да это живая кукушка!

— Живая? — переспросил Буре. — Я совсем про них забыл. Думаю, раз «ку-ку», значит, время отбивают. Надо за Машкой сбегать. Пусть поучится.

Машка слушала, слушала сонно, потом кинуть вытаращит глаза и давай тоже кричать «ку-ку!». Да так здорово и громко, что лесная кукушка удивилась и замолчала.

— Что, съела? — сказала Машка, снова склонив голову набок и задремала.

Тут на подоконник взобрался радиомастер:

— Слышали новость?

— Какую?

— Про хозяйкину дочку. Она нас заметила. Я был у себя и слышал, как она с матерью разговаривала.

— Ну и что? — спросил Пылесосин.

— Ничего. Будто ты не знаешь. Если дети узнают про гарантийных человечков, беда начнется. Они будут все приемники и часы разбирать, чтобы нас достать.

— Верно, — поддержал его Буре. — Эта девочка еще в городе два раза пыталась Машку из часов вытащить. Той пришлось куковать во всю ивановскую, а мне трезвон устраивать, чтобы родители прибежали.

— А однажды она полприемника развинтила: посмотреть, кто там разговаривает. Пришлось к ней провода с током поднести и дернуть как следует. Чтобы больше не лазила. Крику было — я чуть не оглох!

— Теперь она хочет конфету на пол положить, — продолжал радиомастер. — Если конфета пропадет, значит, мы ее съели. Тогда она будет нас искать.

— Мы-то конфету не возьмем, — насторожился ХолодILINE. — А вот мыши...

— Надо будет часового на ночь поставить. Например, меня, — предложил мальчишка. — Чтобы мыши конфету не съели.

— Часового нельзя, — возразил ХолодILINE. — Мыши его вместе с конфетой утащат.

— Значит, провода с током проведем, — предложил Новости Дня. — Их как тряхнет!

— А можно конфету затащить на ночь к нам, — сказал Буре. — А утром на место положить.

— Толково, — согласился ХолодILINE. — Так и сделаем.

— Но это еще не все, — сказал радиомастер. — Есть еще одна новость. У хозяйской девочки день рождения через три дня.

— А нам-то какое дело? — сказал ХолодILINE.

— А такое, что гости придут, радиолу включат. А она не работает. И мне сразу выговор по гарантийной линии.

— Верно, — согласился ХолодILINE. — Но ты не отчаивайся. Мы сегодня же пойдем звонить в управление. Будет щетка.

В этот день хозяйская девочка Таня очень устала. Потому что ее хорошая половинка Юшечка все время помогала маме: стирала платице, испекла блинчик, вынесла на помойку разбитую чашку и протерла пол на кухне. Плохая половинка Яна тоже очень устала. Она

весь день лазила куда не надо. Разбила чашку, испачкала платице, пролила воду на кухне и кидалась блинчиком в соседскую девочку.

— А сейчас положим конфету для человечков, — сказала Яна перед сном.

— Не надо их ловить! — заспорила Юшечка.

— Обязательно поймает. Ни у кого человечков нет, а у нас будут, — уперлась Яна.

Она достала конфету из сахарницы, положила на пол и прыгнула в кровать. Через пять минут девочка спала.

— Молодец у нас Танюша, — сказала мама и поправила на ней одеяло. — Надо ей на день рождения котенка подарить.

Глава шестая Диверсия

Как только взрослые улеглись, Холодилин и Новости Дня выбрались из холодильника и утащили конфету к себе. Затем они стали готовиться в дорогу. Надо было дойти до ближайшей телефонной будки и позвонить в управление насчет запасной щетки.

— Оружие возьми, — сказал радиомастер. — Мало ли что.

— Не беспокойся, — ответил Холодилин. — Не впервой.

Они оделись потеплее и вышли в серебристую темную ночь. А Иван Иванович и мальчик остались дома пить чай.

— Иван Иванович, — сказал Пылесосин, — а почему бы вам не переучиться на электрика? И в современные часы не перейти, в электрические.

— Стар я переучиваться, — ответил Буре. — И мастерство свое мне жаль. Мы, старики, народ упрямый. Вот, к примеру, у меня приятель есть. Вальс Иван. Он в рояле живет. Уж сколько раз его переманивали на пианинную работу. Сейчас ведь квартиры не те, рояль ставить негде, а на пианино спрос огромный. Так не хочет он идти в пианино. Умение свое жалеет. Хотя работа там и полегче будет. И все мы так. Не хотим свои вещи

покидать. Потому старинные вещи так хорошо и работают. И ружья, и скрипки, и люстры, и самовары. Да мало ли что! Мне бы самому ученика заиметь и все секреты ему передать.

— Что же — управление не может ученика прислать? — спросил Пылесосин.

— Легко сказать, — ответил Буре. — Часов таких мало осталось. Спрос на них невелик. Ученики в других местах нужны. А потом хватятся, да поздно будет.

Тут маленькая лампочка над столом замигала и погасла.

«Что такое? — задумался Пылесосин. — Электричество выключили?»

Он достал фонарик.

— Вы посидите, Иван Иванович, а я пойду посмотрю — может, проводка барахлит.

— Нет уж, лучше, вы посидите, молодой человек, — возразил Буре. — Я сам схожу. Время тревожное. Не забудьте — нам война объявлена.

И он вышел. Прошло пять минут, однако Буре не возвращался. Не вернулся он и через десять, и через двадцать минут. Пылесосин по-настоящему заволновался. Взяв гаечный ключ побольше, он вылез из холодильника и пошел вдоль провода к электрической розетке.

— Стоп! — вдруг сказал он. — Провод перекушен. Это мыши. Пропал Иван Иванович. — И он бегом бросился к холодильнику.

Холодили и Новости Дня побывали уже в трех телефонных будках. В двух автоматы были сломаны. В третьей автомат работал, но там не было гарантийного человечка. Стал накрапывать дождик.

Только в четвертой будке им повезло. На условный сигнал — четыре сдвоенных удара по стенке — к ним упала изящная капроновая лестница с металлическими перекладинами.

Как следует вытряхнув одежду, мастера поспешили наверх. Гарантийная комната была новенькая, как с выставки современного оборудования. Кругом пластмасса, дерево и металл. Сверкающие ручки, выдвижные кровати и уезжающие в стенку письменные столы.

Точно таким же выставочным был и сам хозяин — аккуратно причесанный юноша в белом нейлоновом халате. Он отлаживал наполовину вытащенный из стенки прибор с надписью «Счетчик вырученных душек».

— Садитесь, — махнул он паяльником вошедшим мастерам. — Я сейчас.

Около него лежал на столе наушник, и оттуда доносились обрывки телефонных разговоров.

— Разве хорошо слушать чужие разговоры?

— А что? — ответил телефонист. — Телевизора у меня нет. Радио нет. Что мне прикажете делать по вечерам? И потом, никто не запрещает.

— Что делать? — переспросил Холодилин. — Придумали бы средство против тех, кто автоматы ломает. Мы, пока к вам добрались, два сломанных встретили.

— А почему я должен думать? — сказал юноша. — Пусть в управлении думают. Их там много, и даже лысы есть.

— Я вижу, вы все на это управление как на бога надеетесь. А у самих голова на плечах зачем? Шапочки нейлоновые носить?

— Как вас зовут? — вмешался Новости Дня.

— Слава меня зовут. Кабытов. А по-служебному — Ноль Один.

— Так вот, уважаемый Ноль Один, нам надо немедленно переговорить с управлением, — сказал Холодилин.

— На которое не следует надеяться как на бога, — подхватил молодой человек.

— Один — ноль, — рассмеялся радиомастер.

— Ноль Один, — поправил Кабытов. — Между прочим, я подавал предложение против тех, кто автоматы ломает. Чтобы специальную чернильную стреляльницу ставить. Или колотушку пружинную. Ты по автомату стукнул, и она — по тебе. С такой же силой.

— Ну и что? — спросил Новости Дня.

— Ничего. Отказали. Не воспитательно это и не человечно, мол, хулиганов чернилами пачкать. Они, наверное, хотят, чтобы хулиган телефон ломал, а ему пластинка включалась воспитательная с музыкой

«Дорогой хулиган, не ломай, пожалуйста, наш автоматик. Будь умненьким».

— Ладно, — остановил его Холодилин. — Давайте мне управление. В другой раз на эту тему побеседуем.

Через некоторое время он уже кричал в маленькую телефонную трубку:

— Что значит — не можете выслать? Не хватит бензина у вертолетики? А ему не надо лететь до самого Дорохова. Пусть сядет на крышу электрички и приедет. А здесь от станции совсем рядом. А мы на телефонной будке крест нарисуем. Там и оставите щетку... Кто принял заказ? Петров? Ну смотрите, Петров, чтобы завтра щетка была! Звонил Холодилин. Не Молотилин, а Холодилин. Все. Привет Великому Трансформатору!

Он положил трубку.

— Как тут у вас, Слава, можно на крышу забраться? Лестница есть?

— Никак вам не надо забираться, — ответил юноша. — Идите себе. Я сам этот крест нарисую.

Когда Холодилин и радиомастер вернулись в дом, их встретил встревоженный Пылесосин:

— Иван Иванович пропал... Его мыши украли. Что делать теперь?

— Час от часу не легче, — сказал радиомастер. — Я так и знал, что добром это не кончится.

Холодилин задумался. Потом осмотрел проводку.

— Я думаю, ничего страшного с Иваном Ивановичем не случится, — сказал он. — Если они сообразили перегрызть провод, они сообразят, что пленного выгоднее всего обменять на сыр или там колбасу. Зачем он им?

— Сообразят или не сообразят, я не знаю, — сказал Новости Дня. — А я вас предупреждал. Не надо было Ивану Ивановичу ехать за город. Чуяло мое сердце. Ох, как чуяло!

— Не будем спорить, — остановил его Холодилин. — Мы вот как сделаем. Во-первых, вынем конфету из фантика. Во-вторых, фантик положим около норки. А в-третьих, приготовимся к тому, что хозяйская девочка станет нас усиленно разыскивать.

— И что будет? — спросил радиомастер.

— А вот увидите.

Глава седьмая Гарантийная передача

Утром хозяйская девочка Таня первым делом закричала:

— Мама! Мама! Смотри — нет конфетки. Что я говорила! Значит, есть человечки!

Мама посмотрела и увидела фантик на полу, около мышиной норки.

— Есть, есть, — сказала она. — На четырех лапках с хвостиком. Мышки называются.

— Нет, не мышки, — возразила Таня.

— Нет, мышки.

— А я говорю — не мышки!

— Ну хорошо, — не стала спорить мама. — Вот мы поставим мышеловку на ночь и все узнаем.

— Теперь ты понял, зачем мы фантик оставили? — спросил Холодилин у мальчика.

— Понял. Чтобы мама мышеловку поставила. А что дальше будет, дядя Холодилин?

— А вот увидишь. Дальше будет интереснее.

Когда хозяева ушли на реку загорать, к холодильнику подбежал Новости Дня:

— Эй, вы! Пошли ко мне радио слушать. Гарантийная передача идет!

Человечки поспешили в дом к радиомастеру. Гарантийная передача — вещь нужная и интересная.

Комната радиомастера была не такой уютной, как у Буре, и не такой обыкновенной, как у Холодилина. Она больше была похожа на трансформаторную будку или машинное отделение лифта. Кругом резиновые коврики, рубильники и пульты с лампочками. Повсюду висели надписи «Не трогать — смертельно!». А рядом рисунки с черепом и костями. Даже на шкафу с посудой. На столе стоял электрический самовар с таким же рисунком и фарфоровые чашки с теми же надписями. И только на огромной красной тахте в углу ничего не было написано.

Человечки сразу забрались на тахту и с уважением стали осматривать смертельную комнату.

— Чаю хотите? — спросил хозяин. Но никто не хотел пить чай из смертельного самовара.

— Мне кажется, только я возьмусь за чашку, меня как током трахнет! — сказал мальчик.

— Чай с вареньем — пожалуйста, — сказал Холодилин. — А чай с электричеством — это на любителя.

— Ну как хотите, — сказал хозяин. — Давайте слушать.

Он подошел к рабочему столу и включил приемник. Как у всех радиомастеров или любителей, приемник у него был до ниточки разобран. Все лампы торчали наружу, динамик лежал отдельно, крышка стояла в углу. Но работал приемник на славу. И радиопередача началась. Сначала передавали последние известия:

«Внимание, внимание! Рижский завод радиоаппаратуры увеличивает срок гарантии всех изделий на один год. Мастеров просят иметь это в виду...

Управление гарантийных человечков сообщает, что завод, производящий пылесосы «Уралец», закрывается на ремонт. Мастеров просят не покидать пока свои изделия и предупреждают, что микровертолеты за ними временно присылаться не будут...

К радиоприемникам «Воронеж» выпущена магнитофонная приставка. В ней имеется мастерская. В рабочем столе — добавочные инструменты и инструкции. Вход в приставку — со стороны задней крышки, рядом с пломбой. Просьба: гарантийным человечкам немедленно налаживать приставку...

О погоде. К сведению холодильных мастеров! По сведениям Института Прогнозов надвигается сильная жара. Не забудьте понизить температуру в морозильнике. Человечкам из автогарантии рекомендуется усилить охлаждение двигателей. Жалюзи следует держать открытыми, а радиаторы очистить от мошкеры. Гарантийным человечкам из лодочных моторов советуем следить за уровнем воды в реках и озерах. Он может понизиться, и винт начнет задевать о дно.

Потом радио стало передавать приветы от одних человечков другим. Рассказывать разные гарантийные случаи. В каком городе какой мальчик или девочка пытались разобрать какое изделие и что из этого вышло.

И наконец диктор сказал: «А сейчас мы начнем концерт по заявкам старых мастеров. Гарантийный мастер и рояля «Беккер» Иван Сергеевич Вальс просит исполнить по радио песню «Вот мчится тройка почтовая». Эту песню он посвящает своему другу — часовому мастеру Ивану Ивановичу Буре. И просит вместе с песней передать поклон до земли и пожелания доброго здоровья. С удовольствием выполняем просьбу Ивана Сергеевича. Слушайте эту старую гарантийную песню».

При этих словах человечки так и подпрыгнули. Вот тебе раз: песня есть, а Ивана Ивановича нет! А приемник запел:

Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой.
Ямщик, уныло напевая,
Качает буйной головой.

«О чем задумался, детина, —
Ездок приветливо спросил, —
Какая на сердце кручина,
Скажи, тебя кто огорчил?»

Наконец радио замолчало.

— Ты знаешь, это очень старая песня, — сказал Холодилин мальчику. — Ведь в старину никаких вертолетиков для гарантийных человечков не было. Кончился твой срок, вылезай — и в дорогу. Где на тройке, где пешком. Иногда идти через полстраны приходилось. Или вообще за границу. Заводов мало было. Бывало и так, что устал мастер и упал. Хорошо, если люди помогут, а то и беда случалась.

— Жалко, что Иван Иванович не слышал, — вздохнул Пылесосин. — Ведь песню-то для него пели.

— Еще бы не жалко, — сказал Новости Дня. — А все из-за некоторых! Не надо было Ивану Ивановичу за город ехать! Вот к чему приводит нарушение инструкции.

— Ладно, не причитай, — остановил его Холодилин. — Еще не все потеряно.

Глава восьмая
Буре в плену

А у Буре дела были такие. В это утро его привезли на допрос в королевский дворец. Дворец был сделан из перевернутого ящика для посылок. На стене дворца красовалась надпись:

МОСКОВСКАЯ ОБЛ., ДЕРЕВНЯ ДОРОХОВО
СМИР-НОВЫМ.

Все буквы «О» были прогрызены насквозь, и получилось очень много круглых окошек. Внутри было светло, потому что под потолком висела светящаяся гнилушка-люстра.

Королевским тронном служило игрушечное кукольное кресло. Оно висело на четырех веревках, привязанных к потолку. Получался сразу и трон и качели. По стенам стояли игрушечные табуретки, шкафчики и диваны. Все это мыши, наверное, потаскали у детей-растяп, которые отдыхали на даче прежде.

Вокруг трона стояли важные мышинные генералы, перепоясанные ремнями из колбасной кожуры. Они и начали допрос Ивана Ивановича:

— Сколько человечков приехало на дачу?

— Согласны ли они сдаться в плен и служить великому мышинному королю?

— Какие продукты хранятся в холодильнике и нельзя ли их быстро переправить в подвал?

— Привезли новые дачники с собой кошку или нет?

Иван Иванович спокойно и толково отвечал.

Человечков приехало много, и в плен они сдаваться не собираются. Продукты в холодильнике есть, и самые разные. Все их переправить в подвал нельзя — хозяева заметят. Но немного колбасы или сыра взять можно. Конечно, в обмен на него — Ивана Ивановича. Кошку хозяева с собой не привезли. Но это сейчас не проблема. Если они узнают про мышей и про то, что мыши перегрызают провода, они возьмут кошку напрокат. В специальном кошкопрокатном ателье.

После этого генералы стали шушукаться с королем, хрустя колбасными ремнями. А Буре снова отвели им главную площадь и посадили в игрушечный детский автобус. Там из него был сделан гарантийный зоопарк. Хочешь посмотреть — тащи кусочек сыра в королевскую продовольственную казну.

Глава девятая Сосиска для разведчиков

Вечером мама и Таня установили на кухне мышеловку. Таня сама несколько раз ее опробовала. Она дергала за крючок, и дверца захлопывалась.

Два раза девочке сильно прищемило палец, но это не расстроило ее, а скорее даже обрадовало. Обрадовало вредную половинку — Яну. Потому что Юшечка вообще была против такой затеи.

Когда в квартиру пришел сон, Яна заснула первой. Ей не терпелось дождаться утра и увидеть человечков в мышеловке. А Юшечка никак не могла заснуть. Она все время думала: правильно ли это — ловить человечков? И о том, как им плохо будет в этой клетке-мышеловке, пока их не достанут утром.

Так или иначе, девочка долго ворочалась в постели, и вечерняя жизнь в доме началась на полчаса позже, чем обычно.

Мастера сидели у Холодилина и пили простой, неэлектрический чай. И прислушивались.

Вдруг послышался шорох, потом радостный писк, беготня по полу. Мышеловка захлопнулась.

— Попались, птички! — сказал Холодилин. — Пошли доставать. Это наверняка лейтенанты кавалерии.

Но это были не лейтенанты кавалерии, а два других мышонка. Человечки выпустили их из мышеловки и повели к холодильнику. Новости Дня быстро сделал для них ошейники, привязал мышат к пружине под мотором и приступил к допросу:

— Фамилия? Имя? Отчество?

— Смирнов Андрей Андреевич! Смирнов Андрей Андреевич!

— Вы что — братья?

— Нет. Просто у нас все мыши носят фамилию хозяев дома.

— А как же Мышкин и Подмышкин?

— Они из других домов. Они к нам приبلудились.

— С каким заданием шли? — продолжал допрос радиомастер.

— Разведка и диверсия!

— Диверсия и разведка!

— Какая диверсия?

— Добыть у хозяев тубик клея и намазать пол у холодильника. Смотреть не приклеиться самим и ждать гарантийных.

— Ловко, — сказал Холодилин. — Надо это нам самим использовать.

— А как наш Буре? — спросил мальчик.

— Пожилой гарантийный? Нормально, — ответили Андреи Андреевичи. — Из него зоопарк сделали.

— Как — зоопарк?!

— Очень просто. Его в автобус посадили около главной площади. Хочешь посмотреть — тащи кусочек сыра.

— А если мы захотим обменять его на вас, как ваше начальство посмотрит?

— Плохо посмотрит. Ведь он доход приносит. А мы — нет.

— Кому доход?

— Его величеству королю!

— Ну ладно, — сказал Холодилин. — Есть хотите?

— Смешно, — отвечали мышата. — Еще как!

— Что вам дать — сосиску или сыр?

— Сыр и сосиску! Сосиску и сыр! — отвечали бравые Андреи Андреевичи.

— Ничего себе! — удивился радиомастер. — Они наши праги, а мы их будем сосисками кормить, как в санатории.

— Так надо, — сказал Холодилин. — У меня есть соображения. И потом, уж больно ребята они симпатичные.

— И веселые, — добавил Пылесосин.

— Так точно, — сказали мышата. — Мы симпатичные. И веселые.

Холодилилин вытащил небольшую сосиску и положил перед пленниками. Они быстро стали уплетать ее, каждый со своей стороны. Не прошло и пяти минут, как они уперлись друг в друга. А от сосиски ничего не осталось.

— Ну, все, — сказал Холодилилин. — А теперь в путь, за щеткой.

Он поднялся в комнату и принес вниз два небольших баллона с пульверизаторами.

— Это тебе, — сказал он Пылесосину. — На всякий случай. Баллончик с гелием. Хорошая штука. В случае нападения применишь. Кран откроешь — из него газ, как из огнетушителя. Только холодный. Сразу зима вокруг на целый метр. Хоть шубу надевай. Хорошо охлаждает горячие головы. А это нам с тобой, — сказал он радиомастеру. — Здесь краска под давлением. Не завидую я тому, кто на нас нападет. Хоть в химчистку его отдавай по квитанции.

После этого старшие мастера отправились в путь, а мальчишка забрался в комнату Холодилилина и улегся спать.

Мышата остались внизу, под холодильником.

Глава десятая Антихулиганский механизм имени Кабытова

Как только в комнате все затихло, к холодильнику подобрался два новых разведчика. Кажется, это были Мышкин с Подмышкиным.

— Эй, вы, попались? — спросили они.

— Попались, — отвечали пленные через щель.

— Держитесь?

— Держимся.

— Хорошо. Мы вас скоро выручим.

— Не-а, не надо, — ответили пленные. — Пусть так будет.

— Почему?

— Нам сосиску дали.

— Чего? — поразились новые разведчики. — Отравленную?

— Нормальную.

— А я ни разу в жизни сосиски не ел! — грустно сказал мышонок поменьше.

— «Не ел!» Я даже не видел! — плохим смехом засмеялся второй. — Она какая? Квадратная? С дырочками?

— Нет. Длинная и круглая, — ответили пленные. — А в середине вкусная.

Оба новых разведчика были поражены невероятно и побежали назад в норку докладывать обстановку.

Именно этого и добивался Холодилин. Он очень хотел, чтобы слухи о сосиске как можно скорее проникли в ряды вражеской армии.

В этот раз дождя не было, и поход мастеров к телефонной будке был более приятным. Холодилин даже запел:

Я попрошу хиромантию
Дать поскорее ответ:
Как увеличить гарантию
Хоть бы на несколько лет.

— При чем тут хиромантия? — спросил Новости Дня. — Это же такая наука, которая по руке узнает все о человеке.

— Правильно. По нашим рукам сразу же можно сказать, что мы мастера. И кажется, неплохие. Плохо только, что в некоторых из нас мастер стоит на первом месте, а человек — уже на втором.

— Ладно, ладно, — сказал Новости Дня. — Прошу без намеков. Из-за твоей человечности уж сколько раз мы правила нарушали. Да и сейчас у нас положение не из лучших. Снизу мыши донимают, сверху — девочка. Неизвестно еще, чем все это кончится.

Слава Кабытов, а по-служебному Ноль Один, ждал их:

— Что это вы не появляетесь? Я уж было сам хотел вам щетку нести.

— Ни в коем случае. У нас там такие события! Наверное, нам придется уходить.

Они рассказали ему свою историю.

— Позавидуешь вам, — сказал Кабытов. — У вас хоть интересно. А я здесь как в консервной банке сижу. Но ничего, я опять придумал, как с хулиганами бороться.

— Ну и как?

— Очень просто. Делается такое устройство в замке. Если кто-то автомат ломает — замок срабатывает и запирается. А утром милиция ходит и нарушителей, как грибы, собирает. Здорово?

— Неплохо, — сказал Холодилин. — Только если нарушитель поздоровее окажется, он к утру не только автомат, но и всю будку разнесет. И собирать будет нечего.

— Тьфу ты! — расстроился Кабытов. — Куда ни кинь, всюду клин! Да только я все равно придумаю. Будет он, обязательно будет «антихулиганский механизм имени Кабытова»!

Домой мастера добрались без приключений уже к самому рассвету.

Первым делом они затащили щетку в холодильник.

— Ты где ночевать будешь? — спросил Холодилин радиомастера. — У себя или у нас?

— У себя, конечно. Сейчас время летнее, какой-нибудь мотылек в приемник залетит или жук залезет — они там дел наделают! Глаз да глаз нужен.

— Только осторожнее иди. По сторонам посмотри вай. — И Холодилин передал радиомастеру баллончик с краской. — Смотри, чтобы ты у нас не пропал. Нам только этого не хватало.

Глава одиннадцатая Мышкин Подмышкина везет

Утром мышеловка была пуста. Приманка на месте, и мама успокоилась:

— Слава богу! Мышей нет.

Но девочка Таня и не думала успокаиваться:

— Ну и что, что мышей нет. Я про мышей и не говорю. Я про человечков говорю. А они в мышеловку не пойдут. Я знаю, что делать. Я, мама, зубной порошок в кухне насыплю. Если человечки есть, они следы оставят.

— Так я тебе и разрешила! — сказала мама. — Я каждый день полы мою, а ты будешь мусорить.

— Мамочка, ну только один раз. А потом уберу!

— Ну, если уберешь, попробуй. Только весь пол пачкать не надо. Сделай дорожку из угла в угол. И подметать легко, и если человечки есть, они обязательно следы оставят.

— Ура! — закричала девочка.

— Но ты весь день будешь вести себя хорошо. Иначе никаких дорожек.

— Конечно, конечно, мамочка! Давай мне скорее кашу!

— ...Ничего себе! — ахнул Новости Дня. Он сидел в комнатке внутри приемника, и поэтому слышал весь разговор. — Дело пахнет керосином. Эта девочка нас в покое не оставит. Я думаю, нам пора уносить ноги.

Дело действительно принимало плохой оборот. Гарантийным человечкам категорически запрещалось показываться на глаза детям. Не каждый взрослый знал про них. Только главные специалисты заводов и фабрик. А чтобы про них узнали дети, нельзя было допускать ни в коем случае. Поэтому как только хозяева ушли из дома, радиомастер сломя голову помчался к Холодилину:

— Караул! Знаете, что девочка придумала?

— Что?

— Она дорожку из порошка на кухне насыпать хочет. Чтобы мы на ней следы оставили.

— Плохо! — сказал Холодилин.

— Еще как! — закричал Новости Дня. — Если девочка нас найдет, представляет, что будет? Она станет нас укладывать спать, возить в коляске, кормить пирожными из песка! Забинтовывать, мазать зеленкой, мерить температуру с утра до вечера!

Пылесосин согласно кивал головой, а Холодилин помалкивал.

— А если она подарит нас какому-нибудь мальчику? Он станет таскать нас в карманах! Менять на перочинные ножи! Заставит плавать на самодельных кораблях! Превратит в игрушечных солдатиков! А я не хочу, не желаю!

— Да и я, — согласился Холодилин, — не очень желаю.

— Значит, мы должны немедленно уходить на свои заводы!

— А как же Буре? — спросил Холодилин.

— Не знаю как, — ответил радиомастер. — Только нельзя, чтобы из-за одного человека пропали все. Все важнее одного — таков закон.

— Это неправильно! — сказал Холодилин.

— Почему? — удивился Новости Дня.

— Действительно, почему, дядя Холодилин? — вмешался и мальчик.

— Очень просто, — стал объяснять мастер. — Сначала вы считаете, что все важнее одного. Потом считаете, что большинство важнее меньшинства. А дальше у вас получится, что половина всех важнее половины всех.

— Так уже не получится, — сказал Новости Дня. — Половина всех равна половине всех.

— Это только на словах, — объяснил Холодилин. — А если одни привыкли считать себя главнее других, они так и будут считать себя главнее, даже если их станет меньше. И в конце концов у вас выйдет, что не все важнее одного, а один, самый важный, важнее всех остальных.

— Это все разговоры, — сказал радиомастер.

— Никакие это не разговоры, — возразил Холодилин. — Вспомни Великого Трансформатора и войну сто двадцать семь на двести двадцать.

Но тут разговор мастеров был прерван, потому что в кухне послышался какой-то шум. Человечки высунулись в щели, и Холодилин закричал:

— Ого-го! Что я вижу... Мышкин Подмышкина везет!

— Все правильно, — послышался голос в ответ. — Только все наоборот. Я-то наверху!

К ним приблизились старые знакомые с белым флагом. Причем один сидел верхом на другом.

— А почему так? — спросил Холодилин.

— Разжаловали его, — объяснил высокий лейтенант, который сидел в седле. — Перевели из лейтенантов кавалерию. Судьба играет офицером. Кому не везет, тот возит сам.

— За что же тебя так понизили? — спросил мальчик у мышонка.

Мышонок-лошадь грустно пожевал колбасные ремни, потупил глаза и со вздохом произнес:

— Откусил. Вот за что.

— Что — откусил?

— Колбасу, которую мы у вас захватили. Велено было не кусать — доставить живьем. А я не доставил.

— Я вижу, у вас суровые порядки, — сказал Холодилин.

— А как же! — согласился верховой лейтенант. — Армия у нас, у мышей, — это сложное дело. У нас это дом отдыха, где все делается по команде «бегом».

— Ну, а с чем вы пожаловали? — спросил радиомастер. — И почему средь бела дня?

— А вот с чем, — ответил лейтенант. — Мы пришли заявить страшный протест. Почему вы поступаете не по военному? Почему вы кормите пленных сосиской?

— А что? Что в этом плохого? .

— А то. Слухи об этом проникли в наши ряды, и теперь вся армия собирается сдаваться в плен. Какой смысл переносить лишения, идти в атаки и питаться старым сапогом, когда у противника запросто выдадут сосиски? Видите ли в этом какую-нибудь толковость?

— Не видим.

— И я не вижу. И все не видят. И поэтому мы категорически требуем пленных не кормить! Корочка хлеба, немного воды. И то через день! Хватит с них, а то полопаются!

— А если мы не выполним ваши условия? — спросил Холодилин. — Если мы им, например, сала дадим? Тогда что?

— А у вас есть?

— Есть, конечно.

— Тогда не знаю что. Это нарушение всяких правил! Это военное преступление! Вся армия разбежится. И будет права. Желудок солдата важнее головы полководца.

— Ну вот что! — пресек его Холодилин. — Если нам вернут мастера, мы дадим за него выкуп — колбасу, сахар. А если не вернут, вам будет плохо. Мы пустим в ход мышеловки, электричество и даже всемирные потопаы.

— Это как? — спросил лейтенант.

— А так, — объяснил Новости Дня. — Опустим один конец трубки в ведро с водой, а другой — к вам в нору. И

будем ждать, пока вы, мокренькие, к нам в руки попрыгаете.

— Ясно, — сказал Мышкин. — Придется нам морской флот организовывать. Лодки из картошек выгрызать.

— Что хотите выгрызайте, хоть авиацию! — сурово ответил Холодидлин. — Только чтобы Буре был у нас завтра к вечеру!

После этого мышата в задумчивости удалились.

Глава двенадцатая Великий Трансформатор

— Ну так что, — спросил Холодидлин у радиомастера, — будешь ты немедленно уходить?

— Буду.

— Счастливого пути! Только никуда-то ты не уйдешь, как мне кажется.

— Это почему еще? — удивился мастер.

— Да потому, что у тебя радиолы не работает.

Радиомастер схватился за голову:

— А ведь верно! А ведь верно! И как это я забыл?

И он в волнении стал рассказывать из угла в угол холодидлинской комнаты.

— Дядя Холодидлин, — вдруг спросил мальчик, — а что это за война такая — сто двадцать семь на двести двадцать? Я про нее ничего не слышал.

— Сейчас расскажу, — ответил Холодидлин. — Одну минуточку... Слушай, — обратился он к радиомастеру, — будь добр, возьми дрель и проверни несколько дырочек в полу. Надо узнать, что там у них делается.

Новости Дня взял дрель и вышел из комнаты. А Холодидлин начал рассказ:

— Раньше, лет двадцать назад, все телевизоры, холодильники и другие приборы выпускали на напряжение сто двадцать семь вольт. А потом начали выпускать и на двести двадцать. Понятно тебе?

— Чего ж тут непонятно? — ответил мальчик.

— Сначала гарантийных человечков на сто двадцать семь было много. Они считали себя главней. И радио передачи делали для себя, и паяльники, и утюги. Только

мастеров на двести двадцать становилось все больше. Все больше. И те, которые на сто двадцать семь, в конце концов остались в меньшинстве. Но они уже привыкли считать себя важнее и ни в чем не уступали. Тогда и началась война. В каждом доме, на каждом заводе! Сколько пленных было захвачено, сколько разных поломок организовано — целую книжку можно написать.

— А кто такой Великий Трансформатор? — спросил мальчик.

— Был такой предводитель у двухсот двадцати. Очень умный человек. Это он предложил создать Управление гарантийных человечков, а в нем два отдела — сто двадцать семь и двести двадцать. И в каждом городе или поселке свои управления. Даже на больших кораблях и самолетах. Кого в данном управлении больше, те и командуют.

— А что стало с Великим Трансформатором?

— А ничего. Работает где-то. Может, в стиральной машине. Может, в полотере. Он человек скромный. Прекратил войну и работать ушел. Только памятники ему все равно стоят почти в каждом доме.

— Это как? — удивился Пылесосин.

— Да очень просто. Есть такие приборы — трансформаторы. Они могут преобразовывать напряжение, сто двадцать семь переделывать на двести двадцать, а двести двадцать — на сто двадцать семь. Знаешь про них?

— Конечно, знаю. Мы в мастерской проходили.

— Так вот эти трансформаторы и считаются памятником тому мастеру.

— Красивая история, — сказал мальчишка. — Ее просто можно друзьям дарить на день рождения.

В это время в комнату вошел Новости Дня.

— Готовы дырочки, — сказал он. — Можно идти смотреть. Мастера отправились вниз.

Глава тринадцатая Мотор королевского автомобиля

Над главной площадью королевства взошло полосатое солнце. Осветило пол, норки и королевский дворец.

Буре выглянул в окно своего автобуса-зоопарка и увидел, что в королевстве не все в порядке. По площади туда-сюда разгуливали толпами мышата. У каждой группы был свой лозунг на палочках. Мастер с удивлением читал:

НЕ ХОТИМ СРАЖАТЬСЯ, А ХОТИМ СДАВАТЬСЯ.
ПОТОМУ ЧТО СОСИСКИ ВКУСНЕЕ СНАРЯДОВ!

ДОЛОЙ ПОРОХ, ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТВОРОГ!

КАКОЙ ЖЕ ОН АГРЕССОР, ЕСЛИ ОН ПРОФЕССОР!

ЗА КАЖДОГО ГЕНЕРАЛА
НАМ ДАДУТ КУСОЧЕК КОЛБАСЫ ИЛИ КУСОЧЕК САЛА!

Были еще лозунги и попроще, без выкрутасов. Такие, как, например:

ХОТИМ ДРУЖИТЬ С ГАРАНТИЙНЫМИ,
ПОТОМУ ЧТО ОНИ МОЛОДЦЫ И ВСЕ УМЕЮТ.

ЕСЛИ ОН ГАРАНТИЙНЫЙ, ЭТО ЕЩЕ НЕ ЗНАЧИТ,
ЧТО ОН ВРЕДНЫЙ И ПРОТИВНЫЙ!

Тут на игрушечном автомобильчике подъехал король. Его окружали конные, а вернее, мышинные генералы кавалерии, перетянутые ремнями из колбасной кожурь. Король выбрался из автомобиля и сказал ему:

— Поезжай на стоянку и жди меня там.

Как ни странно, автомобильчик развернулся сам и поехал к автобусу, где сидел Буре.

А на площади поднялся невероятный шум.

Король стал говорить:

— Дорогие мыши и сограждане! В наших рядах появились отдельные отступники и изменники! И их большинство! Они узнали, что противник живет хорошо, и решили, что они должны жить не хуже! Иначе как предательством это не назовешь. В первую очередь мы должны завоевать гарантийных!

Из толпы закричали:

— А зачем? Для чего?

— Если мы завоюем их, это будет наша победа! Понятно вам? Ура!

Но население молчало. Никто не закричал «ура». Если не считать нескольких генералов.

— Ну ладно, — сказал король. — Я вижу, мнения разделились. И теперь перед нами стоит один вопрос: королевство или колбаса? Колбаса или королевство? Это мы должны сейчас решить. Кому важнее королевство, пусть идет направо. Кому колбаса — налево!

Площадь зашумела и стала думать. А Буре вдруг услышал чей-то голос:

— Эй, гарантийный! Ты меня слышишь?

— Кто это?

— Это я. — Из-под машины вылез маленький белый мышонок. — Я Вася.

— Что ты там делаешь?

— Я мотор. Одна лошадиная сила. Я машину завожу.

— Разве нельзя заводить ее ключом? — спросил Иван Иванович.

— Можно. Но тогда у меня работы не будет. Я нарочно не говорю королю про ключ. А сам он в технике ни бум-бум!

— А ты бум-бум?

— Конечно. Я ведь во Дворце пионеров жил. В живом уголке. Потом сбежал и по разным кружкам бегал, где технику учат.

— А как ты сюда попал?

— Случайно. Я в самолет залез с моторчиком. Спать. А его утром запустили. Вот меня сюда ветром и принесло. Теперь я здесь живу.

— А хочешь к нам?

— Еще бы! Возьмете меня?

— Только ты мне помоги выбраться.

— И помогать нечего. Я думаю, вас и так отдадут. Видите, сколько здесь из-за вас беспорядков случилось.

В это время на площади закончилось деление мышат на тех, кому дороже колбаса, и на тех, кому — королевство. Колбасных оказалось десять. Сторонников короля — двенадцать. Среди них четыре верховных генерала.

— А лошади? — спросил Иван Иванович. — Что, они не считаются?

— Считаются, — ответил мышонок. — Только как им быть? На них же генералы сидят.

И тут белого мышонка осенило. Он открыл багажник автомобиля и вынул стеклянный наконечник от пипетки. Для кого-то это был наконечник, а для мышонка — горн-труба. Он поднял голову и затрубил: та-та-та-та! Та-та-та-та!

Это был мышиный королевский гимн. И все мышата стали вставать на задние лапы и вытягиваться во весь рост. Генералы попрыгали с коней и вытянулись и струнку. То же сделали и кони. И все запели:

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зеленая была.

— Странный у вас гимн, — сказал Буре.

— Это я предложил. Лучшая песня. В Новый год все дети поют. Много шума, веселья. Много конфет на полу остается.

Но, наверное, не все мышата хорошо знали слова своего гимна. Потому что некоторые пели так:

В трусишках зайка серенький
Под елочкой скакал.
Порою волк, сердитый волк
С овцою пробегал.

А вместо «Мороз снежком укутывал: «Смотри не замерзай!...» доносилось: «Матрос с мешком запутывал: «Смотри не вылезай!...»

А пока елочка жила в лесу, пока скрипел снег по лесу «частному» и бежали всякие «лошадки мокроногие», мышинные лошади незаметно, шаг за шагом переходили на колбасную сторону. В результате счет окончательно и бесповоротно изменился в сторону колбасы.

— Поздравляю! — сказал белый мышонок Ивану Ивановичу.

— Ура! — закричал тот. И мастера тоже немного успокоились. Они ушли в комнату.

— А все-таки эти мыши не такие уж вредные, — сказал Пылесосин.

— С ними бы не воевать, а к делу их приучать, — согласился Холодидлин. — Ну хотя бы как Машку.

— Часы с Машкой — хорошо, — сказал Новости Дня. — А часы с мышкой — чушь какая-то!

Машка услышала, что про нее говорят, высунулась из буфета, в котором жила, и давай куковать! Все так на нее и набросились:

— Ты что, с ума сошла?!

— Кыш!

— Раскуковалась тут!

— То кукуй, то не кукуй! — рассердилась Машка. — Толку от вас!

За последнее время Машка отоспалась, отдохнула, помолодела и стала просто очень хорошенькой кукушечкой. Она даже пробовала летать. И все время к чему-то прислушивалась. С другого конца деревни иногда прилетало сюда кукование. Одно «ку-ку», или два «ку-ку», или целых двенадцать. И непонятно было, то ли это живая кукушка научилась куковать по часам, то ли это часовая кукушка научилась куковать не хуже живой. Размышления на эту тему занимали все Машкино время и весь не такой уж большой Машкин разум.

Глава четырнадцатая Конная гарантия

А девочка Таня решила в этот день перевернуть весь дом в поисках человечков. И начала она сверху, с чердака.

На чердаке темно и пыльно. Стоят разные интересные и неинтересные вещи. А на них отпечатались желтые солнечные квадраты от окна и двери.

Девочка открывала дверцы старых шкафов, поднимала крышки чемоданов. Нет ли где маленького домика? А в домике маленького столика? А за столиком маленьких человечков? И пыль стояла столбом!

— Ну где же вы? — спрашивала девочка. — Апчхи!..
Но человечков не было.

— Человечки, пчхи-ловечки! Я вам ничего плохого не сделаю, я только поиграю с вами и пчхи-подружкам покажу... Не прячьтесь! Хорошенькие человечки!

Но человечков по-прежнему не было видно. Зато карманы девочки с каждой минутой наполнялись интересными вещами. Она нашла старинный замок, керосиновую лампу, потом колокольчик. Потом ручку от патефона. Потом какую-то металлическую штуку и промасленную бумагу. И многое, многое другое.

До чего же она упрямой была, эта девочка! С таким упорством можно в пятнадцать лет академиком стать, если так же уроки учить.

Вечером она расчертила всю кухню на квадраты. Дорожки из зубного порошка превратили веранду и страницу из тетради по арифметике.

— Да брось ты... — говорила мама. — Лучше бы почитала букварь. Нет никаких человечков!

— Есть, — ответила Яна. — Еще как есть. Вот мы утром увидим.

Мама, конечно, могла запретить девочке. Но из-за этих человечков Таня вела себя хорошо: и спала, и ела, так что мама не стала спорить. Тем более девочка обещала, что сама уберет дорожки и даже вымоет пол.

Когда в квартире все заснули, Холодилин сказал радиомастеру:

— Ну что, пойдем к тебе щетку ставить?

— Пойдем, и немедленно, — отвечал Новости Дня. — Счастье наше, что радиолу до сих пор не включали.

Мастера взяли инструменты, щетку, пошли к выходу.

— А ты сиди и никуда ни шагу! — сказал Холодилин мальчику. — Может, сегодня Буре приведут.

Освещая путь фонариком, оба мастера двинулись от холодильника к приемнику. Холодилин нес щетку на спине, держа ее обеими руками за проволоку, как крестьяне носят мешки с зерном.

— Стоп! — вдруг сказал радиомастер. — Ты видишь?

Путь преградила дорожка из зубного порошка. Они пошли в обход. Но и с другой стороны путь пересекла такая же дорожка.

— Не пройти, — сказал Новости Дня. — Попались... Вот упрямая девочка!

— Дела! — согласился Холодилин. — Делишки! Может, нам ходули смастерить, чтобы через них перешагивать?

— Придется, — сказал Новости Дня. — Если ничего другого не придумаем.

Мастера вернулись в холодильник.

— Только пока мы их сделаем, полночи пройдет! — сокрушался радиомастер. — Успеем ли?

И тут осенило Пылесосина:

— А вы на мышах поезжайте. Чего они зря простаивают? Пусть и у нас будет кавалерия.

— Это мысли! По коням!

Новости Дня быстро смастерил из тонких проволочек уздечки, из клейкой ленты — седла, а из гаечек — стремяна.

— Эксплуататоры! — возмущались Андреи Андреевичи. — Угнетатели! Ну ничего, ничего! Это вам обойдется в два лишних кружка колбасы. На печенье мы ни за что не согласимся!

— А тебе задание важное есть, — сказал Холодилин мальчику. — Нужно подземный ход проделать. Боюсь, он нам скоро понадобится. Ну и все. Привет. Будь осторожен.

Пылесосин принялся за работу. Ж-ж-жжжжжж! — жужжала электрическая дрель в руках мальчика. Он сделал дырочки в полу. А потом маленькой пилкой пропиливал дорожку от дырочки к дырочке. Через некоторое время люк был готов. Мальчик отвернул выпиленный круг и лег на пол, чтобы посмотреть вниз. И тут из дыры показались беленькие усики, и наружу выбрался мотор королевского автомобиля — мышпонок Вася.

— Привет, гарантийные! — сказал он. — Я к вам. Плохо дело. На вас нападение готовится!

А мастера в это время работали. Хорошо, что они были вдвоем. Одному такую трудную работу ни за что бы не сделать. Новости Дня изо всех сил оттаскивал ленточную пружинку. А Холодилин ставил угольную щетку в гнездо. Наконец она щелкнула и стала на место.

— А теперь надо твою комнату разобрать на всякий случай, — сказал Холодилин. — А то вдруг придется уходить. Надо чтобы никаких следов не оставалось.

— Я вижу, что некоторые не только нарушают инструкции умеют, но и соблюдать иногда, — съехидничал радиомастер. — Ты комнатой займись. А я все остальное проверю. Чтобы тут и без меня все работало. Ведь срок гарантии у меня еще не кончился.

Они занялись делом. Новости Дня осматривал радиолампы, сопротивления, всевозможные катушки и конденсаторы. Что-то очищал от пыли, что-то заменял. А Холодилин разбирал панели комнаты. Отвинчивал мебель и подавал радиомастеру. И все это незаметно распределялось внутри приемника.

Самосвал превратился в колпак радиолампы, красная тахта — в изолирующую прокладку под мотор, а стол и стенные панели — в крышки для трансформатора высокого напряжения.

Мастера последний раз оглядели комнату и спустились вниз на пол, где ждала их мышьяная кавалерия, привязанная к ножке стола. Верхом на мышках они вернулись в холодильник.

— Вы слышали? — встретил их мальчик. — На нас нападение готовится.

— Еще новости! — сказал Новости Дня. — Что за нападение?

— А вот послушайте. — Пылесосин познакомил их с мышонком, и Вася начал рассказ.

Глава пятнадцатая Вперед — за колбасой!

Да, Пылесосин радовался рано. В тот момент, когда сторонники колбасы победили, король снова вскочил на трибуну:

— Так, значит, дорогие сограждане, для вас важнее колбаса?

— Точно!

— Так завоюем гарантийных! — закричал король. — У них сколько хочешь колбасы! И вся она будет наша! Ура!

— Ура! — закричали сограждане.

— Вперед! — закричал лейтенант кавалерии Мышкин. — К оружию!

— Вперед! — подхватили все.

Удивительно это получилось. Только что никто не хотел воевать, и вдруг оказалось, что все за войну. Почему, так никто и не понял.

— Так что, гарантийные, готовьтесь, — закончил свой рассказ мышонок. — А я не хочу против вас воевать.

— Слушай, — спросил Холодилин, — кто у вас там такой толковый? Кто про клей придумал? И провода перегрызает?

— Я придумал. Я немного в технике разбираюсь.

— Спасибо, — сказал Новости Дня. — Очень ты нас порадовал.

— А в какой технике? — спросил Холодилин. — В механике или в электричестве?

— И в механике, и в электричестве. Я во Дворце пионеров жил.

— А в часах разбираешься?

— Нет. Совсем нет.

— Выучиться хочешь?

— Еще как! — сказал мышонок. — Да здравствует его величество король! То есть нет, наоборот: пусть ему кошка приснится!

— Ну что, вперед? — спросил Новости Дня. — Ивана Ивановича выручать! Мне кажется, мы должны напасть первыми.

— Ни в коем случае, — сказал Холодилин. — Сейчас мы пойдем. Мыши в темноте хорошо видят, лучше кошек. И мы пропадем. Дождемся утра. А сейчас давайте мою комнату разберем и вещи сложим.

Комната была быстро разобрана.

— Отлично! — сказал Холодилин. — Теперь займемся оружием... У тебя что? — спросил он Новости Дня.

Радиомастер извлек из рюкзака металлический бочонок:

— Конденсатор заряженный. Если эти проволоочки поднести к кому-нибудь, так трахнет — закачаешься!

— Отлично. А у тебя что? — спросил Холодилин мальчика.

— У меня ничего, — сказал Пылесосин. — Разве вот это. — Он показал что-то завернутое в бумагу.

— Что это?

— Запасная пружина к часам. Скрученная.

— Откуда?

Пылесосин опустил глаза:

— У хозяйской девочки стащил.

— Вот еще! — ахнул Новости Дня. — Зачем?

— Для Ивана Ивановича. Хотел ему подарок сделать. Может, девочка не заметит.

— Как же, не заметит! — сказал радиомастер.

— Час от часу не легче!.. — сказал Холодилин, и наступила сердитая пауза. — Ладно, делать нечего, — продолжил холодильный мастер. — Но если об этом узнают в управлении, нам здорово нагорит!

— Может, положить на место? — спросил Пылесосин.

— Теперь уже поздно. Только хуже будет, — сказал Новости Дня.

— Ладно, — сказал Холодилин. — Может, обойдется. А сейчас всем спать. До рассвета у нас есть еще время.

Его комната была разобрана. Ни диванов, ни кроватей. И все улеглись на полу, положив под голову рюкзаки с инструментами. Рядом тепло посапывали дни пленных Андрея Андреевича.

Глава шестнадцатая Лучшие зубы королевства

Мастера были во всеоружии.

— Все! — сказал Холодилин. — Теперь вперед! Смотрите, мы ничего не забыли! — Он стал поднимать крышку люка.

— Боюсь, вас там схватят, — предупредил белый мышонок.

— Могут, — кивнул Холодилин. — А мы вот как сделаем... Эй, парень, давай твою пружину.

И все поняли, что задумал мастер. Пылесосин вынул из рюкзака тяжеленный сверток. Что-то промасленное и крепко перевязанное проволокой.

Раз! — и сверток полетел вниз, в подвал.

— А теперь ждем.

Внизу под люком сначала все было тихо. Потом послышался торопливый топот ног. И голоса.

— Это я нашел! Я первый увидел! — кричал мышонок Подмышкин. Ему очень хотелось уйти из кавалерии и снова стать лейтенантом.

— Нет, я! — спорил лейтенант Мышкин, который всей душой рвался в генералы. Для убедительности он даже встал на сверток как на пьедестал.

— Нет, это мы нашли! — кричали два каких-то мышинных генерала.

Все больше и больше мышей собиралось на площади. Суматоха и шум росли.

И вот прибыл король. Все разошлись и уступили ему дорогу к свертку.

— Ваше величество, — сказал Мышкин, — это штуковина упала сверху. И она вся промасленная.

— Что с возу упало, то пропало. Так говорит народ, — заявил король. — А у меня пока еще нет оснований ему не доверять.

— Кому вы поручите торжественно перегрызть проволочку? — спросил Мышкин.

— Я сам ее перегрызу, — сказал король. — Мои зубы, пожалуй, самые лучшие в королевстве.

— Не завидую я его зубам, — грустно сказал Холодилин. — Такие пружины делались из лучшей немецкой стали.

Послышался звук, будто кто-то пилил металлом по металлу. Потом раздался ужасный звон и треск. И пружина плеснула во все стороны.

Она раскручивалась все больше и больше, и крутами разбегались по площади и разлетались во все стороны рядовые и генералы колбасной армии.

— Вперед! — сказал Холодилин. Он сбросил в люк кусок проволоки, и мастера заскользили вниз, как пожарные при пожаре.

Главная площадь мышинного города была пуста. Никого.

Только Иван Иванович что-то радостно кричал из автобуса. Мастера выпустили его, обнялись и с огромным трудом скрутили немецкую пружину.

— Ну, как местная публика? Вредный народ? — осведомился Холодилин.

— Нет. Бестолковые они, а так ничего. Кормили меня, здоровались. Если бы не их король, с ними можно ладить. А вы почему с рюкзаками?

Ему рассказали обо всем, что случилось за это время наверху.

— Значит, уходим? — спросил Буре.

— Да. И как можно скорее, пока местные умы не расчухались.

— А Машка где?

Холодилилин хлопнул себя по лбу:

— Забыли! Я сейчас.

Он стал карабкаться вверх по проволоке. Обратно и люк. Остальные ждали его внизу.

— Нет Машки! — через некоторое время высунулся Холодилилин. — Я все обыскал. Пропала!

— Без Машки я не пойду, — уперся Буре. — Хоть вешайте.

— Иван Иванович, — сказал Пылесосин, — нам надо уходить. Там, наверху, нас девочка разыскивает, а здесь — мыши. Пропадём мы.

— А я без Машки пропаду... — Буре так расстроился, чуть не плакал.

— Эй, — крикнул Холодилилин радиомастеру, — что будем делать?

— А ничего, — отвечал Новости Дня. — Надо было раньше думать. А сейчас он прав. Нельзя ему без кукушки в город.

— Тогда поднимайтесь сюда. Решать будем.

Один за другим гарантийные человечки поднялись и холодильник.

Мышонок Вася последовал за ними.

— Нам бы где-то спрятаться надо, — сказал Холодилилин. — Чтобы девочка нас не нашла. И переждать.

— А где ты от нее спрячешься? — сказал Новости Дня. — Она такая настырная. Хоть на люстру залезай!

— А что? — задумался Холодилилин. — Это мысль. Можно и на люстру.

— А как? — спросил Пылесосин.

— А так! — отвечал Холодилилин. — Присоски на что?

Он вытряхнул из рюкзака резиновые присоски.

— По очереди и полезем. Один залез и другому сбросил.

— А хозяйева? — сказал Буре. — Вдруг они нас заметят! Смотрите, уже совсем светло.

— Не заметят, — возразил Холодилин. — Утренний сон самый крепкий. Первым полезет Пылесосин. Затем Буре. А потом мы с радиомастером. А тебе, Вася, — обратился он к белому мышонку, — поручение будет важное. Ты здесь все ходы и выходы знаешь. Разведай, куда Машка пропала. Машка — это кукушка из часов.

— А что с пленными делать? — спросил Пылесосин про Андреев Андреевичей.

— А ничего. Пусть идут. Не будете спорить? — спросил он у мышат.

— Мы что, больные? — ответили Андреи Андреевичи. — Или шлепнутые? Мы вам тоже про Машку будем узнавать. Потому что вы нам понравились.

Пылесосин, перебирая присосками как ящерица геккон, забирался вверх по стене, а потом пополз по потолку.

Вот он добрался до люстры, уселся на краю, отстегнул присоски и сбросил их вниз.

Следом полез Буре, затем Новости Дня.

Последним на люстре оказался холодильный мастер.

— Порядок! — сказал Холодилин.

— Вот теперь, — сказал радиомастер, — мы как раз и попали в ловушку.

— Это почему еще?!

— А потому. Как же мы слезать отсюда будем?! Вверх же мы присоски не забросим!

Мастера, как по команде, схватились за головы:

— Караул!

Ситуация была более чем неприятная.

Глава семнадцатая На люстре

Утром Татьяна внимательно исследовала все меловые дорожки.

— Мама, мама! Иди сюда. Есть человечки! Есть человечки! Вот, пожалуйста, они следы оставили!

— Как так — следы? — спросил Холодилин радиомастера. — Ты что, слезал с лошади?

— Нет, не слезал. Просто мой мышонок пониже. И я, наверное, ногами задевал.

— Мышиные лапки я вижу, — с тревогой сказала мама. — А насчет человечкиных следов сомневаюсь.

— А я не сомневаюсь! — кричала девочка.

— Глупость все это! — сказала мама. — Я тридцать лет на свете живу, а ничего подобного не слышала. Вот котенка я тебе, пожалуй, подарю.

— И котенок хорошо! И человечки хорошо! — танцевала девочка. — Я их теперь обязательно найду. Они где-то около холодильника прячутся.

— Ты сначала позавтракай, — сказала мама. — И подумай еще: стоит ли их ловить, раз они от тебя скрываются?

И девочка сразу погрустнела:

— Ты знаешь, мамочка, наверное, не стоит. Мне просто на них посмотреть хочется, как они там живут. Я даже сама не знаю, откуда во мне такое ловительство. Я посмотрю на них и отпущу.

Все-таки вредная половинка Яна не всегда брала верх. Юшечка тоже могла говорить свое слово.

Гарантийные сидели на люстре и ломали головы: как же им теперь спуститься вниз, как выбраться из западни.

А в доме вовсю шли приготовления к дню рождения. Покупались продукты, мылся пол, и девочка Таня все говорила маме:

— Мама, мама, обязательно отодвинь холодильник! Вон за ним как много пыли.

— Придумал, — вдруг сказал Холодилин, сидя на краю люстры. — Есть выход. Мы парашюты сделаем.

— Как же мы их сделаем? — возразил Новости Дня. — У нас и материи нет.

— Нам не нужна материя. Мы их из нитроокраски сделаем. Вот эти лампочки большие видите?

— Видим.

— Мы верхушки нитроокраской покроем из пульверизатора. Краска высохнет, и получится пленка. Пожалуйста, снимай ее — вот тебе и купол парашютный!

— Но она же прилипнет к стеклу, — сказал Новости Дня. — Ее никакой силой не отдерешь.

— И неправда, — возразил Холодилин. — Смотрите, сколько пыли на лампочках. Краска до стекла даже и не достанет... А ну-ка за дело!

Он вытащил баллончик с пульверизатором и, как только хозяйева куда-то ушли, осторожно стал покрывать верхушку лампочек краской. Слой за слоем. Нитрокраска очень быстро высыхала, и прямо на глазах у человечков получались белые парашютные купола. Оставалось только снимать их, как кожу с гриба масленка.

— Ура! — закричал Пылесосин. — Спасены! — Потому что сделать стропы из запасного мотка с проволокой было проще пареной репы.

...День рождения у Тани вышел на славу. Гости пели, танцевали и вообще всячески веселились. И чего только не подарили девочке! И куклу, и краски, и грузовой автомобиль, и новую немецкую игрушечную стиральную машину.

— Интересно, а в ней есть гарантийный? — спросил Пылесосин. — Вот бы поговорить.

— Конечно, должен быть, — сказал Буре.

— Не думаю, чтобы там кто-нибудь был. — сказал Новости Дня. — Дети очень часто игрушки до ниточки разбирают. Там находится опасно.

— Мама, — спросила Таня, — а ты почему мне ничего не подарила?

— Будет тебе подарок, — сказала мама. — У моей сотрудницы по работе кошка котят родила. Только они пока маленькие. Вот когда приедем в город, они подрастут, и мы одного заберем. А сейчас твой подарок еще ходить не умеет.

— Ой, мамочка, как хорошо! — запрыгала Таня. — Какая ты у меня замечательная мама! Самая подарочная! Умница!

Наконец-то пришел вечер. С ним пришла тишина. А потом настала лунная ночь. И все в доме крепко заснуло.

Гарантийные с пристегнутыми парашютами ждали на краю люстры.

Вот послышался цокот коготков, и на середину комнаты выбрался белый мышонок Вася.

— Эй, гарантийные, спускайтесь, я знаю, где ваша Машка!

Человечки, как по команде, сиганули вниз.

На улице было тепло и непривычно. И во все глаза светила луна.

По обочине дороги человечки пробирались на край деревни.

Там в последнем доме, по сведениям мышонка Васи, проводила все свое свободное время легкомысленная кукушка Машка.

Потому что в доме тоже были старинные часы. В часах тоже жила кукушка. Звали ее, а вернее, его — Петька.

Гарантийные пробирались сквозь густую траву, старались не показываться в открытых местах.

— Я первый раз так иду, — сказал Иван Иванович.

— А я сколько раз! — сказал Новости Дня. — Вертолеты ведь далеко летать не могут. Вот и добираться пешком на попутках на свой завод.

Он шагал впереди, прокладывая дорогу и посматривая, нет ли какой опасности — кошки там или филина. Перед собой он держал две проволоочки от конденсатора, а сам конденсатор был в рюкзаке. Шествие замыкал Холодилин с баллончиком в руках.

Ни кошки, ни коршуна не было. И вообще не было особых приключений. Только один запоздалый ночной и бестолковый индюк попытался их поклевать. Но радиомастер протянул к нему проволоочки, и шесть килограммов индюшатины в ужасе унеслись в неизвестном направлении.

Вот и крайний дом. Двери закрыты, а окна заколочены. Но мышонок знал все ходы и выходы. Он приподнял половицу под дверь, и человечки пробрались внутрь.

— Мы здесь раньше жили, — сказал Вася. — Пока хозяева в город не переехали.

В доме было чисто и пусто. В большой комнате висели старинные часы.

Человечки покричали и пошумели, и к ним сверху упала веревочная лестница.

Хозяин был дома. Это был плечистый седобородый старик. Он встречал гостей на площадке внизу, придерживая огромного цепного паука. В руке он держал горящую свечу.

— Тихо, Бац-Бац! На место. Кому говорят!

Паук с недовольным ворчанием удалился в свою будку — темный угол часов, завешанный паутиной.

— Сергей Сергеевич Мозер, — представился хозяин и поклонился в пояс.

Он быстро вскипятит самовар и стал угощать пришельцев. Но Машку отдать наотрез отказался.

— Это как голуби, — сказал он. — Я подманил. Была ваша Машка — стала наш Пашка. Не зевайте в следующий раз. А у меня теперь пара.

Старик оказался интересным. Он привык к одиночеству и не тяготился этим, как не тяготятся пожилые лесники и пасечники. И вообще он вел скорее крестьянский, чем мастеровой образ жизни. Даже пчелы у него были. Вернее, осы.

Буре совсем было загрустил, но Пылесосин нашел выход.

— А сменять можно? — спросил он у старика.

Старик недоверчиво покосился на него:

— А на что?

— Вот на это. — Он вытащил из рюкзака пружину. Глаза у Мозера загорелись. Пчелы пчелами, природа природой, а все-таки он был мастер. И неплохой, судя по тому, сколько лет служили его часы и как они выглядели.

— Вот черти хитрые! — сказал он. — Ладно, берите вашу бестолковушку!

Он вышел из комнаты и принес пучеглазую Машку. Кукушка увидела Буре, захлопала крыльями и радостно уселась к нему на плечо.

— Все, — сказал Холодилин. — Прощаемся.

Мозер проводил их до лестницы. Придержал Бац-Баца и пожелал счастливой дороги.

— Ну, как дальше? — спросил Буре, когда они вышли из дома.

— Очень просто, — ответил Холодилин. — До ближайшего шоссе. Там у километрового столба делаем знак. Ставим наверх цветок и ждем.

— Чего ждем?

— Увидите.

И вот целый час стоят они возле километрового столба. На столбе цветок. А они ждут.

У-У-У-У! — слышался вой мотора издалека. Показался новенький, с иголки, грузовик.

— Приготовиться! — приказал Холодилин. И точно, вдруг грузовик стал пыхтеть, чихать, дергаться и резко сбавлять скорость. Около километрового столба машина остановилась.

Из кабины вылез молоденький недоумевающий шофер, открыл капот и стал копаться в моторе.

— С чего бы это? — говорил он, почесывая затылок. — Ехал, ехал — и вдруг! Совсем ведь новый мотор. Еще гарантия не кончилась.

Тут из мотора грузовика рядом с передним колесом выпала веревочная лестница. Человечки подхватили рюкзаки и ринулись внутрь. И вместе с ними, конечно, Вася.

— Быстрее, быстрее! — говорил маленький человечек в черном комбинезоне. Он стоял наверху.

Путники оказались в довольно уютной, хотя несколько замасленной комнате-мастерской. И как только они вошли, хозяин медленно исчез. Через две минуты мотор снова запел песню, и они поехали.

Глава восемнадцатая

Почему мы, гарантийные, хорошо на свете живем

— Ничего не понимаю, — сказал Буре хозяину комнаты, когда тот вернулся. — Вы что, специально за нами ехали?

— А чего понимать-то? — ответил автомастер. — Увидел я знак, и все. И остановил машину.

— Но как?

— Да просто. Прекратил подачу бензина. А потом снова завел. Все путем. В первый раз, что ли?

— А что шофер?

— Он подумал — песчинка попала. Да мало ли что!

— А я вас знаю, — сказал Пылесосин. — Вы Карданыч. Вы нас на дачу перевозили.

— И совсем нет. Я Рессорыч. А Карданыча я знаю. Мы в одном парке работаем. Вы лучше скажите, кому куда. Человечки называли адреса.

— Все путем, — сказал Рессорыч. — Прокат холодильников на нашей улице. Радиозавод рядом. Карданыч

туда ездит. Да и мастерская по ремонту пылесосов где-то по дороге будет. А вот вам куда? — обратился он к Буре.

— Поедете со мной? — спросил Буре у мышонка.

— Еще как!

— Тогда нам на улицу водопроводчика Петрова.

— Ладно, — согласился Рессорыч. — Только вам придется со мной поездить. Может, неделю. Может, две. Мы в тех краях редко бываем. Там заводов нет.

— А как вы в дом проберетесь? — спросил Холодилин.

— Попроверутся, — сказал Новости Дня. — Через балкон. Или через чердак. Или через вентиляцию. Или по антенне. А лучше всего — ты им присоски свои отдай.

— И верно, — согласился Холодилин. — Держи, Иван Иванович.

— Ну что же, — сказал Буре, — давайте на всякий случай прощаться. Очень я к вам привык. Сдружился за это время. Я теперь как осиротею.

— Ничего, — успокоил его Пылесосин. — Может, кто у вас новый появится. В стиральной, например, машине приедет.

— То ли появится, то ли нет, — возразил Буре. — А потом, пока я к ним привыкну, пока подружусь, как с вами, им уже и уезжать пора.

— Не прав ты, Иван Иванович, — сказал Холодилин. — Почему мы, гарантийные, хорошо на свете живем? Да потому, что мы не привыкаем друг к другу, а сразу ладим. Мы к каждому мастеру подходим так, будто всю жизнь его знали. И не просто знали, а как хорошего человека. Верно, Рессорыч?

— А что? Все путем.

— А хочешь, Рессорыч, я тебе перочинный нож подарю? Или фонарик новенький?

— Нож-то мне ни к чему, — ответил мастер. — А вот от фонарика я бы не отказался. Дари, коли не жаль.

А мотор все гудел и гудел. А дорога все бежала и бежала под колесами. Холодилин отвел Буре в сторону и сказал:

— У тебя, Иван Иванович, хорошее дело может выйти. Ведь до сих пор мыши с людьми не ладили. А ведь можно их помирить. Чем мыши, например, собак хуже? Или пчел?

— Понял, — сказал Иван Иванович. — Постараюсь.
А дорога все бежала и бежала назад. И становилась
все короче и короче. Все путем.

Эпилог

Девочка Таня все излазила на даче. Но не нашла
человечков. И грустно-прегрустно ей стало. И
немножко совестно.

— Мама, — сказала она, — я больше не буду че-
ловечков искать. Ведь если они от меня прячутся, то
знают почему. Пусть живут, как им хочется. Даже
если их нет. Если они мне приснились.

И вдруг она увидела кончик белого листка,
торчащего из-под холодильника. Девочка взяла его
и прочитала:

**НИКАКИХ ЧЕЛОВЕЧКОВ НЕТ. ЭТО ВСЕ ТЕБЕ
ПРИСНИЛОСЬ. НО КОТЕНКА У МАМЫ НЕ ПРОСИ.
И.И. БУРЕ.**

И опять Иван Иванович жил в часах. Он, да
Машка, да мышонок Вася. Замечательно они
жили. Просто очень хорошо. Только Машка
отличилась. Стала яйца нести. Нет чтобы свое
гнездо свить, так здрасьте пожалуйста — начала
из дома вылетать и по разным часам их
раскладывать. Ничего не поделаешь — она же
кукушка, а не курица. И в разных часах в
разных квартирах стали птенцы выводиться.

Вот почему в современных домах среди
современной мебели так много стало
обыкновенных деревенских ходиков с
кукушкой. Вы это тоже заметили?

Проза для взрослых

Антонов, или Как важно быть великим

Есть у меня в нашем подъезде

один знакомый — сантехник, полужулик-полуалкаш.

Ваш новый водопроводный кран он старается подменить старым. Любой чужой шведский и гаечный ключ норовит засунуть к себе в сумку. Ни на одном рабочем месте больше двух месяцев не задерживается, отовсюду его гонят.

И никто о нем ничего хорошего не говорит. Потому что он простой сантехник. Но как бы все изменилось, если бы он был знаменитым физиком или выдающимся поэтом.

При всех тех же его чертах его окружал бы совсем другой ореол.

И все его поступки получили бы совсем иную окраску.

Он нигде не может прижиться. Каких только мест работы он не менял. Он был мусорщиком, киномехаником, сторожем на складе валенок, истопником, осведомителем КГБ, приемщиком стеклотары.

Жил в Ярославле, Загорске, Москве, Пушкино, Воркуте, Мытищах, в Свиблове и на сто первом километре. И отовсюду его брезгливо гнали в три шеи.

Но как бы об этом можно было красиво написать, если бы он был депутатом Государственной думы или великим поэтом.

«Антонов хорошо знал народ. И немудрено: в каких только городах и деревнях он не побывал во время своей насыщенной событиями жизни. Он прекрасно знал быт Череповца, Загорска, Москвы и Санкт-Ленинграда.

Он овладел множеством профессий. Он был киномехаником в Кызыл-Орде, кочегаром в рудниках Воркуты, имел опасную работу со стеклом в Гусь-Хрустальном и постоянно находился под колпаком у КГБ.

О своих скитаниях по великой и столь любимой им России он очень красиво написал в каждом с детства известном стихотворении «Дали Родины»:

Бежит ли зверь
В лесу глухом,
Лежит ли тень...

Антонов известный скандалист. Однажды он пришел домой на свою коммунальную кухню и увидел, что его соседка — светлый божий одуванчик в халатике — кипятит суп на его конфорке.

Антонов взял и вылили этот суп в раковину:

— Не будешь, старая дура, на мою плиту залезать!

Как нехорошо! Но если бы Антонов был депутатом, ну пусть знаменитым поэтом, этот факт получил бы другую окраску.

«Однажды измученный властями и усталый поэт вернулся в свою квартиру. Он вошел на кухню и увидел, что на его конфорке его соседка кипятит суп для своей собачки.

Другой бы не обратил бы на этот факт никакого внимания. Другой бы, но не АНТОНОВ! Он никогда не хотел чужого, но и своего он не мог уступить ни капли — будь то плита или его личная свобода. Его свободлюбивая натура взбунтовалась, и он на глазах у изумленной старухи вылил весь суп в раковину.

Об этом событии есть у него замечательные строчки:

Кипит ли суп в лесу густом,
Лежит ли тень...

Антонов, несмотря на свой возраст, не может пропустить ни одной женщины. Отношение у него к женщинам самое примитивное. Только бы за что-нибудь ухватить.

Бедная лифтерша-консьержка Вера от него просто плачет. Однажды она даже треснула его пустым чайником по голове.

А муж паспортистки Иры Тимофеевой однажды подкараулил Антонова у паспортного стола и отпи... отпикнул его так, что Антонов вышел на улицу через стекло.

Когда речь идет о любовных отношениях с женщинами, Антонов ничего не может сказать, кроме как:

— Вот стою я и держу я ее за ... А тут дверь скрипит, идет один ... Я бросаю эту ... и бежать к другой...

«Большую роль в жизни Антонова играли женщины. Он был великий романтик. Чего стоит одно его кратковременное, но светлое увлечение паспортисткой Ирочкой Тимофеевой. Недалекий муж этой женщины не понял, какое счастье выпало на долю его хорошенькой жены. Он напал на великого поэта во время любовного свидания с тяжелым молотком в руках.

Чтобы не подводить бедную женщину, Антонов вышел из неудобного положения сквозь стекло. Рискуя поранить себя, он отводил беду от любимой...

Об этом очень хорошо сказано в его тонком лирическом стихотворении «Гудит ли лифт...»:

Гудит ли лифт в лесу густом,
Кипит ли суп,
Гремит ли гром...

Вот сколько хорошего можно было бы сказать об этом человеке, будь он великим поэтом или депутатом Государственной думы.

А так о нем даже и говорить не хочется! Тыфу ты, очень дрянной он человек! Самое последнее барахло!

Магнитный домик под Владимиром

У моих родственников

в 30 км от Владимира, в селе Пожарица, есть домик. Я люблю приезжать туда на велосипеде.

Снаружи домик серо-черный и мохнатый, а изнутри цветной и интересный. Он весь оклеен журналом «Крокодил». Все стены в «Крокодиле» и даже потолок.

Пьешь чай, уставив взгляд в стенку, а там два дядьки идут. Один другому говорит:

— Хорошо, снежок хрустит.

А другой отвечает:

— Под ним капуста.

Снаружи домик маленький, как лифт. А внутри он почти просторный. И в нем все есть. Маленькая, но русская печка. Кухня со всеми кастрюлями. И даже есть отдельная комната. И согреть дом можно одним поленом.

И все к этому домику тянутся. И меня к нему тянет. И птицы на чердаке живут, и во дворе ежи.

И все растет во дворе как бешеное: и капуста, и крапива. Я нигде не видел такой крапивы — до второго этажа. Хоть удочку из нее делай.

А однажды зимой в этом доме один преступник жил. Он из тюрьмы сбежал. В деревне много пустых домов, и совсем на окраине есть. Поселяйся и живи. Однако он этот дом выбрал, в самом центре деревни. И тихо-тихо, как мышка, жил три месяца. А потом пошел и в милицию сам себя сдал.

Наверное, через этот домик проходит магнитная силовая линия Земли. Я все хочу принести компас и посмотреть, как поведет себя стрелка. Наверное, она укажет синим концом в потолок.

Мы с папой сидели на диване.

и он объяснял мне, почему я плохо учусь:

— Все дело в том, Сережа, что ты мнемотехники не знаешь.

— А что такое мнемотехника?

— Это способы запоминания разные. Вот, например, река есть в Испании, Гвадалквивир называется. Ни за что не запомнишь. А ты и не запоминай Гвадалквивир, ты запомни: глотал кефир. Или вот так: в городе Караганда добывается руда. Ты меня ночью разбуди — я тебе и руду, и Караганду вспомню. А почему? Потому что в рифму.

— А как быть, папа, если рифмы нет?

— Очень просто. Ты все слова, которые запомнить надо, в историю свяжи. Вот назови мне десять первых попавшихся слов. И увидишь.

Я посмотрел вокруг и стал называть:

— Диван, шкаф, телевизор, цветы, пианино. — Потом посмотрел в окно. — Автобус, собака, милиционер, старушка, площадь...

— Ну ладно, — сказал папа. — Попробуем сочинить историю. «Собака купила телевизор и села в автобус. Автобус наехал на шкаф. В шкафу сидела старушка и поливала цветы. А милиционер в это время сидел на диване на площади и играл на пианино».

— Ну, чтобы старушка сидела в шкафу и поливала цветы, — говорю, — это еще туда-сюда. А чтобы милиционер на площади на пианино играл, такого в жизни не бывает.

— В мнемотехнике все бывает, — говорит папа. — Может, он к празднику готовился. К Дню милиции. Полонез Огинского разучивал. В общем, мы, Сережка, теперь с тобой по-другому заживем. Ты сразу отличником станешь. А я все адреса, все телефоны, все цифры в голове буду держать. Вот на работе удивляться начнут.

И тут мама вошла:

— Вот что, друзья, сходите-ка в аптеку и в магазин. Купить надо кое-что. Я вам список приготовила.

— Не надо нам список, — говорит папа. — Мы и так все запомним.

— Забудете, — говорит мама.

— Да? — говорит папа. — А мнемотехника на что?

Мама спорить не стала:

— Запоминайте, пожалуйста. Только, если чего не купите, еще раз побежите. Значит, сначала в аптеку. Возьмите там горчичники и папаверин.

— Папаверин. Папа Верин. Верин папа. У нас есть соседка девочка Вера, а у нее есть папа. Вот его и надо купить. Очень просто запоминается, — говорит мой папа. — А с горчичниками хуже.

— Ладно, папа, — говорю я. — Я тебе горчичники просто так запомню, без мнемотехники.

— Потом хлеба возьмите в булочной, половину буханки и целый батон.

Папа глаза закатил и говорит:

— Половина буханки и целый батон. Половина кухарки села на бетон. Кухарка — это повар по-старинному.

— А в гастрономе, — продолжала мама, — возьмите колбасы, пачку маргарина и триста граммов подсолнечного масла.

— Гори, гори, масло, чтобы не погасло, — запоминает папа. — Нужно нам триста грамм. Запомнили. А вот маргарин не запоминается.

— Пачка маргарина вкуснее гуталина, — говорит мама.

— Эх ты, — засмеялся папа, — только запутываешь меня. Вот куплю тебе гуталин, будешь на нем картошку жарить. Не так надо. Надо, чтобы смысл был.

Тут я не выдержал:

— Вот мы купим маргарин, чтоб поджарить колбасин.

— Это уже лучше, — согласился папа. — Больше ничего не надо?

— Хватит с вас, — сказала мама и дала нам сумку и деньги.

И мы пошли. Когда мы пришли в аптеку, папа встал в очередь за горчичниками, а меня послал покупать Веринного папу.

— Иди и возьми пачку андюшина.

— Почему — андюшина?

— Как — почему? Веринного папу зовут Андрей. Значит, нам нужен андюшин.

Я прибегаю через минуту и говорю:

— Нет у них никакого андюшина. Может, его по-другому зовут? Может, нам степанид нужен или петрациклин?

— Не нужен нам петрациклин. Нам Верин папа нужен.

И тут папа вспомнил:

— Фамилия ведь у него Васильев. Значит, нам василин нужен.

Купили мы василии, вазелин то есть, от головной боли и в булочную пошли.

— Что нам здесь покупать? — спрашивает папа.

— Повара, который бетон съел.

— Зачем?

— Не знаю, папа, зачем. А давай мы просто хлеба купим, как всегда. Половину буханки и батон.

И тут папа про кухарку вспомнил, которая на бетон села.

— Странно, — говорит он, — я кухарку придумал, чтобы буханку не забыть, а у меня наоборот вышло. Мне буханка про кухарку напомнила.

Потом мы в гастрономе маргарин и колбасин купили. Они легко запомнились.

— Что нам еще нужно? — спрашивает папа.

— Ёри, гори ясно, чтобы не погасло, — отвечаю.

— Лампочки электрические, — говорит папа. — Или спички. А может быть, керосин. Его ведь тоже в лампы наливают, чтобы горел.

— Может быть, — говорю я. — Только для керосина бутылка нужна.

Посмотрели мы в сумку — есть бутылка.

— Все правильно, — говорит папа. — Помнишь, мы еще реку запоминали в Испании, глотай факир называется. А что факиры глотают? Шпаги или керосин, чтобы огонь изо рта шел.

Купили мы керосин и домой пришли. Мама сначала ничего и не заметила. И даже похвалила нас. А потом, когда она вечером колбасу жарить стала, она на горячую сковородку вместо масла керосин плеснула. И тут такое началось: сковородка горит, плита горит, и белье над плитой горит. Но больше, всего, конечно, папе нагорело.

А я с тех пор на всю жизнь запомнил: если в доме пожарин, набирайте ноль-один. Вот что такое мнемотехника!

Хозяйственная собака на белорусском хуторе

Я люблю интересных животных.

Мне однажды мой друг журналист Алик Прокопчик говорит:

— Поехали на хутор к леснику Ивану Белоусу, у него свинья есть непомерной длины. Ты таких еще не видел.

Вышли мы с ним на дорогу, сели на попутный грузовик и стали на хутор добираться. Сначала на грузовике, потом на тракторе ехали.

Смотрю, из калитки выходит свинья, большая-пребольшая. И уши у нее закручиваются на морду. Как лопухи глаза закрывают. Большая-пребольшая, но не такая уж огромная, чтобы из-за нее полдня на хутор ехать.

Оказалось, что это свинья-дочка. А есть еще свинья-мама. Как пошла она из калитки, так никак и не кончится. Огромная-преогромная, как два сцепленных автобуса. Я и не знал, что такие на свете бывают. А это была какая-то особая американская порода. Как эта порода попала на глухой лесной белорусский хутор, не знал никто.

Но самым интересным животным на хуторе оказалась не эта свинья, а собака Чарка.

— У меня много собак было, — говорит Иван Белоус, — но эта самая умная. Она как человек. Она у нас два дома охраняет. Мой и брата моего, на другом конце хутора. У нас покрутится, посмотрит, все ли в порядке, и туда бежит.

Я говорю:

— Что же, собака на полставки. Это еще не самая умная.

— А я и не говорю, что потому она самая умная, что два дома охраняет. Она такие вещи делает, что не знаю, как рассказать. Вы можете не поверить.

— Какие же такие вещи?

— А вот какие. Однажды у нашей кошки котят должны были родиться. Она ходила и кричала весь день. Ее взяли и за дверь выставили. А за дверью мороз. Потом мы хватились — нет кошки, должно быть, замерзла или волк утащил.

— И что дальше было?

— А ничо. Через месяц кошка пришла с двумя котятами. Ее Чарка в коровнике пристроила или в будке у себя и еду ей туда носила.

Тут подошла жена Ивана Белоуса и сказала:

— Ты про поросенка расскажи.

— А что — про поросенка? — спросили мы с Прокопчиком.

— Однажды у всех свиньи опоросились. А у нас свинья большая, гуляет себе, а поросят нет. Но как-то утром приходим мы — около нее поросенок лежит. Маленький такой, белый. Откуда взялся всего один? У нас совсем другие поросята бывают. Да и не время еще нашим рождаться. Мы прошли по домам хутора и узнали, у кого такие поросята были. Они были у соседей наших через дом. Вот Чарке и стало обидно, что у всех поросята есть, а у нашей американки нет. Она и украла поросеночка.

Я стал к Ивану приставать:

— Расскажите еще что-нибудь про вашу собаку.

А он сказал:

— Потом. Сейчас все из головы вылетело.

Бывают встречи с интересными людьми, а это была встреча с интересной собакой.

История с ястребом-перепелятником

Когда я был пионером, я считал

себя крупным знатоком зверей и птиц. Потому что прочитал три тома великого ученого Брема.

Я знал всех ящериц, лягушек, птиц. Мог запросто, глядя на летящий в небе контур, сказать:

— Это коршун. А это сокол-сапсан.

Тем более что тогда этих ящериц и «контуров» было очень много. Не знаю, куда все они сейчас подевались.

И вот однажды в лесу под озером Круглым я нашел ястребиное гнездо. Я рассказал об этом приятелю — Коле Судакову, такому же крупному специалисту, как я, и мы залезли в гнездо и взяли двух птенцов из трех.

И стали их растить.

Растить мы умели, и наши ястребы все росли и наливались силой. Они становились все красивее и крупнее. От них шел пух во все стороны, иногда они клевались и при вылете из клетки опрокидывали лампы и вазы. И пачкали они вокруг себя все, что могли.

Им явно не было места в городской квартире.

Мы вдарились в панику: предлагали школьным живым уголкам, эвонили в городской детский зоопарк, но никто ястребов-перепелятников брать не хотел.

Как же глупо мы себя вели, когда брали их из гнезда! Что мы себе думали — соколиной охотой в городе заняться или что это попутайчики-неразлучники и они будут мирно чирикать на шкафу. Мне сейчас даже рассказывать об этом стыдно.

Короче, я однажды оставил окно открытым...

Как я потом узнал. Коля поступил так же.

Что стало с ястребами — не знаю. Скорее всего, они погибли от голода или их заклевали вороны... Есть у меня слабая надежда, что они попали в руки голубятников, и те спасли их. Потому что голубятники иногда используют ястребов для спугивания голубей, слишком засидевшихся на недоступном месте.

За одно я себя просто благодарю: что третьего ястребенка мы не тронули, и родители, наверно, вырастили хоть одного.

Сейчас я почти не встречаю ни ящериц, ни «контуров» в небе.

Это было в рабочем поселке

Рагациемсе, в Латвии. Мы с собакой Астрой — тибетским терьером пошли к озеру искать янтарь. Около озера канал прокладывали экскаватором, и в отвалах песка можно было янтарь собирать, даже очень крупный.

Собаке Астре янтарь был совсем ни к чему, она больше за компанию ходила, а я очень хотел кусок янтаря найти с мухой внутри. Такой янтарь редко, но встречается. И эта доисторическая муха меня очень интересовала. Я бы ее с современной мухой сравнивал — у кого больше ног, больше крыльев, и узнавал бы, в какую сторону мухи за тысячелетия развивались.

Светит солнце, я янтарь ищу и вдруг слышу, моя Астра как залает, потом как заскулит. Я обернулся, вижу — Астра рычит на маленькую черную гадюку, а гадюка на песке вьется, тихо так шипит и назад отползает.

«Укусила она или не укусила?» — думаю. И понял, что укусила. Уж больно моя Астра лапой морду трет.

Я Астру схватил — и в деревню ходу. Там спрашиваю у стариков:

— Что бывает, если собаку змея укусит?

Они мне говорят, что собака день походит, потом становится вялой, судороги начинаются и дохнет.

Караул! Моя собака уже дергается, у нее судороги. Потому что она очень маленькая.

Я ее в рюкзак посадил — и ходу в соседнюю деревню на велосипеде. Там ветеринарный пункт был.

Подлетел, стучу. Вышла женщина. Я ей говорю:

— Спасите мою собаку, ее змея укусила.

Женщина говорит:

— Мне жалко вашу собачку, только я ничего не могу сделать. Наш ветеринар в отпуске. Я просто уборщица.

Я чуть не заплакал. А женщина говорит:

— Я вам ампулу дам.

— Какую ампулу?

— С противозмеиной вакциной. Нам для коров выдают. Вы в больницу поезжайте, пусть вам укол сделают.

— Если у вас ампула есть, дайте мне шприц, я сам себе, то есть собаке, укол сделаю.

Уборщица говорит:

— Нет, это не так просто. Есть инструкция, как уколы делать. И не один, а несколько.

Она принесла мне ампулу в яркой картонной коробке. И там была инструкция. Сначала надо было сделать укол слабого раствора сыворотки. Потом укол корвалола, чтобы сердце стимулировать. Потом укол концентрированного раствора. И потом еще какой-то.

Я бросил у нее велосипед, выскочил на шоссе, сел на попутку и в город Тукумс бросился. А собаке моей все хуже. Лежит тихо в рюкзаке, только вдруг дергаться начинает.

Шофер меня к самой «Скорой помощи» подвез. Я рюкзак с собакой оставил у входа, сам в чистую-пречистую больницу вхожу, где все белое. От этой белизны я еще чумазее и грязнее стал. Врачи на меня с удивлением смотрят:

— Что с вами?

— У меня щеночек умирает,— говорю,— его гадюка укусила. Помогите.

Им показалось, что «сыночек». Они говорят:

— Несите его немедленно сюда.

А как я с собакой вошел, они на меня как закричат. И между собой сердито по-латышски заговорили.

Я им говорю:

— Это не простая собака. Она в кино снималась. Она петь умеет.

Только они еще больше сердятся. Тогда я им говорю:

— Да вы послушайте. Сегодня собаку укусили, завтра — мальчика. А вы даже не знаете, как уколы делать надо. Вы бы хоть попрактиковались на собаке. Вот у меня ампула в кармане, а вот какая сложная инструкция.

Врачи задумались и говорят:

— А ведь вправду мы не умеем противозмеиной вакциной пользоваться. А ведь мы же «Скорая помощь». Ладно, давайте вашу собаку сюда, будем ее спасать. Только вы в своей одежде уходите на улицу. Когда надо будет, мы вас позовем.

Я на улицу пошел и ждал целый час. Через час мне собаку вынесли. Она была без сознания. Но врачи сказали:

— Будет жить ваша собака. Мы все правильно сделали, не упустили ее. И вам спасибо. Мы теперь умеем вакциной пользоваться.

И точно, собака Астра ожила. И много еще героических подвигов сделала. А когда я в деревню вернулся, старики у меня спросили:

— А ты гадюку убил?

— Нет, не убил.

— А зря, надо было ее лопатой ударить. Каждый человек в жизни должен змею убить.

И вовсе не каждый. И не надо никого убивать. Эта гадюка там живет, и к ней на ее территорию пришли.

Она маленькая, а собака для нее большая. Однако она на собаку смело бросилась.

Это давно было. Тогда еще не знали, что змеи полезные. И я тоже этого не знал, а ведь правильно сделал, что гадюку не убил. Сейчас ее дети по свету гуляют и свой яд людям отдают. А гадючий яд очень полезный. Он на противозмеиные сыворотки идет.

История о коршуне, крупной рыбе и красных трусах

Я хорошо помню это время

потому, что оно все было какое-то чистое, солнечное, как будто промытое.

В пионерском лагере под Москвой, на станции Усово, в тот год была на редкость недисциплинированная дисциплина. Ребятам разрешали самостоятельно купаться, ходить без вожатых в соседние деревни и даже читать во время мертвого сна.

И обходилось без происшествий.

Группа ребят, человек пять-шесть, пристрастилась бегать на Москву-реку ловить рыбу. Удочки у всех были примитивные, пионерские. Но ловилось хорошо.

Надо было войти в речку по пояс, надеть червяка или крупную муху и внимательно следить за поплавком в переливающихся беспокойных струях.

Рыба, которая ловилась, по-местному звалась «красноперка». А кто она была по учебнику, никто не знал. Все рыбины были одинаковые, одна в одну, как изготовленные по штампу на заводе. И размер у них был хороший — с очень большую ладонь.

Что нам с ними делать, мы не знали. Просто относили их в столовую, к радости местных девушек-поварих.

Ловля, и погода, да и вся пионерская атмосфера были столь хороши, что я не мог забыть о них много лет.

Когда я уже стал взрослым инженером, купил машину и даже женился, я решил снова приехать в этот лагерь. И не один, а с некоей юной очень талантливой художницей, с

которой мне хотелось поделиться той атмосферой, той погодой и тем настроением.

И вот мы приехали в этот лагерь, и приехали не зря.

Была ранняя осень. Лагерь был пуст. Мы прошли его насквозь беспрепятственно. Через опустевшие домики, какие-то крашенные павильоны, забытые спортплощадки, теннисные эстрадки и прочую вожато-пионерскую радость. Только ветерок шелестел. И почему-то птицы оглушительно свистели, как весной.

На берегу реки мы увидели лодочную пристань, вошли на нее и стали смотреть на воду и на пейзажи, отражающиеся в воде.

Пионерская удочка была со мной. Но ловить этих прекрасных рыб не хотелось.

Вдруг пристань заскрипела. На нее вошел сторож. Тот же самый, лагерный — Пантелеич. И даже ни капельки не старше.

Он поздоровался со мной и с моей спутницей, как будто мы с ним все эти годы не расставались

— Отдыхать приехали?

— Отдыхать.

— Вот и хорошо. А то я всю осень и зиму один живу, даже поговорить не с кем.

— А есть о чем говорить?

— Всегда найдется.

— Ну о чем, например? О политике?

— Зачем о политике? Например, о случаях.

— Расскажите о каком-нибудь случае.

— И расскажу. Как я с одним коршуном поссорился.

— С коршуном?

— Ну да, с коршуном. У нас над лесом огромный коршун летает низом. Видно, гнездо у него близко. И часто летит тяжело, потому что рыбу в когтях несет. Большую.

Он помолчал, чтобы мы представили себе картину тяжело летящего над лагерем коршуна с большой рыбой в крепких желтых лапах.

— Он летит, а я придумал: или палку какую вверх брошу, или в горн пионерский дуну! От неожиданности он рыбу и выпустит. А я и рад.

— Вы что же, Пантелеич, всегда с собой горн носили?

— И носил. Это сейчас с продуктами хорошо стало. А тогда за каждой колбасиной приходилось в Москву ездить. А тут тебе рыбина большая. И даром.

— И не жалко вам коршуна? — спросила моя спутница.

— И жалко, и не жалко его. Когда он моих кур не трогает, так вроде и жалко. А как он пару цыплят у меня унесет или курицу, так и не жалко вовсе. Так бы и убил! Только стрелять я не стану, а вот рыбу у него отниму. Но и он мне хорошо отомстил.

— Это как, Пантелеич?

— А так. Сейчас расскажу.

Пантелеич никуда не спешил и рассказывал медленно, с удовольствием:

— Была вот как сейчас осень. Трава стояла на берегу свежая, как весной. Вздумал я сена засушить. Принес косу и стал косить. Кошу, кошу, а жара сильнющая! Вот как сейчас. Решил искупаться.

— А не холодно? Все-таки осень?

— Да нет. Погода, я же говорю, была как сейчас, теплая. На мне были одни трусы и калоши. Решил я в трусах в воду залезть. А потом думаю: чего это я буду трусы мочить-выжимать? Народу нет, пионеров нет, и так сойдет, без трусов. И полез голышом. Только влез, смотрю — тень надо мной промелькнула. Это коршун. Спикировал он на мои трусы, схватил их когтищами — и вверх. Спасибо, думаю!

Сторож посмотрел на нас — интересно ли нам — и продолжил:

— Тут, как назло, делегация из дом-отдыха. Сели на бережку, экскурсовод им про фабрику на той стороне рассказывает. А я плещусь. Ну что твоя русалка — туда-сюда, туда-сюда.

Я спросил:

— А что это за фабрика?

Он ответил:

— Хорошая фабрика. Там из растений гербарии для школьников делают. Какие растения чего лечат. Их на картонки наклеивают. Учебные альбомы получают.

— Очень хорошая фабрика. — согласилась художница.

— А я плаваю и плаваю. Ну точно морж в зоопарке, и все. Только смотрю — у меня уже хвост отваливается. Плюнул я на отдыхающих. Вырвал две плети водорослей, обмотался ими под водой для порядку и бегом выскочил. Схватил косу и как Нептун заморский к дому побежал.

— Значит, все хорошо кончилось?

— Не совсем. Бабка моя чуть не померла. В лагере она на раздаче работала. И поросенка кормила. Так вот что получилось. Сидит она на крыльце, козу доит. Коза веник березовый ест. Вдруг видит бабка — с неба что-то летит красное. Так летит, не торопясь и переваливаясь. А это мои трусы падают, их коршун выпустил. Бабка моя коршуна не видела, а трусы-то заметила. Она и затряслась.

— Почему? — удивился я.

— А ты сам подумай. Бабка моя верующая. Если трусы с неба летят, то сам-то я где? Конечно там, на небе. Значит, забрал меня Господь Бог, а белье ей, как в больнице, выдают. Она в слезы.

Мы с моей спутницей хохотали в голос. А я был очень горд Пантелеичем. Вот какие места и каких людей я имею в своем подмосковном багаже!

А Пантелеевич заканчивал:

— Тут я из леса выбегаю с косой, весь в водорослях. Бабка в панике. То ли смерть зеленая уже и за ней пришла, то ли это индеец из пионерской самодеятельности с лета в лесах запутался. В общем, полные кранты! Бабка моя в одну сторону, коза — в другую, ведро опрокинула! Обе с воплями бежать. Я кричу: «Стой! Стой! Это я!» Куда там! Никогда в жизни моя бабка так быстро не бегала. Пионеры такую скорость на стометровке не развивали. Ну, пусть бежит. Не хватало мне в моих водорослях за ней гоняться.

Я спросил:

— А что дальше было?

— Дальше не так интересно. Дальше она вернулась, и не одна, а с милиционером каким-то молодым и священником. Он в соседнем доме комнаты снимал. Подошли они так осторожно к дому, а тут я из дверей выхожу, уже в штанах и телогрейке, как полагается. И все им рассказываю — и про трусы, и про коршуна, и про отдыхающих. Они как начали хохотать.

— А что ваша жена?

— А бабка моя, дура, веник схватила и давай всех этим веником лупить. Сначала меня, потом милиционера, потом священника, а потом и козу. Всех разогнала, да так зло! Очень невежливо получилось. Я с ней потом два дня не разговаривал.

— А что коршун? — спросила моя спутница.

— А что коршун? Летает. На днях я у него курицу отбил. Здоровую, красную, рыжую. Бабка так и зовет его — «снабженец».

— Ой, покажите курицу, — попросила моя спутница.

— Нет, — отказал Пантелеевич. — Нечего показывать.

— Почему?

— Съели курицу.

— Почему съели?

— Очень просто почему, — объяснил сторож. — Не буду же объявление писать: «Нашлась курица. Потерявших прошу забрать». Или по всем деревням нашим приречным с курицей ходить и спрашивать: «Не ваша? Не ваша ли?» Верно?

Мы кивнули головой — верно.

— Держать ее тоже странно, — продолжил Пантелеич. — Придет ко мне человек и спросит: «А почему у тебя моя курица живет?» Он же ни за что не поверит, что мне его курицу коршун доставил. Да и пользы от такой курицы мало. Она с перепуту нестись полгода не будет. А то и вовсе перестанет. Корми ее даром.

Вот на этой съеденной курице мы и расстались.

Все в этой встрече было: и хорошая погода, и хороший живой человек, и смех, и грусть и теплое дыхание огромной доброй нашей земли.

Такие дни хочется положить в БАНК ВРЕМЕНИ, а потом холодной зимой взять из банка этот день и погулять по этой погоде, при этом солнце, при этих людях.

Жаль, что этого делать пока нельзя.

Целебный бык

Рассказ

Село Троицкое

под Переславлем-Залесским — село тихое и безобидное. Люди в нем молчаливые, уважительные.

А деревня Афонино, которая в двух километрах рядом, такая разговорчивая, будто и не из этой местности. Недаром ходят слухи, что крестьян для этой деревни помещик афонинский в карты выиграл. И выиграл он их, верно, в каких-нибудь южно-цыганских краях. Потому что таких говорливых людей нигде больше в наших краях не водится.

Когда идешь по Троицкому, все на тебя смотрят, просто глазами едят, но ни о чем не спрашивают.

Когда идешь по Афонино — только о тебе и разговоров:

— Смотрите, мужик с удочкой днем на реку идет.

— А что? Пользы от него никакой, вот его и выставили.

— Почему-то пользы от него нет? Выстави его в огороде, вот тебе и польза. Все птицы разлетятся, и кабаны на картошку не пойдут.

— Да он небось городской, столичный. Он в огороде завянет в полчаса. Ему бы только бумажки подписывать.

— У меня летошний год жил один городской, квелый такой, бесполезный. От него еще жена ушла. И от этого тоже скоро уйдет.

— Маманя, это почему от меня тоже скоро уйдет?

— Потому. Делов в хозяйстве полно, а ты на речку с удочкой.

— Вот он обратно пойдет, посмотрим сколько он там выловит.

Так от крыльца до крыльца передают тебя как эстафету.

Зато в Афонино всяких событий мало, а на Троицкое они так и сыплются. То кино туда приедут снимать про партизан. То окажется, что пенсионерка Купцова Дуняша уже третий год как ведьма — из-за нее у Клековых корова не доится. То выяснится, что бригадир Павловский на тракторе художнику Чижикову забор снес. Потом следы заметал и трактор в обочине утопил.

А то вдруг такое случилось — в Троицком бык заиграл. Козырьять стал.

Был бык как бык. А с осени стал за кем ни попадая гоняться с рогами.

Коровник старый был. Если быка к столбу привязать, он все развалит. Вот он и ходил беспривязанный.

Однажды Павел Васильевич Пугачев, районный архитектор, с грибами из леса возвращался. Решил он угол поля срезать, через коровник пройти.

Ходил он медленно, потому что его радикулит забирал.

У нас в Троицком есть примета такая народная, что радикулит у того человека бывает, который свою работу делать не хочет. Так вот архитектор Пугачев так не хотел ее делать, что весь скрюченный ходил. И с каждым годом все скрюченнее и скрюченнее становился.

И вот с такой повышенной скрюченностью он около коровника оказался. Они столкнулись — лед и пламень: архитектор повышенной скрюченности и бык повышенной бодучести — и чем-то друг другу усиленно не понравились.

Что бык Цыган архитектору не понравился — это наплевать и забыть, никакого действия из-за этого не намечалось. А вот что Павел Васильевич Цыгану не понравился — это хуже, из этого прямое действие получилось. Бык как на Павла Васильевича побежит!

Я не знаю, бегал ли когда-нибудь за вами бык, дорогой читатель, но дело это не забавное, а прямо-таки ужасное.

Павел Васильевич это знал и немедленно в сторону от быка бросился.

А скользко, после дождя. Архитектор буксует, и Цыган пробуксовывает. Но постепенно они скорость набирать начали и все быстрее стали двигаться.

Никто и не подозревал, что Павел Васильевич такой спортивный. Он три круга вокруг коровника сделал.

потом на навес над крыльцом взлетел и на нем сидит. Он сидит, а Цыган гнилушки из под крыльца выковыривает.

Хлоп! И Павел Васильевич, как в замедленном кино, стал вниз падать.

Но во время бега что-то с ним произошло, он стал быстрее в сто раз соображать. Пока он падал, он лодку у забора увидел перевернутую, на чурочках. Он к этой лодке кинулся.

Цыган с себя навес сбросил, а Павла Васильевича уже не достать, он под лодкой блаженствует.

Цыган стал вокруг пастись. Отойдет, но глазом на лодку косит. Только Пугачев высунется — Цыган уж тут как тут с рогами.

Пришлось Пугачеву вместе с лодкой отползать. А лодка тяжеленная. И полз он как черепаха в собственном доме. Полкилометра полз. Вот тебе и срезал угол!

Но что самое интересное — его скрюченность как рукой сняло. Он прямой и стройный стал. Такой прямой, стройный и ошалелый в районный город уехал.

Зато он потом в две недели новый коровник спроектировал. А бывало, месяцами работу выполнял.

А наши деревенские с тех пор Цыгана Фельдшером стали звать. И говорят:

— У кого радикулит, мы можем нашего быка по рецепту выписать. Любого человека в пять минут починит.

Последние охотничьи рассказы

Дорогие читатели!

Не знаю, как вас, но меня очень беспокоит состояние живой природы. На головы бедных животных и птиц браконьеры обрушивают тысячи тонн дрови и рубленых гвоздей. Если так будет продолжаться и дальше, то звери, птицы и рыбы исчезнут из рек и лесов и будут фигурировать только на страницах художественных произведений.

А охотничьи рассказы лет через сто будут выглядеть приблизительно вот так:

Рассказ первый — рыболовный

Значит, так. Узнали мы про эту речку случайно. Нам про нее один турист рассказал. Никаких нефтяных комбинатов, один заводик анилиновый на берегу.

Мы снасти забрали — и туда. Остановились у старика одного. День сидим удим, неделю — ни поклевочки. А без рыбы возвращаться не хочется.

Мы к старику:

— Говорят, у тебя сеть имеется.

— Какая такая сеть? Нет у меня никакой сети. Сеть — это чего? Это через чего радио передают?

Мы говорим:

— Дедушка, мы заплатим. Нам рыба нужна.

— Рыба всем нужна. А у нас знаете, как рыбнадзор поставлен? На глассерах так и шастают!

Но все-таки уговорили мы его.

— Ладно, — говорит, — пошли сеть ставить. — Он снимает с окон занавески тюлевые, скрепляет их скрепками. — Только ставить не я буду — бабка моя. Если охрана навалится, скажет — постирать вышла. У нас в деревне все так делают.

Ночью мы поставили сеть у зарослей, утром снимаем — рыбы!.. Я в жизни столько не видывал. Мы мелочь выбрасывали, а крупных складывали в баночки из-под майонеза. У меня и сейчас один пескарь дома живет в аквариуме. Под меченосца замаскированный. Мы его для Нового года держим. Знаете, какой это деликатес? Ни в одном ресторане нет. Приходите — увидите. Мы под этого пескаря знаете, сколько гостей соберем? Приходите, не пожалеете.

Рассказ второй — охота на пушного зверя

— А у нас так было, — подхватывает охотник. — Прибегает однажды Калька Александров. «Я, — говорит, — дом купил». — «Хороший дом-то?» — «Развалюха полная». — «Так, может, участок хороший?» — «Никакого участка!» — «Так чего же ты его купил?» — «Там кроты водятся». — «Настоящие?» — «Ну да. Они у хозяина червей для рыбалки съели». — «Ура! Стало быть, хищники». — «У меня уже и лицензия на отстрел двух штук имеется».

Мы сели в самолет и в Сибирь вылетели. Остановились в доме охотника. Всю ночь этих кротов караулили, пока не завалили.

А как принесли мы двух кротов в гостиницу на шесте — все так и ахнули!

«Да, — говорят, — все-таки наша русская охота действительно в мире лучшая».

А где сейчас шкура, спросите? Да у меня перед креслом одна брошена. Я на ней зимой пальцы грею. У меня дырка специальная в тапочке сделана.

Рассказ третий — охота по перу

— А я, ребята, неудачник какой-то,— начинает рассказ третий. — Я по перу охочусь. По летающим: стрекозы, бабочки, жуки, комары. Купил я себе осу охотничью. Начал ее натаскивать.

Увидишь бабочку — снимешь с осы колпачок. Она — бац. И бабочка твоя.

Только хотел за город выехать — охоту на бабочек и стрекоз запретили, чтобы поголовье увеличивать.

Ничего, думаю, дождусь я весеннего перелета мух. Дождлся. Выехал я за город, лежу на берегу на зорьке. В шалашике. Слышу — жужжит рядом. Муха! Я с осы колпачок снял — лети! Вдруг рядом — ба-бах! И нет моей осы. Оказывается, за соседним кустом еще один охотник с подсадной мухой охотился. Он, конечно, плакался, извинялся. Мне свою муху взамен осы предлагал. Но я отказался. Не люблю я эту охоту с подсадными. Есть в ней что-то такое нечестное. А я люблю, чтобы все было по-хорошему, как в добрые старые времена.

История о таракановедении и таракановыведении

Неоконченный рассказ, как и наша бесконечная жизнь

Однажды папа мальчика Яши

принес домой большую партию тараканов в прозрачной коробочке из пластмассы.

Это был какой-то особый новый сорт морозоустойчивых насекомых, выведенных в папином научном институте.

— Пусть они поживут у нас в холодильнике, — сказал папа, — У нас на работе морозильная установка испортилась.

— Да ни за что на свете! — сказала мама. — Я с этими тараканами всю жизнь борюсь не для того, чтобы они в моем холодильнике жили.

— Но это моя кандидатская, — пытался спорить папа.

— Хоть докторская, — ответила мама.

— В Мексике за каждого таракана дают песо, — намекнул папа. — Они очень нужны для генетических экспериментов.

— Вот и вези их в Мексику, — отпарировала мама.

— Но я их знаю всех по именам, — спорил папа. — Без холодильника они погибнут от жары.

— А в холодильнике, — спорила мама, — они погибнут от сотрясения мозга.

— Как так? — спросил папа. — Это невозможно.

— Это возможно, — ответила мама. — Я каждого из них тресну молотком по башке.

— Этот маленький — Вася, — сказал папа.

— С него и начну, — сказала мама.

Папе очень нужно было охладить тараканов, и он убеждал маму изо всех сил:

— Лена, пойми. Обычные тараканы при минус двадохнут. А эти только развивают активность. Это переворот в генной инженерии. Это два года работы, это большая наука.

— Мало вам атомной бомбы, — сказала мама.

Папа стал кипятиться:

— Да пойми ты, Лена! Да это... революция в науке! Да как ты не поймешь?! Да как ты можешь?.. Да ты!..

— Не груби, — сказала мама. — Если я увижу эту коробочку в холодильнике, я сварю твоих тараканов как креветок.

И мама ушла. А мальчик Яша сразу понял, как можно спасти эту морозно-революционную семью:

— Папа, посади их в морозилку в креветочном пакете.

Пока тараканы окончательно не перегрелись, папа быстро пошел в магазин «Океан» и взял там большой пакет с креветками.

Креветок он вытряхнул в пакет из-под венгерской курицы, а революционных тараканов закинул в креветочный пакет.

Все были счастливы.

Однажды мама заметила в холодильнике маленького прелестного тараканчика. Такое нежное неуверенное создание, похожее на двухнедельного котенка.

Другая бы мама обрадовалась:

— Ах, какая прелесть!

А наша мама, вернее, Яшина мама как закричит:

— Караул! Тараканы!

Она немедленно захлопнула дверь холодильника, заклеила его широким слоем скотча с ног до головы и вызвала папу на допрос:

— Арсений, ты своих тараканов забрал?

— Каких тараканов? — спросил папа.

— А таких, морозоустойчивых.

— Я про них давно забыл. Сотрудники разобрали их по домам. А как холодильную установку починили, обратно принесли на работу. Так что все теперь в порядке.

— А ты своих принес?

— Нет, я про них и не вспоминал...

— Так я тебе про них напомним. В нашем холодильнике их видимо-невидимо. Уже молодежь появилась перспективная, особоустойчивая.

Папа стоял молча, вытаращив глаза.

— Так что забирай этот холодильник нераспечатанным к себе на работу, — сказала мама. — Вместе со всеми продуктами, а нам привези такой же, но без тараканов. Даже необязательно новый. И пусть тебе премию выпишут за повышенную размножаемость этих генетических революционеров.

Папе ничего не оставалось как сказать:

— Хорошо.

— И имей в виду, что твое питание и питание всей семьи с этого дня в твоих руках.

Папа все понял и побледнел.

На другой день он пришел с работы:

— Наш начальник лаборатории согласен взять тараканов, даже вместе с холодильником. Но отдавать ему нечего. Мы бедные. Нам и зарплату с задержкой платят.

Папа подумал, что он все объяснил, и весело спросил:

— Что у нас на обед?

— Хлеб с маслом и чай, — ответила мама.

— А на ужин?

— Хлеб с маслом и чай.

— Но там же были пельмени, — показал папа на холодильник.

— Там сейчас тараканий рай, — ответила мама. — И мы не будем его разрушать. Потому что, если мы откроем дверь, планета погибнет. На ней начнется новая эра.

— Какая эра? — спросил папа.

— Эра морозоустойчивых насекомых.

Только папа не сдавался:

— Но у нас в институте нет холодильников.

Тогда мама предложила другой выход:

— Сколько, ты говоришь, дают за одного таракана в Мексике?

— Один песо.

— Так вот. Забирай этот холодильник на работу со всем этим прогрессивным выводком. Набери там тысячу тараканов и пошли их в Мексику своим коллегам. Пусть они пришлют нам тысячу песо.

— И мы купим новый холодильник, — сразу понял Яша.

Папа долго листал энтомологические журналы и журналы по генетике — искал адреса мексиканских коллег. Наконец нашел институт соответствующего профиля. Долго отбирал племенных тараканов, заготавливал им еду и упаковывал их.

И посылка уехала в Мексику.

А потом пришло извещение из Бутовской таможни:

НА ВАШЕ ИМЯ ПОСТУПИЛА ПОСЫЛКА ИЗ МЕКСИКИ. ПРОСИМ УПЛАТИТЬ ТАМОЖЕННЫЙ СБОР, НАЛОГ ЗА ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦЫ И ПОЛУЧИТЬ ПОСЫЛКУ.

— Ура! — закричала вся семья хором.

В тот же день почтальон принес письмо. Из Мексики.

ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ!

МЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНО БЛАГОДАРНЫ ВАМ ЗА ПРИСЛАННЫХ НАСЕКОМЫХ. ОНИ ДОЕХАЛИ ХОРОШО И СЕЙЧАС АККЛИМАТИЗИРУЮТСЯ В НАШИХ УСТАНОВКАХ.

МЫ ДОЛГО ДУМАЛИ, КАК ЖЕ ВАС ОТБЛАГОДАРИТЬ. КОНЕЧНО, МЫ МОГЛИ ВЫСЛАТЬ ВАМ ДЕНЬГИ, НО МЫ ПОНИМАЕМ, ЧТО ДЛЯ УЧЕНЫХ ЭТО НЕ САМОЕ ГЛАВНОЕ.

МЫ РЕШИЛИ СДЕЛАТЬ ВАМ ОТВЕТНЫЙ ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДАРОК.

МЫ ВЫСЫЛАЕМ ВАМ ВЫВЕДЕННЫХ НАМИ ТЕПЛОУСТОЙЧИВЫХ ПОЛЕВЫХ ПЕРУАНСКИХ КЛОПОВ. ОНИ СПОСОБНЫ ПЕРЕНОСИТЬ ТЕМПЕРАТУРУ ДО +140 ГРАДУСОВ.

ПЕРВЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ БЫЛИ ОБНАРУЖЕНЫ НАМИ В ЦЕХАХ С ПЛАВИЛЬНЫМИ ПЕЧАМИ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНЫ В ЛАБОРАТОРНЫХ УСЛОВИЯХ.

ЭТО БЕСЦЕННЫЙ ГЕНЕТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ.

ВАШИ КОЛЛЕГИ — ИНОСТРАННЫЕ УЧЕНЫЕ.

Была долгая пауза. Потом мама спросила:

— Ну, что, пойдешь получать генетический материал? Платить таможенные сборы и налог за пересечение границы?

Потом она еще спросила:

— Интересно эти сборы оптом платятся или поштучно за каждый экземпляр?

— Не пойду, — сказал папа. — Туда ходить — только время терять.

— Почему? — спросила мама.

Папа ей объяснил:

— Знаю я эту Бутовскую таможду. Мы получали там бабочек. Никакого порядка. Там все под открытым небом. Ничего не обогревается. Все клопы давно передохли.

Так и остались они без холодильника и без потрясающих генетических клопов. Но все стали значительно опытнее и умнее.

Рассказ Алика Лившица о походе их кружка самодеятельности в сокровищницу мировых шедевров живописи и искусства государственный музей Эрмитаж

— Эдуард Николаевич.

мы туда давно пойти хотели. Нам Наталья Евгеньевна объясняла, что каждый культурный человек в нашей стране просто обязан бывать в Эрмитаже два раза в неделю. Нас только собрать очень трудно.

Мы все в разных школах учимся. Кто в английской, кто в математической. Я в музыкальной. А у Натальи Евгеньевны мы в театральном кружке занимаемся. Мы туда поехали метром.

И я с удовольствием представил себе, как они собирались около станции. Как, галча, как галчата, делясь жвачкой и едой, они спускались вниз по эскалатору.

Как, толкаясь и бегая вокруг пешеходов, двигались пчелиным роем по платформе.

— Мы приехали на «Невский проспект» и поехали вверх. Стали там всех считать. Смотрим — Таня Купцова потерялась. Тогда Наталья Евгеньевна говорит: «Ты, Блинов, поезжай вниз и найди Таню. Возьми ее за руку и привези сюда. А мы тебя подождем».

Остановился пчелиный рой, затормозил. Стал на месте вокруг Натальи Евгеньевны жить.

Только Блинов сел на эскалатор, вниз поехал, тут Таня приехала. Мы все думаем: сейчас Блинов вернется, и мы в Эрмитаж пойдем. А Блинова все нет и нет. Он внизу

Таню Купцову разыскивает. А найти не может, она же у нас уже. Тогда Наталья Евгеньевна говорит: «Левицкий, Левицкий и Глухарева, давайте быстро спуститесь вниз и приведите сюда Блинова, а то он там долго будет вчерашний день искать».

Левицкий с Глухаревой вниз посыпались. И, конечно, напрасно.

Только они, Эдуард Николаевич, съехали, тут Блин въезжает. «Нет внизу Тани», — говорит.

«Таня-то здесь, — говорит Наталья Евгеньевна. — Только мы все равно не можем в Эрмитаж идти. Потому что Левицкий и Глухарева внизу. Они тебя разыскивают». — «Так я к ним сбегая!» — «Хватит бегать. Добегались. Будем здесь ждать».

Тут я подумал: «Разве может пятый класс ждать?»

И верно.

Почему-то вниз Кабаков Валера незаметно укатил. Как бы нечаяно. Мы все даже рты пораскрывали. Зачем, почему?

А затем. А потому. Ему давно не нравилось, что Левицкий все с Глухаревой заговаривает. Все спрашивает: «А у вас в классе джинсы носят? А Высоцким увлекаются? А жувачку на уроках жуют?»

Будто не ясно, что джинсы у нас под школьной формой от учителей скрывают. Про Высоцкого и не слышали. А жувачку жуют только на переменах в специально отведенных для этого местах.

Дальше, Эдуард Николаевич, Блинов исчез. Во второй раз. Левицкий и Глухарева вернулись, Кабаков появился, а Блинова нет. Тогда Гера Прошов взял власть в свои руки. Он так устроен: когда все запутаются, он распутывает. Он говорит: «Давайте мы Блиночерпалку устроим». — «Как так — Блиночерпалку?» — «А так. Мы будем через каждые десять метров по одному ученику на эскалатор запускать. Вниз, вниз, вниз. А он по станции пройдет до половины и назад. Так все время и будем станцию прочесывать. Как Блинова увидим, так и зачерпнем».

Ай да Гера Прошев! Здорово выдумал. Просто драга для добычи золота получилась. Или землечерпалка. Я видел, как такие машины песок из реки вычерпывают.

И вот Блиночерпалка заработала. Катаемся мы, катаемся, а Блинов не зачерпывается. Как в воду канул. А

тут поток народа откуда-то пошел, и пол-Блиночерпалки чуть в вагон не занесло. А Блинов-то снова пропал.

...между прочим, я так и предполагал...

Блинов-то — он не вниз, он на улицу вышел, в газетный киоск. Тогда Наталья Евгеньевна говорит: «Остановите вашу Блиночерпалку, я сама вниз поеду. А вы, товарищ дежурная, никого из ребят на эскалатор не пускайте. Мы и так уже час от вас уйти не можем. А то и вовсе запутаемся».

Все правильно. Только как дежурная «наших» от «ненаших» отличать будет?

Эдуард Николаевич, дежурная и стала всех ребят задерживать, кто идет без родителей, она говорит: «Нельзя. Подождите вашу учительницу».

Наши сразу и обрадовались. Как увидят хорошую девочку, сразу кричат дежурной: «Не пускайте ее! Не пускайте! Она тоже с нами!» Скоро очень много хороших девочек собралось.

Но я думаю, и мальчиков.

— Но некоторые, Эдуард Николаевич, девочки не хотели оставаться, они наших ребят лупить стали. Такая веселая катавасия началась. Наконец Наталья Евгеньевна приехала и стала каждого поголовно домой отправлять и в списке отметки делать. Все равно у нее ничего не получалось. Некоторых по несколько раз отмечать приходилось. Они снова приезжали. Только в шесть часов все наконец разошлись. Конечно, ты уедешь, а без тебя самое интересное начнется!

Так что, Эдуард Николаевич, ничего из нашего похода в сокровищницу не вышло. Но это был самый интересный культурный поход за всю мою жизнь!

И я представил себе как, вернувшись домой, они презваниваются: «А Блин-то! А?» — «А Глухарева-то какова?» — «А я телефон одной ненашей девочки записал». Есть возраст, когда сокровищницы мирового искусства занимают второе место.

Рассказ о том, как моя соседка Наталья Ивановна покупала арбуз

Главным достоинством

моей сегодняшней квартиры является соседка — Наталья Ивановна. Потрясающая женщина.

Родилась она в последней четверти прошлого столетия.

Наталья Ивановна обожает решать кроссворды. Наш разговор с утра начинается так:

— Эдуард Николаевич, что такое освежающий утренний напиток из трех букв, употребляемый в Европе и Азии?

— Суп, — говорю я.

— Подходит, — соглашается Наталья Ивановна, — А вот еще одно слово. «Домашнее бытовое средство для стирки белья». Десять букв по вертикали.

— Жена, — говорю я.

— Мало, — смотрит Наталья Ивановна.

— И теща, — добавляю я.

И мы начинаем пить чай.

— Уважаемая Наталья Ивановна, — прошу я, — дайте мне, пожалуйста, часто используемое сыпучее средство для создания специфических вкусовых ощущений в белковой среде.

Наталья Ивановна подает мне соль.

— И устройство, обычно употребляемое для утоления голода.

Наталья Ивановна подает мне вилку.

— Нет, Наталья Ивановна, это не вилка. Это яичница из трех яиц по горизонтали, а то и из четырех.

Но самое главное не кроссворды. С Натальей Ивановной каждый день происходят какие-то очень красивые истории.

Вот, например, одна из них — про арбуз. Вот эта история, рассказанная ею мне и дополненная моим воображением.

— Эдуард Николаевич, сегодня я купила арбуз. Он был очень большой! Просто очень большой.

Это меня не удивило. Наталья Ивановна любит всех людей: школьников, милиционеров, продавцов и президентов иностранных держав. И все любят ее и всячески ей помогают.

Вот и продавец выбрал ей самый большой арбуз. И она его понесла.

— Я пронесла его полквартиры, Эдуард Николаевич, дальше не могу. Хоть бросай. И тогда я его покатила.

Я представил: Наталья Ивановна — седая спортсменка двадцатых годов идет по Фрунзенской набережной и со страшной силой гонит перед собой арбуз ногами. И разные люди относятся к этому поразному.

— Разве можно так с арбузами обращаться! Гонять арбузы ногами негигиенично, — делает Наталье Ивановне замечание пожилой пенсионер военного вида. — Какой вы пример подаете молодежи.

— Хороший пример она подает молодежи, — возражает человек в тренировочном костюме, бегущий трусцой. — У нее арбуз как прилип к ноге. Никакого отскока. Нашей сборной у нее бы поучиться. Мамаша какой-то футбольный секрет знает. Уважаемая, вы постойте здесь. Я до Крымского моста добегу и на обратном пути вам арбуз дотараню.

Наталья Ивановна не стала ждать таранящего спортсмена. Она докатила арбуз до телефонной будки и стала вызывать подмогу: пенсионно-тимуровскую скорую помощь:

— Алло, это Анна Гавриловна? Вы что делаете? Берите свою сумку с колесиками и приходите на Фрунзенскую набережную к мебельному. Поможете мне арбуз нести... Не можете? Вы сами в беде? Ничего я сейчас приму меры.

— Алло, Софья Адамовна, пожалуйста, зайдите к Анне Гавриловне и откройте ее. Она ключ в двери снаружи забыла. А изнутри она не открывается. И пусть она возьмет сумку с колесиками и идет на Фрунзенскую набережную меня выручать... Что, у вас сердце? Ладно, сейчас поможем.

— Алло, Наталья Павловна? У вас есть валидол? Тогда возьмите его и зайдите к Софье Адамовне. Она боится без валидола на улицу выходить. Она проведет вас к Анне Гавриловне. Анна Гавриловна пусть возьмет сумку с колесиками. И все вместе приходите на Фрунзенскую набережную к мебельному. Поможете мне арбуз нести. Да, и возьмите для Анны Гавриловны чай. Она без чая, как машина без бензина, не может двигаться.

В это время мальчик мимо шел и с ним двое родителей — папа и мама.

— Тетенька, что это вы делаете?

— Я арбуз домой качу.

— Можно мы поможем?

— Конечно, можно.

— Но мы в кино опоздаем, — говорит мама.

— Ну и пусть! Арбуз важнее!

И арбузная процессия идет вперед. Впереди мальчик, потом арбуз, потом папа и мама.

В это время им навстречу выходит Анна Гавриловна с сумкой с колесиками и все остальные участники арбузного пробега с чаем и с валидолом. И все они встречаются у лифта.

— Знаете что, — говорит Наталья Ивановна. — Пошли к нам арбуз есть.

И все-все: и папа, и мама с мальчиком, и Софья Адамовна, и Анна Гавриловна с сумкой с колесиками, — все поднимаются наверх на шестой этаж.

Всех я встречаю у двери:

— Наталья Ивановна, что ж вы мне-то не позвонили? Я бы вам арбуз мигом донес. Еще бы молока купил.

— Что вы, Эдуард Николаевич! Вы же работаете. А мои девочки не очень заняты. Нечего им дома сидеть, стареть без толку. Пусть подвигаются.

И если мне в кроссворде попадется, слово на семь букв по вертикали, означающее молодую современную прогрессивную женщину, я не буду долго размышлять. Я напишу это слово — «соседка Наталья Ивановна». Пусть это будет не по правилам, но это будет правильно.

Село Троицкое

Село Троицкое

под Переславлем-Залесским зимой засыпает снегом много больше, чем другие деревни. Может, это от природы зависит, а может, от того, что в других деревнях еще есть трактора и машины, а в Троицком давно уже нет ничего.

Когда у меня есть трудная и долгая работа, я еду в Троицкое. Там у меня есть свой небольшой, хорошо устроенный дом, даже с телефоном.

Приезжаешь обычно в темноте. Зимой темнеет рано, и все спят. Даже собаки.

Совсем не ясно как далеко на машине можно проехать в глубь деревни. Поэтому я оставляю машину возле почты, в одну руку беру пишущую машинку, в другую — сумку с продуктами — и в рейс по сугробам.

Иногда идешь в снегу по пояс — как плывешь. Сумка с продуктами и машинка едут рядом по снегу.

Самое обидное бывает утром, когда узнаешь, что ты по сугробам полз, снег из рукавов вытаскивал, а рядом была удобная, хорошо протоптанная тропинка.

Вот и дом. Калитка с головой засыпана снегом, и открывать ее не надо, можно просто по снегу перейти.

Главное теперь — входную дверь откопать и откопать. Откапывать приходится ногами и пишущей машинкой.

Тут же затапливаешь печь, потому что дрова в нее еще с осени запихнуты, и включаешь радио — вражеские голоса слушать.

И часа четыре в полухолоде ждешь отдачи тепла от печки.

Но вот тепло пошло, началась долгожданная награда за мучения, началась новая, совсем необычная, совершенно не городская жизнь.

Однажды я привез с собой в село Троицкое своего приятеля Сашу Курляндского. И когда в доме наступил час тепла, я ему сказал:

— Саша, ты гнал по гололеду машину, полз по снегу, почти замерз, но добрался до цели. Теперь ты чувствуешь себя настоящим мужчиной. Что бы ты без меня, Саша, делал?

— Без тебя, Эдик, сейчас, — ответил отогревшийся Саша, — в самом худшем случае, я сидел бы в ресторане Дома кино и пил пиво.

И вот в один мой приезд в Троицкое, пройдя через все мучения и как следует выспавшись, открываю я утром глаза и вижу — в комнате стоит Татьяна Семеновна Частова, моя соседка.

Явилась собственной персоной, нарядная, важная, красивая. Валенки на ней с галошами новые, выходные, платок пуховый коричневый, должно быть, свадебный, и пальто большое, утепленное.

Только оно подкачало: оно было большое и теплое, но как будто из двух разных полт... полтов... тьфу ты... сшитое.

— Садитесь, — кричу, — Татьяна Семеновна. Я мигом. Сейчас будем кофе пить. Как живете, Татьяна Семеновна?

А сам за печкой одеваюсь во все свое поношеное, теплое, удобное, деревенско-спортивное.

— Да как живу? Плохо живу.

— Это почему, Татьяна Семеновна?

— Тропинку к колодцу занесло, снег для чая на печке топлю. Вот заболела давеча, лежала весь, день даже горчичник поставить было некому.

— А как же, — спрашиваю, — ваша боевая подруга Евдокия Павловна, тоже Частова? Она что же, не может вам горчичник поставить?

— Я с ней два месяца как не разговариваю.

— Это почему?

— Потому что я с ней поругалась. Еще осенью.

— Из-за чего?

— Из-за того, что разговор был про ручку.

— Какую ручку?

— Колодешную. Ольгушка Субботина, почтальонка тутошняя, сказала, что наши мужики от их колодца ручку взяли.

— А Евдокия Павловна при чем?

— А при том. Я Ольгушке говорю: «Наши мужики не воры. Они чужой ручки не возьмут». А Евдокия твоя стоит и молчит. Я ей говорю: «А ты чего молчишь, глаза таращишь, шкура ты продажная!» Она сразу и побегла. Вот с тех пор с ней и не разговариваю.

— Не очень ли вы поспешили, Татьяна Семеновна? Может быть, она потаращила бы глаза, потаращила, а потом бы тоже сказала, что ваши мужики не воры.

— Ничего бы она не сказала.

— Почему?

— Потому что она шкура продажная.

— Татьяна Семеновна, — говорю я, — всю жизнь она была вашей подругой, и войну вы вместе прошли, а тут вдруг шкурой продажной стала. Да?

— А тут вот стала.

— А хотите, я вас помирю? Я ее приведу, вы и заговорите.

— Я с ней разговаривать не собираюсь, — упрямо твердит Татьяна Семеновна.

— А давайте мы ей письмо напишем.

— Тебе делать нечего, ты и пиши.

Я достаю пишущую машинку, вкладываю лист бумаги и усаживаю Татьяну Семёновну на табуретку у окна.

— С чего начнем? — спрашиваю я.

— С чего хочешь, с того и начинай, — сердито говорит Татьяна Семеновна и отворачивается.

— Давайте так начнем: «Дорогая Евдокия Павловна, я тебя обругала сдуру. Больше не буду».

— Как это — не буду, — говорит Татьяна Семеновна. — У меня нервы поднимутся — я ей и не такое скажу.

— Значит, пишем так. «Дорогая Евдокия Павловна, я тебя обругала сдуру, и еще буду». Так правильно?

— Так правильно.

— Что дальше писать?

— Не знаю. Ты писатель, ты и пиши.

— Когда не знают, про что писать, — про погоду пишут, — говорю я.

— Вот и пиши про погоду.

Только я приготовился писать про погоду, описывать мороз и солнце, день чудесный, явилась маленькая Евдокия Павловна Частова, вся перемотанная платками как пулеметными лентами.

Увидела Татьяну Семеновну на табуретке — и бежать. Еле я успел ее за хвост ухватить и на другую табуретку посадить:

— Сидите тихо, Евдокия Павловна, мы вам письмо пишем. Сейчас будем погоду описывать.

«Погода у нас хорошая», — стучу я на машинке и произношу вслух:

— Мороз и солнце. Правильно?

— Правильно, — подтверждает Татьяна Семеновна.

— Какая же погода хорошая, когда метель вторую неделю метет, — не соглашается Евдокия Павловна.

— Ты глаза-то разуй! Какая метель?! — кричит Татьяна Семеновна. — Совсем, что ль, ополоумела? Вон даже солнце вышло.

Евдокия Павловна молча слезает с табуретки и хочет бежать.

Я успеваю схватить ее за пальто и вернуть:

— Сидите тихо, Евдокия Павловна, когда будем ответ писать, про вашу погоду напишем. Что буря мглою небо кроет. Ладно?

Евдокия Павловна нехотя остается.

— Ну, что дальше будем сообщать? — спрашиваю я Татьяну Семеновну.

— Что хочешь, то и сообщай, — сердито говорит она.

— Может, про здоровье напишем?

— Пиши про здоровье.

— «Здоровье у меня здоровое», — пишу я. — Правильно?

— Правильно, — соглашается она. — Только поясницу ломит и ноги отказываются. Надо опять в больницу ложиться.

— Понятно, — говорю я, и получается так: — «Здоровье у меня здоровое. Только поясницу ломит и ноги отказываются. Надо опять в больницу ложиться». Так правильно?

— Правильно, — говорит Татьяна Семеновна.

— Тоська Клекова тоже собирается в больницу ложиться, — вдруг вставляет Евдокия Павловна со своей табуретки.

Это заявление так потрясает Татьяну Семеновну, что она кричит Евдокии Павловне что было сил:

— Да на твоей Тоське воду можно возить бочками! Куда ей в больницу! Ты ее еще в санаторию отправь, кобылу этакую.

Евдокию Павловну этим криком словно сдувает с табуретки. Она по полу, ровно по суху, выплывает из дома и я не успеваю словить ее.

— Татьяна Семеновна, вы же просто срываете мою миротворческую операцию.

— Знаешь что, — сердито говорит мне она, — иди ты в пи...у.

Поднимается и тоже летит к двери.

Я падаю на пол и начинаю кататься от смеха. Я понимаю, что к роли дипломата надо готовиться с детства.

Вечером я устраиваю прием на две персоны. Готовлю угощения из городских штучек и при помощи шестилетнего мальчика Шурайки рассылаю в конвертах два приглашения на приход в гости. Это срабатывает.

СЛАВА БОГУ, ПРОШЛОГОДНИЕ КОНФЕТЫ И СВЕЖАЯ КОЛБАСА ИЗ ГОРОДА ДЕЛАЮТ СВОЕ ДЕЛО.

Скоро бабушки забывают про меня и начинают свой мирный деревенский разговор. А я тихо стучу в углу на машинке.

Жестящик Васильков против вороньей стаи ЖЭКа номер восемь

Жестящик Васильков давно мечтал

завести вороненка. Он только ждал, когда они созреют.

Вот в разгар лета воронята объявились. И заорали себе на весь ЖЭК.

Тогда Васильков взял у электрика Володи Матвеева «кошки» и полез на шестиэтажный тополь. А его собака Павлин сидела внизу и охраняла его новый, еще не стиранный ватник.

Васильков добрался до гнезда, вытащил самого громкого и полез вниз. Тут у электрика Володи Матвеева что-то сработало. Он закричал:

— Я тоже вороненка хочу! И мне полагается! Доставай!

Васильков не стал устраивать дебаты, снова вверх полез.

Но тут странности начались. Когда первого вороненка брали, ворона-хозяйка вела себя спокойно. То ли считать не умела, то ли с выводами не торопилась. А тут как закричит:

— Караул! Наших воруют! И за пазухи засовывают!

Разбежалась по воздуху и как треснет Василькова клювом, аж звон пошел, будто Васильков внутри пустой был.

Другие вороны сбежались, стали ее успокаивать. Хотя успокаивать-то Василькова следовало.

Пока вороны свою откачивали, Васильков крабом вниз сполз и к себе в «жестянку» за проволочную сетку сбежал. Верный Павлин при телогрейке остался.

В «жестянке» Васильков и Володя Матвеев сразу к вороненку пристали:

— Скажи «кар», скажи «кар»! Скажи «Сидоров — козел»!

В общем занятие у них появилось. Первые три дня вороны Василькова не трогали. То ли ждали, пока одумается, то ли ждали какого-то своего вороньего начальника.

Как только Васильков во дворе появлялся, они страшный гвалт поднимали. Но до рукоприкладства дело не доходило.

А потом поехало.

Утром выходит Васильков из «жестянки», стружки с воротника отряхивает. А перед ним на дереве здоровая ворона сидит. Вернее, ворон. В общем, такой вороний детина. Сидит он, клювищем по ветке хлопает: хлоп! хлоп! хлоп!

Аж дерево трясется. А остальные вороны в ряд выстроились.

Надо сказать, что Васильков был с уклоном в лысизм. Блестящий был, как коленка.

Тут первая ворона нырнула с дерева, спикировала и как чиркнет Василькова по голове.

Чиркнуть можно по-разному. Здесь так чиркнули, что дым из Василькова пошел, как из коробка.

Снова «хлоп, хлоп» раздалось. Другая ворона вниз нырнула. Низом прошла и на Павлина набросилась. Как клюнет его в то самое место, где хвост кончился, а ноги еще не начались. И опять — хлоп! хлоп! хлоп!

Васильков с Павлином дальнейшего ждать не стали и в «жестянку» к себе бросились. Стали сидеть там за решеткой, как в зоопарке. Только они высунутся — сразу и слышится: хлоп! хлоп! хлоп!

Электрик Володя Матвеев весь день им еду носил, как пленным. И что интересно, производительность труда у Василькова резко повысилась. Он там в «жестянке» две трубы водопроводные сжестянил — от первого этажа до шестого.

И весь день твердил упрямо:

— Скажи «кар»! Скажи «кар»! Скажи «Сидоров — козел»!

На другой день Васильков решил, что вороны про него забыли. Высунулся было утром из «жестянки». Но не тут-то было. Сразу послышалось: хлоп! хлоп! хлоп!

Этот вороний начальник, чувствуется, недаром здесь фигурировал. Был большой труженик.

Все вороны свои дела бросили и на Василькова пикировать начали. Рвут бедного не на шутку.

Жители эту историю заметили, стали на Василькова как на аттракцион смотреть.

Тогда Васильков гримироваться начал. Щеку шарфом замотал, кепку надел и бежит в магазин как Ленин.

Только театр одного актера быстро кончился. Павлин так был устроен, что от Василькова ни на шаг. А Павлина заматывай, не заматывай — он так Павлином и останется.

Бежит загримированный жестянщик, а за ним незагримированный пес. А воронье над ними так и вьется. То одна, то другая кидаются вниз — и клюк человека по башке. А бывает, как на футболе — разгонится одна, а стукнет другая. Да совсем с другой стороны. Ба-бах! Хоть волком вой!

Тогда электрик Матвеев жестянщику Василькову предложил:

— Или ты вороненка отдай, или в Сибирь поезжай. Там нужны упрямые энтузиасты — строители коммунизма. А то еще есть такой выход — выпей ты польской морилки для дерева. Она вся на спирту. И человека черным делает. Тебя тогда не то что вороны — мать родная не узнает. И в метро все будут как негритянскому студенту место уступать.

Не захотел Васильков быть негритянским студентом. Взял вороненка проклятого, из-за которого вся каша заварилась, и пошел с ним, как с белым флагом, на середину двора. За ним шел Павлин, как адъютант, очень торжественно.

Вороны замолкли. Вообще во всем дворе как будто звук выключили.

Посадил Васильков вороненка на дерево и торжественно пошел в домино играть. И никто его не клевал. С тех пор все утихомирились. А по утрам в нашем дворе, когда вороны кричать начинают, одна несколько странно кричит, не как все. Она так говорит:

— Кар! Кар! Сидоро-козо! Кар! Кар! Сидоро-козо!

Сегодня в нашем городе

Един в трех лицах

Моему брату повезло — в нем живет

один человек. В крайнем случае — полтора. А мне гораздо хуже. Во мне живут несколько. Может быть, четыре. Может быть, пять. А может быть, даже целый коллектив.

Я, например, люблю джазовую и симфоническую музыку одновременно. Болею всегда за несколько команд. А однажды я был влюблен. Причем не как-нибудь, а в четырех женщин сразу.

Это может показаться странным, и тем не менее это так. И даже сейчас, когда я женат на одной из них, остальные три нравятся мне ничуть не меньше.

Скорее всего, они нравятся ничуть не меньше не мне, а тем другим людям, которые живут во мне.

Однажды, когда у меня было немного свободного времени, я решил сесть и окончательно разобраться в том, кто же во мне живет.

Получилась следующая картинка:

во-первых, во мне живет мот и транжир (по утверждению моей жены);

во-вторых, во мне живет страшный сквалыга (по мнению моих дальних родственников);

в-третьих, во мне живет умный, честный и благородный человек (по моему собственному глубокому убеждению).

Кроме того, меня населяют:

круглый дурак,

беззастенчивый проходимец,

наивный правдоискатель.

Причем это оказалось не все. Время от времени во мне появляются и исчезают другие интересные личности. С некоторых пор я стал наблюдать за поведением моих поселенцев. Вызвали меня, например, в профком и спросили:

— Не хотите ли вы вступить в кооператив?

— А сколько это будет стоить? — первым делом поинтересовался сквалыга.

— Две тысячи.

— Пустяки, — заявил транжир.

— Вступаем, — сказал дурак.

И я действительно вступаю в кооператив. Как это ни странно, дурак почему-то пользуется внутри меня большим авторитетом!

Но самое интересное началось во мне тогда, когда я окончил заочный институт. Месяц назад.

Пригласил меня к себе главный инженер:

— Здравствуй, здравствуй. Проходи. Поздравляю с окончанием. Хочу предложить тебе работу.

— Какую?

— Технологом в цехе.

— А какой оклад? — спросил сквалыга.

— Сто десять рублей.

— Мало, — заявил проходимец, — я и сейчас получаю сто пятьдесят.

Он, как всегда, соврал. В самом деле, работая сборщиком, я получал сто сорок.

— Но деньги же — это не главное, — сказал мой собеседник. Очевидно, в нем тоже сидел свой дурак.

— А что же главное?

— А будут мне оплачивать сверхурочную работу? — снова начал задавать вопросы сквалыга.

— Не беспокойся, — ответил ему начальник. — Инженерам сверхурочных не платят. У них ненормированный рабочий день.

— Значит, можно будет как хочешь поздно выходить на работу?

— Нет. Можно будет как хочешь поздно уходить.

Дома внутри меня состоялось целое профсоюзное собрание.

— На месте инженера ты принесешь больше пользы! — кричал честный. — Надо соглашаться!

— Я тебе дам — соглашаться, — показывал ему огромный кулак сквалыга.

— Но ведь врачам прибавили зарплату, учителям тоже, значит, и инженерам прибавят, — вмешался неизвестно откуда взявшийся оптимист.

— Улита едет — когда-то будет, — возразил ему в противовес появившийся пессимист.

— Зато инженеры больше нравятся девушкам, — раздался чей-то голос. Не знаю чей.

Когда дело касалось девушек, во мне сразу появлялись два человека. Первый — хороший семьянин, заботливый хозяин и домосед. Второй — несколько рассеянный веселый холостяк.

— Правильно, — закричал он, — надо становиться инженером!

— Да, но что скажет твоя жена, когда ты начнешь приносить на тридцать рублей меньше? — возразил ему семьянин.

— Ах, простите! Я совсем про нее забыл, — смутился холостяк.

— Тебя могут уволить, — раздался чей-то голос. Не знаю чей.

— Никто тебя не уволит, — сказал умный. — Профсоюз защитит. И отдел кадров в обиду не даст!

— Да бросьте вы ругаться из-за копеек, — снова вмешался в разговор оптимист. — Рубль с каждым годом становится крепче, товары — дешевле.

— Как же, как же... — начал ему возражать пессимист, но остальные набросились на него и не дали больше сказать ни слова.

В конце концов я очень устал от этой ругани и пошел спать. Когда утром я проснулся, все уже было решено без меня.

Сейчас я уже не сборщик шестого разряда с заработком сто сорок рублей, а инженер-технолог с окладом сто десять.

Как все получилось, не знаю. Очевидно, во мне победило положительное начало. Я же говорил, что, по моему убеждению, во мне живет и честный, благородный человек.

Дежурный сантехник

Воскресенье. Середина дня. Строительная площадка возле почти готового дома-новостройки.

Высокий человек с портфелем что-то ищет в куче строительного мусора. Вот он вытаскивает из нее длинную хорошо обструганную доску и направляется к выходу.

— Ты что? Ты куда? А ну, положи, где взял! — кричит ему через окошко первого этажа какой-то строитель в спецовке и с разводным ключом.

— А чего? — оправдывается высокий человек. — Я ж не ворую. Она мне для книжной полки нужна. Все равно она здесь валяется!

— Ничего здесь не валяется, — уже спокойно говорит строитель. — Это только кажется, что валяется. А она лежит. Она денег стоит!

— Так я заплачу, — с готовностью соглашается человек с портфелем. — Рубль.

— Да? — задумывается строитель. — А что я с ним делать буду? С рублем-то? Три давай.

— Три? За доску? Что-то дорого.

— А я тебе в придачу еще что-нибудь дам. Кран водопроводный хочешь?

— Да у меня есть.

— Ну тогда раковину новую, чешскую. Или дверь фанерованную.

— И раковина у меня есть, и дверь, — не соглашается длинный человек.

— Чудак! Я же тебе ее за два рубля отдаю, а в магазине она двадцать стоит, да и не найдешь. У тебя ее в магазине с руками оторвут!

— Вот и несите сами в магазин!

— Сам не могу, тяжелая она, — огорченно говорит строитель, — а сегодня сторожа нет. Не вышел, пьяница!

— Простите, — спрашивает человек с портфелем, — а вы разве не сторож?

— Я-то? Нет. Я сантехник дежурный. Мало ли — авария какая. Или воры залезут, арматуру посымают.

— Верно, — соглашается пришелец, — могут снимать. Сейчас народ такой пошел — только отвернись!

— По себе знаю, — вздыхает строитель. — Уж сколько у меня воровали!

Наступает длинная пауза.

— А, так и быть! — вдруг машет рукой сантехник. — Я тебе знаешь, что дам?

— Что?

— Дрель новую. Ее электрики оставили.

— Дрель? — удивляется длинный. — А чем же они работать будут, электрики ваши? Они ж скандал устроят.

— Ничего они не устроят. У них для работы другая есть — старая. А эту они для продажи припрятали. А я подглядел.

— Тогда давайте, — идет навстречу гость. — Только вы заверните мне ее. Мало ли что, вдруг кто заметит. А дрель всегда нужна.

— Конечно, нужна, — отвечает строитель, — и заверну я тебе ее по-хорошему. Только ты вот что, ты рубль-то добавь. Дрель-то совсем новая.

— Рубль? — переспрашивает человек с портфелем. И опять наступает длинная пауза, потому что он роется в бумажнике.

— Нет рубля, — наконец говорит он, — опять трешник.

— Надо же! — чешет в затылке строитель. — Плитка нужна?

— Какая?

— Кафельная.

— Нет.

— А плита газовая?

— Тоже нет.

— Так зачем же ты сюда пришел?

— За доской. Для книжной полки.

— Ах да! Ну тогда я тебе дам шурупов килограмм. Идет?

И с доской в одной руке, с портфелем и свертками — в другой в воскресенье, в середине дня, высокий человек не торопясь покинул стройку. На этот раз без всяких замечаний.

Мой сосед

Ко мне поселили нового соседа.

— Что ты делаешь? — спросил он, входя на кухню.

— Глажу брюки.

— Разве так надо гладить брюки? Вот как надо гладить!

И мои брюки превратились в отлично выглаженные футбольные трусы.

— Что ты делаешь? — закричал он через пять минут.

— Чиню холодильник.

— Разве так надо чинить холодильник? Вот как надо чинить!

И в моем холодильнике установилась нормальная температура — 36,6 °С.

Когда пришла Валя, мы никуда не пошли. Мы сидели дома.

— Что ты делаешь? — спросил он, врываясь в комнату.

— Целуюсь с девушкой.

— Разве так надо целоваться?

Жизнь становилась невыносимой. Я решил покончить с собой.

— Что ты делаешь? — спросил он, когда я влезал на табурет.

— Собираюсь вешаться!

— Разве так надо вешаться? Вот как надо вешаться!

С тех пор я живу спокойно.

Золотые руки

— Все, что вы видите в этой комнате, — сказала моя будущая теща, — сделано членами нашей семьи. В нашей семье у всех золотые руки. Вот этот телевизор видите? Его муж собрал. Давно это было. Он тогда мастером работал на телевизионном заводе. Пять лет включаем — и ни одной поломки! А пианино? Такого в магазине не достать. Их на экспорт изготовили. А муж тогда сторожем был на рояльной фабрике.

— А это? — спросил я, глядя на легкий садово-огородный трактор. — Это тоже муж?

— Нет, — ответила хозяйка. — Это не муж. Это сын, ремесленник. В отца пошел. В совхозе практику проходит.

— Скажите, — закричал я, — а Лена, она тоже такая?

— Нет, — с грустью в голосе произнесла хозяйка. — Лена — она не в нас. Лена — она, по правде говоря, вообще не наша. Это я ее в дом принесла. По глупости. Молодая была. Акушеркой в родильном доме работала.

У меня отлегло от сердца. Слава богу, что Лена все-таки не такая. Иначе бы свадьбы не было. Я ничего не смог бы принести в этот дом. Такая уж у меня работа. Я работаю в змеином питомнике.

Какие формальности!

Это случилось в городе Ы.

На самой темной из хорошо освещенных улиц встретились двое: бандит и прохожий.

— Снимай часы, — приказал грабитель безапелляционным голосом, — и костюм!

— А кто вы, собственно, такой? — спросил прохожий.

— Как — кто? Бандит, конечно!

— А чем вы это можете доказать?

— Вот нож у меня... и вообще!..

— Нож еще ни о чем не говорит. Я тоже могу взять в руки нож. Но это же не значит, что я стал бандитом! А есть у вас какие-нибудь документы? Справка с последнего места заключения или еще что?

— Нет, ничего нет!

— Ну, тогда вы ничего и не получите!

Ошеломленный преступник полчаса стоял на улице, почесывая голову. Он был первый раз в этом городе и не знал существующих порядков. На следующую ночь они встретились снова.

— Вот, — радостно сказал грабитель, — вот справка с последнего места заключения! Давай часы!

— Да, — возразил прохожий, — но здесь печать не совсем ясная! И к тому же вас освободили досрочно... Не отдам!

— А у меня еще справка есть, что я псих, — стал нервничать преступник. — Могу стукнуть!

— Это другое дело. С этого и надо было начинать, — заявил ограбляемый. — Теперь я вполне доволен!

Таким образом, часы, бумажник и костюм оказались во владении бандита. С этого времени жизнь у него явно наладилась.

Поздно ночью он подходил к прохожим, небрежно предъявлял свои бумаги и отбирал все, что считал нужным. Если его бумаги производили мало впечатления, он добивал свою жертву справкой о психической неполноценности.

Но однажды произошла нелепая случайность — бандит повстречался на улице с человеком спортивного вида.

— Снимай часы! — как всегда, приказал он.

— А вы, собственно, кто? — спросил спортсмен.

— Как — кто? Бандит! Вот здесь написано.

— А нож у тебя есть?

— Нож — это формальности, — развязно стал растолковывать грабитель. — Еще обрежешься!

— А пистолет?

— Тоже формальности!

— Ну, тогда пошли в милицию, а то плохо будет. Ведь я самбист!

— А справка у тебя есть, что ты самбист?

— Нет у меня никакой справки, — ответил спортсмен и применил двойной переворот с захватом ноги. Он тоже был не из этого города и не знал существующих порядков.

Бандит потерял сознание. Через полчаса он оказался в милиции.

— Да, — многозначительно произнес следователь, осторожно перебирая справки, выложенные на стол, — бандит был превосходно вооружен! С такими бумагами даже я не рискнул бы его взять! И как это вы не побоялись?

— А чего бояться? — удивился атлет. — У него не было даже ножа!

— Что нож, раз есть такие бумаги! — сказал следователь.

На суде самбист был свидетелем.

— Его теперь ждет тюрьма? — обратился он к прокурору.

— Пожалуй. Во всяком случае, дадим ему справку, что он находится в колонии.

— А сможет он грабить при помощи этой справки?

— Конечно нет! Ведь в ней будет написано, что он сидит.

Проверка храбрости

«Мой сын, если есть возможность, всегда старайся проверить свою храбрость». Эти слова сказал однажды очень известный древний полководец.

Если бы их однажды сказал я, то непременно добавил бы в конце: «Лучше всего это сделать при помощи парашютной вышки».

Что же такое парашютная вышка? Это тонкая стальная мачта высотой примерно с восемнадцатиэтажный дом. Наверху у нее имеется небольшая деревянная площадка. Если вы посмотрите с этой площадки вдаль, то все окрестности будут лежать у вас как на ладони. Если вы посмотрите вниз, то громадные трехтонные самосвалы покажутся маленькими «Запорожцами». Ну а маленькие «Запорожцы» вы просто не сумеете отличить от обычных детских колясок. Впрочем, вниз, конечно, лучше не смотреть.

Над вами — раскрытый купол парашюта. Вы делаете шаг — и летите в бездну. Именно этот шаг отделяет, по моему, храброго человека от труса.

Последний раз мне удалось проверить свою храбрость в городе Кишиневе. Я заплатил пятьдесят копеек и начал подниматься наверх.

Сначала мне было очень легко, пока высота не превышала той, с которой можно было прыгать без парашюта. Потом у меня стало перехватывать дыхание. Когда же я оказался на самом верху, то совсем уже не мог дышать, очевидно из-за разреженной атмосферы. За весь этот путь я оценил свою жизнь заново и понял, что жил неправильно.

Дежурная застегнула на мне ремни, и я решительно направился к бездне.

— Подождите. — сказала она. — я еще не пристегнула вас к парашюту.

Я оторопел.

— А теперь можете прыгать.

— А теперь мне уже не хочется.

— Что значит — не хочется? Вы же не зря платили деньги. Прыгайте, а не то я столкну вас.

Пришлось ухватиться за поручни и закричать. Все люди, находившиеся в радиусе трех километров, подняли головы и с удивлением поглядели наверх.

— Нельзя ли потише? — спросила дежурная.

— Можно, — ответил я и закричал вполголоса. Она посмотрела на меня с сожалением:

— У нас дети малые прыгают, а вы боитесь!

— А я не боюсь. Мне просто страшно.

Но вдруг я понял, что мне уже не страшно. Если прыгают дети, то спокойно могу прыгнуть, конечно, и я.

В доказательство я подошел к краю и подержал ногу над пропастью. Да, никакого страха не было. Очевидно, я все-таки переборол себя. Но, с другой стороны, если мне не страшно, то и прыгать теперь незачем. Пускай прыгают те, кто боится.

Я снял парашют и направился к выходу. Я спустился по лестнице, очень довольный победой над собой. Одна только мысль беспокоила меня: какая же это победа, если даже малые дети в состоянии сделать то же самое.

Эта мысль беспокоит меня и до сих пор, поэтому при любой возможности я стараюсь проверить свою храбрость.

Ася

Асе всегда было скучно со мной, но, когда приходил Александр Федорович из соседнего отдела, ее глаза мгновенно оживлялись.

— Вы знаете, — говорил он, — вчера вечером арестовали одну кассиршу из диетического магазина. У нее была недостача в четыреста рублей. Теперь дадут пять лет.

Или:

— Вы представляете, Ася, один водитель такси ограбил сберегательную кассу по Кутузовскому проспекту. В «Вечерке» написано. Еле-еле задержали.

Ася была готова слушать его часами.

Я же таких историй не знал. У меня не было знакомых кассирш из диетического магазина и не было никаких сведений о водителях такси, грабивших сберегательные кассы. Ничего другого Ася слушать не хотела.

Но однажды меня осенило. Я вошел и сказал:

— Вчера на станции Перхушково одна женщина бросилась под поезд. Из-за того, что ее разлюбил любовник.

Ася была в восхищении и долго выспрашивала у меня подробности «Анны Карениной».

Стоило только начать — дальше все пошло как по маслу.

— Один работник итальянского посольства задушил свою жену. Из ревности. На днях его отправили в Италию. (Трагедия Шекспира «Отелло».)

Или:

— Лаборант и лаборантка из враждующих НИИ полюбили друг друга. Однако главные инженеры и коллективы организаций мешали их счастью. В результате они отравились мышьяком и их похоронили на Ваганьковском кладбище. (Вольная интерпретация «Ромео и Джульетты».)

Александр Федорович был посрамлен. У него не было Полного собрания сочинений Шекспира, и он не читал ничего, кроме последней страницы «Вечерней Москвы».

Но однажды Ася спросила меня:

— Откуда вы знаете так много интересных историй?

Пришлось открыть ей правду.

С тех пор ей по-прежнему скучно со мной. Но когда приходит Александр Федорович из соседнего отдела, ее глаза мгновенно оживляются.

— Вы знаете... — говорит он. И она слушает его часами.

Каждому свое

Шло собрание. Все как обычно. Докладчики читали доклады, участники голосовали. Или «за», или «против». Впрочем, больше «за», так как «против» не голосовали ни разу.

Но вот на сцену вышел человек в коричневом костюме, с неправильно повязанным черным галстуком. Видно было, что он не умел пользоваться микрофоном.

— Я это... наладчик, — сказал человек. — Вот мы тут хотим чугунных отливок больше делать. По триста килограммов на каждого. А я в этом деле ничего не понимаю. Как же я голосовать-то буду? Вот в станках я разбираюсь.

— Все равно голосуй! — закричали с места.

— А как до станков дойдет — с понятием голосуй!

— Чем больше отливок, тем лучше! — вмешался товарищ из президиума.

— Это верно, — согласился человек. — А как они лишними будут?

— Я не думаю, — снова сказал товарищ из президиума. — А если и будут — переплавить недолго.

— А что, конечно недолго! А может, лучше того — недоплавить?

— Я вижу, вам не нравится наша цифра — триста килограммов. Какую же вы предлагаете? — нетерпеливо спросил председатель.

— Я? Да нет, я не предлагаю, — ответил человек у микрофона. — Я не понимаю только. Вот и все. Вот в станках я разбираюсь.

Наступила длинная пауза. Человек в коричневом костюме ничего не говорил, но и не уходил со сцены.

— Или вот, — снова продолжил он, — тут, значит, оси паровозные. По пять штук на человека. Это как?

— Это очень хорошо, — вмешался другой товарищ из президиума. — Столько паровозных осей не производят даже в Америке.

— Да? — удивился выступающий и замолчал. — А может, и нам не нужно? — неожиданно спросил он.

— Чего — не нужно?

— Производить.

— Нет, товарищ, нам это нужно, — снова вмешался председатель.

— Ну, если нужно, — протянул человек с черным галстуком, — тогда другое дело. Вот в станках я разбираюсь.

— Послушайте, — спросил председатель, — а может, вы просто не согласны с генеральным планом нашего завода?

— Нет, почему же, — ответил человек, — я согласен. Просто я не разбираюсь.

— В чем?

— В планах. Вот в станках я разбираюсь!

— А зачем же вы вышли сюда?

— Сказать.

— Что сказать?

— Что я не понимаю. Вот вы думаете, что я понимаю. А я не понимаю.

— Хорошо, — сказал председатель, — мы это учтем. Большое спасибо за выступление.

А про себя он подумал: «Чудак-человек, он хоть в станках разбирается!» — и хорошо поставленным голосом прокричал:

— Продолжаем собрание!

Развод по-интеллигентному

Наконец-то мы с женой развелись. Как только мы вернулись домой, я с удовольствием завалился с ногами на кровать.

— Ты что это делаешь? Как только не стыдно! — кричала она.

— А тебе какое дело? Не делай мне замечаний! Ты для меня совершенно посторонняя женщина.

— Тем более стыдно при посторонней женщине валяться на постели в ботинках!

Она была права. Пришлось сесть на стул.

— А если ты посторонняя женщина, — сказал я, — то не ходи при мне в таком замусоленном халате. Я тебе не муж. Я совершенно посторонний мужчина.

Она покраснела, взяла какие-то вещи и вышла из комнаты. Через полчаса она снова вошла. Ее было трудно узнать: красивая прическа, элегантный строгий костюм и журнал в руках — «Новый мир».

И тут я впервые посмотрел на себя со стороны: небрит, брюки неглажены. Батюшки, как я опустился во время женатой жизни!

Немедленно побрился, погладил брюки, надел чистую рубашку, повязал галстук и даже ботинки вытащил

парадные! Не я, а картинка из модного журнала. Ну и что? А на столе свинюшник. Постороннюю женщину в дом пригласить стыдно. Стал я порядок наводить — рубанки, паяльники по местам раскладывать. Смотрю — она цветы поливает. Да так аристократично. Из сервизного чайника. Короче, через полчаса наша квартира превратилась в «дом образцового быта». Причем без единого микроскандала, и тряпкой половой никто друг в друга ни разу не кинул.

Потом я сел и телевизор включил, чтобы хоккей смотреть.

А она мне говорит: «Извините, пожалуйста!» И на вторую программу переключает. А потом какой-то фильм про любовь ремесленников.

Ее счастье, что она посторонняя женщина. Жене бы я такое никогда не разрешил. Пришлось мне хоккей по радио слушать и только во время затяжного объяснения на секунду на матч переключаться.

А тут звонок в дверь — ко мне компания заводская вваливается. Давай, мол, в домино играть. Мы фишки новые выточили, цельнометаллические.

— Не, — говорю, — ребята, я не могу.

— Это почему еще?

— Я не один.

— Гости, что ль, у тебя?

— При чем тут гости? У меня женщина.

— А, — говорят, — пошли. Тогда нам делать нечего.

Тут пора ужинать подошла. Она мне говорит:

— Если вы, уважаемый сосед, согласитесь картошки начистить, то я ее поджарить берусь.

Ничего не поделаешь. Начистил как миленький. Она, конечно, поджарила и еще откуда-то огурец зеленый достала. Для гостей, наверно, купила. Или на окне вырастила.

— Ну, раз так, — говорю, — я четвертинку принесу. Я ее от жены в туалетном бачке прячу.

— Эх, жаль, — говорит она, — я не знала, что это ваша. Я ее уже две недели как в мусоропровод выбросила.

Я чуть не заплакал. С женой бы я за такие штучки... А тут ничего не поделаешь — соседка ведь, почти посторонняя женщина.

Видит она, что я расстроился.

— Ну, ладно, — говорит, — не беда. Я вас выручу. У меня от мужа для праздника бутылка прекрасного вина была припрятана. Десятилетней выдержки. Помогите мне, пожалуйста, диван отодвинуть и шкаф на два метра.

А я его еще год назад из этого тайника изъял.

Она даже слова не сказала. Был бы я ее муж — тут бы такое поднялось! Как бы вам объяснить... то, из-за чего я и развелся.

А дальше вообще какая-то чертовщина.

Она говорит:

— Уважаемый сосед, нет ли у вас лишних пяти копеек? Мне завтра на работу не на что ехать. На метро даже нет.

— Как, — говорю, — нет? Да целых двести рублей у нас с вами имеется. Это я в заначке от жены держал. На черный день. Премия моя за рационализацию.

— Какую такую рационализацию?

— По совершенствованию автопилотов гироскопических.

— Ничего себе! — ахнула она. — Мой муж такая умница! А я к нему никакого уважения не испытывала. Ну, тогда я тебе знаешь, что скажу?

— Что?

— Я кандидатскую защитила! Два месяца назад.

Тут у меня глаза на лоб полезли. Так вот почему я такой неухоже-неглаженный!

— Чего же ты помалкивала?

— Для тебя это был бы только лишний повод для выпивки.

— Какая тут выпивка! — говорю. — У меня эта выпивка оттого только и бывала, что я счастья-выхода в семейной жизни не наблюдал. А теперь я забуду про нее немедленно. У меня теперь глаза на мир по-другому открылись. Давай теперь снова жениться. Заявление в ЗАГС подавать. Я вам, уважаемая гражданка, предложение делаю.

Она подумала и говорит:

— Нет. Так просто это не получится. Я вам должна испытательный срок дать. Мне посторонние мужчины больше нравятся.

Положительная сатира

В настоящее время появилось мнение, что сатира должна не только вскрывать недостатки, но и говорить о хорошем. То есть сатира должна быть положительной.

Я целиком согласен с этим. Да, сатирики должны вскрывать недостатки. Но это надо делать так, чтобы за каждым недостатком читатель мог увидеть по крайней мере два достоинства. Вот примеры положительной сатиры.

Растратчик

(Пример из деревенской жизни)

Шло колхозное собрание, и все хвалили председателя. Но вот на сцену вышел молодой парень — агроном. Он недавно вернулся из армии, и все поняли, что сейчас что-то будет.

— Вот вы все тут нашего председателя хвалите, — начал он. — А зря. Я вам про него всю правду скажу. Я вам глаза открою. Растратчик он. Детский сад построил — десять тысяч на ветер пустил! Плохо нашим ребятам было дома у телевизоров? Шоссе бетонное провел до города — опять деньги выбросил! Асфальт ему, видите, ли, не нравился! А нам, агрономам, до сих пор не может мотоциклы приобрести, и мы по старинке должны поля на мотороллерах объезжать! Безобразие это!

И собрание одобрительно загудело.

Видите, в рассказе, вскрывая один недостаток председателя, мы сумели показать, что люди в этом колхозе живут хорошо.

Более талантливый сатирик мог бы показать, что и в соседнем колхозе люди живут неплохо. А уж самый талантливый мог бы вообще выйти за пределы данной сельскохозяйственной местности!

Беспокойный покупатель

(Из области торговли)

— Безобразие! — возмущался в магазине один человек. — Второй раз захожу в ваш магазин и до сих пор не могу купить мебель для своей квартиры!

— Не волнуйтесь, — отвечал ему продавец. — В настоящее время у нас есть некоторые недостатки в работе. Сейчас у нас стали так много строить, что мебели на всех не хватает!

— Ах, я об этом и не подумал! — сказал покупатель. — А мне этого никак бы нельзя забывать. Ведь я же сам строитель. Каменщик. Вы уж на меня не сердитесь, пожалуйста!

И они пожали друг другу руки.

И в заключение этой маленькой беседы я приведу готовый рассказ, целиком построенный на принципе положительной сатиры. Он называется «Кузьма».

Кузьма

Директор завода был чрезвычайно расстроен. Еще бы — уже конец месяца, а план выполнен всего на сто семьдесят процентов!

Он снял трубку и позвонил в проходную:

— Ну что, есть сегодня опоздавшие?

— Какое там! — ответила трубка. — Никого нет! На полчаса раньше люди на работу приходят!

— Безобразия! — стиснул зубы директор. — Еще один резерв производства исчерпан!

И он решил пойти в уютное заводское кафе и выпить там чашечку черного кофе, чтобы голова прояснилась.

За одним из столиков он увидел своего старого знакомого — заводского грузчика Кузьму. Когда-то они вместе начинали работать на этом заводе. Но он, директор, пошел в институт и стал инженером. А вот он, Кузьма, не пожелал расстаться с любимой профессией.

— Ты почему не на работе? — спросил у директора Кузьма.

— Да вот все думаю, как бы нам план перевыполнить, — отвечает директор. — А ты сам — почему?

— Да и я вот об этом все думаю!

И тут внимание директора привлекли какие-то праздные люди, прогуливавшиеся на территории заводского склада.

— Это кто же там без дела в рабочее время шатается? — спросил он у Кузьмы.

— Да это иностранцы. Приехали учиться рационально хозяйство вести.

— Так чего же они тут учатся, где у нас самый беспорядок? Шли бы учиться в цех, на поточную линию!

— Так не работает она, — отвечал грузчик. — Сборщики на работу не вышли.

— Неужто прогул? — перепугался директор.

— Почему? Просто учатся все в аспирантуре. А сейчас сессия.

И они оба замолчали.

— А ты знаешь, Кузьма, — сказал наконец директор, — план — это не главное.

— А что главное, товарищ директор?

— А то, что у нас есть такие замечательные люди, как ты, Кузьма, как я. Как наши прекрасные сборщики, которых нет. А план мы обязательно перевыполним! Верно я говорю?

— Верно, — согласился Кузьма. — Перевыполним. Не в этом рассказе, так в следующем!

И они разошлись по рабочим местам.

Сказка про канарейку

Один человек купил в магазине канарейку. Посадил канарейку в клетку и поставил эту клетку на окно. Пела канарейка превосходно — все окрестные воробьи слетались, чтобы послушать ее. А потом они рассказывали, как хорошо живет на воле, и в один голос жалели бедную канарейку.

Но однажды случилось так, что хозяин забыл запереть дверцу. Воспользовавшись этим, затворница выпорхнула в окно.

— Вот я и на воле! — пропела она. — Как здесь красиво! А кто вам дает корм?

— Никто! — радостно зачирикали воробьи. — Мы подбираем крошки на улицах!

— А кто вам ставит воду?

— Никто! — еще радостнее закричали они. — Мы пьем просто из лужиц.

— Фи! — пискнула канарейка. — Это мне совсем не нравится.

И она вернулась обратно в клетку. Но за то время, пока канарейка летала по улицам, она переняла несколько воробьиных колен. Это пришлось не по вкусу ее хозяину.

— Мне не нужна канарейка, — заявил он, — которая чирикает по-воробьиному. Она может лететь на все четыре стороны!

Что было делать бедной канарейке? Только и оставалось лететь обратно в магазин, чтобы ее снова продали какому-нибудь любителю певчих птиц. Но любители воробьиных песен, к сожалению, встречаются чрезвычайно редко. Вот потому и провисела бедная канарейка всю жизнь все в том же магазине. В отделе уцененных товаров.

Сказка про слона с большими ушами

В одном зоопарке жил-был слон. Обыкновенный африканский слон, ничуть не хуже и не лучше других.

Но однажды пришли люди, измерили его во всех направлениях, а потом сказали:

— У этого слона самые большие уши из всех слонов, живущих в зоопарках.

Слон сразу загордился.

— Вы слышали, — говорил он, — у меня самые большие уши из всех слонов, живущих в зоопарках!

И он потребовал, чтобы все это было написано на его клетке. С тех пор возле его вольера стало собираться больше всего народу. Еще бы, ведь это был не обыкновенный слон, а слон с самыми большими ушами! Даже очень важные люди — министры и послы — желали познакомиться с ним.

— Послушай, — говорили ему друзья, — в этом деле нет никакой твоей заслуги. Ты должен быть самым скромным и самым милым слоном из всех слонов, живущих в зоопарках.

Но хотя у слона были самые большие уши, он ни за что не желал слушать советы друзей. Недаром же ему давали лучшие вольеры, его снимали в кино, его избрали почетным слоном во всех зоопарках мира! Даже больше того — к нему был приставлен специальный человек, который мыл слона и ухаживал за его большими ушами.

Однажды этот человек перестарался. Он так сильно выполоскал уши слона, что они после стирки сели.

Люди стали удивляться:

— А почему этот слон занимает лучший вольер?

— Потому что у него были самые большие уши.

— Так то же были...

И слона отправили в общий вольер, к его старым друзьям. Но слон не хотел жить с друзьями. Он слишком привык к известности. Поэтому он ушел из зоопарка и стал бродить по ближайшим полям и ущельям. От бродячей жизни он скоро похудел, осунулся и вообще стал больше походить на верблюда.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если б к нему снова не подошли люди. Они побеседовали с ним, а потом сказали:

— Этот слон — самый глупый из всех слонов, живущих в зоопарках.

Отшельник сразу воспрянул духом.

— Слыхали, — похвалялся он, — я самый глупый слон из всех слонов, с которыми разговаривали!

Он снова вернулся в зоопарк, и ему снова предоставили самый лучший вольер.

Так он и живет в нем до сих пор. Он всем доволен, но больше всего на свете теперь боится одного: как бы неожиданно не поумнеть.

Встреча на далеком меридиане (Диалектически-фантастический рассказ)

Шел человек по белому свету. Вернее, по самому краю белого света. И вдруг он увидел крокодила. Громадного зеленого крокодила в нейлоновой рубашке и легком спортивном костюме. Крокодил сидел на камешке и задумчиво крутил ручки транзисторного приемника.

Человек изумился невероятно. По учебнику географии, здесь никаких крокодилов не полагалось.

— Здравствуйте, — сказал зверь.

— Здравствуйте, — сказал человек. — А вы кто?

— Как — кто? Крокодил. Разве не ясно?

— А почему вы разговариваете по-нашему, по-человечески?

— Это просто: я цивилизованный крокодил. Я радио слушаю. Тут нас целый город. — Он махнул лапой куда-то в сторону.

— Ничего себе! — снова удивился путешественник. — А те крокодилы, которые в зоопарках, кто же они?

— Они наши дикие предки. Такие же, как ваши обезьяны.

— Значит, вы тоже разумное существо?

— Совершенно точно.

— Этого не может быть! — твердо заявил человек.

— Почему?

— Это противоречит Дарвину.

— Ничего подобного. По Дарвину, даже черви обладают известной долей мышления.

— Тогда это противоречит Павлову, — настаивал путешественник.

— И Павлову это не противоречит. Вы читали его «Избранные труды»?

— Нет, не читал, — ответил путник. — Но я знаю. Человек — это царь природы! Это ее вершина!

— И крокодил — это тоже вершина!

— Да знаете ли вы, что говорите! — возмутился человек. — Да за такие слова...

— Я всегда думал, что люди — умные существа! — вдруг разозлился крокодил. — Может, я не вашу радиостанцию слушал?

— Не знаю, что вы там слушали, только наслушались не того, чего нужно!

— Ну хорошо, — успокоился зверь. — Значит, по-вашему, я должен быть злым и хищным?

— Конечно, — сказал человек.

— Ну что же — тогда я вас съем!

Путешественник оторопел.

— Минуточку, минуточку, — заволновался он. — А может, Дарвин ошибался?

— Нет, — ответил крокодил, — Дарвин нисколько не ошибался.

— Подождите, подождите! А может, Павлов что-то напутал?

— Нет, — возразил крокодил. — Павлов ничего не мог напутать. Раздевайтесь!

— А может, мне это... — с надеждой протянул человек, — может, мне строгий выговор лучше? А?

— Ничего не выйдет, — сказал зверь. — Строгий выговор таких не исправит...

На этом беседа закончилась. Все так же светило солнце. Все так же играла музыка.

Коньки

— Товарищ! Товарищ! — закричала дежурная в красной шапочке. — Вы куда идете? В метро на коньках нельзя!

— А может, вы меня пропустите в виде исключения? Я сегодня рекорд установил.

— Ну и что?

— А я обещал, если установлю, то на коньках пойду через весь город.

— Вот и идите, а в метро нельзя!

Все пассажиры тотчас разделились на два лагеря.

— Да пропустите вы его! — вмешался гражданин из первой половины. — Это же сам Петров.

— А по мне хоть сам Сидоров!

— Но он рекорд установил!

— Ну и что! — сказали граждане из противоположного лагеря. — А Власова, значит, со штангой пропускать? Правильно она делает!

— Конечно правильно! — согласилась она. — Им волю дай — на ходулях пойдут!

— Да не пойдем мы на ходулях! — успокоил ее спортсмен.

— Ничего не знаю. Сегодня один тут с кошкой шел. К врачу, говорит. А если его кошка кого оцарапает? А если она бешеная? Раз твоя кошка такая важная, пусть к ней врач на дом приезжает.

— И правильно, — снова сказали граждане из второго лагеря. — Сегодня с кошкой — завтра с собакой. Что из этого может получиться?

— Что? — спросили граждане из первого.

— Не знаем что. Вот что.

— Им только разреши. С коровами пойдут! — уверенно заявила дежурная. — А нельзя — значит неположено!

— Знаете что, — сказал Петрову гражданин из доброжелательной половины, — пойдете-ка через другой вестибюль. Может, там нас пропустят?

— Идите, идите. Пустят вас, как же!

И тут их догнала уборщица:

— Послушай, сынок! Ты знаешь что, ты про рекорды не говори. Молчи себе. Скажи, что ботинки украли. Или носить нечего. Они так-то люди добрые, просто они не любят, когда непонятно. А так пустят, если ботинки украли.

И она оказалась права.

Переворот

Жили мы раньше здорово. На судьбу не жаловались. С работы придешь, пообедаешь — и скорее во двор в домино играть. Там друзья, приятели, свежий воздух — ну просто рай!

А вечером дома сидишь, художественную литературу читаешь: «Вечерку» там, «Крокодил» или «Бюллетень по обмену жилой площадью».

Жена тебе чай подает, бутерброды делает, короче — культурно развлекает. Живи и радуйся.

Но все дело нам новый жилец испортил, из восемнадцатой квартиры. Человек с виду нормальный, порядочный, даже навеселе мы его один раз видели. Но это только с виду. Потому что смотрим мы однажды — и глазам своим не верим: сам он лестничную площадку моет. Ну, был бы холостой, все понятно. Так ведь женатый! И жена у него вроде крепкая. Просто он ей помогать решил, освобождать от тяжелой работы.

С этого все и началось. Моя жена как-то говорит мне:

— У меня, Ваня, что-то поясница разболелась, а жилец из восемнадцатой два пакета картошки домой принес.

Я сначала не понял даже:

— Если у тебя поясница болит, ты компресс поставь. А картошка здесь ни при чем. Смешно даже. Картошкой от поясницы не лечатся.

Она как рассердится:

— Вижу я, какой ты бессердечный! Что мне, с больной поясницей в магазин идти? Не жалеешь ты свою жену, не то что некоторые.

Вышел я во двор, настроение у меня испорчено. А там уже другие мужья сидят. Им тоже «некоторых» в пример ставили. «Мол-де, некоторые молоко домой носят и ковры выколачивают, а некоторые пальцем о палец ударить не хотят и вообще от безделья скоро полопаются».

— Это мы-то полопаемся! Да мы на работе по восемь часов, да у станка, да у стола, да у руля, да у автоматической конвейерной поточной линии!

И тут один из нас, такой слабонервный, бухгалтер Александров, не выдержал и говорит:

— И моя.

— Что — моя?

— И моя у автоматической конвейерной поточной линии.

Мы говорим:

— Это не считается. Ты сам посуди — сколько ты зарабатываешь и сколько она приносит! Мужской труд более тяжелый, и платят за него соответственно.

Он сразу успокоился:

— Что верно, то верно. Мужской труд потяжелее будет. Я ведь сто пятьдесят рублей в месяц зарабатываю, а она сто сорок пять всего.

И утих. Но тут другой как закричит, Снесарев Аркадий:

— А моя больше меня приносит! И на Доске почета висит. Милая моя, замечательная. И носки мне связала в троллейбусе.

— Вот ты и иди в магазин! — говорим. — Не мешай честным труженикам отдых проводить.

Он и пошел. И с обиды столько продуктов принес, что всю неделю ходить не надо было. А потом с детьми гулял целый вечер.

С этих пор нам и его в пример ставить начали. Короче, жизнь у нас ухудшилась. Потом и другие не выдержали:

ковры там вытряхивать стали по ночам, полы подметать, картошку чистить.

Ничего, нашлись и стойкие. Мы комитет организовали в защиту прав мужчин. У входа в подъезд стоим, сумки проверяем. Если человек там пиво несет или семечки — пожалуйста, милости просим! А если для дома чего — крупу там манную или песок сахарный, — от ворот поворот: не позорь нас, не подавай дурных примеров!

Тогда слабые хитрить начали. Он сверху пиво положит, воблу там, а под низ норовит чего незаконное спрятать — картошку, мясо или котлеты домашние.

Уж чего-чего, а проносить или выносить у нас люди тренированные. Дежури мы раз, идет бухгалтер Александров. В руках ничего, посвистывает. А живот у него увеличился, будто он в отпуске был два месяца.

— Стой, кто идет?

Заглянули мы к нему за пазуху, а у него там целый гастроном — картошка, свекла, яблоки и бутылка вина. А сверху еще гусь лапчатый.

— Ну-ка, давай сюда!

Он сопротивляется:

— Это я не для жены. Это ко мне одна знакомая придет, Марья Ивановна.

Дежурили до ночи — нет Марьи Ивановны. Значит, для жены гуся принес. Вот какой человек непорядочный!

Другой идет. Шляпа, галстук, перчатки в руках. Все как следует.

— Стой! Что несешь?

Он — в крик. Перчатки бросил, шляпу оземь: обыскивайте, мол, ничего у меня нет!

И верно, ничего нет. Потом глядим, а из под шляпы молоко течет. Там был пакет припрятан, а в перчатках полкило песку нашли сахарного.

— Кого же ты обманываешь? Кого подводишь? Сегодня ты песку принес, завтра Сидоров, а послезавтра и нас пошлют. А мы молодые еще, только жить начали. Бильярд купить собираемся.

Стыдно ему стало, он покраснел и из рукава селедку достал:

— Простите, братцы. Попутал грех. Больше я в магазины не ходок.

Одного мы перевоспитали, а другие опять за свое. Ну до чего у нас народ на выдумку силен! Кто себе карманы до земли сделает — крупу насыпает, кто на бутылку с подсолнечным маслом пивную наклейку приделает, а кто-то в зонтике квас несет для окрошки.

Вот телефонист попался, Сидоров. В руках ничего, в карманах тоже. Даже в портфеле пусто. А глаза хитрые.

— Что это ты в такую жару шарф надел?

— Да так. Простудился я. Пива холодного выпил.

Снимаем мы шарф, а под ним сарделек два килограмма намотано. Одна радость — он и в самом деле простудился потом. Сардельки холодные были, только что из морозильника.

Из сил мы выбились и сдались наконец. Теперь мы и с детьми гуляем, и в магазины ходим, и ковры выколачиваем.

А жены у нас похорошели, поправились, без прически ни одна не появляется. Того гляди, в домино играть начнут.

Одна меня успокаивает, жилищка новая из двадцать второй: на днях она белье на балконе развешивала и авоську с мандаринами сама домой принесла.

Выручай, милая Надежда Васильевна!

Уличное происшествие

Иван Иванович Смирнов,
Живущий в доме номер сто
По Ленинградскому шоссе,
Квартира восемьдесят пять,
Однажды утром в выходной
Собрался за город с женой.

Была погода благодать:
Пятнадцать градусов в тени,
Местами дождь, местами снег,
И ветер с севера на юг,
И солнце заливало двор,

Но не об этом разговор.
Иван Иванович хотел
Сегодня дачу навестить,
Помыть полы, проветрить дом
И помидоры посадить.
В руках держал авоську он,
Четыре астры и батон.

Замечу сразу, что Смирнов
Был очень умный человек,
Зарядку делал по утрам,
Любил газеты почитать
И телевизор посмотреть.
И он, конечно, заказал
Такси, чтоб ехать на вокзал,
По телефону два-два-пять,
Ноль-ноль, а также два нуля.
Чтоб на вокзал быстрее попасть
Не следует жалеть рубля.

Шофер такси Васильев А.
Был вечный труженик руля.
Он пассажиров уважал
И планы перевыполнял,
По вечерам ходил в музей,
Имел жену и двух друзей.

И он приехал к дому сто,
Как только получил заказ
(Плюс-минус ровно полчаса),
Там пассажиров посадил
И быстро полетел вперед.
Он мчал всегда что было сил,
Раз пассажир его просил.

А в это время некто Е.,
Точнее, говоря, Петров,

Патлатый и почти босой,
С улыбкой хитрой на губах
Шел в магазин за колбасой.
Себя решил он угостить,
Хотя и не любил платить.

Он был известный разгильдяй.
Зарядку делать не хотел,
В работе счастья не нашел,
И если на завод ходил,
То только из любви к деньгам,
А так бы просто не пошел.

Вокруг — машины, шум и вой,
А он идет по мостовой
И не глядит по сторонам.
На перекрестке красный свет,
Ну а ему и дела нет.
Он думал, что перебежит,
Но поскользнулся — и лежит.

Горит зеленый светофор,
Васильев мчит во весь опор,
Но вдруг он выпучил глаза
И надавил на тормоза:
Там впереди лежит Петров.
Да, положение будь здоров!

А дальше было как всегда,
Когда
Случается беда:
Вокруг милиция свистит,
И «помощь скорая» летит,
А вслед за ней бегут врачи,
Как после трактора грачи.

Иван Иванович Смирнов
На дачу все-таки попал,
Помыл полы, проветрил дом
И помидоры посадил.
И астры вырастил свои,
Такие — глаз не оторвать,
Ну хоть на рынке продавать!

Шофер такси Васильев А.
Свою машину починил
(Он только фару заменил)
И план, как прежде, выполнял,
Лишь осторожнее гонял.

Чего ж добился Е. Петров?
Попал в больницу к докторам,
Его бинтуют по утрам.
Одна нога под потолком,
Другая в гипсе целиком.
Над ухом тормоза визжат,
И зубы в тряпочке лежат.
А колбасы он не купил.

На этом кончу я рассказ
И попрошу, читатель, вас
Не попадаться докторам,
Зарядку делать по утрам,
По вечерам ходить в музей,
Любить и уважать друзей
И помнить: если красный свет,
То умным людям хода нет.

Письмо-рацпредложение в Академию наук

Товарищи академики! Вот у нас тут все проблему
пьянства решают: чтобы люди пили меньше, чтобы
травматизма не было и работали люди лучше, особенно в

понедельник. А решают неправильно. Лекции там, беседы, вытрезвители, сообщения на работу... А надо бы к этому делу научно подойти, с широтой и размахом. Я вам сейчас историю одну расскажу про это дело. Только я издалека начну, с намека.

Значит, так. Дорогие ученые! Есть в Индии (Индия — это страна такая) люди такие специальные, йоги называются. Люди необычные: они физкультурой, и зарядкой, и особыми позами себя до того довели, что просто ужас! На такого йога грузовик наезжает, стоит полчаса, а йогу хоть бы что. Все равно что муха на него наступила. Или йога закапывают в землю на пару лет, потом достают, а с ним ничего. Он как новенький. Но вы, наверное, про это сами слышали.

И все эти йоги на разные разряды делятся, как у нас рабочие. Высший — это седьмой, а похуже йог — так второй разряд у него. И всех-всех йогов уважает народ. Здороваются с ними там, колбасу разрешают брать без очереди. Только им, этим йогам, колбаса совсем ни к чему. Он травинку съест — и сыт три дня. У них теория такая: не важно, что есть и сколько, а важно, как пережевывать. Чем дольше пережевываешь, тем полезнее получается.

Так вот один наш там у йогов был и учился. И выучился, тоже йогом стал. Он даже там седьмой разряд получил. Самый высший. А за что? Он позу новую придумал. Это большая редкость. Поза такая, от которой трезветь можно. Ногу за ногу заложил, голову через себя, а руки кренделем и набок — непременно на траву, под березой. И сразу трезвым становишься. Правда, ихние йоги до его приезда не пили вовсе. А потом научились, видно, у него, раз им отрезвительная поза понадобилась.

И вот, уважаемые академики, я про позу эту узнал и решил попробовать. Выпил сто грамм, ногу за ногу и руки кренделем. Раз — и трезвый стал. Даже обидно. Еще раз попробовал — и опять. В голове шум, не соображаю ничего, а чувствую себя совсем трезвым. Так я ради науки всю бутылку перевел, а домой пришел как огурчик, всего один раз упал на лестнице два раза.

И тут меня осенило: если есть поза трезвости, должна быть поза выпиваемости. Такая: сел, посидел — и как будто кружку пива осушил. Еще посидел — и все культурно: домой на бровях пришел, а в вытрезвитель

тебя забрать нельзя — от тебя не пахнет ничем. Вот в этом-то, разлюбезная Академия наук, и есть моя главная научная мысль, а проще говоря — ученая идея.

И я решил дело на научную основу поставить, энтузиастов заразить. Есть у нас на заводе один умелец-изобретатель. Ну, такой специалист, он из чего хочешь спирт добыть может: из тормозной жидкости, из клея БФ, из гуталина даже! Он возьмет бутылку с клеем, вставит ее в токарный станок, как даст оборотиков, у него и выходит — спирт отдельно, а вся химия по краям. Его уж раз пять от смерти откачивали. Он собой ради науки жертвует. Всегда первый пьет. Ему памятник поставить надо за смелость, пока не помер он окончательно. Он сейчас тем занимается, что из бензина хочет спирт перегонять. Много бензина у нас на производстве идет, он бесполезно на промывку деталей тратится.

Так вот я этого энтузиаста заражать стал. Сначала я выпил стакан, потом в трезвую позу сел. Встал и говорю:

— Видишь, я совсем трезвый уже.

— А с чего ты взял?

— А с того, что еще дня не прошло, а мне уже опохмелиться хочется.

Короче, заразил я его, и мы за поиски принялись.

Только мы трудимся вдвоем. Трудно нам: мы в науке ни бум-бум. У нас образование пять классов на двоих. Он два класса окончил, и я — один. И в одном классе мы по два года сидели. Нам бы научный институт придать в помощь. Мы такой подход придумали. Ведь у пьяного нос красный. Вот мы позу примем, допустим, «лотос» (это когда ноги перекрещены), и глядим — краснеет ли нос. А другой из нас в это время для сравнения — рюмочку, или сто грамм по-научному. Самое главное — узнать, что сильнее: поза действует или граммы научные. А это сложно, дорогая наука, так как мы чередуемся. И вот чего я хочу-то сказать. Я хочу пробудить общественность научную, то есть вашу. Профессоров там, академиков, учителей. Уж больно идея заманчивая. Ведь тогда никто деньги ни на водку, ни на вино, ни на портвейн розовый тратить не будет. А на коньяк тем более... Это тогда ж какая экономия во всей стране получится, то есть выйдет? Это ж новая жизнь начнется!

С трудящимся приветом. Ваш будущий сотрудник, а пока никому неизвестный фамилии Сидоров В.Ч.

Программа для НИИ

Институтская лаборатория. Столы, стулья, кресла, паяльники. Молодой лаборант разговаривает по телефону:

— Алло, Сергей?.. Как дела?.. Еще не обедал?.. И на улице не был?.. Чем же ты занимаешься?.. Лодырь, бездельник! Одну задачку целый день решить не можешь! На уроке ворон считаешь. Ладно, говори условия!.. Так, мальчик собирал грибы... десять подосиновиков... В суп — ясно. Сколько отдал бабушке?.. Хорошо, как решу — позвоню. Учи пока географию.

— Ну и сын у меня, — говорит он напарнику, — три часа задачку решить не может. Весь в мать!

— А что за задачка?

— Так, глупость какая-то. Один мальчик собирал белые грибы. Шестая часть оказалась подосиновики. Десять штук — сыроежки. Половину в суп. Надо узнать, сколько отдали бабушке.

— Ерунда, — говорит напарник. — Надо уравнение составить. Икс — это все грибы.

— Они иксов не проходили. Они с частями решают.

— Ну и что? Икс — это одна часть. А игрек — вторая.

— Они игреков тоже не проходили.

Подходит ведущий инженер:

— Что это вы делаете?

— Задачку решаем про грибы.

— Какие еще грибы? А ну пошли со мной!

Он ведет лаборантов к начальнику лаборатории:

— Сергей Сергеевич, у них установка не работает, а они грибы собирают.

— В чем дело? — спрашивает начальник.

— Это задачка школьная, про грибы, — говорят лаборанты и объясняют начальнику условия задачи.

— И что требуется узнать?

— Сколько грибов отдали бабушке.

— Неужели такую ерунду не можете решить?

— А вы сами попробуйте. Тут сыроежки все путают.

— Уши бы надрать этому мальчику, — говорит ведущий. — Не знаешь грибов — в лес не ходи!

— А давайте отдадим бабушке минимальное количество грибов, — предлагает начальник — три или пять. И с этого начнем методом подбора.

— Три гриба — ни то ни се, — возражает первый лаборант. — Из них ничего не сварить.

— Так отдадим сыроежки, — говорит ведущий инженер. — И дело с концом!

— Сыроежки нельзя, — спорит второй лаборант. — Бабушка обидится.

— Так дадим ей подосиновики, — находит выход начальник. — Пусть это у нас подосиновикобабушки. — Он кладет на стол несколько скрепок. А это белые, которые в суп. Белобульонники.

На столе у начальника лаборатории включается селектор.

— Сергей Сергеевич, чем занят? — спрашивает руководитель КБ.

— Задачку одну решаем интересную.

— А что за задачка? Из цеха передали?

— Нет, она сама собой возникла. Про грибы. Один мальчик белые грибы собирал. Десять из них — сыроежки...

— Ты что, — кричит селектор, — про испытания забыл?! Тебе строгий выговор нужен. Немедленно зайти ко мне!

Грустный начальник лаборатории поднимается вверх, на второй этаж. Заходит к начальнику КБ.

— Послушай, — говорит тот, — мне сейчас внук звонил. Им тоже про грибы задали и про бабушку. Может, нам метод исключения попробовать?

— А чего тут пробовать? — говорит Сергей Сергеевич. — Позвоните теоретикам в расчетный отдел. Пусть они скажут. У них небось тоже дети есть.

— Ты думаешь?

Большой кабинет главного инженера предприятия. Конец рабочего дня. За столом — ученый совет. Выступает Сам:

— Товарищи, перед нашей организацией стоит большое количество вопросов. Нам приходится решать вопросы производительности труда, рационализации, вопросы улучшения качества изделий. Но есть одна главная задача, и, пока мы не решим ее, мы не можем приступать к решению всех остальных. Наша организация просто не сможет работать. Итак, слушайте условия: «Один мальчик собирал грибы...»

Разговор

— Объясни, пожалуйста, почему ты уходишь из совхоза? Может, платят мало?

— Платят-то мало. Да не в этом дело.

— Может быть, работа тяжелая?

— Работа-то тяжелая. Да не из-за нее.

— Может быть, квартиры нет?

— Квартиры-то нет. Только не поэтому.

— Может, столовая плохая?

— Столовая-то плохая. Да не в этом дело.

— Может быть, ясли плохо работают?

— Ясли-то вообще не работают. Только не из-за них.

— Так в чем же дело? Объясни, пожалуйста.

— Дело-то? Да я и сам не знаю в чем. Только не нравится мне здесь. А вот что не нравится — ну никак не пойму!

— Ну а куда ты уходишь?

— Да в соседний совхоз.

— А что, там платят больше?

— Платят-то больше. Да не в этом дело.

— Может, работа полегче?

— Работа-то полегче. Да не из-за нее.

— Может, квартиру дадут?

— Квартиру-то дадут. Только не поэтому.

— Может, столовая у них получше?

— Столовая-то получше. Да не в этом дело.

— Может быть, ясли там имеются?

— Имеются-то имеются. Да не из-за них.

— Так в чем же дело? Объясни, пожалуйста.

— Дело-то? Да я и сам не знаю, в чем дело. Только нравится мне у них. А вот что нравится — ну никак не пойму!

Советы врачей

Мы всегда слушаем советы умных людей, особенно медицинских светил. Они говорят, что сахар полезен — и мы едим его. Они говорят, что сахар вреден — и мы

перестаем его употреблять. Одно время медицина утверждала, что от яиц склероз. Теперь оказалось, что это не так. Менялось отношение к маслу, к меду, к сырой и кипяченой воде. Появится на медицинском небосклоне светило, откроет что-то о вреде чего-то — и вот на смену ему восходит новое, с противоположной точки зрения. Подобных случаев много. Обо всех не расскажешь. Поэтому

Рассказ мой вроде ни о чем
И в то же время обо всем.

Один известный кое-кто
Нам всем глаза открыл на то,
Что то, что мы считали тем,
Оно меж тем не то совсем.
И нам пора расстаться с ним
И заменить его другим.
И сразу же во всех местах —
В домах, столовых, детсадах —
Все стали новое внедрять,
А старое искоренять.

А то это или не то —
Вокруг не понимал никто.
Прошло полгода или год —
Внедренье толку не дает.
А тут известный кое-кто
Вдруг почему-то стал никто.
А дело оказалось в том,
Что он ошибся кое в чем,
И кое в ком, и кое-где,
Короче говоря, везде.

И был другой рецепт назначен:
Все делать так же, но иначе.

И сразу же во всех местах —
В домах, столовых, детсадах —

Все стали новое внедрять,
А старое искоренять.
А то ли это иль не то —
Вообще не понимал никто.
И стало хуже кой-кому
От этого внедрения.
Уж больно верим мы тому,
Кто создает учения.

Наука движется вперед,
Лет через сто она поймет,
Что нужно есть, что нужно пить,
Что нужно жарить, что варить
И что настаивать на чем,
Но мы уж будем ни при чем.

Отцы и дети

Мы с Вовкой, сцепившись, полчаса катались в пыли.
Наконец я сказал:

— Сейчас я позову брата, и он тебе задаст.

— А я позову отца, и он задаст тебе и твоему брату.

— А я позову своего дядю-капитана. Он приведет своих матросов и задаст тебе и твоему папе.

— А я позову деда. Он полковник, и от твоих матросов ничего не останется!

Дело дошло до крупных самолетных и танковых соединений. В воздухе запахло гражданской войной.

Но вот пришел мой брат и в ответ на мою просьбу отшлепал меня.

Потом пришел Вовкин отец и отшлепал Вовку.

Угроза войны была ликвидирована.

С тех пор мы с Вовкой никогда не обращаемся к родственникам. Мы колотим друг друга самостоятельно. Это приносит значительно больше пользы и значительно меньше синяков.

Охотник

Я до шуток не охотник,
Что скажу — скажу всерьез.
Шел по улице охотник,
На базар добычу нес.

Рядом весело бежали
Псы его, которых звали:
Караул, Пожар, Дружок,
Чемодан и Пирожок.
Рыже-огненный Кидай
И огромный Угадай.

Вдруг из рыночных ворот
К ним навстречу вышел кот.
Угадай взмахнул хвостом
И помчался за котом.
И за ним Пожар, Дружок
Чемодан и Пирожок.

Наш охотник осерчал,
Во все горло закричал:
— Караул! Дружок! Пожар! —
Всполошился весь базар.

А охотник не молчит,
Он себе одно кричит:
— Ой. Пожар! Ко мне, сюда! —
Люди поняли — беда!

Поднялась такая давка,
Что сломали два прилавка.
Где уж тут собак найти,
Дай бог ноги унести!

Опечалился охотник:
— Я теперь плохой работник.

Мне ни белки не подбить,
Ни лисицы не добыть.

Час прошел,
Другой прошел,
Он в милицию пришел:

— У меня, друзья, пропажа.
То ли случай, то ли кража.
У меня пропал Дружок,
Чемодан и Пирожок.

Старший выслушал его,
Но не понял ничего.
— Не мелите что попало.
Повторите: что пропало?

— Чемодан, Дружок, Кидай.
— А еще что?
— Угадай!

Капитан, нахмутив брови,
Рассердился, закричал:
— Я училище в Тамбове
Не для этого кончал,
Чтоб загадочки гадать,
Чемоданчики кидать!
Не умею и не стану,
Не за тем поставлен здесь.
Но вернемся к чемодану...
У него приметы есть?

— Шерсть густая,
Хвост крючком.
Ходит он чуть-чуть бочком.
Любит макароны с мясом,
Обожает колбасу,
Лает дискантом и басом
И натаскан на лису.

— Чемодан?

— Да, Чемодан. —
Поразился капитан.

— Что касается Дружка,
Он чуть больше Пирожка.
Подает знакомым лапу,
На соседей не рычит.

Тут дежурный рухнул на пол,
А потом как закричит:
— Я запутался в дружках,
чемоданах, пирожках!
Вы зачем сюда пришли?
Или вы с ума сошли?!

— А еще пропал Пожар
Тот, который убежал!
— Отвяжитесь, гражданин,
Позвоните ноль-один!
Ох, боюсь я, как бы, часом,
Сам я не залаял басом!

Наш охотник загрустил,
Очи долу опустил.
Грустный после разговора
Он выходит на крыльцо.
Перед ним собачья свора:
Все любимцы налицо.

Чемодан залаял басом,
Лапу протянул Дружок,
Заскакали с переплясом
Угадай и Пирожок.

Я до шуток не охотник
И рассказ закончу так:
— Если ты, дружок, охотник,
Думай, как назвать собак!

Неудачник

Дела у мальчика плохи:
Опять принес он двойку.
Его грозятся в пастухи
Отдать или на стройку.

А он не бегал, не играл,
Лентяям не чета.
А он весь год дрессировал
Соседского кота.

И кот, который вечно спал
И не ловил мышей,
Теперь с охотой выступал
В саду для малышей.

Он превосходно танцевал,
Давал соседям лапу
И по приказу подавал
И тапочки, и шляпу.

Но папа разозлен всерьез:
— Я малыша везу в колхоз —
Но и в колхозе, как назло,
Ему опять не повезло.

В овес коровы забрели,
И в огород — телята,
А овцы вообще ушли
Из области куда-то.

А он не бегал, не играл
И не дремал на печке.
А он быка дрессировал
На поле возле речки.

Весь день они вдвоем с быком
Листали книжки языком,
Учились падать и вставать
И мяч из речки подавать.

Сперва сопротивлялся бык,
Потом смирился и привык.
Он даже цифры различал
И песни русские мычал.

Но председатель за овес
Устроил мальчику разнос:
— Ты для чего приехал к нам —
Считать ворон по сторонам?
Когда б поменьше ты считал,
Давно бы человеком стал!
Немало их, профессоров,
Из тех, кто раньше пас коров!

Он шапку отобрал и кнут,
И в город мальчика везут.

С тех пор прошло
Пятнадцать лет.
И вот я в цирк купил билет
И там увидел чудо.

Там на ходулях лев ходил
И делал стойку крокодил
На двух горбах верблюда.

Там заяц русского плясал
И мелом на доске писал:
«Да здравствуют ребята!»
А слон со зрителем играл.
Он силу зала проверял
При помощи каната.

Направо он тянул канат,
Налево — тысяча ребят.
Слон проиграл бы, это факт,
Но выручил его антракт.

В восторге публика была
И укротителя звала.
И вот он вышел на поклон.
Пляжу и вижу: это он,
Тот самый неудачник.
В одной руке он хлыст держал,
В другой держал задачник.
Он этой осенью как раз
Переходил в девятый класс.

— Уж если я других учу,
Я сам ученым быть хочу.
А без образования
Какое основание
Считать себя умнее
Ежей или ужей,
Слонов и бегемотов,
Енотов, кашалотов,
Оленей и тюленей,
Моржей или стрижей?
Смешно, друзья, когда талант
Имеет двойку за диктант!

По-моему, ребята, он просто молодец!
И мне добавить нечего,
Поэтому — конец!

СТИХИ

КВАША

ОКВАША

ПРОСТОКВАША

СТОКВАША

ВАША

АША

Бабушка и внучек

Лился сумрак голубой
В паруса фрегата...
Собирала на разбой
Бабушка пирата.
Пистолеты уложила
И для золота мешок.
А еще, конечно, мыло,
Зубной порошок.
— Ложка здесь,
Чашка здесь,
Чистая рубашка есть.
Вот мушкет пристрелянный,
Вот бочонок рома...
Он такой рассеянный
Все оставит дома.
Старенькая бабушка
Седая голова,
Говорила бабушка
Ласковы слова:
— Дорогой кормилец наш,
Сокол одноглазый,
Ты смотри на абордаж
Попусту не лазай.
Без нужды не посещай
Злачные притоны.
Зря сирот не обижай
Береги патроны —
Без закуски ром не пей,
Очень вредно это.
И всегда ходи с бубей.
Если хода нету.
Серебро клади в сундук,

Золото — в подушку...
Но на этом месте внук
Перебил старушку:
— Слушай, если это все
Так тебе знакомо,
Ты давай
Сама езжай,
А я останусь дома!

Буренушка

Сегодня в нашем городе,
Большом столичном городе,
Повсюду разговоры,
И шум, и суета...
Кругом столпотворение,
Поскольку население
Торопится на выставку
Рогатого скота.

Повсюду ходят важные
Приехавшие граждане:
Сеньоры, джентльмены,
Месье, панове, мисс...
И говорят сеньоры:
— На выставке без споров
Корова Жозефина
Получит первый приз.

— Да ни за что на свете!
Сказал директор выставки. —
Да чтобы я такое
Несчастье допустил?
Да я Иван Васильичу
Звоню, Иван Васильичу,
Чтоб он свою Буренушку
Скорее привозил.

И вот уже по улице,
По улице, по улице
Машина запыленная
Трехтонная идет.
А в ней Иван Васильевич,
Смирнов Иван Васильевич,
Коровушку Буренушку
На выставку везет.

Но вот в моторе что-то
Как стукнет обо что-то —
И замерла машина
Почти на полпути.
Так что ж — теперь Буренушку
В родимую сторонушку
Вез всяких без медалей
Обратно увезти?

— Да ни за что на свете! —
Сказал Иван Васильевич. —
Вернуться — это просто,
Уехать — не хитро,
А мы спешим на выставку,
На выставку, на выставку! —
И вот они с коровою
Направились в метро.

— Да чтоб ее, рогатую,
Вести по эскалатору?
Да где же это видано?! —
Дежурная кричит. —
Мы лучший в мире транспорт!
Мы возим иностранцев,
А тут корова ваша
Босьмет и замычит?
— Но, в виде исключения,
По просьбе населения
Пустите вы Буренушку! —

Волнуется народ.
— Ну, в виде исключения,
По просьбе населения
Снимаю возражения.
Пускай она идет!

Но только стойте справа,
А проходите слева.
И в помещенье станции
Прошу вас не мычать.
За каждое мычание
Мне будет замечание.
А мне совсем не хочется
За это отвечать!

И вот она, коровушка,
Рогатая головушка,
Идет по эскалатору,
В стороночке встает.
Стоит и не бодается,
И люди удивляются:
— Ну надо же! Животное,
А как себя ведет!

— Какая, право слово,
Приятная корова! —
Заметил пассажирам
Профессор Иванов. —
Я долго жил в Италии,
Париже и так далее,
Но даже там не видел
Столь вежливых коров!

— Она, конечно, умница!
Сказал Иван Васильевич. —
И я свою Буренушку

За это награжу;
Рога покрою лаком,
Куплю ей булку с маком;
А если будет время,
В кино ее свожу!

А в этот час на выставке,
На выставке, на выставке
Коровы соревнуются
Из самых разных стран:
Италии и Швеции,
Болгарии и Греции
И даже из Америки,
Из штата Мичиган.

Спокойно друг за другом
Идут они по круту —
И черные и красные
Колышутся бока.
Коров, конечно, много,
И судьи очень строго
Им замеряют вымя,
Копыта и рога.

Корова Жозефина
Из города Турина
Совсем как балерина
По выставке идет.
Высокая, красивая,
С глазами-черносливами,
Она, она, конечно,
Все премии возьмет:

Воз клевера медового
Из урожая нового,
Огромный телевизор,
Материи отрез,

Четыреста пирожных,
На бархате положенных,
А также вазу с надписью
«Да здравствует прогресс!»

Но вот Иван Васильевич,
Идет Иван Васильевич,
Бежит Иван Васильевич,
Буренушку ведет.
И славная Буренушка
Ну просто как лебедушка,
Как древняя боярышня
По воздуху плывет.

И судьи удивились,
И судьи удалились,
И стали думать судьи:
«Ах, как же поступить?»
Полдня проговорили,
Кричали и курили
И приняли решение:
Обеих подоить!

Тотчас выносят ведра,
И две доярки гордо
Выходят в середину
Решенье выполнять.
Садятся на скамеечки,
Выплывают семечки
И просят кинохронику
Прожекторы унять.

Буренка победила!
Она опередила
Корову Жозефину
На целых полведра.
И сразу же все зрители,

И дети и родители,
И громкоговорители
Как закричат: — Ура!

Давай Иван Васильича!
Хватай Иван Васильича!
Качай Иван Васильича!
Буренушку качай! —
Их целый час качали.
— Да здравствует! — кричали,
Пока Иван Васильевич
Не закричал: — Кончай!

Вот он подходит чинно
К владельцу Жозефины
И говорит: — Пожалуйста,
Мне окажите честь.
Берите Жозефину.
Садитесь на машину —
Поехали в гостиницу
Пирожные есть.

Они в машину сели,
Пирожные ели
И лучшими друзьями
Расстались наконец.
Хозяин Жозефины
Был родом из Турина,
И был он иностранец,
Но был он молодец!

Академик Иванов

Всем известный математик
Академик Иванов
Ничего так не боялся,
Как больниц и докторов.

Он мог погладить тигра
По шкуре полосатой.
Он не боялся встретиться
На озере с пиратами.
Он только улыбался
Под дулом пистолета,
Он запросто выдерживал
Два действия балета.

Он не боялся темноты,
Он в воду прыгал с высоты
Два метра с половиной...
Но вот однажды вечером
Он заболел ангиной.

И надо вызывать скорей
Врача из «неотложки»,
А он боится всех врачей,
Как мышь боится кошки.

Но соседский мальчик Вова
Хочет выручить больного.
Поднимает трубку он,
Трубку телефонную,
И звонит по телефону
В клинику районную:

— Пришлите нам, пожалуйста,
Доктора с машиной —

Академик Иванов
Заболел ангиной.

Самый страшный
Врач больницы
Взял свой самый
Страшный шприц, и
Самый страшный
Свой халат, и
Самый страшный бинт.
И вату,
И сестру взял старшую —
Самую страшную.

И из ворот больницы
Уже машина мчится.
Один звонок.
Другой звонок,
И доктор входит на порог.

Вот подходит он к кровати,
Где известный математик
Пять минут назад лежал,
А больного нет — сбежал!!!

Может, он залез в буфет?
Спрятался под ванной?
Даже в печке его нет.
Как это ни странно.

Перерыли все вокруг,
А он спрятался в сундук
И глядит на врача
Через дырку для ключа.

Доктор смотрит на жильцов:
— Где больной, в конце концов?

Я приехал для лечения,
А не для развлечения;
Если не найду сейчас
Вашего больного,
Должен буду вылечить
Кого-нибудь другого.

Выходи на середину
Тот, кто вызывал машину!

И он выложил на стол
Шприц, касторку, валидол,
Пять стеклянных ампул
И кварцевую лампу!

У жильцов при виде шприца
Сразу вытянулись лица:

— Не шутили мы с врачом.
Мы, ей-богу, ни при чем.

Доктор хмурится сурово,
Но вперед выходит Вова:

— Лечите, — говорит, — меня.
Вызывал машину я. —

И врачу он в тот же миг
Смело показал язык.

Доктор зеркальце надел,
Доктор Вову оглядел,
Молоточком постучал,
Головою покачал.

— У тебя, — сказал он Вове, —
Превосходное здоровье.

Все же я перед дорогой
Полечу тебя немного:
Дам тебе малины,
Меда, апельсинов,
А еще печенье —
Вот и все леченье!

Соседи с восхищением
Плядут на смельчака,
Но тут открылась с грохотом
Крышка сундука.
И на удивление
Доктора с сестрой,
Выбрался оттуда
Истинный больной:

— Не привык я прятаться
За чужие спины,
Если рядом выдают
Людям апельсины.
И я вижу, что лечение —
Не такое уж мученье.

Слава добрым врачам!
Слава мальчугану!
Больше я в сундуке
Прятаться не стану!

— Это все пустяки! —
Отвечает Вова. —
Не бояться врачей —
Что же тут такого!

Если людям сказать,
Могут засмеяться.
ПАРИКМАХЕРЫ —
Вот кого надо бояться!

Город бегемотов

Я в Африке был,
Я ходил на охоту
И в город попал,
Где живут бегемоты.

В узеньких брючках
И в юбках коротеньких
В школу спешат
По утрам бегемотики.

В поле пасут бегемоты
Коров,
С моря везут бегемоты
Улов.
В черных машинах
В огромные здания
Мчат бегемоты
На заседания.

В Доме моделей
Гиппопотамши
Там демонстрируют
Платья из замши.

А на концертах
Певцы-бегемоты
Арии исполняют
По нотам.

Так что, ребята,
В общем и целом,
Все бегемоты
Заняты делом.

Ну, а под вечер,
Вернувшись с работы,
Они у домов
Подпирают ворота.

И я говорил
С бегемотом-ученым,
Профессорским званием
Облеченным,
О том, что на свете,
Как это ни странно,
Есть еще люди,
У них свои страны,
Села свои
И свои города.

А он мне на это
Сказал:
— Ерунда.
Люди живут в зоопарке,
В саду,
И им бегемоты
Приносят еду.

Меня он хотел
Посадить в зоосад,
Но я убежал
И вернулся назад.

В Москве говорил я
С ученым одним,
Очень солидным
И очень седым,

О том, что на свете,
На дальних широтах,
Есть город,
В котором живут бегемоты,

О том, что недавно
Я ездил туда.

А он мне на это
Сказал:
— Ерунда.
Звери живут в зоопарке,
В саду,
И им за решетку
Приносят еду.

Он долго смеялся,
Ну точно как тот
Солидный ученый
Толстяк бегемот.

Пластилиновая ворона

Мне помнится, вороне,
А может, не вороне,
А может быть, корове
Ужасно повезло:
Послал ей кто-то сыра
Грамм, думается, двести,
А может быть, и триста,
А может, полкило.
На ель она взлетела,
А может, не взлетела,
А может быть, на пальму
Ворона взобралась.
И там она позавтракать,
А может, пообедать,
А может, и поужинать
Спокойно собралась.

Но тут лиса бежала,
А может, не бежала,
А может, это страус злой,
А может, и не злой.
А может, это дворник был...
Он шел по сельской местности
К ближайшему орешнику
За новою метлой.

— Послушайте, ворона,
А может быть, собака,
А может быть, корова.
Ну как вы хороша!
У вас такие перья,
У вас глаза такие!
Копыта очень стройные
И нежная душа.

А если вы залаете,
А может, и завоюете,
А может, замычите —
Коровы ведь мычат,
То вам седло большое,
Ковер и телевизор
В подарок сразу вручат,
А может быть, вручат.

И глупая ворона,
А может быть, корова
А может быть, собака
Как громко запоеет.
И от такого пения,
А может, и не пения
Упал, конечно, в обморок
От смеха весь народ.

А сыр у той вороны,
А может быть, собаки,
А может, и коровы
Немедленно упал.
И прямо на лисицу,
А может быть, на страуса,
А может быть, на дворника
Немедленно попал.

Идею этой сказки,
А может, и не сказки
Поймет не только взрослый,
Но даже карапуз:
Не стойте и не прыгайте,
Не пойте, не пляшите
Там, где идет строительство
Или подвешен груз.

О смелости

Трехлетняя гражданка
По имени Татьяна
Была не забияка,
Выла она бояка.

Только муха прожужжит,
Таня к бабушке бежит:
— Спрячь меня, бабуся!
Я ее боюсь.

Если пробежит щенок,
Таня к маме со всех ног:
— Он меня укусит! —
Девочка, а трусит.

Положение хоть плачь.
Тут приехал новый врач.
Как он только в дом вошел —
Таня сразу шмыг под стол.

Он тогда к столу подходит
И с Татьянки глаз не сводит:
— Я таблетки вам привез
Против сырости и слез.

Кто глотать таблетки станет,
Тот бояться перестанет. —
Как таблетки применили,
Таню словно подменили.

Была она бояка,
А стала забияка.
Ходит, веселится
Больше не боится.

Ни лохматого щенка,
Ни картинку паука.
Ни большого таракана,
Что рычит из под дивана.

А это были не таблетки,
А обычные конфетки.

Над нашей квартирой

Над нашей квартирой
Собака живет,
Собака живет,
Собака живет.
Лает собака

И спать не дает,
Спать не дает
Нам.

А над собакою
Кошка живет,
Кошка живет,
Кошка живет.
Мяукает кошка
И спать не дает,
И спать не дает
Собаке.

Ну, а над кошкою
Мышка живет,
Мышка живет,
Мышка живет.
Мышка вздыхает
И спать не дает,
Спать не дает
Кошке.

Ночью по крыше
Дождик стучит,
Дождик стучит.
Дождик стучит.
Вот потому-то
И мышка не спит,
Мышка не спит
Всю ночь.

В небе печальные
Тучи бегут,
Тучи бегут,
Тучи бегут.
Тучи рыдают —
И слезы текут,

Слезы текут
Дождем.

А тучи обидел
Маленький гром,
Маленький гром,
Маленький гром,
Который по тучам
Стучал кулаком,
Стучал кулаком —
Ба-бах!

Стихотворение о любимом друге

У меня что-то сердце щемит,
Словно в нем поселился термит.
Друг у меня был,
Но он обо мне забыл.
Звали его Андрей,
Но кажется, и Сергей...
И был мне Володя Кружков
Ближе всех прочих дружков.
Нет, не Кружков, а Квадратиков.
И жили мы, как пара братиков.
Сядем мы с ним на диван
И я говорю:
— Иван,
Пойдем мы с тобою в тайгу,
И я тебе помогу.
Уехал он с мамой в Италию,
И я так грущу по Виталию.
Мне все говорят:
— Бросьте,
Забудьте об этом Косте.
Не пишет тебе Клим,
И ладно, и бог с ним.

А может быть, в этом далеком краю
Глеб мой ранен в тяжелом бою?
А вдруг он сидит в Магадане
С папой на чемодане?
А там дуют сильные ветры
И не продают конверты.
Мне сейчас хорошо в Москве,
А он там вдали и в тоске.

Я сегодня весь день прогущу
И себя никуда не пущу.

Если был бы я девчонкой

Если был бы я девчонкой,
Я бы время не терял.
Я б на улице не прыгал.
Я б рубашки постирал.

Я бы вымыл в кухне пол,
Я бы в комнате подмел.
Перемыл бы чашки-ложки,
Сам начистил бы картошки.
Все свои игрушки сам
Я б расставил по местам.

Отчего ж я не девчонка,
Я бы маме так помог.
Мама сразу бы сказала:
— Молодчина ты, сынок.

Жирафы

Однажды, однажды,
Однажды, однажды
Гуляли жирафы
По улице важно.

Гуляли жирафы
С большою корзиной
И обходили
Все магазины.

Когда магазин
Помещался в подвале,
Жирафы стояли
И громко вздыхали.
А если он был
На втором этаже,
Жирафы вздыхали,
Но меньше уже.

В окна смотрели
Они свысока
И дальше шагали,
Как два маяка.

И долго ходили
Походкою важной
В нашем поселке
Малоэтажном.

Ходили, ходили,
Ходили, ходили —
И так для себя
Ничего не купили.

Вот почему еще
Есть города,
Где встретить жирафов
Нельзя никогда.

Задача для царевича

В огромной приемной
Пятнадцать столов,
За каждым сидит по пятнадцать послов,
Пятнадцать часов,
Не считая минут,
Послы молодого царевича ждут.
Ну, а царевич к ним идти
Никак не соглашается
Из-за того,
Что у него
Задача не решается.
Трещит у парня голова,
Ну, а задача такова:

«В огромной приемной
Пятнадцать столов,
За каждым сидит по пятнадцать послов.
Пятнадцать часов,
Не считая минут.
Послы молодого царевича ждут.
И нужно узнать,
Сколько времени зря
Потрачено у молодого царя».

Царевич старается, соображает,
Царевич столы на послов умножает:

— Пятнадцать столов
На пятнадцать послов...
Получится двести
Столово-послов.
«Столово-посол» —
Это новое что-то.
Наверно, размерами он
С бегемота.
Сам за собою и ест он, и пьет,
Из-за себя никогда не встает.
А если он вздумает лечь на кровать,
Куда ему лишние ноги девать?

Полцарства бы он
За решение отдал.
В приемной меж тем
Разразился скандал.

Послы повскакали,
Послы закричали:
— Мы где: у царя
Или мы на вокзале?
Пятнадцать часов
Мы сидим и сидим!
Пятнадцать часов
Ничего не едим.
Пятнадцать часов
Никуда не идем —
И все потому, что царевича ждем!
Эй, ты, бородатый,
Не стой у дверей,
А принца сюда позови поскорей.

На что бородатый слуга отвечает:
— Поверьте, меня, самого огорчает.
Но я по секрету вам
Тайну открою.

Царевич не спит
И не занят игрою.

Он лишь потому сюда не поспешает,
Что трудную очень
Задачку решает.

— Какую задачку?
Скажите условие.
— Пожалуйста, слушайте
Все на здоровье:
«В огромной приемной
Пятнадцать столов.
За каждым сидит
По пятнадцать послов.
Пятнадцать часов,
Не считая минут,
Послы молодого царевича ждут.
И нужно узнать:
Сколько времени зря
Потрачено у
Молодого царя».

Послы повскакали,
Послы зашумели:
— Да что же тут трудного,
В самом-то деле?
Давайте не медля
Ребенку поможем,
Давайте столы на послов перемножим.
Пятнадцать минут —
И решение готово.

Но главный посол
Вдруг потребовал слова:
— Нет, не затем мы сюда приезжали,
Чтоб нас на столы и шкафы умножали.

Сегодня столы,
А завтра диваны.
А мы представляем
Великие страны!
И я поступить
Предлагаю иначе —
Пятнадцать минут
На решение задачи.
А если царевич ее не решит
И если сюда к нам он не поспешит.
Мы все, как один,
Покидаем страну
И все, как один,
Объявляем войну.

Царевич задачу осилить
Не мог —
И пала держава
Под грохот сапог.

Пятнадцать веков
С той поры пробежало,
И нерешенной задачка лежала.
На помощь царевичу Ты
Поспеши
И трудную эту задачу реши:
«В огромной приемной
Пятадцать столов,
За каждым сидит
По пятнадцать послов...»

Лифтовый зверь

Уж как хочешь —
Верь не верь,

Но живет за лифтом зверь.
 Любит он машинный запах,
 У него отвертка в лапах.
 Ночью чудищем лохматым
 Он съезжает по канатам,
 По решеткам лазают,
 Механизмы смазывает.
 Провода, контакты, двери —
 Все исправит, все проверит.
 А под утро
 Зверь-чудак
 Залезает на чердак,
 В темноте весь день сидит
 И одно себе твердит:
 — Детям пользоваться лифтом
 Без сопровождения взрослых строго
 запрещается.
 — Детям пользоваться лифтом
 Без сопровождения взрослых строго
 запрещается.
 Уж как хочешь,
 Верь не верь
 Это очень мудрый зверь.

Необычный слон

Жил-был слон,
 Не громадный слон,
 А маленький, маленький,
 Маленький слон,
 Чуть-чуть побольше мышонка.

Одуванчик над ним
 В небесах расцветал,

А комар
Вертолетом громадным жужжал.
А трава для него —
Просто лес,
Просто лес.
Просто сразу пропал,
Если в чашу залез.

Все жалели слона:
— До чего же он мал!

А слоненок об этом.
Представьте, не знал.
Потому что ночь для него была такая же
Синяя-синяя,
А звезды такие же
Далекие-далекие,
Как и для всех больших слонов.

Удивительное дело

Верьте, хотите,
Хотите, не верьте,
Только вчера мне
Прислали в конверте.
Жирафа, весьма добродушного
С виду,
Большую египетскую пирамиду,
Айсберг из Тихого океана,
Кита-полосатика
Вместе с фонтаном,
Целое стадо гипопотамов
И очень известный вулкан — Фудзияма.
Кроме того,
Я достал из конверта

Четыре корвета
 Различного цвета.
 Четыре корвета
 Различного цвета
 И королеву Елизавету.
 И интересно, что королева
 Не проявляла ни капельки гнева.
 Представьте, нисколько
 Она не ругалась,
 Что в этой компании
 Вдруг оказалась!

Вы получали такие подарки?
 Значит, и вы собираете марки.

Матрешки

Сидела в матрешке
 Другая матрешка
 И очень скучала
 Матрешка в матрешке.

А в этой матрешке —
 «Матрешке в матрешке» —
 Сидела скучала
 Другая матрешка.
 Сидела скучала
 Другая матрешка
 Размером, конечно,
 Поменьше немножко.

В матрешке «размером
 Поменьше немножко»
 Сидела матрешка
 Не больше горошка.

Сидела матрешка
Не больше горошка
И тоже скучала
Несчастливая крошка.

И что интересно
В «несчастной той крошке»
Еще разместились
Четыре матрешки.
Еще разместились
Четыре матрешки,
Примерно такие,
Как мушки и мошки.

Любому понятно,
Что каждой матрешке
Хотелось побегать
В саду по дорожке,
Хотелось в траве
Поваляться немножко,
Размять свои ручки,
Размять свои ножки.
Но что они
Могут поделывать, матрешки?
У них деревянные
Ручки и ножки.
У них деревянные
Ручки и ножки.
Скучают матрешки
И то понарошке.

Рассеянная няня

По бульвару няня шла,
Няня мальчика везла.
Мальчик в саночках сидел,

Мальчик с саночек слетел.
Видит няня — легче стало,
И быстрее зашагала.

Побывала на базаре,
Посмотрела на товар.
Потолкалась на пожаре —
Ведь не каждый день пожар.

Соли в лавочке купила
И хозяйственного мыла.
Там же встретила куму,
Разузнала что к чему.

Мимо шли солдаты строем,
Каждый выглядел героем.
И за строем наша няня
В ногу шла до самой бани.
Развернулась, не спеша,
Смотрит — нету малыша.

— Где же я его забыла?
Там, где покупала мыло?
У ларька на тротуаре,
Просто так на мостовой
Или, может, на пожаре
Смыло мальчика водой?

И в недоуменье няня
Битый час глядит на сани.
Ну а мальчик у ворот
Два часа как няню ждет.

А домой идти боится —
Дома могут рассердиться.
Скажут: — Как же ты гулял,
Если няню потерял?

КАЧЕСТВО СТУКАЧЕСТВА
РЕЗКО ВДРУГ УПАЛО:
БЫЛО МНОГО СТУКАЧЕЙ,
СТАЛО ОЧЕНЬ МАЛО.

Что у мальчиков в карманах

Как у девочек на платье
Есть кармашек для платка,
И в руке девчонка держит
На метро два пятака.
Вот и весь ее багаж...

Ну а что же мальчик наш?

А у мальчика на платье
Пять карманов или шесть.
Носовой платок — не знаю,
А рогатка точно есть.

Авторучка, батарейки,
Ремешок от телогрейки.
Выключатель, зажигалка.
(Не работает, а жалко.)

Мел в коробочке и ластик,
Пузырек и головастик.
Он в бидоне находился,
А бидончик прохудился,
Чтоб теперь его спасти,
Надо в речку отнести...
Карандаш, перо, точилка,
Пирька и увеличилка.

В целлофане пирожок —
Одному щенку должок...

Вот каков он, мальчик наш,
И каков его багаж.

Для него и самосвала,
Очевидно, будет мало.
Дать ему для багажа
Пять машин из гаража.

Разноцветная семейка

Жил осьминог
Со своей осьминожкой,
И было у них
Осьминожков немножко.

Все они были
Разного цвета:

Первый — зеленый,
Второй — фиолетовый,
Третий — как зебра,
Весь полосатый,
Черные оба —
Четвертый и пятый,
Шестой — темно-синий
От носа до ножек,
Желтый-прежелтый —
Седьмой осьминожек,
Восьмой —
Словно спелая ягода,
Красный...
Словом, не дети,
А тюбики с краской.

Была у детишек
Плохая черта:
Они как хотели
Меняли цвета.
Синий в минуту
Мог стать золотистым,
Желтый — коричневым
Или пятнистым!
Ну, а двойняшки,
Четвертый и пятый,
Все норовили
Стать полосатыми,
Быть моряками
Мечтали двойняшки —
А кто же видал моряка
Без тельняшки?

Вымоет мама
Зеленого сына,
Смотрит —
А он не зеленый, а синий,
Синего мама
Еще не купала.
И начинается
Дело сначала.
Час его трут
О стиральную доску,
А он уже стал
Светло-серым в полоску.

Нет, он купаться
Нисколько не хочет.
Просто он голову
Маме морочит.

Папа с детьми
Обращается проще:

Сложит в авоську
И в ванне полощет.
С каждым возиться —
Не много ли чести?
Он за минуту
Их вымоет вместе.

Но однажды камбала
Маму в гости позвала,
Чтобы с ней на глубине
Поболтать наедине.

Мама рано поднялась,
Мама быстро собралась,
А папа за детишками
Остался наблюдать —
Их надо было разбудить,
Одеть,
Умыть,
И накормить,
И вывести гулять.

Только мама за порог —
Малыши с кроватей скок,
Стулья хватъ,
Подушки хватъ —
И давай воевать!

Долго сонный осьминог
Ничего понять не мог.
Желтый сын
Сидит в графине,
По буфету скачет синий,
А зеленый на люстре качается,
Ничего себе день начинается!

А близнецы, близнецы
Взяли ножницы
И иголкой острою
Парус шьют из простыни.

И только полосатый
Один сидит в сторонке
И что-то очень грустное
Играет на гребенке,
Он был спокойный самый,
На радость папы с мамой.

— Вот я вам сейчас задам! —
Крикнул папа малышам. —
Баловаться отучу!
Всех подряд поколочу!

Только как их отучить,
Если их не отличить?
Все стали полосатыми,
Ни в чем не виноватыми!

Пришла пора варить обед,
А мамы нет,
А мамы нет.
Ну а папа —
Вот беда! —
Не готовил никогда!
А впрочем, выход есть один.
И папа мчится в магазин:
— Я рыбий жир
Сейчас куплю
И ребятишек накормлю.
Им понравится еда!

Он ошибся, как всегда.
Ничто так не пугает мир,

Как всем известный
Рыбий жир.

Никто его не хочет пить —
Ни дети и ни взрослые,
И ребятишек накормить
Им, право же, не просто.

Полдня носился с ложками
Отец за осьминожками:
Кого ни разу не кормил,
В кого пятнадцать ложек влил!

Солнце греет
Пуще печки,
Папа дремлет
На крылечке,

А детишки-осьминожки
Что-то чертят на дорожке:
— Палка,
Палка,
Огуречик,
Вот и вышел человечек,
А теперь
Добавим ножек —
Получился осьминожек!

Тишина на дне морском.
Вот пробрался краб ползком.
Круглый, словно сковородка,
Скат проплыл, за ним треска.
Всюду крутится селедка,
Несоленая пока.

Словом, все теперь в порядке.
Но какой-то карапуз

Где-то раздобыл рогатку
И давай стрелять в медуз.
Папа изловил стрелка
И поколотил слегка.

А это был вовсе
Не папин сынок,
А просто соседский
Чужой осьминог.

И папа чужой
Говорит очень строго:
— Я своих маленьких
Пальцем не трогаю.
С вами теперь поквитаться хочу.
Дайте я вашего поколочу.

— Ладно, берите
Какого хотите,
Только не очень-то уж
Колотите.

Выбрал себе осьминог малыша
Взял и отшлепал его не спеша,
Только глядит —
А малыш темно-синий
Стал почему-то вдруг
Белым как иней.
И закричал тогда папа чужой:
— Батюшки-светы,
Да это же мой!
Значит, мы шлепали
Только моих..
Так что теперь
Вы должны мне двоих!

Ну, а в это время
Дети-осьминожки
Стайкою носились
За одной рыбешкой...
Налетели на порог
И запутались в клубок.
Папы стали синими.
Папы стали белыми:
— Что же натворили мы,
Что же мы наделали?
Перепутали детишек
И теперь не отличишь их!
Значит, как своих ушей
Не видать нам малышней!

— Вот что, —
Говорит сосед, —
Выхода другого нет!
Давайте мы их попросту
Разделим пополам:
Половину я возьму,
А половину — вам.

— УРА! УРА!
УРА! УРА! —
Если б не безделица:
Девятнадцать пополам,
Кажется, не делится.

Устали, измучились
Обе семейки
И рядышком сели
На длинной скамейке,
Ждут:
— Ну когда ж
Наши мамы вернуться?
Мамы-то в детях
Своих разберутся.

Память

— Я не зря себя хвалю,
Всем и всюду говорю,
Что любое предложение
Прямо сразу повторю.

— «Ехал Ваня на коне,
Вел собачку на ремне,
А старушка в это время
Мыла кактус на окне».

— Ну о чем тут говорить?
Стал бы я себя хвалить.
Мне историю про Ваню
Очень просто повторить:

Ехал Ваня на коне,
Вел собачку на ремне,
Ну, а кактус в это время
Мыл старушку на окне.

Ехал кактус на коне,
Вел собачку на ремне,
А старушка в это время
Мыла Ваню на окне.

Ехал Ваня на окне,
Вел старушку на ремне,
Ну, а кактус в это время
Мыл собачку на коне.

Знаю я, что говорю.
Говорил, что повторю,
Вот и вышло без ошибок,
А чего хвалиться зрю?

Недоверчивая баллада

Великий король
Недоверчивым был,
Поэтому всюду
Секретность вводил.
Он клятвам не верил,
Не верил словам,
А верил бумагам,
Печатам, правам.

Однажды король
Искупался в пруду,
И так получилось —
Попал он в беду.
Пока он купался,
Плескался, нырял,
Какой-то бродяга
Одежду украл.

Вот к замку подходит
Великий король,
Стоит у ворот
И не помнит пароль.
Быть может, «винтовка»,
Быть может, «арбуз»...
Ну надо ж, такой
Получился конфуз!

Но все же охранник
Впустил короля —
Король ему сунул
Четыре рубля,
Решив про себя:
«Погоди, фараон!
Я все отберу,
Когда сяду на трон!»

Потом он решает:
«Пойду-ка к жене,
Скажу ей, чтоб выдала
Справочку мне.
Пускай не надето
На мне ничего,
Узнает жена
Короля своего!»

Но тут наступил
Щекотливый момент.
Жена говорит:
— Предъяви документ.
Быть может, ты право
Имеешь на трон,
А может быть, ты —
Иностранный шпион.

Король собирает
Придворную знать:
— Должны наконец, вы, ребята,
Меня опознать!
А ну-ка, взгляните
На этот портрет!
Ну что, я похож
На него или нет?

Из массы придворных
Выходит одни:
— Не можем мы вас
Опознать, гражданин.
На этом портрете
Король молодой,
А вы, посмотрите, —
Совсем уж седой!

Король прямо с места
На площадь помчал
И очень там долго
Народу кричал;
— А ну, отвечай мне,
Любимый народ,
Король я тебе
Или наоборот?

Народ совещался
Четыре часа.
Ругался, плевался,
Затылки чесал.
Потом говорит:
— Может, ты и король,
Но только ты нас
От ответа уволь.
Не видели мы
Короля своего.
В закрытой карете
Возили его.
Кого там возили —
Тебя или нет,
Ответить не можем.
Таков наш ответ.

Узнав, что народ
Отказал наотрез,
Король разозлился
И в драку полез.
Потом заметался,
Забегал в слезах
И умер буквально
У всех на глазах.

У старого замка
Тропинка бежит,

А рядом с тропинкой
Могилка лежит.
Кто там похоронен?
Отвечу, изволь,
В могилке лежит
Неизвестный король.

С тех пор пробежало
Две тысячи лет,
И к людям теперь
Недоверия нет.
Сейчас вам на слово
Поверит любой,
Конечно, когда у вас
Справка с собой.

Птичий рынок

Птичий рынок,
Птичий рынок...
Золотым июньским днем
Между клеток и корзинок
Ходим с папою вдвоем.

Видим — рыбки продаются,
Плавники горят огнем.
Мы на рыбок посмотрели
И решили, что берем!

Раздавал котят бесплатно
Симпатичный продавец.
На котят мы посмотрели,
Посмотрели,
Посмотрели —
И забрали наконец.

Тут нам белку предложили.
— Сколько стоит?
— Пять рублей. —
На нее мы посмотрели,
Посмотрели,
Посмотрели —
Надо взять ее скорей!

И совсем перед уходом
Мы увидели коня.
На него мы посмотрели
Посмотрели,
Посмотрели,
Посмотрели,
Посмотрели...
И купили для меня.

А потом пошли домой,
Всех зверей забрав с собой.
Вот подходим к нашей двери.
Вот решили постучать.
Мама в щелку посмотрела,
Посмотрела,
Посмотрела,
Посмотрела,
Посмотрела...
И решила: не пускать!

Птичий рынок — 1

Птичий рынок,
Птичий рынок...
Сдвинув шапку набекрень,
Между клеток и корзинок
Ходит парень целый день.

Ходит, птицу продает,
Только птица не поет,
И никто за эту птицу
Ни копейки не дает.

Ходит парень,
Морщит лоб,
Вдруг о землю
Шапкой хлоп:
— Налетайте всем базаром,
Забирайте птицу даром!

Удивляется народ,
Но и даром не берет:
Для чего ее неволить,
Если птица не поет?

Думал-думал продавец
И решился наконец:
Клетку наземь опустил,
Птицу взял и отпустил.

Растерялась пленница —
Видно, ей не верится:
Только что сидела в клетке,
А теперь сидит на ветке.

Посмотрела на народ,
А потом как запоет!
Чудо-песню,
Диво-песню
Молча слушал весь базар.
Продавец забыл про сдачу,
Покупатель — про товар.
Старшина — про беспорядки,
Ротозен — про перчатки.

В песне той
Звенели льдинки
И звучало торжество.
В этот день
На птичьем рынке
Не купил я
Ничего!

Разгром

Мама приходит с работы,
Мама снимает боты,
Мама проходит в дом.
Мама глядит кругом.

— Был на квартиру налет?
— Нет.
— К нам приходил бегемот?
— Нет.
— Может быть, дом не наш?
— Наш,
— Может, не наш этаж?
— Наш.
Просто приходил Сережка,
Поиграли мы немножко.

— Значит, это не обвал?
— Нет,
— Значит, слон не танцевал?
— Нет.
— Очень рада. Оказалось,
Я напрасно волновалась,

Рыболов

За город начал
Рыбак собираться.
Удочку взял,
Чтобы рыбу ловить.
Взял дождевик,
Чтобы им укрываться.
Взял самовар,
Чтобы чай кипятить.

Взял он кровать,
Чтобы спать на кровати.
Взял он ковер,
Чтоб на нем загорать.
Взял он дрова,
Чтоб ему не искать их.

Взял чемодан —
Почему бы не взять?

Взял керогаз,
Полотенце,
Мочалку,
Книги,
Журналы,
Кресло-качалку,
Лампу,
Ружье,
Сапоги,
Одеяло.
Взял он собаку,
Чтоб все охраняла.
Ровно две тысячи
Нужных вещей
Стал он укладывать
В лодке своей.

Лодка качнулась,
Воды зачерпнула,
Перевернулась
И вмиг утонула.

Ровно неделю потом
Из реки
Вещи вытаскивали
Рыбаки.

И говорили:
— Послушай, чужак,
Ты кто угодно,
Но не рыбак.
Ведь для хорошего
Для рыбака
Удочка только нужна
И река!

Рыжий

Если мальчик конопат,
Разве мальчик виноват,
Что родился рыжим, конопатым?
Но, однако, с малых лет
Пареньку прохода нет,
И кричат ехидные ребята:

— Рыжий! Рыжий! Конопатый!
Убил дедушку лопатой —
А он дедушку не бил,
А он дедушку любил.

Вот он к деду. Ну, а дед
Говорит ему в ответ:

— У меня ведь тоже конопушки!
Если выйду я во двор,
Самому мне до сих пор
Все кричат ехидные старушки:

«Рыжий! Рыжий! Конопатый!
Убил дедушку лопатой».
А я дедушку не бил,
А я дедушку любил.

В небе солнышко горит
И мальчишке говорит:
— Я ведь тоже рыжим уродилось.
Я ведь, если захочу,
Всех подряд раззолочу.
Ну-ка посмотри, что получилось!

Рыжий папа! Рыжий дед!
Рыжим стал весь белый свет!
Рыжий! Рыжий! Конопатый!
Убил дедушку лопатой!..

А если каждый конопат,
Где на всех набрать лопат?!

Сердитый день

Дела мои весьма плохи:
Не получают стихи.
Я все по комнате хожу
И все на улицу гляжу.

И небо сердито, и ветер сердит,
Сердитый старик на скамейке сидит,

А с тротуара,
И важен и строг,
Смотрит сердито
Сердитый бульдог.

Тащится мальчик
С портфелем в руке.
Видно, он двойки
Несет в дневнике...

Все рассердилось,
И сам я сержусь,
Наверно, в писатели
Я не гожусь.

Но вот авторучку
Схватила рука,
И за строкой
Побежала строка.

И все по-другому
Окрасилось вмиг:
Веселое небо,
Веселый старик.
Веселое солнце
В веселом окне.
Веселый бульдог
Улыбается мне.

Скачет мальчишка
С портфелем в руке:
Значит, пятерки
Несет в дневнике.
Каждый мне весел
И каждый мне друг.
Смотришь — и книжка
Получится вдруг.

Про Сидорова Вову

Вышло так, что мальчик Вова
Был ужасно избалован.
Чистенький и свеженький,
Был он жутким неженкой.

Начиналось все с рассвета:
— Дайте то! Подайте это!
Посадите на коня.
Посмотрите на меня!

Мама с помощью бабушки
Жарит ему оладушки.
Бабушка с помощью мамы
Разучивает с ним гаммы.
А его любимый дед,
В шубу теплую одет,
Час, а то и все четыре
Ходит-бродит в «Детском мире».
Потому что есть шансы
Купить для мальчика джинсы.

Мальчика ради
Тети и дяди
Делали невозможное:
Пекли пирожное,
Дарили наперегонки
Велосипеды и коньки.

Почему? Да очень просто.
Делать тайны не хотим.
В доме было много взрослых,
А ребенок был один.

Но сейчас бегут года
Как нигде и никогда.
Год прошел,
Другой проходит...
Вот уже пора приходит
В Красной армии служить,
С дисциплиною дружить.
Вова в армию идет
И родню с собой ведет.

В расположение части
Пришел он и сказал:
— Здрасьте!
Это вот сам я,
А это вот мама моя.

Мы будем служить вместе с нею,
Я один ничего не умею.

Дали маршалу телеграмму:
«Призывник Сидоров
Привел с собой маму.
Хочет с ней вместе служить».

Адъютант не рискнул доложить.
Час прошел, другой...
Увы!
Нет ответа из Москвы.
— Ладно, — сказал командир полка,
Так уж и быть, служите пока.

В тот же день за мамой вслед
В части появился дед,
Бабушка с подушкой
И тетя с раскладушкой:
— Ребенок без нас пропадет.
На него самолет упадет!

И все служили умело,
И всем отыскалось дело.

Вот представьте: полигон,
Утро, золото погон.
Солнце, музыка, и вот
Вовин взвод идет в поход.

Первым, весел и здоров,
Идет сам Вова Сидоров.
Без винтовки и пилотки —
Он винтовку отдал тетке.
И батон наперевес —
Как устанет, так и ест.
Рядом с ним идут упрямо
Тетя, бабушка и мама.
Бабушка — с подушкой,
Тетя — с раскладушкой:
— А вдруг он устанет с дороги?
Чтоб было где вытянуть ноги.

И немного в стороне
Дед на вороном коне
Прикрывает левый флаг.
Правый прикрывает танк.

Так они за метром метр
Прошагали километр.
Мама видит сеновал
И командует:
— Привал!

Бабушка с дедом
Занялись обедом
И Вове понемножку
Дают за ложкой ложку:

— Ты за маму съешь одну,
Еще одну — за старшину.
Ну и за полковника
Не менее половника.

Только кончился обед —
Сразу начался совет
О походах и боях
И о военных действиях.

— Так, кого мы пошлем в разведку?
— Разумеется, бабу и деду.
Пусть они, будто два туриста,
Проползут километров триста,
Чтоб узнать где стоят ракеты
И где продают конфеты.

— А кто будет держать оборону?
— Позвоните дяде Андрону.
Он работает сторожем в тресте
Всех врагов он уложит на месте.
— Ну, а Вова?
— Пускай отдохнет.
Он единственный наша отрада.
Охранять нам Володеньку надо.
Дайте маме ручной пулемет.

Так что Вова Сидоров
Вырос просто будь здоров!
В двух словах он был таков:
Глуп, ленив и бестолков.

Хорошо, что другие солдаты —
Совершенно другие ребята.
Могут сутки стоять в дозоре...
Плыть на лодке в бушующем море...
В цель любую попадут
И никогда не подведут.

Были б все, как и он, избалованными,
Быть бы нам уж давно завоеванными.

Смешной слоненок

Одну простую сказку,
А может, и не сказку,
А может, не простую
Хочу я рассказать.
Ее я помню с детства,
А может, и не с детства,
А может, и не помню,
Но буду вспоминать.

В одном старинном парке,
А может, и не в парке,
А может, в зоопарке
У мамы с папой жил
Один смешной слоненок,
А может, не слоненок,
А может, поросенок,
А может, крокодил.

Однажды зимним вечером,
А может, летним вечером
Он погулять по парку
Без мамы захотел.
И заблудился сразу же,
А может, и не сразу же
Уселся на скамеечку
И громко заревел.

Какой-то взрослый аист,
А может, и не аист,

А может, и не взрослый,
А очень молодой
Решил помочь слоненку,

А может, поросенку,
А может, крокодилчику,
И взял его с собой.

— Вот это твоя улица?
— Вот это моя улица.
А может быть, не эта,
А может, не моя.

— Вот это твоя клетка?
— Вот это моя клетка.
А может, и не эта,
Не помню точно я.

Так целый час ходили,
А может, два ходили
От клетки до бассейна
Под солнцем и в пыли.
Но дом, где жил слоненок,
А может, поросенок,
А может, крокодилчик,
В конце концов нашли.

А дома папа с бабушкой,
А может, мама с дедушкой
Сейчас же накормили
Голодного сынка,
Слегка его погладили,
А может, не погладили,
Слегка его пошлепали,
А может, не слегка.

Но с этих пор слоненок,
А может, поросенок,
А может, крокодилчик
Свой адрес заучил
И помнит очень твердо,
И даже очень твердо.
Я сам его запомнил,
Но только позабыл.

Страшная история

Мальчик стричься не желает,
Мальчик с кресла уползает,
Ногами упирается,
Слезами заливается.
Он в мужском и женском зале
Весь паркет слезами залил.
А волосы растут!

Парикмахерша устала
И мальчишку стричь не стала.
А волосы растут!
А волосы растут!

Год прошел,
Другой проходит...
Мальчик стричься не приходит:
А волосы растут!
А волосы растут!

Отрастают, отрастают,
Их в косички заплетают...
— Ну и сын, — сказала мать,
Надо платье покупать.

Мальчик в платьице гулял,
Мальчик девочкою стал.
И теперь он с мамой ходит
Завиваться в женский зал.

Что едят дети

В жизни я видел немало картинок.
Однажды собака мой съела ботинок,
Но это был случай
Не самый могучий.

Мальчик Вова пяти лет
Съел автобусный билет.
Папа деньги заплатил,
А он взял и проглотил.
Тут, опасен и хитер,
Вдруг заходит контролер.
И как только он заходит,
Сразу с Вовы глаз не сводит.
— Ваш билетик.
— Нет билета.
— Ох, не нравится мне это.
Значит, вам несдобровать,
Значит, будем штрафовать.
Дайте тысячу рублей
И глядите веселей.

Бедный папа так и сел:
— Наш билет ребенок съел.
Мы всегда с билетом едем.
Только он сегодня съеден.

Но, опасен и хитер,
Рассмеялся контролер:

— Я не верю вам, родитель,
Вы неправду говорите.
Я сто лет живу на свете,
Но не помню, чтобы дети...
Чтоб они билеты ели.
Ну, котлеты, ну, тефтели...
Но у нас в Стране Советов
Люди не едят билетов.

Все вокруг как загаддят:
— Нет, едят, едят, едят...
— Например, мой внук Антон,
Он все время ест картон.

— А наш Петенька, к примеру,
Ест опилки и фанеру.
Если щепочка лежит,
Он сейчас же прибежит.

— А у нас такое было!
Наш ребенок скушал мыло.
Испугался мальчуган —
Взял и спрятался в чулан:
За закрытыми дверями
Час плевался пузырями.

И сказал водитель с места:
— Моя дочь
Почти невеста.
Ей уже, наверно, пять,
Надо мужа выбирать.
А она жует окурки
И кусочки штукатурки.
А мой сын — Роман Романыч,
Он съедает соску за ночь.
И почти заплакал он
В микрофон.

В этот миг контролер
От растерянности
Потерял половину уверенности:
— Впрочем, может,
Я не прав.
Я могу уменьшить штраф. —
А автобус весь расцвел
И такую речь повел:

— А у нас один ребенок
Съел пятнадцать
Штук пеленок.
Коврик, одеяло
И сказал, что мало.

— А у нас есть мальчик Витя.
Он такой, что извините.
Он затеял драку
И укусил собаку.
— А у нас один сосед
Взял и съел велосипед.
Представляете, ребенок
По кусочкам съел «Орленок»!
— Видно, в доме не хватало
Витаминов и металла.

— В наш колхоз «Передовик»
Как-то въехал грузовик.
Мы товары разгружали.
Тут ребята прибежали
Все объели до колес.
Шофер пролил море слез.

— Но не шофер, а шофер.
— Он от слез чуть не помёр.

— Не помёр, а помер!
— Я же вам не Гомер!
— Да, не Гомер, а Гомер!
— У меня от вас тремер
— Не тремер, а тремер!
— Приведите премер.
— Но не премер, а пример.
— Я ж сказал, я — не Гомер.
— Не Гомер, а Гомер...
— Тыфу ты! Что б ты помер!

— А у нас случилось так —
Наши дети съели танк.
Танк — он тоже ведь в металле.
Налетели, обглодали...
Очень быстро, очень чисто
Обглодали до танкиста.

Тут подходит остановка.
Контроллер крутнулся ловко,
Посмотрел на всех вокруг.
Да и вывалился вдруг:
— Обойдусь я без ихнего
Рублика,
Это очень опасная публика.

Песня Бабы-яги

— Про Бабу-ягу
Говорят очень глупо:
Нога костяная,
Метелка да ступа.
И руки кривые,
И зубы торчком,

И нос очень длинный
И загнут крючком.

Я облик сложившийся
Быстро разрушу:
Прошу заглянуть
В мою чистую душу.
И там вы такие откроете дали,
Каких никогда и нигде
Не видали.
В душе я добра,
Хороша, справедлива...
Не так чтобы очень,
Но все же красива.
И в каждом я только
Хорошее вижу.
Я даже козявку
В душе не обижу.
Но если внутри я добра
И прекрасна,
То сверху, снаружи,
Хитра и опасна.
Я в жизни любого из вас
Одолею,
А то и убью...
Но в душе пожалею...

Троллейбус

Троллейбус всю неделю
По городу катался.
Троллейбус за неделю
Ужасно измотался.
И хочется троллейбусу

В кровати полежать,
Но вынужден троллейбус
Бежать,
Бежать,
Бежать.

Везет,
Ввезет троллейбус
Людей,
Людей,
Людей.
И все его торопят:
— Скорей,
Скорей,
Скорей! —
Но сколько ни спешил он
И как он ни старался,
Никто ему спасибо
Сказать не догадался.

Вот снова остановка,
И вот опять бульвар.
Бежит, бежит
Троллейбус,
Спешит, спешит
Троллейбус,
А слезы так и катятся
И катятся из фар.

Приложение. Анекдоты

Колобок дерется с Чебурашкой.

Чебурашка говорит: "Чур по ушам не бить!" А Колобок отвечает: "Чур по голове тоже!"

* * *

Приходит Чебурашка в магазин и говорит: "Дайте мне килограмм пипильсинов." Продавец отвечает: "Не пипильсинов, а апельсинов. Еще раз так скажешь, я тебе уши к стене гвоздями прибью!" На следующий день Чебурашка опять пришел в магазин. Пришел и говорит: "А у Вас есть гвоздики?" — "Нет", — отвечает продавец. "Ну тогда дайте мне килограмм пипильсинов".

* * *

Чебурашка:

- Ген, а Ген, я похож на новогоднюю елку?
- Нет. А почему ты спрашиваешь?
- Просто старуха Шапокляк сказала, что скоро придет и навешает мне кренделей.

* * *

Чебурашка и крокодил Гена на свалке. Чебурашка говорит:

- Давай играть? Ты закроешь глаза и будешь угадывать, что я положил тебе в рот.
- Давай. — Закрыв глаза, открыл пасть.
- "Сникерс"?
- Нет.

- "Марс"!
- Нет!
- "Баунти"?
- Нет!
- А что же?
- "Тампакс"!

* * *

Едут на мотоцикле Чебурашка с Геной. Чебурашка спрашивает:

- Почему кошелек называется кошельком?
- Давай назовем его кирпич.
- А почему деньги называются деньгами ?
- Давай назовем их косточки.

Останавливает их милиционер:

— Платите штраф за превышение скорости. Чебурашка:

— Гена, доставай кирпич, сейчас косточки считать будем.

* * *

Крокодил Гена и Чебурашка продают колбасу. Подходит покупатель:

- Ваша колбаса свежая?
- Да, конечно, прямо со свалки.

* * *

Гена говорит Чебурашке:

— Смотрю я на тебя, Чебурашка, да и не знаю: с чем тебя поздравлять? То ли с 23 февраля, то ли с 8 Марта?

* * *

К Гене подбегает Чебурашка:

- Ген, а Ген, там человеки яму копают!
- Не человеки, а люди.

Через несколько минут Чебурашка снова подбегает:

- Ген, а Ген, там один люд в яму упал!

* * *

Сидят около дома Гена с Чебурашкой, скучают. Чебурашка предлагает:

— Гена, давай играть в митинг! Ты будешь оратором, а я буду толпой.

— Ну давай.

Гена стал на крыльцо и давай толкать речь. Вдруг ему прямо по морде кирпичом — бац!

— Чебурашка, это ты кинул? — спросил Гена, оглянувшись.

— Нет! Это кто-то из толпы!

* * *

Чебурашка выбегает во двор и кричит:

— Гена, а Гена, скажи: пластилин или не пластилин?
Гена:

-Да отстань ты!

— Ну, Ген, скажи: пластилин или не пластилин?

— Отстань, ушастый.

— Ну Геночка, — пластилин или не пластилин?

— Да пластилин, пластилин...

Чебурашка в полном недоумении:

— А как же он у меня в штанах оказался?!

* * *

Чебурашка спрашивает у Гены:

— Гена, копейка -это много или мало?

Гена:

— Мало, совсем ничего.

Чебурашка:

— Ну тогда столтник отвали! ,

* * *

Пьяный Чебурашка встретил старуху Шапокляк и говорит:

— А ты еще неплохо выглядишь, Красная Шапочка!..

* * *

В драке крокодилу Гене выбили зубы.
Теперь Чебурашка развлекается, раскалывая орехи его вставной челюстью.

* * *

Залезли Чебурашка и крокодил Гена на крышу. Чебурашка говорит:

— Гена, давай в лошадки поиграем!

Начали играть в лошадки. Бегали, бегали по крыше. Гена споткнулся и полетел вниз. Чебурашка смотрит ему вслед:

— Больше в лошадки не поиграем. Гена, кажется, копыта отбросил.

* * *

Идет Чебурашка, за ним бежит зеленая ящерица. Прохожие спрашивают:

— Что это за ящерица за тобой бежит, Чебурашка?

— Это не ящерица. Это крокодил Гена из зоны вернулся.

* * *

На берегу озера лежит крокодил Гена и курит анашу. Подходит Чебурашка, просит:

— Гена, дай покурить! Ну, дай...

— Тебе нельзя, ты еще маленький, — говорит крокодил.

— Ой, Гена, милиция едет! — кричит Чебурашка. Гена все бросил и в воду. Через некоторое время вылезает и видит: лежит Чебурашка и курит анашу.

— Ой, Ген, я балдею, когда ты ныряешь.

* * *

Крокодил Гена и Чебурашка спят в своих кроватях. Вдруг Гена вскакивает и кричит:

— Не дадим опорочить завоевания Октября!

Через некоторое время опять:

— Позор американским агрессорам!

Чебурашка просыпается:

— Ген, а Ген! Ведь говорил тебе: не ешь столько коммунистов на ночь!..

* * *

Крокодил Гена просыпается с похмелья:

— Чебурашка, миленький, подай воды.

— Как сегодня, так Чебурашка, а как вчера нажрался — так "жопа с ушами".

* * *

Чебурашка пристаёт к крокодилу Гене:

— Ген, дай тысячу на видео!

— Отстань.

— Ну, Ген, дай...

Дал ему Гена тысячу. Возвращается Чебурашка, достаёт рогатку:

— Ну ты, сопля зеленая, руки вверх!

* * *

Не приняли Гену и Чебурашку в пионеры. Они обиделись и решили отомстить. Встретили на улице пионера. Чебурашка подходит:

— Пионер, где твоя пилотка?

А Гена сзади по голове канализационным люком пионера — хрясь!

— А вот его пилотка!

Так повторилось несколько раз. Но вот попадаетея им пионер в пилотке. Чебурашка:

— Пионер, а где твой барабан?

Гена сзади с люком:

— А вот его барабан!

* * *

Ползут по пустыне два унитаза. Один говорит другому:

— Ген, а Ген! Давай приколуемся к той черепахе!

— Не надо, Чебурашка. Мы уже к старику Хоттабычу приколупались.

* * *

Чебурашка спрашивает у Гены:

— Ген, а что можно купить на одну копейку?

— Отстань, Чебурашка, некогда!

— Ну, Ген, — не унимается Чебурашка, — ну скажи!

— Отстань!

— Ну скажи, Ген!

— Да все можно купить, все, — не выдержал Гена.

Чебурашка пошел в магазин и все купил.

* * *

Чебурашка подбегает к Гене и кричит:

— Гена, Гена, нам прислали посылку — десять апельсинов, по восемь штук каждому!

— Как же это по восемь, их же всего десять?

— Не знаю, не знаю, Гена, а я свои восемь съел.

* * *

Чебурашка говорит Гене:

— Ген, у Шапокляк кто-то родился с длинным зеленым носом, хвостом и коричневыми ушами. Правда, мы не виноваты?

* * *

Решил Гена подшутить над Чебурашкой. Встал на стульчик, привязал к крюку на потолке веревку и повесил петлю на шею. Входит Чебурашка и со словами: "Гена повесился! Да на моем любимом стульчике!" — выхватил стульчик из-под Гены.

* * *

Сидит крокодил Гена на скамеечке и кряхтит. Подходит Чебурашка:

— Ген, ты чего?

— Да вот, на гвоздь сел...

— Так пересядь скорее!

— Да ничего, я скоро привыкну...

Литературно-художественное издание

Успенский Эдуард Николаевич

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том девятнадцатый

Автор серийного оформления
Евгений Поликашин

Корректор *Е. Самолетова*
Компьютерная верстка *П. Никонов*

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «ЭКСМО»
обращаться в рекламное агентство «ЭКСМО». Тел. 234-38-00

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1

Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2

Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgl@logosgroup.ru
contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». Губернская книжная ярмарка.

М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.

т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Книжный магазин издательства «ЭКСМО»

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «ЭКСМО».
Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

ISBN 5-04-010190-2

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.03.2002.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Букман».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,6.

Тираж 7000 экз. Заказ 3153.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

1863 года Июня 1го г.
Григорьевъ въ 10 ч. с. Акт
на гласъ въ 1863 г.
Отецъ Крестный Андрей
и сынъ Николай Владиміръ
и сынъ Григорій. Въ 10 ч.
Въ 10 ч. 1863 г. Дн
Крестный Андрей. Мухоморъ
и сынъ Григорій. -
Григорій и Николай. Мухоморъ.

1865 года Июня 15го г.
Григорьевъ въ 10 ч. с. Мария
и сынъ Григорій. Мухоморъ
и сынъ Николай Владиміръ
и сынъ Григорій. Въ 10 ч.
Въ 10 ч. 1865 г. Дн
Крестный Андрей. Мухоморъ
и сынъ Григорій. Мухоморъ
и сынъ Григорій. Мухоморъ.

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Эдуард Успенский

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Из собрания анекдотов про Чебурашку

Гена говорит Чебурашке:

- Смотрю я на тебя,
Чебурашка, и не знаю:

с чем тебя поздравлять?

То ли с 23 февраля,

то ли с 8 марта?..

Чебурашка говорит Гене:

- Ген, у Шапокляк кто-то
родился - с длинным зеленым
хвостом, хоботом

и коричневыми ушами.

Ген, правда мы не виноваты?

Антология Сатиры и Юмора России XX века